КОЛЛЕКЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

Урсула
ЛЕ ГУИН

Сказания Земноморья

ДВА НОВЫХ РОМАНА ИЗ ЗНАМЕНИТОГО ЦИКЛА

Урсула
ЛЕ ГУИН

Сказания Земноморья

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Урсула
ЛЕ ГУИН
Сказания
Земноморья

Урсула
ЛЕ ГУИН

Сказания Земноморья

•

На иных ветрах

Москва
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Урсула

ЛЕ ГУИН

Сказания Земноморья

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7США)
Л 33

Ursula K. LE GUIN
TALES FROM EARTHSEA
Copyright © 2001 by Ursula K. Le Guin
THE OTHER WIND
Copyright © 2001 by Ursula K. Le Guin
Публикуется с разрешения автора и ее литературного агента
Virginia Kidd Agency (США)

Ле Гуин У.
Л 33 Сказания Земноморья: Фантастические произведения/ Пер. с англ. И. Тогоевой. — М.: Эксмо, 2007. — 640 с.

ISBN 978-5-699-07249-1

В эту книгу вошли романы «Сказания Земноморья» и «На иных ветрах», завершающие знаменитый цикл о Земноморье, который поставил Урсулу Ле Гуин в ряды выдающихся мастеров фэнтези наряду с Дж. Р. Р. Толкиеном и К.Льюисом. В замысловатом лабиринте сказочной страны Земноморье немудрено и заблудиться, но ведомому фантазией и талантом Урсулы Ле Гуин читателю не грозит столь незавидная участь. Продуманный до мелочей, раскрашенный сочными красками мир заключает в себе неповторимое обаяние, под власть которого уже попали миллионы любителей фантастики во всем мире.

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-07249-1

© Перевод. И. Тогоева, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Предисловие

Завершая роман «Техану», свою четвертую книгу о Земноморье, я почувствовала, что действие ее происходит «здесь и сейчас». И, как это случается и в реальном мире, я совершенно не могла представить себе, что же будет дальше. Я могла догадываться, предполагать, опасаться, надеяться, но я НЕ ЗНАЛА.

Итак, будучи не в состоянии продолжать рассказывать историю жизни Техану (потому что эта жизнь еще не завершилась) и считая — что было довольно глупо с моей стороны, — что любовная история Геда и Тенар достигла того момента, после которого обычно живут «долго и счастливо», я и дала роману «Техану» подзаголовок: «Последнее из сказаний о Земноморье».

О, как я была глупа, как глупы порой бывают писатели! Понятие «здесь и сейчас» ведь очень подвижно. Даже в пределах одной истории, одного сна, одного «когда-то давным-давно». Это понятие никогда не имеет точного значения «тогда-то».

Лет через семь или восемь после выхода в свет «Техану» меня попросили написать еще одну историю о Земноморье. И стоило мне лишь взглянуть на знакомые некогда очертания островов и Пределов, как я поняла, что пока я о Земноморье совершенно даже и не думала, там постоянно что-то происходило, и теперь самое время вернуться туда и выяснить, что же там творится СЕЙЧАС.

Кроме того, мне захотелось выяснить, как обстояли дела в Земноморье в иные, более давние времена, задолго до рождения Геда и Тенар. Меня давно уже озадачивали многие тамошние проблемы, касавшиеся как всего Зем-

номорья в целом, так и деятельности волшебников с острова Рок. Интересовали меня и некоторые особенности поведения драконов, а также многое другое. И вот, чтобы разобраться в текущих событиях, мне пришлось сперва заняться историей и какое-то время провести в Центральном архиве Архипелага.

Единственный способ, с помощью которого писатель может исследовать историю несуществующего государства, — это попытаться рассказать о некоем конкретном событии и посмотреть, что из этого получится. По-моему, почти тем же способом пользуются и настоящие историки, то есть те, которые занимаются так называемым реальным миром. Даже если мы оказываемся очевидцами того или иного события, то способны ли мы полностью оценить его, осознать его значение? Способны ли хотя бы просто вспомнить его детали — пока не расскажем о нем кому-нибудь? Расскажем свою собственную версию всей этой истории, разумеется... Ну а что касается событий, связанных с такими временами и местами, которые находятся за пределами нашего времени и нашего личного опыта, то тут нам ничего иного и не остается, кроме историй, рассказанных об этих событиях другими людьми. В конце концов, все события прошлого существуют ведь только в чьей-то памяти, а память — это всего лишь разновидность воображения. Событие может быть реальным только ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС; но как только оно переходит в категорию «былого», его реальность или нереальность полностью зависит от нас, рассказчиков; зависит от нашей памяти, нашей энергии и нашей честности. И если мы позволим тому или иному событию выпасть из нашей памяти, то лишь воображение способно оживить хотя бы последний отблеск того, что некогда было реальностью. Если же мы начнем сознательно лгать, представляя прошлое в виде таких картин и историй, какие нам самим больше нравятся, и придавая историческому событию такое значение, какое нас больше устраивает, то это будет самая обыкновенная фальсификация. Тащить прошлое за собой сквозь время в заплечных мешках мифологии и истории — занятие не из легких; но, как утверждает

Лао-Цзы, мудрые люди путешествуют налегке, положив свой багаж на повозку и шагая с нею рядом.

Если вы создаете или воссоздаете некий мир, которого никогда не существовало, но который тем не менее имеет свою историю (абсолютно вымышленную, разумеется), то исследование такой истории носит несколько иной характер, хотя основной посыл и технология обработки фактов остаются примерно теми же, что и у историков, занимающихся миром реальным. То есть вы рассматриваете имеющие место факты и явления и пытаетесь понять, почему это так, а не иначе; вы слушаете рассказы аборигенов, наблюдаете за их действиями и очень серьезно думаете обо всем этом, а потом пытаетесь по возможности честно рассказать о том, что видели и слышали, стремясь, чтобы рассказанное вами имело определенный исторический смысл и вес.

Пять историй, собранных в данной книге, так или иначе продолжают исследование (или, если хотите, описание) того мира, который был создан в первых четырех романах о Земноморье. В общем, это истории совершенно самостоятельные, но все равно их лучше читать после того, как вы прочитаете сами романы: будет больше толку.

В «Искателе», например, речь идет о временах весьма далеких; о том, что происходило лет за триста до описанных в романах о Земноморье событий; о так называемых Темных Временах. В этой же истории рассказывается и о происхождении некоторых обычаев и институтов Архипелага и Пределов. «Кости Земли» — это рассказ о тех магах, что были учителями учителей Геда; и основная мысль этой истории: одного, даже самого могущественного, мага недостаточно, чтобы остановить землетрясение. «Темная Роза и Диамант» повествует о том, что могло бы случиться на островах Земноморья в любой момент в течение последних двух-трех веков, ибо это история любви, а любовь, как известно, не знает пределов ни во времени, ни в пространстве. Рассказ «На Верхних Болотах» имеет отношение к тем кратким, но весьма богатым событиями шести годам, в течение которых Гед был Верховным Ма-

Карта Земноморья,
выполненная Урсулой Ле Гуин
собственноручно
Hoge Land
Borch
Ilvrath
Rogmy
Osskil
Ebosskil
Sea of Ea
Hille
Derhemen
Narreduen
Selidor
Gate of Selidor
Onon
Paln
Taon
Sedgy
Ully
Risk
Usidero
Getil
Ontuego
Ingat
The Dragons
Kup
The West Reach
Pendor
The Inmost Sea
Roke
Ensmer
Kaltuel
Arrins
Near Kaltuel
Simply
Falt Kaltuel
Obb
Jessage
Wathort
The Sand Isles
Lorbanery
Obehol
Rood
The South Reach
Toom
Far Sorr
The Long Dune
Wellogy

The Whale Isles
Kamekame
Chemish
Lef
North Femins
South Femins
Sark
Bereswek
The Allernats
The North Reach
Femins
The Andelades
Brandrad
Andrad
Oranés
Perregal
Gont
Kemeer
Port Spevy
Barnisk
Torheven
The Kargad Lands
Hur-at-Hur
Atuan
Karego-At
The Torikles
Yesk
Way
Falcons
Raymard
Penlane
Outer Imman
The Hands
Yemish
Sabrins
Vor
Venway
The East Reach
Snag
Far Toly
Koppish
Ilfish
Tok
Insmer
Korp
Holp
Kopp
Rola-myeny
The Sellets
Soders
Ilny
Namien
Sowl
Misk
Sat
Dunnel
Wasny
Shoals
The Great South
Isle of the Ear
Pelimer
Grosk
Kornay
Astowell

гом Земноморья. И, наконец, в последней истории, «Стрекоза»[1], говорится о том, что происходило через несколько лет после описанных в финале романа «Техану» событий. Это некий мостик между «Техану» и следующим романом «Иной ветер». Этакий «Драконов мост».

Чтобы памяти моей было легче перемещаться вверх и вниз по временной оси, сквозь годы и века, по возможности не нарушая порядка событий и стараясь свести противоречия и всяческие несуразицы к минимуму, я решила, работая над этой книгой, пользоваться (по мере сил, разумеется) более четкой методологией, для чего постараться систематически изложить накопленные мною знания о народах Архипелага и Пределов и их истории в очерке «Описание Земноморья». Функции этого очерка родственны функциям той самой первой большой карты Земноморья, которую я изобразила более тридцати лет назад, начиная работать над «Волшебником...», когда мне просто необходимо было понять, какой остров где находится и как отсюда попасть туда — как во времени, так и в пространстве.

Поскольку подобные вымышленные факты — например, карты воображаемых миров — представляют для некоторых читателей вполне реальный интерес, я включила этот очерк в состав данной книги и поместила его в самом конце. Заново составляя географическую карту Земноморья, я, к своему великому счастью, обнаружила в Архиве Хавнора одну очень старую карту, которую и скопировала.

Тридцать лет минуло с тех пор, как я начала писать о Земноморье, и, разумеется, изменилась и я сама, и те люди, что читают теперь мои книги. Время всегда несет перемены, но наше время отличается особенно сильными и быстрыми моральными и ментальными трансформациями. Архетипы превращаются в безжалостные жернова, самые простые вещи невероятно усложняются, хаос

[1] Английские слова *dragon* и *dragonfly* являются однокоренными, так что детское прозвище главной героини Стрекоза (Dragonfly) носит дополнительный смысл, ибо впоследствии эта девушка превращается в дракона. (*Прим. пер.*)

почему-то становится привлекательным и даже считается «элегантным», а общепризнанные истины оказываются плодом вымысла или простой привычки отдельных людей.

Все это тревожно. Ибо, даже испытывая восторг от отсутствия застоя, от непрерывных перемен, от блеска сменяющих друг друга электронных устройств, мы все же всегда стремимся душою к некоему постоянству, к чему-то незыблемому, неизменному. Мы обожаем старинные предания именно благодаря их неизменности. Артур спит вечным сном на острове Авалон. Бильбо может совершать путешествия «туда и обратно», но и «туда» — это всегда в обожаемый знакомый мир: в графство Под Горой или страну За Холмом. Дон Кихот по-прежнему всегда готов сразиться с ветряными мельницами... Так что люди, в сущности, стремятся в царство фантазии именно в поисках стабильности, в поисках неизменных древних истин, ясности и простоты.

И капиталистические предприятия с готовностью их этим обеспечивают. Спрос, как говорится, порождает предложение. Фантазия становится товаром, отраслью промышленности.

Превращенная в товар, фантазия рисковать не желает: она более ничего не изобретает и не импровизирует, но, напротив, старательно имитирует и упрощает. И все чаще старинные сказки и легенды лишаются своей изначальной интеллектуальной и этической ценности и сложности, активные действия героев превращаются, по сути дела, в насилие, сами герои — в тупых марионеток, а изрекаемые ими истины — в сентиментальную пошловатую банальность. Герои размахивают своими мечами, лазерами, волшебными палочками совершенно механически, стремясь лишь добиться цели и получить искомую выгоду — в точности как комбайн в поле, старательно, до последнего колоска, убирающий урожай. В высшей степени странные, если не сказать тревожные, даже аморальные действия почему-то оправдываются, их всячески стараются представить понятными и безопасными. Истории, в которые рассказчики некогда вкладывали всю душу, механически копируются и оснащаются стереозвуком. На-

родная мудрость низводится до положения детской игрушки, сделанной из яркой пластмассы, широко разрекламированной, проданной, сломанной, починенной... Да и вообще легко заменимой на новую.

И главное, на что рассчитывают подобные упростители фантазии (и нещадно эксплуатируют это) — на мощную, почти немыслимую силу воображения читателя, ребенка или взрослого, способную вдохнуть жизнь даже в мертвые предметы «сказочной индустрии», во всяком случае, в некоторые из них и хотя бы ненадолго.

Воображение, как и все живое на свете, существует только «здесь и сейчас», только благодаря истинным переменам и только за их счет. Подобно нашим поступкам и нашему имуществу и воображение наше тоже может быть кооптировано, извращено, испорчено, но оно умудряется выжить даже после подобной коммерческой и дидактической обработки. Земля переживет любые империи. Завоеватели способны оставить пустыню там, где были густые леса и зеленые луга, но выпадет дождь, и реки опять потекут к морю, и снова вырастет трава, и потянутся вверх деревья. Нестабильные, недостоверные, переменчивые «тридевятые царства» — это такая же часть человеческой истории и мысли, как различные и вполне реальные государства в наших атласах, хотя политические карты частей света меняются с поистине калейдоскопической быстротой, так что некоторые из «тридевятых царств» куда более долговечны.

Мы давно уже существуем в двух мирах — реальном и воображаемом. Но ни в одном из них мы не чувствуем себя так, как наши родители или тем более наши далекие предки. Способность быть очарованным меняется не только с возрастом, но и в зависимости от эпохи.

Теперь нам уже известно не менее дюжины самых различных Артуров, и все они представляются вполне достоверными. Мир Под Холмом и За Холмом невероятно изменился со времен Бильбо. Дон Кихот направил своего коня в Аргентину и повстречался там с Хорхе Луисом Борхесом. Plus c'est la même chose, plus ça change. (Чем больше одно походит на другое, тем больше они отличаются (*фр.*).)

Вернувшись в Земноморье, я с необыкновенной радостью обнаружила, что оно никуда не делось, что там все мне по-прежнему знакомо, но все же изменилось и продолжает меняться. Оказывается, в некоторых случаях произошло совсем не то, что я думала, да и люди тоже немного не те или не совсем такие, какими, как мне казалось, они должны были бы стать, и, что смешнее всего, я попросту заблудилась среди островов, названия которых вроде бы знала наизусть.

Так что перед вами отчет о моих последних исследованиях и открытиях. Эти истории о Земноморье — для тех, кто когда-то действительно любил или думает, что мог бы полюбить тамошние места; а также для тех, кто готов согласиться со следующими положениями, которые мне удалось вывести:

— все на свете меняется;

— авторам книг и волшебникам не всегда следует доверять;

— никто не может объяснить поступков и мыслей дракона.

У.Л.Г.

ИСКАТЕЛЬ

I. Темные Времена

Это первая страница «Книги Темного Времени», написанной шестьсот лет назад в Бериле на острове Энлад:

«После гибели Эльфарран и Морреда, когда дивный остров Солеа погрузился в пучину морскую, Земноморьем правил Совет Мудрецов, пока не был коронован и не взошел на трон малолетний Серриадх. Правление Серриадха было ярким, но недолгим. Королей, что поочередно сменили его на троне Энлада, было семь, и королевство в эти годы мирно процветало и расширяло свои границы. А потом на западные острова стали все чаще совершать свои опустошительные налеты драконы, и волшебники не раз бились с ними, тщетно пытаясь противостоять их атакам. Именно тогда король Акамбар перевел королевский двор из Берилы, что на острове Энлад, в порт Хавнор, столицу этого огромного острова. Он собрал там огромный флот и послал его против тех, кто угрожал королевству с восточной стороны — пиратов Каргада. Ему удалось отогнать их далеко на восток, но карги продолжали свои набеги; их корабли заплывали даже во Внутреннее море. Из четырнадцати королей, сидевших на троне Хавнора, последним был Махарион, который сумел заключить мир как с драконами, так и с каргами, но за это ему пришлось уплатить очень высокую цену. Ну а когда было сломано Кольцо Рун и Эррет-Акбе погиб вместе с Великим Драконом, когда Махарион Храбрый был предан и убит, жителям Архипелага стало казаться, что ничего хорошего от жизни ждать больше не стоит.

Многие стремились тогда занять трон Махариона, да только никто не сумел на нем удержаться, и бесконечные ссоры и споры претендентов разрушили всякие понятия о верности и чести. От былого благополучия и столь успешно развивавшейся торговли не осталось и следа; понятие «справедливость» было забыто; миром стали править богачи, жаждавшие только наживы. Объявить себя лордом, правителем мог любой — и представитель благородного семейства, и купец, и пират, — лишь бы у него были деньги, чтобы нанять воинов и волшебников, готовых ему служить. Такие «правители» без конца предъявляли свои права на острова и города, воевали между собой, а жителей захваченных земель превращали в рабов. По сути дела, их наемники тоже были рабами, жизнь и безопасность которых целиком и полностью зависит от хозяина. Соперничавшие друг с другом правители стремились только к собственному обогащению — захвату земель и уничтожению противника. А жителям островов помимо всего прочего постоянно угрожали морские пираты, которые совершали налеты на все порты Земноморья, а также большие и маленькие отряды сухопутных бандитов, не признающих никаких законов жалких людишек, которых нужда и голод заставили стать на путь грабежа и преступлений».

«Книга Темного Времени» была написана в самом конце того периода, о котором она повествует, и представляет собой компиляцию из весьма противоречивых, а то и прямо противоречащих друг другу источников: различных легенд и преданий, фрагментов жизнеописаний и искаженных сказителями исторических трактатов. Однако это самое лучшее письменное свидетельство того, что пережили обитатели Земноморья в Темные Времена. Жаждавшие славы, а не соблюдения исторической правды в летописях, воинственные «правители» сжигали те книги, в которых бедный и не имеющий ни знатности, ни власти герой оказывался способен обрести реальное могущество только благодаря собственным добродетелям.

Но если в руки таких «правителей» попадали книги из библиотеки какого-нибудь волшебника, мудрые старин-

ные книги, то с такими книгами обращались очень осторожно; обычно их прятали куда-нибудь подальше и запирали на ключ, чтобы не нанести им вреда. А кое-кто из правителей-пиратов просто отдавал старинные книги волшебнику из собственной свиты и предоставлял тому поступать с ними по своему разумению. На полях этих книг, полных заклинаний и списков подлинных имен, а также на последних пустых листах волшебник или его ученик записывали порой сведения о чуме, голоде или налете пиратов или об очередной смене «правителей»; там же они записывали и те заклинания, которые им удалось составить во время подобных событий, а также краткие сообщения о том, насколько эти заклинания оказались успешными. Такие отрывочные записи очень важны, они как бы приоткрывают завесу времени над тем или иным конкретным моментом или событием, даже если все остальное по-прежнему кроется во мгле. Эти заметки похожи на мелькающий где-то далеко в море освещенный корабль, едва видимый в ночи сквозь завесу дождя.

Ну и, конечно, есть еще старинные песни, лэ и баллады; лучше всего они сохранились на небольших островах, а также в тихих и малонаселенных горных районах Хавнора. Из них тоже многое можно узнать об этом мрачном периоде.

Порт Хавнор — это столица не только острова, но и всего Земноморья, самое его сердце. Белые башни этого дивного города высоко вздымаются над водами гавани; и на самой высокой башне укреплен меч Эррет-Акбе, в клинке которого отражаются как первый луч восхода, так и последний луч заката. Великий Порт представляет собой средоточие всей торговой и деловой жизни Архипелага, здесь сходятся все морские пути, здесь также расположены многочисленные центры знаний и умений жителей Земноморья — огромное богатство, добытое отнюдь не на войне и никогда не хранившееся под замком. Здесь находится и королевский трон, на котором наконец-то восседает настоящий король Земноморья, по праву занявший этот трон после воссоединения Кольца Мира и в знак этого воссоединения. И еще в этом городе совсем недавно жители островов разговаривали с драконами, что тоже, безусловно, является знаком перемен.

Хавнором называется также и самый большой остров Земноморья. Это поистине Великий остров; обширны и богаты его земли. Но надо сказать, что во внутренних селениях страны, далеких от моря и новых веяний, где мирные земледельцы возделывают свои поля на склонах величественной горы Онн, ничто и никогда не меняется слишком быстро. Там бережно хранят любую песню, если она достойна того, чтобы ее петь, так что даже самые старые из этих песен, вполне вероятно, будут спеты еще не раз. Там старики в таверне говорят о Морреде так, словно хорошо знали его в годы своей собственной молодости; и они, похоже, уверены, что и сами тогда были настоящими героями. Там юные девушки по дороге на пастбище рассказывают истории о женщинах с островов, которые называются Руки; эти истории давным-давно забыты повсюду, даже на острове Рок, но здесь, меж тихих, залитых солнцем горных троп, их еще помнят и особенно часто рассказывают на кухне у очага, где, как и повсюду, женщины любят посидеть и поболтать за рукоделием.

Когда в Земноморье еще правили настоящие короли, маги и волшебники часто собирались во дворце Хавнора на Совет, дабы совместно с правителем страны принять то или иное решение, объединив все свои искусства и умения во имя достижения той цели, которую они сочли достойной. Но в Темные Времена волшебники стали торговать своим искусством и продавали свои знания и умения тому, у кого толще кошелек и больше власть, а могущество свое частенько использовали в сражениях друг с другом. Они устраивали настоящие и очень жестокие поединки, которые вели как с помощью оружия, так и с помощью колдовства, совершенно не заботясь о том, какое зло этим приносят всем окружающим. Впрочем, «не заботясь» — это еще мягко сказано. Чума и прочие страшные эпидемии, голодные годы и ушедшие под землю источники воды, страшная засуха, когда за лето не выпадало ни капли дождя, и мучительные холода, когда казалось, что лето вообще никогда не наступит, рождение больных и уродливых детенышей у скота — овец, коров и лошадей —

и рождение больных и уродливых детей у жителей островов — вот к чему привела «беззаботность» волшебников, и люди очень часто стали связывать все свои несчастья с деятельностью именно этих людей, обвиняя во всех напастях прежде всего обыкновенных деревенских колдунов и ведьм.

Так что в итоге колдовством стало просто опасно заниматься, особенно если не имеешь могущественного покровителя. Но даже если такой покровитель у волшебника и имелся, во время поединка, столкнувшись с более сильным противником, он мог сильно пострадать, лишиться волшебной силы или просто погибнуть. Собственно, волшебник, утративший бдительность, вполне мог погибнуть и от руки самого обычного человека, ибо простые люди именно ведьм, колдунов и волшебников считали источником тех страшных бед, что выпали на их долю в Темные Времена, порождением зла, да и всю магию без разбора воспринимали как нечто черное, злое.

Особенно туго приходилось, конечно, простым деревенским колдунам и ведьмам. Женщины, занимавшиеся ведовством, повсеместно приобрели самую дурную репутацию, от которой не сумели избавиться и до сих пор. Да уж, ведьмы сторицей заплатили за свои профессиональные знания и умения, которые, кстати, почти всегда использовали на пользу людям! Забота о беременных женщинах и домашних животных, травничество и акушерство, обучение людей, особенно детей, старинным песням и правилам общежития, забота о плодородии почвы, о порядке в поле, в саду и в огороде, основная роль в строительстве домов, забота о семье и хозяйстве, лозоходство и нахождение не только водных источников, но и месторождений различных руд и других полезных ископаемых и их добыча, а также многое другое — все это было в ведении женщин. И за долгие столетия ведуньями была собрана богатейшая сокровищница различных заклинаний и чар, которые должны были обеспечить успех во всех перечисленных выше делах. Знания эти всегда переходили от одной ведьмы к другой и в народе пользовались заслуженным уважением. Впрочем, если что-нибудь бывало «не так» во время, скажем, родов или полевых работ, это

всегда ставили в вину ведьмам. А теперь «не так» бывало гораздо чаще, чем «так», поскольку враждующие между собой волшебники использовали яды и проклятия, совершенно не считаясь с другими людьми, желая лишь одержать сиюминутную победу над соперником и совершенно не думая о ее последствиях. Они вызывали засухи, бури и пожары, губительные болезни растений и страшные эпидемии во всем Земноморье, и в итоге во всем этом оказывались виноваты деревенские ведьмы! А иная ведьма и понятия не имела, почему ее замечательное исцеляющее заклятие вдруг превращает обычную рану в страшную гангренозную язву; почему ребенок, которому она так удачно помогла появиться на свет, родился идиотом; почему ее искреннее благословение приводит к тому, что зерно гниет в борозде, а яблоки — на ветке дерева. Но ведь должен же был кто-то нести ответственность за все эти беды? Тем более, чтобы наказать ведьму или колдуна, далеко ходить было не нужно — они жили в той же деревне или в том же городе, а не где-то в замке или крепости жестокого правителя-пирата, защищенных отрядами вооруженных людей и могущественными заклятиями. Колдунов и ведьм топили в отравленных колодцах, сжигали на пустующих и не дающих урожая полях, хоронили заживо, дабы мертвая земля вновь ожила и стала плодородной...

Вот почему редко кто из ведьм или колдунов продолжал заниматься своим ремеслом и уж тем более — передавать свои знания другим. Те, кто так и не отрекся от своей профессии, чаще всего были либо изгоями, либо полусумасшедшими калеками, не имевшими семьи, старыми и одинокими — этим людям уже почти нечего было терять в жизни. По-настоящему мудрые ведьмы и колдуны, которым многие доверяли и к которым все без исключения относились с должным уважением, теперь уступили место услужливым хитрецам, вооруженным не мудростью, а лишь набором расхожих «заклятий» и жалких «фокусов»; отовсюду тут же повыползли всякие старые «знахарки» с их зельями, которые способны были разве что усилить и без того господствующие повсюду жадность, зависть и злобу. А если родители замечали, что их ребенок с детства

одарен талантом волшебника, то изо всех сил старались скрыть это, ибо таких талантливых детей боялись особенно сильно и судьба их могла стать постине трагической.

Я расскажу вам одну из подобных историй. Частично она взята из «Книги Темных Времен»; кое-что добавлено жителями горных селений, расположенных на склонах горы Онн и в лесах Фалиерна. Если постараться, то и из кажущихся разрозненными кусочков и фрагментов вполне можно составить достаточно достоверную историю, хотя это, конечно, будет одновременно и вымысел, основанный на слухах, домыслах и догадках. Я хочу рассказать вам, как был основан Дом Мудрецов на острове Рок, а если Великие Мастера Рока скажут, что это происходило совсем не так, то пусть сами и поведают нам, как это было в действительности. Ибо черные тучи скрывают те времена, когда остров Рок впервые стал называться Островом Мудрецов, и вполне возможно, что именно мудрецы-волшебники и приложили к этому руку.

II. Выдра

У ручья как-то выдра одна жила,
Обличье любое принять могла,
Знала заклятия все и законы,
Могла говорить с людьми и драконами.
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Выдра был сыном мастера-кораблестроителя, работавшего в порту Великого Хавнора. Но такое имя, Выдра, мальчику дала мать; она была родом из селения Эндлейн, что расположено на северо-западных отрогах горы Онн, и в столицу пришла просто в поисках работы, как и многие другие. Это было семейство в высшей степени благопристойное, занятое весьма уважаемым ремеслом, однако был у корабела и его жены повод тревожиться, ибо с некоторых пор стало очевидно, что их сынишка обладает неким магическим даром, который отец все время старался из него выбить.

— С тем же успехом ты мог бы поколотить тучу за то,

что она не вовремя дождь приносит! — упрекала его мать Выдры.

— Смотри, как бы он не озлобился из-за твоих колотушек, — предостерегала тетушка.

— Осторожней! Не то парнишка возьмет да с помощью какого-нибудь заклятия твоим же ремнем тебя и удушит! — посмеивался дядюшка.

Но родные зря беспокоились: мальчик и не думал никому делать гадости или подшучивать над отцом. Он молча сносил побои и учился скрывать свой дар.

Впрочем, сам он этот дар ни в грош не ставил. Ему было достаточно подумать, и серебристый свет разливался в темной комнате, сама собой отыскивалась потерявшаяся заколка для волос, и распутывалась запутавшаяся шерсть, стоило ему коснуться клубка да что-то прошептать, а потому он никак не мог взять в толк, с чего это родные так волнуются, ведь все это сущие пустяки. Но отец, особенно на него зливший из-за подобных «пустяков», как-то раз даже сильно ударил его прямо по губам, чтобы впредь за работой с шерстью не разговаривал, а работал молча и с помощью обычных инструментов.

Мать пыталась вразумить мальчика более мягко.

— Ну, представь, — говорила она, — вот нашел ты, скажем, огромный бриллиант. И что таким беднякам, как мы, с ним делать прикажешь? Разве что спрятать! Ведь те, у кого денег достаточно, чтобы этот бриллиант купить, запросто могут и отнять его у тебя силой, а тебя самого убить. Так что лучше спрячь-ка свой дар подальше. И особенно остерегайся великих людей и всяких «ловкачей», что у них на службе состоят!

«Ловкачами» в те дни называли магов и волшебников.

Одно из магических умений — это умение распознавать себе подобных. Настоящий волшебник всегда узнает волшебника, если только тому не удалось скрыть свою истинную сущность уж очень изощренно и умело. А мальчик по прозвищу Выдра еще никакими такими умениями не владел, зато уже очень неплохо разбирался в строительстве лодок и прочих судов и считался весьма многообещающим учеником, хотя ему еще и двенадцати не исполнилось. И вот зашла к ним однажды та повитуха,

что помогла Выдре появиться на свет, да и говорит его родителям:

— Пусть Выдра как-нибудь вечерком, после работы, заглянет ко мне. Пора ему учиться петь наши священные песни и готовиться к празднику имяположения.

В этом не было ничего предосудительного, ибо именно эта знахарка недавно обучила всему необходимому старшую сестру Выдры, которая уже получила свое Истинное имя, так что родители стали вечерами посылать к ней мальчика. Однако, будучи все же ведьмой, повитуха учила Выдру не только старинным песням эпохи Созидания. Она чувствовала, хоть и довольно смутно, сколь значителен талант этого ребенка. И сама эта знахарка, и многие подобные ей люди, колдуны, целители, ведьмы, немало помогавшие людям, но зачастую имевшие весьма сомнительную репутацию, — все они, имея хоть и небольшой волшебный дар, чуяли его и в других и втайне делились друг с другом теми знаниями и умениями, какие имели, и бережно их хранили. «Магический дар без знаний — все равно что корабль без руля», — говорили они Выдре и учили его всему, что знали сами. Знания у них были небольшие, однако в них все же содержались определенные начатки великих магических искусств; и Выдра, хоть ему и было стыдно обманывать родителей, не мог не тянуться к этим знаниям, не мог не ответить на дружелюбно-восхищенное отношение своих убогих учителей. «Эти уроки не принесут тебе ни малейшего вреда, но никогда не используй полученные знания во вред кому-то другому», — говорили они ему, и он с легкостью пообещал им это.

На берегу речки Серренен у северной городской стены, в месте тихом и уединенном, повитуха шепнула Выдре его Истинное имя, осуществив обряд имяположения, и это имя до сих пор хорошо помнят волшебники даже на островах, весьма далеких от Хавнора.

Среди знакомцев деревенской знахарки был один старик, которого они промеж себя называли почему-то «Метаморфоз» и говорили, что он владеет искусством превращений. Старик действительно научил Выдру нескольким иллюзиям, а когда мальчику было лет пятнадцать, отвел

его как-то в поле на берег Серренен и научил тому единственному Высшему Заклятью, которое было ему известно.

— Сперва попробуй-ка превратить этот куст в дерево, — так начал он свой урок, и, когда Выдра с легкостью создал эту иллюзию, старик отчего-то страшно встревожился. Мальчику пришлось долго просить и даже умолять его, чтобы он согласился учить его дальше. Наконец Выдра пообещал колдуну, поклявшись своим Истинным именем, что если тот научит его своему Великому Заклятью, то он, Выдра, воспользуется им только в том случае, если нужно будет спасти чью-то жизнь — свою собственную или кого-то другого.

Свое обещание старик выполнил, но Выдра решил, что и в этих знаниях особой пользы нет — ведь и магические знания, и свой талант ему приходится скрывать.

То, чему он учился, работая с отцом и дядей на верфи, он по крайней мере мог использовать открыто, и его открыто хвалили или ругали. Выдра явно обещал стать в ближайшем будущем отличным мастером, это признавал даже его отец.

В Хавноре в те годы — а также в тех местностях, что прилегали к столице с юга и востока, — правил морской пират Лозен, сам себя провозгласивший Королем Внутреннего моря. Собирая дань с богатых земель своего «королевства», он все больше увеличивал свое войско и все больше кораблей посылал в чужие страны с самыми что ни на есть пиратскими целями: грабить население и захватывать рабов. Как насмешливо говорил дядя Выдры, Лозен в своей алчности не давал корабелам скучать, и они были ему даже благодарны: ведь у них постоянно была работа, и жили они неплохо в такие времена, когда столько честных людей лишались заработка и могли прожить только нищенством. Во дворце Махариона шныряют полчища крыс, говорил отец Выдры, что уж там говорить об остальном; а их семейство занимается честным трудом! А уж для чего там используются результаты этого труда и мастерства — не их ума дело!

Однако те, совсем иные знания, которые получал Выдра во время своих тайных уроков, сделали его весьма

чувствительным ко всякой реальной угрозе. Он понимал, например, что огромная галера, которую они строят сейчас, скорее всего, отправится завоевывать чужие земли, и на веслах в ней будут сидеть рабы Лозена, а обратно в качестве живого груза она тоже доставит рабов... Выдре было тошно даже подумать о том, что такой замечательный корабль будет служить грязным работорговцам.

— Почему бы нам не строить обыкновенные рыбачьи суда, как раньше? — спрашивал он отца, и тот отвечал ему:

— А что могут рыбаки заплатить нам?

— Ты хочешь сказать, что они не могут заплатить нам так же хорошо, как Лозен. Но на жизнь-то хватило бы, — возразил Выдра.

— Даже если и так, неужели ты думаешь, что я могу отказаться от заказа самого правителя Хавнора? Или, может, ты хочешь, чтобы меня вместе с другими рабами приковали к веслу на той галере, которую мы строим? Пошевели-ка мозгами, парень!

Так что Выдра работал вместе с отцом и дядей, и голова его оставалась ясной, а в сердце жил гнев. Они были в западне. Какой прок в волшебном могуществе, думал он, если ты, обладая им, не можешь даже из западни выбраться?

Душа корабельного мастера никогда не позволила бы ему испортить что-то в устройстве самого корабля; но душа прирожденного волшебника твердила ему, что он может заколдовать судно, вплести заклятие прямо в его мачты и корпус. И это, безусловно, было бы использование тайных знаний в самых лучших целях! Он был уверен, что это так. Даже если при этом он кому-то и навредил бы. Но навредить тому, кто наносит всем жителям островов такой огромный ущерб, было бы только справедливо! Выдра ни с кем не стал обсуждать свои планы. Если он что-то сделает неправильно, то учителя его тут ни при чем; им даже знать о его намерениях ни к чему. Он долго обдумывал, как ему поступить, прикидывал так и этак, очень осторожно составлял заклятие. Это было как бы отыскивающее заклятие наоборот: «заклятие утраты нужного направления», как он называл его про себя. Такой корабль будет, безусловно, отлично держаться на воде и

слушаться руля, но никогда не будет слушаться руля так, как следовало бы.

Это было самое лучшее, что Выдра мог сделать, протестуя против использования таких хороших мастеров и такого хорошего корабля для грязных дел. Он был доволен собой. Когда корабль спустили на воду (и все шло прекрасно, ибо волшебство должно было сработать, только когда судно будет в открытом море), Выдра все-таки не сумел скрыть от своих учителей, что он сотворил. Разве мог он не рассказать о своей проделке этим несчастным старикам, простым повитухам, и тому молодому горбуну, который умел говорить с мертвыми, и той слепой девушке, которая знала столько подлинных имен вещей? Он рассказал им все, и слепая девушка радостно засмеялась, но старики дружно сказали: «Смотри! Будь осторожен! Не болтай лишнего и постарайся скрыться».

На службе у Лозена был один человек, который называл себя Легавым, потому что, как он говорил, у него особое чутье на всякие колдовские штучки и он всегда выйдет на след колдуна или ведьмы. Он был обязан, например, обнюхивать еду и питье Лозена, а также его одежду и одежду приходивших к нему женщин — ибо все это могли бы использовать против него враги, точнее волшебники, находившиеся на службе у его врагов; Легавый также всегда внимательно осматривал боевые корабли своего повелителя. Корабль в такой опасной стихии, как море, становится порой очень хрупким и на редкость уязвимым для всяческих заклятий и колдовства. И как только Легавый взошел на борт новой галеры, он тут же кое-что почуял.

— Так, так, — сказал он, — и кто же автор? — Он подошел к рулевому колесу и положил на него руку. — Умно, — заметил он. — Но все-таки кто же автор? Похоже, какой-то новичок. — Он еще потянул носом воздух и с удовлетворением отметил: — Очень, очень умно!

Они пришли на улицу Корабелов уже в темноте. Ногами вышибли дверь и ввалились в дом, а Легавый, за плечами которого толпились вооруженные люди в боевых доспехах, сказал:

— Его. Остальных можете оставить в покое. — И прибавил, обращаясь уже непосредственно к Выдре: — Не вздумай бежать. — Но сказал это тихо и почти дружелюбно. Он чуял в юноше великую силу, настолько могущественную, что даже немного его опасался. Но горькая растерянность Выдры была слишком велика, а знаний и умений у него было еще слишком мало, чтобы он даже подумать мог о том, чтобы с помощью магии освободиться или хотя бы помешать этим людям проявлять такую жестокость. Он просто бросился на них и дрался, точно обезумевший зверек, до тех пор, пока они не стукнули его чем-то тяжелым по голове. Отцу Выдры они сломали челюсть, а мать и тетку избили до потери сознания, чтобы проучить и чтобы впредь не вздумали воспитывать таких «чересчур ловких» мальчишек. А потом они утащили Выдру прочь.

На узкой улочке ни одна дверь даже не приоткрылась. Никто не выглянул, чтобы посмотреть, что за шум, что происходит у соседей. И прошло немало времени после того, как вооруженные люди увели Выдру, когда кто-то из соседей все же решился выползти из своего логова и попытаться в меру своих сил утешить его родных. «Ах, какое проклятие — это волшебство!» — говорили они.

Легавый объявил своему хозяину, что человек, наложивший на корабль заклятие, находится взаперти и в надежном месте, и Лозен спросил:

— А на кого он работал?

— Он работал на вашей верфи, мой король. — Лозен любил, когда его так называли.

— Дурак, я желаю знать, кто велел ему наложить заклятие на мое судно?

— Это, похоже, была его собственная идея, мой король.

— Но откуда она взялась? Какой ему от всего этого прок?

Легавый только плечами пожал. Он не решился сообщить Лозену, как сильно ненавидят его люди.

— Так ты говоришь, он очень ловок? Можешь ли ты его как-то использовать?

— Я могу попробовать, ваше высочество.

— Ну так приручи его или уничтожь, — заявил Лозен и занялся другими делами, которые казались ему более важными.

Скромные учителя Выдры научили его быть гордым. И от всей души презирать тех волшебников, что работают на таких, как Лозен, позволяя страху или алчности превращать волшебство в злодеяние. С точки зрения Выдры, ничто не могло быть отвратительнее подобного предательства по отношению к своему искусству и мастерству. Так что его весьма беспокоило то, что презирать Легавого он не мог.

Его сунули в кладовую одного из тех старых дворцов, которые теперь считались собственностью Лозена. В кладовой не было окон, а дверь, прочная, дубовая, окованная железом и укрепленная заклинаниями, способна была помешать выбраться оттуда и гораздо более опытному волшебнику. Лозен содержал целую армию весьма искусных и могущественных магов.

Легавый, впрочем, отнюдь не считал себя волшебником. «Все, что у меня есть, это мой нос», — говорил он. Он каждый день заходил к Выдре посмотреть, как тот оправляется после удара по голове и вывиха плеча, и поговорить с ним. И был, насколько мог видеть Выдра, настроен по отношению к нему вполне дружелюбно.

— Если ты не захочешь на нас работать, тебя убьют, — сказал он. — Лозен не может держать у себя таких, как ты. Так что лучше тебе пойти к нему в услужение, если он предложит.

— Я не могу.

Выдра заявил об этом скорее с сожалением, чем с уверенностью. И Легавый посмотрел на него с уважением. Живя в доме правителя-пирата, он безумно устал от угроз, от хвастунов и грубых хамов.

— А в чем ты сильнее всего?

Выдра ответил не сразу. И, хотя Легавый ему почти нравился, он вовсе не собирался ему доверять.

— В изменении формы, — пробормотал он наконец неохотно.

— Неужели в настоящих превращениях?

— Нет, в обычных иллюзиях. Например, могу зеленый листок превратить в золотой слиток. Как будто.

В те дни еще не было определенных названий различных видов волшебства и магических искусств, да и связь между этими искусствами и умениями еще не была достаточно ясна. Еще не существовало, как говорили впоследствии мудрецы с острова Рок, никакой науки для тех знаний, которыми они обладали. Но Легавый отлично понимал, что его пленник просто скрывает свои таланты.

— Так, значит, сам ты не можешь ни во что превратиться по-настоящему? Или хоть понарошку?

Выдра пожал плечами.

Ему было очень трудно лгать. Он считал, что врет так неуклюже, потому что не имеет подобного опыта. Но Легавый был куда опытнее и умнее его. Он понимал, что магия сама по себе сопротивляется неправде. Плетение заклятий, фокусы, ловкость рук и сомнительные трюки с мертвецами — все это лишь подделка, а не настоящая магия. Это всего лишь отражение в зеркале истинного бриллианта; бронза, которая притворяется золотом. Все они лжецы, и ложь процветает среди них. Однако искусство магии, хотя его тоже можно использовать неправильно, имеет дело с тем, что истинно, реально, и те слова, которыми пользуются настоящие маги и волшебники, являются словами Истинной Речи. Так что настоящим волшебникам обычно очень трудно соврать, особенно в том, что касается их искусства. В душе они всегда сознают, что любое сказанное ими лживое слово способно переменить мир.

Легавый даже испытывал жалость по отношению к Выдре.

— Знаешь, если бы тебя допрашивал Геллук, ему было бы достаточно произнести одно-два слова, и он вытащил бы наружу все твои знания, а заодно и твой разум. Я не раз видел, ЧТО остается после допросов нашего старого Белолицего. Послушай, а ты совсем не умеешь управлять ветрами?

Выдра, поколебавшись, ответил:

— Немного умею.

— А мешок у тебя есть?

Умеющие заклинать ветер обычно носили с собой кожаный мешок, в котором, как они утверждали, они держат ветры и который демонстративно развязывали или завязывали, чтобы, например, выпустить на волю «хороший» ветер или, наоборот, загнать внутрь ветер «плохой». Возможно, этот мешок был всего лишь чисто внешним атрибутом, и все же у каждого заклинателя ветров такой мешок имелся, у кого большой и длинный, у кого совсем маленький, точно кошель.

— Он дома, — сказал Выдра. И это не было ложью. У него действительно дома был кожаный мешок, в котором он хранил свои инструменты резчика и уровень. Да и по поводу умения заклинать ветры он также не лгал. Несколько раз ему удавалось поймать волшебный ветерок и заставить его надуть паруса, хотя он понятия не имел, как бороться с настоящей бурей или хотя бы сдерживать ее, а это, конечно же, настоящий заклинатель ветров должен уметь. Но он подумал, что лучше уж утонуть в морской пучине, чем быть убитым в этой проклятой дыре.

— Но ты ведь не захочешь использовать это умение на службе у короля?

— В Земноморье нет короля, — сурово и непреклонно заявил юноша.

— Ну, на службе у моего хозяина, — терпеливо поправился Легавый.

— Нет, — ответил Выдра и заколебался. Он чувствовал, что обязан кое-что объяснить этому человеку. — Понимаешь, здесь важнее мое «не могу», чем «не хочу». Я подумывал, не сделать ли мне затычки в обшивке корабля, поближе к килю — понимаешь, о чем я? Они бы сработали, когда судно вышло в открытое море, да еще при приличной волне. — Легавый кивнул. — Но я не сумел сделать это. Я ведь корабел! Я не могу построить корабль только для того, чтобы он потом утонул! Да еще вместе с теми, кто будет у него на борту. Мои руки никогда не смогут сделать такое. Вот я и сделал то, что мог.

Я заставил судно плыть, куда оно само захочет. Но не туда, куда захочет он.

Легавый улыбнулся.

— Они, между прочим, корабль до сих пор еще не расколдовали, — заметил он. — Старый Белолицый вчера весь день ползал вокруг него на коленях, ворча и ругаясь. Приказал, чтобы заменили руль. — Он говорил о главном маге Лозена, бледнолицем человеке с севера по имени Геллук, которого все в Хавноре очень боялись.

— Это ничего не изменит.

— А ты можешь снять то заклятие, которое наложил на корабль?

Усталое измученное лицо юного Выдры осветила самодовольная улыбка.

— Нет, — сказал он. — И я не думаю, что кто-нибудь еще это сможет.

— А вот это уже совсем плохо. Между прочим, ты мог бы воспользоваться своим умением, чтобы поторговаться с ними.

Выдра промолчал.

— Ну вот, например, такой нос, как у меня, — вещь очень полезная при заключении сделок, — продолжал между тем Легавый. — Не то чтобы я стремился с кем-то соревноваться, но тот, кто ищет, всегда найдет, как говорится... Ты когда-нибудь в шахту спускался?

Догадки магов порой куда ближе к знанию, даже если маг и не очень ясно представляет себе, какие знания он получил. Первым признаком одаренности Выдры, проявившимся, когда ему было года два-три, была его способность идти прямо к любому предмету, который считался потерянным: оброненному случайно гвоздю, положенному не туда, куда следует, инструменту. Он находил любую вещь, как только узнавал и выучивал то слово, которым эта вещь обозначается в разговоре. И в детстве одним из самых любимых его занятий было бродить в одиночестве по лесам и полям, чувствуя босыми ногами и всем телом подземные источники, рудные жилы и скопления, каменные слои и различные вкрапления в гранитной породе. Это было похоже на прогулки по огромному зданию, где он разглядывает бесчисленные комнаты, коридоры и лестницы, ведущие в просторные подземелья, где блестят на стенах серебряные подсвечники. И чем дальше он уходил, тем больше ему начинало казаться, что тело его сливается с телом земли, что он чувствует каждую ее жилку, каждый орган, каждый мускул — как свой собственный. Этот дар в детстве приносил ему огромную радость. Но Выдра никогда не искал ему никакого применения. Этот дар был его тайной.

И на вопрос Легавого он не ответил.

— Что там, у нас под ногами? — Легавый указал на пол, выложенный грубой сланцевой плиткой.

Выдра некоторое время молчал, потом нехотя сказал:

— Глина, гравий, а дальше скальная порода, богатая гранатами. Подо всей этой частью столицы такая порода. Я не знаю, как она называется.

— Имена можно выучить.

— Я умею строить корабли, умею на них плавать:

— Ты бы гораздо больше пользы принес, держась подальше от кораблей, ото всех этих войн и пиратских налетов. Наш правитель ведет разработку старых шахт в Самори, по ту сторону горы. Там ты не стоял бы у него на пути. А работать на него тебе все равно придется, если хочешь остаться в живых. Я позабочусь о том, чтобы тебя туда отослали. Если ты поедешь, конечно.

Выдра помолчал немного и сказал:

— Спасибо. — И посмотрел прямо на Легавого. Это был один лишь быстрый вопрошающий и оценивающий взгляд.

Ведь это именно Легавый сделал его пленником; это он стоял и смотрел, как до смерти избивают родителей Выдры и других членов его семьи, но не прекращал избиения. И все же теперь он говорил с Выдрой, как друг. Почему? — спрашивали глаза Выдры. И Легавый ответил:

— Ловким людям нужно держаться вместе. Люди, у которых нет никакого таланта, которые не владеют никаким искусством, у которых есть только их богатство, — такие люди стравливают нас ради собственной выгоды, не ради нашей. Мы продаем им свое могущество или уме-

ние. Но почему мы это делаем? Мы ведь прекрасно могли бы обойтись и без них, если бы следовали вместе своим собственным путем, а?

Легавый имел самые лучшие намерения, желая отправить юношу в Самори; вот только он не учел силы и волевого характера Выдры. Как не понимал еще этого и сам Выдра. Он слишком привык подчиняться другим, чтобы понять, что на самом деле всегда следовал своим собственным намерениям и склонностям, и был слишком молод, чтобы поверить, что его собственные поступки порой грозят ему смертельной опасностью.

Он задумал — как только его выведут из подвала — воспользоваться старинным заклинанием Истинного Превращения и таким образом спастись. «Жизнь моя в опасности, — думал он, — так почему бы мне не воспользоваться этим заклятьем?» Вот только он никак не мог решить, в кого ему превратиться — в птицу или в завиток дыма? Что будет наиболее безопасно? Но пока он об этом раздумывал, люди Лозена, привыкшие к разным волшебным трюкам, подмешали ему кое-что в пищу, и он перестал думать вообще о чем бы то ни было. Точно мешок с овсом, его кинули в повозку, которую тащил покорный мул, а когда по дороге он стал приходить в себя, один из стражников просто стукнул его как следует по голове, заметив при этом, что теперь-то уж точно можно спокойно отдохнуть.

Когда же Выдра окончательно пришел в себя, чувствуя слабость и тошноту после подмешанной в еду отравы и сильного удара по голове, то увидел, что находится в каком-то помещении с кирпичными стенами и окнами, тоже заложенными кирпичом. Дверь, впрочем, была обыкновенная, железом не окованная и без металлических поперечин, и в ней не было видно никакого замка. Но когда он попытался встать на ноги, то почувствовал, что колдовские путы не дают ему не только расправить конечности, но и мешают нормально мыслить, не позволяют даже пальцем пошевелить, липнут к рукам, ногам и мыслям. Он мог, например, стоять, но не мог сделать к

двери ни шагу. Не мог даже руку протянуть. Это было ужасное ощущение — точно тело его ему более не принадлежит! Выдра снова сел, затих и попытался сосредоточиться. Чары, опутывавшие его, точно паутина, не давали как следует вздохнуть, и голова работала плохо, словно и ей не хватало воздуха, словно все его мысли столпились на одном крошечном пятачке, слишком для них тесном.

Прошло немало времени, прежде чем дверь наконец отворилась и вошли несколько человек. Выдра даже сопротивляться не мог, когда они засунули ему в рот кляп и связали руки у него за спиной.

— Ну, теперь-то ты никаких чар на нас точно не нашлешь, да и заклятий никаких произнести против нас не сможешь, парень, — сказал мощный широкоплечий детина с заросшей бородой физиономией. — Но головой-то ты кивать вполне можешь, верно? Тебя сюда прислали как лозоходца. Если окажешься хорошим лозоходцем, будешь и вкусно есть, и сладко спать. Кивнуть ты должен, если обнаружишь киноварь. Королевский волшебник говорит, что она все еще где-то здесь есть, в глубине старых шахт, и она очень ему нужна. Так что лучше бы нам ее отыскать. А теперь я тебя выведу наружу. И вроде бы я буду воду искать, а ты будешь моей лозой. Ты пойдешь впереди, а я за тобой. А если тебе куда повернуть надо будет, так ты в эту сторону головой мотни. А как почуешь, что киноварь у тебя под ногами, так остановись и топни ногой. Такие вот у нас будут условия, ясно? И если сыграешь честно, так и я с тобой по-честному поступлю.

Он ждал, когда Выдра кивнет головой, но тот стоял совершенно неподвижно.

— Ну, молчи, молчи, — сказал бородатый тип. — Если тебе такая работа не нравится, так тебя всегда ведь можно и в Жаровню отправить.

Человек, которого остальные называли Лики, вывел его из темницы под слепящие лучи жаркого яркого утреннего солнца, и Выдра тут же почувствовал, что сковывавшие его магические узы ослабли, а потом и вовсе исчезли; но он все равно постоянно ощущал какие-то другие заклятья, которыми, точно колючей проволокой, опутаны были здесь все строения, особенно высокая каменная

башня, от которой прямо-таки исходили некие невидимые, но вполне осязаемые волны ненависти и неприступности. Когда Выдра пытался прорваться сквозь эту паутину с гордо поднятой головой, живот его тут же сводила адская боль, и он невольно в ужасе склонял голову, пытаясь увидеть там страшную сквозную рану, но никакой раны там не было. С кляпом во рту, связанный, лишенный способности хоть что-то сказать или сотворить магическое заклятие, он ничем не мог помочь себе. Лики надел ему на шею некое подобие кожаного ошейника, прикрепил к нему один конец ремня, сплетенного из кожаных полосок, а второй конец ремня взял в руки и погнал пленника перед собой. Он не остановил Выдру, когда тот случайно ступил в зону особенно сильного воздействия охраняющих чар, и после этого Выдра сам старательно обходил такие места, если мог их различить, конечно, на пыльной тропе.

Лики уверенно вел его на поводке, точно собаку, и он шел, хмурый, покорный, дрожа от слабости и гнева. И все поглядывал на ту каменную башню, на груды дров у ее широких дверей, на покрытые какой-то странной ржавчиной колеса и во́рот у колодца, на огромные кучи гравия и глины. Попытка повернуть израненную голову неизменно вызывала у него головокружение и тошноту.

— Если ты настоящий лозоходец, так ищи, показывай свое мастерство! — сказал Лики, подходя к нему ближе и искоса на него поглядывая. — А если нет — все равно лучше ищи, иначе тебе тут сразу каюк!

Из каменной башни вышел какой-то человек. Он торопливо прошел мимо них какой-то странной шаркающей походкой, глядя прямо перед собой. Изо рта у него непрерывным потоком стекала слюна, подбородок отвратительно блестел, и вся грудь была мокрой.

— Это башня-жаровня, — сказал Лики. — Здесь-то как раз и извлекают ртуть из киновари. Такие рабочие, как этот, больше года-двух в Жаровне не выдерживают. Ну что, хочешь туда, лозоходец?

Чуть помедлив, Выдра мотнул головой влево, и они двинулись прочь от серой каменной башни, спускаясь в узкую и длинную долину, практически лишенную деревьев. По обе стороны от тропы виднелись лишь бесчисленные заросшие жесткой травой болотистые низины да груды отработанной руды.

— Говорят, здесь под ногами и земли-то давно не осталось, — сказал Лики, и Выдра почувствовал, что под ними действительно какой-то странный мир: пустоты, туннели, полные тьмы, — уходящий в земные глубины некий вертикальный лабиринт, самые глубокие шахты которого давно превратились в колодцы, полные гнилой, застойной воды. — Здесь и серебра-то никогда особенно много не было, а уж запасы киновари еще раньше истощились. Слушай, а ты хоть знаешь, что такое киноварь?

Выдра покачал головой.

— Ладно, я тебе покажу. Это за ней Геллук охотится. Ему нужна киноварь, чтобы делать жидкое серебро, ртуть то есть, понятно? Ртуть, она сильнее любого другого металла, она их все пожирает, даже золото, так что Геллук ее называет царем среди всех прочих подземных богатств. И если ты ему этого «царя» отыщешь, он все, что хочешь, для тебя сделает. Да ты не бойся, киноварь здесь часто попадается. Отдельными кусками, конечно. Идем, я тебе покажу. Я ведь понимаю, и собаке след не взять, пока она его не почует.

И Лики повел Выдру вниз, в шахты, чтобы показать, в какой породе киноварь встречается чаще всего. В дальнем конце одного из забоев работали несколько рудокопов. Как всегда, это были женщины.

То ли потому, что женщины меньше мужчин и им легче передвигаться в узком пространстве забоев, а может, потому, что они привыкли возиться с землей на огороде и в поле, или, может, потому, что таков был древний обычай, но на шахтах Земноморья всегда работали женщины. Это были женщины свободные, не рабыни, в отличие от тех, что работали в башне-жаровне. Геллук всегда самолично следит за работой рудокопов, пояснил Лики, но сам никогда в шахтах не работал и даже волшебство свое там применять не решается, ибо женщины-рудокопы всячески этому противятся, будучи глубоко убежденными, что нет большей опасности, чем когда мужчина, а тем более волшебник, берет в руки лопату или начинает ста-

вить крепеж. Таким положением дел Лики, по его собственному признанию, был вполне доволен.

Коротко стриженная женщина с ясными глазами и со свечой, привязанной к каске рудокопа, положила свою кирку и показала Выдре несколько красно-коричневых зерен или комочков киновари, лежавших у нее в корзине. Тени метались по земляным стенам забоя. Потрескивал старый крепеж, сверху сыпались струйки земли. И хотя воздух в этих темных туннелях был довольно холодным, сами проходы были настолько узки и тесны, что было трудно дышать. Рудокопам приходилось то и дело останавливаться и расчищать себе путь. В некоторых старых штреках потолок совершенно обрушился. Лестницы были в ужасном состоянии — гнилые и шаткие. Это было поистине страшное место и очень опасное, но все же Выдра чувствовал себя здесь так, словно вдруг оказался в некоем убежище. Ему даже не очень-то и хотелось возвращаться на поверхность земли, к жаркому полдневному солнцу.

Затем Лики почему-то повел его не в башню, а назад, к жилым хижинам. Из запертой комнаты он вынес маленькую мягкую пухлую кожаную сумку, которая тяжело оттягивала ему руку, и открыл ее. На дне сумки Выдра увидел небольшое озерцо чего-то сверкающего и странно подвижного; блестящая поверхность озерца казалась чуть запылившейся. Когда Лики снова закрыл сумку, ртуть задвигалась, заворочалась внутри, точно зверек, пытающийся выбраться на свободу.

— Вот он, царь всех металлов! — сказал Лики таким тоном, в котором одинаково легко читались и почтение, и ненависть, и страх.

Даже не будучи колдуном, Лики показался Выдре куда более интересной личностью, чем Легавый. Впрочем, как и Легавый, он был груб, но не жесток, и требовал всего лишь беспрекословного подчинения. Выдра повидал немало рабов и рабовладельцев на верфях Хавнора и понимал, что ему повезло. По крайней мере днем, пока он находился под началом Лики.

Он смог поесть только у себя в темнице, когда у него изо рта вынули кляп. Ему дали всего лишь кусок хлеба с

каплей растительного масла да лук. Он давно уже страдал от голода — в те ночи, которые он провел в темнице, связанный по рукам и ногам магическими заклятиями, он практически не способен был что-либо проглотить. Хлеб, который ему принесли, пахнул металлом и золой. Ночи были долгими и страшными, ибо заклятия давили на него всей своей тяжестью, и он без конца просыпался в ужасе, хватая ртом воздух и не в состоянии как следует собраться с мыслями. Здесь было абсолютно темно, ибо он не мог зажечь в темнице даже крошечный магический огонек. А потому каждый раз несказанно радовался наступлению дня, даже несмотря на то, что день означал, что ему снова свяжут за спиной руки, воткнут в рот кляп, а на шею наденут собачий ошейник.

Каждое утро совсем рано Лики выводил его из темницы, и они зачастую до полудня бродили по окрестностям. Лики был молчалив и терпелив, не приставал к Выдре с вопросами, не видит ли тот каких-либо признаков месторождения киновари, не притворяется ли он, что ищет киноварь, а на самом деле ее не ищет, и так далее. Собственно, Выдра и сам не смог бы, наверное, ответить на подобные вопросы. В этих бесцельных скитаниях знания о здешнем подземном мире проникали в него сами, как и всегда прежде, и он непременно старался как можно лучше в этих самостийных знаниях разобраться и лишь твердил про себя: «Я ни за что не стану служить злу!»

А потом теплый летний воздух и свет размягчали его душу, и его огрубевшие босые ступни начинали чувствовать покалывание сухой травы, и Выдра понимал, что там, в глубине, где находятся корни этих трав, пробирается во тьме маленький родничок, просачивается сквозь широкий пласт сланца с вкраплениями слюды, а под этим пластом есть пещера, и стены этой пещеры все сплошь покрыты тонким слоем алых зерен киновари... Он никак этого не показывал. Он думал, что, может быть, та карта подземного мира, что складывается сейчас в его памяти, когда-нибудь пригодится и для хорошего дела, если только он, конечно, сумеет придумать, как это дело сделать.

Но дней через десять Лики сказал:

— Вскоре прибывает мастер Геллук. Если ты здесь не

найдешь для него ни одного месторождения киновари, то он, скорее всего, возьмет другого лозоходца.

Выдра прошел еще примерно с милю, потом вернулся назад и привел Лики к холмику, находившемуся неподалеку от самого дальнего конца старых штолен. Здесь он кивнул утвердительно и даже топнул ногой.

Вернувшись в свою темницу, когда Лики снял с него ошейник с поводком и вынул у него изо рта кляп, он сказал:

— Там есть небольшое месторождение. Вы можете попасть туда, следуя по старому прямому туннелю; до него футов двадцать или чуть больше.

— И много там киновари?

Выдра пожал плечами и промолчал.

— Как раз хватит, чтобы все так и продолжалось, а?

Выдра опять ничего не ответил.

— Ладно, меня это устраивает, — сказал Лики.

Через два дня, когда была вскрыта старая штольня и оттуда как раз поднимали наверх первую порцию добытой киновари, прибыл волшебник. Лики разрешил Выдре посидеть в сторонке на солнышке, а не оставил взаперти в хижине, и Выдра был ему очень благодарен за это. Не то чтобы ему было очень удобно сидеть со связанными руками и с кляпом во рту, но теплое солнце и ласковый ветерок были точно благословение. И он мог дышать полной грудью и дремать, не видя снов о том, как рот и ноздри засыпает землей — ибо по ночам в темнице ему снились только такие сны.

Он дремал, сидя на земле в тени хижины, и запах дыма от дров, которые жгли в башне-жаровне, вызывал в его памяти воспоминания о доме, о работе на верфи, о шелковистом сиянии свежеоструганных дубовых досок для обшивки нового корабля... Его мечты были прерваны каким-то шумом, и совсем рядом послышались чьи-то шаги. Выдра поднял глаза и увидел волшебника, который, чуть склонившись, стоял перед ним.

Геллук был одет совершенно фантастически, как и большая часть магов и волшебников той поры. В длинных алых одеждах из шелков Лорбанери с вышитыми золотыми и черными нитками рунами и всякими магическими

символами и в остроконечной шляпе с широкими полями он казался значительно выше обычных людей. Выдре, впрочем, совсем не обязательно было видеть его одежды, чтобы признать в нем волшебника. Он сразу узнал ту руку, что сплела сковывавшие его узы и отравила его сны, сразу узнал едкий привкус и удушающую хватку его магического могущества.

— По-моему, я нашел своего маленького искателя, — промолвил Геллук. Голос его был звучен и одновременно мягок, точно звуки виолончели. — Спит себе на солнышке, как человек, хорошо выполнивший свою работу. Значит, ты послал их туда, потому что нашел Красную Мать, верно? А ты знал, что такое Красная Мать, до того, как попал сюда? Ты что же, придворный короля? Так, так... Не нужны нам теперь ни веревки, ни узлы. — И он, не сходя с места, одним движением пальца освободил стянутые веревкой запястья Выдры, и сунутый ему в рот в виде кляпа платок вывалился на землю сам собой. — Я мог бы научить тебя делать все это самостоятельно, — сказал волшебник, улыбаясь и глядя, как Выдра растирает и разминает ноющие запястья и шевелит распухшими губами. — Легавый рассказал мне, что ты парнишка многообещающий и можешь далеко пойти, если тобой правильно руководить. Хочешь побывать в королевском дворце? Я могу отвезти тебя туда. Но, может быть, ты не знаешь того короля, о котором я говорю?

Выдра действительно не совсем понимал, что Геллук имеет в виду — правителя-пирата или же ртуть, — однако все же рискнул и коротко мотнул головой в сторону каменной башни.

Глаза волшебника сузились, зато улыбка стала еще шире.

— Знаешь его имя?

— Жидкий металл, — сказал Выдра.

— Так его называют в народе. А еще ртуть или тяжелая вода. Но те, кто ему служит, называют его «царем», или «королем», или «Всемогущим», а также — «Телом Луны»... — Взгляд Геллука, доброжелательный и испытующий, скользнул как бы мимо Выдры и уперся в каменную башню; потом он снова посмотрел на Выдру. Лицо у него

было крупное, вытянутое и очень белое. Выдра никогда не видел такой белой кожи. А глаза светло-голубые. Подбородок и щеки волшебника были покрыты курчавой бородой, в которой смешались черные и седые волоски. Улыбка у него была спокойная; за приоткрывшимися губами видны были мелкие зубы, и нескольких зубов не хватало. — Те, кто научился видеть истинную суть вещей, способны увидеть моего короля таким, каков он на самом деле: истинный король среди всех прочих металлов и минералов. В нем самом заключен корень его могущества. Знаешь, как мы называем его в тайных чертогах его дворца? — И волшебник в своей высоченной шляпе вдруг сел прямо на грязную землю рядом с Выдрой. — Хочешь это узнать? Ты можешь узнать все, что захочешь. Мне совсем не нужно что-то таить от тебя. Как и тебе — от меня. — И Геллук рассмеялся, но не угрожающе, а, скорее, удовлетворенно. И снова внимательно посмотрел на Выдру; его крупное белое лицо было гладким и задумчивым. — У тебя действительно есть определенная сила и способности ко всяким небольшим превращениям и фокусам. Ты парень умный, но не слишком; и это хорошо. Не слишком умный, чтобы не желать учиться, как некоторые... Я стану учить тебя, если захочешь. Ты любишь учиться? Любишь знания? Хотел бы ты узнать Истинное имя, которым мы называем короля, когда он совсем один в своих светлых каменных чертогах? Имя его Туррес. Знаешь ли ты это имя? Это одно из слов Истинной Речи. Его Истинное имя. А на своем родном языке мы могли бы называть его Семя. — Волшебник снова улыбнулся и похлопал Выдру по руке. — Ибо он и есть семя и оплодотворитель всего сущего. Источник могущества и создатель истинного положения вещей. Сам увидишь. Сам поймешь. Пойдем же! Пойдем! Пойдем и посмотрим, как наш король парит среди своих подданных, извлекая свою сущность — из них! — И Геллук резко и неожиданно вскочил, схватил Выдру за руку и рывком поставил его на ноги, возбужденно смеясь.

Выдра чувствовал себя так, словно его вновь вернули к нормальной жизни, вырвав из некоего ужасного сна, точнее, полусна-полубодрствования. Когда волшебник

прикоснулся к нему, он почувствовал не тяжесть магических уз, а, скорее, некий заряд энергии и надежды. Он говорил себе, что нельзя доверять этому человеку, но ему страстно хотелось кому-то верить, у кого-то учиться. Геллук обладал магической силой, он был настоящим Мастером, и он был совершенно необычен. К тому же именно он освободил его, Выдру! Впервые за много недель он шел совершенно свободно, и руки его не были связаны ни путами, ни заклятьями.

— Сюда, сюда, — тихо приговаривал Геллук. — Ничего страшного с тобой не случится. — Они подошли к дверям башни-жаровни — узкому проходу в стене толщиной фута в три. Геллук взял Выдру за руку, ибо юноша, вдруг заколебавшись, замедлил свой шаг.

Лики говорил ему, что металлические пары́, поднимающиеся над нагретой рудой, как раз и являются причиной болезней и смертей тех, кто работает в башне. Раньше Выдра никогда не входил туда и никогда не видел, чтобы туда входил сам Лики. Правда, они подходили к башне достаточно близко, чтобы понять, что она окружена запирающими заклятиями, которые способны причинить жгучую боль, привести в полное замешательство любого и поймать его в ловушку, если он, скажем, попытается сбежать. Сейчас Выдра ощущал присутствие этих чар, точно липкие нити чудовищной паутины, точно канаты из темного тумана, которые расступались только перед тем волшебником, который их создал.

— Дыши, дыши, дыши, — приговаривал Геллук, смеясь, и Выдра постарался не задерживать дыхание, когда они вошли в башню.

Плавильная яма была устроена в самом центре огромного куполообразного помещения. Люди, больше похожие на скелеты, торопливо бросали лопатами руду прямо на горящие дрова, и пламя, раздуваемое гигантскими мехами, ревело и ослепительно сияло. Другие рабочие постоянно подносили новые охапки дров, а также трудились у мехов. В верхней части купола сквозь дым и испарения виднелись другие помещения, к которым вела винтовая лестница, спиралью поднимавшаяся прямо по башенной стене. В этих верхних помещениях, как расска-

зывал Выдре Лики, осаждались и конденсировались пары ртути, которые потом снова нагревали и снова конденсировали, пока чистейшая ртуть не стекала в каменную чашу — всего-то одна-две капли в день, по словам Лики, потому что сейчас ее добывали из очень бедной руды.

— Не бойся, — сказал Геллук, и его звучный голос легко перекрыл и задыхающееся шипение огромных мехов, и ровный гул ревущего пламени. — Иди сюда, посмотри, как ОН парит в воздухе! Как ОН очищает себя и своих подданных! — Волшебник подтащил Выдру к самому краю плавильни. Глаза его в мерцающем свете ярко сверкали. — Даже злые духи, которых ОН заставляет работать на себя, в итоге становятся чистыми, — сказал Геллук, приблизив губы к самому уху Выдры. — Когда они рабски служат ему, окалина и шлаки отваливаются от них и стекают вниз. Болезни и нечистоты плавятся и выступают, точно пот через поры. А потом, когда огонь наконец очистит их, они обретают способность летать и взлетают прямо в чертоги короля. Пойдем же, пойдем со мной в его замок, где темная ночь порождает светлую луну!

И Выдра следом за ним стал подниматься по винтовой лестнице, сперва довольно широкой, но становившейся все у́же и теснее. Они миновали помещения с испарителями и раскаленными красными печами, откуда специальные трубы вели в зольники, откуда полуголые рабы вручную выскребали обгорелую рудную корку и сажу, а потом лопатами сбрасывали эти отходы снова в печи, чтобы еще раз их переплавить. Наконец они поднялись в самое верхнее помещение. И Геллук сказал тому единственному рабу, что сидел здесь на корточках у края шахты:

— Покажи мне короля!

Раб, тощий безволосый подросток с незаживающими язвами на руках и плечах, поднял крышку над каменной чашей, стоявшей у края огромного сосуда, на стенках которого конденсировались ртутные пары. Геллук заглянул туда с любопытством ребенка и прошептал:

— Такой крошечный! Такой юный! Крошка-принц, мой маленький повелитель, князь Туррес. Семя мира! Драгоценная душа!

Из нагрудного кармана он извлек мягкую сумочку из

тонкой кожи, расшитую серебряными нитками. К сумке была привязана изящная ложка из рога. Геллук зачерпнул ею несколько капель ртути, собранной в чашу, и перелил в сумочку, а затем тщательно затянул шнурок у горловины.

Раб стоял рядом совершенно неподвижно. Все те, кто работал в ядовитых испарениях башни-жаровни, были совершенно обнажены или одеты лишь в некое подобие набедренной повязки и башмаки. Выдра еще раз взглянул на раба и вдруг заметил маленькие женские груди. Да, это была женщина. Но только совершенно лысая! А ее суставы были похожи на страшные раздувшиеся узлы на тощих, как палки, конечностях. Она лишь один раз подняла на Выдру глаза и больше не пошевелилась, снова застыв, как изваяние.

— Это хорошо, служаночка! Ты у меня хоро́шо поработала, — сказал ей Геллук своим ласковым голосом. — Сбрось-ка шлак в огонь, и он превратится в живое серебро, в лунный свет. Разве это не чудо? — Он двинулся дальше, увлекая за собой Выдру, и они стали спускаться по винтовой лестнице вниз. — Скажи, разве это не чудо, когда из самых настоящих отбросов рождается то, благороднее чего нет на свете? Таков великий принцип нашего искусства! Отвратительная Красная Мать порождает прекраснейшего из королей! Из грязной руды и мерзкой слюны умирающего раба выходит серебряное Семя Власти!

Спускаясь вниз по крутой скользкой лестнице, Геллук неумолчно говорил что-то, и Выдра старался понять его, ибо это был действительно могущественный волшебник, который рассказывал ему, что такое власть над другими людьми.

Но стоило им выйти на солнечный свет, и голова у него закружилась, в глазах потемнело, и через несколько шагов он согнулся пополам, и его вырвало.

Геллук наблюдал за ним, как всегда внимательно и любовно, и когда Выдра наконец выпрямился, пошатываясь и хватая ртом воздух, волшебник мягко спросил:

— Ну что, боишься ты короля?

Выдра кивнул.

— Если ты разделишь его власть, будешь на его стороне, он не причинит тебе вреда. Бояться силы, сражаться с силой — вот что очень опасно. Но любить силу и разделять ее с кем-то — это истинно королевский путь. Смотри. Следи за тем, что я буду делать.

Геллук поднял мешочек, в который вылил те несколько капель ртути, и, не сводя глаз с Выдры, развязал горловину мешочка, поднес его к губам и выпил содержимое. Улыбаясь, он приоткрыл рот, и Выдра мог видеть у него на языке серебристые капли, прежде чем он проглотил их.

— Ну вот, теперь король у меня в гостях! О, это весьма почетный гость! И благородный. Он не заставит меня пускать слюни, не вызовет у меня рвоты, не причинит моему телу ни малейшего вреда. Нет, никогда, потому что я его не боюсь! Я сам приглашаю его войти в мой дом, и он входит, проникает в мою кровь и никакого вреда мне не причиняет. В моей крови течет серебро! Я вижу вещи, неведомые другим людям. Я вместе с моим королем храню его тайны. И когда он оставляет меня ненадолго, то скрывается в самой грязи, сохраняя всю свою блестящую сущность и целостность, и ждет, когда я приду, подниму его оттуда и очищу его, как он очищает меня, и с каждым разом мы с ним становимся все чище и чище... — Волшебник взял Выдру за руку и сказал ему доверительно и с улыбкой: — Я тот, кто даже испражняется лунным сиянием! Другого такого ты нигде не встретишь. Больше того! Король проникает даже в мое семя! Он, собственно, и есть мое семя. Я — это Туррес, а Туррес — это я...

Выдра настолько ошалел от всего этого, что словно сквозь некую пелену видел, что они направляются ко входу в шахту. И они действительно вошли туда и стали спускаться под землю. Здесь темный лабиринт туннелей был столь же путаным, что и слова волшебника. Выдра то и дело спотыкался, пытаясь увидеть путь и хоть что-то понять. Но все время видел перед собой ту рабыню в башне, ту хрупкую лысую женщину, которая лишь один раз быстро глянула на него. Но он хорошо запомнил ее глаза.

Они шли в темноте, не зажигая света, если не считать маленького волшебного огонька, который Геллук зажег,

чтобы освещать им путь. Они шли по давно заброшенным штольням, и тем не менее Геллук знал здесь каждый поворот, а может, и не знал, а просто шел, не спеша и не выбирая цели. Он все время говорил, порой поворачиваясь к Выдре, чтобы показать, куда свернуть, или предупредить об опасном месте, и снова продолжал что-то рассказывать.

Наконец они добрались до того места, где работали рудокопы, расширяя старый туннель и продлевая его. Здесь волшебник о чем-то поговорил с Лики; от горящих свечей по стенам шахты метались изломанные тени. Волшебник поднял с земли в конце туннеля несколько невзрачных комков, скатал ладонями колобок, опустился на колени, попробовал землю на вкус... Все это он делал молча, и Выдра внимательно наблюдал за ним, стараясь понять, зачем он это делает.

Лики вернулся наверх с ними вместе. Геллук своим бархатным голосом пожелал им спокойной ночи, и Лики, как всегда, запер Выдру в комнате с кирпичными стенами, дав ему каравай хлеба, луковицу и кувшин воды.

И тут же его тело стиснули путы магических заклятий. Сегодня он с особой жадностью пил воду. Острый вкус луковицы и запах земли, исходивший от нее, были ему очень приятны, и он съел ее целиком.

Когда погас дневной свет, просачивавшийся в комнату сквозь щели в тех местах, где были заложенные кирпичами окна, Выдра не впал в жалкий полусон, как обычно, а продолжал бодрствовать. Мало того, всякий сон у него как рукой сняло. Буря, поднявшаяся в его душе и мыслях за то время, которое он провел в обществе Геллука, понемногу улеглась. И после нее что-то осталось, вполне осязаемое, совсем близкое и ясное, некий образ, который он видел то ли в шахте, то ли в башне — немного туманный, но вполне отчетливый: да, это была та рабыня в комнате под самым куполом башни, та женщина с пустыми грудями и гноящимися глазами, которая осторожно сплевывала слюну, непрерывно текущую из ее отравленного рта, и старательно вытирала губы, стараясь и на пороге смерти выглядеть опрятной. Она тогда посмотрела на Выдру только один раз.

И теперь он видел ее более ясно, чем тогда в башне. Он отчетливо видел ее худые руки, распухшие локти и запястья, детскую ямку у нее на шее под затылком. Она словно была рядом с ним, в этой комнате. Она словно вошла в его душу, стала им самим. И она смотрела на него. Он видел, как она на него смотрит. Он видел себя ее глазами!

И видел тонкие линии тех чар, что сковывали его, и тяжкие канаты тьмы, путаный лабиринт линий повсюду вокруг него. Существовал, правда, и некий выход из этого хитросплетения, если он сумеет повернуться сперва туда, потом сюда, потом еще раз туда и разведет магические путы руками, вот так... И вдруг он оказался на свободе.

Но больше он уже не мог видеть ту женщину. Он был в комнате один. Он стоял посреди комнаты и был абсолютно свободен.

И все те мысли, которые он никак не мог сформулировать в течение долгих дней и недель, прихлынули к нему разом, точно гроза. Это был настоящий вихрь мыслей и чувств, страсти и ярости, желания мстить, жалости, гордости и еще каких-то неведомых Выдре ощущений.

Сперва он был совершенно ошеломлен собственными яростными фантазиями, вызванными неожиданным приливом сил и желанием отомстить. Ему хотелось освободить разом всех рабов, хотелось заколдовать этого Геллука и швырнуть его прямо в пламя плавильни, хотелось связать его и ослепить, а потом оставить в башне — пусть всласть подышит ртутными парами на том самом верхнем этаже, пока не умрет!.. Но когда он немного успокоился и стал мыслить трезво, то понял, что ему не победить такого умелого, опытного и могущественного волшебника, как Геллук, даже если этот волшебник и безумен. Если и есть какая-то надежда на победу, то ставку в игре нужно делать именно на его безумие, на то, чтобы заставить волшебника самого себя уничтожить.

Выдра задумался. Все то время, что он провел с Геллуком, он пытался чему-то у него научиться, проникнуть в тайный смысл его путаных речей. И все же он был уверен теперь, что идеи Геллука, то учение, которое он так стремился ему передать, не имеет ничего общего ни с его собственной силой, ни вообще с каким бы то ни было истинным волшебным могуществом. Шахтерское и плавильное ремесло были действительно настоящими ремеслами со своими тайнами и со своими мастерами, но Геллук, похоже, ничего в этих ремеслах не смыслил. Его болтовня насчет всемогущего короля и Красной Матери — это всего лишь пустые слова. И лживые к тому же. Но как он, Выдра, узнал об этом?

Во всем том потоке слов, который изливался из уст Геллука, прозвучало лишь одно-единственное слово Истинной Речи, того старинного языка, на котором волшебники составляют свои заклятия; это было слово «туррес». Геллук сказал, что оно означает «семя». И Выдра, благодаря своему врожденному магическому таланту, чувствовал, что это действительно так. Геллук сказал еще, что это слово означает «ртуть», и Выдра понимал, что это неправда.

Его скромные учителя научили его всем словам Языка Созидания, какие знали сами. Среди этих слов не было ни слова со значением «семя», ни слова со значением «ртуть». Но губы Выдры шевельнулись сами собой, и его язык произнес: «айезур».

Но голос его почему-то был голосом той рабыни из каменной башни. Это она знала Истинное имя ртути! И это она произнесла слово Истинной Речи его устами!

Некоторое время Выдра не шевелился, тело его и мысли пребывали в полной неподвижности, ибо он впервые начинал понимать, в чем заключена его сила.

Он стоял посреди запертой комнаты в темноте и знал, что непременно выйдет на свободу, потому что уже свободен. И мысленно превозносил себя до небес.

Но через некоторое время решительно вернулся в прежнюю ловушку, сотканную магическими чарами Геллука, и снова уселся в прежней позе на тюфяк в углу, погруженный в свои думы. Запирающее заклятие все еще действовало, но теперь оно не имело над ним никакой силы. Он мог снять его с себя или снова позволить ему действовать. Для него сейчас это были просто какие-то линии, начерченные на полу. И неистовая благодарность

за обретенную свободу стучала в его душе в такт биению сердца.

Он думал о том, что должен сделать и как он должен это сделать. Он не был уверен, сам ли он вызвал из башни эту женщину или же она явилась к нему по собственной воле. И не знал, как ей удалось сообщить ему то слово Истинной Речи. Он не знал, что делает сейчас она, но был почти уверен, что любая его попытка составить какое-нибудь заклинание немедленно поднимет на ноги Геллука. И все же, испытывая настоящий ужас, ибо о подобных заклинаниях среди тех, кто учил его колдовству, ходили лишь слухи, он решился призвать к себе ту женщину из каменной башни.

Он впустил ее в свою душу и увидел ее такой, какой видел там. Он позвал ее, и она пришла.

Она стояла совсем рядом с начерченной на полу паутиной магических линий и смотрела на него. И она хорошо его видела, ибо неяркий голубоватый свет, не имевший конкретного источника, вдруг наполнил комнату. Ее потрескавшиеся, покрытые коркой запекшейся крови губы дрогнули, но она ничего не сказала.

Тогда заговорил он, назвав ей свое Истинное имя:

— Я — Медра.

— А я — Аниеб, — прошептала она.

— Как мы можем освободиться?

— Его именем.

— Даже если бы я его знал... В его присутствии я не могу говорить.

— Если бы я была с тобой, я могла бы воспользоваться моментом.

— Но я не могу тебя вызвать!

— Ну что ж, я могу прийти и сама, — сказала она.

Она огляделась, а он испуганно поднял глаза. Оба чувствовали, что Геллук уже что-то почуял, что он уже не спит. Связующие заклятия вновь окрепли, комнату снова окутала прежняя тьма.

— Я приду, Медра, — пообещала Аниеб и, протянув к нему свою стиснутую в кулачок худенькую руку, раскрыла ладонь, что-то ему предлагая. И исчезла.

И вместе с нею исчез последний лучик света. Выдра

остался один в темноте. Холодная хватка магических уз становилась поистине удушающей; заклятие сковало ему руки, сдавило легкие, не давая вздохнуть. Он согнулся в три погибели, хватая ртом воздух. Он не мог думать, ничего не мог вспомнить. «Останься со мной»,— пробормотал он и не знал даже, кому он это сказал. Он был испуган и не знал, чего боится. Волшебника, его могущества, его заклятий?.. Все было погружено во тьму. Но в его теле, в его душе горело теперь некое знание, которое он даже определить бы не смог, некая уверенность, подобная маленькому светильнику, который оказался у него в руках, когда он снова попал в темный лабиринт подземных пещер и туннелей. И он не сводил глаз с этого крошечного зернышка света.

Мучительные страшные сны о смерти от удушья вернулись к нему, но не сумели овладеть его душой. И дышал он по крайней мере глубоко, полной грудью. А потом уснул. И снились ему горные склоны и долины, укрытые пеленой дождя, и просвечивавший сквозь эту пелену солнечный свет. Ему снились облака, проплывавшие над островами, и высокий округлый зеленый холм, вершина которого скрывалась в тумане, пронизанном солнечными лучами, по ту сторону какого-то морского залива...

Волшебник, который звался Геллук, и пират, который приказал называть себя король Лозен, трудились вместе в течение долгих лет и поддерживали друг друга, усиливая тем самым власть и силу каждого, и каждый был убежден, что второй является его слугой.

Геллук был уверен, что без него основанное на грабежах королевство Лозена вскоре потерпит крах и кто-нибудь из врагов сотрет правителя-пирата в порошок даже с помощью самого простого заклятия. Но он позволял Лозену играть роль повелителя. Этот пират был ему удобен, ибо Геллук давно привык, чтобы все его желания и потребности удовлетворялись незамедлительно, чтобы никто не спрашивал у него отчета о том, что и когда он делает, и чтобы всегда иметь достаточное количество рабов для своих нужд и опытов. Ему было нетрудно поддержи-

вать те охраняющие чары, которые он наложил на самого Лозена, а также на его пиратские экспедиции и набеги; и так же легко постоянно сохранять в силе запирающие заклятия, наложенные на те места, где трудились рабы или хранились сокровища. Хотя впервые создать такие заклятия было гораздо более сложным делом, потребовавшим немало сил и времени. Но теперь дело было сделано, и во всем Хавноре не нашлось бы волшебника, способного снять чары, наложенные Геллуком.

Геллук никогда еще не встречал человека, который вызвал бы у него страх. Правда, некоторые волшебники, встретившиеся ему на его долгом жизненном пути, оказывались достаточно сильны, чтобы заставить его насторожиться, но он не знал никого, кто был бы равен ему по силе и мастерству.

Уже давно, все глубже проникаясь мудростью, заключенной в той книге, которую один из бандитов Лозена привез с острова Уэй, Геллук стал совершенно равнодушен ко всем тем искусствам и умениям, которые постиг или раскрыл для себя прежде. Эта книга убедила его, что все они являются лишь бледными тенями, неясными намеками на некое более высокое мастерство. Подобно тому, как одно истинное вещество способно подчинить себе все прочие вещества, одно Истинное знание подчиняет себе и включает в себя и все прочие знания в мире. Все ближе подходя к познанию этого таинственного мастерства, Геллук понимал, что умения других волшебников столь же грубы и фальшивы, как и громкий титул правителя Лозена. Когда он, Геллук, воссоединится наконец с тем истинным веществом, он непременно станет и единственным истинным правителем Земноморья. И единственным среди тех людей, с которыми можно говорить на Языке Созидания и Уничтожения. А в качестве цепных псов ему будут служить драконы!

А в своем молодом лозоходце Геллук чувствовал силу, необученную и наивную, которую вполне можно было бы использовать. Ему было нужно куда больше ртути, чем он имел сейчас, а потому ему нужен был Искатель. Искательство было одним из основных магических искусств, но сам Геллук никогда им не занимался, хотя вполне мог

понять, что у этого парня настоящий дар. И ему, Геллуку, очень неплохо было бы узнать Истинное имя парнишки, чтобы потом с уверенностью управлять им, контролировать каждое его действие. Волшебник тяжко вздохнул при мысли о том, сколько времени ему придется потратить на обучение мальчишки. Но ничего не поделаешь. Жаль зарывать в землю такой талант, данный от природы. Ох, а ведь найденную им руду все равно придется еще извлекать из шахт, плавить, подвергать очистке!.. И Геллук, как всегда, мысленно перенесся через все препятствия и отсрочки на своем пути к его концу, к тем чудесным таинствам, что ждут его в итоге.

В той мудрой книге, привезенной с острова Уэй, которую Геллук всегда возил с собой в ларце, запечатанном особым заклятием, был описан некий истинный, очищающий огонь. Геллук, долго эти описания изучавший, знал, что как только у него будет достаточное количество чистой ртути, то следующим шагом будет ее еще более высокая очистка и превращение его собственного тела в Тело Луны. Он разобрался в зашифрованных текстах этой книги и понял, что, для того чтобы получить абсолютно чистую ртуть, необходим костер не из обычных дров, а из человеческих трупов. Перечитывая эти слова и в очередной раз обдумывая их, он той ночью сумел распознать и еще одно возможное их значение: в этих словах всегда таилось множество таких, нераскрытых, значений. Возможно, в этой книге даже прямо говорилось, что должна быть принесена особая жертва — не только в виде человеческой плоти, но и в виде живых человеческих душ! В огромном костре башни должны сгореть не мертвые тела, а живые люди! Живые и в полном сознании. Чистота — из грязи; блаженство — из боли. Все это составляющие одного великого принципа, некогда явственно увиденного автором книги. И Геллук был уверен, что прав, что он наконец понял, что именно и как нужно сделать. Но он не должен торопиться, он должен быть терпелив, должен действовать наверняка! Он прочитал еще один отрывок из книги и сравнил его с первым, а потом глубоко задумался над прочитанным и думал до глубокой ночи. Пока на какое-то мгновение что-то не спутало его мысли, какое-то

вторжение с периферии его сторожкого сознания. Ах вот как? Этот парнишка, похоже, пытается применить какой-то магический трюк! Геллук нетерпеливо произнес одно-единственное слово и вернулся к чудесам, которые способен творить его всемогущий властелин — ртуть. Он так и не заметил, что утратил власть над теми снами, что снились его пленнику.

На следующий день он велел Лики прислать мальчишку к нему. Он уже предвкушал встречу с ним. Он будет очень добр с парнишкой, начнет его учить и даже слегка баловать, как делал это вчера. Он уселся с Выдрой на солнышке. Геллук в принципе любил детей и животных. Он вообще любил все красивое. И ему было приятно иметь при себе это молодое и неопытное создание. И тот ужас и восторг, которые испытывал перед ним ничего не понимающий в магии Выдра, были Геллуку особенно приятны и дороги, как и то неосознанное могущество, которым обладал сам мальчишка. Рабы его раздражали — они были слишком немощны, лживы и безобразны. Разумеется, Выдра тоже был его рабом, но знать мальчишке об этом совсем не обязательно. Они вполне могут считаться учителем и учеником. Впрочем, ученики обычно довольно вероломны, думал Геллук, вспоминая своего ученика Эрли, который был, пожалуй, даже чересчур умен и которого ему следовало бы держать в куда более строгой узде. Отец и сын — вот кем примерно могли бы стать он и Выдра. Ничего, он еще заставит мальчишку называть его отцом. Геллук вспомнил, что вообще-то намеревался выяснить Истинное имя своего будущего «сынка». Для этого существовало несколько способов, но был и самый простой — поскольку юноша был уже в его власти: достаточно было просто спросить у него его Имя.

— Как твое имя? — спросил Геллук, внимательно глядя на Выдру.

Что-то недолго сопротивлялось в душе юноши, однако рот его открылся сам собой, и губы его прошептали:

— Медра.

— Очень хорошо, Медра, — молвил волшебник. — Ты можешь называть меня Отцом.

— Ты должен найти Красную Мать, — сказал Геллук

Выдре примерно через день после этого. Они снова сидели рядышком за жилыми хижинами. Светило теплое осеннее солнце. Волшебник снял свою невероятную шляпу, и ветерок шевелил его густые седые волосы, беспорядочно падавшие ему на плечи. — Я знаю, это ты нашел то небольшое месторождение, где они сейчас так старательно роются, но киновари там совсем мало, можно сказать, несколько зерен. Вряд ли стоит жечь столько дров ради одной-двух капель ртути. Если ты действительно хочешь помочь мне и надеешься, как мы говорили раньше, что я стану тебя учить, то должен постараться получше. Я полагаю, ты и сам это понимаешь. И хорошо знаешь, что должен делать. — Он улыбнулся Выдре. — Я прав?

Выдра кивнул.

Он все еще был потрясен, ошарашен той легкостью, с какой Геллук заставил его назвать свое Истинное имя и мгновенно обрел над ним полную власть. Теперь нечего и пробовать ему сопротивляться! В ту ночь он был в полном отчаянии. Но потом ему мысленно явилась Аниеб: явилась по своей собственной воле и с помощью своей собственной магии. Сам-то он не только вызвать ее не смог бы, он даже подумать о ней был не в силах, да и не осмелился бы сделать это, поскольку уже назвал Геллуку свое подлинное имя. Однако Аниеб могла приходить к нему даже в присутствии волшебника — не в реальном обличье, разумеется, а лишь мысленно.

Хотя Выдре было очень трудно слушать ее, когда ему что-то говорил сам Геллук и черные нити волшебных чар оплетали его с ног до головы. Но когда Выдра все-таки был способен воспринимать Аниеб, то ему казалось, что она не где-то в его мыслях, а слилась с ним, живет в его душе. А может, она и была им самим или он — ею?.. Во всяком случае, он видел все ее глазами. Ее голос звучал в его ушах и звучал сильнее и чище, чем голос Геллука. Ее глазами он видел, ее разумом постигал все вокруг. И он постепенно догадался, что волшебник, будучи абсолютно уверенным в том, что тело и душа Выдры полностью ему подвластны, оказался не только не всесилен, но и несколько небрежен в отношении тех чар, с помощью которых подчинил юношу своей воле. А ведь всякие чары —

это связь душ. И душа Выдры, связанная с душой Аниеб — или же душа Аниеб, нашедшая приют в его душе и мыслях, — оказалась способна как бы проследить линии порожденных Геллуком чар и по этим линиям пробраться в душу самого волшебника.

А Геллук, не подозревая ни о чем, все продолжал что-то говорить, точно зачарованный собственным красивым и мелодичным голосом.

— Ты должен отыскать сокровенное чрево Земли, в котором зреет лунное семя. Знаешь ли ты, что Луна — это отец Земли? Да, да! И отец овладел собственной дочерью, имея на это полное право, древнее право! Да! И дал ей свое драгоценное семя, оплодотворив ее, однако родить истинного царя она не сможет. Слишком уж она грязна, труслива и похотлива. Ее так и тянет ко всяким мерзостям. Вот она и удерживает драгоценное семя у себя во чреве, прячет его, опасаясь, что родит того, кто будет повелевать ею. Вот почему, чтобы заставить ее все-таки родить ЕГО на свет, ее нужно сжечь заживо.

Геллук умолк и некоторое время не произносил ни слова, думая о чем-то своем, заветном; лицо его горело волнением. А Выдра, с помощью Аниеб читая его мысли, созерцал страшные картины, мелькавшие перед внутренним взором волшебника: огромные жаркие костры, в которых вместо дров горели живые люди, комки страдающей корчащейся плоти с руками и ногами, и они стонали, как порой стонет в пламени сырое дерево...

— Да, — мечтательно молвил Геллук, — она должна быть сожжена заживо! Только тогда лопнет ее чрево и ОН сможет выйти на свободу — в сиянии! О, как давно пришла этому пора! Мы должны освободить нашего царя! Мы должны отыскать самое большое месторождение. Я знаю, оно здесь, в том нет сомнений! Ибо там так и сказано: «Чрево Матери ищи близ Самори».

Геллук снова умолк. И вдруг посмотрел прямо на Выдру, который похолодел при мысли о том, что волшебник догадался о его связи с Аниеб и об их совместных планах. Однако Геллук, даже если он что-то и заподозрил, ничем себя не выдал, а просто еще некоторое время внимательно смотрел на Выдру своим странным, любопытным и одновременно почти невидящим взглядом, потом улыбнулся и воскликнул:

— Малыш Медра! — словно только что обнаружил, что юноша сидит с ним рядом. Он ласково похлопал Выдру по плечу и сказал: — Я знаю, что ты обладаешь даром отыскивать спрятанные предметы. Это великий дар, если его как следует развить, разумеется. Не бойся меня, сынок. Я сразу понял, почему ты привел моих слуг лишь к самому маленькому месторождению киновари. Ты играешь в свою игру, пытаешься отсрочить неизбежное. Но повторяю: теперь ты служишь мне, и тебе нечего бояться; и совершенно бессмысленно, как ты, должно быть, и сам понимаешь, что бы то ни было скрывать от меня. Не правда ли? Если дитя ведет себя мудро, любит своего отца и проявляет должное послушание, то отец всегда вознаграждает его по заслугам. — Геллук в своей обычной манере склонился совсем близко к Выдре и сказал ласково и доверительно: — Я не сомневаюсь, сынок: ты сможешь найти ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ месторождение киновари!

— Я знаю, где оно находится, — сказала Аниеб устами Выдры.

Сам он говорить не мог, и голос его прозвучал хрипло и едва слышно.

Очень немногие люди когда-либо осмеливались заговорить с Геллуком, прежде чем он сам не потребует этого. Заклятия, которыми он заставлял молчать всех, кто к нему приближался, ослабляя их волю и полностью подчиняя себе, стали для него настолько привычными, что он даже не задумывался, применяя их. Он привык, чтобы его слушали, но сам слушать совершенно не привык. До наивности уверенный в своем могуществе и одержимый своей сокровенной мечтой, он больше ни о чем думать не мог, а до чьих-то там еще мыслей ему просто не было дела. Он и Выдру-то воспринимал только как некую часть своих собственных планов, как некое продолжение себя самого.

— Да, да, и ты его найдешь! — рассеянно пробормотал он и улыбнулся.

Зато Выдра воспринимал Геллука — вполне отчетливо, физически — как некую огромную враждебную силу,

совершенно подмявшую его под себя. И сейчас ему казалось, что, заговорив его устами, Аниеб отняла у Геллука значительную часть волшебной силы, дав ему, Выдре, возможность как следует стоять на ногах, отвоевав для него некое жизненное пространство, ибо даже на столь малом расстоянии от Геллука — на столь опасном от него расстоянии! — Выдра сумел заговорить без его разрешения.

— Я отведу тебя туда, — сказал Выдра по-прежнему тихо, с трудом выговаривая слова.

Геллук привык, чтобы люди говорили именно то, чего он от них требовал, или же то, что он вложил в их уста. Если им вообще разрешалось что-то говорить в его присутствии. Но Выдра сказал именно те слова, которые Геллук хотел от него услышать, и все же услышать их от него он никак не ожидал. Волшебник взял юношу за руку, повернул лицом к себе и, заглянув ему в глаза, почувствовал, что Выдра в ужасе пытается от него отстраниться, спрятать свою душу и мысли.

— Однако! — воскликнул волшебник. — Неужели ты так хорошо умеешь искать? Ты что же, действительно нашел большое месторождение? И там действительно стоит копать? И стоит жечь дрова?

— Это настоящее месторождение, — подтвердил юноша.

Он говорил медленно, скованно, и слова падали с его губ, точно тяжелые капли ртути.

— Настоящее? — Геллук смотрел прямо на него; между их лицами было сейчас не больше нескольких дюймов. Бледно-голубые глаза волшебника поблескивали тем же странноватым приглушенным блеском, что и вожделенный металл. — Это действительно Чрево Земли?

— Я не знаю... Но только настоящий Мастер может пойти туда.

— Какой Мастер?

— Хозяин Дома.

Выдре этот разговор снова напоминал хождение с крошечным светильником в непроницаемой тьме. Светильником была душа Аниеб, ее незримое присутствие. Каждый раз перед ним открывалось крошечное новое

пространство для нового шага, но то место, где он находился, увидеть целиком он так и не мог. Он не знал, что произойдет в следующий момент, и не понимал, что именно он увидит. Но уверенно шел вперед, к своей цели, произнося одно слово за другим.

— Как ты узнал о Доме?

— Я его видел.

— Где? Здесь, рядом?

Выдра кивнул.

— Он в земле?

«Расскажи ему о том, что видит он сам»,— услышал он голос Аниеб и сказал:

— Да. Там, меж сверкающими корнями, сквозь тьму бежит ручеек. Это корни Дома. Крыша его высока, ее поддерживают высокие колонны. Пол в Доме красный. И колонны тоже красные. И на них — сверкающие Руны...

Геллук затаил дыхание. А потом спросил очень тихо:

— А можешь ты прочесть эти Руны?

— Нет. — Теперь голос Выдры звучал на удивление спокойно и монотонно. — И пойти туда я тоже не могу. Никто не может войти в Дом, кроме его Хозяина. Только он может прочитать то, что там написано.

Белое лицо Геллука еще больше побелело, подбородок у него слегка дрожал. Он вдруг резко встал — ему, впрочем, были явно свойственны неожиданные решения и поступки — и потребовал:

— Отведи меня туда! — Он еще пытался сдерживаться, но с такой силой потянул Выдру за руку и потащил за собой, что юноша, поспешно вскочив на ноги, несколько раз споткнулся и чуть не упал. Неловко и скованно ступая, он двинулся вперед, стараясь не сопротивляться страстному желанию волшебника, который, поставив его перед собой, буквально наступал ему на пятки, вынуждая идти быстрее, и без конца хватал его за руку. — Сюда, — несколько раз говорил он. — Да, да! Именно сюда! — Но сам тем не менее следовал строго позади Выдры. Его прикосновения и чары немного мешали юноше, сбивая с толку, но шел он все равно в том направлении, которое выбирал сам.

Они миновали башню, миновали старые разработки и новые шахты и оказались в той продолговатой долине, куда Выдра и Лики забрели в самый первый день своих поисков киновари. Теперь была уже поздняя осень. Кусты и жесткая трава, которые в тот день были совсем зелеными, пожелтели и высохли, ветер шелестел в редкой листве. Слева от них в зарослях ивняка бежал ручей. Светило нежаркое солнце. По склонам холмов скользили полосы и пятна теней от бегущих по небу облаков.

Выдра понимал, что наступает тот ответственный момент, когда он сможет освободиться от власти Геллука: в этом он был уверен еще с прошлой ночи. Он понимал также, что сможет даже одержать над волшебником полную победу, если тот, стремясь к заветной цели, хотя бы на мгновение забудет о собственной безопасности... и если... Выдра сможет узнать его имя!

Волшебные чары все еще крепко связывали их, и Выдре ничего не стоило проникнуть в душу Геллука и попытаться узнать его Истинное имя. Но он не знал, как это делается. Прирожденный Искатель, он не овладел еще всеми тонкостями этого мастерства и не имел достаточно знаний, чтобы действовать правильно. Поэтому он смог прочесть в мыслях Геллука лишь некоторые разрозненные страницы какой-то книги, содержавшей волшебную премудрость, но это не имело для него в данный момент никакого смысла; а еще он увидел в душе Геллука те самые чертоги, которые только что сам описывал Геллуку: огромный дворец с красными стенами, где на алых колоннах мерцают написанные серебром Руны. Однако Выдра не мог прочесть ни слова, не сумел разобрать ни одной Руны. Он ведь никогда не учился читать на Языке Созидания.

А между тем они с Геллуком уходили все дальше от башни, все дальше от Аниеб, и Выдра все слабее ощущал ее присутствие, однако призвать ее к себе не осмеливался.

И всего лишь в нескольких шагах от них было теперь то место, где под землей, на глубине двух-трех футов, просачивалась сквозь рыхлую землю, сквозь слюдяные пласты темная вода и падала в просторную неглубокую

пещеру, все стены которой были покрыты зернами киновари.

Геллук был полностью поглощен своими мыслями, своим видением подземного царства, но, поскольку их души все еще были связаны между собой, он сумел увидеть и кое-что из того, что видел Выдра. Он остановился и судорожно стиснул руку юноши, дрожа от возбуждения и готовности немедленно действовать.

Выдра указал на длинный пологий склон, что вздымался перед ними, и твердо сказал:

— Дом твоего царя там. — И столь желанное наконец произошло: внимание Геллука полностью сосредоточилось на том, что было в глубинах земли, под сводами той пещеры, и волшебник совершенно забыл о существовании Выдры. И тот, конечно же, воспользовался этим и мысленно призвал к себе Аниеб. Она явилась мгновенно и, мгновенно проникнув в его душу, осталась с ним.

Геллук между тем стоял совершенно неподвижно; его трясущиеся руки были стиснуты, а длинное тело так напряжено, что подрагивало, точно у гончей, которая готова броситься по следу, но никак не может его обнаружить. Геллук явно растерялся. Он чувствовал, что это действительно ТО САМОЕ МЕСТО, однако видел перед собой лишь каменистый склон холма, заросший травой и невысоким кустарником, в котором не было даже намека на вход под землю.

Хотя Выдра и не успел еще придумать, что же ему сказать Геллуку, Аниеб снова его опередила, заговорив его голосом — таким же слабым и глуховатым, как и прежде:

— Только Хозяин может открыть дверь этого Дома. Только у правителя есть ключ от нее.

— Ключ от нее? — эхом откликнулся Геллук.

Выдра замер, как изваяние; лицо его оставалось совершенно безучастным — такое же лицо было у Аниеб в тот день на верхнем этаже башни, когда она впервые посмотрела на Выдру.

— Ключ? — удивленно и требовательно повторил Геллук.

— Ну да, ключ. Назови подлинное имя твоего царя.

Что-то сдвинулось в темноте подземелий. Кто из них двоих шевельнулся? Кто произнес эти слова?

Геллук, напряженный, дрожащий и по-прежнему страшно растерянный, почти шепотом произнес:

— Туррес.

Ветер прошелестел в сухой траве.

И вдруг волшебник не выдержал; он рванулся вперед, глаза его сверкнули безумным огнем, и он вскричал:

— Откройся же именем моего царя, именем всего сущего на земле! Это приказываю тебе я, Тинарал! — И руки его взлетели вверх властным жестом, словно раздвигая тяжелый занавес.

Склон холма перед ними задрожал, покрылся морщинами, и в нем образовался провал, который становился все глубже, все шире. Этакий зев Земли. Вода хлынула из провала и побежала по земле, заливая ноги волшебника.

Он отступил, глянул на воду и яростным взмахом руки, точно назойливую помеху, убрал ручей, превратив его в подобие крошечного фонтана, струю которого сдувало ветром в сторону. Провал в земле стал еще глубже, внизу уже виднелись сверкающие слюдяные пласты, которые с громким треском расщепились, открывая бездонную пропасть, наполненную тьмой.

Волшебник сделал шаг вперед.

— Я иду к тебе, — сказал он радостно своим бархатным голосом и смело устремился прямо к этой трещине, к этому жуткому провалу; его руки и голова были окутаны мерцающим белым сиянием. Но подойдя к самому краю и убедившись, что там нет ни лестницы, ни хотя бы пологого склона, волшебник заколебался, и тут Аниеб вскричала голосом Выдры:

— Туда, Тинарал, прыгай туда!

Услышав ее приказ, волшебник хотел было повернуть назад, отчаянно хватаясь руками за воздух, но не смог удержать равновесия и нырнул прямо во тьму. Его алый плащ, подсвеченный магическим сиянием, мелькнул в пропасти, точно падающая звезда, и исчез.

— Закройся! — крикнул Выдра, падая на колени и опираясь руками о рыхлую землю на краю провала. — Закрой свою рану, о Мать-земля! Исцелись! Стань опять целой! — Он умолял, просил, произнося слова Созидания, которых, как ему казалось, никогда не знал, пока не услышал, что произносит их. — О Мать-земля, стань целой, как прежде! — И земля, точно внемля его мольбам, со стоном свела края раскрытой раны, исцеляя себя и вновь становясь целой.

На склоне холма остался лишь красноватый шрам, просвечивавший сквозь жидкую грязь, мелкие камешки и вытоптанную траву.

Ветер шуршал высохшими листьями низкорослых дубков и кустарников. Солнце уже успело скрыться за холмом; над головой неторопливо собирались низкие серые тучи.

Выдра, скорчившись, лежал у подножия холма. Рядом не было ни души.

Тучи совсем почернели. Пошел сильный дождь, обильно поливая землю и сухую траву. Но где-то высоко в небесах, выше этих дождевых туч, солнце неумолимо спускалось за море по западной лестнице своих светлых небесных чертогов.

Наконец Выдра заставил себя сесть. Он весь промок, совершенно окоченел и... ничего не понимал. Зачем он здесь? Почему он один?

Он что-то потерял и должен был найти. Он не знал, ЧТО именно потеряно, но помнил, что потеряно ОНО в той ужасной башне, в том самом месте, где винтовая лестница круто поднимается на самый верх сквозь дым и ядовитые испарения. Он должен пойти туда! Он встал и потащился к башне, прихрамывая и пошатываясь, как пьяный.

У него и в мыслях не было прятаться или пытаться как-то защитить себя с помощью иллюзий. К счастью, навстречу ему не попалось никого из стражников; их здесь вообще было немного, и они не особенно себя утруждали, будучи абсолютно уверенными, что заклятия волшебника никого из башни не выпустят. Теперь-то заклятия были сняты, но люди в башне этого не знали и продолжали трудиться, скованные куда более могущественным заклятием: безнадежностью.

Выдра миновал плавильню со сводчатыми стенами,

торопливо суетившихся вокруг ямы рабов и стал медленно подниматься по винтовой лестнице, темной и осклизлой, пока не добрался до самого верхнего этажа.

Она была там, несчастная, истерзанная недугом женщина, сумевшая исцелить и освободить его, здорового парня; нищенка, державшая в своих руках бесценное сокровище; незнакомка, ставшая его вторым «я».

Он молча стоял в дверном проеме. Она сидела на каменном полу возле тигеля. Ее хрупкая фигурка казалась серой тенью, сливавшейся с серыми каменными стенами. Ее подбородок и грудь блестели, мокрые от слюны, непрерывно стекавшей у нее изо рта, и Выдра вдруг вспомнил тот ручей, что вырвался из разверзшейся земли на склоне холма.

— Медра, — сказала она и умолкла. Ее губы потрескались настолько, что не способны были внятно выговаривать слова. Он опустился возле нее на колени, взял обе ее руки в свои, заглянул ей в лицо.

— Аниеб, милая, — прошептал он, — пойдем со мной.

— Да, я хочу домой, — сказала она.

Он помог ей встать. Он даже не пытался пользоваться заклятиями, чтобы защитить себя и ее, сделать, скажем, на время невидимыми. Силы его были сейчас полностью исчерпаны. И хотя Аниеб, безусловно, обладала невероятным волшебным могуществом, позволившим ей постоянно быть с ним рядом во время того странного похода в долину, когда он обманом заставил Геллука назвать свое Истинное имя, никакими магическими знаниями она не владела, не знала ни одного заклятия, да и сил у нее совсем не осталось.

И тем не менее пока они спускались по лестнице, никто даже внимания на них не обратил, словно их скрывали ото всех некие защитные чары. Они вышли из башни, миновали жилые постройки и двинулись прочь от шахт Самори сквозь небольшую рощу к тем холмам, что скрывали гору Онн от обитателей низин.

Аниеб шла куда быстрее, чем можно было бы ожидать от женщины, столь истощенной и измученной болезнью. К тому же она прямо-таки посинела от холода, ибо была

почти обнажена, а погода была промозглой, накрапывал дождь. Казалось, вся воля Аниеб сосредоточена на одном: идти, как можно быстрее двигаться вперед, все дальше и дальше от этих мест; больше она не думала ни о чем — ни о Выдре, ни о чем-то ином. Но физически она была рядом с ним, и он ощущал ее присутствие столь же остро и странно, как и когда она явилась на его мысленный призыв. Капли дождя стекали по ее обнаженному телу, и он буквально заставил ее остановиться и надеть его рубашку. Ему было немного стыдно предлагать ей эту рубашку, грязную и пропахшую потом, ведь он носил ее все эти долгие недели и месяцы, но она безропотно позволила ему надеть на нее эти лохмотья и тут же пошла дальше. Особенно быстро она, конечно, идти не могла, но шла упрямо, не останавливаясь, не сводя глаз с едва видимых следов телеги на дороге, по которой они шли, пока — слишком рано из-за дождливой погоды — не спустилась ночь и они не могли уже больше видеть дорогу перед собой.

— Зажги огонек, — сказала она. Голос у нее был жалобный, тоненький. — Сможешь?

— Не знаю, — откликнулся он, но все же попытался, и через некоторое время земля у них под ногами осветилась слабым мерцанием волшебного огня. — Нам бы лучше где-нибудь укрыться и отдохнуть, — сказал он.

— Я не могу останавливаться, — сказала она и снова пошла.

— Но не можешь же ты идти всю ночь!

— Если я лягу, то уж не встану. А я так хочу снова увидеть Гору!

Ее тоненький голосок совершенно заглушал многоголосый шум дождя, изливавшегося на холмы и безжалостно хлеставшего по голым ветвям деревьев.

Они продолжали идти сквозь ночь, видя перед собой в слабом мерцании серебристого волшебного огонька только размытую дождем колею. Когда Аниеб споткнулась, Выдра подхватил ее, взял за руку, и они пошли бок о бок, прижавшись друг к другу, — так было теплее и спокойнее обоим. Правда, теперь они шли гораздо медленнее, но все

же шли. Вокруг не было слышно ничего, кроме шума дождя, падавшего с черных небес, да чавканья их насквозь промокших башмаков.

— Смотри, — сказала Аниеб, неожиданно останавливаясь, — смотри, Медра, смотри!

Он встрепенулся, хотя давно уже переставлял ноги совершенно машинально и почти спал на ходу. Бледный свет его волшебного огонька померк, словно утонул в некоем мощном, широко разливавшемся сиянии. Небо и земля в этом сиянии казались одинаково серыми, но впереди, в вышине, почти в небесах, над легкой грядой облаков светилась красным зубчатая вершина огромной горы.

— Вот она! — воскликнула Аниеб, указывая на эту вершину, и улыбнулась. А потом медленно и тяжело сползла на землю и встала на колени. Он тоже опустился на колени возле нее, пытаясь поддержать, но она выскользнула из его рук и легла прямо в грязь. Он успел лишь подложить руки ей под голову, чтобы она не захлебнулась в луже. Руки и ноги Аниеб сводило судорогой, зубы стучали. Он крепко прижимал ее к себе, пытаясь согреть. — Там женщины... — шептала она. — «Женщины Руки». Спроси о них. В деревне. Но я все-таки видела Гору!..

Она попыталась снова сесть, но судороги не прекращались, лишая ее последних сил. Она начала задыхаться. В красноватом свете, что изливался теперь с вершины горы, окрашивая весь восточный край неба, он увидел, что на губах Аниеб показалась розовая пена, а потом из уголка ее рта потекла струйка крови. Она еще пыталась прильнуть к его груди в последнем усилии, но больше не сказала ни слова и молча сражалась со смертью, сражалась до последнего вздоха, а красный свет постепенно мерк и вскоре погас, сменившись серым: тучи вновь затянули небо, скрыв от них и вершину горы, и восход солнца. Было уже позднее утро, дождь лил вовсю, когда Аниеб в последний раз судорожно вздохнула и больше уж не дышала.

А молодой мужчина по имени Медра сидел в грязи,

нежно прижимая к себе мертвую женщину по имени Аниеб, и плакал.

Какой-то человек, что вел под уздцы мула, впряженного в тяжелый воз с дубовыми дровами, набрел на них и помог добраться до ближайшей деревни, которая называлась Лесная Опушка. Но вынуть из рук молодого мужчины мертвую женщину он так и не сумел. Юноша был очень слаб и весь дрожал, однако ни за что не отдавал своей печальной ноши, пока хозяин повозки не разрешил ему сесть на краешек телеги. Он и тогда не выпустил Аниеб из рук. И весь долгий путь до деревни Выдра прижимал ее к груди. Он лишь сказал вознице: «Она меня спасла». И возница не стал приставать к нему с вопросами.

— Она меня спасла, а я ее спасти не сумел! — яростно воскликнул он и перед жителями горной деревни, собравшимися вокруг него. Он по-прежнему не выпускал мертвую девушку из рук, словно надеялся хотя бы так защитить ее.

Понемножку им все же удалось убедить его, что одна из здешних женщин — это мать Аниеб и он должен теперь отдать Аниеб матери. Только тогда он наконец решился опустить мертвую на землю, но ревниво следил, чтобы с нею обращались почтительно и нежно, то и дело порываясь опять защищать ее. Потом — видно, силы его совсем иссякли — он довольно покорно последовал за какой-то женщиной, покорно надел предложенную ему сухую одежду и немного поел. А потом послушно подошел к соломенному тюфяку, с ее помощью лег на него и долго плакал от горя и усталости, пока не уснул.

Через день-два в деревню явились люди, посланные Лики, и стали спрашивать, не слышал ли кто-нибудь о двух бесследно исчезнувших людях — великом волшебнике Геллуке и сопровождавшем его молодом Искателе. Перепуганные охранники говорили, что этих двоих, должно быть, поглотила сама земля. Но никто в деревушке ни слова не сказал им ни о незнакомце, спрятанном у старой Мид в чулане для яблок, ни об умершей девушке. И стражники, посланные Лики, убрались ни с чем. Воз-

можно, поэтому тамошние жители теперь называют свою деревню не Лесная Опушка, как прежде, а Убежище Выдры.

Испытание, выпавшее на долю Выдры, оказалось для него чрезвычайно тяжким, ибо ему пришлось противостоять великой магической силе и мастерству настоящего волшебника. Впрочем, физические силы вскоре стали возвращаться к нему, ибо он был молод и силен, а вот душа его и разум выздоравливали гораздо медленнее. Он чувствовал, что утратил нечто очень важное, едва успев это найти, и утратил его навсегда.

Он искал Аниеб всюду — среди своих воспоминаний, среди теней былого, что снова и снова сгущались в его израненной душе: разгром его родного дома в Хавноре; каменная темница без окон, Легавый, подвал неподалеку от плавильни и паутина страшных связующих заклятий; «прогулки» с Лики и «задушевные» беседы с Геллуком; рабы, огонь плавильни, витки каменной лестницы, ведущей сквозь ядовитые испарения и дым в самое верхнее помещение башни... Ему необходимо было вспомнить все это, снова пройти этим путем, осуществляя свой поиск. Снова и снова он видел, как стоит в той самой верхней комнате башни и смотрит на женщину, пытаясь понять ее брошенный украдкой мимолетный взгляд. Снова и снова он мысленно проходил по той узкой долине, покрытой сухой травой — проходил вместе с нею, — стремясь к вожделенной цели волшебника Геллука. Снова и снова видел он, как Геллук падает в пропасть, как смыкаются разверзшиеся края подземной пещеры. Он видел светившуюся красным вершину горы и лицо Аниеб, ее истерзанное лицо, которым она так доверчиво прижималась к его плечу, пока не умерла. А он все пытался говорить с ней, все спрашивал, кто она и как им удалось все это сделать, а она не отвечала... Не могла ответить.

Ее мать, Айо, и сестра ее матери, Мид, были мудрыми женщинами. Они лечили Выдру, как умели: теплыми масляными притираниями и массажем, травами и целительными песнями. Они охотно разговаривали с ним и

всегда внимательно слушали, когда он что-то им рассказывал. Обе даже не сомневались, что юноша обладает огромной магической силой. Он же упорно отрицал это.

— Я бы ничего не смог сделать без твоей дочери, — говорил он Айо.

— А что сделала она? — мягко спрашивала Айо.

И он снова и снова рассказывал — как умел:

— Мы с ней даже знакомы не были. И все-таки она сразу назвала мне свое Истинное имя. А я ей — свое. — От воспоминаний о пережитом у Выдры часто перехватывало горло, и он надолго умолкал. — Это ведь меня все время заставляли ходить вместе с волшебником, ибо я был связан его чарами, но она по собственной воле стала ходить со мной, хотя она-то была свободна! Только вместе мы сумели направить силу Геллука против него самого, и он уничтожил себя. — Выдра надолго задумался и прибавил: — Это она отдавала мне свою силу!

— Мы всегда знали, что Аниеб — очень способная девочка, — сказала Айо и тоже надолго замолчала. — Но кто взялся бы учить ее? На горе ведь совсем не осталось учителей. Волшебники правителя Лозена стремятся извести всех колдунов и ведьм в округе. Вот и не осталось никого, к кому можно было бы обратиться.

— Как-то раз я поднялась высоко в горы, — вставила молчавшая Мид, — и меня там застигла весенняя пурга. Я совершенно сбилась с пути, так наша девочка явилась туда ко мне — не в обычном своем обличье, разумеется, — и вывела меня на тропу. А ведь ей тогда было всего двенадцать!

— Иногда она встречалась с мертвыми, — об этом Айо говорила почти шепотом. — Там, в лесной низине, недалеко от леса Фалиерн. Она хорошо понимала, что такое Древние Силы Земли, о которых мне еще моя бабушка рассказывала. Она говорила, что в той низине они особенно сильны.

— А вообще-то она была такой же девочкой, как и все остальные, — сказала Мид и закрыла лицо руками. — И очень хорошей девочкой!

Некоторое время все молчали, потом снова заговорила Айо:

— Она с другими деревенскими ребятишками спускалась до самого Фирна. Они там шерсть у пастухов покупали. А год назад, прошлой весной, туда явился этот проклятый волшебник, о котором мы уже были наслышаны, и с помощью своих заклятий стал забирать людей в рабство...

И теперь обе женщины замолчали уже надолго.

Айо и Мид были очень похожи, и Выдра видел, какой могла бы стать Аниеб в зрелые годы: маленькой, изящной, легкой на подъем женщиной с округлым лицом, ясными глазами и массой густых темных волос, не прямых, как у большей части жителей Земноморья, а вьющихся, даже курчавых. Здесь, в западной части острова Хавнор, довольно часто встречались такие курчавые волосы.

Но когда он впервые увидел Аниеб, она была совершенно лысой: все ее роскошные густые волосы «съела» проклятая башня, как и у остальных работавших там рабов.

Ее здешнее прозвище было Голубой Ирис, прелестный цветок, что расцветает весной. И мать с теткой тоже так ее называли.

— Кем бы я ни был, я никогда не смогу расплатиться за эту утрату; никакого волшебного могущества не хватит, чтобы исправить совершенное зло! — с горечью говорил Выдра.

— Это верно, — печально кивала Мид. — Да и что может любой человек сделать в одиночку?

Она подняла большой палец, потом расправила все остальные и сжала их в кулак, а потом медленно перевернула руку и раскрыла ее ладонью вверх, словно что-то предлагая. Выдра вспомнил, что Аниеб перед смертью сделала точно такой же жест. Значит, это не часть заклятия, размышлял он про себя, внимательно наблюдая за Мид; это всего лишь какой-то символ! И он заметил, что Айо буквально не сводит с него глаз.

— Это наша тайна, — сказала она в ответ на его вопросительный взгляд.

— Могу я узнать ее? — неуверенно спросил он, помолчав.

— Ты уже ее знаешь. Вы с Голубым Ирисом отдали ее друг другу. Это доверие, мальчик.

— Доверие? — растерялся Выдра. — Да, конечно... Но против них?.. Ну хорошо, Геллука больше нет. Может быть, теперь падет и Лозен. Но ведь этого мало, это, в сущности, ничего не изменит! Рабы не обретут свободу. Нищие не наедятся досыта. Справедливость не сможет восторжествовать, пока в мире правит зло. А мне кажется, это зло сидит во всех нас, в каждом из людей. Ну а доверие... доверие как бы перекидывает мостик над этой пропастью зла. Но пропасть-то все равно существует! И все, что мы ни делаем, в итоге служит злу, ибо в нас самих живет зло — алчность, жестокость, ненависть... Я смотрю на мир вокруг, на эти леса и горы, на эти небеса, и все это прекрасно, все это таково, каким и должно быть. Но с нами, людьми, что-то не так! Мы живем не по правилам. Ни один зверь не нарушает правил своей жизни. Да звери и не могут их нарушить. А мы можем и нарушаем. И никогда этому не будет конца!

Они слушали его, не соглашаясь, но и не противореча — просто принимая его отчаяние. И его слова падали в их внимательное молчание и оставались там порой на несколько дней, словно пуская корни, а потом возвращались к нему — измененными.

— Мы ничего не можем друг без друга, — говорил Выдра. — Но сплачиваются почему-то самые алчные и жестокие, тем самым укрепляя силы друг друга. А те, что не желают присоединяться к их страшному союзу, пытаются выстоять в одиночку... — Образ Аниеб — такой, какой он впервые увидел ее на верхнем этаже башни, когда она, несчастная, умирающая женщина, стояла в одиночестве посреди той пустой комнаты, отравленной парами ртути, — не покидал его ни на минуту. — Истинное могущество растрачивается попусту! Каждый маг и волшебник использует свои умения и свое искусство только для борьбы с другими волшебниками, служа пораженным алчностью властителям или же просто защищая самого себя. Разве может в таких обстоятельствах добро победить зло? Все идет неправильно, все обесценено, точно жизнь раба, каждый из которых влачит свои оковы в одиночку. Но в

одиночку никто не может быть свободен! Даже настоящий маг. Ведь, по сути дела, все они плетут свои заклятия в темнице, в позлащенной клетке, во имя пустой забавы или черной корысти, не получая в итоге никакой награды, ибо использовать свои волшебные силы во имя добра им уже не дано.

Айо, не сказав ему в ответ ни слова, сжала пальцы в кулак и раскрыла руку ладонью вверх — мимолетный жест, некий таинственный знак...

Через несколько дней в деревню из долины поднялся какой-то человек, сказавший, что он угольщик из Фирна, и попросивший проводить его к дому Айо.

— Моя жена Нести велела мне кое-что передать здешним мудрым женщинам, — сказал он, и жители деревни тут же отвели его куда он просил. Едва ступив на порог, он поспешно сделал уже знакомый Выдре жест — сжал пальцы в кулак и быстро перевернул руку раскрытой ладонью кверху. — Нести велела передать вам, что вороны что-то стали летать с самого раннего утра и что легавый пес охотится на выдру. — И гость внимательно посмотрел на обеих женщин.

Выдра, сидевший у огня и лущивший орехи, так и застыл. Мид поблагодарила гонца и предложила ему скромное угощение — кружку воды и горсть очищенных орехов. Потом сестры немного поболтали с угольщиком, расспросили, как поживает его жена, и он вскоре ушел, а Мид повернулась к Выдре.

— Легавый — это слуга Лозена, — сказал он. — Я сегодня же ухожу.

Мид вопросительно посмотрела на сестру.

— В таком случае, пора тебе кое-что узнать, — сказала она, усаживаясь напротив него у очага. День был сырой, холодный, а дрова были в этой горной деревне тем единственным, чего здесь всегда хватало.

— В наших местах, а может, и не только здесь, немало таких, кто думает в точности как и ты: никто не может быть мудрым и сильным в одиночку. И те, кто так думает, стараются держаться вместе. И именно поэтому нас и называют «Союзом Руки», или «Женщинами Руки», или просто «мудрыми женщинами», хотя среди нас не только

женщины. Но это даже удобнее, что нас так называют, потому что здешним правителям, их слугам и их солдатам даже в голову не приходит, что женщины способны на что-то серьезное и им даже могут приходить в голову мысли о том, что нашей страной правят неправильно, что порядок в ней установлен несправедливый. И уж, конечно, никто из них не верит, что какие-то деревенские старухи могут обладать хоть какой-то силой, магической и не только магической.

— Говорят, — подхватила Айо, сидевшая в темном уголке, — что есть в Земноморье такой остров, где неизменно осуществляется правый суд и торжествует справедливость, как то было при настоящих королях. Этот остров называют островом Морреда. Но это не Энлад, где жили короли, и не остров Эа, что расположен к северу от Хавнора. Этот остров, по слухам, находится на юге, и там, насколько нам известно, женщины из «Союза Руки», издавна владеющие древними магическими искусствами, обучают этим искусствам других, а не хранят свои знания в тайне друг от друга, как это делают здешние волшебники.

— Возможно, благодаря их урокам ты и сам смог бы в итоге преподать урок здешним волшебникам, — вставила Мид.

— Хорошо бы тебе удалось отыскать этот остров! — промолвила Айо.

Выдра переводил взгляд с одной женщины на другую. Они явно только что поведали ему самую главную свою тайну и теперь смотрели на него с откровенной надеждой.

— Остров Морреда... — пробормотал он.

— Ну, это только «Женщины Руки» так его называют, чтобы скрыть его истинное название от волшебников и пиратов. Без сомнения, остров этот носит совсем другое название.

— Он, должно быть, очень далеко отсюда, — промолвила Мид.

Для обеих сестер и для всех жителей деревни гора Онн была целым миром, а уж берега острова Хавнор означали, видимо, пределы Вселенной. И все, что лежало за этими пределами, принадлежало к миру слухов и снов.

— Говорят, что если идти на юг, то выйдешь к морю, — мечтательно сказала Айо.

— Он это знает, сестра, — успокоила ее Мид. — Он ведь рассказывал нам, что был плотником в порту и строил корабли. Но это действительно так ужасно далеко! Да к тому же этот Легавый висит у тебя на хвосте... Как же ты туда пойдешь?

— По воде, которая так милостива к некоторым и к тому же не передает запахи всяким легавым псам, — ответил Выдра, вставая. Ореховая скорлупа так и посыпалась на пол у него с колен, и он аккуратно замел ее веником в очаг. — Ну что ж, мне, пожалуй, пора.

— Погоди, у нас есть немного хлеба, — сказала Айо, и Мид поспешно стала укладывать в дорожный мешок черствый хлеб, жесткий овечий сыр и орехи. Они действительно были очень бедны, эти женщины, но готовы были отдать ему все, что имели. Как Аниеб тогда.

— Моя мать родом из Эндлейна, что неподалеку от леса Фалиерн, — сказал Выдра. — Знаете этот городок? Ее зовут Роза, дочь Рована.

— Летом наши мужчины со своими возами спускаются порой до самого Эндлейна.

— Если кто-нибудь передаст весточку обо мне любому из ее тамошней родни, то и она непременно вскоре все узнает. Ее брат всегда раз или два в год в столицу заглядывает.

Сестры дружно закивали.

— Просто чтобы она знала, что я жив, — прибавил Выдра.

Мать Аниеб кивнула:

— Ей непременно передадут.

— А теперь поспеши, сынок, — сказала Мид.

— Да скроет твой след вода! — сказала Айо.

Они обнялись на прощанье, и Выдра ушел.

Он сбежал вниз от стоявших кучно домишек прямо к быстрому шумливому ручью, пение которого слышал сквозь сон все те ночи, что провел в деревне. На берегу ручья он преклонил колена и попросил: «Возьми меня с собой, пожалуйста, спаси меня!» — а потом произнес то единственное заклятие Истинного Превращения, которому когда-то давно научил его старый колдун по прозвищу Метаморфоз. И не стало человека, стоявшего на коленях у говорливого ручья, но шустрая выдра быстро скользнула в воду и исчезла.

III. Крачка

Жил да был человек у нас на холме,
И уж очень он был себе на уме:
Он обличья менял, имена он менял,
Только Имени он никому не назвал!
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Однажды зимой, еще засветло, на песчаном берегу реки Онневы, где она широкой дельтой впадает в северную часть просторной гавани порта Хавнор, стоял бедно одетый человек в рваных башмаках; и был тот человек худой, смуглый и темноглазый и с такими красивыми и густыми волосами, что дождь, не успевая их намочить, скатывался по ним, точно по шерсти выдры. А надо сказать, что в тот день на низменных берегах Онневы не переставая шел дождь, мелкий, холодный, противный — даже не дождь, а густая изморось, свойственная этому времени года. Одежда человека, видно, промокла насквозь, и он, понурив плечи, наконец повернулся и пошел в ту сторону, где виднелся дымок над каминной трубой. Странно, но на мокром песке за ним остались следы четырех лапок выдры, словно именно здесь вылезшей из воды, а дальше следы эти неожиданно сменились обычными человеческими.

Куда Выдра отправился после того, в старинных песнях не говорится. Там говорится лишь, что «скитался долго он по островам». Если он сперва двинулся просто по берегу Великого острова, то во многих тамошних деревнях легко можно было отыскать в те времена ведьму, знахарку или колдуна, которые знали тайный знак Руки и непременно помогли бы ему; но вряд ли он поступил именно так, зная, что по его следу идет Легавый, так что он скорее всего покинул остров Хавнор, поспешив наняться матросом на какое-нибудь рыбачье судно с перешейка

или же на торговый корабль с островов Внутреннего моря.

На острове Арк и на острове Хоск, в городе Оррими, а также на всех Девяноста Островах существуют легенды о человеке, который явился туда в поисках такой страны, где люди помнят о справедливости настоящих королей и о высокой чести волшебников; он называл эту неведомую страну островом Морреда. Нет также достоверных сведений о том, был ли именно Медра главным героем всех этих историй, поскольку он скитался под самыми различными именами и крайне редко называл себя Выдрой. А может, и вообще отказался от этого имени. Гибель волшебника Геллука отнюдь не привела к свержению Лозена, ибо у этого правителя-пирата было в услужении немало и других волшебников, которым он щедро платил. И одному из них по имени Эрли очень хотелось отыскать того молодого негодяя, который сумел победить такого мастера, как Геллук. И надо сказать, что у Эрли были все возможности, чтобы выследить Выдру, ибо власть Лозена, которому Эрли служил, распространялась не только на остров Хавнор, но и на всю северную часть Внутреннего моря, да Легавый по-прежнему держал нос по ветру.

Возможно, именно для того, чтобы сбить со своего следа Легавого, Медра и отправился на остров Пендор, который находится довольно далеко от Хавнора, у самых западных границ Внутреннего моря. А может быть, какие-то слухи, ходившие среди «Женщин Руки» с острова Хоск, вызвали в нем желание отправиться туда. Пендор некогда был богатым островом, пока дракон Йевод не сжег его практически дотла. Но что там ни говори, а куда бы Медра ни направился, он видел лишь, что положение дел всюду такое же, как на Хавноре, или еще хуже. Всюду в Земноморье люди вели бесконечные грабительские войны, совершали пиратские набеги, поля зарастали сорняками, а в городах кишело ворье. Может быть, думал Медра, именно далекий Пендор и есть тот самый остров Морреда, ибо столица острова была прекрасна, жизнь здесь шла мирно, а население процветало. Во всяком случае, так ему казалось сперва.

На Пендоре он познакомился с одним старым магом

по имени Хайдрейк, Истинное имя которого теперь уже никому не известно. Когда этот старик услышал историю об острове Морреда, то улыбнулся печально и покачал головой.

— Это не здесь, — сказал он твердо. — Правители острова Пендор — хорошие люди. Они помнят Великих Королей Земноморья и их заветы. Они не стремятся к войне или грабежам. Плохо одно: они посылают своих сыновей на запад охотиться на драконов. Ради развлечения. Как будто драконы с островов Западного Предела — это обычная дичь, какие-нибудь утки или гуси! И, конечно же, ничем хорошим это кончиться не может.

Впрочем, Хайдрейк с удовольствием взял Медру в ученики.

— Моим Учителем был один маг, — сказал он юноше, — который передал мне свои знания совершенно бесплатно, и я готов был поступить так же, но так и не сумел найти подходящего ученика, так что я очень рад твоему появлению. Ко мне ведь приходит немало молодых людей, и все они говорят примерно одинаково: «А что хорошего в твоих знаниях? Ты золото отыскать можешь? А можешь ты научить нас превращать простые камни в алмазы? Или так заколдовать меч, чтобы им можно было убить дракона? Нет, твои разговоры о Великом Равновесии нам совершенно не интересны! И никакого проку в них нет!» Никакого проку! — И старик еще долго ворчал по поводу глупости молодых и того зла, что так распространилось по Земноморью в последнее время.

Знаниями своими Хайдрейк делился очень щедро, однако был весьма требовательным учителем. Впервые Медра начинал понимать магию не как набор неких талантов и загадочных действий, но как великое искусство и мастерство, которые можно познать, как познают любую профессию благодаря старательным занятиям и долгой практике. Но он чувствовал, что даже и после многолетней и успешной практики искусство это не утратит своей необычности и таинственности. На самом деле в своих умениях Хайдрейк не столь уж сильно превзошел своего ученика, однако же старик ясно сознавал и весьма разумно разъяснял Медре куда более важную вещь —

идею о целостности магических знаний. Собственно, именно это и делало его настоящим магом.

Слушая его, Медра часто вспоминал о том, как они с Аниеб шли в кромешной темноте под дождем при свете всего лишь слабенького волшебного огонька, который, однако, способен был все же показать им, куда ступить в следующий раз, хотя и освещал путь всего лишь на шаг вперед, и как вдали, в вышине, вдруг показалась красная в лучах зари вершина горы, и как они вместе смотрели на нее...

— Все заклинания на свете связаны между собой, и каждое из них зависит ото всех предыдущих, — говорил Хайдрейк. — Как если бы движение одного-единственного листка на одном-единственном дереве заставляло шевелиться и все остальные листья на всех остальных деревьях повсюду в Земноморье! Таков Истинный Путь. Именно этим путем должен следовать ты, пытаясь решить свою задачу, и именно за соблюдением правил этого пути ты должен следить во время своих поисков. Сейчас все в нашем мире идет неправильно, но и в этом проявляется целостность Истинного Пути, ибо каждая отдельная беда является частью общей большой беды. И только в устранении всей беды в целом могут заключаться истинное исцеление нашего мира и наша истинная свобода.

Медра прожил на Пендоре, учась у Хайдрейка, целых три года, а когда старый маг умер, правитель Пендора попросил Медру занять его место. Несмотря на то что Хайдрейк вечно ворчал да и открыто обвинял тех, кто отправляется охотиться на драконов, все на острове любили его и почитали, и то, что Медре предложено было стать его преемником, было для молодого человека весьма лестно. Возможно, соблазненный мыслью о том, что он уже приблизился к острову Морреда настолько, насколько это вообще возможно, Медра действительно принял предложение правителя Пендора и еще некоторое время прожил на этом острове. Он не раз плавал вместе с молодым правителем на его корабле далеко к Западному Пределу в поисках драконов, ибо втайне всегда мечтал увидеть живого дракона. Однако не ко времени рано начинавшиеся шторма и вообще сильно испортившаяся повсюду в Земноморье погода три раза служили причиной того, что их корабль возвращался к острову Ингат, и плыть дальше на запад не было никакой возможности, так высоки и опасны были волны, хотя Медра и успел многому научиться в искусстве управления погодой с тех пор, как покинул порт Хавнор.

А после Пендора Медра, как известно, вновь направился к югу и скорее всего достиг острова Энсмер. Потом он, согласно большей части версий, попал на остров Гит, входящий в число Девяноста Островов.

Жители Гита, как и теперь, были в основном китобоями. Однако Медре это занятие было совершенно не по вкусу. Здешние суда да и весь остров буквально провоняли китовым жиром. И как ни противно было Медре ступать на борт рабовладельческого судна, но это был единственный корабль, отправлявшийся с грузом китового жира в порт О, а Медре очень хотелось попасть в Закрытое море, ибо он не раз слышал всякие разговоры о расположенных к югу и востоку от острова О малоизвестных островах, не имеющих никаких торговых связей с островами Внутреннего моря. Возможно, там и находится то, что он ищет? И он поступил обыкновенным заклинателем ветров на отправлявшуюся к острову О галеру, где на веслах сидели четыре десятка рабов.

Погода наконец-то установилась вполне хорошая: дул попутный ветер, по ясному небу проплывали белые облачка, светило нежаркое еще солнце поздней весны. До вечера они прошли немалый отрезок пути, и Медра случайно услышал, как шкипер говорит рулевому: «Ночью все время правь на юг, чтобы пройти подальше от Рока».

Медра никогда не слышал об этом острове и спросил:

— А что там такое? Чем грозит нам этот остров?

— Там смерть и разорение, — грустно сказал шкипер, коротышка с маленькими умными глазками, чем-то похожими на глаза кита.

— Там идет война?

— Была и война. Давно только. Там... сущая чума, на острове этом! Там господствует черная магия. И все воды вокруг него прокляты.

— Черви! — вставил рулевой, брат шкипера, и пояс-

нил: — Коли поймаешь рыбу неподалеку от Рока, так она непременно вся червивая окажется; и черви в ней прямо-таки кишат, точно в дохлой собаке.

— А люди там еще живут? — спросил Медра.

И шкипер сказал:

— Одни ведьмы.

А его брат прибавил:

— Пожирательницы червей.

В Архипелаг входило немало островов, ставших бесплодными и заброшенными в результате злобной борьбы волшебников друг с другом, их ненависти и бездумно наложенных заклятий. Эти места были поистине заражены злом, и было опасно не только высаживаться на берега таких островов, но и проплывать мимо них, так что Медра прекратил свои расспросы и больше не вспоминал об острове Рок, пока не наступила ночь.

Ночевал он на палубе, под звездным небом, и увидел удивительный и чрезвычайно живой сон: он видел, как в ясный день по синему небу мчатся облака, а у самого горизонта над морем виднеется залитая солнцем округлая вершина высокого зеленого холма. Медра проснулся, но сон тот оставался в памяти, и он понял, что когда-то, лет десять назад, видел тот же сон, и это было в темнице с кирпичными стенами на шахтах Самори, когда он ночами лежал без движения, скованный магическими чарами Геллука.

Медра сел и огляделся. Темное море было таким спокойным, что даже звезды были видны совершенно отчетливо то с одной, то с другой стороны слабо вздувавшихся волн. Весельные галеры редко отходили далеко от берега и по ночам тоже плавали редко, вставая на якорь в любой подходящей бухте или гавани; но на данном отрезке пути ни одной подходящей бухты не было, и, поскольку погода установилась на редкость благоприятная, они поставили мачту, укрепили большой квадратный парус, и корабль неторопливо поплыл дальше, а рабы, сидевшие на веслах, так и уснули на своих скамьях. Моряки, свободные от вахты, тоже спали; бодрствовали только рулевой и впередсмотрящий, хотя и последний тоже подремывал. Вода

шептала что-то, касаясь бортов галеры, слабо поскрипывал такелаж, позвякивали цепи рабов...

«В такую тихую ночь никакой заклинатель ветров не нужен, да они, собственно, и не заплатили мне пока ничего», — уговаривал себя Медра. В голове у него вертелось название острова: Рок. Странно, почему он никогда не слышал об этом острове, никогда не замечал его на карте? Возможно, этот остров проклят и все избегают его, но разве из-за этого его не должно быть на картах?

«Я бы мог слетать туда, скажем, в обличье крачки и успел бы вернуться на корабль еще до рассвета, — лениво размышлял он. Ему все еще очень хотелось попасть в порт О. — В общем-то, — продолжал уговаривать он себя, — все разрушенные магами земли похожи одна на другую, так что нет никакой необходимости куда-то лететь, что-то обследовать, спешить обратно на корабль...» Медра устроился поудобнее на сложенной бухте каната и стал смотреть на звезды. На западе низко над горизонтом висели четыре яркие звезды созвездия Горн; из-за повисшей над морем дымки ему казалось, что звезды по очереди подмигивают ему.

Вдруг море слабо вздохнуло, и словно легкая дрожь пробежала по округлым куполам волн.

— Эй, шкипер, — крикнул Медра, вскочив на ноги, — просыпайся!

— Ну что такое? — Шкипер был явно недоволен, что его разбудили.

— К нам приближается какой-то волшебный ветер. Мало того, он намерен преследовать нас. Прикажи спустить парус.

Шкипер ошалело посмотрел на него. Пока что не чувствовалось ни малейшего ветерка, огромный парус висел, как тряпка. Однако звезды на западе померкли, точно поглощенные некоей молчаливой чернотой, что медленно всползала все выше и выше из-за западного края моря. Шкипер, заметив это, спросил неуверенно:

— Так ты считаешь, это волшебный ветер?

Те, кого на островах в те времена назвали «ловкачами», часто использовали погоду как свое оружие; они также способны были наслать какую-нибудь страшную бо-

лезнь на поля врага, и урожай погибал прямо на корню; они могли вызвать, скажем, внезапный шторм, чтобы в одну минуту потопить корабли противника, или страшную песчаную бурю, которая, обрушившись на землю далеко от тех мест, откуда была послана, вызывала смертельный ужас у земледельцев.

— Прикажи спустить парус! — повелительным тоном повторил Медра. Шкипер зевнул, выругался и принялся громко отдавать команды. Матросы, с трудом стряхивая с себя сон, стали медленно спускать бессильно повисший парус, а начальник гребцов, тоже получивший соответствующий приказ от шкипера и кое-что выяснив у Медры, принялся будить рабов, нанося направо и налево удары своей плеткой. Парус был уже наполовину спущен, весла наполовину вставлены в уключины, Медра успел произнести половину нужного заклинания, когда волшебный ветер нанес свой первый удар.

Этот удар сопровождался одним-единственным оглушительным раскатом грома, и из нависшей над ними абсолютной черноты потоками хлынул ливень. Корабль встал на дыбы, точно испугавшаяся лошадь, а потом так сильно и резко накренился, что мачта сразу надломилась у самого своего основания, хотя канаты все еще удерживали ее. Парус коснулся воды, тут же намок и своей тяжестью перевернул галеру на правый борт. Огромные весла выскочили из уключин, прикованные цепями рабы забились и закричали на своих скамьях, бочки с китовым жиром вылетели из своих креплений и с грохотом покатились по палубе; жир разлился — так судно еще некоторое время смогло продержаться на поверхности воды, причем палуба была расположена под прямым углом к ней, — а потом невесть откуда взявшаяся высоченная штормовая волна ударила в судно и мгновенно поглотила его. И сразу же наступила полная тишина. Лишь ревела, уже стихая, буря да стучали по воде дождевые капли. Злой магический ветер улетал все дальше на восток, и на этом ветру с черной поверхности воды взлетела лишь одна белая морская птица, которая отчаянно захлопала крыльями и помчалась куда-то к северу.

На узкой песчаной полоске прямо под прибрежными гранитными утесами в первых лучах рассвета отчетливо были видны отпечатки лап севшей здесь морской птицы крачки. Следы эти уходили от воды, сменяясь человеческими; человек довольно долго шел вдоль моря по песку, порой почти прижимаясь к гранитным утесам, а потом следы его исчезли.

Медра знал об опасности слишком частых Превращений и длительного использования при этом одного и того же обличья, однако он был настолько потрясен стремительной гибелью судна, настолько утомлен далеким перелетом, а лететь ему пришлось до самого рассвета, что у него совершенно не было сил взбираться на эти неприветливые утесы, громоздившиеся над узкой полоской серого песка. Так что он снова произнес слова заклинания, и морская крачка, взмахнув своими сильными крыльями, взлетела прямо к вершинам этих неприступных утесов. А потом, охваченный красотой зари, которая точно прибавила ему сил, Медра полетел дальше над обширной равниной, еще затянутой сумеречной рассветной пеленой. И вскоре увидел далеко впереди округлую вершину высокого зеленого холма, освещенного первыми солнечными лучами.

И он устремился к этому холму, и приземлился на его вершине, и стоило ему коснуться земли, как он снова стал человеком.

Некоторое время он постоял там в полной растерянности, точно оглушенный. Ему казалось — он был практически в этом уверен! — что его истинное обличье вернулось к нему отнюдь не по его, Медры, воле, а только потому, что он коснулся этой земли, этого холма. Здесь правила великая магическая сила, куда более могущественная, чем его собственная.

Он огляделся — осторожно, но с огромным любопытством. По всему холму желтыми звездочками, точно искорки в зеленой траве, были рассыпаны мелкие цветы. Дети на Хавноре хорошо знали эти цветочки и называли их «искорками»; согласно древним легендам, считалось, что это искры от сожженного Повелителем Огня острова Илиен, стертого с лица земли после того, как Эррет-Акбе

одержал над ним победу в бою. Бесчисленные героические песни и сказания вспомнились вдруг Медре, пока он стоял на вершине этого зеленого холма: перед его мысленным взором проходили многочисленные герои древности — Эррет-Акбе, Королева Орлов, Геру, Акамбар, изгнавший воинственных каргов далеко на восток, и Сепьиадх-миролюбец, и прекрасная Эльфарран с острова Солеа, и Морред, Белый Волшебник и Возлюбленный Король... Смелые, мужественные, мудрые, эти великие люди проходили перед ним, словно он призвал их магическим заклятием, хотя он не произнес ни слова. Он видел их совсем рядом, видел отчетливо. Они стояли среди высоких трав и золотистых цветов, похожих на искры костра и качавших своими головками на свежем утреннем ветру.

А потом все они вдруг исчезли, и Медра остался на холме один, потрясенный и недоумевающий. «Я только что видел всех великих королев и королей Земноморья, — думал он, — а теперь передо мной всего лишь трава... неужели это они стали той травой и теми цветами?..»

Он решил обойти вершину холма кругом и медленно двинулся на восток, где зеленый склон был ярко освещен теплым солнцем, край которого уже показался над горизонтом. Прикрыв глаза рукой, Медра увидел внизу крыши города, а дальше — удобную бухту, открывавшуюся к востоку, причалы у берега, а за входом в бухту — светлую линию горизонта над морем, словно делившую этот мир пополам. Он повернулся и посмотрел на запад: там были мирные поля, пастбища, дороги... На севере тянулась цепь невысоких зеленых гор. В низине, расположенной к югу от того места, где он стоял, он заметил прекрасную рощу высоких деревьев, от которой невозможно было отвести глаз. И Медра решил, что это, видимо, начало какого-то большого леса — такого, как лес Фалиерн на острове Хавнор. Он и сам не знал, что заставило его так подумать, поскольку с вершины холма ему было видно, что дивная роща невелика и ее окружают лишь вересковые пустоши да зеленые пастбища.

Он еще долго стоял там, прежде чем спуститься к подножию холма по густой траве и зарослям цветов-искорок.

Внизу он вышел на тропу, с обеих сторон заботливо обсаженную деревьями. Тропа вела его меж крестьянских полей, которые выглядели вполне ухоженными, хотя и совершенно безлюдными. Он все искал какой-нибудь перекресток, чтобы свернуть на тропку или дорогу, ведущую на восток, в город, но ни одна из тех троп, что ему попадались, не вела на восток. И в полях не было ни души, хотя некоторые из них явно были только что вспаханы. Ни одна собака не залаяла на идущего по дороге незнакомого путника, и только старый осел, пасшийся на каменистом склоне, подошел к деревянной ограде и просунул над ней голову, явно желая познакомиться с Медрой поближе. Медра остановился и погладил осла по бурой костлявой морде. Будучи человеком городским, портовым, он мало знал о труде земледельцев и о нравах скота, однако ему показалось, что этот осел смотрит на него ласково. «Где я, ослик? — спросил он. — Ты не знаешь, как мне попасть в тот город, который я видел с холма?»

Осел еще сильнее надавил ему на руку, как бы приглашая еще почесать у него над глазами и за ушами, а потом благодарно дернул своим длинным ухом вправо. И Медра, расставшись с осликом, решил, что пойдет направо, хотя ему и казалось, что эта тропа может привести его только назад, снова на холм. Однако осел оказался прав, и довольно скоро показались дома и городские улицы, и одна из этих улиц наконец-то привела его в самый центр города, одной своей стороной смотревшего на залив.

Город был столь же странно тих и безлюден, как и ухоженные крестьянские поля. Медра не услышал ни одного голоса, не встретил ни одного человека. С виду это был самый обычный и очень милый городок, сияло чудесное весеннее утро, но Медру окружала такая звенящая тишина, словно он действительно попал на остров, опустошенный эпидемией какой-то страшной болезни или же кем-то намертво заколдованный. Между тем город вовсе не казался мертвым: от стены дома к старому сливовому дереву была протянута веревка, на которой сушилось белье, хлопая на ветру; из-за угла сада вышел кот, и не какой-нибудь бездомный, а чистенький, ухоженный, сытый, с белыми лапками и пышными усами — прямо-таки

процветающий кот! И наконец, спустившись по узенькой, вымощенной булыжником улочке, Медра услыхал голоса.

Он остановился, прислушался, но больше не услышал ни звука.

Он двинулся дальше и через некоторое время вышел на небольшую рыночную площадь. Там были люди, хотя и не очень много. И странно, они ничего не покупали и не продавали! И не было там ни прилавков, ни сараев, где хранился бы товар. И Медра догадался, что эти люди ждут его.

Еще с тех пор, как он в обличье крачки опустился на вершину зеленого холма и увидел оттуда этот город, а в траве яркие вспышки цветов, на сердце у него было удивительно легко. Он чего-то ждал, преисполненный великого изумления, но совсем не чувствовал страха. А потому стоял спокойно и смотрел на этих людей, которые собрались, чтобы встретить его.

Трое из них вышли вперед: старик, крупный, широкогрудый, с яркой седой головой, и две женщины. Волшебник всегда признает волшебника, и Медра понял, что эти женщины наделены магической силой.

Он поднял руку, сжатую в кулак, а потом, повернув ее ладонью вверх, раскрыл, словно что-то им предлагая.

— Ах! — сказала та из женщин, что была повыше, и засмеялась. Но на жест Медры таким же жестом не ответила.

— Скажи нам, кто ты? — спросил седовласый старик вежливо, но прямо, безо всяких преамбул. — Расскажи, как ты попал сюда.

— Я родился в Хавноре и получил профессию корабела, а потом еще выучился немного и стал колдуном. Я плыл на корабле, направлявшемся с острова Гит в порт О. И только я один уцелел во время кораблекрушения прошлой ночью, когда на нас налетела кем-то насланная волшебная буря. — Он умолк, вспомнив моментально затонувший корабль и рабов, прикованных цепями к скамьям, и страшную разверзшуюся бездну, которая во мгновение ока поглотила и судно, и всех, кто был у него на борту. Медра судорожно вздохнул, словно только что с трудом вынырнул из воды.

— Ну а сюда-то как ты попал?

— Я превратился в... птицу. В крачку. Это ведь остров Рок, да?

— Так ты, значит, изменил свое обличье?

Медра кивнул.

— Кому ты служишь? — спросила та из женщин, что была поменьше ростом и помоложе. Она вообще до сих пор молчала. У нее было умное суровое лицо и черные брови вразлет.

— Никому. Хозяина у меня нет.

— А зачем ты плыл в порт О?

— На острове Хавнор несколько лет назад я попал в рабство. Те, что освободили меня, рассказывали о некоем острове, где нет правителей, где помнят и чтят законы, установленные Серриадхом, где развиваются и совершенствуются различные мастерства и искусства. Я все время искал этот остров, все последние семь лет...

— Кто рассказал тебе о нем?

— «Женщины Руки».

— Любой человек может сжать пальцы в кулак, а потом раскрыть его ладонью вверх, — заявила высокая женщина, совершенно беззлобно, впрочем. — Но не каждый может прилететь на Рок по воздуху! Или подойти к его брегам на парусном судне. Сюда вообще нелегко добраться. Так все-таки, что же привело тебя сюда?

Медра ответил не сразу.

— Случай, — сказал он наконец. — Просто удачный случай, который совпал с моим давним желанием. Но не колдовство. И не знания. Я и сейчас совсем не уверен, что пришел в то место, которое так долго искал. Хотя мне хотелось бы, чтобы вы оказались именно теми людьми, о которых мне говорили, но и в этом я совсем не уверен. Я думаю, что те деревья, которые я видел с вершины холма, хранят какую-то великую тайну, но не знаю, так ли это. Я с уверенностью могу сказать только одно: с тех пор как я ступил на этот зеленый холм, я стал таким, как в детстве, когда впервые услышал «Подвиг Энлада». И это было так странно и так чудесно, что я совершенно голову потерял.

Седовласый старик посмотрел на обеих женщин.

К ним подошли и другие люди, и все они стали тихо о чем-то переговариваться.

— Ну а если ты останешься здесь, то что хотел бы делать? — спросила его женщина с черными бровями вразлет.

— Я умею строить разные суда, ремонтировать их, управлять ими. А еще я хорошо умею находить разные вещи — как на земле, так и под землей. Я умею управлять погодой, если у вас есть такая потребность. И я готов учиться магическим искусствам у любого, кто согласится меня учить.

— А чему ты хочешь научиться? — тихо и ласково спросила его та женщина, что была повыше.

И Медра почувствовал, что от ответа на этот вопрос зависит вся его дальнейшая жизнь, посвященная служению добру или злу. А потому ответил он не сразу. Он уже начал было говорить, но передумал, еще немного помолчал и, наконец, промолвил неторопливо:

— Видишь ли, я не сумел спасти одного человека... одну женщину... ту единственную, что из последних сил спасла меня. И все мои тогдашние знания оказались непригодны. Недостаточны. Наверное, я слишком мало знаю о том, как быть свободным. Если же вам это знание дано, то, молю, научите этому и меня!

— Свобода! — с горечью воскликнула женщина, и ласковый голос ее на этот раз прозвучал, точно удар кнута. Потом она посмотрела на своих спутников и заставила себя слегка улыбнуться. Снова повернувшись к Медре, она сказала: — Все мы здесь пленники, заключенные в тюремные стены, а потому свобода — самая главная проблема для нас. Ты каким-то образом прошел сквозь стены нашей тюрьмы. Ты говоришь, что искал свободу... Но попал-то ты в тюрьму, и тебе следует знать, что покинуть Рок для тебя окажется, возможно, куда труднее, чем попасть сюда. Это настоящая тюрьма внутри еще большей тюрьмы, и некоторые ее стены мы, увы, построили сами. — Она оглянулась на остальных. — Что скажете? — спросила она их.

Много говорить они не стали: похоже, они умели советоваться друг с другом без слов. Наконец та женщина,

что была пониже ростом, глянула на Медру своими огненными глазами из-под черных бровей и сказала:

— Хорошо. Оставайся. Ты этого хочешь?

— Да.

— Как нам тебя называть?

— Крачка, — сказал он; так его и стали звать на острове Рок.

На этом острове Медра нашел как значительно меньше, так и значительно больше того, что так долго искал, на что надеялся. Ему объяснили, что остров Рок — это сердце Земноморья. Первым островом, который Сегой поднял из вод морских в начале времен, был светлый остров Эа, что в северном море, вторым — остров Рок. Тот зеленый холм, что высился над островом, имел куда более глубокие корни, чем все острова Земноморья. Те деревья, которые Медра видел с вершины холма и которые странным образом впоследствии обнаруживал то в одной части острова, то в другой, были самыми древними деревьями в мире и служили источником и средоточием магических сил.

— Если Имманентную Рощу вырубить, исчезнет, рассыплется вся магическая премудрость. Корни этих деревьев — это корни Знания. Рисунок той тени, которую отбрасывают листья в Роще, — это написанные солнечным светом слова, которые произнес Сегой в момент Созидания.

Так говорила Эмбер, его чернобровая учительница с огненным взглядом.

Все те, кто занимался на острове Рок магическим искусством, были женщинами. Там не было мужчин, наделенных магической силой. На этом острове вообще было очень мало мужчин.

Тридцать лет назад пиратствующие правители острова Уотхорт послали целый флот, чтобы завоевать Рок и подчинить его себе. Впрочем, завоевать его им хотелось не столько из-за каких-то неведомых богатств — Рок никогда не считался особенно богатым островом, — а для того, чтобы навсегда сокрушить его волшебные силы, которые

были поистине велики и считались несокрушимыми. К несчастью, среди волшебников Рока нашелся предатель, который помог «ловкачам» с Уотхорта ослабить охранявшие Рок заклятья. И как только с помощью магии в невидимых стенах, охранявших Рок, удалось пробить брешь, пираты захватили остров, уничтожая его население огнем и мечом. Их большие корабли заполнили гавань города Твила, полчища жестоких воинов жгли и грабили города и деревни, работорговцы захватывали в плен всех подряд: мужчин, мальчиков, молодых женщин. Малых детей и стариков они просто убивали. Пираты поджигали каждый попавшийся им на пути дом, каждое поле. Когда через несколько дней их корабли уплыли прочь, на острове не осталось ни одной уцелевшей деревни; все крестьянские дома были сожжены или же, полностью разоренные, лишились своих хозяев.

К счастью, город Твил, раскинувшийся на берегах залива, также обладал некими волшебными свойствами, благодаря близости Холма и Имманентной Рощи, поэтому, когда мародеры, поджигая дома, ворвались туда в поисках рабов и поживы, пожары тут же потухли сами собой, а узкие извилистые улочки Твила, превратившись в настоящий лабиринт, совершенно сбили бандитов с пути. Большую часть выживших жителей острова составляли после того страшного налета мудрые женщины, хранительницы магических искусств, и их дети, которым удалось скрыться в городе или в Имманентной Роще. Теперешнее поколение мужчин Рока было представлено, главным образом, теми самыми детьми, которые успели вырасти. В живых осталось также несколько стариков, спрятавшихся в Роще. Никакого правителя на Роке действительно не было; островом правили «Женщины Руки», и это именно их заклятия так долго и успешно защищали Рок, ибо после случившегося они еще более усилили их.

«Женщины Руки» почти не верили мужчинам. Ведь один из мужчин предал их когда-то жестоким пиратам! И пираты — тоже мужчины! — буквально уничтожили прекрасный остров, полностью разорив его, стольких угнав в рабство и стольких положив в неправедном бою. Здесь считалось, что именно мужские амбиции привели к

тому, что магическая премудрость стала источником получения наживы. «Мы не имеем никаких дел с правителями-мужчинами с других островов», — твердо заявила Медре высокая Вейл.

Однако Эмбер прибавила: «Но причиной собственной гибели стали мы сами». И она рассказала Медре, как мужчины и женщины острова Рок объединились более ста лет назад в некое братство магов. Гордые своими достижениями и ощущавшие себя в безопасности благодаря своему объединенному волшебному могуществу, они стремились не только делиться знаниями друг с другом, но и создать тайный союз для борьбы с теми, кто развязывает войны и занимается работорговлей. В этом союзе зачинщиками и организаторами всегда были женщины, и это женщины, притворяясь торговками, продающими целебные мази, или прикрываясь тем, что плетут сети, отправлялись с Рока на другие острова Внутреннего моря и плели огромную тонкую сеть сопротивления. Даже и в наши дни в Земноморье еще остались отдельные ячеи и узелки той сети. А Медра впервые наткнулся на ее следы в родной деревне Аниеб и с тех пор постоянно шел по этому следу. Однако не он привел его на остров Рок. После того как пираты разграбили и сожгли большую часть полей и селений острова, его обитатели полностью изолировали себя от остального мира; они не имели ни с кем никаких торговых сношений, даже с соседними островами, замкнув пространство вокруг острова Рок могущественными защитными заклятиями, которые были созданы и постоянно обновлялись мудрыми женщинами Рока. «Мы не можем спасти их, — говорила Эмбер, — раз не смогли спасти самих себя!»

Вейл, при всей ее мягкости, нежном голосе и приятной улыбке, была настроена еще более непримиримо. Она, например, сама сказала Медре, что хотя она и согласилась с тем, чтобы его оставили на Роке, но предупредила всех, что за ним нужен глаз да глаз.

— Ты ведь однажды уже сумел пробраться сквозь все наши волшебные стены, — честно сказала она ему. — Возможно, то, что ты рассказал о себе, и чистая правда.

А вдруг нет? Можешь ли ты привести мне такое доказательство, чтобы я все-таки поверила, что ты не лжешь?

Вейл, правда, согласилась с остальными в том, что Медре нужно предоставить небольшой домик на берегу залива и работу — назначить помощником городского кораблестроителя — это была, разумеется, тоже женщина, которая самостоятельно овладела этим ремеслом и очень радовалась, что у нее теперь такой умелый помощник. Вейл ни в чем не препятствовала Медре, не строила ему никаких козней и всегда ласково здоровалась с ним, но все же он помнил, как она сказала ему тогда: «Можешь ли ты привести мне такое доказательство, чтобы я все-таки поверила, что ты не лжешь?» — и ему нечего было сказать ей в ответ на эти слова.

Эмбер обычно хмурилась, когда он ее приветствовал. Она задавала ему отрывистые неожиданные вопросы, внимательно выслушивала его ответы, но сама очень часто на его вопросы отвечать отказывалась.

Как-то раз, сильно смущаясь, он попросил ее рассказать, что, в сущности, представляет собой Имманентная Роща, потому что, когда он спрашивал об этом других, они говорили: «Эмбер лучше тебе расскажет». Однако Эмбер отвечать на его вопрос отказалась — не то чтобы грубо, но решительно — и заявила: «О Роще ты можешь узнать только в Роще и от самой Рощи!» А через несколько дней после этого разговора вдруг пришла на берег залива, где Медра на песке чинил рыбачью лодку, и старательно помогала ему, чем могла, а потом стала расспрашивать его о том, как строят суда, и он рассказал и показал ей все, что сумел. Это был удивительно мирный денек, однако впоследствии она не раз вела себя с ним недоверчиво и резко. Он даже немного ее побаивался: она была совершенно непредсказуема. Он, например, был очень удивлен, когда она вдруг сказала ему: «После Долгого танца я собираюсь в Рощу. Если хочешь, можем пойти туда вместе».

Казалось, с Холма видна вся Имманентная Роща целиком, и все же если в нее зайти, то далеко не всегда сумеешь выйти снова в те же поля. Можно без конца идти под деревьями-великанами, и Роще не будет конца. Деревья в самой Роще все были одинаковыми, такие деревья не росли больше нигде, однако же никакого особого названия в ардическом языке эти деревья не имели, а назывались просто «деревья». А на древнем Языке Созидания, по словам Эмбер, у каждого из этих деревьев, конечно же, было свое собственное Имя. Бредя по Роще, можно было и через некоторое время обнаружить, что идешь ты уже среди самых обыкновенных деревьев — дубов, берез, ясеней, каштанов, орехов, а также ив, которые весной, когда начинают зеленеть, особенно хороши, зато зимой стоят голые, узловатые, неприглядные. Были там и темные ели, и кедры, и еще какие-то вечнозеленые деревья, названий которых Медра не знал, с мягкой красноватой корой и густой листвой. И еще замечательным было то, что тропа, по которой идешь среди деревьев, никогда не бывает точно такой же, какой была вчера; эта тропа могла вывести порой в самые неожиданные места. Жители Твила предупреждали Медру, что в Роще лучше не заходить слишком далеко и возвращаться нужно только тем же путем, каким пришел.

— Как же далеко простирается этот лес? — спросил Медра.

И Эмбер сказала:

— Так далеко, как способны простираться твои мысли.

А еще она сказала, что листья здесь умеют говорить, а тени под деревьями можно прочесть, как письмена.

— Я как раз учусь их читать, — сказала она ему очень серьезно.

Живя на острове Оррими, Медра научился разбирать старинную руническую письменность островов Архипелага. Впоследствии старый Хайдрейк с острова Пендор научил его некоторым Истинным Рунам. Это, впрочем, были достаточно распространенные знания. А то, что изучала Эмбер в полном одиночестве в тиши Имманентной Рощи, не было известно никому, кроме очень и очень немногих. Это были особые, тайные знания. Эмбер, собственно, все лето прожила в Роще, имея при себе только сундучок, в который прятала запас съестного от лесных крыс и мышей. Жила она в шалаше, еду готовила на кост-

ре у ручья, выбегавшего из чащи и впадавшего в маленькую речушку, стремившуюся к морю.

Медра устроился неподалеку. Он не знал, что Эмбер от него нужно, но надеялся, что она все же собирается его чему-то учить, а может быть, и ответит наконец на его бесконечные вопросы о Роще. Но она с ним практически не говорила, а он был слишком застенчив и осторожен, чтобы решиться нарушить ее странное уединение, которое, пожалуй, даже немного пугало его, как и сама эта древняя Роща. Однако на второй день их пребывания в лесу Эмбер вдруг сказала, чтобы Медра шел за нею, и привела его в самую чащу. Они несколько часов шли в абсолютном молчании. В летнюю полдневную жару деревья вокруг тоже стояли молча. Не пели птицы. Замерли говорящие листья. Тропы, ведущие куда-то между деревьями, были бесконечно разнообразны и одновременно удивительно похожи. Медра и не заметил, когда они повернули назад, но точно знал, что они прошли куда дальше берегов острова Рок.

Из Рощи они вышли уже теплым вечером с той стороны, где раскинулись знакомые ему пахотные поля и пастбища. Пока они шли к той речушке, где у каждого было свое место ночлега, Медра заметил в небе над западными холмами четыре звезды — созвездие Горн.

Эмбер не сказала ему на прощанье ни слова, кроме привычного «спокойной ночи».

На следующий день она заявила:

— Я собираюсь сидеть под деревьями.

Он не совсем понял, что она, собственно, имеет в виду и чего ожидает от него, но все же последовал за нею, держась, правда, на некотором расстоянии, и в итоге они пришли в самую глубинную часть Рощи, где все деревья были одинаковыми и безымянными, хотя каждое из них, как говорила Эмбер, имело свое собственное Имя. Девушка устроилась на мягкой лиственной подстилке между могучими корнями огромного старого дерева. Медра подыскал себе местечко неподалеку и тоже уселся. Эмбер сидела совершенно неподвижно, наблюдая и слушая, и он тоже, затаив дыхание, стал наблюдать и слушать. Так они ходили «сидеть под деревьями» в течение нескольких

дней. Затем однажды утром — просто из духа противоречия — Медра остался у ручья, а Эмбер снова ушла в Рощу. На него она даже не оглянулась.

В то утро из Твила к ним пришла Вейл с целой корзиной съестных припасов — она принесла хлеб, сыр, творог, первые летние фрукты.

— Ну, и что же ты здесь узнал? — спросила она Медру как всегда ласково-холодноватым тоном, и он ответил:

— Что я полный дурак!

— Это почему же, Крачка?

— Только дурак может целую вечность сидеть под этими мудрыми деревьями, не становясь от этого умнее!

Вейл слегка улыбнулась и заметила:

— Моей сестре до сих пор не доводилось учить мужчину. — Она искоса глянула на него и уставилась куда-то вдаль, в зеленые поля. — По-моему, Эмбер никогда прежде даже и не смотрела на мужчин, — прибавила Вейл и снова чуть усмехнулась.

Медра промолчал, чувствуя, как кровь приливает к щекам, а потом, не глядя на Вейл, пробормотал:

— А я думал... — И умолк.

В нескольких словах Вейл сразу объяснила ему очень многое — и странную нетерпеливость Эмбер, и ее «сердитый» нрав, и ее огненные взгляды, и ее странную молчаливость.

Медра всегда старался воспринимать Эмбер как особу почти священную, неприкосновенную, хотя ему порой очень хотелось коснуться ее нежной смуглой кожи и черных блестящих волос. Когда же она поднимала на него глаза, в которых всегда горел какой-то непонятный вызов, ему казалось, что она на него за что-то сердится. Он очень боялся чем-нибудь обидеть ее, оскорбить. Оказывается, она тоже боялась! Но чего? Его желания? Или... своего? Но ведь она отнюдь не была неопытной девочкой, ее все называли «мудрой женщиной», она была магом, она ходила по Имманентной Роще и читала то, что написано на земле тенями волшебных листьев!

Все эти мысли разом пронеслись в его голове, точно бурный поток, прорвавшийся сквозь дамбу. Вейл по-прежнему молча стояла с ним рядом.

— Я думал, что маги всю жизнь проводят в одиночестве, не имея семьи, — сказал он наконец. — Хайдрейк говорил мне, что заниматься любовью — значит губить свою магическую силу.

— Да, так считают некоторые... мудрецы, — спокойно подтвердила Вейл и снова улыбнулась, а потом сразу попрощалась с ним и ушла.

А он весь день пребывал в душевном смятении, сердясь на себя самого. Заметив, что Эмбер вышла наконец из Рощи и направилась к своему шалашу на берегу ручья, он решительно встал и двинулся к ней, в качестве извинительного предлога прихватив с собой корзину, которую принесла Вейл.

— Можно мне поговорить с тобой? — спросил он девушку.

Она лишь коротко кивнула и нахмурила свои черные брови.

Но Медра не знал, с чего начать, и она, чтобы нарушить неловкое молчание, присела на корточки возле корзины и стала разбирать принесенные продукты.

— Ой, персики! — воскликнула она и вдруг улыбнулась.

— Мой учитель, Мастер Хайдрейк, говорил, что волшебники, которые занимаются любовью с женщинами, попусту растрачивают свои волшебные силы. Это правда? — выпалил вдруг Медра.

Эмбер ничего не ответила, выкладывая из корзины продукты и аккуратно деля их на две равные части.

— Как ты считаешь, это правда? — снова задал он свой вопрос.

Она пожала плечами и сказала:

— Нет.

Он прикусил язык. Она вздохнула, подняла голову, посмотрела на него и спокойно повторила:

— Нет, это неправда. Я, во всяком случае, так не считаю. Мне кажется, что у любого истинного могущества, как и у всех древних сил, один и тот же корень.

Он по-прежнему стоял как вкопанный, и она снова заговорила:

— Посмотри, эти персики уже совсем спелые! Даже чересчур. Так что нам придется сразу их съесть.

— Если я скажу тебе свое имя, — заговорил он наконец, — свое Истинное имя...

— Я назову тебе свое, — просто ответила она. — Если... если именно с этого нам следует начать.

Но начали они все же с персиков.

Оба были достаточно застенчивы по характеру. Когда Медра взял ее за руку, его собственная рука так дрожала, что Эмбер отвернулась и нахмурилась, чтобы скрыть смущение. Собственно, для него она была уже не Эмбер, а Элеаль, ибо таково было ее Истинное имя. Затем она сама легонько коснулась его руки. Но когда он наконец решился и погладил ее блестящие черные волосы, водопадом падавшие на спину, ему показалось, что она с трудом терпит его прикосновение, и он убрал руку. И вдруг она обернулась и страстно, торопливо, неловко обняла его. И далеко не в первую ночь, которую они провели вместе, испытали они истинное наслаждение или хотя бы почувствовали себя достаточно свободно. Однако они старательно учились друг у друга и наконец, оставив позади стыд и страх, достигли вершин настоящей любви и страсти. И тогда долгие дни и короткие звездные летние ночи в тиши этих волшебных лесов стали для них самыми счастливыми в жизни..

Когда Вейл в следующий раз поднялась к ним из города, чтобы угостить их последними поздними персиками, и достала эти фрукты из корзины, они дружно рассмеялись: персики стали для них настоящим символом счастья. Они попытались уговорить Вейл остаться и поужинать с ними вместе, но она ни за что не хотела.

— Живите здесь, пока есть такая возможность, — только и сказала она на прощанье.

В тот год лето закончилось слишком рано, начались дожди. А среди осени снег выпал даже на таком южном острове, как Рок. На море один шторм следовал за другим, словно ветры в гневе поднялись против неправедной власти и пагубных деяний «ловкачей» и пиратов. В деревнях женщины собирались у кого-нибудь на кухне, у очага, чтобы не было так страшно в одиночестве. Горожане

Твила тоже часто собирались у огня и слушали, как воет ветер, как стучит дождь, как бесшумно падает густой снег. А за пределами гавани море так ревело и бушевало среди рифов и прибрежных утесов, что ни один моряк не решился бы проплыть по таким волнам.

Жители острова делились друг с другом всем, что имели. В этом отношении это был действительно остров Морреда. Никто здесь не голодал, у всех была крыша над головою, хотя вряд ли у кого-то из этих людей имущества и еды было больше самого необходимого минимума. Скрывшись от остального мира не только с помощью естественных помощников — моря и зимних бурь, — но и с помощью особых заклятий, которые настолько изменяли облик острова, что заставляли суда плыть прочь от него, эти люди дружно трудились, дружно беседовали по вечерам и пели старинные песни: «Зимнюю песнь», и «Подвиг молодого короля», и многие другие. И были у них еще книги: «Хроники Энлада», «История мудрых героев» — множество книг, и эти драгоценные книги старики и старухи обязательно читали вслух в том просторном зале, что был расположен близ верфи и где имелся большой очаг. Слушая их чтение, рыбачки плели и чинили свои сети, и даже с дальних ферм туда приходили люди послушать, как старики читают эти мудрые прекрасные истории, и все слушали молча, внимательно. «Души наши терзает голод», — сказала как-то Эмбер.

Теперь она по большей части жила вместе с Медрой в маленьком домике неподалеку от пристани, хотя довольно часто гостила и у своей сестры Вейл. Эмбер и Вейл были еще совсем маленькими и жили в деревне недалеко от Твила, когда с острова Уотхорт на Рок приплыли пираты. Мать спрятала девочек в подвале их деревенского дома и постаралась использовать все свои магические знания, чтобы защитить мужа и братьев, ибо мужчины прятаться, конечно же, не пожелали и решили сражаться с захватчиками. Но силы были слишком неравными, и их попросту зарезали вместе со скотиной, а дом и амбары сожгли. Девочки всю ночь просидели в подвале, а потом и еще несколько ночей, пока не пришли соседи, чтобы похоронить убитых, ибо трупы уже начинали разлагаться.

Люди случайно обнаружили в подвале умиравших от голода и ужаса малышек, которые сидели молча и, вооружившись мотыгой и обломком плуга, готовы были защищать не только себя, но и своих погибших родственников.

Медра уже частично знал эту страшную историю от Эмбер. Но как-то вечером Вейл, которая была на три года старше Эмбер и все это помнила более ясно, подробно рассказала ему о своем детстве и о том, что случилось с ее семьей. Эмбер молча сидела рядом и внимательно слушала.

И тогда Медра рассказал сестрам о шахтах Самори, об отвратительном волшебнике Геллуке и о рабыне Аниеб.

Когда он закончил свой рассказ, Вейл довольно долго молчала, а потом сказала:

— Так вот что ты имел в виду, когда сказал, впервые оказавшись у нас на острове: «Я не смог спасти ту, что спасла меня».

— А ты еще требовала у меня доказательств того, что я не лгу.

— Вот я их и получила, эти доказательства, — сказала Вейл.

Медра взял ее руку и, низко склонившись, коснулся этой руки лбом. Рассказывая о гибели Аниеб, он с трудом сдерживал слезы, но теперь больше не в силах был сдерживаться, и слезы все же потекли у него по щекам.

— Она подарила мне свободу, — сказал он. — И я до сих пор чувствую, что все, что я делаю, я делаю благодаря ей и для нее. Нет, не для нее. Мы ничего не можем сделать для мертвых. Но для...

— Для нас, — сказала Эмбер, — для нас, живых, которые продолжают жить, несмотря ни на что, скрываясь, но никого не убивая. Мертвые мертвы. А великие и могущественные идут своим путем, ничего не замечая, и ничто их не остановит. Так что нам, обыкновенным людям, остается надеяться только на самих себя.

— Но неужели мы должны вечно скрываться?

— Вот, это говорит мужчина! — заметила Вейл со своей ласковой и будто раненой улыбкой.

— Да, — сказала Эмбер, — мы должны скрываться и

будем скрываться вечно, если в том будет необходимость. Ибо ничего другого нам не осталось, только быть убитыми или убивать самим. Ты ведь и сам говоришь, что за пределами нашего острова это так, и я тебе верю.

— Но ведь невозможно скрыть истинное могущество, — сказал Медра. — Во всяком случае — невозможно скрывать его долго. Оно ведь умирает, если его скрывать, если ни с кем своим могуществом не делиться.

— Волшебство на Роке не умирает НИКОГДА! — сказала Вейл. — На Роке все заклятия обретают особую силу. Так говорил сам Атх. Ты ведь уже немало времени провел в Роще, ходил под ее деревьями... Ты должен был почувствовать ее могущество. А нашей задачей должно стать поддержание этого могущества. Да, мы должны его скрывать, но должны и хранить и умножать его — подобно тому, как молодой дракон хранит и умножает силу своего пламени. И еще — мы непременно должны делиться друг с другом этим могуществом и своими знаниями о нем. Но только здесь, на Роке, где эти знания в безопасности и где грабители и убийцы станут искать его в последнюю очередь, поскольку уверены, что здесь живут только «простые» люди. И в один прекрасный день наше могущество — этот великий дракон — войдет в полную силу, даже если это займет целую тысячу лет...

— Но за пределами острова Рок, — заметил Медра, — тоже есть простые люди, которых превращают в рабов, которые ведут скотское существование, которые умирают от голода и болезней. Неужели они тоже должны ждать тысячу лет, не имея никакой надежды?

Он смотрел на сестер, переводя взгляд с одной на другую: одна была внешне удивительно мягка, однако душа ее словно застыла; другая, несмотря на внешнюю суровость, обладала нежной душой, вспыхивавшей легко, точно сухое топливо в очаге.

— На острове Хавнор, — сказал Медра, — далеко от Рока, в одной деревне на горе Онн, среди тех простых людей, которые почти ничего не знают о внешнем мире, также есть «Женщины Руки». И созданный некогда союз таких людей не распался и не был уничтожен — за столько лет! Как же крепко была сплетена эта сеть!

— Скорее, умело, — обронила Эмбер.

— И ведь «Союз Руки» охватывает многих и на других островах! — Медра снова некоторое время молча смотрел на сестер. — Меня не слишком хорошо учили в Хавноре, тайком учили, — сказал он. — Однако все мои тамошние учителя твердили мне, что я никогда не должен использовать волшебство в дурных целях, а сами жили в постоянном страхе, не имея сил сопротивляться правителям и их приспешникам. Они отдали мне все, что могли, но это, к сожалению, было очень и очень немного. И лишь благодаря счастливой случайности я не оказался сейчас на неверном пути. И еще потому, что Аниеб дала мне силу и надежду. Если бы не она, я сейчас был бы слугой Геллука. Однако и сама Аниеб не имела необходимых знаний, хотя и обладала врожденным волшебным даром. Из-за своего незнания она и попала в рабство. Если великие маги — даже лучшие из них! — станут плохо учить своих учеников, если могущество этих магов будут использовать в своих корыстных целях правители-пираты, то разве сможет возрасти наше могущество здесь, на Роке? Чем вы станете кормить своего молодого дракона?

— Рок — это средоточие магических сил, — сказала Вейл. — Центр нашего мира. Мы должны держаться центра. И ждать.

— Нет, мы еще и непременно должны отдавать то, что имеем, — возразил Медра. — Если все в Земноморье, кроме нас, будут рабами, то какой смысл в нашей свободе?

— Истинное искусство всегда побеждает фальшь. Истинный Путь извратить невозможно, — хмурясь, промолвила Эмбер. Кочергой она подтолкнула в огонь многочисленные записки с именами тех, кто был назван в ее честь, и записки ярко вспыхнули. — Это я знаю твердо. Но жизнь наша коротка, а Путь очень долог. Если бы Рок был таким, каким был когда-то... Если бы здесь собралось побольше тех, кто владеет Истинными искусствами, кто мог бы изучать и сохранять их и дальше, обучая им и других...

— Если бы Рок стал таким, как когда-то, когда он был открыт всему миру и всему миру известен своим могуще-

ством, то те, кто сейчас нас боится, снова явились бы, чтобы его уничтожить! — упрямо сказала Вейл.

— Значит, главное — в сохранении тайны? — спросил Медра. — Неужели это действительно самое главное?

— Нет, главная наша проблема в отсутствии мужчин, — трезво пояснила Вейл. — Ты уж прости меня, дорогой братец, но мужчины всегда больше ценили других мужчин, чем женщин и детей. Вот, например, если бы волшебники с других островов узнали, что у нас здесь появилось пять или шесть десятков ведьм или даже настоящих чаровниц, их бы это не слишком встревожило. Но если бы они узнали, что на Роке появилось сразу пять могущественных магов, то нас всех, конечно же, снова постарались бы уничтожить.

— Так что, хотя среди нас всегда были и мужчины, нас всегда называли именно «ЖЕНЩИНАМИ Руки», — сказала Эмбер.

— Я знаю, — сказал Медра. — И Аниеб была одной из вас. Но и она, и вы, и все мы жили и живем в одной и той же тюрьме.

— Что же мы можем сделать? — спросила Вейл.

— Постараться познать собственную силу! — сказал Медра.

— Школа?.. — задумчиво проговорила Эмбер. — Куда могли бы приезжать волшебники и учиться друг у друга, изучать Путь... Имманентная Роща, возможно, защитила бы нас.

— Все эти воинственные правители-пираты презирают ученых и учителей, — сказал Медра.

— Я думаю, они также боятся их, — заметила Вейл.

Вот какие разговоры вели они в ту долгую зиму, и постепенно в этих разговорах стали принимать участие и другие, но далеко не сразу от абстрактных рассуждений они перешли к конкретным намерениям, от страстной мечты — к определенному плану. Вейл всегда была особенно осторожна, всегда предупреждала о возможных опасностях. А вот седовласый Дьюн так размечтался о возможности создания Школы, что Эмбер сказала Медре, что старик давно готов учить колдовству любого ребенка в Твиле. Как только Эмбер уверовала, что свобода Рока

зависит от того, будут ли свободны все остальные острова, она все свои помыслы направила на усиление некогда очень сильного «Союза Руки». Однако разум ее, сформировавшийся практически в полном одиночестве среди волшебных деревьев Рощи, всегда стремился к определенной форме и ясности задач, так что она спросила:

— Как же мы сможем учить нашему искусству других, если сами не знаем толком, что оно из себя представляет?

И теперь их разговоры уже превратились в настоящие дискуссии о волшебных искусствах и умениях, и в них участвовали все мудрые женщины острова. Что такое истинное искусство магии? В какой момент оно стало превращаться в подделку? Как было сохранено или утрачено равновесие в мире? Какие умения необходимы более других? Какие наиболее полезны? Какие наиболее опасны? Почему у некоторых людей один магический дар, а не другой? Можно ли научиться некоему искусству, если у тебя нет врожденной к нему предрасположенности? Во время дискуссий по всем этим вопросам они придумывали и названия для различных магических искусств и умений, и слова эти впоследствии всегда употреблялись на Роке и на других островах, например, слово для умения отыскивать потерянные вещи или управлять погодой, слово для великого искусства Превращений и для целительства, для умения вызвать заклятием любую душу, для умения выбрать нужный Путь, для умения узнавать Истинные имена людей и вещей, для искусства создавать иллюзии, для умения исполнять древние священные песни... Таковы искусства Мастеров Рока и в наши дни, хотя место Мастера Искателя в Школе Рока теперь свободно, и в Девятке его занял Мастер Регент, ибо такое умение, как Искательство, было сочтено просто одним из полезных умений, а не одним из наиважнейших искусств, которыми полагается владеть настоящему магу.

Так, во время этих дискуссий и было положено начало Школе Волшебников на острове Рок.

Некоторые говорят, что Школа эта начала действовать совсем иначе. Они утверждают, что островом всегда правила некая женщина, которую все называли Темной Женщиной и которая была в союзе с Древними Силами

Земли. Говорили, что жила эта женщина в пещере под Холмом и никогда не выходила на свет, а плела там, в темноте, могущественные заклятья, опутывавшие и сам остров, и море вокруг него, и с помощью этих заклятий она якобы подчиняла людей, и в первую очередь мужчин, своей злой воле. Так продолжалось, пока на Рок не прибыл первый Верховный Маг, не распечатал вход в ту пещеру и не одержал победу над Темной Женщиной. И сам не занял ее место.

В этой истории нет ни слова правды, если не считать того, что действительно один из первых Мастеров Рока открыл некую великую пещеру и вошел в нее. Но, хотя корни острова Рок — это корни всех островов Земноморья, пещера эта, увы, находилась не на острове Рок.

Правда и то, что во времена Медры и Элеаль жители Рока, мужчины и женщины, совсем не боялись Древних Сил Земли, но почитали их и искали у них помощи и умения видеть будущее. Со временем, впрочем, это отношение переменилось.

В тот год весна опять пришла поздно и была холодной и богатой штормами. Медра увлеченно строил корабль. В тому времени, как зацвели персики, он успел построить изящное, прочное судно, способное плыть в далекие моря. Он строил его по всем правилам науки корабелов Хавнора и назвал его «Надежда». И вскоре после этого, подняв паруса, вышел на нем из залива Твил, не взяв с собой ни одного помощника.

— Жди меня к концу лета, — сказал он Эмбер.

— Я буду в Роще, — отвечала она. — А сердце мое будет с тобой, моя темная выдра, моя белая крачка, любовь моя, мой Медра!

— А мое — с тобой, пылающие угли моего костра! Милая моя, мое цветущее деревце, любовь моя, моя Элеаль!

* * *

Во время своего первого путешествия Медра по прозвищу Крачка отправился через Внутреннее море на север, к острову Оррими, где уже побывал когда-то и знал там несколько человек из «Союза Руки», которым вполне

доверял. Одного из них звали Вороном. Это был человек зажиточный, большой любитель уединения и всяких мудрых книг и историй, но, к сожалению, лишенный какого бы то ни было магического дара. Медра помнил, как этот Ворон тыкал его носом в книгу, пока он не научился читать.

— Неграмотные волшебники — вот проклятие Земноморья! — кричал Ворон. — Невежественным людям следует запретить пользоваться той магической силой, что дарована им от природы! — Ворон вообще был человек довольно странный: упрямый, своенравный, самонадеянный; но если требовалось защищать предмет его страсти — книги, письменное слово, — он готов был проявить поистине чудеса храбрости. К могущественному правителю Хавнора Лозену он относился с презрением, а за несколько лет до описываемых событий ездил тайком, старательно изменив внешность, в порт Хавнор и привез оттуда четыре замечательные книги из старинной королевской библиотеки. Ему удалось также раздобыть — чем он страшно гордился — знаменитый магический трактат о свойствах ртути, некогда созданный на острове Уэй. — И этот трактат я тоже увез у Лозена из-под носа! — весело сообщил он Крачке. — Ты заходи, посмотришь, что за книга! Замечательная! Она принадлежала одному знаменитому волшебнику.

— Ну да, Тинаралу, — кивнул головой Крачка. — Я его знал.

— Значит, ерунда? — разочарованно спросил Ворон.

— Не знаю. Думаю, что нет. Но я охочусь за более крупной добычей. — Ворон насторожился и по-птичьи склонил голову набок. — Мне нужна «Книга Имен»!

— Но ведь она была утрачена, еще когда великий Атх отправился на запад, — сказал Ворон.

— Один старый маг по имени Хайдрейк говорил мне, что когда Атх какое-то время жил на острове Пендор, то он рассказывал одному тамошнему волшебнику, что оставил «Книгу Имен» на сохранение у некоей женщины с Девяноста Островов.

— «Книгу Имен»? У женщины? На сохранение? Да еще с Девяноста Островов! Да он что, спятил?

Ворон еще долго возмущенно выкрикивал что-то насчет женщин и древних книг, однако мысль о том, что «Книга Имен», возможно, все же не утрачена, пробудила в нем полнейшую готовность немедленно, или как того пожелает Крачка, плыть на ее поиски к Девяноста Островам.

Так что они снарядили «Надежду» и отправились на юг, сперва причалив к весьма негостеприимным берегам острова Гит, а потом под видом мелких торговцев стали перебираться с одного острова на другой по лабиринту бесчисленных проливов и каналов. Ворон заботливо набил трюмы куда лучшим товаром, чем привыкли видеть у посещавших их торговцев жители Девяноста Островов, а Крачка продавал эти вещи по весьма сходной цене, а порой и просто менял, поскольку у тамошних бедняков деньги водились нечасто. Слава об удивительных торговцах, меняющих прекрасные товары на старые книги, далеко обгоняла путешественников. Всем уже было известно также, что книги им нужны только настоящие старинные, а не какая-нибудь современная подделка. Впрочем, на Девяноста Островах все книги были старые и все настоящие — во всяком случае, среди тех, что там еще сохранились. Других книг там просто не было.

Ворон был счастлив, когда заполучил чуть попорченный водой «Бестиарий» времен Акамбара, отдав за него пять серебряных пуговиц, кинжал с украшенной перламутром ручкой и штуку шелка из Лорбанери. Теперь он все чаще сидел где-нибудь в укромном уголке, нахохлившись, как настоящий ворон, и вперив взгляд в древние изображения харрекки, отаков и полярных медведей. А Крачка не пропускал ни одного из самых маленьких островков и непременно высаживался на берег, демонстрируя свои товары хозяйкам на кухнях и старикам в сонных харчевнях. Иногда он как бы невзначай сжимал пальцы в кулак, а потом заветным жестом раскрывал кулак, повернув руку ладонью вверх, но никто ни разу не ответил ему тем же.

— Книги? — спросил его кровельщик на Северном Судиди. — Вот такие, что ли? — И он показал Крачке длинные полоски тонкого пергамента, большая часть которых была уже вплетена в тростниковую крышу его дома. — А они разве и еще на что-нибудь годятся?

Ворон, вглядываясь в слова, еще видимые кое-где на полосках пергамента, которые уже были вплетены в кровлю, прямо-таки весь затрясся от злости, и Крачка поспешил поскорее увести своего друга на судно.

— По-моему, это был всего лишь справочник ветеринара, — пробормотал Ворон, немного успокоившись, когда они уже отплыли от злополучного острова. — Я успел разобрать слова «животное, страдающее шпатом» и еще что-то о вымени ярок. Но все равно — какое невежество! Какое дикое невежество! Крышу он, видите ли, кроет пергаментом из старинных книг!

— А между тем это были очень полезные знания для скотоводов и вообще сельских жителей, — подхватил Крачка. — Как можно преодолеть невежество, если люди сами губят собственные знания, если они их не желают ни воспринимать, ни передавать друг другу? Вот если бы все старинные книги можно было собрать где-нибудь в одном месте...

— Как это было в Королевской библиотеке! — мечтательно подхватил Ворон и даже глаза закрыл, предавшись сладостным воспоминаниям о былой славе Земноморья.

— Или в твоей, — заметил Крачка, давно уже научившийся льстить этому библиоману.

— Ну, что там моя библиотека! — презрительно воскликнул Ворон, словно это не он потратил всю жизнь на любовное собирание книг. — У меня сущая ерунда, разрозненные фрагменты... Остатки!

— Начала, — возразил Крачка.

Ворон в ответ только вздохнул.

— По-моему, нам пора отправляться дальше на юг, — сказал Крачка, стоя у руля и ловко огибая очередной островок. — К острову Поди.

— А торгуешь ты здорово, прямо талант! — восхищенно заметил Ворон. — И всегда ведь знаешь, где что искать! Вот ведь привел нас прямиком к этому «Бестиарию», который у них в амбаре валялся... Но, пожалуй, ты прав: здесь больше искать нечего. Во всяком случае, вряд ли мы найдем еще что-нибудь стоящее. Такой великий

человек, как Атх, никогда не оставил бы без внимания «Книгу Имен» — особенно среди этих дикарей, которые и ее, самую мудрую книгу всех времен, вполне могли бы на полоски разрезать и крышу покрыть! Можно, конечно, и на Поди сплавать, если хочешь. А потом давай на Орими вернемся, ладно? С меня, пожалуй, довольно.

— Да и пуговицы у нас все вышли, — кивнул Крачка. Ему отчего-то было весело: название Поди внушало странную уверенность, что направление выбрано верно. — Может, правда, по пути удастся еще пуговицами разжиться. Ты же сам говоришь, что у меня талант к торговле.

Оба они на Поди никогда не бывали. Это был сонный южный остров, главным городом которого был старинный порт Телио, почти все дома в котором были построены из розового песчаника. Вокруг Телио раскинулись поля и сады, которые, несомненно, когда-то давали отличные урожаи. Однако правители Уотхорта, во власти которых уже лет сто находился этот остров, облагали его население такими налогами, стольких людей забрали в рабство и так чудовищно эксплуатировали некогда весьма плодородные земли, что поля и сады плодоносить перестали, а жители обнищали до предела. Залитые солнцем улицы Телио были грязны и печальны. Люди жили на этом некогда таком благополучном острове, точно в диком краю: в палатках и шалашах, сделанных из каких-то обломков, а то и прямо под открытым небом.

— Нет, тут добра не жди, — проворчал Ворон, с отвращением перешагивая через кучку экскрементов. — У этих тварей никаких книг нет и быть не может!

— Погоди, погоди, — успокаивал его Крачка. — Дай мне хотя бы один день.

— Это же, наконец, просто опасно! — возражал Ворон. — И совершенно бессмысленно. — Но больше Крачку не отговаривал. Некогда такой скромный и наивный юноша, которого он учил разбирать ардические руны, непостижимым образом превратился теперь в его учителя и провожатого.

Ворон шел следом за своим молодым другом по одной из центральных улиц города; потом Крачка уверенно

свернул на боковую улочку, которая в итоге привела их в старинный квартал, застроенный маленькими жалкими домишками. Здесь жили ткачи. На острове Поди издавна выращивали лен, и путешественникам на каждом шагу попадались каменные мочильни, которыми теперь практически не пользовались, а за окнами многих домов были видны прядильные и ткацкие станки. На маленькой площади, у колодца, укрывшись в тени от палящего солнца, сидели и пряли пряжу пять-шесть местных женщин. Рядом играли дети, совершенно, казалось, равнодушные к жаре и ужасно худые, кожа да кости. Дети без особого интереса взирали на чужаков, даже не прервав игры. Крачка шел уверенно, словно совершенно точно знал, куда именно ему нужно. Но у колодца он остановился и приветливо поздоровался с женщинами.

— Ох, милый человек, — сказала ему с улыбкой одна из них, — даже и не показывай нам, что у тебя в мешке! Ведь у меня ни гроша нет! Ни одной медной монетки, ни одной пластинки из слоновой кости — мы денег уже несколько месяцев не видели.

— Но у вас, может быть, найдется льняное полотно? Или хотя бы пряжа? Льняное полотно с острова Поди, как мне говорили в Хавноре, считается в Земноморье самым лучшим. Да я и сам вижу, какую отличную нить вы прядете! — Ворон с удивлением и восторгом наблюдал за своим спутником; сам он из-за книги мог торговаться сколько угодно, с кем угодно и очень упорно, но просто так заигрывать с простыми женщинами, чтобы продать им пуговицы или купить у них льняную пряжу, — нет уж, это было выше его сил! А Крачка между тем продолжал: — Вот я только чуть-чуть мешок приоткрою, а вы посмотрите! — И он принялся доставать свои товары и раскладывать их на камнях. Женщины и их грязные застенчивые дети подошли поближе: такой красоты они явно никогда в жизни не видели. — Вообще-то нас интересуют ткани, но мы покупаем также и некрашеную пряжу и прочие товары — вот только пуговиц у нас маловато. Если у вас есть пуговицы из слоновой кости или из рога, я бы купил. Готов обменять вот эту прелестную бархатную шапочку на три-четыре костяных пуговицы. Вы только посмотрите,

какой цвет! И очень идет к вашим волосам, госпожа моя! А еще я могу взять в обмен старые бумаги или книги. Наши хозяева — мы ведь с острова Орриии — очень всякими старинными штуковинами интересуются, так что, может, у вас случайно что-нибудь такое и найдется, а?

— О, ты и правда очень милый! — засмеялась та, что первой заговорила с Крачкой, и он приложил к ее черной косе алую ленту. — Вот уж жаль, что у меня ничего для тебя нет!

— Я, конечно, не такой нахал, чтобы за свой скромный подарок просить поцелуя, — сказал Медра, — но, может быть, ты мне хотя бы ручку свою позволишь поцеловать?

И он сделал заветный жест. Несколько секунд она молча смотрела на него, потом сказала:

— Что ж, ручку — это можно, — и ответила тем же жестом. — Хотя и не всегда безопасно, ежели люди друг друга совсем не знают.

А он между тем, словно ничего не заметив, продолжал показывать ей и другим женщинам свои товары, шутить с ними и угощать сладостями детишек. Никто ничего не покупал и покупать явно не собирался. Они смотрели на всю эту дребедень так, словно то были настоящие сокровища. Крачка позволил им рассматривать и трогать все, что захочется; он даже сделал вид, что не заметил, как один из мальчишек стащил у него маленькое зеркальце из полированной бронзы; он видел, как зеркальце исчезает под драной рубашкой, но не сказал ни слова. Наконец он заявил, что должен идти, и ребятишки отошли в сторону, а он собрал и завязал свой мешок.

— Знаешь, — сказала ему вдруг та женщина с черными косами, — у меня есть соседка, так вот у нее вполне могут найтись кое-какие старинные бумаги, если ты их ищешь.

— А на них хоть что-нибудь написано? — хмуро спросил у нее Ворон, до сих пор молча сидевший на краю колодца. — Знаки на них какие-нибудь нарисованы или нет?

Женщина презрительно смерила его взглядом с головы до ног и сказала:

— Есть там знаки, господин мой! — И, снова повернувшись к Крачке, предложила уже совсем другим тоном: — Если хочешь, я покажу тебе, где она живет; это недалеко. И вот что я скажу тебе, торговец: она хоть и девчонка совсем, да к тому же из бедных, но здороваться КАК НАДО умеет не хуже других! Хотя у нас здесь совсем не все этому обучены.

— Ну да, трое из троих, — проворчал Ворон, шутливо изображая заветный жест. — Ты бы лапшу-то свою нам на уши не вешала, женщина! Прибереги ее для других.

— Ты бы лучше помолчал, господин мой! — не смутилась она. — Мы тут люди невежественные, грубые... — И она грозно сверкнула в его сторону глазами.

Вскоре она привела их к дому, стоявшему в самом конце узкой улочки. Когда-то это был поистине прелестный уголок: очаровательный двухэтажный дом из камня, окруженный садом; но теперь дом был наполовину пуст, фасад его частично разрушен, во многих окнах выломаны рамы, а сад пришел в полное запустение. Они прошли по двору, в центре которого был колодец, и женщина постучала в боковую дверь. Дверь отворилась, и на порог вышла девушка.

— Тьфу, настоящее ведьмино логово! — воскликнул Ворон, ибо из дверей доносился явственный запах разнообразных курений и сушеных трав. Он даже назад чуть отступил.

— Здесь не ведьмы живут, а целители, — заявила их провожатая. — Что, ей опять хуже, Дори?

Девушка кивнула, переводя взгляд то на Крачку, то на Ворона. Ей было лет тринадцать-четырнадцать; она была невысокая, довольно коренастая, но очень худая, с насупленными бровями и неподвижным взглядом.

— Это люди Руки, Дори; вот этот, молодой и невысокий, очень милый, а вон тот, высокий, слишком гордый. Они говорят, что ищут старые бумаги. Я знаю, у тебя что-то такое было, хотя, может, теперь уж ничего и не осталось. Товара для тебя подходящего у них нет, но, может, они согласятся заплатить хотя бы слоновой костью, если найдут то, что им нужно. Я верно говорю? — И она

глянула своими ясными глазами на Крачку; тот согласно кивнул.

— Ей совсем плохо, Раш, — прошептала девушка. И снова посмотрела на Крачку. — Вы-то, похоже, не целитель? — В ее словах звучало осуждение.

— Нет.

— А вот наша Дори, — вмешалась их чернокосая провожатая по имени Раш, — настоящая целительница! — Как и ее мать, и мать ее матери... Впустила бы ты нас в дом, Дори! Хотя бы меня одну. Мне с ней поговорить нужно. — Девушка исчезла в доме, прикрыв за собой дверь, и Раш пояснила: — Мать у нее от чахотки умирает. Никто из целителей ее вылечить не сумел. А сама она всех лечила и вылечивала, и золотуху, и любую боль одним прикосновением снимала... Она была настоящим чудом! Дори правильно сделала, что по ее стопам пошла.

Дори, выглянув на крыльцо, жестом пригласила их войти в дом. Ворон, правда, предпочел остаться снаружи. Комната оказалась продолговатая, с высоким потолком и следами былой элегантности, но сильно обветшавшая и выглядевшая теперь убого. Разнообразные причиндалы целителей и сухие травы составляли главное ее убранство и были размещены по каким-то определенным правилам. Возле красивого каменного очага, в котором дымилась горстка сладко пахнувших трав, было устроено ложе. Женщина, лежавшая на нем, была настолько бледна и худа, что в неясном свете казалась тенью. Когда Крачка подошел к ней поближе, она попыталась сесть и даже хотела что-то сказать ему, но не смогла, и дочь приподняла ей голову и подложила вторую подушку. Только тогда Крачка, наклонившись к больной совсем близко, сумел расслышать:

— Ты — волшебник, — шептала она. — И ты тут не случайно.

Будучи одарена магической силой, она сразу поняла, кто он такой. Неужели это она призвала его сюда?

— Я — Искатель. Умею искать все, что угодно. — сказал он. — И обычно нахожу.

— Девочку мою сможешь учить?

— Вряд ли. Но могу отвезти ее к тем, кто сможет.

— Отвези.

— Хорошо.

Больная совершенно без сил откинулась на подушку и закрыла глаза.

Потрясенный силой ее воли, Крачка выпрямился и судорожно вздохнул. Потом посмотрел на девушку, но Дори на его взгляд не ответила; она смотрела только на мать, и в глазах у нее была тупая, угрюмая тоска. Только когда больная погрузилась в сон, Дори наконец шевельнулась и принялась помогать Раш, которая на правах подруги и соседки уже копошилась в комнате, убирая окровавленные тряпки, разбросанные по полу вокруг постели умирающей.

— У нее только что опять было кровотечение, и я никак не могла его остановить, — сказала Дори. Слезы безостановочно текли у нее из глаз и скатывались по щекам. Но само лицо оставалось совершенно безжизненным.

— Ах, детка моя, ягненочек мой, — сказала Раш, обнимая девочку, но та не отвечала на ласку и была как каменная от сковавшего ей душу горя.

— Я вижу: она идет туда, прямо к стене, а я не могу пойти с нею!.. — промолвила Дори с отчаянием. — Она идет туда совсем одна, а я... Не мог бы ты пойти туда с нею? — Она посмотрела прямо Крачке в глаза. — Ты ведь можешь!

— Нет, — сказал он. — Я не могу. Я еще не знаю пути туда.

Но стоило Дори спросить его об этом, и он вдруг увидел то, что видела она: длинный пологий склон какого-то холма, уходящий во тьму, и пересекающую его в слабом сумеречном свете низкую каменную стену. И пока он рассматривал эту стену, ему показалось, что он видит женщину, идущую по ту сторону стены, очень худую, почти прозрачную, состоящую, похоже, из одних костей и теней. Но то была не умирающая, что лежала перед ним на постели. То была Аниеб!

Потом видение исчезло, и он, словно очнувшись от забытья, понял, что стоит и в упор смотрит на юную ведьму. Постепенно ее обвиняющий взгляд несколько смягчился, и она закрыла лицо руками.

— Мы должны отпустить их, — сказал он.

— Я знаю, — тихо промолвила она.

Раш смотрела то на одного, то на другого своими ясными умными глазами, а потом сказала:

— А ты, оказывается, не только искусный торговец, но и очень ловкий человек! Ну что ж, ты не первый.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Этот дом называется Дом Атха, — пояснила она.

— Он действительно некогда жил здесь, — сказала Дори, и сквозь ее беспомощную печаль и тоску пробился даже слабый лучик гордости, — великий маг Атх. Только давно, очень давно. Еще до того, как отправился на запад. Все мои предки по женской линии были мудрыми женщинами, ведьмами и колдуньями. Вот он и останавливался у них. В этом самом доме.

— Дай-ка мне корыто, — попросила Раш. — Я это все замочу.

— А я принесу воды, — сказал Крачка. Он взял ведро и пошел во двор к колодцу. Ворон по-прежнему сидел на краешке сруба, встревоженный и насупленный.

— Зачем мы тратим здесь время? — сердито спросил он, когда Крачка опустил ведро в колодец. — Ты что же, теперь водоносом у этих ведьм заделался?

— Угу, — буркнул Крачка. — А когда эта несчастная мужественная женщина умрет, я отвезу ее дочку на Рок. А тебе, если ты все же хочешь прочитать «Книгу Имен» и поехать с нами, придется набраться терпения и подождать.

Вот так Школа на острове Рок получила своих первых заморских учеников, а также своего первого библиотекаря. «Книга Имен», что хранится теперь в Одинокой Башне, послужила фундаментом той науки и того метода обучения, которыми пользовались все мастера Ономатеты. Это лежит в основе великой магии Рока. Девушка Дори, которая, по слухам, оказалась гораздо одареннее и умнее своих учителей, стала наилучшим мастером всех целительских искусств и великим знатоком науки о травах; она же возвела эти знания и умения на пьедестал должной

высоты среди прочих магических наук и умений, которыми владеют знаменитые Мастера острова Рок.

Что же касается Ворона, который оказался не в силах расстаться с «Книгой Имен» даже на месяц, то он просто послал за своими книгами и кое-каким имуществом на Оррими и, получив все это, устроился жить в Твиле. Он позволял ученикам Школы сколько угодно пользоваться его библиотекой, если те обращались с книгами бережно, а их хозяину оказывали должное уважение.

Таковы оказались несколько лет жизненного пути Крачки-Медры. Поздней весной он обычно отправлялся в путешествие на своей «Надежде», отыскивая и привозя на Рок новых учеников — главным образом, детей и совсем молодых людей, которые от рождения были наделены магической силой, а иногда и совсем взрослых мужчин или женщин. Дети, по большей части, были из очень бедных семей, и хотя он никого из них не увозил из дому силой, родители детей или их хозяева редко интересовались по-настоящему, куда увозит ребенка этот человек: Крачка часто сказывался, например, рыбаком, которому нужен был помощник — мальчик, чтобы помогать на судне, или девочка, чтобы плести сети; или же представлялся работорговцем, покупающим рабов для своего хозяина, живущего на другом острове. Если родители отправляли своего ребенка с ним, надеясь, что ему выпадет удача, или же отдавали его незнакомцу нехотя, только из-за горькой нужды, он платил им настоящей слоновой костью; если же они продавали ему ребенка в рабство, он всегда платил им чистым золотом, однако успевал исчезнуть уже на следующий день — до того, как это «чистое золото» превратится в коровий навоз.

Он посещал самые дальние острова Архипелага и даже острова Восточного Предела, но никогда не посещал дважды один и тот же город или островок, пока после его первого визита туда не пройдет несколько лет и не остынут некоторые неприятные воспоминания у местных жителей. И все-таки о нем пошли слухи как о колдуне; Похититель Детей — так его называли, считая, что он уносит детей на свой обледенелый остров где-то на севере и там высасывает из них кровь. В деревнях на островах Уэй и

Фелкуэй до сих пор рассказывают детям об ужасном Похитителе Детей, желая внушить им недоверие ко всем чужакам.

К этому времени уже многие люди из «Союза Руки» знали, что на острове Рок создается Школа Волшебников, и посылали туда талантливую молодежь, а также мужчин и женщин, желавших учиться и учить. Для многих из этих людей путь на Рок стал тяжким испытанием, ибо заклятия, оберегавшие остров, были в те времена сильнее, чем когда-либо, и благодаря им остров казался всего лишь облачком в небесах или рифом в бушующем море; ну а знаменитый волшебный ветер Рока без разрешения Мастеров не давал войти в гавань Твила ни одному кораблю, особенно если на борту его оказывался такой колдун, который умел заклинать ветры и мог попытаться повернуть волшебный ветер вспять. И все-таки новички прибывали на Рок! И с течением лет для Школы понадобился дом побольше, причем больше любого из домов, имевшихся в Твиле.

На островах Архипелага существовал обычай: мужчины строили корабли, а женщины — дома. Но если строили какой-то уж очень большой дом, то женщины охотно позволяли мужчинам работать с ними вместе — в отличие, скажем, от женщин-рудокопов, которые, страдая неискоренимыми предрассудками, всегда стараются прогнать из шахты любого мужчину. Точно так же мужчины-кораблестроители запрещают женщинам даже смотреть на то, как корабль спускают на воду. Так что Большой Дом на острове Рок строили вместе и мужчины и женщины, и почти все они обладали каким-то магическим даром. А краеугольный камень этого здания был возложен на вершине холма над городом Твил, неподалеку от Имманентной Рощи, и дом был построен лицом к волшебному Холму Рок. Стены Большого Дома были построены не только из камня и дерева, но и укреплены магией, самыми различными и весьма искусными заклятиями.

Как-то раз, стоя на холме посреди стройки, Медра сказал:

— Прямо под тем местом, где я стою, под землей бьет

маленький родничок, который никогда не иссякнет. — И люди стали копать там, добрались до этого источника и позволили ему вырваться на волю, к солнцу, и самой главной частью Большого Дома, самым его сердцем стал знаменитый внутренний дворик с фонтаном, питаемым этим подземным источником.

И у этого фонтана по белым плитам двора часто прогуливались Медра и Элеаль, и происходило это, когда еще даже сами стены Большого Дома не были достроены.

Элеаль посадила у фонтана молодой ясень из Имманентной Рощи, и они приходили туда, чтобы посмотреть, прижилось ли деревце. Сильный весенний ветер дул с Холма Рок к морю, отклоняя струю воды в фонтане. Высоко на склоне Холма, почти на вершине, небольшая группа молодых учеников Школы училась создавать иллюзии у колдуна Хёга с острова О; ученики прозвали его Мастер Ловкая Рука. Цветы-искорки сверкали в траве, осыпая свои золотистые лепестки. А в волосах Эмбер сверкали серебряные нити.

— Значит, ты опять уплывешь, — грустно сказала она, — а мы опять начнем пререкаться по поводу Устава Школы.

— Если хочешь, я останусь.

— Я действительно очень этого хочу, но не надо! Ты ведь Искатель. Ты должен искать. И я не понимаю, почему решить вопрос о Пути — или Уставе, как больше нравится Варису, — оказалось в два раза труднее, чем построить Школу! И почему эта проблема вызывает в десять раз больше ссор? Понимаешь, мне бы тоже хотелось быть ото всего этого подальше. Мне бы, например, хотелось просто гулять с тобой, как сейчас... И еще мне бы очень хотелось, чтобы ты не уезжал на север!

— Но, интересно, почему Устав вызывает так много споров? — спросил Медра, заметно помрачнев.

— Дело в том, что нас теперь просто стало гораздо больше! Собери двадцать-тридцать магов в одной комнате, и каждый станет отстаивать свою точку зрения. А ты к тому же соединил в Школе мужчин, которые всегда жили по-своему и презирали женщин, с женщинами, которые тоже всегда жили по-своему и презирали мужчин. Вот

они и не могут примириться. И потом, между всеми нами, магами, действительно существуют некоторые настоящие и вполне реальные различия, Медра. И это очень серьезная проблема, которую так просто не решишь. Хотя, если бы каждый проявил хоть самую малую толику доброй воли, мне кажется, горы можно было бы свернуть, а не только принять Устав.

— Так что, все дело в Варисе?

— В Варисе и кое в ком еще. И все они — мужчины, и все они считают, что именно то, что они МУЖЧИНЫ, важнее всего остального на свете. Они даже к Древним Силам Земли относятся с некоторым презрением, ибо в них заключено женское начало. Ну а наличие у женщины магической силы кажется им просто подозрительным, потому что они считают, что все женщины так или иначе связаны с Древними Силами Земли. Словно не знают, что этими Силами не только невозможно управлять, но и вообще лучше не иметь с ними дела! Однако они на вершину вселенского пьедестала возводят именно мужчину и совершенно уверены, что настоящим волшебником может и должен быть только мужчина! Причем непременно давший обет безбрачия!

— А, опять они за свое, — безнадежным голосом сказал Медра.

— Вот именно! Вчера вечером сестра сказала мне, что Эннио и плотники предложили построить одну часть Дома специально для женщин! Или даже построить для них какой-нибудь отдельный дом, чтобы они жили там отдельно от мужчин и могли бы блюсти свою чистоту.

— Чистоту?

— Это не мое выражение, а Вариса. Но это предложение не прошло. Они хотят, чтобы Устав Школы отделил мужчин от женщин и чтобы все решения здесь принимали только мужчины. Разве можно с ними договориться? Зачем они вообще явились сюда, если не желают работать вместе с женщинами?

— По-моему, нам следует отсылать прочь любого, кто этого не понимает.

— Отсылать прочь? Раздосадованного? Чтобы он

явился в Уотхорт или в Хавнор и гневно заявил их правителям, что ведьмы с острова Рок затевают бурю?

— Я забываю... я все время забываю... — Медра потупился. — Я забываю о стенах этой тюрьмы. Честное слово, я значительно умнею, когда оказываюсь вне ее «надежных» стен... А когда я здесь, я просто не могу поверить, что это, в общем-то, тюрьма. Пусть волшебная, но тюрьма! Однако же за ее пределами, тоскуя по тебе, я это помню... Мне тоже не хочется уезжать сейчас, Элеаль, но я должен! Я не хочу, чтобы и здесь что-то пошло не так, как надо, но я должен ехать... Обязательно! И я непременно поплыву на север! Но зато потом, когда я вернусь, то больше уж никуда не уеду. Обещаю тебе. То, что мне нужно найти, я буду искать и найду здесь. Да я, собственно, уже и нашел, верно?

— Нет, — сказала она, — пока что ты нашел только меня. А нам с тобой еще так много нужно искать и найти в Роще! Там столько дел, что даже ты сумеешь избавиться от своей вечной непоседливости и беспокойства. Но почему на север, Медра?

— Я хочу расширить границы «Союза Руки», побывать на Энладе и Эа. Ведь мы почти ничего не знаем о тамошнем искусстве волшебства. О, Энлад, остров королей... И светлый Эа, старейший из островов! И мы, конечно же, найдем там союзников!

— Но путь туда преграждает Хавнор, — сказала она.

— А я и не собираюсь плыть близ берегов Хавнора, любовь моя. И не стану пересекать его по суше. Я намерен обогнуть этот остров по морям, по волнам. — Он был единственным, кому всегда удавалось заставить ее рассмеяться. Эмбер сильно менялась, когда его с нею не было: в эти периоды она говорила всегда тихо и спокойно, точно усмирив свой бешеный нрав и понимая бессмысленность нетерпения, когда положен определенный срок ожидания. Занимаясь той работой, которая должна была быть сделана в отсутствие Медры, она порой все же хмурила брови, иногда улыбалась, но никогда не смеялась. И при первой же возможности уходила одна в Рощу, как и прежде. Но в течение тех долгих лет, что длилось строительство Большого Дома и создавалась Школа Вол-

шебников, Эмбер редко удавалось ходить туда. И даже в те дни, когда она могла это делать, она чаще всего прихватывала с собой одного-двух наиболее способных учеников, чтобы научить их отыскивать путь в волшебном лесу и читать слова, написанные узорчатой тенью листвы, ибо в Школе Эмбер стала Мастером Путеводителем.

В тот год Крачка собрался в свои странствия поздно. С собой он взял двоих: мальчика Моута пятнадцати лет, очень способного юного заклинателя погоды, которому просто необходимо было потренироваться в открытом море, и шестидесятилетнюю женщину по имени Сава, которая прибыла на Рок лет семь-восемь назад. Сава принадлежала к «Союзу Руки» и родом была с острова Арк. Не имея никаких магических талантов, Сава обладала таким замечательным талантом организатора, что умудрялась любую группу людей заставить отлично работать вместе, полностью доверяя друг другу. За это на Арке, а теперь и на Роке ее почитали как очень мудрую женщину, хотя она не была даже ведьмой. Сава попросила Крачку взять ее с собой, чтобы повидаться с родными — с престарелой матерью, с сестрой и с двумя взрослыми сыновьями. Крачка намеревался оставить Моута с ней на Арке, а на обратном пути забрать их обоих с собой на Рок. Итак, судно «Надежда» вышло из гавани Твила и взяло курс на север. Стояли летние погожие деньки, и Крачка велел Моуту поднять небольшой волшебный ветерок и наполнить парус, чтобы с уверенностью добраться до Арка, прежде чем начнется Долгий Танец.

Когда они подошли совсем близко к Арку, Крачка сделал так, чтобы их «Надежда» казалась не судном, а просто бревном на волнах, обыкновенным куском плавника, ибо пираты и работорговцы Лозена в этих водах прямо-таки кишели.

От селения Сесесри на восточном берегу Арка, где Крачка оставил своих пассажиров, оттанцевав вместе с ними Долгий Танец, он направился дальше на север по проливам Эбавнора, а затем свернул на запад вдоль южного берега острова Омер. Все это время он поддерживал ту же иллюзию, скрывая от чужих глаз свой корабль. Наконец в прозрачном и чистом воздухе середины лета при

северном ветре он увидел далеко впереди голубую полосу пролива и чуть более бледные голубовато-коричневые очертания острова — длинные горные хребты и легкую, казавшуюся невесомой вершину горы Онн.

Смотри, Медра, смотри!

Это был остров Хавнор, его родная земля! Здесь жила его семья и друзья детства, а он даже не знал, живы они или умерли; здесь была могила Аниеб — вон там, на горе. Он ни разу с тех пор не возвращался сюда и никогда не подходил к этому острову так близко на судне. Сколько же лет прошло? Шестнадцать? Семнадцать? Никто, конечно же, не узнал бы его, все уже, наверное, забыли мальчика Выдру. Вряд ли кто-то, кроме отца, матери и сестры, узнает его, если, конечно, родители его еще живы... И, конечно же, здесь нашлись бы те, кто входит в «Союз Руки». В юности он, правда, никогда не слышал о таком союзе, но теперь-то он должен сразу узнать этих людей...

Медра плыл по широкому проливу до тех пор, пока гора Онн не скрылась из виду за холмами на берегу. Если он поплывет дальше на север, то больше ее не увидит, не увидит ее величественной вершины, отражающейся в спокойной воде гавани, где он пытался вызвать магический ветер, когда ему было всего двенадцать... А если немного проплыть в другую сторону, то непременно увидишь те башни с флагами на вершинах, что, казалось, вздымаются прямо из воды и у своего основания окутаны туманом — дивный, белый город, сердце его мира!..

Это же просто трусость, решил он, столько лет держаться вдали от Хавнора! Он научился слишком дорожить собственной шкурой! Или боится узнать, что от его семьи не осталось и следа; боится того, что воспоминания об Аниеб могут оказаться слишком живыми и болезненными...

Ибо порой ему казалось, что, как и когда-то, он может призвать ее к себе, живую! И она, мертвая, может призвать к себе его, ибо та связь, что когда-то соединила их и позволила им спастись, не порвалась и до сих пор. Эта

связь сохранилась! Много раз приходила Аниеб в его сны и стояла молча, как стояла тогда, когда он впервые увидел ее на шахтах Самори, в наполненной вонючими испарениями каменной башне. А несколько лет назад он снова видел ее — когда стоял возле умирающей целительницы из Телио, — и вокруг были сумерки, и она шла вдоль той странной каменной стены...

Теперь Медра уже знал от Элеаль и других волшебников с Рока, что это за стена. Она отделяет мир живых от мира мертвых. Но странно: в том видении мертвая Аниеб шла к нему ПО ЭТУ СТОРОНУ стены, а не уходила вниз по склону холма во тьму, в ту страну, откуда нет возврата...

Неужели она не умерла? Неужели он боится ее, той, что спасла его?

И Медра, борясь с сильным ветром, дувшим над Южной Косой, направил свое судно прямо в гавань Хавнора.

Над столицей Великого Острова по-прежнему реяли на ветру знамена, и король по-прежнему сидел там на троне; но знамена эти принадлежали захваченным во время пиратских налетов городам и островам, да и король был ненастоящий: это был алчный и воинственный правитель Лозен, печально знаменитый пират и работорговец. Однако Лозен теперь уже никогда не покидал своего мраморного дворца, где рабы исполняли любое его желание и где он целыми днями глядел, как тень от меча Эррет-Акбе скользит, точно стрелка огромных солнечных часов, по крышам раскинувшегося внизу города. Лозену стоило хлопнуть в ладоши, и рабы говорили: «Все исполнено, ваше величество». К Лозену, почтительно кланяясь, приходили старейшие жители острова и называли себя его «покорными слугами». Лозен призывал к себе своих волшебников, и маг Эрли склонялся перед ним в низком поклоне, выражая готовность в любую минуту служить своему господину. «Сделай так, чтобы я мог ходить!» — кричал на него Лозен и бил по своим омертвевшим парализованным ногам слабеющими руками.

На это Эрли неизменно отвечал: «Как известно вашему величеству, моего жалкого мастерства для исцеления

вашего недуга недостаточно, но я уже послал за величайшим целителем Земноморья с далекого острова Нарведен, и как только этот целитель прибудет сюда, то, я уверен, ваше величество вновь обретет способность ходить и даже танцевать Долгий Танец».

И тогда Лозен начинал выкрикивать проклятья и плакать, рабы приносили подносы с вином, сладостями и фруктами, а маг, пятясь и кланяясь до земли, спешил убраться прочь, не забывая, правда, удостовериться, что вызывающее паралич заклятие держится крепко.

Ему было гораздо удобнее, чтобы королем оставался недвижимый, хотя и невероятно капризный, Лозен, чем самому открыто править Хавнором. Военные люди не доверяли магам и волшебникам и зачастую открыто отказывались им подчиняться. И сколь бы ни была велика сила того или иного мага — если только это не был сам Враг Морреда, конечно! — он, даже захватив королевский трон, все равно не смог бы управлять ни армиями, ни флотами. Люди привыкли бояться Лозена и по-прежнему подчинялись ему, хотя теперь уже, скорее, по привычке, но это была настолько старая привычка, что въелась им в плоть и кровь. Как ни странно, но они доверяли Лозену, помня о том, какое могущество он приобрел благодаря своей смелой стратегии, твердому руководству и абсолютной жестокости; ну и, естественно, простой народ наделял своего правителя таким могуществом, какого у него никогда и в помине не было — например, способностью повелевать теми волшебниками, что жили у него при дворе.

Теперь, правда, при дворе, кроме Эрли, не осталось ни одного настоящего волшебника. Была еще, пожалуй, парочка жалких колдунов, а всех остальных Эрли изгнал или убил одного за другим — всех, кто мог бы соперничать с ним, добиваясь особого расположения Лозена, — и вот уже много лет наслаждался своей, по сути дела, безграничной властью над Хавнором.

Еще будучи учеником, а потом и помощником Геллука, он привлек внимание своего учителя к учению магов с острова Уэй и вскоре обнаружил, что совершенно свободен в своих действиях, пока Геллук колдует над своей

драгоценной ртутью, которой увлекся безо всякой меры. И все же страшная гибель Геллука потрясла его. Была в ней какая-то темная тайна, и для разгадки этой тайны Эрли явно не хватало знаний. Или какого-то конкретного человека. Призвав на помощь такого полезного сыщика, как Легавый, Эрли проделал тщательнейшее расследование случившегося. В общем, найти то место, где исчез Геллук, не составило особого труда. Легавый проследил его последний путь вплоть до загадочного шрама на склоне холма и заявил, что Геллук покоится именно там, глубоко под землей. Впрочем, Эрли не имел ни малейшего намерения откапывать его труп. А вот того мальчишку, что тогда был вместе с Геллуком, ему бы поймать очень хотелось, однако Легавый так и не смог выяснить, то ли этот парень тоже покоится под землей вместе с волшебником, то ли ему каким-то чудом удалось бежать, причем не оставив никаких следов. К тому же после исчезновения волшебника всю ночь лил сильный дождь, так что, когда Легавый, как ему казалось, напал наконец на след, следы эти в итоге оказались женскими и привели к тому месту, где эта женщина умерла.

Эрли не стал наказывать Легавого за эту неудачу, но запомнил ее. Он не привык к неудачам и терпеть их не мог. И ему очень не понравилось то, что Легавый рассказывал об этом мальчишке по имени Выдра, причем рассказывал чуть ли не с восхищением. Это Эрли тоже хорошо запомнил.

Жажда власти питает себя, пожирая все вокруг, и становится все сильнее по мере того, как разрастается, и теперь Эрли буквально «умирал от голода». То, что он фактически правил Хавнором, а этот остров превратился в последние десять лет в настоящую страну нищих, приносило ему мало удовлетворения. Какой прок в обладании троном Махариона, если на нем сидит вечно пьяный калека? Какую славу могут принести дивные столичные дворцы, если в них никто не бывает, кроме рабов и прочих пресмыкающихся перед Эрли и Лозеном лизоблюдов? Да, Эрли мог получить любую женщину, какую хотел, но женщины высасывали из него магическую силу, и от женщин он отказался без сожалений, не подпуская к

себе ни одну из них. Зато он мечтал о враге, о достойном противнике — мечтал сразиться с ним и уничтожить его.

Вот уже больше года его шпионы являлись с доносами о том, что повсюду в его королевстве ширится движение инсургентов, возглавляемых мятежными колдунами, и эти инсургенты называют себя «Союзом Руки». Мечтая отыскать долгожданного противника, Эрли однажды даже выследил группу таких мятежников. Оказалось, что она состоит в основном из старух, а также рабочего люда — плотников, канавокопателей, жестянщиков и тому подобного сброда. Там было даже несколько совсем маленьких мальчиков. Униженный и разъяренный, Эрли велел казнить всех без разбора, включая и самого доносчика. Это была публичная казнь, совершенная именем Лозена за преступный заговор против короля. Возможно, это было даже полезно для укрепления его власти — слишком уж давно в стране не было подобных потрясений. И все же на публичную казнь Эрли согласился неохотно. Он не любил подобных спектаклей; не любил казнить тех, кому удалось заставить его бояться их. Он предпочитал расправляться с такими людьми по-своему и в более подходящее время. Чтобы служить питательной средой повиновения, страх должен быть внезапным. Эрли необходимо было видеть, как люди боятся его, нужно было слышать их ужас, обонять его, чувствовать его вкус. Но поскольку он правил именем Лозена, который держал в повиновении свою армию и флот, то ему приходилось держаться на заднем плане, а свои дела устраивать с помощью рабов, учеников и шпионов.

Вскоре после этого он послал за Легавым, чтобы дать тому некое поручение, и, когда с деловыми вопросами было покончено, старик спросил Эрли:

— Слышал ли ты когда-нибудь об острове Рок, господин мой?

— Конечно. Он на юго-западе от Камери и уже лет сорок или пятьдесят находится под протекторатом Уотхорта.

Хотя Эрли редко покидал столицу, он весьма гордился собственными знаниями об островах Архипелага, которые получал от своих мореходов, а также изучая великолепно составленные древние карты, хранившиеся в Коро-

левской библиотеке. Карты он чаще всего изучал по ночам, в тишине и покое, подолгу обдумывая любую возможность расширить пределы своих владений.

Легавый кивнул, словно местонахождение Рока было единственным интересовавшим его вопросом, и промолчал.

— Ну так что ты хотел сообщить мне о Роке? — не выдержал Эрли.

— Видишь ли, господин мой, парень, что пытал одну из тех старух, которых ты велел потом сжечь — помнишь? — кое-что рассказал мне. Эта старуха все твердила о своем могущественном сыне, который живет на Роке, и призывала его прийти и спасти ее, понимаешь? И, похоже, у него было вполне достаточно сил, чтобы действительно сделать это...

— Ну и дальше-то что?

— Мне это показалось странным. Старуха родом из центральных земель острова, из какой-то жалкой деревушки; она и моря-то никогда не видела, но знала название острова, который находится очень далеко отсюда, да и слава о нем идет нехорошая...

— Ну, наверное, сын ее был рыбаком и много рассказывал ей о море и о своих приключениях, — раздраженно сказал Эрли, устало махнул рукой, и Легавый, потянув носом воздух, кивнул и пошел прочь.

Однако Эрли никогда не упускал из виду ни одно из самых заурядных событий, о которых упоминал Легавый, ибо слишком многие из них в итоге оказывались отнюдь не такими уж заурядными. За это невероятное чутье Эрли терпеть не мог старика. Кроме того, его безумно раздражала невозмутимость Легавого. Эрли никогда его не хвалил и старался пользоваться его услугами как можно реже, однако же Легавый был слишком полезен, чтобы его услугами не пользоваться совсем.

Волшебник все время помнил об этом их разговоре и когда снова услышал название Рок, причем опять в связи с деятельностью инсургентов, то понял, что Легавый в очередной раз верно взял след.

Дело было в том, что одним из патрулей Лозена были задержаны трое подростков — два мальчика лет пятнадцати и двенадцатилетняя девочка. Их поймали к югу от Омера, когда они довольно успешно управляли украденной рыбачьей лодкой с помощью магического ветра. Патрульное судно остановило их только благодаря тому, что на борту был опытный заклинатель ветров, который поднял большую волну, затопившую суденышко с детьми. Их, конечно, тут же выловили из воды и отвезли обратно в Омер, и там один из мальчишек сломался и стал нести какую-то чушь насчет могущественного «Союза Руки». Услышав знакомое название, патрульные сказали мальчишке, что за причастность к этому союзу все трое будут незамедлительно подвергнуты пытке, а потом сожжены. Вконец перепуганный подросток в ответ закричал, что если его пощадят, то он расскажет им все и о «Союзе Руки», и о Великих Магах острова Рок.

— Немедленно привести всех сюда! — велел Эрли посыльному.

— Девчонка-то сбежала, господин мой, — нехотя отвечал тот, смущенно потупившись.

— Как это сбежала?

— Да она в птицу превратилась, господин мой! В скопу, говорят. Никто и не ожидал такого — она ведь совсем еще девчонка. Они даже и не заметили, как она крыльями взмахнула и улетела.

— Тогда веди сюда мальчишек, — велел Эрли мертвенно-спокойным голосом, проявляя прямо-таки поразительное терпение.

Но к нему привели только одного мальчика. Второй хотел спрыгнуть с борта судна во время перевозки из Омера в Хавнор и был убит арбалетной стрелой. Тот мальчишка, которого наконец доставили к Эрли, был настолько перепуган, что волшебник даже испытал некоторое отвращение. Сильнее испугать существо, которое и без того совершенно ошалело от страха, было бы просто невозможно. Он наложил на мальчика связующее заклятие, заставив его стоять прямо и неподвижно, как статуя, и в таком виде оставил его примерно на сутки, время от времени разговаривая с ним и уверяя его, что если он будет вести себя достаточно умно, то вполне может стать учеником волшебника и здесь, в королевском дворце, ибо он,

Эрли, готов учить его. Ну а когда-нибудь потом он, может быть, и на острове Рок побывает вместе с Эрли, потому что и сам Эрли давно подумывает о том, чтобы туда съездить и встретиться с тамошними магами и волшебниками.

Когда он освободил мальчишку от заклятия, тот еще некоторое время пытался притворяться статуей, говорить не способной. Так что Эрли пришлось просто проникнуть в его мысли тем способом, который он давным-давно узнал от Геллука, а Геллук был настоящим мастером этого дела. После того как Эрли выяснил все, что мог, мальчишка стал ему совершенно не нужен, так что пришлось с ним покончить. И это снова было очень глупо и унизительно, тем более что его, Эрли, снова перехитрили какие-то жалкие, невежественные подростки! Впрочем, он узнал, что пресловутый «Союз Руки» коренится именно на острове Рок, а также что там находится и некая Школа, где учат магическим искусствам. И еще он узнал одно имя, имя мужчины...

Идея устройства подобной школы заставила его рассмеяться. Школа для диких кабанов, думал он, университет для драконов! Но то, что на острове Рок существует некая организация тех, кто обладает магической силой, казалось ему вполне возможным, и чем больше он думал об этом, тем больше мысль о каком бы то ни было союзе или объединении магов и волшебников тревожила его. Такой союз, разумеется, был бы совершенно неестественным и мог бы существовать только под руководством волшебника, в высшей степени могущественного, под давлением его доминирующей воли. Вот он, тот враг, тот достойный противник, о котором он так долго мечтал!

Ему сообщили, что Легавый уже дожидается у дверей, и он послал за ним, велев ему подняться.

— Кто такой Крачка? — спросил он у старика, как только тот вошел.

С возрастом Легавый стал еще больше соответствовать своей кличке — с отвислыми, покрытыми морщинами щеками, длинноносый, с печальными умными глазами. Он потянул носом и, казалось, готов был уже отрицательно покачать головой, но прекрасно понимал, что лгать Эрли не стоит, а потому вздохнул и сказал:

— Это Выдра. Тот, что убил Белолицего.

— Где же он скрывается?

— А он совсем и не скрывается. Он только что в Хавноре был. Ходил себе по городу, с людьми беседовал. Побывал в гостях у своей матери в Эндлейне, что за горой. Он и сейчас там.

— Тебе следовало немедленно сообщить мне об этом, — сухо заметил Эрли.

— Так я ж не знал, что он тебе снова понадобится, господин мой! Я-то за ним долго охотился, да только он меня провел, ловко провел. — Легавый сказал это абсолютно беззлобно.

— Он обманул и убил великого мага, моего учителя! Он опасен. Я желаю ему отомстить. С кем именно он здесь беседовал? Я желаю видеть этих людей. А потом я примусь за него самого.

— Это какие-то старухи из доков. Один старый колдун. И еще его сестра.

— Доставь всех сюда. Возьми моих людей, сколько нужно.

Легавый потянул носом, вздохнул и согласно кивнул.

Ничего особенного добиться от тех людей, которых к нему привели, Эрли опять не удалось. Все твердили одно и то же: они принадлежат к «Союзу Руки», а это союз могущественных колдунов с острова Морреда или с острова Рок, и человек по прозвищу то ли Выдра, то ли Крачка как раз оттуда и прибыл, хотя на самом-то деле он родом с Хавнора, и все они очень его уважают, хотя он всего-навсего Искатель. Сестра же этого Искателя куда-то исчезла, возможно, правда, она сейчас вместе с Выдрой гостит у матери в Эндлейне. Эрли порылся в их затуманенных мозгах и велел подвергнуть пытке самого молодого, но, так ничего и не добившись, сжег всех на площади перед дворцом, чтобы Лозен, сидя у своего окна, мог наблюдать за казнью. Королю иногда требовались подобные развлечения.

На все это ушло два дня, и Эрли ни на минуту не забывал о селении Эндлейн; он сразу послал туда Легавого и

других своих агентов, чтобы те внимательно наблюдали за тем, что там происходит. И когда ему донесли, что нужный человек действительно находится в Эндлейне, он мгновенно перенесся туда в облике орла, ибо, надо сказать, Эрли был великим мастером Превращений и решился бы, наверное, принять даже обличье дракона.

Он понимал, что с этим человеком нужно быть очень осторожным. Этот Выдра еще мальчишкой победил самого Тинарала, а потом заварил такую кашу на Роке. Он явно обладает большой магической силой, или же, возможно, ему помогает КТО-ТО ДРУГОЙ, еще более могущественный. И все-таки Эрли трудно было заставить себя опасаться обыкновенного лозоходца; ведь не боялся же он всяких ведьм-повитух и колдунов-целителей. Нет, он не станет скрываться! И Эрли в обличье орла спустился среди бела дня прямо на пустынную площадь Эндлейна, и все видели, как его когтистые лапы превратились в обычные ноги, а огромные орлиные крылья — в руки.

К сожалению, зрителей поблизости почти не случилось, лишь какой-то малыш с испуганным плачем бросился к матери. Эрли с орлиной зоркостью огляделся. Волшебник всегда признает волшебника, и ему сразу стало ясно, в каком из домов находится сейчас та дичь, за которой он гнался. И Эрли пошел прямо туда и с силой распахнул дверь настежь.

Стройный, худощавый, смуглый человек, что сидел за столом, не вставая, посмотрел на него.

Эрли поднял было руку, чтобы опутать его связующим заклятием, но рука так и повисла, недвижимая, в воздухе.

Так это поединок! Так это, оказывается, вполне достойный соперник! Эрли быстро отступил на шаг, а потом, улыбаясь, поднял обе руки вперед и вверх, собираясь произнести заклятие; он делал это очень медленно, но очень уверенно, не сдерживаемый никакими действиями противника.

Дом исчез. Ни стен, ни крыши — ничего. Эрли стоял на пыльной деревенской площади, освещенной утренним солнцем, с поднятыми вверх руками.

Это, конечно, была всего лишь иллюзия, однако она все же смутила его, помешав вовремя произнести заклятие; к тому же пришлось эту иллюзию устранять, возвращать на прежнее место дверной косяк, стены и балки под крышей, а также отблеск солнечного света на фаянсовой посуде, каменный очаг, стол... Но за столом больше никто не сидел. Его враг исчез.

И тут Эрли рассердился, очень рассердился, точно голодный, у которого прямо из-под носа стащили еду. Он попытался призвать своего соперника с помощью Истинного Заклятия, но не знал подлинного имени этого человека, а потому не имел никакой власти ни над его душой, ни над ним самим. Так что все его усилия оказались напрасными: этот то ли Крачка, то ли Выдра не явился и не отозвался.

Эрли выбежал из дома, обернулся и в гневе осыпал его такими проклятиями, что дом тут же вспыхнул. Из дома с воплями выбежали женщины. Они, несомненно, прятались где-то в дальних комнатах; тогда Эрли даже внимания не обратил, есть ли в доме еще кто-нибудь. «Легавый нужен!» — подумал он и призвал старика его Истинным именем, и тот, конечно же, явился, хотя вид у него, надо отметить, был хмурый и недовольный.

— Я ведь сидел в таверне, вон там, — сказал он. — Ты, господин мой, мог бы просто меня окликнуть моим обычным прозвищем, я бы сразу пришел.

Эрли молча глянул на него, но так, что рот Легавого закрылся сразу и навсегда.

— Будешь говорить, когда я тебе это позволю, — сказал ему волшебник. — Где этот человек?

Легавый мотнул головой в сторону северо-востока.

— А что там такое?

Эрли позволил Легавому открыть рот и дал ему достаточно голоса, чтобы тот смог ровным мертвым тоном произнести:

— Самори.

— В каком обличье он туда отправился?

— Выдры, — прозвучал тот же мертвый голос.

Эрли расхохотался.

— Что ж, я буду ждать его там, — сказал он, и пальцы у него на ногах превратились в желтоватые орлиные когти, а руки — в широкие мощные крылья. Орел взлетел в воз-

дух и двинулся на северо-восток, легко преодолевая сопротивление ветра.

Легавый потянул носом, вздохнул и нехотя последовал за ним. У него за спиной в деревне догорал дом, плакали дети, а женщины выкрикивали проклятия вслед улетающему орлу.

Опасность любой попытки совершить доброе дело заключается в том, что разум путает две вещи: желание сделать что-то хорошее и желание сделать что-то хорошо.

Впрочем, отнюдь не об этом думала выдра, когда быстро плыла прочь по реке Иеннаве. Она вообще почти ни о чем не думала, кроме того, с какой скоростью и в каком направлении ей нужно плыть, и наслаждалась сладким вкусом речной воды и дивным ощущением ловкости собственных движений. Зато именно о попытках совершить добро думал сам Медра, когда сидел за столом в доме своей бабушки в Эндлейне и разговаривал с матерью и сестрой — перед тем как дверь резко распахнулась и на пороге появилась ужасная светящаяся фигура.

Медра явился на остров Хавнор, думая, что, поскольку сам он не желает никому зла, то никому никакого зла и не причинит. Он уже причинил достаточно зла: те несчастные мужчины, женщины и дети умерли из-за него. И умерли в страшных мучениях, сожженные заживо. Явившись в гости к матери и сестре, он подверг их чудовищной опасности; опасность грозила и ему самому, а через него — и острову Рок. Если бы Эрли (Медре было известно только это его имя и его дурная репутация, но знаком он с ним не был) поймал его и ИСПОЛЬЗОВАЛ — а по слухам, он использовал других людей так, что их души превращались в пустые мешки, — то все жители Рока могли бы оказаться во власти этого волшебника, став легкой добычей флота и армии, которыми, в сущности, командовал он, а не Лозен. И получилось бы, что именно он, Медра, предал Рок, подчинил его Хавнору — в точности как тот волшебник, имени которого они никогда не произносили вслух, некогда предательски подчинил Рок Уотхорту. Возможно, впрочем, что тот волшебник тоже

полагал, что не способен никому причинить никакого зла.

И Медра как раз обдумывал то, как бы ему поскорее и незаметно убраться с Хавнора, когда на пороге их дома возник Эрли.

А теперь, в обличье выдры, он думал только о том, что хотел бы выдрой и остаться, всегда быть выдрой, всегда плавать в этой сладкой коричневатой воде, в этой живой воде, в которой для выдры нет смерти, а одна лишь бесконечная жизнь и счастье. Но у этой маленькой выдры были, к сожалению, человеческая душа и человеческий разум, а потому в излучине реки близ Самори ей пришлось вылезти на скользкий глинистый берег, и через мгновение там уже сидел на корточках, дрожа от холода, самый обыкновенный человек.

Ну, и куда дальше? Зачем, собственно, он приплыл сюда?

Об этом он как-то не подумал. Он принял то обличье, которое мог принять быстрее всего, и, как всякая выдра, бросился в реку и поплыл. Но лишь в своем истинном обличье он был способен думать по-человечески, прятаться от врагов, что-то решать, действовать, как действует человек — или, точнее, как волшебник, зная, что другой могущественный волшебник на него охотится.

Он понимал, что с Эрли ему не справиться. Для того чтобы приостановить действие того первого связующего заклятия, ему пришлось использовать всю свою магическую силу без остатка. Умение создавать иллюзии и менять обличье были единственными его козырями в этой игре. Если он снова столкнется с Эрли лицом к лицу, то, вполне возможно, будет уничтожен. И вместе с ним будет уничтожен Рок. И Школа. И Элеаль, его возлюбленная. И Вейл, и Ворон, и Дори — все, все, и фонтан во внутреннем дворике, выложенном белыми плитами, и юный ясень у фонтана... И только Роща выстоит. Да зеленый Холм, молчаливый, неколебимый. Он услышал слова Элеаль: «Вся истинная магия, все древние силы имеют один общий корень».

Медра огляделся. Это был тот же склон холма над ручьем, куда он тогда привел Тинарала — и Аниеб, мыс-

ленно ощущая ее присутствие. Вон там, буквально в двух шагах, тот шрам на поверхности земли, та печать, которую еще не скрыли зеленые травы лета.

— О Мать-земля, — сказал он, стоя на коленях, — откройся, впусти меня!

Он положил руки на тот шрам, но в руках его больше не было силы.

— Впусти меня, Мать-земля! — прошептал он на том языке, который был столь же древен, как сам этот Холм. И вдруг земля содрогнулась и слегка приоткрыла свою уже начавшую затягиваться рану.

Медра услыхал над головой пронзительный крик орла. Вскочил на ноги и... бросился в темноту.

Орел спускался, кружа над долиной и испуская пронзительные крики; он тщетно кружил и кружил над холмом, над росшими вдоль реки ивами в поисках своей жертвы, но тщетно, и в итоге, злой и усталый, улетел в том же направлении, откуда явился.

Прошло еще какое-то время, и уже ближе к вечеру на тот же холм притащился наконец старый Легавый. Он то и дело останавливался, принюхивался, потом присел на землю у шрама на поверхности земли, заодно давая отдохнуть усталым ногам, и стал внимательно осматривать землю в том месте, где валялись комки свежей влажной глины и была примята трава. Легавый погладил траву, как бы выпрямляя ее, потом встал, подошел к реке и в тени под ивами с удовольствием напился чистой прохладной коричневатой воды, а потом пустился в обратный путь, к шахтам.

Медра очнулся в полной темноте, страдая от боли. Довольно долго вокруг не было видно ни зги. Боль то возникала, то проходила, а вот тьма оставалась. Однажды, правда, она чуть-чуть рассеялась, превратившись в некое подобие сумерек, так что он смог, хотя и весьма неясно, разглядеть какой-то склон, уходящий вниз от того места, где он лежал, к невысокой стене из камня, за которой снова стеной стояла непроглядная тьма. Но подняться на ноги он не мог и не мог подойти к той стене. Вскоре вернулась и боль, временами становясь очень сильной; видимо, у него были повреждены плечо и бедро, к тому же просто раскалывалась голова. А потом его снова со всех сторон обступила тьма, и он погрузился в небытие.

Очнувшись, он почувствовал нестерпимую жажду и жгучую боль. И услышал где-то рядом звук бегущей воды.

Он попытался вспомнить, как зажечь волшебный огонек. Аниеб жалобным голосом просила его тогда зажечь огонек, а он не мог... И сейчас тоже не смог и полз в темноте, пока звук бегущей воды не стал громче, пока он не почувствовал под собой влажные камни, пока не нащупал во тьме воду. Он напился и попытался отползти в сторону от подземного ручья, потому что очень замерз на мокрых камнях. Похоже, одно плечо у него было сломано и совершенно вышло из строя. Голову вдруг пронзила такая острая боль, что он застонал и, дрожа, сжался в комок, пытаясь утишить боль и согреться. Но согреться на ледяных влажных камнях было невозможно, и по-прежнему со всех сторон его обступала непроглядная тьма.

Он сел, пытаясь осмотреться, а потом снова лег, свернувшись клубком, рядом с тем местом, где из-под мощного слоя слюды просачивался крошечный родничок. Неподалеку от него лежало бесформенной кучей чье-то тело — красный шелк полусгнившего платья, длинные волосы, обнажившиеся кости черепа... А дальше был вход в какую-то просторную пещеру, и ему довольно хорошо было видно, как далеко простирается эта пещера и те пещеры и переходы, череда которых находится за нею; об этих пещерах ему когда-то кое-что было известно, но он думал об этом с тем же безразличием, с каким смотрел на истлевшее тело Тинарала и с каким только что осматривал в темноте свое собственное тело. Он ощутил лишь легкое сожаление. Будет только справедливо, если он умрет рядом с тем, кого убил. Все правильно. Но какая-то боль внутри не давала ему покоя — нет, то была не физическая боль его израненного тела, а другая, давняя, ПОЖИЗНЕННАЯ его боль...

— Аниеб? — сказал он.

И тут же в голове у него прояснилось, несмотря на отчаянную боль в плече и бедре. Его подташнивало, голова

кружилась, вокруг стояла тьма. Стоило ему чуть шевельнуться, и он застонал от боли, но все же сел. «Я должен жить, — думал он. — Я должен вспомнить, КАК нужно жить. И как зажечь волшебный огонек. Я должен это вспомнить! Я должен вспомнить резные тени под деревьями в Роще...»

«Как далеко простирается этот лес?» — «Так далеко, как способно простираться твое воображение».

Медра поднял голову и всмотрелся во тьму. Потом слегка шевельнул здоровой рукой, и на конце пальцев повис слабенький огонек.

Оказалось, что верхний свод пещеры довольно высок. Звонкий ручеек, стекавший по слюдяному пласту, переливался в свете волшебного огонька.

А вот остальные помещения и переходы огромной пещеры он видеть теперь больше не мог — так, как видел их до того своим равнодушным, незрячим «третьим» глазом. Мерцающий волшебный огонек освещал лишь незначительную часть пространства вокруг него. Как и в ту ночь, когда он шел вместе с Аниеб навстречу ее смерти и видел вперед ровно на один шаг, не больше.

Он встал на колени и, немного подумав, прошептал: «Благодарю тебя, Мать-земля!» И потом попытался встать и тут же упал, громко вскрикнув, ибо его левое бедро отозвалось пронзительной болью. Полежав некоторое время, он предпринял вторую попытку встать и встал. А потом двинулся дальше.

Ему потребовалось немало времени, чтобы пересечь эту пещеру. Он сунул сломанную руку за пазуху, а здоровой рукой придерживал бедренный сустав, благодаря чему было немного легче идти. Стены вокруг постепенно сужались, образовывая некий коридор. Потолок здесь был гораздо ниже, он почти касался его головой. По одной стене стекала просачивавшаяся откуда-то вода и собиралась под ногами среди камней в маленькие лужицы. Это был отнюдь не чудесный дворец с красными стенами из грез Тинарала, и мистические серебристые руны не поблескивали вокруг на бесчисленных колоннах. Это была самая обыкновенная подземная пещера или старая штольня, и вокруг были самые обыкновенные земля, камень и вода. Воздух здесь был холодным и неподвижным. Тот родничок остался позади, и уже не слышно было даже его слабого журчания. За пределами крошечного круга света, образованного волшебным огоньком, стеной стояла тьма.

Медра опустил голову и остановился. «Аниеб, — сказал он, — не можешь ли ты вернуться ко мне? Или хотя бы показать мне путь? Я не знаю, как выбраться отсюда». Он немного подождал. Но ответа не было. Вокруг лишь тьма и тишина. И тогда медленно, то и дело останавливаясь, он вошел в подземный коридор.

Как этому человеку удалось уйти от него, Эрли так и не понял. Но две вещи он теперь знал наверняка: этот Выдра — или как его там? — был куда более могущественным магом, чем все, кого Эрли знавал прежде, и он постарается как можно скорее вернуться на Рок, поскольку именно там источник его могущества. Было совершенно бессмысленно пытаться попасть туда раньше него; он уже сделал свой первый ход. Но Эрли мог за ним последовать, и если его собственной магической силы окажется недостаточно, он привлечет на помощь такую военную силу, которой не смог бы противостоять ни один маг на свете. Ведь даже сам Морред был в итоге сражен не каким-то колдовством, а просто благодаря мощи тех вражеских армий, которые были брошены против него!

— Ваше величество, следует послать флот на юг, — сказал Эрли в ответ на вопросительный взгляд старого Лозена, как всегда сидевшего в своем кресле у окна королевского дворца. — Страшный враг идет на нас с южного берега Внутреннего моря, но мы намерены дать ему должный отпор! Сто военных кораблей следует послать одновременно из Хавнора, из Омера и из Южного порта, а также из вашего родового замка на острове Хоск. Это будет самое великое морское сражение, какое когда-либо видел мир! Я сам поведу эти корабли. А вся слава достанется вашему величеству. — И он рассмеялся Лозену в лицо, так что тот в ужасе уставился на него, в конце кон-

цов, видимо, начиная понимать, кто здесь настоящий хозяин.

И столь сильно было влияние Эрли на Лозена, что не прошло и двух дней, как огромный флот вышел из Хавнора, по дороге собирая дань с подчиненных островов. Восемьдесят кораблей проплыли мимо Арка и Илиена, и попутный магический ветер неустанно наполнял их паруса, неся их прямо к острову Рок. Иногда сам Эрли в белых шелковых одеяниях, держа в руке длинный белый посох, сделанный из рога какого-то северного морского чудовища, стоял на носу головной галеры, и сто ее весел, взлетая разом в воздух, напоминали крылья огромной морской чайки. Порою же он и сам превращался в чайку, или в орла, или даже в дракона и кружил над кораблями чуть впереди них, и люди, видя его в этом обличье, кричали: «Повелитель драконов! Повелитель драконов!»

Они причалили к острову Илиен, чтобы запастись водой и пищей. Отправка в путь сотен людей одновременно не позволила как следует пополнить имевшиеся на судах запасы воды и продовольствия. И войско Эрли совершенно опустошило города и селения на западном берегу Илиена; то же самое произошло на Виссти и Камери — они забрали все, что смогли унести, а остальное сожгли. Затем огромный флот повернул на запад, держа курс к единственной гавани острова Рок, заливу Твил. Эрли была известна эта гавань благодаря морским картам, имевшимся в Хавноре, и он знал, что над этим заливом возвышается огромный холм. Когда они подошли достаточно близко к острову, он в обличье дракона взмыл высоко в небеса и, оставив внизу свои корабли, полетел вперед, высматривая на западе вершину этого холма.

Когда же он увидел ее, подернутую дымкой и ярко-зеленую на фоне туманного моря, то громко крикнул, и люди на кораблях услышали этот пронзительный крик дракона, а он еще быстрее полетел вперед, стремясь к заветной цели.

Согласно всем известным ему слухам, остров Рок был защищен особыми заклятиями и опутан особыми чарами, скрывавшими его от глаз обычных людей. Но если и были какие-то чары, скрывавшие этот холм или этот залив, то

теперь они, очевидно, рассеялись, ибо Эрли видел над островом лишь легкую осеннюю дымку, почти прозрачную. Ничто не туманило его взор, ничто, казалось, не препятствовало его намерениям, когда он летел над заливом, над маленьким городком и над недостроенным огромным зданием на склоне другого холма, несколько выше остального города. Устремившись к самой вершине того округлого зеленого холма, Эрли, выпустив драконьи когти и хлопая ржаво-красными крыльями, наконец приземлился.

И, едва коснувшись земли, принял свое первоначальное обличье. Однако же он совершил это превращение не по своей воле, и это его встревожило, вселив в душу неуверенность.

Дул ветер, и высокая трава согласно кивала ему. Лето уже перевалило за середину, и трава успела пожухнуть, пожелтеть, в ней не было видно цветов, разве что белый пушок отцветших соцветий. Какая-то женщина поднималась прямо к нему по склону холма среди высоких трав. Шла она не по тропе, но очень легко, свободно, не спеша.

Ему казалось, что он успел поднять руку и произнести связующее заклятие, чтобы остановить ее, но почему-то рука его так и не поднялась, а женщина продолжала идти. Она остановилась, только когда была от него на расстоянии шага.

— Назови мне свое имя, — сказала она, стоя чуть ниже и подняв к нему лицо, и он ответил:

— Териэль.

— Зачем ты сюда явился, Териэль?

— Чтобы вас уничтожить.

Он не сводил с нее глаз, но видел перед собой всего лишь обыкновенную круглолицую женщину средних лет, невысокую и крепкую, с сединой в волосах; ее темные глаза смотрели из-под густых темных бровей так, что приковывали к себе его взгляд и заставляли его уста произносить только правдивые слова.

— Уничтожить нас? Уничтожить наш Холм? И эти деревья? — Она посмотрела вниз, на небольшую рощу недалеко от холма. — Возможно, Сегой, который их создал, и был бы способен их уничтожить. Возможно, сама земля

тоже способна уничтожить себя. И, возможно, она в итоге так и сделает — благодаря нашим усилиям. Но только не твоим, фальшивый правитель, фальшивый дракон, фальшивый человек. Никогда не ступай на Холм Рок, если не знаешь заранее, какова та земля, на которую ты ступил! — Она сделала один-единственный жест рукой, указав ему на землю, повернулась и пошла прочь — вниз по склону холма, по высокой траве, тем же путем, каким пришла сюда.

И вдруг Эрли увидел, что на холме вокруг него толпится множество людей — мужчины и женщины, старики и дети, живые и мертвые, причем души мертвых толпились среди живых. Эрли стало страшно. Он даже присел на корточки и попытался произнести заклятие, которое скрыло бы его ото всех этих людей.

Но никакого заклятия он не произнес. И понял, что у него совсем не осталось волшебной силы. Вся она куда-то исчезла, ушла из него, утекла в этот ужасный холм, в эту ужасную землю у него под ногами, покинула его! Он больше не был волшебником, он стал самым обыкновенным человеком, таким же, как все остальные, и он был бессилен.

Эрли понимал это, понимал это отлично, но все еще пытался выговорить слова заклятия, все еще вздымал руки в повелительном жесте, все еще сотрясал кулаками в бессильной ярости. А потом посмотрел на восток, напрягая зрение и надеясь разглядеть сверкающие на солнце весла боевых галер и их паруса. Они идут сюда, его корабли! Они спасут его и накажут всех этих людей и эту строптивую женщину!..

Но парусов он не увидел; он увидел только туман. Густой туман повис над водой, окутав залив и скрывая море за его пределами. И туман этот все сгущался, становился темнее, а на море неторопливо начинали вздуваться волны, предвещая бурю.

Земля, вращаясь вокруг своей оси и поворачиваясь к солнцу той или иной стороной, заставляет ночь и день сменять друг друга, но внутри земли царит ночь. Медра

шел в сплошной темноте. Он очень сильно хромал, и у него часто не хватало сил, чтобы поддерживать волшебный свет. Когда гас и этот крошечный огонек, ему приходилось просто останавливаться. Тогда он опускался на землю и засыпал. Но этот сон не был похож на смерть и ни разу не превращался в нее, как ему сперва показалось. Он просыпался от вполне живых, хотя и весьма неприятных ощущений — от холода, от боли, от невыносимой жажды. И все же, как только ему удавалось зажечь волшебный огонек, он поднимался на ноги и шел дальше. Он ни разу не видел Аниеб, но знал, что она рядом. Это она вела его. Иногда ему попадались очень большие пещеры. А иногда — настоящие озера с такой неподвижной водой, что было страшно нарушать эту неподвижность, но все же он пил из них. Ему все время казалось, что он заходит все глубже и глубже в недра земные, но вдруг вышел на берег очередного озера, самого большого из тех, что ему до сих пор попадались, и после этого снова начался явный подъем. Теперь уже он вел Аниеб, а она лишь следовала за ним. И он уже мог произнести вслух ее имя, хотя она ему не отвечала. Но никаких других имен он вслух произнести не мог, зато мог думать о деревьях из Рощи, о корнях тех деревьев... Здесь было настоящее царство древесных корней. Как далеко простирается этот лес? Так далеко, как обычно простираются леса. И тянутся так долго, как жизни людей, корни которых так же глубоки, как корни деревьев. И все это продолжается, пока листва в Роще отбрасывает на землю резные тени... Но здесь не было ни света, ни теней, только тьма, и Медра упрямо шел вперед, пока не увидел перед собой Аниеб. Ее блестящие глаза, облако ее пышных кудрявых волос... Оглянувшись, она некоторое время смотрела на него, а потом вдруг свернула в сторону и легко побежала куда-то вниз по пологому склону — во тьму.

И он вдруг заметил, что тьма вокруг уже не такая плотная, и почувствовал на лице слабое дыхание ветра. А далеко впереди виднелся свет, неясный, слабый, но, похоже, самый настоящий, не волшебный. И Медра пошел вперед, точнее, пополз, приволакивая правую ногу,

ибо она уже не выдерживала его веса. Продвигаясь все дальше вперед, он вскоре почувствовал земные вечерние запахи и увидел кусочек вечернего неба, просвечивавшего сквозь ветви и листву огромного дерева. Изогнувшийся дугой корень огромного дуба образовывал как бы арку над входом в пещеру, и этот вход был такой узкий, что крупный барсук и уж тем более человек с трудом мог бы в него протиснуться. Но Медра прополз в эту дыру и наконец оказался СНАРУЖИ. А потом он лег прямо у корней дерева и стал смотреть, как меркнет вечерний свет, как среди листвы загораются первые звезды.

Именно там и нашел его Легавый — в нескольких милях от того шрама на склоне холма, на самой опушке великого леса Фалиерн.

— Ну вот, догнал я тебя наконец! — удовлетворенно сказал старик, глядя на распростертое на земле грязное и казавшееся совершенно безжизненным тело Медры. И тут же прибавил с сожалением: — Только слишком поздно. — Он наклонился, пытаясь приподнять мертвого и опасаясь, что ему придется просто волочь его по земле, но тут почувствовал в лежащем без чувств человеке слабое биение жизни и радостно воскликнул: — Да ты никак живой! Ну так давай, просыпайся, парень! Очнись! Эй, Выдра!

Медра открыл глаза, явно узнал Легавого, но даже сесть оказался не в силах и едва мог говорить. Старик накинул ему на плечи свою куртку, напоил его водой из фляжки и присел возле него на корточки, прислонившись спиной к огромному стволу дуба. Некоторое время оба молчали, глядя куда-то в лес. Близился полдень, яркие лучи летнего солнца пробивались сквозь густую зеленую листву. На вершине дуба застрекотала белка, с соседнего дерева ей откликнулась сойка. Легавый поскреб шею и вздохнул.

— Волшебник наш, как всегда, отправился по ложному следу, — сказал он наконец. — Сказал, что ты непременно на острове Рок, там он тебя и поймает. А я ничего ему не сказал.

И он посмотрел на человека, которого знал только под именем Выдра.

— Ты ведь ушел под землю через ту дыру, в которую старый Белолицый прыгнул, верно? Нашел ты его там?

Медра кивнул.

— Хм... — Легавый коротко и немного сердито усмехнулся. — Ты всегда находишь то, что ищешь, верно? Как и я. — Он видел, что его собеседник чем-то сильно опечален, и сказал: — Ты не бойся, я тебя отсюда вытащу. Схожу в деревню — она вон там, под горой, — и приведу кого-нибудь с повозкой. Вот только отдышусь немного. Послушай, ты насчет меня плохого не думай: я не для того столько лет всех с твоего следа сбивал, чтобы теперь тебя Эрли отдать, как Геллуку тогда отдал. До чего же я об этом потом жалел! И сколько передумал! А помнишь, я говорил тебе, что нам, «ловкачам», надо вместе держаться? И понимать, на кого мы работаем? Правда, у меня-то особого выбора не было. Но после истории с тобой я сильно задумался и решил, что если мне еще раз доведется с тобой встретиться, то я непременно окажу тебе настоящую услугу. Если смогу, конечно. Как один Искатель другому, ясно?

Выдра, задыхаясь, попытался что-то сказать в ответ, но Легавый ласково коснулся его руки и сказал:

— Молчи. И ни о чем не беспокойся. — Он решительно встал, собираясь идти в деревню. — Лежи, отдыхай, а я скоро вернусь.

Он действительно очень скоро вернулся с возчиком, который согласился доставить их в Эндлейн. Мать Выдры и его сестра жили теперь у родственников, надеясь впоследствии все же отстроить сгоревший дом. Они просто глазам своим не поверили, увидев Выдру живым, и страшно обрадовались. Не зная о том, что Легавый находится на службе у Лозена и Эрли, эти женщины обращались с ним, как с родным. Они были очень благодарны этому хорошему человеку, который не только нашел их бедного Выдру полумертвым в лесу, но и привез его домой. Мать Выдры без умолку расхваливала Легавого соседям, говоря, какой он мудрый и добрый. Действительно мудрый, но вот добрый ли? Этого и сам Выдра еще не знал.

Выдра поправлялся медленно. Целительница-косто-

прав долго колдовала над его сломанным плечом и вывихнутым бедром, лечила глубокие порезы на руках, на коленях и на голове, нанесенные острыми краями камней в темных подземных пещерах, а мать готовила ему вкусные кушанья и все старалась принести какое-нибудь лакомство из местных садов и ягодников. Но он лежал, почти такой же слабый и безучастный, как и когда Легавый нашел его у корней большого дуба. «У него больше не осталось сердца», — сказала знахарка, лечившая его. Она говорила правду: сердце его действительно было в другом месте, изъеденное тревогой, страхом и стыдом.

— Ну, и куда же его сердце подевалось? — сердито спрашивал знахарку Легавый.

Вдруг Выдра, до того молчавший, промолвил:

— Мое сердце на острове Рок.

— Ага! Там, значит, куда старый Эрли отправился со своим огромным флотом? Ясно... У тебя, значит, друзья там? Ну что ж, один из тех кораблей уже вернулся. Пойду-ка я в таверну да порасспрошу кое-кого из морячков. Разузнаю, как они добрались до этого острова и что там дальше случилось. Но вот одно я могу тебе и так сказать совершенно точно: старый Эрли, похоже, не скоро еще вернется домой! Хм, хм... — Легавый был страшно доволен своей шуткой и еще раз повторил: — Да, домой наш Эрли вернется еще не скоро! — Он встал и посмотрел на Выдру. Вид у того, надо сказать, был довольно жалкий. — Ничего, парень. Отдыхай и ни о чем не думай! — И Легавый удалился.

Его не было несколько дней. А вернулся он с конной повозкой и с таким победоносным видом, что сестра Выдры воскликнула:

— Легавый-то наш, верно, целое состояние выиграл! Приехал на отличной городской бричке, а в бричку отличная городская лошадка впряжена. И сам восседает на козлах, точно принц какой!

Не успела она это сказать, как вошел сам Легавый.

— Ну что ж, — сказал он, — во-первых, когда я прибыл в столицу, то сразу пошел во дворец, чтобы узнать последние новости, и что же я увидел? Я увидел нашего старого правителя Лозена, который стоял на собственных

ногах и раздавал направо и налево всякие указания! СТОЯЛ! А ведь он сколько лет уже к своему креслу параличом был прикован! И как громко он командовал, ты бы слышал! Вот только некоторые его приказов слушались, а некоторые нет. Так что я поспешил оттуда убраться: когда в королевском дворце идет раскол, там становится опасно. И я отправился к своим друзьям и спросил, где сейчас старый Эрли, добрался ли его флот до острова Рок и вернулся ли он назад? Ну и все такое. И они сказали, что об Эрли с тех пор вообще ничего не известно! Ни его самого больше не видели, ни весточки какой от него с тех пор не получали. Может быть, спросили они меня, я сумел бы его отыскать — ну, это они, конечно, шутили, поддразнивали меня, хм... Они-то знают, как я нашего Эрли люблю. А что касается кораблей, то некоторые из них вернулись вместе со всей командой, и моряки утверждают, что так и не смогли добраться до Рока, что они даже его не видели, а проплыли как бы сквозь него, прямо по тому месту, где, согласно картам, должен был быть остров, только никакого острова там не оказалось. А еще я в таверне встретил несколько человек с одной из самых крупных галер, и они мне рассказали, что когда их судно подошло совсем близко к тому месту, где должен быть остров, то вдруг поднялся такой густой туман, ну точно мокрая простыня, и море тоже стало каким-то вязким, так что гребцы едва могли шевелить веслами, и в этом киселе они проторчали, как в ловушке, целые сутки. А когда выбрались из тумана, то вокруг до самого горизонта не было видно больше ни одного корабля, и рабы чуть не взбунтовались, так что шкипер развернул судно и постарался как можно скорее вернуться домой. Другая галера, старая «Грозовая туча», которая считалась личным кораблем Лозена, как раз входила в гавань, когда я сидел в таверне. И я потом кое с кем из ее команды тоже переговорил. Они все утверждали, что в том месте, где должен быть Рок, не было ничего, кроме рифов и тумана, так что они проплыли с семью другими кораблями немного южнее и там столкнулись с боевыми судами правителя Уотхорта. Возможно, тот решил, что на их остров движется с захватническими целями огромный флот Лозена, а потому ни в какие перегово-

ры вступать не стал, а просто велел своим волшебникам наслать на наши суда волшебный огонь. Свои же суда выстроил неподалеку, чтобы пойти на абордаж, если представится такая возможность. Те люди, с которыми я беседовал, сказали, что бой был тяжелый, им огромных усилий стоило хотя бы уйти от погони, и не всем это удалось. Однако об Эрли они ничего не слышали, а на обратном пути им даже пришлось другого колдуна-ветродуя нанять. И уцелевшие в том сражении корабли плелись обратно через все Внутреннее море, точно побитые собаки, — так мне тот моряк с «Грозовой тучи» рассказывал. Ну как? Нравятся тебе мои новости?

Выдра задыхался от слез, он даже лицо руками закрыл.

— Да, — только и смог он вымолвить, — да, спасибо!

— Я так и думал, что тебе мой рассказ по сердцу придется. А что касается Лозена, — продолжал Легавый, — то кто знает... — Он потянул воздух носом и вздохнул: — Я бы на его месте, пожалуй, ушел на покой. Думаю, что и мне самое время это сделать.

Выдре наконец удалось совладать со своим лицом и голосом, он вытер глаза, высморкался, откашлялся и сказал:

— Что ж, это, возможно, очень неплохая мысль. Приезжай к нам на Рок. Там безопаснее всего.

— Похоже, мне это место отыскать будет трудновато, — заметил Легавый.

— Ничего, зато я всегда могу его отыскать, — радостно заверил его Выдра.

IV. Медра

Двери в доме у нас человек сторожил.
И богатым, и бедным он равно служил.
И князья, и крестьяне являлись туда,
Только двери им он открывал не всегда.
Так вдаль бежит вода, вода,
Так вдаль бежит вода.

Легавый остался в Эндлейне. Он мог там зарабатывать себе на жизнь как лозоходец, а также просто отыскивая

пропавшие вещи. К тому же ему очень нравилась местная таверна и гостеприимство матери Выдры.

К началу осени Лозена повесили за ноги на стене Нового Дворца, и он висел там, пока не сгнил, а шестеро воинственных правителей тем временем воевали, пытаясь поделить его королевство, и корабли некогда огромного единого флота гонялись друг за другом по всем морям и проливам, воды которых были взбаламучены бесконечными штормами, насылаемыми волшебниками.

Но «Надежда», хорошо оснащенная и управляемая двумя молодыми колдунами из «Союза Руки», спокойно вышла из Хавнора и доставила Медру целым и невредимым через все Внутреннее море на остров Рок.

Эмбер встречала его на причале. Хромой и страшно исхудавший, он подошел к ней и взял ее руки в свои, но никак не мог поднять глаза и посмотреть ей в лицо.

— У меня на сердце слишком тяжело: столько смертей на моей совести, Элеаль! — только и сказал он.

— Ну так пойдем со мной в Рощу, — просто предложила она ему.

И они вместе отправились в Имманентную Рощу и прожили там до начала зимы. А на следующий год построили себе маленький домик на берегу речки Твилберн, что берет начало в Роще, и каждое лето жили в этом домике.

Работали же они и учили учеников в Большом Доме. Они сами следили за тем, как он строился, и каждый камень в его стенах был укреплен их защитными заклятиями, а также заклятиями прочности и мира. Они были свидетелями того, как был принят Устав острова Рок, хотя это прошло далеко не так гладко, как им бы хотелось, и всегда на острове и в Школе шла борьба с некоей оппозицией, ибо маги и волшебники прибывали на Рок и с других островов, а также вырастали из бывших учеников — мужчин и женщин, наделенных не только магической силой и знаниями, но и непомерной гордостью. Все они клялись на Уставе трудиться вместе со всеми и во имя Добра, но каждый по-своему представлял себе, как именно это следует делать.

Старея, Элеаль все больше уставала от кипевших в

Школе страстей и тамошних проблем и испытывала все большую тягу к деревьям в Роще; она часто уходила туда одна и забиралась так далеко, как только может простираться человеческий разум. Медра тоже часто уходил в Рощу, но не так далеко, как Элеаль, ибо был хром.

Когда Элеаль умерла, Медра так и остался жить один в своем маленьком домике на опушке Рощи.

Однажды осенью он вернулся в Школу. Он вошел туда через заднюю дверь, выходившую в сад и на тропу, ведущую через поля на Холм Рок. Самое любопытное в Большом Доме Рока то, что в нем нет ни парадного входа, ни красивых ворот. В Школу Волшебников можно войти только через боковую дверь, которая — хоть она и сделана из рога с рамой из драконьего зуба, хоть на ней и вырезано Древо Жизни С Тысячью Листьями — совсем не видна снаружи, когда подходишь к ней по узкой извилистой улочке Твила. Правда, попасть в Большой Дом можно еще через сад, куда выходит простая дубовая дверь с железной задвижкой. Но все равно — парадной двери в этом Доме нет вообще.

Медра прошел по залам и коридорам с мраморными стенами в самое сердце Школы — во внутренний дворик, выложенный белой плиткой, где пел фонтан и где рос посаженный Элеаль ясень, теперь ставший высоким и раскидистым.

Услышав, что он здесь, все сразу же поспешили к нему, учителя и ученики Школы, мужчины и женщины, мастера и подмастерья магических искусств и ремесел. Медра прежде был в Школе Мастером Искателем, пока не ушел жить в Рощу, и теперь одна женщина, его бывшая ученица, учила молодых его искусству.

— Я вот все думал, — сказал он. — Вас здесь восемь Мастеров. Но девять — куда лучшее число. Так что можете считать меня снова одним из вас. Если хотите, конечно.

— А что ты будешь делать, Мастер Крачка? — спросил Мастер Заклинатель, седовласый маг с острова Илиен.

— Я буду стеречь нашу дверь, — сказал Медра. — Будучи хромым, я не смогу далеко отойти от нее. Будучи старым, я сразу пойму, что сказать тому, кто к нам постучится. Будучи Искателем, я отыщу причину, приведшую сюда этого человека, и узнаю, подходит ли он нам.

— Это избавило бы нас от огромного количества хлопот и забот, а также от известной опасности, — сказала бывшая ученица Медры, молодая Искательница.

— А что ты намерен у них спрашивать? — спросил Заклинатель.

— Я стану спрашивать у каждого его Истинное имя, — сказал Медра. И улыбнулся. — Если человек назовет его мне, то сможет войти. А если он будет считать, что ему ни к чему называть свое Имя какому-то привратнику, то пусть отправляется восвояси. Те же из учеников, которые решат, что уже научились всему на свете, смогут отсюда уйти только в том случае, если назовут мое Имя.

Так все и стало происходить отныне. И всю оставшуюся жизнь Медра охранял двери Большого Дома на острове Рок. Та садовая дверь, что выходила на Холм, долго еще называлась Дверью Медры — даже после того, как очень многое переменилось в этом Доме с течением столетий. И по-прежнему девятым Мастером в Школе считается Мастер Привратник.

В селении Эндлейн и других деревнях у подножия горы Онн на острове Хавнор женщины за работой, когда ткут, прядут или вяжут, часто поют одну песенку-загадку, последний куплет которой, возможно, имеет самое непосредственное отношение к человеку, Истинное имя которого было Медра, но которого звали также Выдра и Крачка:

Три вещи в мире более неповторимы:
Солеа, светлый остров среди волн морских;
Дракон, плывущий в море, точно в облаках;
Морская птица, что и под землей — летит!

ТЕМНАЯ РОЗА И ДИАМАНТ

Песня лодочника с западного побережья Хавнора:

Куда устремится любовь моя,
Туда же пойду и я.
Куда повернет он лодку свою,
Туда я жизнь поверну мою.

Мы с ним смеяться вместе будем
И плакать, как одна семья.
Коль жив он будет, буду жить я,
Умрет он, так умру и я.

На западном побережье острова Хавнор, среди холмов, заросших дубовыми и каштановыми рощами, стоит город Глейд. Сколько-то лет назад жил там очень богатый купец по имени Голден, по прозвищу Золотой. Голден владел лесопилкой, где стволы дубов превращали в доски для обшивки тех кораблей, которые строили в портах Хавнора. Был он также хозяином самых больших каштановых рощ на острове; ну и, разумеется, имелись у него всякие телеги и повозки, и он специально нанимал множество возчиков, чтобы те развозили лес и каштаны по всему холмистому побережью Хавнора на продажу. От своих лесных владений он имел немалую выгоду, и когда у него родился сын, то жена его сказала: «Может, нам стоило бы назвать мальчика Каштан или Дуб?» — но он возразил: «Нет, только Диамант!» — ибо диамант, или бриллиант, по его разумению, был единственной вещью на свете, что стоила дороже золота.

Итак, маленький Диамант рос в одном из самых богатых домов города Глейда, и был он толстеньким ясноглазым малышом, а потом стал румяным веселым мальчишкой-проказником. У него был приятный звонкий голосок и хороший слух. Музыку он очень любил, так что мать называла его Певчей Птичкой или Жаворонком, а также другими любовными прозвищами, потому что никогда особенно не любила имя Диамант. Мальчик сразу запоминал любую песню или мелодию, стоило ему ее один раз услышать, да и сам легко сочинял всякие песенки и распевал их на весь дом, если не удавалось услышать ни одной новой. Его мать, Тьюли, специально пригласила в дом одну мудрую женщину по имени Тангле, чтобы та учила мальчика «Созданию Эа» и «Подвигу молодого короля», и к весеннему равноденствию, когда Диаманту исполнилось одиннадцать, он спел «Зимнюю песнь» для правителя Западных земель — тот как раз посещал свое поместье, расположенное в горах, над Глейдом. Этот лорд и его супруга очень хвалили мальчика за прекрасное пе-

ние и подарили ему на память маленькую золотую шкатулочку, в крышку которой был вделан крошечный бриллиант, — этот подарок показался Диаманту и его матери очень красивым и щедрым. Но Голдена несколько раздражало и пение сына, и его любовь к красивым безделушкам. «Есть куда более важные вещи, сынок, и тебе вскоре предстоит ими заняться, — говорил он. — А награды, которые ты еще получишь в жизни, тоже должны быть неизмеримо выше».

Диамант считал, что отец говорит о своем деле — о лесорубах, о пильщиках, о лесопилке, о каштановых рощах, о сборщиках каштанов, о возчиках и повозках — обо всех тех сложных «взрослых» проблемах, которые, как ему казалось, пока что не имеют к нему никакого отношения, так что он просто не мог участвовать в подобных разговорах. Но Голден не терял надежды. «Возможно, — думал он, — Диамант еще слишком мал и все поймет, когда вырастет».

Но на самом-то деле Голден думал отнюдь не только о делах. Он давно уже заметил в своем сыне кое-что такое, отчего уверен был, что тому суждено заниматься чем-то большим, чем торговля лесом и каштанами, и порой он в священном ужасе закрывал глаза, представляя себе дальнейшую судьбу Диаманта.

Сперва он думал, что это просто некая случайная искорка магической силы — в Земноморье такое часто бывает у детей в раннем возрасте, а потом пропадает. Сам Голден, например, в детстве тоже умел заставить светиться собственную тень или делал так, что от него во все стороны сыпались искры. Отчасти за это он и получил свое прозвище Золотой. В семье его всегда хвалили за эти фокусы и заставляли демонстрировать их гостям; а потом, когда ему исполнилось лет семь или восемь, он эту способность утратил, причем раз и навсегда.

Когда Голден увидел, как его сынок спускается по лестнице, не касаясь ступеней, то не поверил собственным глазам; но через несколько дней он снова заметил, что Диамант буквально вплывает по лестнице на верхний этаж, лишь касаясь пальцем дубовых перил.

— А вниз ты так спуститься можешь? — спросил Голден заинтересованно, и мальчик радостно ответил:

— Ой, ну конечно! Это же еще легче. — И поплыл по лестнице вниз, точно невесомое облачко, гонимое южным ветерком.

— Как ты этому научился? — спросил отец.

— Да я просто... обнаружил вдруг, что умею это делать, — запинаясь, пояснил Диамант, явно не уверенный в том, что отцу это понравится.

Голден хвалить мальчика не стал, не желая пробуждать в нем зазнайство или тщеславие из-за того, что в итоге может оказаться просто детской особенностью развития, которая со временем пройдет — вроде его звонкого голоса. Ох уж этот голос! Слишком много из-за него было шума, да и жена все уши ему прожужжала о необычайных музыкальных способностях сынишки.

Но как-то раз, примерно через год после этого разговора, Голден заметил из окна, что Диамант играет в саду за домом вместе со своей подружкой Розой. Дети сидели на корточках, близко придвинув друг к другу головы, и чему-то смеялись. Какое-то жутковатое напряжение, царившее вокруг них, заставило Голдена замедлить шаг, остановиться у окна и понаблюдать подольше. Что-то живое прыгало в траве между детьми — вверх-вниз, вверх-вниз... лягушка? жаба? большой кузнечик? Голден спустился в сад и подошел к детям поближе, ступая так тихо и осторожно, хотя он был очень крупным мужчиной, что малыши, поглощенные своим занятием, ничего не услышали. То, что прыгало вверх-вниз на траве возле их босых ног, оказалось простым камешком. Когда Диамант поднимал руку, камешек подпрыгивал вверх. Когда он слегка поводил рукой туда-сюда, камешек тоже начинал описывать в воздухе круги и зигзаги, а стоило мальчику хотя бы палец вниз опустить, камешек падал на землю.

— А теперь ты, — сказал Димант Розе, и девочка попробовала сделать то же самое, но у нее камешек только чуть-чуть шевельнулся.

— Ой, — прошептала вдруг Роза, — тут, оказывается, твой папа!

— Как это у вас здорово получается, — сказал Голден.

— Это все Ди придумал! — сказала Роза восхищенно.

Голден терпеть эту девчонку не мог. Слишком уж она была открытой и одновременно острой на язык, всегда готовой защищаться, но, как ни странно, очень застенчивой. Она была на год моложе Диаманта, но, самое главное, она была дочерью этой ведьмы Тангле! Голден предпочел бы, чтобы его сын играл со своими сверстниками-мальчишками, и лучше бы из таких же уважаемых семей Глейда, как его семья, но Тьюли почему-то упорно привечала эту ведьму, называла ее «мудрой женщиной», хотя ведьма есть ведьма, и дочка ее — совсем не подходящая компания для маленького Диаманта. Однако самолюбию Голдена даже отчасти польстило то, что его сын обучает магическим трюкам ведьмино отродье.

— А что еще ты умеешь, Диамант? — спросил он.

— Играть на флейте, — и мальчик тут же вытащил из кармана маленькую флейту, которую мать подарила ему в день двенадцатилетия. Он поднес флейту к губам, пальцы его заплясали на дырочках. Он играл прелестную мелодию с западного побережья «Куда устремится любовь моя».

— Очень мило, — сказал Голден. — Но вообще-то на флейте любой может научиться играть.

Диамант быстро глянул на Розу; та отвернулась и потупилась.

— Но я ОЧЕНЬ быстро научился! — возразил Диамант.

Голден что-то равнодушно проворчал себе под нос.

— Вообще-то моя флейта и сама может играть, — сказал Диамант и отнял флейту от губ, продолжая перебирать пальцами отверстия. И флейта действительно сыграла джигу. Правда, в нескольких местах она взяла фальшивую ноту, а закончила довольно визгливым аккордом.

— У меня пока еще не очень хорошо получается, — сказал Диамант немного смущенно.

— Да нет, почему же, очень неплохо, — похвалил его отец. — Ну ладно, продолжай упражняться. — И он пошел по своим делам, совершенно не уверенный в том, что сказал сыну правильные слова. Ему очень не хотелось поощрять эти музыкальные занятия, а также крайне не нравилось то, что мальчишка слишком много времени про-

водит в обществе этой девчонки и занимается всякими глупостями, а ведь ни музыка, ни ведьмина дочка не сумеют помочь ему достигнуть в жизни должных высот. Но этот магический дар, этот неоспоримый талант волшебника — скачущий камешек, играющая сама собой флейта... Ну что ж, было бы неправильно возлагать на этот дар слишком большие надежды, однако, пожалуй, расхолаживать мальчика не стоит.

В представлении Голдена, власть всегда обеспечивали деньги, но в жизни важна была не только власть. Были еще два фактора, и один из них имел примерно такой же вес, а другой был гораздо весомее. Во-первых, крайне важно, в какой семье ты родился. Когда правитель Западных земель прибыл в свое поместье близ Глейда, Голден был чрезвычайно рад присягнуть ему на верность, как сюзерену. Этот лорд был рожден, чтобы править своей страной и охранять ее мир и покой, а он, Голден, был рожден для того, чтобы заниматься торговлей и приумножать собственное богатство, и каждый был на своем месте, ведь любой человек, знатный или самый простой, если он хорошо и честно служит своему делу и исполняет свой долг, достоин славы и уважения. Но существовали и мелкие правители, которых Голден мог купить, или продать со всеми потрохами, или, например, заставить просить милостыню; эти люди, родившись в благородных семьях, не заслужили ни денег, ни славы, ни почестей, ни уважения, и вряд ли кто-то стал бы присягать им на верность. Знатность и власть, которую эта знатность дает, а также власть, которую дает богатство, — это вещи условные, зависящие от обстоятельств, но их нужно заработать, иначе и ту и другую власть ничего не стоит и потерять.

Но среди богатых и знатных людей были и такие, кого по совсем иной причине называли людьми могущественными, ибо они обладали особой, магической силой и были волшебниками. Власть таких людей, даже при минимальном ее применении, была абсолютной. В их руках находилось управление практически всеми островами Архипелага, давно уже не имевшими настоящего короля.

Если Диамант рожден для власти такого рода, думал Голден, если именно таков его природный дар, то все

планы насчет того, чтобы обучить его торговому делу и сделать своим помощником, рассыпаются в прах, а ведь он, Голден, так мечтал, чтобы сын впоследствии расширил торговые отношения с Южным портом, сделав их регулярными, а также присовокупил к уже имеющимся каштановым рощам те рощи, что на холмах близ Рече! А что, если Диаманта отправить в Школу Волшебников на острове Рок? Некогда там учился, например, дядя Тьюли и, между прочим, впоследствии прославил свою семью, став придворным магом во дворце короля в Хавноре. Голден и сам взлетел по лестнице, почти не касаясь ступеней, настолько воодушевили его эти мечты.

Но мальчику он ничего о своих планах не сказал, как не сказал ничего и его матери. Он вполне сознательно держал рот на замке, не доверяя мечтам и иллюзиям, пока они не стали конкретными и воплощенными в жизнь фактами. А его жена Тьюли, хоть и была заботливой хозяйкой и любящей матерью, и без того уже слишком много внимания уделяла талантам Диаманта и его успехам. Кроме того, она, как и все женщины, питала склонность к пустой болтовне и сплетням, а также, по мнению Голдена, была слишком неразборчива в выборе друзей. Например, эта девчонка Роза не отходила от их мальчика ни на шаг, а все потому, что Тьюли очень подружилась с ее матерью, ведьмой Тангле, всячески ее привечала и без конца приглашала к себе — посоветоваться или просто поболтать. Стоило Диаманту содрать заусеницу, как Тьюли уже звала эту особу. Да и вообще она рассказывала ей куда больше, чем кому-либо другому, — в том числе и о делах мужа. А он в своих делах не желал иметь ничего общего с ведьмами. С другой стороны, только Тангле могла бы сказать наверняка, обладает ли его сын каким-то особым магическим даром... Однако просить совета у ведьмы Голдену уж очень не хотелось, тем более о судьбе собственного сына.

И он решил подождать и понаблюдать. Будучи человеком терпеливым и обладая сильной волей, он ждал целых четыре года, пока Диаманту не исполнилось шестнадцать и он не превратился в крупного, хорошо развитого юношу, делавшего успехи и в спорте, и в науках. Он был та-

кой же румяный, ясноглазый и веселый, как в детстве, и страшно огорчился, когда у него начал ломаться голос и его замечательный звонкий дискант куда-то исчез. Голден надеялся, что тут-то его увлечение пением и закончится, но юноша продолжал ходить следом за бродячими музыкантами, всякими там исполнителями баллад и прочим подозрительным народом и мгновенно выучивал весь их репертуар, хотя заниматься подобной ерундой было, конечно, совершенно негоже для сына столь уважаемого купца. А ведь именно Диаманту предстояло унаследовать и развить дело отца, принять во владение все его немалое имущество, все лесопильные и торговые предприятия, так что в итоге Голден сказал ему прямо:

— С пением пора кончать, сынок. Надо думать о том, как стать настоящим мужчиной!

Диамант уже получил свое Истинное имя у источников Амиа, что бьют в горах над Глейдом. Волшебник Хемлок, который когда-то был знаком с двоюродным дедушкой Диаманта, известным магом (тем самым дядей его матери, который учился на Роке), специально поднялся в горы из Южного порта, чтобы осуществить обряд имяположения. А год спустя Хемлок был приглашен и на пир, устроенный по случаю именин Диаманта. На пиру было множество вкусной еды и питья, а также каждый ребенок получил в подарок новую юбку, штаны или сорочку — этот старинный обычай всегда соблюдали на западе Хавнора. А после пира теплым осенним вечером были устроены танцы на зеленой траве. У Диаманта было много друзей — чуть ли не все юноши и девушки в городе. Молодежь танцевала до упаду, и некоторые явно выпили чересчур много пива, но никто никаких особых выходок себе не позволял, и это был очень веселый и всем запомнившийся праздник. Но уже на следующее утро Голден снова позвал к себе сына и сказал ему, что пора становиться взрослым.

— Я уже немного подумал о том, как мне это сделать, папа, — отвечал Диамант своим хрипловатым ломающимся голосом.

— И что же ты придумал?

— Ну, я... — начал было Диамант и осекся.

— Я-то всегда считал, что ты займешься нашим фамильным делом, — сказал Голден. Сказал он это совершенно спокойно, почти равнодушно, и Диамант промолчал. — А ты что на этот счет думаешь? Или, может, ты чем-нибудь иным заняться хотел?

— Иногда меня посещают довольно странные мысли...

— А ты хоть раз говорил об этом с Мастером Хемлоком?

Поколебавшись, Диамант ответил:

— Нет. — И вопросительно посмотрел на отца.

— А вот я вчера говорил с ним! И он сказал, что некоторые природные таланты не только трудно, но и совершенно неправильно, даже преступно подавлять.

В темных глазах Диаманта вспыхнул огонек надежды.

— Мастер Хемлок, — продолжал между тем Голден, — сказал также, что подобные таланты, если они развиты неправильно и лишены нужных знаний, не только, по сути дела, пропадают втуне, но и могут стать очень опасными. Различным искусствам нужно обязательно учиться и практиковаться в них, вот что он сказал. — Лицо Диаманта прямо-таки светилось. — Однако, — продолжал его отец, — Хемлок предупредил, что ради развития своего таланта ты должен заниматься и упражняться постоянно. — Диамант с готовностью закивал. — Особенно если это настоящий талант. Какая-то деревенская ведьма с ее приворотным зельем особого вреда причинить не может, но даже самый обыкновенный волшебник, сказал Хемлок, должен быть очень осторожен, особенно если он использует свои знания и умения для неких коренных изменений... Кроме того, он может невольно погубить и себя самого. Или потерять свою магическую силу. Хотя, разумеется, даже колдун должен получать плату за свой труд. Ну а настоящие волшебники, как ты знаешь, живут во дворцах и имеют все, чего их душа пожелает.

Диамант внимательно слушал его, слегка нахмурившись.

— В общем, — немного помолчав, снова заговорил Голден, — если у тебя действительно есть такой дар, Диамант, то в нем для моего дела — непосредственно, конеч-

но, — никакого проку нет. Но если его должным образом развивать и держать под контролем... Только в таком случае, по словам Хемлока, с тобой можно будет начинать разговор о том, как именно ты можешь своим талантом распорядиться и что хорошего он может дать тебе... и другим! — прибавил он, сознательно сделав паузу.

Потом довольно долго молчал, но, поскольку молчал и его сын, он снова заговорил:

— Я рассказал Хемлоку, что видел, как ты, всего лишь шевельнув рукой и произнеся одно-единственное слово, превратил деревянную резную фигурку в живую птичку, которая взлетела на ветку и запела. Я видел, как ты зажег волшебный огонь прямо в воздухе. Ты не знал, что я за тобой наблюдаю? А я наблюдал! Но долгое время никому ничего не говорил. Я не хотел, чтобы все это превратилось в детскую игру, а потом пропало втуне. Я уверен, что у тебя талант, возможно, большой талант! И после моего рассказа Мастер Хемлок со мной согласился. И сказал, что ты можешь отправиться с ним в Южный порт и стать его учеником; на это уйдет не менее года, а то и больше.

— Учиться у Мастера Хемлока? — спросил Диамант, и голос его вдруг прозвучал на целую октаву выше обычного.

— Если хочешь, конечно.

— Но я... я... я никогда даже не думал об этом! Можно я подумаю? Недолго... один день!

— Ну конечно! — воскликнул Голден, довольный тем, что его сын проявляет такую осмотрительность. Он-то думал, что Диамант сразу ухватится за столь заманчивое предложение, и это, возможно, было бы только естественно, однако ему, отцу, трудно давалось понимание того, что сын не такой, как он сам, — точно филину, который вырастил в своем гнезде орла.

Ибо Голден воспринимал магическое искусство с искренней и безнадежной покорностью, как нечто, находящееся за пределами его разумения, но не как простую забаву, вроде занятий музыкой или сказительством, а как занятие вполне практическое и дающее к тому же прекрасные перспективы, какие и не снились представителям его собственной профессии. А еще Голден — хотя сам он никогда не признался бы в этом — волшебников по-

баивался. Немного презирал, особенно колдунов с их фокусами, иллюзиями и прочей чепухой, но все же боялся; особенно настоящих волшебников.

— А мама знает? — спросил Диамант.

— Узнает, когда время придет. Она не должна никак влиять на твое решение, Диамант. Женщины ничего в этих делах не смыслят и не должны иметь к ним никакого отношения. Ты должен сделать свой выбор сам, как настоящий мужчина. Понимаешь? — Голден говорил серьезно и горячо, видя в этом разговоре возможность наконец оторвать парня «от маминой юбки». Тьюли, конечно же, будет за него цепляться, но он должен проявить наконец мужскую твердость и выпустить из рук ее подол. И видя, что Диамант кивнул ему достаточно уверенно и с пониманием, Голден остался доволен, а вот у его сына вид был весьма растерянный.

— Значит, Мастер Хемлок сказал, что я... — неуверенно начал Диамант, — ...что он думает... что у меня, может быть, есть какой-то... дар? Какой-то талант?

Голден еще раз заверил его, что волшебник сказал именно так, хотя, конечно, еще предстояло установить, каков именно этот дар. То, что мальчик ведет себя так скромно, вызвало у него огромное облегчение. Отчасти бессознательно, он опасался, что Диамант почувствует себя одержавшим над ним, его отцом, победу и сразу попытается утвердить свое превосходство за счет некоего таинственного, опасного и непредсказуемого могущества, по сравнению с которым все богатство, все умение и все достоинство Голдена превращаются в ничто.

— Спасибо, отец, — сказал Диамант, и Голден, обняв сына, ушел, очень им довольный.

Их встреча происходила в зарослях желтоватого ивняка на берегу реки Амии, протекавшей чуть ниже кузницы. Как только Роза добралась туда, Диамант сказал ей:

— Он хочет, чтобы я поехал учиться у Мастера Хемлока! Что же мне теперь делать?

— Учиться у этого волшебника с ядовитым именем? Ведь «хемлок» — это «ядовитый болиголов»!

— Он думает, что у меня огромный талант. К магии.

— Кто?

— Отец. Он видел кое-что из той ерунды, которой мы с тобой все время развлекаемся. Но, по его словам, Хемлок настаивает на том, что мне надо учиться, потому что, видите ли, опасно ничему не учиться, имея какой-то там особый дар! Ох! — И Диамант стукнул себя кулаком по голове.

— Но у тебя ведь действительно талант.

Диамант в ответ только застонал и попытался выдрать у себя клок волос. Он сидел на земле рядом с тем местом, где они так любили играть в «оживление предметов»; ивы здесь росли очень густо и образовывали нечто вроде беседки, и было слышно веселое журчание бегущей по камушкам воды и перезвон-перестук, доносившийся из кузни. Роза тоже села на землю лицом к нему.

— Ты вспомни обо всех тех штуках, которые умеешь делать, — сказала она. — Ты бы ни одной сделать не смог, если бы у тебя к этому таланта не было!

— Но это же очень маленький талант, — невнятно пробормотал Диамант. — Только для таких трюков и годится.

— Откуда тебе знать?

Роза была очень смуглой; облако сильно вьющихся волос обрамляло тонкое лицо; у нее были прелестные рот и нос, серьезные, внимательные глаза. Босые ноги и обнаженные до локтей руки были вечно перепачканы землей, юбка и кофта в полном беспорядке, зато пальцы на руках тонкие и длинные, как у аристократки, ступни маленькие и удивительно изящные, а под драной кофтенкой на шее поблескивало прекрасное ожерелье из аметистов. Ее мать, Тангле, хорошо зарабатывала своим целительством; она отлично вправляла кости, помогала детям появиться на свет, ну и, конечно, знала кое-какие заклятия, помогавшие отыскать потерянную вещь, сварить приворотное или снотворное зелье. Она запросто могла бы позволить и себе, и своей дочери носить красивые новые платья и башмаки, да и вообще — обе могли бы выглядеть более чистыми и аккуратными, только Тангле это все даже в голову не приходило. Домашнее хозяйство ее так-

же совершенно не интересовало. Они с Розой варили на обед главным образом кур или жарили яичницу, поскольку Тангле за ее услуги платили чаще всего именно домашней птицей. У них был домишко в две комнатки, и во дворе там творилось нечто невообразимое: буквально кишели куры и кошки. Тангле очень любила кошек, а также, будучи ведьмой, любила жаб и драгоценные камни. То аметистовое ожерелье, что красовалось теперь на шее у Розы, было когда-то подарено Тангле в благодарность за благополучно принятые роды у жены главного лесничего, которая наконец-то родила мальчика. Сама Тангле побрякушки обожала и чуть ли не по локоть украшала свои руки кольцами и браслетами, которые блестели и звенели, когда она торопливо и немного нетерпеливо взмахивала руками, произнося то или иное заклинание. Иногда, в виде украшения, она носила на плече одного из котят. Матерью она была не слишком внимательной, и Роза лет в семь как-то спросила ее:

— Зачем же ты меня родила, если не хотела ребеночка?

— А ты сама подумай: разве можно правильно принять роды, если сама ни разу не рожала? Во всяком деле нужен опыт, — ответила ей мать.

— Значит, ты меня родила, только чтобы опыт приобрести, — фыркнула Роза.

— Мы в жизни только и делаем, что опыт приобретаем, — сказала Тангле. Вообще-то она была совсем не злая, но ей крайне редко приходило в голову как-то побаловать свою дочь, сделать ей что-нибудь приятное. Впрочем, она никогда ее не била и не бранила и всегда старалась дать девочке то, о чем та ее просила. Она также каждый день, хотя и неохотно, готовила для дочери обед, подарила ей свою любимую жабу и аметистовое ожерелье и с большим удовольствием учила ее своему ведьминскому мастерству. Она бы и новую одежду Розе, конечно же, купила бы, да только сама Роза никогда ее об этом не просила. Она вообще старалась никого и ни о чем не просить и сама заботилась о себе с раннего детства, и это было одной из причин того, что Диамант так любил ее. Только с ней он понимал, что такое самостоятельность и свобода. А без нее он чувствовал себя свободным, только слушая

музыку или сам исполняя какую-нибудь мелодию или песню.

— У меня, пожалуй, действительно есть один талант, — сказал он, ероша свои светлые волосы и откидывая их назад.

— Оставь свою голову в покое, — заметила Роза.

— И я знаю, что Тарри тоже так считает!

— Ну конечно, есть! И какая разница, что там думает твой драгоценный Тарри? Ведь ты играешь на арфе раз... в девять лучше, чем он!

И это была вторая причина, по которой Диамант так любил Розу.

— А бывают волшебники-музыканты? — спросил он вдруг, поднимая на нее глаза.

Она задумалась:

— Не знаю.

— И я тоже. Вот Морред и Эльфарран часто пели друг другу, а ведь он был великим магом. Я знаю также, что на острове Рок есть Мастер Регент, который рассказывает своим ученикам старинные лэ и всякие истории, а также учит их старинным песням. Но я никогда не слышал о том, чтобы кто-то из волшебников был просто музыкантом.

— Не вижу в этом ничего невозможного. — Роза никогда не видела, почему что-то на свете может оказаться невозможным. И это была третья причина, по которой Диамант так любил ее.

— Мне всегда казалось, что они в чем-то похожи — магия и музыка, — сказал он. — Ведь и любое заклятие имеет свою мелодию. По крайней мере, и песня, и заклятие должны звучать абсолютно чисто.

— Во всяком деле нужен опыт, — сказала Роза наставительно, хотя вид у нее при этом был довольно кислый. — Уж я-то знаю. — Она швырнула в Диаманта камешком, который на полпути превратился в бабочку. Он тоже кинул в ее сторону такую «бабочку», и обе бабочки порхали, сверкая необычайно яркими красками, пока снова не превратились в камешки и не упали на землю. Диамант и Роза давно уже научились подобным трюкам,

кстати, очень старым, с помощью которых можно было заставить камешки прыгать или летать, как живые.

— Знаешь, тебе все-таки следует туда поехать, Ди, — сказала Роза. — Просто чтобы выяснить все окончательно.

— Я понимаю...

— А вдруг ты станешь настоящим волшебником? Ох! Ты только подумай, скольким еще штукам ты смог бы тогда меня научить! Например, как менять свое обличье... Мы бы могли становиться кем угодно. Лошадьми! Медведями!

— Лучше уж кротами, — сказал Диамант. — Нет, честное слово, мне больше всего сейчас хочется спрятаться под землю, как крот! Я всегда думал, что отец хочет, чтобы я продолжал его дело, когда стану взрослым. Но весь последний год он молчал и от подобных разговоров воздерживался. Теперь-то я догадываюсь, что было у него на уме! Но что, если из меня никакого волшебника не выйдет? Если в изучении чародейства и волшебства я выкажу не больше успехов, чем в бухгалтерском искусстве? Ну скажи, почему я не могу заниматься тем, чего ДЕЙСТВИТЕЛЬНО хочу? Ведь это-то у меня бы получилось, я уверен!

— А почему бы тебе не заняться и магией, и музыкой одновременно? Между прочим, бухгалтера всегда ведь и нанять можно.

Когда она смеялась, ее тонкое худенькое личико начинало светиться, губы раскрывались, как лепестки цветка, а глаза исчезали в веселых морщинках.

— Ох, моя Темная Роза, — сказал Диамант, — как я люблю тебя!

— Конечно, любишь! И не вздумай разлюбить! Не то я тебя так заколдую, что не обрадуешься!

И они, стоя на коленях и упершись ладонями в землю, приблизились друг к другу настолько, что пальцы их переплелись. И под губами Розы лицо Диаманта казалось гладким и нежным, точно спелая слива, лишь пробивавшаяся над верхней губой и на подбородке борода слегка покалывала ее, потому что эти места он недавно начал брить. А под губами Диаманта лицо Розы было нежным, как шелк, лишь на щеке в одном месте к нему прилипла

грязь — там, где она почесала щеку испачканной в земле рукой. Они еще теснее прижались друг к другу, но руки их по-прежнему были опущены вниз. И продолжали целоваться.

— Ты моя Темная Роза, — шептал он ей на ухо тайное прозвище, известное только им двоим.

Она молчала, но ее дыхание, касавшееся уха Диаманта, было таким горячим, что он даже застонал. И крепче стиснул ее руки. А потом вдруг отпрянул от нее. И она тоже немного от него отодвинулась.

И оба, откинувшись на пятки, замерли, глядя друг другу в глаза.

— Ох, Ди, — сказала она, — как это будет ужасно, когда ты уедешь!

— А я не уеду, — сказал он. — Никуда. Никогда.

Но он, конечно же, уехал. В Южный порт он ехал на одной из повозок отца, и на козлах тоже сидел один из знакомых возчиков, а рядом с ним сидел Мастер Хемлок. Как правило, люди разумные поступают так, как советуют им волшебники. И, кстати, немалая честь, если волшебник сам приглашает тебя стать его учеником или помощником. Хемлок, учившийся и получивший свой посох волшебника на острове Рок, привык, чтобы многочисленные юнцы стучались в двери его дома, умоляя испытать их, а если у них обнаружится хоть какой-нибудь магический дар, то взять их в ученики. Так что он даже с некоторым любопытством посматривал на этого мальчика, который под вежливыми манерами и веселым поведением явно скрывал самые серьезные сомнения в выбранном пути, а может, даже и сопротивление чьей-то чужой воле. Впрочем, это ведь была идея его отца, считавшего, что мальчик так одарен, что ему просто необходимо учиться у настоящего волшебника. Это было не так уж и необычно среди богатых людей, но еще чаще встречалось среди людей бедных. Что ж, так или иначе, а плату за обучение этого мальчика он, Хемлок, получил очень хорошую и авансом. К тому же все золотыми монетами и пластинками из слоновой кости. Если у этого Диаманта есть

какой-то талант, он, конечно же, станет его учить, а если у него всего лишь, что более вероятно, дарование небольшое, этакое отклонение от нормы, свойственное многим детям в Земноморье, то он отошлет его домой вместе с теми деньгами, что останутся от полученного аванса. Хемлок был человеком честным, прямым и начисто лишенным чувства юмора; к тому же он был и в достаточной степени педантом, так что его весьма мало интересовали всякие там завиральные идеи и чувства. Его собственный талант заключался в знании имен. «Магическое искусство начинается и кончается именами», — говорил он, и это действительно так, хотя между началом и концом есть много еще чего.

Итак, Диамант вместо изучения заклятий, иллюзий, Превращений и прочих «цветистых трюков», как называл их Хемлок, сидел в тесной комнатушке на задах небольшого домишки волшебника на одной из узких окраинных улочек старой столицы и запоминал длинные-предлинные списки слов, обладавших магической силой и принадлежавших Языку Созидания. Названия растений и их частей, названия животных и их частей, названия островов и частей этих островов, частей судов, частей человеческого тела... Эти слова никогда не имели для него никакого смысла, никогда не складывались в предложения, это были всего лишь перечни отдельных слов. Длинные-предлинные перечни.

Мысли его то и дело «убегали» в сторону. Например, он узнавал, что слово «ресницы» в Истинной Речи звучит как «сиаса», и чувствовал, как знакомые темные ресницы, точно крылья бабочки, щекочут ему щеку... Он изумленно вскидывал глаза, уверенный, что нечто коснулось его щеки, но не понимал, что же это было. А когда он пытался повторить это слово по требованию Хемлока, то губы отказывались ему повиноваться, и он стоял, будто онемев.

— Память, память, — сердито бурчал Хемлок. — Талант без памяти ничто! — Волшебник был не то чтобы жесток, но неуступчив, и Диамант даже не догадывался, каково мнение Хемлока о его персоне, но полагал, что мнение это не слишком высоко. Хемлок иногда брал его с

собой — посмотреть на работу настоящего волшебника. Чаще всего ему приходилось налагать охраняющие заклятия на корабли и дома и очищающие заклятия на колодцы. Иногда он также участвовал в заседаниях городского совета, во время которых обычно молчал, высказывался крайне редко, но всегда очень внимательно слушал. В Южном порту был и другой волшебник; ему не довелось учиться на Роке, но он обладал истинным талантом целителя, а потому взял на себя заботу обо всех больных и умирающих, чему Хемлок был несказанно рад. Для самого Хемлока не было большего удовольствия, чем занятия наукой, чтением какой-нибудь из древних мудрых книг, и, насколько уже успел убедиться Диамант, магией как таковой он вообще предпочитал не заниматься. «Главное — сохранять Равновесие, ибо все в Нем, — говорил Хемлок и прибавлял: — Знания, порядок и самоконтроль». Эти слова он повторял так часто, что они для Диаманта сложились в нечто вроде припева, который постоянно звучал у него в ушах.

Вообще же, когда Диаманту удавалось придумать какую-нибудь мелодию и, точно стихи, положить на нее очередной список имен, он запоминал эти имена гораздо быстрее. Но тогда эта мелодия становилась уже как бы частью этих имен, и Диамант не произносил, а выпевал их так звонко — ибо его голос восстановился, превратившись в сильный и не слишком высокий тенор, — что Хемлок даже хмурился: он любил, чтобы у него в доме всегда стояла тишина.

Предполагалось, что ученик должен всегда находиться при учителе, или же изучать списки имен в той комнате, где стояли всякие мудрые книги, или же просто спать. Хемлок был сторонником заповеди «рано вставать — рано в кровать», и Диаманту лишь изредка удавалось выкроить часа два совершенно свободных. В таких случаях он всегда уходил на берег, к докам, сидел на пирсе или у лестницы, ведущей к причалам, и думал о Темной Розе. Стоило ему выйти из дома и оказаться подальше от Мастера Хемлока, как он начинал думать о Темной Розе, и все остальное тут же вылетало у него из головы. Это его даже немного удивляло. Он думал, что будет очень скучать по дому, по матери, и он действительно довольно часто думал о ней и действительно очень часто скучал по дому, особенно вечерами, лежа в своей узкой и почти пустой комнатке после скудного ужина, состоявшего обычно из холодной гороховой каши — ибо Хемлок жил совсем не в такой роскоши, какая грезилась когда-то Голдену. Но в своей комнате по ночам Диамант никогда не думал о Темной Розе. Он думал о матери, или о залитых солнцем комнатах родного дома, или о вкусной горячей еде, или о той мелодии, которая только что зародилась у него в голове и которую он мысленно пытался сыграть на арфе, а потом постепенно соскальзывал в сон. Темная Роза вспоминалась ему, только когда он уходил в доки и бесцельно смотрел в морскую даль, на пирсы, на пестрые рыбачьи лодки в заливе... Только не в доме Хемлока, и чем дальше от самого волшебника, тем лучше!

Так что он особенно ценил эти свободные часы: они казались ему настоящими свиданиями с Розой. Он всегда любил ее, с самого детства, только не понимал тогда, что любит ее больше всех на свете. Когда он был с нею, даже когда он всего лишь сидел в доках, думая о ней, он чувствовал себя живым, полным сил. А вот в доме Мастера Хемлока и в его присутствии он себя по-настоящему живым никогда не чувствовал! При нем он чувствовал себя как бы «немного мертвым». То есть не совсем мертвым, а чуть-чуть. Но не живым.

Частенько, сидя на лестнице у причала, он слушал плеск грязной воды внизу, пронзительные крики чаек, перестук молотков и визг пил, доносящиеся из доков, и тогда, если закрыть глаза, он видел свою любимую так ясно и так близко от себя, что, казалось, мог ее коснуться. И он мысленно протягивал руку, отчего-то в то же время мысленно играя на арфе, и действительно касался ее, своей Темной Розы. Он чувствовал ее руку в своей, и ее щеку, прохладную из-за холодного ветра и такую нежную, шелковистую, и находил губами знакомый комочек земли, присохшей к ее щеке... Мысленно он даже разговаривал с нею, и она ему отвечала, и ее знакомый, чуть хрипловатый голос произносил его имя: «Диамант...»

Но стоило ему двинуться назад, к дому Хемлока, по

улицам Южного порта, и она сразу исчезала. Он клялся себе, что будет думать о ней всю ночь, но образ ее растворялся почти мгновенно, и к тому времени, как он открывал дверь дома, он уже привычно бормотал очередной перечень имен или же сразу спрашивал, что будет на обед, потому что большую часть времени был голоден. А по собственной воле выбрать часок и сбегать в порт, чтобы иметь возможность подумать о Темной Розе, он никак не мог.

И в итоге он буквально жил ради тех недолгих часов, что казались ему настоящими свиданиями с возлюбленной; он мечтал теперь только об одном: как бы поскорее снова ощутить под ногами прибрежную гальку, увидеть гавань и далекую линию горизонта. Ведь только там он вспоминал то, что стоило вспоминать!

Прошла зима, миновала холодная ранняя весна, а уже ближе к лету, когда наконец стало совсем тепло, один из отцовских возчиков привез Диаманту письмо от матери. Диамант прочитал его и тут же пошел к Мастеру Хемлоку.

— Господин мой, я получил от матери письмо: она спрашивает, нельзя ли мне провести этим летом хотя бы месяц дома?

— Вряд ли это целесообразно, — пробормотал волшебник, а потом, словно наконец заметив Диаманта, отложил перо и сказал: — Молодой человек, я вынужден спросить тебя, хочешь ли ты продолжать занятия со мной?

Диамант был настолько ошеломлен, что не знал, как ответить. Ему даже в голову не приходило, что он может самостоятельно решать такие вопросы.

— А ты, господин мой, как думаешь? Считаешь ли ты, что мне следует их продолжать? — спросил он наконец.

— Вряд ли это целесообразно, — повторил волшебник.

Диамант ожидал, что после таких слов испытает громадное облегчение, но почувствовал лишь стыд: его сочли недостойным, отвергли!

— Прости меня, господин мой! Мне очень жаль, что так вышло, — сказал он, и в голосе его прозвучало достаточно достоинства, чтобы Хемлок поднял глаза и посмотрел на него.

— Ты мог бы отправиться на Рок, — сказал он.

— На Рок?

Диамант еще больше растерялся. Его растерянный вид явно раздражал Хемлока. Юноша не знал, что волшебники привыкли скорее к избыточной самоуверенности молодых магов, хотя и надеются всегда, что скромность к таким гордецам придет позднее. Если вообще придет.

— Ну да, я, по-моему, ясно сказал: на Рок. — Судя по тону Хемлока, повторять он тоже не привык. А потом, поскольку этот мальчишка, этот тупоумный, испорченный, рассеянный, мечтательный мальчишка стал ему даже нравиться, особенно благодаря своему терпению и отсутствию привычки жаловаться, он сжалился над ним и сказал: — Тебе следует непременно либо отправиться на Рок, либо найти где-нибудь такого волшебника, который смог бы обучить тебя тому, что тебе действительно нужно. Разумеется, тебе, как будущему магу, необходимо и то, чему тебя могу научить я. Прежде всего знанию имен. Искусство магии начинается и кончается знанием имен. Но твое дарование лежит в иной плоскости. К тому же у тебя плохая память на слова. Ее, кстати, необходимо неустанно тренировать. Однако же мне совершенно ясно, что кое-какие — и даже весьма значительные! — способности у тебя есть, и тебе их необходимо развивать, при этом, безусловно, приучая себя к дисциплине! Однако тебе нужен другой учитель, который сможет дать тебе больше, чем я, да и научит тебя лучше, чем я. — Вот так порой скромность порождает скромность и дает столь неожиданные плоды, да еще и в такие моменты, когда этого меньше всего ожидаешь. — Если ты собираешься отправиться на Рок, — продолжал Хемлок, — я отправлю с тобой письмо с просьбой, чтобы тебе особое внимание уделил тамошний Мастер Заклинатель.

— Ага... — только и пробормотал Диамант смущенно, ибо искусство настоящего Заклинателя — это, возможно, самое таинственное и опасное из всех магических искусств.

— Возможно, впрочем, что я не прав, — продолжал Хемлок своим обычным суховатым ровным тоном. — Возможно, твой дар следует развивать Мастеру Путеводителю. А может быть, это самый обычный талант, которым вполне может заняться Мастер Метаморфоз... Я пока не уверен...

— Но ведь я же на самом деле...

— О да! Ты необычайно медлителен! И особенно в том, что касается распознавания своих собственных возможностей. — Это было сказано довольно неприязненным тоном, и Диамант напрягся.

— Я считал, что мой талант — только в музыке, — выговорил он наконец.

Хемлок даже слушать его не стал и пренебрежительным жестом отмел эту идею.

— Я толкую с тобой об Истинном Искусстве, — сказал он. — И скажу тебе совершенно откровенно: напиши-ка поскорее родителям — я тоже им напишу — и сообщи им о своем решении отправиться в Школу Волшебников на остров Рок, если ты решишь отправиться именно туда, или же в Великий Хавнор, если Маг Рестив согласится взять тебя в ученики, а я думаю, он согласится — благодаря моим рекомендациям. Но ездить домой на каникулы я тебе не советую. Встречаться с родственниками, друзьями, радоваться, волноваться — это именно то, от чего ты должен быть отныне избавлен.

— А разве у волшебников не бывает семьи?

Хемлок даже с некоторым удовольствием заметил, как вспыхнули у юноши глаза.

— Все они единая семья, — сказал он.

— А друзья?

— Волшебники могут иногда дружить друг с другом. А что, разве я говорил тебе, что это легкая жизнь? — Хемлок помолчал, глядя Диаманту прямо в лицо. — Мне кажется, у тебя там была какая-то девушка? — спросил он.

Диамант некоторое время молча смотрел ему прямо в глаза, но так и не ответил.

— Твой отец говорил мне. Дочка ведьмы, с которой вы в детстве вместе играли. Он был уверен, что ты учил ее всяким магическим забавам.

— Это она меня учила!

Хемлок кивнул:

— Понимаю. Это вполне естественно в детском возрасте. Но практически невозможно сейчас. Ты-то сам это понимаешь?

— Нет, — сказал Диамант.

— Сядь, — велел ему Хемлок. Чуть помедлив, Диамант сел на жесткий стул с высокой спинкой лицом к волшебнику.

— Здесь я могу защитить тебя, — сказал Хемлок, — что и делал все это время. Впрочем, на острове Рок ты, разумеется, будешь в полной безопасности. Там даже сами стены... Но если ты поедешь домой, ты должен сам захотеть для себя защиты. А это очень непросто для такого молодого человека, очень непросто... Это испытание воли, а она у тебя еще недостаточно закалена, и ума, который еще не знает, в чем его истинное предназначение. Я очень, очень советую тебе не рисковать понапрасну. Напиши родителям и отправляйся в Великий Хавнор или на остров Рок. Половину той платы, что я получил за год твоего обучения, я тебе отдам; этих денег тебе на первое время должно вполне хватить.

Диамант сидел совершенно прямо и неподвижно. В последнее время он почти догнал в росте и ширине плеч отца и выглядел настоящим мужчиной, хотя и был еще очень молод.

— А что ты, господин мой, имел в виду, говоря, что защищал меня здесь? — спросил он.

— То же самое, что я делаю, защищая себя, — сказал волшебник и прибавил чуть более раздраженно: — Это сделка, мой мальчик! Та сила, которую мы отдаем в обмен на силу магическую. Но при этом мы, конечно, отказываемся от самых примитивных чувств. Ты ведь, наверное, знаешь, что каждый настоящий волшебник дает обет безбрачия?

Повисла пауза. Потом Диамант сказал:

— Так, значит, вот о чем ты заботился, господин мой!.. Чтобы я...

— Ну разумеется! Я нес за тебя ответственность как твой учитель.

Диамант понимающе кивнул:

— Что ж, спасибо. — И вскочил. — Извини меня, господин мой. Я должен подумать.

— Куда ты собрался?

— Схожу вниз, к воде.

— Лучше останься здесь.

— Нет, здесь я не могу думать!

И Хемлок, возможно, понял, почему Диамант так спешит уйти и к чему снова стремится; но поскольку он уже сказал, что больше не будет его учить, то и приказывать ему, по совести говоря, больше не мог.

— Ты обладаешь истинным волшебным даром, Эссири, — сказал он, называя Диаманта тем именем, которое дал ему у истоков реки Амиа; это слово на Языке Созидания означает «ива». — Хотя я не совсем понимаю, в чем именно проявится этот дар. Думаю, что и ты сам этого пока не понимаешь. Так что будь очень осторожен! Неправильное использование своих магических возможностей или отказ от их использования могут привести к большим потерям, к великим несчастьям!

Диамант кивнул, страдая и каясь в душе, внешне покорившийся, но непоколебимый.

— Ступай же, — сказал волшебник, и Диамант ушел.

Позже Хемлок понял, что ему ни в коем случае не следовало отпускать мальчишку из дома. Он недооценил силу воли Диаманта, как и силу того заклятия, которое наложила на него та юная ведьма. Разговор их состоялся утром, так что Хемлок с наслаждением вернулся к своим книгам, а точнее, к сюжету одной старинной мистификации; и до ужина он даже не вспоминал о своем бывшем ученике, и только поужинав в одиночестве, он пришел наконец к выводу, что Диамант сбежал.

Хемлок очень не любил пользоваться низшими формами магических искусств, а потому, чтобы разыскать Диаманта, не стал произносить самое простое заклинание, как это сделал бы любой колдун. Не стал он и призывать к себе Диаманта с помощью Истинного Заклятия. Он был рассержен. Возможно, он даже страдал. Он так хорошо относился к этому мальчишке! Ведь он сам предложил написать для него рекомендательное письмо Мастеру Заклинателю, а Диамант сломался при первой же попытке проверить, сколь сильна его воля. «Она разбилась — как стекло!» — шептал волшебник. Что ж, по крайней мере, эта его слабость доказывала то, что он практически не опасен. Хемлок хорошо знал, что некоторые таланты лучше сразу направлять в нужное русло благодаря знаниям и строжайшей дисциплине, но этот парень никому не мог принести ни особого зла, ни бед. Никакого честолюбия! «Совершенно бесхарактерный! — бормотал Хемлок в тишине своего дома. — Что ж, пусть спешит домой, к мамочке! И этой юной ведьме!»

А все-таки его задело то, что Диамант попросту бросил его, не сказав ни слова благодарности. Даже не извинившись! «Ничего не поделаешь, манеры у него тоже дурные», — сердито думал старый волшебник.

Когда Роза задула лампу и нырнула в постель, то почти сразу услышала крик совы — негромкое булькающее «ху-гу, ху-гу», из-за которого люди называют этих сов «смеющимися». Она слушала этот крик, и смертельная тоска терзала ее сердце. Когда-то этот крик служил им сигналом — когда летними ночами они выскальзывали из дому и встречались в зарослях ивняка на берегу Амии, а дома все мирно спали и никто ничего не замечал... По ночам она старалась не думать о Диаманте. Зимой она каждую ночь посылала ему какую-нибудь весточку — она давно научилась у матери этому несложному искусству. Призывала она его и с помощью настоящих заклятий. Она посылала ему свой голос, произносящий его имя, снова и снова пыталась пробиться к нему, но каждый раз наталкивалась на непреодолимую преграду. И молчание. Он точно оградил себя от нее стенами. Он не желал ни слышать, ни видеть ее!

Но днем, причем каждый раз совершенно неожиданно, она много раз чувствовала и знала, что душа его где-то рядом, что она может коснуться руки Диаманта или его щеки, стоит только руку протянуть. А по ночам он от нее скрывался. Может быть, его заставили все же от нее отказаться? Вот уже несколько месяцев прошло, как она со-

вершенно оставила всякие попытки до него добраться, но боль в сердце так и не утихала.

«Ху-гу!» — крикнула сова прямо у нее под окном, а потом вдруг заговорила по-человечески и окликнула ее: «Темная Роза!» Потрясенная, жалкая в своем горе, она вскочила с кровати и распахнула ставни.

— Выгляни-ка наружу, — прошептал ей Диамант, в лунном свете казавшийся всего лишь тенью.

— Матери нет дома. Входи скорей! — И она встретила его на пороге.

Они буквально стиснули друг друга в объятиях, не говоря ни слова, и все никак не могли разомкнуть рук. У Диаманта было такое ощущение, словно он держит в руках собственное будущее, всю свою жизнь целиком.

Наконец Роза шевельнулась, поцеловала его в щеку и прошептала:

— Я так скучала по тебе, так скучала! Ты надолго?

— На сколько захочу!

Она потащила его в комнату. Диамант всегда неохотно заходил в дом ведьмы, наполненный острыми, пряными запахами, грязноватый и полный всяких женских тайн и колдовства. Этот дом разительно отличался от его собственного дома, чистого и удобного, но еще больше отличался он от холодного и сурового дома волшебника Хемлока. И Диамант задрожал, точно конь, боясь отойти слишком далеко от порога, и наклонил голову, чтобы не задеть за увешанную пучками пахучих трав притолоку. Он был очень напряжен и совершенно измучен, пройдя сорок миль за шестнадцать часов без еды и воды.

— Где твоя мать? — спросил он шепотом.

— Сидит со старой Ферни. Старуха сегодня днем умерла, и мама пробудет там всю ночь. Но как ты попал сюда?

— Пришел пешком.

— Значит, твой волшебник все-таки разрешил тебе повидать родных?

— Нет. Я убежал.

— Убежал? Но почему?

— Чтобы сохранить тебя.

Он сказал это очень серьезно и посмотрел на нее — на

ее живое, страстное, смуглое лицо в густом облаке черных кудрей. На ней была только тонкая сорочка, и он с бесконечной нежностью смотрел на округлые холмики ее грудей, слегка прикрытых тканью. Потом снова прижал ее к себе, и она тоже сперва обняла его, но тут же отстранилась и нахмурилась.

— Сохранить меня? — переспросила она. — Но всю зиму ты, похоже, не очень-то беспокоился насчет того, что можешь меня потерять! Почему же теперь ты передумал и вернулся?

— Он захотел, чтобы я отправился на Рок.

— На Рок? — Роза так и уставилась на него. — На Рок, Ди? Так, значит, у тебя действительно есть волшебный дар... и ты мог бы стать настоящим колдуном?

Неужели и она на стороне Хемлока? Вот это удар!

— Колдуны для него ничто. Он считал, что я мог бы стать волшебником. Заниматься магией. Магическими науками и искусствами. А не просто колдовством.

— Ах вот как... — Роза немного помолчала. — Но я не понимаю, почему же все-таки ты убежал.

Они давно уже расцепили руки и сидели, не касаясь друг друга.

— Неужели ты не понимаешь? — Он был в отчаянии оттого, что она этого не понимает, что он и сам до сих пор еще этого как следует не понял. — Волшебник не может иметь ничего общего с женщинами! С ведьмами. Со всем этим.

— Да, я знаю. Это недостойно настоящего волшебника.

— Не просто недостойно...

— Но ведь я права! Спорить готова, что тебе пришлось выкинуть из головы все заклятия, которым я тебя научила. Верно?

— Но дело совсем не в этом...

— Нет. Дело в том, что это не Высокое Искусство. И не Язык Созидания. Волшебник не должен поганить свои уста обычными заклинаниями. «Слабый, как женские чары, опасный, как женские чары!» Ты думаешь, я этого не знаю? Так с какой же стати ты сюда вернулся?

— Чтобы увидеть тебя.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

— Ты ни разу даже весточки мне не прислал, ни разу не принял моих посланий! У тебя для меня просто времени не было! Ты как стеной от меня отгородился, а я, по-твоему, должна была ждать, пока тебе не надоест играть в волшебника? Ну так вот: ждать мне надоело! — Ее всю трясло, но говорила она почти шепотом.

— Тут кто-то еще замешан, да? — спросил Диамант, не веря, что Темная Роза способна стать его врагом. — За тобой кто-то другой ухаживает?

— Не твое дело, даже если и ухаживает! Ты же ушел от меня, отвернулся! Еще бы! Волшебники же не имеют ничего общего с ведьмами, с тем, чем занимаюсь я, чем занимается моя мать. Ну так и я не желаю иметь ничего общего с волшебниками. Убирайся!

Умирая от голода, исполненный отчаяния, совершенно не понятый, Диамант попытался было снова обнять ее, заставить ее тело понять, как исстрадалось его тело; ему хотелось прижать ее к себе так же нежно и крепко, как в первое мгновение их встречи, которое, казалось, заключало в себе суть всей их жизни и любви. Но обнаружил вдруг, что отлетел от нее шага на два, руки его будто стянуты путами, в ушах звон, а голова идет кругом. Глаза Розы метали молнии, а от пальцев полетели искры, когда она стиснула их в кулаки.

— *Никогда больше этого не делай*, — *прошипела она.*

— Не бойся, больше я никогда этого не сделаю! — сказал Диамант, резко повернулся и бросился вон. Былинка сухого шалфея запуталась у него в волосах, но он этого так и не заметил.

Он провел ночь на их старом месте в ивняке, все еще надеясь, что она придет, но она не пришла, и он уснул, сраженный чудовищной усталостью. И проснулся от холода с первыми проблесками рассвета. Он сел и крепко задумался. Вся его жизнь виделась ему теперь иначе в этом холодном утреннем свете. Потом он спустился к реке, в водах которой был наречен именем, напился, вы-

мыл руки и лицо, привел себя по возможности в порядок и стал подниматься в город, на самый верх, где стоял красивый дом его отца.

После того как отзвучали первые радостные приветствия и разомкнулись первые горячие объятия, мать и слуги усадили его завтракать. Так что в желудке его уже было достаточно горячей еды, а в сердце — холодного мужества, когда он встретился с отцом, который с утра провожал возы с лесом в Великий порт.

— Ну что ж, сынок! — Они обнялись, коснулись друг друга щеками. — Значит, Мастер Хемлок отпустил тебя на каникулы?

— Нет, господин мой. Я ушел сам.

Голден долго смотрел на него, потом наполнил свою тарелку едой и сел за стол.

— Ушел? — переспросил он.

— Да. Я больше не хочу быть волшебником.

— Хм?.. — Голден продолжал жевать. — Так ты, значит, решил уйти от Мастера Хемлока? Бросить занятия? А разрешение у него ты получил?

— Нет, я решил уйти сам. И никакого разрешения он мне не давал.

Отец продолжал медленно-медленно жевать, не поднимая глаз от стола. Диамант уже видел однажды на его лице такое же выражение — тогда один из лесников сообщил ему о страшной болезни, поразившей каштановые рощи; и потом еще раз — когда Голден обнаружил, что продавец мулов здорово его надул.

— Хемлок хотел, чтобы я отправился в Школу Волшебников на остров Рок и учился там у Мастера Заклинателя. Он даже собирался писать рекомендательное письмо. Но я все-таки решил не ездить.

Голден еще некоторое время молчал, по-прежнему глядя к себе в тарелку, потом спросил:

— Почему?

— Это совсем не то, чему я хотел бы посвятить свою жизнь.

Снова повисло тягостное молчание. Голден глянул на жену, которая стояла у окна, прислушиваясь к наступившей в комнате тишине, и перевел глаза на сына. После-

пенно выражение лица его менялось: странная смесь гнева, разочарования, смущения и уважения уступала место пониманию, сочувствию; он чуть было не подмигнул сыну.

— Ясно, — промолвил он. — И что же, по-твоему, тебе нужно в жизни?

Диамант ответил не сразу. И голос его был ровен, когда он наконец сказал, не глядя, однако, ни на мать, ни на отца:

— Вот это все. То, что меня здесь окружает.

— Ха! — воскликнул Голден. — Ну что ж, я, честно признаться, очень этому рад, сынок! — И он в один присест проглотил пирожок со свининой. — Стать волшебником, отправиться на остров Рок — все это, конечно, заманчиво, но никогда не казалось мне настоящим занятием для взрослого мужчины. А уж если совсем начистоту, то, если бы ты там остался, у меня бы просто руки опустились. Для чего все это было бы тогда нужно? Мое дело, которому я посвятил всю жизнь? Нажитое богатство? Ведь если ты действительно останешься, наше дело будет развиваться, понимаешь? Развиваться! Да... Но, послушай, неужели ты сбежал от Хемлока? Он вообще-то знал, что ты собираешься уехать?

— Нет. Но я ему обязательно напишу. — Все это Диамант сказал своим новым, РОВНЫМ голосом.

— И он не рассердится? Говорят, волшебников ничего не стоит рассердить. Уж больно они гордые.

— Он и так уже наверняка сердится, — сказал Диамант, — но мне он ничего дурного не сделает.

Так оно и оказалось. К тому же Мастер Хемлок, страшно удивив Голдена, вернул ему ровно две пятых той суммы, которую получил в уплату за обучение Диаманта. В том же пакете — его передал Голдену один из возчиков, возивших доски для обшивки кораблей в Южный порт, — было письмо, адресованное Диаманту. В этом письме было всего несколько слов: «Истинное Искусство требует честного и преданного сердца». Вместо имени адресата на конверте была изображена ардическая руна «ива», а вместо подписи — руна «хемлок», у которой два значения: «болиголов» и «страдание».

Диамант сидел у себя в комнате наверху, на залитой солнцем мягкой постели, и слушал, как поет его мать, занимаясь какими-то своими домашними делами. Он держал в руках письмо волшебника и без конца перечитывал написанную им фразу и те две руны. Та холодная и спокойная медлительность, что охватила его ум и душу утром на берегу реки в зарослях ивняка, вполне позволяла ему принять пощечину волшебника. Хемлок прав. Никакой магии. Никогда больше. Да он, собственно, никогда особенно и не стремился к знанию магических искусств. Все это было для него лишь игрой, в которую они так весело играли вместе с Темной Розой. Даже имена Истинной Речи, которые он учил в доме волшебника, понимая всю заключенную в них силу и красоту, он запросто мог позабыть, мог позволить им стереться из памяти. Он не воспринимал этот древний язык как родной.

Слова этого языка он мог произносить легко, только общаясь с Темной Розой. Но ее он утратил. Сам отпустил ее. А двоедушные, как говорит Хемлок, не могут знать Языка Созидания. Все. Отныне он будет говорить только на языке долга и выгоды: получать и тратить, подсчитывать доходы и расходы...

И ничего другого он себе не позволит. Никаких прежних иллюзий, никаких камешков, которые превращаются в бабочек, никаких деревянных птичек, способных летать и петь по-настоящему минуты две-три. И, если честно, выбора-то у него и нет. Для него всегда существовал только один путь.

А Голден был невероятно счастлив. Это была совершенно нежданная радость. «Ну вот, наш старик заполучил-таки свое сокровище обратно, — сказал один из его возчиков леснику. — Весь так и светится! И впрямь точно золотой!» Голден, правда, не подозревал о том, что стал «светиться», и думал лишь о том, насколько светлой стала теперь его жизнь. Он успел-таки купить ту рощу, что над селением Рече, и отдал за нее, надо сказать, немало, зато она по крайней мере досталась не старому Лоубау из Истхилла, а им с Диамантом, и ею теперь можно будет как

следует заняться. В этой роще помимо каштанов росли также отличные сосны, которые можно срубить и продать на мачты, рангоутное дерево и корабельную обшивку, а вместо них посадить еще каштаны. И со временем эта роща будет не хуже его старой и знаменитой Большой Рощи, самого сердца его каштанового королевства. Со временем, конечно. Дуб и каштан не способны вырасти за две недели, как рябина или ива. Но время пока что есть. Пока что есть. Мальчику еще только семнадцать, а ему самому всего сорок пять! Он — мужчина в самом расцвете лет. За время отсутствия сына он, правда, уже успел почувствовать себя стариком, но это все пустяки. Нет, силенки у него еще есть! ...А заодно с соснами в новой роще нужно срубить и все старые каштаны, уже не способные плодоносить. У них тоже древесина неплохая, для мебельщиков, к примеру, очень даже подойдет.

— Так, так, так, — говорил он жене, потирая руки, — ты небось тоже теперь все в розовом свете видишь, а? Как же, мальчик твой драгоценный домой вернулся! Зеница твоего ока! Ну что, милая, больше хандрить не будешь?

Тьюли только улыбалась в ответ и гладила мужа по руке.

Но однажды она вдруг сказала:

— Это замечательно, что наш мальчик наконец вернулся, но... — и Голден тут же перестал ее слушать. Он считал, что матери рождены на свет, чтобы беспокоиться о своих детях, а женщины — чтобы никогда не быть довольными. С какой стати он должен слушать эти бесконечные беспокойные предположения, которыми Тьюли вечно усложняет жизнь себе и другим? Она, разумеется, считает, что судьба простого купца не достойна ее гениального сына. Может быть, она согласилась бы на королевский трон в Хавноре? Или этого тоже мало?

— Когда он заведет себе девушку, — сказал Голден, не обращая внимания на то, что говорит ему жена, — он и вовсе о нас думать перестанет. Этот год в доме у волшебника, знаешь ли, привел к тому, что Диамант насчет девушек немного отстал. Но ты за нашего парня не беспокойся. Он скоро во всем разберется и поймет, что ему действительно нужно!

— Надеюсь, что так, — промолвила Тьюли.

— По крайней мере, с дочкой той ведьмы он больше не встречается, — сказал Голден. — С этим покончено. — И ему вдруг пришло в голову, что и Тьюли тоже давно не видится со своей подружкой. Долгие годы они были практически неразлучны и виделись тайком, несмотря на то что это его всегда сердило, а теперь Тангле у них в доме и вовсе не бывает. Впрочем, женская дружба ведь недолговечна. Голден даже немного поддразнивал жену насчет этого. Однажды, заметив, как Тьюли кладет в сундуки с зимними вещами и карманы шуб мяту от моли, он сказал:

— А раньше-то ты все больше к помощи своей подружки прибегала, чтобы моли не было, а? Или вы с ней больше уж не подружки?

— Нет, — сказала Тьюли тихим ровным голосом, — больше не подружки.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Голден. — А что с ее дочерью сталось? Я слышал, она ушла с бродячими жонглерами?

— Да, ушла. Но только с музыкантом одним, — поправила его Тьюли. — Еще прошлым летом.

— Скоро твои именины, — сказал Голден сыну. — Устроим праздник! Надо же и нам немного повеселиться, послушать музыку да потанцевать. Девятнадцать лет! Этот день надо хорошенько отметить!

— Но я собираюсь в Истхилл с Сулом.

— Нет, нет, нет! Сул прекрасно справится и сам. А ты останешься дома, и мы устроим настоящий пир. Ты славно поработал, мой мальчик! Мы наймем целый оркестр. Чей оркестр самый лучший? Тарри?

— Отец, мне совсем не хочется веселиться на пиру, — сказал Диамант и встал, напряженный, точно встревоженный конь. Он уже перерос отца и стал шире его в плечах, так что когда он неожиданно выпрямлялся во весь рост, то выглядел настоящим великаном. — Я лучше в Истхилл поеду! — И он поспешил уйти.

— Что с ним такое? — спросил у жены Голден, сам, впрочем, понимая, что это вопрос скорее риторический.

Тьюли только посмотрела на него и ничего не сказала в ответ.

А когда Голден ушел по каким-то своим делам, она отыскала сына в комнатке счетовода, где он просматривал гроссбухи — длинные-предлинные списки наименований товаров и чисел, дебет и кредит, доходы и расходы...

— Ди, — окликнула она его, и он поднял голову. Лицо у Диаманта все еще было по-детски округлым, и нежная кожа напоминала персик, но черты стали куда более резкими, а глаза — очень грустными.

— Я совсем не хотел обижать отца, — сказал он.

— Если он хочет устроить пир, он его все равно устроит, — сказала Тьюли. Голоса у них сейчас были очень похожи: оба довольно высокие, но звучавшие приглушенно и сдержанно. Она присела на табуретку рядом с его конторкой.

— Я не могу... — сказал он и вдруг замолк. Потом договорил: — Я действительно не хочу устраивать никаких танцев, мама!

— Отец устраивает не танцы, а смотрины, — суховато пояснила Тьюли, любовно поглядывая на сына.

— Мне нет до этого никакого дела.

— Я знаю.

— Дело в том...

— Все дело в музыке, — договорила она за него.

Диамант кивнул.

— Но, сынок, нет ни малейшей причины, — она вдруг заговорила громко и страстно, — ни малейшей, понимаешь, отказываться от того, что ты любишь!

Он взял ее руку и поцеловал.

— Нельзя смешивать такие разные вещи, — сказал он. — Надо бы, но не получается. Я сам к этому выводу пришел. Когда я ушел от Мастера Хемлока, то думал, что смогу и это, и то, и другое... Понимаешь? Смогу одновременно заниматься магией и музыкой, быть отцу хорошим подспорьем и любить Розу... Но из этого ничего не получилось. Нет, нельзя все-таки смешивать такие разные вещи.

— Можно, можно! — воскликнула Тьюли. — Все на свете связано, перемешано...

— Может быть, ты и права — но это для женщин! А я мужчина... И я не могу быть двоедушным, мама!

— Двоедушным? Ты? Ты же отказался от магии, понимая, что если не откажешься, то предашь ее!

Он слушал ее, явно потрясенный тем, как глубоко и хорошо она знает его душу, и возражать не стал.

— Но почему, — спросила его мать, — почему ты отказался от музыки? Этого я понять не могу!

— Я должен иметь только одну душу. Я не могу играть на арфе и одновременно заключать сделки или торговаться, покупая новую партию мулов. Я не могу сочинять баллады и одновременно подсчитывать, сколько мы должны заплатить сборщикам каштанов, чтобы их не переманил Лоубау! — Его голос слегка дрожал, а глаза уже не были так печальны: в них горел гнев.

— Выходит, ты сам себя околдовал, — сказала Тьюли. — В точности как тот твой волшебник, когда наложил на тебя заклятие, чтобы тебя «обезопасить», чтобы ты вечно жил среди торговцев мулами, сборщиков каштанов и тому подобных людей. — Она с такой презрительной яростью стукнула кулаком по толстому гроссбуху, полному сведений о товарах и платежах, точно хотела разбить его вдребезги. — Ты наложил на себя заклятие вечного молчания, сынок, — с горечью проговорила она.

Диамант долго молчал, потом спросил:

— А как еще я мог бы поступить?

— Не знаю, дорогой. Я ведь тоже хочу, чтобы ты жил счастливо и в полном довольстве. И я очень хочу видеть твоего отца счастливым и гордым тобой. Но я не могу спокойно смотреть в твои бесконечно тоскливые глаза! В твои покорные глаза! Ты что же, совсем лишился гордости? Не знаю... Возможно, ты и прав. Возможно, для мужчины всегда есть только один путь. Но мне так не хватает твоих песен!

И Тьюли заплакала. Он обнял ее, а она гладила его по густым блестящим волосам и просила прощения за свои жестокие слова, и он еще крепче обнимал ее, целовал и все повторял, что она самая лучшая, самая добрая мать в

мире. Наконец Тьюли собралась уходить, но на пороге обернулась и сказала:

— Пусть уж он устроит этот пир, хорошо, Ди? И постарайся хоть немного тоже повеселиться, позволь себе это.

— Хорошо, — сказал он, желая ее утешить.

Голден заказал огромное количество пива, разных угощений, всякие фейерверки, но музыкантов Диамант решил пригласить сам.

— Ну, разумеется, мы придем! — сказал ему Тарри. — Такой отличный повод! Грех его пропустить. Да любой флейтист сразу сюда прибежит, узнав, что твой отец пир устраивает!

— Хорошо. Можешь передать всем своим музыкантам, что заплатят им, как полагается.

— Ох, да они ради одной славы на таком пиру играть готовы! — сказал арфист Тарри, аккуратный длиннолицый мужчина лет сорока с бельмом на глазу. — Может, ты и сам с нами разок сыграешь, а? У тебя здорово получалось, пока ты выколачиванием денег не занялся. И голос у тебя тоже был неплохой. Над ним бы еще немного поработать, и отлично бы вышло.

— Сомневаюсь, — сказал Диамант.

— А эта девчонка, что тебе нравилась, дочка той ведьмы, Роза, тоже ведь где-то в наших краях скитается. Я слыхал, она с Лабби сбежала. Ну так Лабби, конечно, тоже заявится. И она с ним.

— Вот и увидимся, — сказал равнодушным тоном Диамант и пошел прочь, огромный, красивый и ко всему безразличный.

— Ишь ты, зазнался как! Не может просто так постоять да поговорить с человеком, — проворчал Тарри. — А ведь это я его всему учил! И на арфе играть, и вообще! Да разве старая дружба для богатых что-нибудь значит?

Подковырки Тарри сильно задели Диаманта, а мысль о грядущем пире угнетала так, что он в итоге совершенно утратил аппетит и даже обрадовался, надеясь, что заболел

и не сможет присутствовать на празднике. Но в назначенный день он все же туда явился. Не такой, правда, радостный, как его отец, но все же улыбался и даже танцевал. Там собрались многочисленные друзья его детства; половина из них уже успела переженироваться, но все же хватало и милующихся парочек, флирта и всего такого прочего. Стайки хорошеньких девушек так и вились вокруг красавца Диаманта, и он, выпив немало отличного пива, сваренного знаменитым Гэджем, обнаружил, что вполне способен и музыку слушать, и под эту музыку танцевать, и болтать и смеяться с хорошенькими девушками. Он танцевал с ними со всеми по очереди, а потом снова и снова — с той, которая успевала «вовремя подвернуться», и, надо сказать, каждая старалась как-нибудь невзначай это сделать.

Это был самый лучший из всех пиров, какие когда-либо давал Голден. На площадке для танцев, устроенной чуть поодаль от его дома, вовсю веселилась молодежь, а на городской площади был раскинут шатер, где люди постарше могли спокойно посидеть, выпить, закусить и вдоволь посплетничать. Все дети получили в подарок новое платье и тоже были очень довольны, тем более что жонглеры и кукольники — некоторые из них были наняты специально, а некоторые пришли сами, чтобы по возможности получить и свою долю мелких монет и бесплатного угощения, — устроили отличное представление. Любой праздник всегда привлекает странствующих лицедеев и музыкантов; это их хлеб, и им, даже если никто их специально и не приглашает, всегда рады. Чуть поодаль, под большим дубом бродячий сказитель монотонно и нараспев под заунывные звуки волынки исполнял «Подвиг Повелителя Драконов» для довольно большой группы особых любителей старинных героических песен. Когда оркестр Тарри, состоявший из арфиста, флейтиста, скрипача и барабанщика, сделал перерыв, чтобы закусить и освежиться напитками, их место заняла какая-то новая группа музыкантов.

— О, да это же Лабби! — воскликнула хорошенькая девушка, стоявшая ближе всех к Диаманту. — Давайте, давайте! Они тут лучше всех!

Лабби, светлокожий и фатоватый парень, играл на деревянном рожке. В его группе были также скрипач, барабанщик и... Роза, которая играла на флейте. Они блестяще сыграли первый танец, ритмичный и быстрый, но оказавшийся слишком быстрым для некоторых танцоров. Диамант и его партнерша, впрочем, остались в кругу до самого конца, и зрители хлопали и подбадривали их криками.

— Пива! — крикнул Диамант, вытирая пот со лба, и его тут же увлекли к столу и со всех сторон окружили шумные веселые юноши и девушки.

И вдруг он услышал, как позади музыканты заиграли новую мелодию. На этот раз, собственно, играла одна лишь скрипка, печальным высоким голосом выводившая: «Куда устремится любовь моя».

Диамант залпом осушил целый кувшин пива, и окружавшие его девушки с восхищением смотрели, как при глотках движутся мускулы на его сильной шее, и смеялись, и переговаривались, и подталкивали друг друга, а он, выпив, лишь отряхнулся всем телом, как лошадь, которую одолели мухи, и сказал:

— Нет, я не могу!.. — И исчез в темноте за шатром с напитками.

— Куда это он? — удивились его приятели. — Ничего, вернется! — И они продолжали болтать и смеяться.

Скрипка смолкла.

— Темная Роза, — тихо окликнул он ее, стоя совсем рядом в темноте. Она обернулась, и взгляды их встретились. Их лица, собственно, были почти на одном уровне, хотя Роза сидела, скрестив ноги, на возвышении для музыкантов, а Диамант стоял возле этого возвышения на коленях.

— Пойдем на наше место? — попросил он.

Она не ответила. Лабби, глядя на нее, поднес к губам свой рожок. Барабанщик ударил в барабан, и они заиграли моряцкую джигу.

Когда же Роза снова обернулась, ища глазами Диаманта, то его уже и след простыл.

Тарри со своим оркестром вернулся примерно через час и даже не поблагодарил за предоставленную возможность передохнуть. Напротив, он довольно сердито прервал на середине исполняемую оркестром Лабби мелодию и велел ему убираться.

— Сопли сперва подбери, щипач несчастный, — заявил ему Лабби. Тарри, разумеется, обиделся, а люди вокруг тут же разделились на два лагеря, и пока разгорался спор, Роза сунула свою флейту в карман и тихо ускользнула прочь.

В стороне от освещенной фонарями площадки было совсем темно, но она и в темноте нашла дорогу очень быстро, ибо отлично знала ее. Он, конечно, был уже там. Ивы за эти два года еще подросли, и теперь в ивняке почти не осталось свободного места, чтобы можно было присесть: всюду торчали из земли молодые побеги да покачивались длинные, свисавшие почти до земли ветви взрослых деревьев.

Музыка заиграла снова, далекая, заглушаемая ветром и шепотом реки.

— Чего тебе от меня нужно, Диамант?

— Всего лишь поговорить с тобой.

В темноте они казались друг другу тенями.

— Ну, говори, — сказала она.

— Я ведь хотел попросить тебя уехать со мной отсюда, — сказал он.

— Когда?

— Тогда еще. Когда мы поссорились. Только я все неправильно сказал. Я думал... — Повисло долгое молчание. — Я думал, что просто снова смогу убежать. Вместе с тобой. Играть музыку. И как-то прожить. Вместе. Я это хотел сказать.

— Но ты этого не сказал!

— Я знаю. Я все сказал неправильно. Я все сделал неправильно. Я всех предал. Магию. Музыку. И тебя.

— Ничего. Я неплохо устроилась.

— Вот как?

— Я не бог весть как умею играть на флейте, но, в общем, получается ничего. А то, чему ты меня так и не научил, я, в конце концов, могу восполнить и с помощью заклятий, если так уж будет нужно. И эти ребята из оркестра тоже ничего. Лабби ведь совсем не такой, каким

кажется. Он хорошо ко мне относится. Никто меня не обманывает. И мы очень неплохо зарабатываем. А зимой я обычно живу у мамы и помогаю ей. Так что у меня все в порядке. А у тебя, Ди?

— А у меня все очень плохо.

Она хотела было что-то сказать, да так и не сказала.

— Я думаю, тогда мы были совсем детьми, — сказал он, — а теперь...

— Что же изменилось?

— Я сделал неправильный выбор.

— Однажды? — спросила она. — Или дважды?

— Дважды.

— Ну что ж, третий раз волшебный.

Оба некоторое время молчали. Она с трудом различала даже его громоздкий силуэт в черной тени листвы.

— Ты стал такой огромный, — сказала она вдруг, — гораздо больше, чем прежде! А ты все еще умеешь зажигать огонек, Ди? Я хочу видеть тебя.

Он покачал головой.

— Это была единственная вещь, которую ты мог делать всегда, а я так никогда и не научилась. Не смогла. Да и ты не сумел меня этому научить.

— Я не нарочно, — сказал он, — у меня ведь тоже иногда это получалось, а иногда нет.

— А тот волшебник из Южного порта не научил тебя, как сделать, чтобы всегда получалось?

— Он учил меня только именам.

— А почему ты не можешь сделать это сейчас?

— Я отказался от магии, Темная Роза. Я должен был либо заниматься только ею и больше ничем, либо оставить ее совсем. Нужно иметь только одну душу.

— Не понимаю почему, — пожала она плечами. — Моя мать может излечить лихорадку, может помочь при родах, может отыскать потерявшееся кольцо и еще многое другое; может быть, это и не идет ни в какое сравнение с тем, что делают настоящие волшебники и повелители драконов, но все равно это кое-что. И она, чтобы заниматься всем этим, ни от чего не отказывалась. Даже то, что она меня родила, никак ей не помешало. А знаешь, она родила меня, чтобы НАУЧИТЬСЯ рожать! Неужели

только потому, что я училась у тебя музыке, я должна была отказаться от умения составлять заклятия? Я, между прочим, могу и сейчас запросто наслать лихорадку. Почему же ты должен от чего-то отказываться, чтобы иметь возможность заниматься чем-то другим?

— Мой отец... — начал было он и умолк. И даже негромко рассмеялся. — Пойми, они просто не сочетаются — деньги и музыка.

— Как твой отец и дочка ведьмы, — сказала Темная Роза.

И снова повисло молчание. Чуть шелестела ивовая листва.

— Ты вернешься ко мне? — спросил он и заторопился: — Ты уедешь со мной, будешь со мной жить, выйдешь за меня замуж, Темная Роза?

— Только не в доме твоего отца, Ди?

— Где ты сама захочешь! Убежим хоть сейчас!

— Но ты же не можешь получить только меня одну, без музыки, правда?

— Или музыку без тебя.

— Я согласна, — сказала она.

— А Лабби случайно арфист не нужен?

Она заколебалась, потом засмеялась и сказала:

— Ну, если ему будет нужен флейтист, так и арфисту дело найдется.

— Но я не играл с тех пор, как уехал из дома, Темная Роза, — сказал он. — И все же музыка всегда звучала у меня в ушах, и твой голос... — Она протянула к нему руки. Они опустились на колени лицом друг к другу; над головами их что-то шептали листья ив. Они поцеловались. Сперва застенчиво, боясь коснуться друг друга...

Прошло несколько лет с тех пор, как Диамант покинул родной дом. За это время Голден невероятно разбогател, буквально все его предприятия оказывались выгодными. Казалось, удача навсегда прилепилось к нему и теперь ее уже не стряхнешь, даже если захочешь. Он стал очень, очень богат.

Но сына так и не простил. Все могло бы кончиться

по-хорошему, да только Диамант сам все испортил. Уехал, не сказав ни слова, в день своих же именин, прямо во время пира, сбежал с какой-то ведьмой, бросил настоящую работу, не доведя ее до конца, и стал бродячим музыкантом, жалким арфистом! И теперь поет и играет где придется, да еще и улыбается за жалкие гроши — ничего, кроме стыда, боли и гнева, в душе Голдена это не вызывало. И он упивался своими переживаниями, но сына видеть не желал.

Тьюли долгое время делила с ним его горе, но с Диамантом старалась все же видеться, что было трудновато, потому что ей приходилось обманывать мужа; и она плакала, думая, как часто ее мальчик голоден и бесприютен. А уж холодные осенние ночи стали для нее настоящим кошмаром. Но время шло, и она все чаще слышала, как люди хвалят «сладкоголосого Диаманта с Западного побережья» и рассказывают, что он играет на арфе и поет во дворцах великих правителей и даже в Башне Меча, и постепенно на сердце у Тьюли полегчало. И однажды, когда Голден уехал в Южный порт по делам, они с Тангле запрягли в повозку ослика и поехали в Истхилл, где и услышали, как Диамант исполняет, аккомпанируя себе на арфе, знаменитое «Лэ о пропавшей королеве». И Темная Роза сидела с ними рядом, и маленькая Тьюли забралась наконец к большой Тьюли на колени. И если это и не самый счастливый конец, то все же Тьюли испытала истинную радость и решила, что, видимо, большего у судьбы и просить-то не стоит.

КОСТИ ЗЕМЛИ

Снова шел дождь, и старый волшебник из Ре Альби с тоской мечтал о том, чтобы заколдовать эту проклятую погоду хоть ненадолго. Взять бы да послать эту проклятую тучу вокруг горы — пусть себе тот берег Гонта поливает! У него все кости ломило. Его старые кости прямо-таки жаждали солнца, ибо только солнце могло насквозь прогреть и высушить его плоть, изгнать из него всю эту влагу и хворь. Можно, конечно, произнести за-

клятие, утишающее боль, да только проку от него мало: оно способно заставить боль затаиться лишь на время, а потом-то будет еще хуже. Нет, не было такого средства, чтобы избавиться от этой мучительной ломоты в костях. Старым костям нужно одно: солнце. И Далсе продолжал стоять на пороге, как бы между темнотой комнаты и пронизанным нитями дождя серым небом, и с трудом удерживался от произнесения заклятия, злясь на себя за то, что стар и болен, и за то, что должен сдерживать себя.

Он никогда не ругался — истинно могущественные волшебники не произносят вслух бранных слов, это небезопасно, — но все же облегчил душу: откашлялся сердитым ворчливым кашлем, похожим на рычание медведя. И через мгновение страшный раскат грома сотряс вершину горы Гонт, и эхо его прокатилось по ее склонам от севера до юга и замерло в далеких, окутанных туманом лесах.

Добрый знак, подумал старик. Значит, дождь скоро прекратится. Он накинул капюшон плаща и сошел с крыльца под дождевые струи, чтобы покормить кур.

Проверив курятник, Далсе обнаружил три свежих яйца. Рыжая Бакка, его лучшая наседка, сидела на яйцах давно, и цыплята должны были вот-вот вылупиться. Наседку замучили клещи, и выглядела она какой-то запыленной и несчастной. Тут уж Далсе раздумывать не стал: он произнес несколько слов — заклинание против клещей — и решил непременно как следует вычистить курятник, как только вылупятся цыплята, а потом отправился на птичий двор, где Шоколадница, и Серая, и Пышные Штанишки, и Смелая, и даже сам петух Королек сидели, нахохлившись, под навесом и время от времени тихими голосами на своем курином языке отпускали сердитые замечания в адрес противного дождя.

— Ничего, он к полудню перестанет, — сказал курам волшебник. Он покормил их и поплелся назад, в дом, сунув в карман три еще тепленьких свежих яйца. В детстве он очень любил шлепать по грязи босиком. Он помнил то сладостное чувство, которое вызывала у него чавкавшая и вылезавшая между пальцами ног земля. Босиком он и сейчас еще ходил с удовольствием, но по грязи шлепать

разлюбил совсем; уж больно она липла к ногам, а потом приходилось наклоняться и тщательно мыть ноги, прежде чем войти в дом. Пока пол в его домишке был земляной, это особого значения не имело, но потом ему сделали настоящий деревянный пол, как в доме у какого-нибудь лорда, или богатого купца, или самого Верховного Мага. Впрочем, деревянный пол был Далсе просто необходим, чтобы защитить старые простуженные кости от холода и сырости. Это ведь не сам он придумал — с полом-то. Это все Молчаливый. Прошлой весной он явился к нему в горы из порта Гонт и сделал в старом домишке новые деревянные полы. И тогда они с Молчаливым единственный раз в жизни крупно поспорили — из-за этих полов. И он, Далсе, с тех пор раз и навсегда зарекся с ним спорить.

— Я топчу землю уже семьдесят пять лет, — сказал тогда Далсе. — И не умру, если еще несколько лет по земляному полу похожу!

На что Молчаливый, разумеется, ничего не ответил, давая Далсе возможность самому прислушаться к собственным словам и хорошенько осознать всю их глупость.

— И потом, земляной пол гораздо проще содержать в чистоте, — пробормотал волшебник, сознавая, что спор уже проиграл. С другой стороны, ведь правда: при хорошо утрамбованных глиняных полах в доме для наведения чистоты достаточно слегка подмести пол да сбрызнуть его водой, чтобы улеглась пыль. И все-таки доводы его звучали на редкость глупо. — И кто же будет мне эти деревянные полы настилать? — уже сдаваясь, проворчал он. В меру раздраженно.

Молчаливый кивнул, что означало: он сам и будет.

У этого парня, на самом деле, были прямо-таки золотые руки: он был первоклассным плотником, краснодеревщиком, каменщиком, кровельщиком; причем это свое мастерство он доказал давно, еще когда жил здесь, в горах, на правах ученика Далсе. К счастью, жизнь в богатой семье не сделала из него белоручку. Молчаливый пригнал с Шестой мельницы близ Ре Альби телегу, в которую были впряжены волы; телега была доверху нагружена первосортными досками, и он тут же сам их и разгрузил, а

потом быстренько настелил полы и на следующий день не просто вымыл, а прямо-таки отполировал их, пока старый волшебник ходил к Заболоченному озеру за какими-то травами. Когда Далсе вернулся домой, полы сверкали, точно озерная гладь.

— Ну вот, теперь придется каждый раз ноги мыть, если в дом войти захочется, — проворчал старик и осторожно вошел в дом. Полы были такими гладкими и по ним было так приятно ступать босыми ногами, что они показались Далсе даже мягкими. — Чистый атлас! — вырвалось у него. — Но ты, конечно же, не мог успеть все это сделать за один день без парочки заклинаний, верно? Признавайся! М-да, деревенская развалюха с королевскими полами! Ну что ж, зимой будет, наверное, очень красиво, когда огонь будет в этом полу отражаться! Или, может, мне теперь еще и ковер себе купить? Из чистой шерсти и расшитый золотыми нитками?

Молчаливый улыбнулся. Он был очень доволен собой.

Впервые он постучался в эту дверь довольно давно, несколько лет назад. Хотя нет, теперь-то уж, наверное, лет двадцать прошло, если не двадцать пять! В общем, много. Он был тогда еще совсем малышом, длинноногий, взлохмаченный, с нежной детской мордашкой. Но рот у него был решительный, а глаза смотрели ясно.

— Тебе чего надо-то? — спросил у него волшебник, зная, чего ему надо и чего им всем надобно, и стараясь не смотреть в эти ясные глаза. Он был хорошим учителем, лучшим на Гонте, и знал это. Но он устал от учеников и не хотел, чтобы очередной мальчишка несколько лет путался у него под ногами. И еще он вдруг почуял опасность.

— Учиться, — прошептал мальчик.

— Вот и отправляйся на Рок, — отрезал волшебник. На мальчике были крепкие башмаки и хорошая кожаная куртка. Его родители явно могли себе позволить послать сына в Школу Волшебников. Или уж, в крайнем случае, такой крепкий парнишка вполне был способен и сам отработать свой проезд на Рок в качестве юнги.

— Я там уже был.

Далсе чуть напрягся и снова осмотрел мальчика с ног до головы. Ни плаща, ни посоха волшебника видно не было.

— И что, провалился? Тебя отослали прочь? Или ты сам сбежал?

На каждый вопрос мальчик лишь отрицательно мотал головой. Он даже зажмурился, а уж рта и вовсе ни разу не открыл. И продолжал стоять у Далсе на пороге, напряженный, собранный в тугой комок, пытаясь скрыть волнение и страдальческое выражение глаз. Потом он вдруг тяжело вздохнул, посмотрел волшебнику прямо в глаза и заявил едва слышно:

— Я хочу учиться только здесь, на Гонте. А имя моего единственного учителя — Гелет.

При этих словах волшебник, чье Истинное имя как раз и было Гелет, прямо-таки застыл, как изваяние, и так впился в мальчика глазами, что тот не выдержал и потупился.

Молча, ни о чем его не спрашивая, узнал старый Далсе имя мальчика и еще две важные вещи: увидел силуэт ели и руну Сомкнутых Уст. А потом, желая узнать больше, услышал мысленно и его Истинное имя, но вслух его не произнес.

— Я устал от учеников и бесконечных разговоров с ними, — сказал он. — Больше всего сейчас мне нужно молчание. Тебя это устраивает?

Мальчик кивнул — один раз, но очень твердо.

— Хорошо, тогда я так и буду звать тебя — Молчаливый, — сказал волшебник. — Спать ты можешь вон в том алькове у западного окошка. В сарае есть старый тюфяк, его только проветрить нужно как следует да выбить хорошенько. Смотри не притащи в дом мышей! — И волшебник, повернувшись к мальчику спиной, медленно побрел в сторону Водопада, сердясь и на своего нового ученика за то, что явился к нему непрошеным, и на себя за то, что так быстро уступил. Однако отнюдь не гнев заставлял так быстро биться его сердце. Он шел довольно быстро — тогда он еще мог ходить относительно быстро! — и ветер все ударял его порывами слева, а утреннее солнце уже скрылось за горой, и лучи его освещали лишь далекое

море у самого горизонта, и непрерывно думал о Великих Мудрецах с острова Рок, мастерах магических искусств, профессорах всяческих таинств и волшебных знаний. «Так он, значит, оказался им не по зубам, так, что ли? Впрочем, похоже, и мне он тоже не по зубам будет»,— думал Далсе и улыбался. Он был человеком мирным, но иногда был очень не против небольшой порции опасности и риска.

Он остановился, почувствовав вдруг под ногами влажную землю. Он был, как всегда, бос. Когда он учился на Роке, то, конечно же, носил башмаки, однако, вернувшись на Гонт, в родной Ре Альби, с посохом волшебника, тут же разулся и больше башмаков почти не носил. Он стоял неподвижно, чувствуя под ногами не только землю и мелкие камешки, но и мощный гранитный пласт, по поверхности которого шла тропа и который подходил к самому краю утеса, и под этим гранитным пластом мысленно видел такие же мощные пласты, а гораздо ниже — корни самого острова, там, глубоко, во тьме. И во тьме, глубже, чем дно самого глубокого океана, корни всех островов соприкасались и соединялись. Примерно так когда-то рассказывал ему его учитель Ард, примерно так говорили и Мастера с острова Рок. Но Гонт был его островом, и это была его скала, и его земля была у него под ногами. Его волшебная сила выросла из этой земли. Тот мальчик сказал тогда, что хочет учиться только здесь, и назвал Истинное имя своего учителя. Его имя. Но дело было, видно, не только в том, что он хотел учиться только у Далсе. Мальчик чувствовал, что корни волшебной силы старого мага гораздо глубже его мастерства. Видимо, именно этому он и хотел научиться у Далсе: тому, у чего корни глубже корней самого высокого магического мастерства. Тому, что и сам Далсе когда-то постиг здесь, на Гонте, еще до того, как решил отправиться на Рок.

Но этот мальчик непременно должен был получить посох волшебника! Интересно, почему это Неммерль отпустил его, позволил ему покинуть Рок без посоха, точно незадачливому ученику или простому колдуну? Такую силу, какой обладает этот парнишка, нельзя оставлять без

присмотра, не дав ей конкретного приложения, никак не обозначив ее присутствие!..

«А ведь у моего учителя волшебного посоха тоже не было», — подумал вдруг Далсе. Он прекрасно понимал: этот мальчик хочет получить свой посох из его рук. Получить посох, сделанный из гонтийского дуба и от гонтийского волшебника. Ну хорошо. Он этот посох получит. Если сможет держать рот на замке (а он, похоже, сможет). И тогда Далсе оставит ему все свои книги, а в них собрано немало всякой премудрости. Значит, условия таковы: пусть научится чистить курятник, разбираться в «Толкованиях Данемера» и, главное, держать рот на замке.

Новый ученик запросто вычистил курятник, взрыхлил и прополол все грядки с бобами и довольно скоро научился разбираться в «Толкованиях Данемера», а также в «Колдовском напитке Энлада», и рот свой действительно держал на замке. Он слушал. Он слышал все, что говорил ему Далсе, а иногда и гораздо больше: то, о чем Далсе думал. Он делал все, чего Далсе от него требовал, а также то, о чем Далсе даже не подозревал, но что всегда оказывалось очень даже кстати. Талант Молчаливого был куда глубже и шире того, чему мог научить его Далсе, однако же он пришел именно к нему, в Ре Альби, и оба они отлично это понимали.

В те годы Далсе частенько думал об отцах и сыновьях. Сам он когда-то поссорился с отцом, колдуном и золотоискателем, из-за того, что выбрал себе такого учителя. Его отец тогда кричал, что Ард не может быть его учителем, что он больше ему не сын, и потом долго еще носился со своим гневом, да так и умер, не простив Далсе.

Далсе не раз видел, как молодые мужчины плачут от радости, когда у них рождается первенец. Он видел, как бедняки отдают ведьмам весь свой годовой доход, лишь бы пообещали, что у них родится здоровый наследник; видел, как тот или иной богач, касаясь личика своего увешанного золотом сына-первенца, шепчет влюбленно: «Мое бессмертие!» Однако он не раз видел, как отцы до полусмерти избивают своих сыновей, оскорбляют и унижают их, без конца спорят с ними, ненавидя в них... свою собственную смерть! И он видел ответную ненависть в

глазах сыновей, угрозу, безжалостное презрение к отцам. И видя все это, Далсе понимал, почему и сам он никогда не стремился примириться с отцом.

Ибо он видел, и не раз, как отец и сын молча и согласно работают в поле с восхода до заката: старик-отец ведет полуослепшего вола, а сын, мужчина средних лет, налегает на плуг с железными лопастями. Когда же они заканчивают работу и начинают собираться домой, старик лишь на мгновение кладет руку на плечо сына, и в этом прикосновении заключена вся его любовь и доверие.

Далсе всегда помнил об этом. Вот и сейчас тоже вспомнил, глядя на склонившееся над старинной книгой смуглое лицо своего ученика, который, устроившись зимним вечером напротив него у очага, был обычно занят либо чтением, либо починкой одежды. И всегда — глаза опущены долу, уста сомкнуты, но душа внемлет.

«Примерно раз в жизни, и то если очень повезет, волшебник находит кого-то, с кем он может говорить по душам». Это сказал Неммерль за день-два до того, как Далсе навсегда покинул Рок, и за год или за два до того, как Неммерль был избран Верховным Магом Земноморья. В Школе он был тогда Мастером Путеводителем и самым добрым из учителей Далсе. «Я думаю, если бы ты остался, Гелет, — сказал он Далсе на прощанье, — мы могли бы иногда беседовать друг с другом».

Некоторое время Далсе просто не знал, что ему ответить. Потом, заикаясь и чувствуя себя виноватым, неблагодарным, но все же не желая уступать, он сказал: «Господин мой, я бы остался, но меня на Гонте работа ждет. Жаль, что мне не удастся поработать здесь, с тобой...»

«Ну что ж, это редкий дар — знать, где именно тебе следует быть, до того, как побываешь во всех прочих местах, где тебе быть вовсе и не следовало бы, — вздохнул Неммерль. — Если хочешь, можешь иногда присылать ко мне в ученики способных мальчиков. Школе нужны ребятишки с Гонта; там очень много одаренных детей. Хотя мне кажется, мы в нашей Школе все-таки что-то упускаем, что-то очень важное, что волшебникам следовало бы знать...»

И Далсе регулярно посылал в Школу учеников; троих

или четверых, отличных ребят с различными талантами, он послал к самому Неммерлю; и все-таки тот единственный, которого так ждал Неммерль, пришел и ушел по своей воле, и что они подумали о нем там, на Роке, Далсе известно не было. А Молчаливый, естественно, ничего не рассказывал. Но было ясно, что за два или три года, проведенные в Школе, он узнал столько, сколько некоторые узнают, лишь проучившись лет шесть-семь, а некоторые и вовсе не узнают никогда. Для Молчаливого же обучение в Школе Волшебников оказалось просто первичной подготовкой.

— Что же ты сразу ко мне не пришел? — спросил его как-то Далсе. — Поучился бы у меня немного, а уж потом мог бы и на Рок отправиться и там свои знания как следует отполировать.

— Я не хотел, чтобы ты, господин мой, зря тратил на меня свое время.

— А Неммерль знал о твоих дальнейших планах? Что ты хочешь работать со мной?

Молчаливый только головой покачал.

— Между прочим, если бы ты соблаговолил поведать ему об этом, он, возможно, прислал бы мне весточку заранее.

Молчаливый ошарашенно посмотрел на него:

— А что, разве он был твоим другом, господин мой?

Далсе ответил не сразу.

— Он был моим Учителем, — сказал он. — А, возможно, стал бы и другом, если бы я остался на Роке. Но разве у волшебников есть друзья? Не чаще, чем жены или сыновья, по-моему... Однажды, правда, он сказал мне, что волшебнику здорово везет, если он находит человека, с которым мог бы поговорить по душам... Запомни это. Если тебе повезет, то в один прекрасный день тебе придется открыть свой рот и заговорить как следует.

Молчаливый еще ниже наклонил свою кудлатую голову и задумался.

— Если только язык у тебя совсем не заржавеет от молчания, — прибавил Далсе.

— Если ты, господин мой, попросишь, чтобы я заговорил, я заговорю! — Это вырвалось у него с такой искренней готовностью в один миг отказаться от собственных наклонностей и привычек по одной лишь просьбе Далсе, что волшебник не удержался и со смехом заметил:

— Пока что я просил тебя не раскрывать рта. Я и сам говорю более чем достаточно. Можно сказать, за двоих. Ладно, не обращай внимания. Я пошутил. В свое время ты и сам будешь точно знать, что нужно сказать. Это ведь тоже искусство, верно? Что сказать и в какой момент. А остальное — молчание.

Три года юноша спал в доме Далсе на соломенном тюфяке в алькове под маленьким окошком, выходящим на запад. Он старательно учился магическим искусствам и умениям, охотно кормил кур, чистил курятник, доил корову. И однажды предложил Далсе завести коз. Перед этим он целую неделю буквально не раскрывал рта, а осенние эти дни выдались холодными, дождливыми, и он вдруг заговорил:

— Господин мой, мы могли бы держать еще и коз.

Далсе сидел за столом, и перед ним лежала толстенная книга с собранными в ней магическими премудростями, и в этот момент он как раз пытался восстановить одно из могущественных заклятий Акастана, несколько веков назад сильно поврежденное и сделавшееся почти бессильным из-за вредоносных эманаций Фундаура. Далсе уже начал было понимать значение недостающего слова, способного заполнить один из образовавшихся пробелов, и уже почти разгадал его, как вдруг прозвучало это «...мы могли бы держать еще и коз».

Далсе хорошо знал свой нрав и считал себя излишне говорливым, слишком нетерпеливым и чересчур вспыльчивым. Для него, например, запрет на произнесение вслух бранных слов был, особенно в молодые годы, поистине тяжким бременем. Кроме того, целых тридцать лет он сносил тупость учеников, да и тупоумие коров и кур тоже изрядно его утомляло. Ученики и те, кто приходил к нему за советом и помощью, больше всего боялись его острого языка, а вот коровы и куры на его ядовитые замечания даже внимания не обращали. На Молчаливого же он вообще никогда раньше не сердился. Но на этот раз он

ответил ему не сразу и довольно долго молчал, усмиряя гнев.

— Зачем? — коротко спросил он наконец.

Молчаливый явно не заметил ни этой странной паузы, ни чрезмерно нежного тона Далсе.

— Молоко, сыр, жареные козлята, просто веселая компания, — перечислил он грядущие выгоды.

— А ты когда-нибудь за козами ухаживал, милый? — спросил Далсе тем же нежным и изысканно вежливым тоном.

Молчаливый покачал головой.

Он вообще-то был парнем городским, родом из порта Гонт. Он так ничего и не рассказал ни о себе, ни о своей семье, но Далсе обиняком кое-что о нем выяснил. Его отец, портовый грузчик, погиб во время большого землетрясения, когда Молчаливому было лет семь или восемь. Мать его была поварихой в прибрежной гостинице. В двенадцать лет мальчик угодил в большую беду, возможно, что-то напутав с магическими заклятиями, и матери с трудом удалось отдать его в ученики Элассену, весьма уважаемому колдуну из Вальмута. Там Молчаливый получил свое Истинное имя и вполне профессиональные навыки в столярном деле и земледелии, хотя в области магических наук ничему особенно не научился, причем Элассен через три года настолько расщедрился, что даже оплатил ему проезд до острова Рок. Больше Далсе узнать не удалось ничего.

— Я козий сыр терпеть не могу! — только и сказал Далсе в ответ на предложение Молчаливого.

Молчаливый кивнул и больше о козах не заговаривал.

И время от времени все эти годы Далсе вспоминал, как это он умудрился не выйти из себя, когда Молчаливый спросил его насчет коз; и каждый раз память давала ему ощущение тихого удовольствия, вроде того, которое возникает, когда отправишь в рот последний кусок отличной спелой груши.

А тогда, проведя еще несколько дней в попытках снова «поймать» недостающее слово, он засадил Молчаливого за изучение «Заклятий Акастана». И через некоторое

время они вместе наконец, правда, после долгих мучений, сумели-таки определить значения всех нужных слов!

— Ох, все равно что пахать на полуслепом воле! — вздохнул Далсе.

И вскоре после этого он вручил Молчаливому посох волшебника, который сделал сам из гонтийского дуба.

А потом, в который уже раз, правитель порта Гонт попытался убедить Далсе спуститься с гор и навести в порту порядок, и Далсе вместо себя послал туда Молчаливого, который там и остался.

И вот теперь Далсе стоял на пороге своего дома с тремя свежими куриными яйцами в руке, а холодный дождь все продолжал падать с небес.

Как долго он простоял там? Почему? Он же думал о деревянных полах, о том, как хорошо ходить по земле босиком, о Молчаливом. Или нет? А может, он ходил по тропе над Водопадом? Нет, в тот раз — и это, кстати, было много лет назад — светило солнце. А сейчас давно уже идет дождь... Нет, дело было так: он накормил кур и вернулся на крыльцо, держа в руках эти три свеженьких яйца; и он сразу вспомнил тот могучий раскат грома и то, как его старые кости и босые ступни ощутили какую-то необыкновенную дрожь земли, вызванную этим раскатом. Да и гром ли это был?

Нет. Был какой-то грохот. Но не гром. У Далсе возникло какое-то смутно знакомое чувство, но он его никак не мог распознать. Такое он уже чувствовал когда-то давно... когда? Давно. Задолго до тех дней, которые он только что вспоминал. Когда же это было? До землетрясения. Да, как раз перед землетрясением! Как раз перед тем, как в море обвалился здоровенный кусок побережья близ Эссари, и люди погибли под руинами собственных домов, и огромная волна вдребезги разнесла верфи в порту...

Далсе сошел с крыльца на размокшую землю, чтобы еще раз попытаться прочесть послание земли нервными окончаниями ступней, но земля, превратившаяся в грязь, видно, спутала все слова, которые хотела ему сказать. Далсе положил яйца на ступеньку, сел рядом, вымыл ноги водой из старой миски, стоявшей у крыльца, насухо вытер их тряпицей, что лежала тут же, как следует выжал

тряпицу и повесил ее на перила; потом снова бережно положил яйца в карман и медленно пошел в дом.

Бросив острый взгляд на свой посох, стоявший в углу за дверью, он отнес яйца в кладовку, быстро съел яблоко, ибо был голоден, и взял посох в руки. Посох был тисовый, нижний конец обит медью, а ручка блестела, как шелк, отполированная руками за столько-то лет. Этот посох ему вручил когда-то сам Неммерль.

— Стой! — велел он посоху на Языке Созидания и выпустил его из рук. Посох застыл посреди комнаты, словно его вставили в специальное гнездо.

— Веди меня к корням, — нетерпеливо приказал посоху Далсе на Языке Созидания. — К корням!

И уставился на стоявший посреди сиявшего чистотой пола посох. Через некоторое время посох слегка шевельнулся, или, скорее, вздрогнул.

— Ах вот как! — вырвалось у старого волшебника. — Но что же мне делать?

Посох качнулся, замер, и по нему снова пробежала дрожь.

— Ну, довольно, дорогой мой, — сказал Далсе, ласково поглаживая посох. — Хватит. Ничего удивительного, что я все время думаю о Молчаливом. Вообще-то следовало бы поскорее послать за ним... к нему... Нет. Что там говорил великий Ард? Ищи средоточие? Вот какой вопрос нужно задавать себе! Вот что нужно делать!.. — И Далсе, продолжая что-то бормотать про себя, расправил свой тяжелый плащ и поставил воду на горевший в очаге огонь, чтоб закипела, а потом вдруг удивился: что это с ним? Неужели он всегда вот так разговаривает с самим собой? Неужели он говорил с самим собой и в те годы, когда у него жил Молчаливый? Нет, конечно. Это стало у него привычкой только после ухода Молчаливого, когда ему невольно пришлось вернуться к прежним обыденным заботам, одновременно мысленно готовясь к неведомым еще бедам и разрушениям.

Он сварил вкрутую четыре яйца — три свеженьких и еще одно из кладовки — и положил их в заплечный мешок, сунув туда же четыре яблока и небольшой бурдюк вина, обладавшего приятным, чуть смолистым вкусом (на

тот случай, если придется всю ночь провести под открытым небом). Потом, морщась от боли в суставах, накинул свой тяжелый плащ, взял в руки посох, велел огню погаснуть и вышел из дома.

Корову он давно уже не держал. Но около птичника остановился, думая, что же делать с курами. С одной стороны, в последнее время в сад частенько наведывались лисы, но с другой — курам придется самим искать корм, если он задержится. Что ж, пусть, как и все остальные, сами испытают свою судьбу. Он немного приоткрыл дверцу птичника. Хотя дождь и превратился уже в некую туманную морось, куры, нахохлившись и с самым разнесчастным видом, продолжали сидеть под навесом своего домика. А Королек даже ни разу не прокукарекал сегодня с утра.

— Может, хотите что-нибудь мне сказать на прощанье? — спросил их Далсе.

Его любимая несушка отряхнулась и несколько раз отчетливо произнесла собственное имя: Бакка. Остальные продолжали молчать.

— Ну ладно, вы тут осторожнее. В полнолуние в сад лиса заходила, я сам видел, — предупредил кур Далсе и пошел прочь.

И все думал, думал на ходу, вспоминал и вспомнил все, что мог, о том, что когда-то давно и только один раз рассказывал ему его Учитель. Странные то были истории, настолько странные, что Далсе так тогда и не понял, то ли Учитель говорил об истинном волшебстве, то ли о простом колдовстве. На Роке Далсе ни о чем таком определенно ни разу не слышал и сам никогда об этом ни с кем не говорил — опасался, что Мастера будут презирать его за то, что он так серьезно воспринимает подобные глупости; а может, уже тогда догадывался, что Мудрецы Рока никогда «подобных глупостей» не поймут, потому что все эти истории касались исключительно Гонта; это было древнее гонтийское волшебство, и эти знания не были описаны даже в мудрых книгах Арда, которые достались ему от Великого Мага Эннаса из Перрегаля. Знания эти всегда передавались только из уст в уста. Они были, так сказать, домашними истинами гонтийских мудрецов.

— Если хочешь узнать о сущности Горы, — говорил ему когда-то Ард, — ступай к Темному Пруду на верхнем конце того коровьего пастбища, что принадлежит Семерсу. И там, может быть, тебе станет ясно, как это сделать. Прежде всего необходимо отыскать центр, средоточие. А потом найти вход.

— Вход? Какой вход? — прошептал юный Далсе.

— Ну да, вход. Разве можно что-то узнать, находясь снаружи?

Далсе долго молчал, потом спросил:

— Но как это сделать?

— А вот как. — И Ард широко раскинул длинные свои руки и стал произносить слова того великого заклятия, которое, как Далсе узнал впоследствии, было заклятием Истинного Превращения. Ард произносил эти слова невнятно, как и обязаны делать те, кто учит волшебству, чтобы силой заклятия случайно не воспользовались другие. Но Далсе уже знал тот прием, благодаря которому можно расслышать любые слова как следует и даже запомнить их, так что когда Ард замолк, Далсе уже повторял про себя слова только что произнесенного его Учителем заклятия, едва заметно жестикулируя при этом, ибо движения рук тоже необходимо было запомнить. Вдруг рука его замерла сама собой.

— Но ведь это заклятие невозможно повернуть вспять! — вдруг произнес он вслух.

Ард кивнул:

— Да, ЭТО отменить невозможно!

Далсе не знал ни одного Превращения, которое нельзя было бы отменить, и ни одного заклятия, которое нельзя было бы повернуть вспять. Исключение составляло лишь Слово, Отпускающее Душу, которое произносится лишь один раз в жизни.

— Но тогда почему?..

— Только при острой необходимости, — сказал Ард.

Далсе хорошо знал, что расспрашивать дальше не следует. Да и острая необходимость, когда произносятся подобные заклятия, возникает не слишком часто; а возможность того, что придется прибегать к таким крайним мерам, и вовсе была очень мала. Далсе как бы уронил

ужасное заклятие на самое дно памяти, и оно спряталось там в залежах других знаний — полезных, прекрасных, несущих свет, самых разнообразных магических искусств и умений, строгих правил острова Рок и тех тайных сведений, которые он почерпнул в старинных книгах, завещанных ему Ардом. Недозрелое и бесполезное, страшное это заклятие лежало во тьме его души целых шестьдесят лет, точно краеугольный камень какого-то древнего, давно разрушившегося и забытого строения, который обнаруживаешь вдруг в подвале собственного дома, полного света, благополучия и детей.

Дождь давно прекратился, но туман все еще скрывал вершину горы, а над лесами, покрывавшими верхнюю часть склонов, проплывали клочья облаков. Далсе хотя и не был таким неутомимым ходоком, как Молчаливый, который готов был хоть всю жизнь скитаться по лесным тропам Гонта, но все же темп держал неплохой, ибо родился в Ре Альби и знал каждую тамошнюю тропинку так же хорошо, как самого себя. Он срезал путь у колодца Рисси и вышел на верхнее пастбище еще до полудня. Пастбище представляло собой почти ровный выступ на склоне горы; примерно милей ниже виднелись залитые солнцем хозяйственные постройки и крестьянский дом, к которому двигалось стадо овец, похожее на тень от облака, бегущую по земле. Порт и залив были скрыты от глаз узловатыми холмами с крутыми вершинами.

Далсе пришлось немного побродить по пастбищу, прежде чем он отыскал то, что решил все же считать тем самым Темным Прудом. Это был маленький, грязный, наполовину заросший тростником прудик, к которому вела одна-единственная, едва заметная грязная тропинка, истоптанная козьими копытцами; больше вокруг не было ничьих следов. Вода в пруду была действительно очень темная, хотя небо над ней светилось голубизной, а торфяники остались далеко внизу. Далсе пошел по козьей тропе, ворча и оскальзываясь в грязи; он чуть не вывихнул лодыжку, стараясь не упасть. Подойдя к самой воде, он остановился, наклонился, растер ноющую лодыжку и прислушался.

Было абсолютно тихо.

Ни ветерка. Ни птичьего крика. Ни отдаленного мычания коров или блеяния коз. Ни звука. Словно весь остров вдруг замер. Даже мухи перестали жужжать.

Далсе посмотрел на темную воду. В ней ничего не отражалось.

Он нерешительно сделал шаг вперед. Он был босиком, в закатанных до колен штанах. Плащ он снял и скатал еще час назад, когда из-за туч выглянуло солнце. Тростники щекотали босые ноги. Глинистое дно было мягким; под ногами чавкало; пальцы путались в переплетении корней тростника. Далсе медленно и практически бесшумно продвигался к средине пруда, и расходившиеся от него круги на воде были небольшие и легкие. Пруд казался совсем мелким. Вдруг его осторожно шарившая по дну нога ощутила пустоту, и он остановился.

Вода как бы вздрогнула. Сперва Далсе ощутил бедрами легкое прикосновение — его точно коснулся шерстистый бок какого-то животного; потом увидел, что вся поверхность воды в пруду дрожит и эта дрожь не похожа на легкие концентрические круги, что расходились от него при движении и давно уже замерли, нет, скорее это напоминало вздрагивание какого-то огромного живого существа и повторялось снова и снова.

— Где? — прошептал он на Языке Созидания, а потом произнес это слово громко, ибо этот язык понимают все живые твари и все вещи на свете, не обладающие собственным языком.

Ответом была тишина. А потом из черной дрожащей воды вынырнула рыба, бело-серая, длиной примерно с его руку, и эта рыба, подпрыгнув в воздух, воскликнула тоненьким чистым голоском на том же Языке Созидания:

— Йавед!

Старый волшебник стоял неподвижно, вспоминая все, что знал из Истинных имен Гонта, все названия его холмов, утесов и оврагов, и через минуту понял, где именно находится место под названием Йавед. Это был некий перекресток у вершин двух очень близко друг от друга расположенных холмов, и находился он довольно далеко от порта Гонт, в глубине острова, среди тех узловатых островерхих холмов. Это было место геологического

сброса. Если центр землетрясения окажется там, гора просто стряхнет город в море, или завалит камнями, спустив на него лавину, или затопит, подняв огромную волну, и потом раздавит, сомкнув утесы у входа в гавань, как пальцы руки. Далсе вздрогнул, и дрожь тут же охватила все его тело, как только что темную воду в пруду.

Он повернулся и торопливо побрел к берегу, не заботясь о том, куда ставит ногу, и уже не думая, не нарушает ли его дыхание и плеск воды у него под ногами здешнюю тишину. Он прочавкал по вязкому дну меж тростниками, выбрался на берег, покрытый жесткой травой, и наконец услышал гудение мошкары и треск кузнечиков. И тогда он сел прямо на твердую землю, ибо ноги его дрожали.

— Ничего не выйдет, — сказал он сам себе на обычном языке Земноморья. — Я не смогу это сделать. Не смогу — один!

Он был так расстроен, что когда решился наконец позвать на помощь Молчаливого, то не сразу вспомнил начало того заклинания, которое было ему известно вот уже шестьдесят лет; когда же наконец ему показалось, что он его вспомнил, и он уже начал произносить слова Великого Заклинания, способного призывать человеческие души, оно сразу же начало действовать, и только тогда он понял, что поступил неправильно, и стал медленно, слово за словом отменять действие заклятия.

Потом сорвал немного травы и попытался стереть с ног липкую донную глину и ил. Грязь еще не успела засохнуть, и травой он только размазал ее по коже.

— Ненавижу грязь! — прошептал Далсе и тут же крепко стиснул зубы и даже прикрыл рот рукой, немедленно прекратив всякие попытки вытереть ноги. — Нет, не грязь — земля, земля... — приговаривал он, нежно поглаживая землю, на которой сидел. Затем, успокоившись, очень медленно, очень осторожно начал произносить слова призывающего заклятия.

* * *

На шумной улице, что ведет вниз, к верфям порта Гонт, волшебник Огион вдруг остановился, и шкипер, шедший с ним рядом, прошел еще несколько шагов, пре-

жде чем, обернувшись, увидел, что Огион разговаривает с кем-то невидимым.

— Конечно же, я приду, Учитель! — сказал он. И спросил, немного помолчав: — Как скоро? — Потом снова довольно долго молчал, а потом заговорил с невидимым собеседником на таком языке, которого шкипер не понимал. Вдруг Огион сделал какой-то жест, и воздух вокруг него мгновенно как бы сгустился и потемнел.

— Ты, капитан, прости меня, — обратился Огион к шкиперу, — но придется тебе немного подождать. Я после заговорю твои паруса. А сейчас я должен предупредить город, ибо близится землетрясение. Ты же ступай в порт и скажи, чтобы все суда, которые способны держаться на воде, немедленно отошли как можно дальше в открытое море. И подальше от Сторожевых утесов. Удачи вам! — И с этими словами Огион повернулся и бегом бросился назад, вверх по улице, высокий сильный человек с копной седеющих волос, и, надо сказать, бежал он, точно молодой олень.

Порт Гонт расположен в самом конце узкого и длинного залива с крутыми берегами. Войти в залив можно только между двумя отвесными Сторожевыми утесами, которые называют еще Воротами порта. Расстояние между ними не более ста футов, и за такими воротами жители порта Гонт всегда чувствовали себя в относительной безопасности от набегов морских пиратов. Однако же Сторожевые утесы, являясь гарантом их безопасности, одновременно таят в себе страшную угрозу, ибо этот длинный залив представляет собой конец огромной трещины в земной коре, и челюсти, что некогда открылись, всегда могут вновь захлопнуться.

Когда Огион сделал все, что было в его силах, чтобы предупредить город об опасности, когда он убедился, что охрана Ворот и порта делает все необходимое, чтобы предотвратить столпотворение на немногочисленных дорогах, ведущих из города, ибо туда сразу хлынули обезумевшие от страха горожане, он заперся на маяке, оградив себя еще и заклятием, потому что всем тут же понадобилось с ним посоветоваться, и мысленно послал свою душу на берег Темного Пруда.

В это время его старый учитель сидел у пруда на траве и ел яблоко. У его ног, облепленных подсыхающей грязью, валялась яичная скорлупа. Когда Далсе поднял глаза и увидел в воздухе лицо Огиона, то сразу заулыбался широкой ласковой улыбкой. Но выглядел он постаревшим. Никогда прежде не выглядел он таким старым! Огион не видел его примерно год; он всегда был очень занят в городе, к нему все время обращались с просьбами и лорды, и простые люди, и он не имел ни малейшей возможности даже немного отдохнуть. Хотя бы просто погулять в лесу на склоне горы или сходить в Ре Альби и посидеть с Далсе, Истинное имя которого было Гелет. Просто посидеть с ним рядом в его маленьком домишке, послушать и помолчать. Гелет действительно был уже стар, где-то под восемьдесят, но он всегда был бодр и крепок. А сейчас он явно был напуган, хотя и радостно улыбался Огиону.

— По-моему, — начал он без лишних предисловий, — в первую очередь нам нужно попытаться удержать этот разлом от слишком больших разрушений, а город — от сползания в море. Ты будешь удерживать эту трещину у Сторожевых утесов, а я — у ее противоположного конца, который ближе к центру Горы. Будем, как говорится, действовать общими усилиями. Я чувствую, как его мощь нарастает, а ты?

Огион, точнее, его бесплотный двойник, покачал головой и сел на траву рядом с Далсе, и под его нематериальным телом не согнулась ни одна травинка.

— Я пока ничего особенного сделать не успел, разве что посеял в городе панику и велел судам выйти из залива, — сказал он. — А что именно ты чувствуешь? И КАК ты это чувствуешь?

Это были, можно сказать, чисто профессиональные, даже чисто технические вопросы. И Гелет, поколебавшись, ответил:

— Я научился этому у Арда. — Больше он ничего не прибавил и снова замолчал.

Он никогда прежде ничего не рассказывал Огиону о своем первом учителе, которого на Гонте считали обык-

новенным колдуном и, пожалуй, даже недолюбливали. Мало того, распускали о нем весьма неприятные слухи. Огион знал только, что этот Ард никогда не был на острове Рок и знания свои получил на острове Перрегаль; слышал он также, что имя этого волшебника было опорочено чем-то таинственным или даже позорным. Гелет, который для волшебника был, пожалуй, чересчур разговорчивым, относительно этих вещей был нем как рыба. А потому Огион, который молчание и тишину уважал более всего на свете, никогда его об Арде и не расспрашивал.

— Этой магии не учат на острове Рок, — сказал вдруг старик. Голос его звучал суховато, словно он заставлял себя говорить об этом. — Однако она никак не вредит Равновесию, и в ней нет ничего... неприемлемого.

Он всегда пользовался именно этим словом, «неприемлемый», обозначая им все подряд — дурные поступки, серьезные заклятия, которые используют просто для развлечения или, скажем, для наведения порчи — в общем, для всякой «черной магии». Он так и говорил: «Это неприемлемое колдовство!»

Помолчав немного и словно подыскивая нужные слова, он продолжил:

— Земля. Скалы. Камни. Все это — старинная магия земли, Огион. Такая же древняя, как сам остров Гонт.

— Древние Силы Земли? — прошептал Огион.

— Не уверен, — сказал Гелет.

— А способны ли эти силы управлять самой землей?

— Это сейчас не так уж и важно. Куда важнее, как мне представляется, проникнуть вместе с ними внутрь земли. — Старик аккуратно закапывал огрызок яблока и яичную скорлупу в ямку, присыпая мусор землей и старательно приминая сверху. — Конечно же, я знаю некоторые нужные слова, но мне придется учиться на ходу и на ходу решать, что делать дальше. В этом-то и есть главная беда. А вообще с Великими Заклятиями всегда так, верно? В общем-то, учишься уже в процессе, когда все уже начинает свершаться. И решительно никакой возможности попрактиковаться заранее! — Он поднял глаза. — Ага... вон там! Чувствуешь?

Огион покачал головой.

— Напрягается, — сказал Гелет, а рука его по-прежнему рассеянно и нежно поглаживала землю, как поглаживают порой испуганную корову. — Теперь уже совсем скоро, я думаю. Сумеешь ли ты удержать Ворота открытыми, мой дорогой?

— Постараюсь, но скажи, что будешь делать ты?..

Гелет отрицательно покачал головой.

— Нет, — молвил он. — Времени не осталось. Да и все равно ты ЭТОГО не можешь... — Он все более внимательно прислушивался к тому, что чуял то ли в недрах земли, то ли в воздухе, и был совершенно этим поглощен. Огион тоже начинал чувствовать это сгущавшееся невыносимое напряжение.

Некоторое время они посидели молча, потом кризис миновал, и Гелет немного расслабился, даже улыбнулся.

— Это очень древнее волшебство, — сказал он. — То, чем я буду сейчас заниматься. Жаль, что я раньше мало-вато думал об этом. И жаль, что не передал это умение тебе. Впрочем, мне эта магия всегда казалась несколько грубоватой, примитивной. Жестокой... Да и Она никогда мне не говорила, где научилась своему мастерству. Здесь, конечно, где же еще... В конце концов, на островах существуют самые разные формы знаний...

— Она?

— Ард. Моя учительница. — Гелет поднял на него глаза. По лицу его ничего прочесть было невозможно, но глаза смотрели почти лукаво. — Ты не знал, что это была женщина? Пожалуй, действительно нет. По-моему, я никогда об этом не упоминал... Интересно, то, что она была женщиной, имело какое-то значение для этой магии? Или то, что я мужчина, может повлиять на... Нет, мне кажется, важнее то, в чьем доме мы живем. И кому позволяем входить в этот дом. Все эти вещи... Вот! Вот опять!..

Его внезапно напрягшееся и застывшее в неподвижности тело, его напряженное лицо, взгляд, словно обращенный вовнутрь, вызывали мысли о женщине-роженице, которая прислушивается к усиливающимся схваткам. Именно об этом думал Огион, спросив:

— Господин мой, а что означают твои слова «внутри Горы»?

Спазм прошел; и Гелет ответил:

— То и означают. Внутри ее. Там, близ Йаведа, есть вход. — И он показал Огиону на узловатые холмы внизу. — Я войду внутрь и попытаюсь удержать берег от сползания, ясно? Но сообразить, как именно это сделать, смогу только по ходу дела. А тебе, я думаю, пора вернуться в порт. Дело принимает серьезный оборот. — Он снова умолк; казалось, его терзает невыносимая боль: он весь скорчился и стиснул зубы. Потом с огромным трудом Гелет поднялся на ноги. Не подумав, Огион протянул свою бесплотную руку, чтобы помочь ему.

— Бесполезно, — сказал старый волшебник, усмехнувшись, — ведь ты сейчас не более чем ветер и солнечный свет. А я уже начинаю превращаться в тяжелую землю и камень. И сейчас тебе лучше уйти. Прощай, мой молчаливый Айхал. И постарайся... держать рот открытым! Ясно?

Огион, послушный его воле, вернулся в собственное тело, находившееся в тесноватой комнатке на маяке, но шутку старика понял только тогда, когда, повернувшись к окну, увидел, что Сторожевые утесы готовы вот-вот сомкнуться, точно хищные челюсти.

— Хорошо, — сказал он и принялся за дело.

— Понимаешь, в первую очередь я должен... — старый волшебник по-прежнему обращался к Огиону Молчаливому, потому что это его успокаивало, хотя самого Огиона рядом уже не было, — проникнуть внутрь горы. Но не так, как это делают колдуны-золотоискатели, не просто проскользнуть в какую-нибудь трещину или старую шахту, высматривая и вынюхивая. Нет, мне нужно попасть гораздо глубже. И все время стремиться к центру земли. Не по венам ее с током крови, а прямо по костям. Примерно вот так. — И Гелет, стоя в одиночестве на верхнем пастбище под полуденным солнцем, широко раскинул руки, начиная произносить то Великое Заклинание, которое открывает и все остальные Великие Заклятия.

Он произнес все необходимые слова, но ничего не произошло. Хотя теперь то заклятие, которому некогда,

нарочно произнося его невнятно, научила Гелета его старая учительница, колдунья с горькой складкой у рта и длинными изящными пальцами, было произнесено так, как подобает.

Время шло, но ничего по-прежнему не происходило. И у Гелета хватило времени, чтобы пожалеть о том, что он расстается с этим солнцем и с морским ветерком, и хватило времени, чтобы посомневаться и в силе произнесенного им заклятия, и в себе самом, прежде чем земля вокруг него вдруг встала на дыбы, сухая, теплая, окружив его темной густой пеленой.

Он понимал, что теперь ему следует поспешить, ибо кости земли испытывают боль при малейшем движении, а именно ему предстояло стать ее костями, чтобы иметь возможность направлять и сдерживать подземные толчки. Но поспешить он не смог. Он был ошарашен, сбит с толку, как это всегда бывает при Истинных Превращениях. Он в свое время успел побывать и лисой, и быком, и стрекозой, и знал, каково это — переменить не только свое обличье, но и свою сущность. Но сейчас все было иначе. Больше всего это напоминало какое-то неторопливое увеличение всех частей его тела. «Я расту, расширяюсь», — думал он безо всякого удивления.

Он достал уже до Йаведа, до того места, где была сосредоточена боль земли, ее страдание, и, приблизившись к нему, почувствовал, как в него откуда-то с запада вливается мощный поток сил; ему даже показалось, что это Молчаливый все же пробрался к нему и взял его за руку. И теперь, благодаря установившейся связи с Огионом, Гелет мог послать всю свою силу Горе, чтобы помочь ей выстоять. «Я так и не сказал ему, что назад не вернусь»,— думал он, и это были его последние слова, последние мысли на ардическом языке, последняя человеческая печаль, ибо теперь Гелет проник уже в сердцевину костей Горы. И чувствовал ее огненные артерии, биение ее огромного сердца, и хорошо знал, что ему делать дальше. И он сказал себе и Горе, но уже не на языке людей: «Успокойся, расслабься. Ну-ну, вот так! Держись! Ничего, мы с тобой выстоим!»

И он был спокоен и неподвижен и держался крепко, и один камень цеплялся за другой камень, один земляной слой ложился поверх другого — в огненном чреве Горы...

Именно своего мага Огиона увидели жители порта на крыше сигнальной башни маяка в полном одиночестве, когда крутые улицы города стали выгибаться и извиваться, как змеи, так что булыжники выскакивали из мостовой, а кирпичные стены домов превращались в клубы пыли, а Сторожевые утесы со стонами все тянулись друг к другу, все пытались сомкнуться. И Огион напряженными распростертыми руками словно что-то разводил в стороны, стоя на башне, и в конце концов утесы действительно раздвинулись, разошлись и застыли неколебимо, неподвижно на прежних своих местах. Город еще раз содрогнулся и тоже застыл, успокоился. Это Огион остановил землетрясение, говорили все. Все видели это, и все только об этом и говорили.

— Нет, я был не один, — сказал Огион, когда люди стали восторженно благодарить его. — Со мной был мой Учитель, а с ним — его Учительница. Я смог удержать Ворота открытыми только потому, что Гелет заставил Гору стоять спокойно. — Люди похвалили его за скромность, однако особенно прислушиваться к его словам не стали. Умение слушать — редкий дар, а героев люди обычно выбирают себе сами.

Когда город снова привел себя в порядок, все суда вернулись в гавань, дома были заново отстроены, Огион, спасаясь от славы и похвал, ушел в горы, что возвышались над портом Гонт, и там отыскал маленькую долину, которая называлась Долина Наводящего Порядок (впрочем, Истинное имя этой долины на Языке Созидания было Йавед, как и Истинное имя Огиона было Айхал). Огион бродил по этой долине целый день, словно что-то разыскивая, а вечером лег на землю и заговорил с нею.

— Тебе следовало бы сказать мне. Я бы, по крайней мере, попрощался с тобой, — сказал он и заплакал, и слезы его упали на сухую землю и зеленую траву, и там, где

они упали, образовались маленькие комки мокрой и липкой земли.

Он так и заснул там, на голой земле, ничем не укрывшись и ничего не подстелив под себя, и ничто не отделяло его от этой земли. А на рассвете он прошел по верхней дороге прямо в Ре Альби, даже в деревню не зашел, а сразу свернул к домику старого волшебника, что стоял в стороне от деревни, ближе к Водопаду. Дверь в доме после ухода Гелета так и осталась открытой.

В огороде последние стручки бобов стали просто огромными и жесткими, зато кочаны капусты были просто великолепны. Три несушки бродили, квохча и что-то подбирая на земле, возле запылившегося крыльца — рыжая, коричневая и белая. Серая наседка сидела в курятнике на яйцах. Цыплят видно не было, как и петуха Королька. Король умер, подумал Огион, и, может быть, какой-нибудь цыпленок сейчас уже готовится занять его место. Огиону показалось, что из садика за домом метнулась рыжая лисица.

Он старательно вымел из домика пыль и сухие листья, залетевшие в открытую дверь. Вытащил тюфяк и одеяло Гелета на солнышко, чтобы проветрились, и подумал: «Хороший дом». Потом еще немного подумал и решил: «Пожалуй, мне стоит завести еще несколько коз».

НА ВЕРХНИХ БОЛОТАХ

Остров Семел находится на северо-западе от Хавнора, по ту сторону Пельнийского моря и, стало быть, на юго-западе от Энлада. Это один из крупнейших островов Земноморья, однако о нем известно очень немного, даже сказок и легенд о нем почти не рассказывают. У Энлада богатейшее историческое прошлое, все знают великих героев Энлада. Хавнор всегда славился своим богатством, и даже небольшой остров Пальн тоже имеет собственную, хоть и дурную, славу. А вот на Семеле только и есть, что стада коров и овец, бесконечные леса да крохотные городки, скорее похожие на деревни. Ну и, конечно, огром-

ный уснувший вулкан Анданден, который высится над всем островом.

Когда этот вулкан в последний раз проснулся и заговорил, то к югу от него выпал слой пепла в сто футов толщиной. На Семеле реки и ручьи прокладывают свой путь на юг по высокогорной равнине, то без конца петляя и образуя запруды, то разливаясь и уходя в сторону от основного русла, и тогда земли вокруг превращаются в болотистые низины. Таких низин здесь много; это обширные ровные пространства, на которых полно озер со стоячей водой, деревья встречаются крайне редко и одиноко торчат на фоне далекого горизонта, а люди и вовсе почти не встречаются. Зато здесь, на удобренной пеплом земле, произрастают отличные сочные травы, и жители Семела охотно скармливают их скоту, который пасется сам по себе на этих низменных лугах, где реки и речки служат естественными межами, и жиреет, а потом его отправляют на убой в значительно более людные районы южного побережья.

Как и все крупные горы, Анданден сильно влияет на климат родного острова, как бы собирая вокруг себя облака. Лето на Семеле короткое, а зима длинная, особенно на Верхних Болотах.

Однажды в рано наступающих зимой сумерках на перекрестке двух троп остановился путник, которому ни одна из этих троп не казалась, видно, достаточно надежной. Действительно, это были, скорее, протоптанные коровами проходы в тростниках. А этот человек явно искал какое-то селение, где ему могли бы подсказать, куда идти дальше.

Наконец с вершины последнего холма он увидел разбросанные среди болот дома какой-то деревеньки. Он, собственно, и раньше предполагал, что деревня должна быть недалеко, но, видно, где-то неудачно свернул. Высокие тростники так тесно обступали тропу, по которой он спускался к селению, что даже если в сумерках и мелькал вдали огонек жилья, то как следует разглядеть его сквозь заросли тростников было невозможно. Совсем рядом насмешливо болтала и пела река. Путник так долго был в пути, что вдрызг износил свои башмаки; ему пришлось

обойти практически всю гору, а горные тропы здесь весьма каменистые и покрыты потрескавшейся черной лавой. Подметок на его башмаках, можно сказать, не осталось совсем, и ноги ныли от прикосновений к ледяной и вечно влажной поверхности троп, ведущих через болота.

Быстро темнело. С юга надвигался туман, скрывая небеса, и лишь над неясно видимой вершиной темной громады Анданден звезды светили действительно ярко. В тростниках тихо и уныло посвистывал ветер.

Путник, остановившись на перекрестке, тоже свистнул ветру в ответ.

И вдруг на одной из троп шевельнулось что-то большое, черное, но благодаря своей величине различимое даже в темноте.

— Это ты, моя дорогая? — спросил путник. Он говорил на древнем языке, Языке Созидания. — Улла, Улла, иди ко мне! — позвал он кого-то, и молодая нетель нерешительно сделала шаг или два в его сторону, ибо он назвал ее Истинным именем. Человек тоже сделал несколько шагов ей навстречу и вскоре нащупал в темноте крупную голову коровы и погладил шелковистый лоб между глазами и возле рогов. — Красавица ты моя, красавица! — приговаривал он, вдыхая травяной запах, исходивший от нее, и прижимаясь к ее теплому крутому боку. — Ну что, ты сама поведешь меня, моя милая Улла? Поведешь меня в деревню, да?

Ему повезло: он действительно встретил одну из деревенских коров, а не бродячую, которых здесь тоже было немало и которые способны были бы только завести его еще глубже в болото. Дело в том, что молоденькая Улла просто очень любила прыгать через ограду и уходить на просторный луг. Однако, немного побродив на свободе, она всегда вспоминала о милом хлеве и о матери, от которой ей все еще перепадало порой немного молока; так что теперь она охотно повела путника в деревню. Она шла медленно, но целеустремленно по одной из едва заметных тропок, и он послушно следовал за ней, время от времени обнимая ее и поглаживая по крупу — когда позволяла ширина тропы. Когда корова переходила вброд какой-нибудь ручей, он хватался за ее хвост. Вскарабкав-

шись на невысокий скользкий глинистый бережок, Улла встряхивалась и старалась высвободить свой хвост, но все же всегда ждала, пока человек, оказавшийся еще более неуклюжим, чем она сама, не взберется на берег. Потом она снова неторопливо пускалась в путь, а он все жался к ее теплому боку, ибо промокал насквозь почти в каждом встречном ручье и весь дрожал от холода.

— Му-у, — сказала вдруг негромко его провожатая, и путник увидел скрытый пеленой тумана небольшой желтый прямоугольник освещенного окна чуть ли не рядом с собой, слева.

— Спасибо тебе, Улла! — сказал он, открывая для нее ворота, и молодая корова пошла здороваться с матерью, а человек побрел через темный двор к дверям дома и постучался.

Постучаться должен был Берри, однако, услышав стук в дверь, она была почти уверена, что никакой это не Берри, но все же крикнула:

— Да входи же, дурачок! — Но стук раздался снова, и она отложила свое рукоделье и подошла к двери. — Ты что, настолько пьян, что собственную дверь открыть не можешь? — проворчала она, отворила дверь и увидела незнакомца.

Сперва она решила, что это сам король, или какой-то знатный лорд, или великий Махарион из героических песен — такой он был высокий, стройный, красивый. Потом передумала: незнакомец был больше похож на нищего — жалкий, в грязной одежде, дрожащий от холода...

— Я сбился с пути, — сказал он. — Это ведь какая-то деревня, да? — Голос у него был грубый, охрипший, голос нищего бродяги, но вот выговор совсем иной.

— Деревня в полумиле отсюда, — сказала Гифт.

— А гостиница там есть?

— Нет. Гостиница есть только в Ораби, а это еще миль десять-двенадцать к югу. — И она быстро предложила: — Если тебе, господин мой, переночевать нужно, то у меня свободная комната найдется. Или еще у Сана можно, он-то как раз в деревне живет.

— Спасибо, я бы с удовольствием здесь остался, — сказал он вежливо. Ну точно, принц! А сам-то едва на ногах стоит, даже за дверной косяк цепляется, чтобы не упасть, и зубы так и стучат!

— Ты башмаки-то сними, господин мой, — сказала Гифт. — Вон они у тебя насквозь промокли, вода так и чавкает! А потом в дом проходи. — Она отступила в сторонку, давая ему пройти, и предложила: — Да ты к огню поближе устраивайся, — она буквально заставила его сесть на место Брена рядом с очагом. — Ты поленья-то кочергой повороши, огонь и разгорится. А супу не хочешь? Еще горячий.

— Спасибо, хозяюшка, с удовольствием, — пробормотал он, скорчившись у огня. Она принесла ему чашку бульона, и он выпил его, хотя и довольно осторожно, словно давно отвык от горячего.

— Ты из-за горы, господин мой?

Он кивнул.

— А сюда зачем пришел?

— По необходимости, — туманно ответил он. Дрожь у него начинала понемногу проходить. Но на его босые ноги было жалко смотреть — все исцарапанные, изодранные, распухшие. Ей хотелось сказать, чтобы он придвинул ноги как можно ближе к огню, но она не осмелилась. Кто бы он ни был, он явно стал нищим не по собственной воле.

— Немногие приходят сюда, на Верхние Болота, по своим-то делам, — сказала она. — Разве что коробейники забредают. Да и то в зимнее время редко.

Он допил бульон, и Гифт унесла чашку. А потом снова уселась на прежнее место, на табуретку справа от очага, поближе к масляному светильнику, и снова взяла в руки шитье.

— Ты хорошенько погрейся, господин мой, а потом я покажу тебе, где можно лечь, — сказала она. — В той комнате очага-то нет. А что за погода на перевале? Говорят, там уж и снег выпадал?

— Да так, отдельные хлопья кружились, — кивнул он. Теперь, в свете лампы и очага, Гифт хорошо его рассмотрела. Оказалось, что он не так уж и молод, худой и не

очень высокий, но лицо у него было действительно красивое, тонкое, хотя, на ее взгляд, чего-то в нем не хватало. А может, взгляд у него был какой-то... неправильный? В общем, подумала она, выглядит он, пожалуй, как конченый человек. Или сломленный.

— Так все-таки зачем ты на Верхние Болота пожаловал? — снова спросила она. Она имела право это спросить, поскольку пустила его в свой дом и оставила ночевать, и все же ей было неловко, что она так пристает к нему с этим вопросом.

— Мне сказали, что тут у скота ящур. — Теперь, когда он стряхнул с себя путы холода, голос его звучал просто изумительно: как у сказителей, когда они рассказывают всякие истории о героях древности или о повелителях драконов. Так, может, он сказитель или певец? Да нет, он же о ящуре говорил!

— Да, болеет скот, сильно болеет!

— Что ж, возможно, я сумею помочь вашим животным.

— Так ты лекарь, господин мой?

Он кивнул.

— Ой, вот уж в деревне обрадуются! Ящур-то у нас прямо-таки косит скот.

Гость промолчал, но Гифт так и чувствовала, как тепло постепенно освобождает его тело и душу.

— Ты ноги-то к огню протяни, — ласково посоветовала она ему. — У меня где-то были старые мужнины башмаки... — Ей нелегко было произнести эти слова, но когда она их произнесла, ей тоже сразу стало легче, словно и ее тоже внутренне освободили. Интересно, между прочим, для чего она так долго хранит старые башмаки Брена? Берри они оказались чересчур малы, а ей самой слишком велики. Всю одежду Брена Гифт давно раздала, а вот башмаки почему-то оставила. Странно. Может, как раз для этого незнакомца? Все возвращается на круги своя, если терпение иметь, думала она. — Я вот их разыщу да в порядок приведу, может, они еще тебе сгодятся, — сказала она. — Твои-то совсем развалились, господин мой.

Он быстро на нее глянул. Глаза у него были большие, темные и непонятные, точно у лошади; и прочесть что-либо по ним она не смогла.

— Муж-то мой умер, — пояснила она. — Два года назад. От болотной лихорадки. Здесь этого и тебе остерегаться придется. Вода здесь гнилая. А я с братом живу. Он в деревню пошел, в таверну. Мы с ним молочных коров держим. Я сыр делаю. У нас тут трава очень хорошая, — и она особым образом сложила пальцы — от сглаза. — Я своих коров рядом с домом держу. На дальних-то пастбищах ящур прямо свирепствует. Может, как настоящие-то холода наступят, ему и конец придет?

— Вряд ли. Скорее, он успеет всех животных тут уничтожить, чем сам от холода погибнет, — сказал гость. Голос у него звучал несколько сонно.

— Меня Гифт зовут, — сказала она. — А моего брата Берри.

— Хорошие имена — Дар и Ягодка. А я — Чайка, — представился он, помолчав, и она поняла, что это имя он только что придумал, хотя оно ему совершенно не подходит. Да и вообще все в нем как-то не подходило одно к другому; как ни старайся, а целостного впечатления не получалось. И все же никакого недоверия к нему Гифт не испытывала. Ей с ним было легко и просто. Он явно не желал ей зла. И он, похоже, добрый — ведь как хорошо говорил о животных! Должно быть, запросто с ними общий язык находит. Да и сам он чем-то на зверька похож, на раненого зверька, которому нужна защита, да только он попросить об этом не может.

— Пойдем, — сказала она, — не то прямо здесь заснешь. — Он послушно пошел за нею в комнату Берри, представлявшую собой, собственно, клетушку, выгороженную в одном из углов дома. А себе Гифт устроила комнатку за печкой. Берри, конечно, явится пьяным, думала она, так что можно ему тюфяк прямо на пол у очага постелить. А этот бедолага пусть хоть одну ночку отдохнет по-человечески. Может, он еще и грош или два ей оставит. Гифт в те дни ужасно не хватало денег.

Он проснулся, как всегда в Большом Доме, и никак не мог понять, почему потолок такой низкий, а воздух, хотя и свежий, пахнет какой-то кислятиной и почему за стеной блеют овцы и мычат коровы? Некоторое время при-

шлось полежать совершенно неподвижно и постепенно вернуться в эту ДРУГУЮ жизнь, в это другое место, в дом этой другой женщины. И еще он никак не мог вспомнить свое новое имя, хотя вчера вечером назвал его — той телке, что вывела его на дорогу, или той женщине, что его приютила. Свое Истинное имя он помнил, но от этого проку не было никакого; это имя называть не стоило нигде. И еще он помнил долгий путь по черным, залитым лавой тропам, крутые склоны горы и обширную зеленую страну, раскинувшуюся вдруг перед ним, всю изрезанную речками и речными рукавами, в которых на солнце так и сверкала вода. Дул холодный ветер, свистел в тростниках, и молодая корова вела его в деревню, без конца переходя вброд холодные речки и ручьи... А потом Эмер открыла перед ним дверь своего дома. Он сразу узнал ее подлинное имя; взглянул ей в лицо и сразу понял. Однако пришлось называть ее иначе, Гифт, да и нельзя было ему, незнакомцу, сразу назвать ее Истинным именем... Вот еще хорошо бы вспомнить, каким именем он сам назвался! Называться Ириотхом он не должен, хотя он действительно Ириотх. Но, возможно, со временем станет совсем другим человеком и будет зваться иначе. Нет, это неправильно; он должен быть самим собой. Ноги у него ныли от долгой ходьбы, а израненные подошвы так болели, что к ним было не прикоснуться. Зато кровать была хороша! С периной, теплая, и не нужно было немедленно вставать и спешить куда-то, так что он еще немного подремал, забывая во сне, что он Ириотх и ему нужно от этого избавляться.

Когда пришлось все же встать, то он никак не мог вспомнить, сколько ему сейчас лет. Он долго изучал свои руки, пытаясь понять, не семьдесят ли ему, хотя выглядел он по-прежнему на сорок, зато чувствовал себя на все семьдесят пять, да и двигался, как старик, — постанывая. Оделся он с трудом; после стольких дней ходьбы одежда была ужасно грязная. Под стулом он обнаружил вполне крепкие башмаки и вязаные шерстяные носки. Он натянул носки на истерзанные стертые ноги и прохромал в

кухню. Эмер стояла у большого таза и отжимала что-то тяжелое, завернутое в тряпицу.

— Спасибо большое за носки и башмаки, — сказал он и, благодаря ее за этот дар, вспомнил, что таково значение ее имени, но говорить об этом не стал, только прибавил ласково: — Хозяюшка!

— Пожалуйста, — откликнулась она, вытряхнула творог из тряпицы в просторную глиняную миску и вытерла руки о фартук. Он совсем ничего не понимал в женщинах. И не жил с ними в одном доме с десяти лет. А тогда, в детстве, он этих женщин даже боялся, потому что они вечно кричали, чтобы он убирался прочь и не крутился под ногами, — все это было когда-то давным-давно на огромной кухне... Впрочем, за время своих странствий по Земноморью он не раз встречался с женщинами и обнаружил, что ему с ними так же легко, как с животными. Женщины обычно продолжали заниматься своими делами, не обращая на него особого внимания, если только он их не пугал. И он старался никогда этого не делать. У него не было ни желания, ни причины пугать их. Они же не были мужчинами.

— Свеженького творога не угодно? Очень хорошо на завтрак! — Она глянула на него и тут же отвела глаза, на его взгляд не ответила. Точно животное, точно кошка, присматривалась к нему осторожно, без вызова. Кстати, кот в доме был, большой, серый; сидел себе у самого очага, подобрав лапки, и смотрел на угли. Ириотх принял из рук женщины миску с творогом и ложку и сел на тот же сундучок, что и вчера. Кот тут же прыгнул к нему, замурлыкал и стал тереться о плечо.

— Нет, вы только посмотрите на этого кота! — удивилась Гифт. — Он же у нас ни к кому не подходит!

— Это он просто творогом интересуется.

— А может, своего чует?

Ириотх промолчал. В обществе этой женщины и этого кота ему было удивительно тепло и уютно. Он пришел в хороший дом!

— На улице холод! — сообщила ему Гифт. — С утра вся тропинка обледенела. А ты что ж, господин мой, сегодня дальше пойдешь?

Повисло неловкое молчание. Ириотх совсем забыл, что должен отвечать с помощью слов.

— Я бы остался, если можно, — неловко выговорил он. — Здесь бы остался.

Он заметил ее улыбку, но все же было видно, что она колеблется. Помолчав, она все же сказала:

— Ну что ж, пожалуйста, господин мой, но тогда мне придется спросить: ты мне хоть немного заплатить-то сможешь?

— О да, конечно! — смутился он, вскочил и прохромал в ту комнату, где спал, чтобы взять свой дорожный мешок. Оттуда он достал монетку и протянул ее хозяйке. Это была маленькая энладская золотая монетка с королевской короной.

— Мне бы только чтоб на еду да на топливо хватило... — извиняющимся тоном пояснила Гифт. — А торфяные брикеты теперь стали такими дорогими... — Она взглянула на монетку, которую он сунул ей в руку, и растерянно охнула. Он тут же понял, что совершил ошибку. — Ой, господин мой! Да ведь никто в деревне золотой и разменять-то не сможет! — Какое-то время она смотрела прямо на него. Потом вдруг рассмеялась. — У нас хоть всех жителей вместе собери, и то они настоящий золотой не разменяют! — Значит, все-таки все было в порядке, хотя слово «разменять» упорно продолжало звучать у него в ушах.

— Так ведь и я ее ни на что не разменивал, — сказал он, но понял, что она-то имела в виду нечто совсем иное. — Прости меня, хозяюшка, — сказал он. — Ну а если бы я, скажем, остался у тебя на месяц или на всю зиму, тогда этого было бы достаточно? Мне ведь все равно нужно где-то жить, пока я буду ваших животных лечить.

— Ну и спрячь свою монету подальше, — сказала Гифт, снова рассмеявшись, но уже совсем по-другому, и беспечно махнув рукой. — Если сможешь скотину вылечить, так тебе хозяева заплатят, тогда ты мне должок и отдашь. Можешь считать, что дал мне эту монету в залог, если хочешь, но только спрячь ее пока что, господин мой! У меня даже голова кружится, когда я на нее смотрю. Да и

Берри мой... — начала было она и умолкла, потому что в дверях вместе с клубами морозного воздуха появился сухощавый, молодой еще человек, двигавшийся несколько неуверенно. — Берри, этот господин будет жить у нас и лечить здешний скот. Да пошевеливайся ты! Между прочим, он мне залог дал. Так что ты будешь спать вон там, за камином, а он — в твоей комнате. — И она повернулась к Ириотху. — Это мой брат Берри, господин мой.

Берри поклонился и пробормотал что-то невнятное. Глаза его смотрели тупо. Казалось, он чем-то одурманен или отравлен. Когда он снова вышел из комнаты, женщина подошла к Ириотху и сказала тихо, но твердо:

— Берри, он вообще-то неплохой, только пьет сильно, весь насквозь спиртным пропитался. Винище-то ему все мозги и съело, а также — почти все наше добро в доме. Так что, господин мой, сам понимаешь: лучше тебе спрятать денежки туда, где их Берри найти не сможет! Искать-то деньги он, пожалуй, не станет, но уж если увидит, так точно пиши пропало! Да он зачастую и не соображает, что делает.

— Да, — сказал Ириотх, — я понимаю. А ты — добрая женщина. — Ему казалось, что Гифт говорит не о брате, а о нем, о том, что это он не соображает, что делает. И прощает его. — И добрая сестра. — Подобные слова были для него совершенно непривычными, он никогда раньше не произносил таких слов, они даже в голову ему не приходили. На мгновение он даже подумал, что произносит их на Языке Созидания, но это было невозможно: говорить на этом языке вслух он права не имел. А Гифт в ответ только пожала плечами и хмуро улыбнулась.

— Мне порой этому дурню просто голову оторвать хочется, — сказала она незло и вернулась к своей работе.

Ириотх понятия не имел, насколько он измучен и устал, пока не оказался в этом доме. Весь день он просидел у очага в обществе серого кота, погрузившись в полудремоту, а Гифт сновала туда-сюда, занимаясь привычными делами, и несколько раз предлагала ему поесть — то была грубоватая и довольно убогая пища, но он съедал все, съедал медленно, наслаждаясь каждым глотком. С наступле-

нием вечера ее братец снова ушел, и она сказала со вздохом:

— Ну вот, теперь он заново счет в таверне откроет: вся деревня уже знает, что у нас постоялец есть. Но это я не к тому, господин мой, что ты виноват в чем-то...

— Да нет, — возразил Ириотх, — я, конечно же, виноват! — Но она на него не сердилась, да и серый кот теплым боком привалился к его бедру и спал. И кошачьи сны проникли в его душу — низменные луга, где он разговаривал с той коровой, какие-то затянутые пеленой сумерек места... Кот скользнул туда, и Ириотх вдруг почувствовал запах и вкус молока, и его охватило какое-то глубокое, пронзительно нежное чувство. А вот чувство вины исчезло совсем, осталось лишь ощущение полнейшей невинности. И еще там не было никакой необходимости в словах. И уж там бы они его ни за что не нашли! Ведь отсюда-то он бы исчез, и здесь не было бы никого, кроме женщины, спящего кота и потрескивающего пламени в очаге. Он поднялся по черным тропам мертвой горы и оказался среди зеленых пастбищ, где неторопливо бежали живые ручьи...

Он, конечно же, был не в своем уме, и Гифт понять не могла, как это ей в голову пришло позволить ему остаться, и все же она не чувствовала по отношению к нему ни страха, ни недоверия. А впрочем, какая разница, даже если у него и с головой что-то не в порядке? С ней он был очень вежлив и любезен и, наверное, был когда-то настоящим волшебником, прежде чем с ним что-то там приключилось. Ну и ладно. Не сумасшедший же он, в конце концов. Он действительно бывает как бы безумен — но только изредка, в отдельные моменты. И ничего-то в нем целого, даже его безумие какое-то непостоянное! Он, например, не смог вспомнить то имя, Чайка, которым сперва назвался ей, и велел людям в деревне называть его Отаком. Он, возможно, и ее имя не сумел запомнить; во всяком случае, он всегда называл ее только «хозяйкой» или «хозяюшкой». А может, это он просто из вежливости? Она-то ведь тоже из вежливости по-прежнему обращалась к нему «господин мой», тем более что такие имена, как Чайка или Отак, ему совершенно не подходили. Она слышала, что отак — это такой маленький зверек с острыми зубами и очень молчаливый, но на Верхних Болотах таких зверьков не водилось.

Гифт подумала даже, что все разговоры ее постояльца о том, что он явился сюда, чтобы лечить скот от страшной болезни, — это тоже одно из свидетельств его помешательства. Он вел себя совсем не так, как прочие целители, которые всегда тащили с собой целый мешок всяких снадобий и целебных мазей для животных, а также хвалились, что знают «особые» заклятия. А этот, отдохнув пару дней, спросил ее, где ему найти хозяев скота, и ушел, надев старые башмаки Брена и прихрамывая, потому что его стертые и израненные ступни зажить еще не успели. У нее прямо сердце сжалось, когда она увидела, как сильно он хромает.

Вернулся он только вечером, хромая еще сильнее, потому что Сан, разумеется, потащил его прямо на Долгий Луг, где паслась большая часть его бычков. В деревне ни у кого не было лошадей, только у Олдера, и эти лошади были предназначены исключительно его собственным пастухам. Гифт подала своему постояльцу чистое полотенце и налила в таз горячей воды, велев ему хорошенько отмыть и отогреть израненные замерзшие ноги, а потом подумала немного и спросила, не хочет ли он и сам вымыться, и он очень даже захотел. Так что они нагрели воды и налили в старую бочку, и она ушла к себе в комнатку, пока он мылся у очага. Когда Гифт вышла оттуда, все было уже убрано, пол вытерт насухо, а полотенца аккуратно повешены над очагом. Она никогда не видела, чтобы кто-то из мужчин занимался уборкой, и тем более не ожидала этого от своего постояльца: ей все время казалось, что в прошлом он был человеком богатым и знатным. Неужели там, откуда он пришел, у него не было слуг? Да и вообще — беспокойства от него было не больше, чем от ее серого кота. Он сам стирал себе одежду и даже простыни, на которых спал, однажды выстирал и развесил на солнышке, так что она даже и заметить не успела, когда он все это сделал.

— Ну а за стирку-то ты чего принялся, господин мой? — удивилась она. — Я бы заодно со своим и твое все постирала!

— Незачем, — ответил он с тем отстраненным видом, как если бы не совсем понимал, о чем она ему толкует; но потом прибавил: — У тебя и так слишком много дел.

— А у кого их мало, господин мой? Да к тому ж мне нравится сыры делать. Интересное это дело. А я сильная! Я боюсь только одного: старости, когда уж не смогу поднимать ведра с молоком и формы для сыра. — И она показала ему свои полные крепкие руки, сжала кулак, демонстрируя мускулы, и улыбнулась. — Вон какая я сильная! А ведь мне уже пятьдесят! — Было довольно глупо хвастаться своим возрастом, но она гордилась тем, что сохранила и силу в руках, и энергию, и мастерство.

— Вот и хорошо! — сказал он.

А уж с ее коровами как он замечательно обходился! Когда он по ее просьбе помогал ей в коровнике, заменяя Берри, то — как она, смеясь, рассказывала своей подружке Тауни — коровы слушались его лучше, чем старого пастушьего пса Брена. «Он с ними разговаривает, и, клянусь, они понимают, что он им говорит!» — восхищалась Гифт. Она не знала, как он там, на верхних пастбищах, лечит бычков, но все хозяева отзывались о нем очень хорошо. Хотя, конечно, они-то готовы были ухватиться за любое предложение о помощи. У Сана погибла уже половина стада. Олдер даже и сказать не мог, сколько голов скота он уже потерял. Туши мертвых животных валялись повсюду. Если бы не холода, все Болота давно провоняли бы тухлятиной. Воду сырой пить было невозможно, ее необходимо было кипятить в течение часа; чистой оставалась вода только в двух глубоких колодцах — в усадьбе Гифт и в том колодце, где бил родник, давший деревне ее название.

Однажды утром к ней во двор прискакал верхом один из пастухов Олдера, ведя в поводу оседланного мула.

— Господин Олдер сказал, что господин Отак может взять этого мула, потому что до Восточного Пастбища отсюда миль десять-двенадцать, — сказал молодой пастух.

Утро было ясное, но болота скрывала сияющая дымка испарений. Вершина Анданден словно плыла над этой туманной дымкой и, казалось, то и дело меняла свою форму на фоне северного края небес.

Целитель ничего не ответил пастуху, а направился прямиком к мулу, или, точнее, к лошаку, поскольку это был отпрыск большой ослицы, принадлежавшей Сану, и белого жеребца из конюшни Олдера. Молоденький лошак был симпатичным белоснежным животным с приятной мордой. Отак подошел к лошаку и с минуту что-то шептал ему прямо в изящное ухо, ласково почесывая лоб животного.

— Вот он всегда так говорит с ними, — сказал пастух. Он смотрел на целителя восхищенно и в то же время чуть пренебрежительно. Гифт хорошо его знала: это был один из дружков Берри, тоже большой любитель выпить, но, в общем, парень неплохой.

— А лечит-то он как? — спросила она пастуха.

— Ну, эпидемию-то он, конечно, сразу остановить не сможет... Но, похоже, вылечивает тех, у кого еще вертячка не началась. А тех, что еще не заболели, говорит, что и вовсе убережет. Так что хозяева-то за ним прямо бегают; просят поехать и туда, и сюда, чтобы сделал хоть что-нибудь. Для многих, правда, уж слишком поздно оказывается.

Отак проверил стремена, отпустил немного уздечку и вскочил в седло не то чтобы очень ловко, но так, что лошак не выказал ни малейшего нетерпения. И даже повернул к наезднику свою длинную красивую морду и ласково посмотрел на него своими прекрасными темными глазами. И Отак ему улыбнулся! Гифт еще ни разу не видела, чтобы он улыбался!

— Ну что, поехали? — сказал он пастуху, который тут же тронул свою маленькую кобылку, махнув Гифт на прощанье рукой. Кобылка фыркнула, словно тоже прощаясь. Целитель двинулся следом за пастухом. Лошак, длинноногий и изящный, шел легко, его белая шкура прямо-таки сияла в утреннем свете, и Гифт вдруг подумала, что ее

постоялец сейчас очень похож на принца из сказки. Потом наездники нырнули в светящийся туман, висевший над покрытыми снегом полями, и растворились в нем.

На пастбищах работы хватало. «А у кого дел мало?» — спросила его тогда Эмер, показывая свои округлые сильные руки с натруженными, загрубелыми, покрасневшими пальцами. Олдер очень рассчитывал, что целитель останется на Верхних пастбищах до тех пор, пока не осмотрит всех бычков в его огромных стадах, и послал ему в помощь еще двух пастухов. Пастухи устроили что-то вроде шалаша — набросали на землю побольше сухой травы и тростника и над этой подстилкой сделали двускатный навес. Топлива для костра на болотах практически не было, только ветки низкорослого редкого кустарника да сухой тростник, и такого огня едва хватало на то, чтобы вскипятить воды, а уж о том, чтобы согреться, можно было только мечтать. Пастухи постарались согнать животных в стадо, чтобы Отаку легче было их осматривать и не бегать за каждым по отдельности, потому что обычно бычки разбредались по всему пастбищу в поисках корма — сухой подмерзшей травы. Но удержать животных вместе оказалось им не под силу, и они сердились и на бычков, и на целителя, который делал все слишком медленно. А он все удивлялся тому, как нетерпеливы пастухи в обращении с животными и считают их чем-то вроде неодушевленных предметов, так сплавщики леса обращаются с бревнами — просто с позиции силы.

Впрочем, у них и по отношению к нему терпения не хватало, и они все покрикивали на него, требуя, чтобы двигался быстрее и поскорее кончал бы с «этой мутотой». Они и друг на друга постоянно огрызались, и на собственную жизнь без конца злились, а если и вели друг с другом какие-то мирные разговоры, то всегда о том, как будут развлекаться в ближайшем городе, Ораби, когда получат жалованье. Ириотх немало выслушал историй об определенных достоинствах шлюх из Ораби, Дейзи и Голди, и еще какой-то особы, которую они называли довольно странно: Купина Неопалимая. И он был вынужден

слушать все это, сидя с ними рядом у костра, потому что всем им было необходимо хотя бы немного согреться, но сидеть ему рядом с ними совсем не хотелось. Он чувствовал в них некий неясный страх по отношению к нему, колдуну, а также — определенную ревность, но сильнее все же было их неосознанное презрение к нему, потому что он был гораздо старше и потому что он был иным. Совершенно не таким, как они. Со страхом и ревностью он был знаком хорошо и старался их избегать, да и презрение он помнил. И был очень рад, что не похож на этих людей, что они не воспринимают его как своего, что они даже разговаривать с ним не хотят. И он очень боялся, что как-нибудь не выдержит и согрешит против них.

Он вставал очень рано, как только занимался ледяной рассвет и пастухи еще спали, завернувшись в свои одеяла. Он знал, где пасется скот, и сразу отправлялся туда. Теперь он уже очень хорошо познакомился с особенностями проклятой болезни и чувствовал ее присутствие в животном как легкое жжение или покалывание в руках, а иногда как дурноту, если болезнь успела зайти слишком далеко. Однажды, приблизившись к быку, который уже лежал на земле, он обнаружил, что вот-вот сам потеряет сознание, так сильно закружилась у него голова, а потом его просто вырвало. Больше он к этому животному не сделал ни шагу, но произнес слова, способные облегчить его последние часы, и перешел к осмотру других бычков.

Быки позволяли ему подходить к ним, хотя были почти дикими, а от людей не видели ничего хорошего, только процедуру кастрации и нож мясника. Ириотху было очень приятно, что они ему доверяют; он даже в какой-то степени гордился этим доверием. Гордиться, конечно, не следовало, но он все-таки гордился. Например, если ему нужно было ощупать одного из быков, то достаточно было немного поговорить с этой громадиной на том языке, которым пользуются все, даже и бессловесные твари. «Улла, — говорил Ириотх, называя быков их Истинными именами. — Эллу. Эллуа». И они стояли спокойно, огромные, ко всему равнодушные, но некоторые иногда подолгу смотрели на него. А иногда сами подходили к нему своей вольной величественной походкой и ласково дышали в его открытую ладошку. Всех тех, что подходили к

нему сами, он вылечить сумел. Он прижимал ладони к их покрытым жесткой шерстью горячим бокам или шее и посылал им исцеление через свои руки вместе со словами волшебного заклятия, которое произносил снова и снова. И через некоторое время животное вздрагивало, или наклоняло голову, или делало шаг вперед, и тогда Ириотх опускал руки и некоторое время стоял неподвижно, совершенно опустошенный и отупевший. А потом к нему подходил следующий огромный зверь, любопытный, застенчиво-храбрый, с грязной шкурой, и проклятая болезнь жила в нем и ощущалась покалыванием и жжением в ладонях, а иногда — головокружением. «Эллу», — говорил Ириотх быку и прижимал к его бокам свои ладони, и не опускал их так долго, что они леденели на холодном ветру, словно он опустил их в горный ручей, бегущий с заснеженной вершины.

А пастухи все обсуждали, можно или нет есть мясо быков, павших от ящура. Запасы пищи у них и с самого начала были не особенно велики, а теперь и вовсе подходили к концу. И вот, не желая скакать верхом двадцать или тридцать миль, чтобы пополнить запасы продовольствия, пастухи решили вырезать язык одного из только что умерших быков.

Ириотх, все время с трудом заставлявший их хотя бы кипятить воду, которую они пили, сказал:

— Если вы будете есть это мясо, то примерно через год у вас начнутся головокружения. А закончится все слепотой, как и у этих быков, и точно такой же, как у них, смертью.

Пастухи ругались и презрительно фыркали, но ему все же верили, хотя он понятия не имел, действительно ли все это будет именно так, как он им сказал. Но когда он это говорил, ему казалось, что он говорит правду. Возможно, ему хотелось их напугать. А возможно — отделаться от них.

— Слушайте, вы возвращайтесь назад, — сказал он им наконец, — а я пока здесь останусь. Для одного тут еды еще дня на три-четыре хватит. А потом лошак сам меня назад доставит.

Уговаривать их не пришлось. Они так и помчались

прочь, бросив все — свои одеяла, палатку, железный горшок.

— Как же мы все это в деревню доставим, а? — спросил Ириотх у лошака. Тот с грустью посмотрел вслед двум ускакавшим лошадям и тихонько заржал, словно говоря, что ему без них будет скучно.

— Но мы должны закончить работу, — сказал лошаку Ириотх, и тот посмотрел на него ласково и понимающе. Все животные были терпеливы, но терпение лошадей и их ближайших родственников было, пожалуй, сродни покорности. Вот собаки были типичными иерархами, разделявшими мир на правителей и простых людей. Лошади же все считали себя лордами и вполне соглашались на тайный сговор с людьми. Ириотх помнил, как еще малышом ходил между мохнатыми ногами огромных тяжеловозов и ничего не боялся. Он помнил теплое успокаивающее дыхание лошадей у себя на макушке. Это было очень, очень давно... Он обнял своего красавца-лошака и еще немного поговорил с ним, называя его «мой дорогой», нежно оглаживая и всячески давая ему почувствовать, что он не один.

Ириотху понадобилось еще шесть дней, чтобы осмотреть все стада на восточных болотах. Последние два дня он ездил верхом, высматривая разбросанные по пастбищам у подножия горы отдельные группки животных. Многие из них еще не успели подхватить заразу, и он сумел защитить их. Он ездил без седла, и белый лошак старался, чтобы езда для ездока была легкой. Однако еды у Ириотха совсем не осталось. Когда он возвращался в деревню, от голода у него кружилась голова и подгибались ноги. И он лишь с огромным трудом добрался домой от конюшни Олдера, где оставил своего лошака. Эмер очень ему обрадовалась, но сначала даже немного поругала и сразу попыталась как следует его накормить, но он объяснил ей, что много есть ему пока что нельзя.

— Пока я был там, среди больных животных, я и сам чувствовал себя больным, — пояснил он. — Через некоторое время я снова смогу нормально есть.

— Ты просто сумасшедший! — воскликнула Гифт сердито, но то был сладостный гнев. Интересно, почему дру-

гие разновидности гнева никогда не вызывают столь сладкого чувства? — подумала она и уже спокойнее предложила: — Тогда хоть вымойся, по крайней мере.

На это он охотно согласился и поблагодарил ее, понимая, что весь провонял хлевом и потом.

— А что тебе Олдер обещал заплатить за такую работу? — спросила она, пока грелась вода. Она была все еще сердита и потому вопросы задавала куда смелее, чем обычно.

— Не знаю, — ответил он.

Она так и застыла, уставившись на него.

— Так ты что ж, и плату не назначил?

— Как это — плату? — Он даже вспыхнул от возмущения. Но потом вспомнил, что больше не является тем, кем был когда-то, и смиренно пояснил: — Нет. Не назначил.

— Вот уж глупо! — окончательно рассердилась Гифт. — Он же тебя как липку обдерет! — Она вылила полный чугунок кипящей воды в бочку. — У него слоновая кость есть, — сказала она. — Скажи ему, пусть слоновой костью платит. За то, что ты там на холоде голодный целых десять дней проторчал с его скотиной! У Сана-то ничего нет, кроме жалких медяков, а вот Олдер тебе слоновой костью вполне заплатить может. Ты уж меня прости, что я в твои дела вмешиваюсь, господин мой! — И она хлопнула дверью, отправившись с двумя ведрами к колодцу. Водой из ручья она не пользовалась совсем, понимая, что это опасно. Она вообще была мудрой и доброй женщиной. И почему это он так долго жил среди тех людей, которые не были ни добрыми, ни по-настоящему мудрыми?

— Это еще надо посмотреть, — сказал ему на следующий день Олдер, — выздоровели ли мои животные. Если они зиму переживут, тогда и станет понятно, хорошо ли ты их лечил. И не то чтобы я тебе не верил, но ведь так будет по справедливости, верно? Ты же не станешь просить у меня плату, если лечение твое не помогло и быки все-таки помрут? Не станешь собственную удачу отпугивать? Но и я тебя не заставлю ждать так долго безо всякой

платы. Так что вот тебе задаток, а остальное потом, когда все между нами решено будет.

Монеты он даже в кошелек не положил! И Ириотху пришлось стоять с протянутой рукой, в которую скотовладелец одну за другой опустил шесть медных монет.

— Нут вот! Теперь все по справедливости! — заявил он. — А может, ты завтра или послезавтра посмотришь еще и моих телят на Долгом Лугу?

— Нет, — ответил Ириотх. — Стадо Сана, когда я уезжал, уже спускалось с верхних пастбищ. Я буду нужен там.

— А вот тут ты ошибаешься, господин Отак! Пока ты на восточных болотах был, сюда явился один колдун-целитель — он тут уже бывал раньше, он с южного побережья, — вот Сан его и нанял. А ты работай на меня, и я тебе хорошо заплачу. Впоследствии. И, возможно, не просто медными монетами! Если, конечно, животные будут чувствовать себя хорошо.

Ириотх не сказал ни «да», ни «нет», ни «спасибо», а просто молча повернулся и пошел прочь. Скотовладелец некоторое время смотрел ему вслед, потом злобно сплюнул и пробормотал:

— Чтоб тебя!

Впервые в душе Ириотха поднялось такое беспокойство, какого он не испытывал с тех пор, как пришел на Верхние Болота. И как он ни старался, тревога не утихала. Кто-то другой, тоже обладающий магической силой, пришел лечить скот, еще один волшебник! Нет, Олдер сказал, что это всего лишь колдун. Не волшебник, не маг. Всего лишь деревенский целитель. Ветеринар. «Мне нечего его бояться. И его магической силы тоже. И я не собираюсь мериться с ним силами. Но я должен его увидеть, чтобы просто удостовериться, чтобы знать наверняка. Если он будет заниматься здесь тем же, чем занимаюсь я, то никакой опасности для меня в этом нет. Мы можем работать вместе. Если и я буду делать то, что делает он... И если он использует только обычное колдовство и никому не желает вреда... Как и я».

Ириотх спустился по извилистой улочке, ведущей к Чистому Колодцу и дому Сана. Сан, крепкий мужчина лет тридцати, стоял на крыльце и разговаривал с ка-

ким-то незнакомцем. Завидев Ириотха, оба явно почувствовали себя неловко. Сан вошел в дом, а незнакомец, помедлив немного, последовал за ним.

Ириотх подошел к дому и поднялся на крыльцо. Но в дом не вошел, а заговорил оттуда, благо дверь была открыта:

— Господин Сан, я, как мы договаривались, насчет того скота, что у вас пасется между речками. Я могу сегодня же туда отправиться и посмотреть животных. — Он и сам не знал, зачем говорит все это. Он ведь собирался совсем не это сказать.

— Ага, — откликнулся Сан, выходя на крыльцо; вид у него был смущенный. — Только ты уж извини, господин Отак, а услуги мне твои больше не нужны. Тут к нам мастер Санбрайт пожаловал, он у нас давно животных лечит. Он и раньше моих животных лечил — и от ящура, и от копытной гнили, и от всего прочего. А ты, господин мой, и так уж выложился — еще бы, в одиночку целое стадо быков вылечил! Олдер-то, поди, доволен! Вот я и решил...

У него из-за спины появился колдун. Истинное имя его было Айетх, и сила в нем была совсем маленькая, испорченная, извращенная невежеством и неправильным использованием, а также — ложью. А вот зависть в нем пылала огнем.

— Я тут дела вот уж лет десять веду, — заявил он, меряя Ириотха взглядом, — и вдруг какой-то тип с севера нагло перехватывает у меня постоянных клиентов! За такое ведь и побить могут. А уж если два колдуна поссорятся, так это всегда плохо кончается. Если только ты колдун, конечно. То есть обладаешь хоть какой-то силой. Вот я, например, ее имею достаточно, и здесь об этом все добрые люди знают.

Ириотх хотел сказать, что ни с кем ссориться не собирается, что работы здесь вполне хватит для двоих, что он и не собирался перехватывать у этого колдуна его «клиентов», но все эти слова мгновенно сгорели, растворились, точно в кислоте, в зависти этого человека, который не пожелал их услышать и сжег их еще до того, как они были произнесены.

Взгляд Айетха становился все более дерзким, когда он

увидел, как Ириотх заикается, пытаясь что-то сказать. Он уже хотел было совсем прогнать этого заику, но тут Ириотх все же совладал с собой и заговорил:

— Ты должен... — сказал он, — ...тебе придется уйти. Назад. — И когда он произнес слово «назад», его левая рука резким рубящим движением опустилась вниз, точно острие ножа, и Айетх, упав навзничь и опрокинув табурет, испуганно уставился на Ириотха.

Он казался всего лишь жалким колдуном, целителем-обманщиком, владевшим несколькими слабенькими заклятиями. Во всяком случае, выглядел он именно так. Но что, если он только притворяется, скрывает свою истинную силу? Что, если это настоящий противник? Да к тому же завистливый? Его необходимо остановить связующим заклятием, назвав Истинным именем... Ириотх уже начал произносить слова связующего заклятия, когда его соперник вдруг вскочил и буквально пополз прочь, припадая к земле, корчась от боли и громко крича тонким, пронзительным, жалобным голосом. «Все неправильно, я снова все делаю неправильно! Это во мне заключено зло!» — сердясь на самого себя, подумал Ириотх. Он остановил действие заклятия, не дав остальным словам вылететь изо рта, силой загнав их обратно, а потом громко выкрикнул совсем другое слово. И этот Айетх упал на землю, трясясь и корчась в собственной блевотине, а Сан в ужасе смотрел на них обоих и все пытался сказать: «Минуй, минуй нас!» — хотя ничего особенно страшного не происходило. Но Ириотх чувствовал, как огонь жжет ему руки, выжигает глаза, и все пытался закрыть лицо руками, а когда он попытался что-то сказать, огонь перекинулся ему на язык, и он упал.

Довольно долго никто не решался к нему притронуться, когда он как подкошенный рухнул на пороге дома Сана. Но Санбрайт сказал, что этот колдун вовсе не мертв, но опасен, как гадюка, а Сан тем временем уже рассказывал всем, как Отак наслал на Санбрайта какое-то ужасное проклятие, из-за которого Санбрайт сперва вдруг стал быстро уменьшаться, треща, точно охапка хво-

роста, брошенная в костер, а потом в один миг снова стал самим собой, только тут его начало буквально выворачивать наизнанку, а вокруг того, второго, Отака, так и разливалось сияние, колдовской такой мерцающий свет, и прыгали тени, а голос его звучал так, как людские голоса не звучат. Ужас да и только!

Санбрайт велел жителям деревни побыстрее избавиться от этого типа, но сам даже не захотел поглядеть, как они это делать будут. Он выпил в таверне пинту пива и сразу пустился в обратный путь по южной дороге, сказав на прощанье, что для двух колдунов здесь места маловато и что он, возможно, еще вернется, но только когда этот человек, или кто он там такой, отсюда уберется.

В общем, к Отаку никто так и не подошел. Все издали смотрели на него, лежавшего по-прежнему без движения, а жена Сана голосила на всю улицу: «Чтоб тебе пусто было! Теперь мой ребенок небось мертвым родится, знаю я вас, колдунов проклятых!»

Берри, услышав в таверне рассказ Санбрайта, а потом и еще несколько версий случившегося — в том числе версию Сана, — сходил за сестрой. Самая интересная из этих версий звучала примерно так: Отак стал ростом футов в десять и, ударив Санбрайта молнией, превратил его в кусок угля, а потом уже у него самого пошла изо рта пена, он весь посинел и упал, как подкошенный, на пороге дома.

Гифт поспешила в деревню. Она прямиком направилась к лежавшему без чувств Отаку, наклонилась и положила руку ему на лоб. Все так и ахнули и принялись бормотать: «Минуй нас!» — и только младшая дочка Тауни что-то перепутала и пропищала: «Давай-давай, тетя Гифт!»

Бесформенная груда на крыльце зашевелилась, и Отак стал медленно подниматься на ноги. И жители деревни увидели, что он все тот же, ничуть не изменился, и никакого пламени изо рта не изрыгает, и никаких пляшущих теней вокруг него не видно, просто выглядит он совсем больным.

— Пойдем-ка, — сказала ему Гифт и повела его потихоньку по улице к своему дому.

Люди вокруг только головами качали. Гифт, конечно,

женщина смелая, но, пожалуй, до безрассудства. А может, она и вовсе не в том смысле смелая, говорили за столами в таверне, это мы еще посмотрим! А все ж никому не стоит с колдунами путаться, особенно если в тебе от рождения никакого магического дара нет. Об этом, конечно, забываешь все время — они ведь, колдуны эти, с виду совсем как обычные люди. Да только они совсем другие! Кажется, к примеру, в таком целителе никакого вреда нет. Вылечит у коровы гнилое копыто или спекшееся вымя, и все хорошо. А встань такому поперек пути — и вот вам, пожалуйста: и пламя, и тени, и проклятия, и судороги всякие... Жуть одна! А этот и вообще всегда недоверие у всех вызывал. И откуда он только взялся такой? Нет, вы скажите, откуда он родом?

Она уложила его на постель, стащила с ног башмаки и велела спать. Берри явился поздно, пьяный в стельку, так что споткнулся и разбил себе лоб о подставку для дров. Весь в крови, страшно злой, он потребовал, чтобы Гифт немедленно прогнала этого колдуна. Потом его вырвало прямо в камин, он рухнул рядом на пол да там и заснул. Гифт оттащила брата в его закуток, уложила на матрас, стащила с ног башмаки и тоже велела спать. А сама пошла посмотреть, как там Отак. Он весь горел, и она положила свою прохладную ладонь ему на лоб. Он тут же открыл глаза, тупо посмотрел на нее и сказал: «Эмер», а потом снова закрыл глаза.

Гифт в ужасе от него отшатнулась.

А позже, уже лежа в постели, все думала: «Наверное, он был знаком с тем волшебником, что нарек меня Истинным именем. Или, может, я случайно произнесла свое имя во сне? Откуда же он его узнал? Ведь его никто не знает и никогда не знал, кроме того волшебника и моей матери! А они умерли, они давно умерли... Наверное, я все-таки случайно произнесла его во сне...»

Но она уже знала, что это не так.

Она стояла возле него, прикрывая рукой маленький масляный светильник, и его свет просвечивал красным

сквозь ее пальцы, а на лицо ее бросал золотистый отблеск. И он произнес вслух ее подлинное имя. И она подарила ему сон.

Он проспал до позднего утра и проснулся, чувствуя себя слабым и вялым, точно после болезни. Он был так жалок, что просто смешно было бы его бояться. Гифт обнаружила, что он совершенно не помнит о том, что случилось в деревне, о другом колдуне и даже о тех шести медяках, которые она собрала, когда они рассыпались по покрывалу, и которые он, должно быть, все это время сжимал в руке.

— Это небось Олдер так здорово тебя «отблагодарил»? — сказала она насмешливо. — Жадюга!

— Я сказал, что готов посмотреть животных на... на том пастбище, что между двумя речками, так? — спросил он, все больше тревожась и снова глядя на нее со знакомым ей уже затравленным видом; потом попытался встать, но она сказала:

— Сядь, — и он послушно сел, но сидел как на иголках.

— Разве можно кого-то лечить, когда сам болен? — строго сказала она.

— А что же делать? — спросил он.

Но понемногу успокоился и принялся поглаживать серого кота.

Тут как раз и вошел Берри.

— А ну-ка выйдем! — сказал он сестре, лишь глянув на целителя. Гифт следом за ним вышла на крыльцо.

— Значит, так: больше я его в своем доме терпеть не желаю! — заявил Берри с видом хозяина, грозно возвышаясь над нею. Посреди лба у него красовался огромный синяк, а глаза, похожие на устриц, смотрели тупо; руки тряслись.

— Ну и куда ты, в таком случае, денешься? — спросила Гифт.

— Это не я денусь, а он!

— Ну вот что: это мой дом! Дом Брена. И целитель останется здесь. А ты можешь уходить или оставаться — как сам решишь.

— Нет, это я буду решать, останется здесь этот колдун или уйдет! Пусть уходит немедленно! И нечего тут командовать! Люди говорят, что он должен уйти. Он ничего не умеет.

— Ну да, конечно, не умеет! Вылечил тут половину всего скота, а ему за это целых шесть медяков «отвалили», Олдер расщедрился! А теперь тот же Олдер будет требовать, чтобы этот человек отсюда убирался, это на него похоже! Все, Берри, разговоры окончены. Он останется тут и будет жить в этом доме столько времени, сколько захочу я. И точка!

— Так ведь никто же не будет у нас молоко и сыр покупать! — заныл Берри.

— Кто это сказал?

— Жена Сана. И другие тоже.

— Ну и ладно. Я свои сыры в Ораби дороже продам, — заявила Гифт. — И знаешь, братец, пошел бы ты лучше да умылся, чем разговоры разговаривать! Грязный весь, в крови... И рубашку перемени, а то от тебя просто помойкой воняет! — И Гифт решительно повернулась к нему спиной и вошла в дом. Но там мужество покинуло ее, и она разразилась слезами.

— В чем дело, Эмер? — спросил целитель, поворачивая к ней свое исхудалое лицо; в его странных глазах снова плеснулась тревога.

— Ох, чует мое сердце, не кончится это добром! Да разве ж можно так пить? Все мозги уж пропил! — и она вытерла фартуком глаза. — Тебя-то небось тоже проклятая выпивка доконала?

— Нет, — изумленно ответил он, но совсем не обиделся. Похоже, он просто ее не понял.

— Да нет, конечно, господин мой, это я со зла сказала! Ты уж меня прости!

— А может быть, твой брат пьет, пытаясь стать другим человеком? — промолвил он. — Пытаясь как-то измениться?..

— Он пьет, потому что пьет, — отрезала Гифт. — С некоторыми людьми все дело только в этом. А теперь мне в

молочный сарай нужно сходить, так я двери-то в дом запру, а то... ходят тут всякие... А ты пока отдохни. На улице-то холод, ветер... — Она хотела быть уверена, что он никуда не выйдет из дому, будет в безопасности, потому что в ее доме никто не сможет напасть на него неожиданно. А попозже она непременно сходит в деревню и перекинется парой слов кое с кем из разумных людей, а заодно и постарается положить конец всей этой дурацкой болтовне.

Когда же Гифт пришла в деревню, то жена Олдера, Тауни, и некоторые другие жители деревни вполне согласились с ее доводами, что в ссоре двух колдунов из-за работы нет ничего абсолютно нового и необычного. А вот Сан, его жена и кое-кто из постоянных посетителей таверны, таких же пьяниц, как Берри, никак не желали эту тему оставить: еще бы, о чем же им потом говорить всю зиму? Если не считать непобежденного пока что ящура, конечно.

— Знаешь, — сказала ей Тауни, — муженек мой всегда старается медяками расплатиться, даже если считает, что платить нужно слоновой костью.

— Так, значит, быки ваши, которых Отак лечил, здоровы?

— Вроде бы да. И больше пока ни один не заболел.

— Он настоящий волшебник, Тауни! — воскликнула Гифт. — Теперь я это точно знаю!

— В том-то все и дело! — сказала Тауни. — И ты, милая, это прекрасно понимаешь! Здесь не место для ТАКИХ людей. Кто он такой в действительности — не наше дело, но ты бы все-таки выяснила, зачем он сюда явился.

— Чтобы лечить животных, — уверенно ответила Гифт.

Не прошло и трех дней, как Санбрайт с позором бежал из деревни, а там уже снова появился какой-то чужак. Приехал он верхом по Южной дороге, и, надо сказать, конь у него был отличный. Незнакомец спросил в таверне, нельзя ли у кого-нибудь переночевать, и его, разумеется, послали к Сану, но жена Сана, как только услышала

за дверью голос незнакомца, подняла крик и заявила, что если Сан впустит к ним в дом еще одного колдуна, то ее ребенок уж точно успеет дважды умереть, прежде чем родится. Ее вопли были слышны издалека, и в итоге на улице между домом Сана и таверной собралось даже человек десять любопытствующих.

— Нет, так не годится, — добродушно сказал незнакомец. — Не могу я служить причиной преждевременных родов! А у вас в таверне на чердаке местечка не найдется?

— Да отошлите вы его к Гифт, — посоветовал кто-то из пастухов Олдера. — Она любому рада, кто к ней в дом ни попросится! — Послышались приглушенные смешки и шушуканье.

— Ты вон туда ступай, господин мой. — И хозяин таверны указал незнакомцу на дом Гифт. Тот поблагодарил и развернул коня. — Ну вот, теперь у нас все чужаки в одной корзине, — заметил хозяин таверны, и эту шутку вечером повторяли в таверне раз двадцать, и каждый раз она служила неистощимым источником восхищения и веселья. Это было самое остроумное высказывание с тех пор, как на деревню обрушилась эпидемия ящура.

Гифт была в коровнике; она только что закончила вечернюю дойку и теперь, процедив молоко, расставляла миски с будущими сырами.

— Хозяюшка! — окликнул ее кто-то от дверей, и она, решив, что это Отак, сказала:

— Минутку, я сейчас закончу, — а когда, повернувшись, увидела на пороге совершенно незнакомого мужчину, от растерянности чуть не выронила миску. — Ох и напугал ты меня, господин мой! — воскликнула она. — Чем могу служить?

— Да вот, ищу, где бы переночевать.

— Нет, один постоялец у меня уже есть, да и мы с братом в том же доме помещаемся, так что здесь негде. Может, у Сана, в деревне, местечко найдется?

— Я у них был уже, они-то меня сюда и послали. И сказали еще: «Теперь у нас все чужаки в одной корзи-

не». — Незнакомцу было лет тридцать; красивый, хотя черты лица, пожалуй, несколько резковаты; одет просто, зато коренастый жеребец у него явно хороших кровей. — *А ты устрой меня в коровнике, хозяюшка, мне тут вполне* удобно будет. Ведь это, скорее, моему коню отдых требуется: устал он очень. А я спокойненько высплюсь тут на чердаке, а утром уеду. С коровами рядом спать — это ж одно удовольствие, да еще в холодную ночь. Я и заплатить могу, хозяюшка. Двух медных монет за ночь достаточно? А зовут меня Хок.

— А меня — Гифт, — ответила она. Она была чуточку встревожена, но человек этот ей нравился. — Ну ладно, господин Хок. Отведи-ка своего коня на конюшню да покорми — там сена полно, а во дворе хороший колодец. А потом в дом приходи, я тебя молочным супом угощу. А что касается платы, так и одной монеты более чем достаточно, *и спасибо тебе, господин мой, за щедрость.* — Странно, но ей почему-то не хотелось называть этого молодого мужчину «господин мой», как она всегда называла Отака. У этого парня ни в повадках, ни во внешности не было и следа того врожденного благородства, какое всегда ощущалась у ее постояльца, в котором она буквально с первых минут почувствовала чуть ли не короля.

Быстренько прибрав в молочном сарае, Гифт прошла в дом. Этот чужак по имени Хок сидел на корточках у очага и весьма умело разжигал огонь. Отак был у себя в комнате и по-прежнему спал. Она заглянула туда и закрыла дверь.

— Постоялец-то мой нездоров, — шепнула она гостю. — *Застудился, видно. Еще бы, столько дней коров лечил* на восточном болоте, голодный да на таком холоде, вот силы-то у него и кончились.

Когда Гифт занялась привычными кухонными делами, Хок принялся ей помогать, да так умело, что она только диву давалась. И выходило все это у него настолько естественно, так что она даже подумала про себя: а ведь мужчины из других краев, выходит, и в домашней работе куда более ловкие и умелые, чем здешние, с Болот. И говорить с этим Хоком было легко, и она даже немножко рассказала ему о своем постояльце, поскольку о себе-то ей вроде бы и рассказывать было нечего.

— Вот так они всегда! — возмущалась она. — Используют человека, а потом его же и ославят. А ведь Отак им такую большую помощь оказал! Несправедливо это!

— Так он, может, напугал их чем-нибудь?

— Да, наверное. Тут ведь что получилось: один целитель — он у нас тут бывал и раньше, да толку от него особого не было, я так скажу, — заявил Отаку: ты, мол, у меня работу перехватил. А сам-то мою корову, у которой вымя спеклось, два года назад так вылечить и не сумел! Да и мазь, которой он ее лечил, это самый обыкновенный свиной жир, поклясться могу! Ну так вот, повздорили они, и, возможно, Отак ему что-нибудь в том же духе ответил. В общем, оба разозлились и начали какие-то нехорошие заклятия произносить. Во всяком случае, по-моему, Отак точно какое-то заклятие произнес, а потом вроде как передумал и тому, второму, никакого вреда не причинил, зато сам взял да и рухнул замертво. А теперь не помнит даже, что между ними произошло. А тот колдун сразу сбежал совершенно невредимый, хоть его и вывернуло наизнанку. В деревне-то говорят, что все животные, которых Отак лечил или хотя бы коснулся, живы и здоровы. Десять дней он на восточных болотах провел! На ветру, под дождем! И все быков лечил. А знаешь, сколько ему хозяин этих быков заплатил? Шесть медных грошей! Чего ж тут удивительного, что Отак немного рассердился? Хотя я бы не сказала... — Она вдруг умолкла, но потом, словно решившись, продолжила: — Я бы не сказала, что и сам он вполне нормальный. Иногда он вроде как не в себе бывает. Ну, как все ведьмы и колдуны, наверное. Не знаю, может, так оно и должно быть, раз они с такими силами дело имеют. Но человек он настоящий, хороший человек. И добрый.

— Хозяюшка, — сказал Хок, — можно я тебе историю одну расскажу?

— Ой, так ты сказитель? Что ж ты сразу-то не сказал! А я все думаю, чего это человек по дорогам скитается в холод да в непогоду? А конь у тебя знатный! Я сперва даже решила, что ты купец, а сюда просто случайно за-

брел. А свою историю ты мне расскажи. Это для меня такая радость, что лучше и не придумаешь! И чем длиннее она будет, тем лучше. Но только сперва супу поешь, а я пока усядусь как следует и приготовлюсь слушать.

— По правде-то, я сказитель не настоящий, — сказал он, ласково ей улыбаясь, — но одна интересная история для тебя у меня точно найдется. — И он, покончив с супом, принялся рассказывать, а Гифт внимательно его слушала, устроившись рядом со своим вечным шитьем. — Во Внутреннем море, на Острове Мудрых, то есть на острове Рок, где учат всем видам магии и волшебства, есть девять Мастеров... — начал Хок, и Гифт даже глаза закрыла от удовольствия.

Он перечислил их всех: Мастера Ловкая Рука и Мастера Травника, Мастера Заклинателя и Мастера Путеводителя, Мастера Ветродуя и Мастера Регента, Мастера Ономатета и Мастера Метаморфоза, а также Мастера Привратника.

— Особенно опасными могут оказаться те искусства, которым учат Метаморфоз и Заклинатель, — продолжал Хок. — Может, ты кое-что слышала об искусстве Истинных Превращений? Иногда даже самый обычный колдун умеет создать иллюзию, или ненадолго превратить одну вещь в другую, или сменить собственное обличье. Ты никогда этого не видела, хозяюшка?

— Нет, только слышала, что такое бывает, — прошептала она.

— А некоторые ведьмы и колдуны уверяют, что способны призывать мертвых или говорить их устами. Скажут такое, например, родителям умершего ребенка, которые о нем плачут и горюют, и вот в хижине ведьмы, в полной темноте, несчастные родители вдруг слышат, как плачет или смеется их дитя...

Она кивнула.

— Но это всего лишь иллюзии, так называемые Заклятия подобия. Правда, есть и другие, Истинные заклятия, с помощью которых действительно можно изменять свое обличье и сущность, а также — призывать к себе и живых и мертвых. Но этими заклятиями может пользоваться только настоящий волшебник, и они могут порой стать

для него страшным искушением. Это ведь так чудесно, парить в небесах на крыльях сокола и видеть далеко под собой землю!.. Ну а умение призывать к себе людей и их души, основанное на знании Истинных имен, дает великую власть над людьми! Ибо знать Истинное имя человека — значит уже обладать над ним властью, как ты, наверное, и сама знаешь, хозяюшка. Искусство Мастера Заклинателя заключается, прежде всего, именно в этом. И как это прекрасно и удивительно, когда волшебник способен вызвать образ или душу кого-то, давно умершего, например, увидеть Эльфарран в садах острова Солеа такой, какой ее некогда увидел Морред...

Голос Хока звучал совсем тихо и как-то таинственно.

— Итак, вернемся к моей истории. Более сорока лет назад на богатом острове Арк, что находится во Внутреннем море к юго-востоку от острова Семел, родился мальчик. Этот мальчик был сыном помощника управляющего в замке самого правителя Арка, и отец его бедняком, конечно, не был, но и особого богатства тоже не нажил. К сожалению, родители мальчика умерли рано, и никто на него особого внимания не обращал, пока не пришлось все же это сделать, ибо оказалось, что ребенок этот особенный и способен на многое. Во-первых, он был совершенно несносным шалуном, а во-вторых, обладал незаурядной магической силой. Он мог, например, зажечь огонь или погасить его с помощью одного лишь слова. Он мог заставить горшки и сковородки летать по кухне, как летают птицы, или превратить мышь в голубя. А если его нарочно сердили или пугали, он мог причинить обидчику и настоящее зло. Взял, например, да и заставил чайник с кипятком подпрыгнуть и опрокинуться на повара, который мальчишку недолюбливал и плохо с ним обращался.

— Минуй нас! — прошептала Гифт. Она так и не сделала ни единого стежка с тех пор, как Хок начал свой рассказ.

— Он был всего лишь непослушным и одиноким ребенком, а у волшебников, служивших тому лорду, не хватило мудрости и доброты по отношению к нему, — возразил Хок. — А может, они просто его боялись. И потому связывали ему руки и затыкали рот кляпом, чтобы он не

мог произнести никаких заклинаний; они запирали его в каменном подвале и держали там, точно в тюрьме, до тех пор, пока не решили, что окончательно его приручили. Потом его сослали на конюшню и велели там жить. Дело в том, что он умел отлично ладить с любым животным и к тому же, находясь при лошадях, вел себя гораздо тише и спокойнее. Однако он все же умудрился вскоре поссориться с конюхом и превратил беднягу в кучу навоза. Когда тамошним волшебникам удалось вернуть несчастному конюху его прежнее обличье, они покрепче связали мальчишку, заткнули ему рот, посадили на корабль и отправили на остров Рок, надеясь, что, может быть, тамошние Мастера сумеют его приручить.

— Бедный мальчик! — прошептала Гифт.

— Да, ты права, хозяюшка, но моряки на корабле тоже боялись этого ребенка и до самого Рока держали связанным. Когда Мастер Привратник из Большого Дома увидел мальчика, то прежде всего развязал ему руки и вытащил изо рта кляп. И как ты думаешь, что сразу же сделал этот милый ребенок? Он перевернул знаменитый Длинный Стол в столовой вверх дном, сделал кислым пиво, а того ученика Школы, который попытался его остановить, на некоторое время превратил в свинью... Но достойного соперника он себе нашел только среди Мастеров.

Мастера его не наказывали, но старались все же связать его необузданные магические силы особыми заклятиями, пока он сам не начнет к кому-то прислушиваться и чему-то учиться. На это потребовалось немало времени. Однако ему был весьма свойствен дух соперничества, который и заставил его в итоге стремиться к знаниям и обрести все те умения и навыки, которыми он не владел, однако знания и опыт других он упорно воспринимал как некую угрозу, как вызов, как нечто такое, с чем ему обязательно нужно сражаться до тех пор, пока он не сумеет одержать верх. Там, на Роке, таких мальчиков много. Я тоже был таким. Но мне повезло. Я свой главный урок усвоил еще в ранней юности...

Итак, парнишка этот все-таки научился наконец усмирять свой гнев и как-то управлять своим, повторяю, незаурядным могуществом. Он действительно был на

редкость талантлив. Какое бы магическое искусство он ни изучал, все ему давалось легко, даже слишком легко, так что он с презрением относился к «такой ерунде», как создание иллюзий или заклинание ветров; даже к целительству он не мог относиться серьезно, потому что всеми этими искусствами он овладел в два счета, они совершенно его не пугали и не бросали ему вызов. Да он, собственно, и не стремился как следует овладевать ими: они ему были не интересны. Так что, когда Верховный Маг Немерль нарек его Истинным именем, он устремил все свои помыслы на овладение великим и опасным искусством Истинных Заклятий. И долгое время изучал это искусство с Мастером Заклинателем.

Он не стремился покинуть остров Рок, ибо именно там накапливаются и хранятся знания обо всех магических искусствах и умениях. У него даже никогда не возникало желания путешествовать или знакомиться с другими людьми. Не было у него желания и посмотреть мир — он утверждал, что может весь этот мир запросто призвать к себе! И, по правде сказать, это действительно было так. И это, возможно, одна из главных опасностей искусства Истинных Заклятий.

Теперь вот о чем: любому заклинателю, как и любому волшебнику вообще, запрещается призывать чью-либо живую душу. Да, мы действительно способны это сделать. И нам разрешается посылать к кому-то свой голос, свой образ или даже собственную душу, но живую человеческую душу мы к себе не призываем никогда! Ни душу, ни самого этого человека во плоти. Мы можем призывать только мертвых. Только тени покойных из их сумеречной страны. Тебе и самой легко догадаться, почему так должно быть. Призвать к себе живого человека или его живую душу — значит проявить свою полную власть над ним. Тогда как никто, каким бы могущественным, мудрым и великим человеком и волшебником он ни был, не имеет права властвовать над душой другого человека, использовать ее в своих целях.

Однако в том парнишке, по мере того как он взрослел, все сильнее становился дух соперничества. Этот дух вообще очень силен на острове Рок: молодому человеку всегда

хочется быть лучше других, всегда хочется быть первым... И вот искусство превращается в соревнование, в игру, а конечный результат познания становится всего лишь средством для достижения собственной цели, как бы принижая само данное искусство. На острове Рок в те времена не было человека более одаренного, чем этот юноша, но тем не менее он всегда очень тяжело переживал, если кому-то удавалось сделать что-то лучше, чем он. И это стало постоянным источником его тревоги и раздражения.

Когда он окончил Школу, то для него не нашлось места среди ее Мастеров, поскольку новый Мастер Заклинатель к этому времени уже был избран; это был сильный человек, еще достаточно молодой, в самом расцвете сил, и не похоже было, чтобы он в ближайшем будущем собрался в отставку или умер. Среди собравшихся в Школе ученых и волшебников этот молодой человек занимал достаточно почетное место, но в знаменитую Девятку не вошел и, видимо, считал себя обойденным. Возможно, к тому же для него было не слишком полезно постоянно находиться в обществе волшебников, магов и их учеников, ибо каждый из них стремился к власти и постоянно приумножал свое могущество, желая непременно быть сильнейшим. В общем, так или иначе, а с годами он все больше отдалялся от них, не общаясь при этом и с обычными людьми, и почти постоянно жил, занимаясь какими-то своими исследованиями, в Одинокой Башне, стоявшей в отдалении от Большого Дома; он мало кого брал в ученики и в обществе других по большей части молчал. Правда, Мастер Заклинатель все же посылал к нему особо одаренных юношей, но многие ученики Школы вообще ничего или почти ничего о нем не знали. И вот постоянное уединение привело к тому, что он начал практиковаться в некоторых магических искусствах, которыми вообще заниматься не следовало бы, ибо это почти всегда приводит к весьма печальным последствиям.

Любой настоящий заклинатель в итоге привыкает к тому, что может приказывать духам и теням являться по первому же его зову и делать то, что он скажет. Возможно, и этот молодой волшебник стал думать примерно так

же, а потом решил: а почему бы мне не попробовать то же самое с живыми людьми? Зачем мне дано такое могущество, если я не имею права им воспользоваться? И он начал призывать к себе души живых людей, и в первую очередь души тех обитателей острова Рок, которых опасался, считая их своими соперниками и завидуя их силе. А призвав их души, он отнимал у них силу и присваивал ее, а их заставлял молчать. И после этого они даже сказать не могли, что же с ними случилось и куда подевалось их волшебное мастерство: они этого не помнили.

И однажды он сумел призвать даже душу своего собственного учителя, Мастера Заклинателя, застигнув его врасплох.

Но Мастер Заклинатель все же оказал ему сопротивление. Это был настоящий поединок магов, и Мастеру Заклинателю пришлось позвать на помощь меня, и я, конечно же, ему на помощь пришел, и мы вместе сражались с тем невероятно могучим проявлением воли и духа, которое грозило попросту нас уничтожить...

За окнами сгустилась ночная тьма. Светильник на столе мигнул и погас, и теперь лицо Хока освещали лишь красноватые отблески пламени очага. И лицо это сейчас показалось Гифт совсем иным, чем прежде: более старым, изможденным, а черты его стали еще более резкими; и на одной щеке она разглядела вдруг чудовищные шрамы. В эти мгновения он был удивительно похож на ястреба. Однако, глядя на него и удивляясь, она продолжала сидеть молча и совершенно неподвижно, точно завороженная, и напряженно слушала его рассказ.

— Такой истории никто из сказителей тебе не расскажет, хозяюшка, — заметил он, мельком глянув на ее взволнованное лицо. — Да и кто-то другой вряд ли знает что-либо подобное.

В те годы, — продолжил он свое повествование, — я только что стал Верховным Магом Земноморья и был даже моложе того волшебника, с которым мы сражались, а потому, возможно, несколько его недооценивал. И нам с Мастером Заклинателем пришлось противопоставить всю свою волю и все свое могущество его воле и могуще-

ству — и все это происходило в тиши Одинокой Башни, в одном из самых потаенных ее уголков, и никто даже не знал, что именно там происходит. Наше сражение с ним было долгим, очень долгим, и в итоге он не выдержал, сломался. Сломался, как ломается палка. И все же, сломленный, сумел бежать! И Мастер Заклинатель был не в силах что-либо сделать, ибо сперва попусту растратил слишком много сил, пытаясь в одиночку преодолеть воздействие на него слепой воли противника. Да и у меня в тот момент не хватило ни сил, чтобы остановить того человека, ни ума, чтобы послать кого-нибудь за ним вдогонку. И ему удалось скрыться с острова Рок. И исчезнуть.

Мы не смогли скрыть от Мастеров, что нам пришлось выдержать с этим волшебником жестокую битву, после которой ему удалось бежать. Но мы рассказали о поединке так скупо, что многие в Школе решили: ну и хорошо, что его здесь больше нет; он и так был, похоже, не в своем уме, а теперь, видно, совсем с ума сошел!

Но мы с Мастером Заклинателем, с трудом сумев залечить те раны, которые были нанесены нашим душам, и преодолеть ту непреодолимую душевную тупость и телесную слабость, которые являются неизбежным следствием подобных сражений, оба полагали, что очень опасно, когда волшебник, наделенный таким невероятным могуществом, скитается по Земноморью, утратив стыд и совесть, а возможно — и рассудок; или, может быть, сгорая от стыда, или испытывая бессильный гнев, или одержимый желанием мстить.

Мы не смогли обнаружить его следов ни на одном из островов. Он, без сомнения, покинул Рок в обличье птицы или рыбы и не менял этого обличья, пока не нашел себе подходящего убежища. А надо тебе знать, хозяюшка, что настоящий волшебник способен к тому же скрыться от любого ищущего заклятия. Мы повсюду наводили справки о нем — мы хорошо умеем это делать, — но никто ничего о таком человеке не знал, и никаких сведений о нем мы так и не получили. Пришлось пуститься на поиски самим: Мастер Заклинатель отправился на восточные

острова, а я — на западные. Ибо при мысли об этом человеке перед моим внутренним взором всегда почему-то возникала огромная гора, похожая на конус со сломанной верхушкой, и просторная зеленая долина, раскинувшаяся у ее подножия с южной стороны. Я припомнил уроки географии, которые мне еще в детстве давали в Школе Рок, припомнил расположение острова Семел и его главную гору Анданден и вскоре оказался на вашем острове. А потом добрался и до Верхних Болот. И, по-моему, направление было выбрано мною правильно.

Он умолк. В наступившей тишине был слышен лишь шепот огня в камине.

— Мне поговорить с ним? — спросила Гифт очень спокойно.

— Нет, не нужно! — ответил он резко и каким-то пронзительным голосом, похожим на крик ястреба. — Я сам! — И он произнес одно лишь слово: «Ириотх».

Гифт посмотрела на дверь спальни и увидела, что дверь отворилась как бы сама собой и на пороге показался Отак, худой, изможденный, а в его темных глазах, еще совсем сонных, сквозят растерянность и боль.

— Это ты, Гед, — промолвил он и поклонился. А потом вдруг гордо вскинул голову и спросил: — Ты отнимешь у меня мое Имя?

— С какой стати?

— Оно всем приносит только горе и боль. В нем слишком много ненависти, гордости, алчности...

— Все это я отниму у тебя, Ириотх. Но только не твое Имя.

— Я просто не понимал тогда... — сказал Ириотх. — Я даже не задумывался — насчет остальных.... Мне и в голову не приходило, что они просто ИНЫЕ. Хотя все мы ИНЫЕ по отношению друг к другу. Собственно, люди и должны быть такими. Я был не прав, Гед.

И тот, кого он назвал Гедом, подошел к нему, взял его руки, протянутые в немой мольбе, в свои и сказал:

— Ты пошел неверным путем, Ириотх. Но ты вернулся. А сейчас ты просто очень устал. Ведь этот путь, когда

идешь по нему один, страшно тяжел и труден. Хочешь, вернемся вместе домой?

Ириотх стоял, уронив голову на грудь, точно все силы разом покинули его, как только спало напряжение. Казалось, вся страстность его натуры вдруг улетучилась, и все же он вдруг поднял голову и нашел взглядом — нет, не глаза Геда, а глаза Гифт, которая молча стояла в уголке у камина.

— У меня здесь еще работа осталась несделанной, — промолвил он.

Гед тоже посмотрел на нее.

— Это правда, — подтвердила она. — Он наш скот лечит.

— Они показали мне, что я должен делать, — сказал Ириотх. — И дали понять, кто я такой. Они знают мое имя. Но никогда его не произносят.

Несколько мгновений прошли в молчании, потом Гед нежно привлек к себе Ириотха и что-то тихонько сказал ему на ухо. Когда же он выпустил его из своих объятий, Ириотх глубоко вздохнул с явным облегчением и сказал:

— Видишь ли, Гед, ТАМ я ни к чему. А здесь я очень нужен. Если, конечно, сами люди позволят мне делать для них эту работу. — Он снова посмотрел на Гифт, и Гед тоже на нее посмотрел. Она переводила взгляд с одного на другого.

— Ну а ты что скажешь, Эмер? — спросил у нее тот из них, что был так удивительно похож на ястреба.

— А я вот что скажу!.. — промолвила она странно тоненьким, каким-то неуверенным голосом, обращаясь к Ириотху. — Если быки Олдера эту зиму переживут и останутся здоровыми, то по всей округе хозяева скота будут просто на коленях молить тебя остаться! Хотя скорее всего любить тебя они не будут никогда.

— Колдунов никто не любит, — сказал Верховный Маг. — Ну что ж, Ириотх! Неужели я проделал столь долгий путь, да еще в самую стужу, только чтобы отыскать тебя и вернуться назад в одиночестве?

— Скажи им... скажи им, что я был не прав, — промолвил Ириотх. — Скажи, что я стыжусь своих поступков. АТориону скажи... — и он смущенно умолк.

— Я скажу ему, что превращения, которые человеческая натура испытывает в течение своей жизни, бывают порой куда сложнее всех известных нам магических превращений, ибо природа мудрее всей нашей искусственной премудрости и всех наших знаний, — сказал Верховный Маг. И снова посмотрел на Эмер. — Может он здесь остаться, хозяюшка? Совпадает ли это его желание с твоим?

— Для меня он в десять раз лучше, чем мой родной брат! — сказала она. — И он человек добрый и честный, как я и говорила, господин мой. А уж пользы от него всем — и не перескажешь!

— Ну что ж, прекрасно. Прощай, Ириотх, дорогой мой товарищ, учитель, соперник и друг! Прощай! А тебе, Эмер, храбрая женщина, я низко кланяюсь в знак глубочайшего уважения и огромной благодарности. И пусть мир царит в твоем сердце и в твоем доме, — и он сделал рукой странный жест, после которого в воздухе над очагом возник и не сразу растаял какой-то светящийся знак. — А теперь я, пожалуй, пойду к себе в коровник и немного посплю. — И он действительно отправился прямиком в коровник.

Когда за ним закрылась дверь, снова наступила полная тишина, только по-прежнему шептал что-то огонь в камине.

— Иди-ка поближе к огню, — сказала Гифт Ириотху.

Тот послушно подошел и уселся на сундук.

— Неужели это сам Верховный Маг был? Правда?

Он кивнул.

— Верховный Маг Земноморья спит на сеновале в моем коровнике!.. — ужаснулась она. — Мне бы следовало уступить ему свою постель!

— Он бы ни за что не согласился, — сказал Ириотх.

И она поняла, что это действительно так.

— Какое у тебя имя красивое! — сказала она, немного помолчав. — Ириотх! А я вот никогда не знала, каково Истинное имя моего покойного мужа. И он моего не

знал. Ты не бойся, я твое имя больше вслух произносить не стану! Но знать мне его очень приятно, тем более что и ты мое знаешь.

— У тебя очень красивое имя, Эмер, — сказал он. — И я с удовольствием стану его произносить, если ты сама этого захочешь, конечно.

СТРЕКОЗА[1]

I. Ирия

Предки ее отца владели обширными плодородными угодьями на большом и богатом острове Уэй. Не требуя ни титулов, ни придворных привилегий от тех правителей, что, сменяя друг друга, захватывали королевский трон в мрачный период, последовавший за падением Махариона, эти независимые лорды твердой рукой правили своими землями и своими людьми и полученный доход, согласно старинной традиции, снова вкладывали в землю. Они старались поддерживать в своих владениях хотя бы относительную справедливость и порядок и тем самым уже противостояли лживым тиранам, захватившим власть на островах Архипелага. Когда же Земноморьем стали править Мудрецы с острова Рок, вернувшие людям мир и покой, эта старинная семья с острова Уэй и находившиеся в ее владениях крестьянские селенья стали даже процветать. Благоденствие этого края, который назывался Ирия, а также красота тамошних полей, высокогорных пастбищ и покрытых дубовыми рощами холмов даже породили поговорки «тучный, как коровы Ирии», или «удачливый, как житель Ирии». Хозяева и многочисленные арендаторы прибавляли название этого края к своему имени, и каждый с гордостью называл себя «ириан», что значит «житель Ирии». Но хотя тамошние земледельцы и пастухи из поколения в поколение старательно

[1] Следует помнить, что слова «dragon» (дракон) и «dragonfly» (стрекоза) являются однокоренными. (*Прим. пер.*)

передавали накопленные знания и умения и воспроизводили себе подобных сыновей и внуков с тем же постоянством, что и дубы на холмах, знатное семейство, члены которого владели этими землями, сменяя друг друга, постепенно приходило в упадок, утрачивая былую удачливость, независимый нрав и стремление к порядку.

Однажды ссора, разгоревшаяся между двумя братьями из-за наследства, окончательно расколола семью, а потом один из братьев пустил по ветру свою долю наследства из-за собственной глупости, а второй — из-за непомерной жадности. У одного из этих братьев была дочь, которая вышла замуж за купца, переехала в столицу и попыталась оттуда управлять поместьем, что получалось у нее, разумеется, плохо. У второго же брата был сын, сыновья которого впоследствии тоже поссорились между собой, пытаясь поделить заново уже поделенные между ними земли. К тому времени, как родилась героиня этой истории, которую все звали Стрекоза, тот благодатный край, что носил название Ирия, по-прежнему оставаясь одним из самых прелестных уголков Земноморья благодаря своим холмам, полям и лугам, превратился в настоящее поле брани, где велись бесконечные междуусобицы и тяжбы. Вскоре крестьянские поля покрылись сорняками, а дома арендаторов стояли без крыш; коровники опустели, а пастухи увели свои стада далеко за гору в поисках лучших пастбищ. Старинный господский дом, некогда бывший средоточием жизни всего края, совершенно обветшал, но все еще возвышался на холме среди дубов.

Теперь его владельцем стал один из четырех братьев, которые называли себя хозяевами Ирии. Впрочем, остальные трое братьев называли четвертого — желая быть совершенно точными — «хозяином Старой Ирии». Этот человек все свои молодые годы провел в столице острова, Шелитхе — в судах и приемных правителей, истратив там большую часть полученного им наследства и пытаясь доказать законность своих прав на земли всего края. Но стать хозяином всей Ирии ему так и не удалось. Домой он вернулся, потерпев полное поражение, исполненный горечи, и оставшиеся годы жизни провел, усердно попивая крепкое красное вино со своего последнего виноградника

или обходя пешком границы своих владений в сопровождении целой стаи недокормленных и неухоженных псов, которых держал для того, чтобы всегда иметь возможность прогнать непрошеных гостей, если те вольно или невольно вторглись на его земли.

Еще в Шелитхе, тщетно обивая пороги приемных и судов, он успел жениться, но о его жене в самой Ирии абсолютно ничего известно не было, ибо она была родом с другого острова, по слухам, откуда-то с дальнего запада, а в самом имении так ни разу появиться и не успела, потому что умерла родами еще в столице.

Когда же хозяин Старой Ирии вернулся домой, с ним приехала и его трехлетняя дочка. Он поручил ее заботам своей экономки и напрочь забыл о девочке, вспоминая о ней, только изрядно напившись. Если в такой день ему удавалось разыскать малышку, то он заставлял ее часами стоять возле его кресла или сидеть у него на коленях и слушать горестные рассказы о тех несправедливостях, которые выпали на его долю по вине других людей. Он ругался, кого-то проклинал, кричал, снова пил вино и девочку тоже заставлял пить и все требовал, чтобы она поклялась беречь и чтить свое наследство. Стрекоза с отвращением глотала вино, но все эти проклятия в адрес «нечестных людей», требование «чтить наследие предков», ханжеские слезы и слюнявые нежности просто ненавидела и удирала от отца при первой же возможности. Она куда лучше чувствовала себя в обществе собак, лошадей и коров. И этим животным она клялась, что всегда будет верна памяти своей бедной мамочки, которой никто здесь не знал и которую даже отец толком не помнил.

Когда Стрекозе исполнилось тринадцать, старый виноградарь и экономка, единственные слуги, что еще остались в поместье, пришли к своему хозяину и сказали, что девочку пора наречь Истинным именем. Но когда они спросили, не послать ли за колдуном, который жил довольно далеко, за Западным Прудом, или сойдет и местная колдунья, хозяин Старой Ирии вдруг невероятно разъярился и завизжал:

— Деревенская ведьма? Эта старая карга наречет именем дочь лорда и наследницу Ирии? Или, может, сюда

явится какой-то вонючий колдун-предатель, прислужник тех ворюг, что украли Западный Пруд еще у моего деда? Да если этот хорек осмелится ступить на мою землю, я на него собак спущу — пусть ему печень вырвут! Так ему можете и передать! — Он еще долго орал и кипятился, так что в итоге старая Дейзи просто вернулась к себе на кухню, а старый Кони — на виноградник. Что же касается тринадцатилетней Стрекозы, то она выбежала из дома и помчалась в деревню, раскинувшуюся у подножия холма; за нею следом, ошалев от возбуждения, лая и виляя хвостами, неслась стая собак, которых она пыталась прогнать обратно домой с помощью далеко не самых «благородных» выражений, которых набралась у отца.

— Вернись немедленно, ты, сука неблагодарная! — вопила она. — Домой, предатель ползучий! — И собаки в конце концов действительно ее послушались и побрели к дому, опустив виновато хвосты.

Стрекоза застала деревенскую ведьму за весьма неприятным занятием: та извлекала червей из загноившейся раны на овечьем огузке. Обычно эту ведьму все звали просто Роза; это было очень распространенное имя на островах Архипелага. Люди, Истинное имя которых таит в себе магическую силу, как бриллиант таит внутри себя свет, часто предпочитают для себя в быту самые расхожие, самые заурядные имена.

Роза бормотала какое-то заклятие, способствующее заживлению гнойных ран, но основную часть работы делали все же ее умелые руки и ее острый маленький ножичек. Ярка молча терпела эти ковыряния ножом в своей ране, и ее непроницаемые янтарные глаза смотрели тупо, точно куда-то по ту сторону происходящего; она лишь временами вздыхала от боли и топала маленьким копытцем левой передней ноги.

Стрекоза долго и внимательно наблюдала за работой ведьмы. Роза извлекла червя, бросила на землю, плюнула на него и снова принялась копаться в ране. Девочка обняла овцу за шею, желая ее утешить, и овца тоже благодарно прижалась к ней; обеим так было намного спокойнее. Наконец Роза вытащила последнего червяка, тоже бросила

на землю, несколько раз плюнула сверху и сказала Стрекозе:

— А теперь подай-ка мне вон то ведерко. — Она хорошенько промыла рану соленой водой, и овца, вздохнув еще тяжелее, пошла прочь со двора. Медицина ей явно порядком надоела. — Эй, Баки! — крикнула Роза. Какой-то чумазый малыш вынырнул из-под куста, где, видимо, сладко спал, и потащился за овцой, о которой якобы должен был заботиться, хотя овца эта была значительно старше, крупнее и, возможно, мудрее его.

— Говорят, надо, чтобы ты дала мне имя, — сказала Стрекоза. — А отец страшно разозлился. Вот я и пришла сама.

Ведьма ничего ей не ответила. Она знала, что девочка права. Но когда хозяин Старой Ирии говорил, что именно отныне он будет разрешать или запрещать, то больше уж никогда своего решения не менял, гордясь собственной твердостью, ибо, согласно его мнению, только слабые люди способны сперва что-то утверждать, а потом отказываться от своих слов.

— А почему я не могу дать себе имя сама? — спросила Стрекоза, пока Роза мыла нож и руки в соленой воде.

— Этого делать нельзя.

— Но почему? Почему имя человеку обязательно должны давать ведьмы или колдуны? Что в вас такого особенного?

— Значит, так... — начала Роза и выплеснула соленую воду на грязный двор прямо перед крыльцом. Дом ее, как и у большинства ведьм, стоял несколько в стороне от деревни. — Значит, так, — повторила она, озираясь с таким странным видом, словно что-то ищет и не находит — то ли ответ на вопрос Стрекозы, то ли потерявшуюся овцу, то ли просто полотенце, — следовало бы тебе все-таки кое-что знать о магических силах и умениях колдунов и ведьм, ты ведь уже большая! — И она наконец посмотрела прямо на Стрекозу, правда, только одним глазом, потому что второй ее глаз смотрел куда-то в сторону, во всяком случае, не на Стрекозу. Иногда девочке казалось, что косит у Розы левый глаз, а иногда — что правый, но почему-то всегда один ее глаз смотрел прямо, а второй высматривал что-то невидимое то ли за углом, то ли вообще неизвестно где.

— О каких силах и умениях?

— О таких! — вдруг рассердилась Роза и вдруг ушла в дом — в точности как та ее овца со двора. Стрекоза последовала за ней, но остановилась на пороге: нельзя входить в дом ведьмы без приглашения.

— Ты же говорила, что сила у меня есть! — крикнула девочка куда-то в вонючую полутьму.

— Да, говорила. В тебе есть сила, и очень большая, — донеслось из глубины хижины. — И ты тоже об этом знать должна. Но того, что тебе предстоит в жизни, не знаем ни я, ни ты. Это сперва нужно выяснить. Но для этого нужна особая сила, которой в тебе нет. Только она позволяет давать людям их подлинные имена. Но ВЗЯТЬ себе имя не может никто!

— А почему? Ведь что может быть ближе человеку, чем его собственное имя?

Последовало длительное молчание. Стрекоза терпеливо ждала на крыльце.

Наконец ведьма вынырнула из своей норы с веретеном, сделанным из мыльного камня, и клубком грязноватой шерсти. Она уселась на скамеечку, стоявшую у дверей, запустила веретено и спряла довольно большой кусок серо-коричневой пряжи, прежде чем ответила:

— Твое имя — это как бы ты сама. Это твоя сущность, верно? Но раз так, то что такое имя? Это слово, которым тебя называют другие. А если бы вокруг не было никого, кроме тебя самой, то для чего тебе нужно было бы какое-то имя?

— Но ведь... — Стрекоза начала было возражать, но тут же умолкла: крыть ей было нечем. Подумав немного, она спросила: — Значит, имя — это вроде как чей-то дар?

Роза кивнула.

— Ну так подари мне мое имя, Роза, пожалуйста! — попросила девочка.

— Твой отец не разрешает.

— А я разрешаю!

— Он здесь хозяин.

— Ну и пусть! Он может лишить меня наследства и

сделать меня нищей, может оставить меня глупой, необразованной и совершенно никчемной, но он же не может оставить меня безымянной!

Ведьма тяжко вздохнула — снова в точности как та овца, вынужденная смириться.

— Сегодня ночью, — твердо сказала ей Стрекоза. — На берегу речки под горой Ирия. То, чего отец не знает, ему совершенно безразлично. А он ни о чем и не узнает. — Голос у нее звучал чуть хрипловато от волнения, но в нем чувствовалась неколебимая уверенность в своей правоте. — Тебе бы следовало иметь настоящий День Наречения Именем, как у всех молодых! — горестно качая головой, сказала ведьма. — Настоящий праздник, с пиром и танцами. Имя дают обычно на рассвете, а потом все должны радоваться и веселиться, чтобы надолго запомнить этот день. А красться в ночи, чтобы никто ничего не знал, совершенно не годится!

— Ничего, я этот день и так навсегда запомню, — сказала Стрекоза. — А откуда ты знаешь, какое именно слово нужно произнести, Роза? Тебе что, вода нашептывает?

Ведьма резко мотнула своей седой головой.

— Этого я тебе сказать НЕ МОГУ. — Ее «не могу» прозвучало совсем не как «не хочу» или «никогда не скажу», и Стрекоза молча ждала объяснений. — Это ведь и есть та самая сила, про которую я говорила. Ты вдруг просто чувствуешь ее в себе, и все. — Роза остановила веретено и одним глазом посмотрела на облако, висевшее над западным краем земли, а второй ее глаз уставился чуть ли не на север. — Вас там будет как бы двое — ты-взрослая и ты-дитя. И ты просто сбросишь с себя свое детское имя и станешь совсем взрослой. Другие, конечно, могут продолжать звать тебя прежним именем, но на самом деле это будет не твое имя. Да и никогда им не было, как ты теперь уже знаешь. А когда ты сбросишь свое детское имя, то на время становишься как бы безымянной. Ты более не дитя, имени у тебя нет, ты стоишь в воде и ждешь. И вроде как раскрываешь свою душу. Так распахивают настежь дверь навстречу ветру, желая как следует проветрить дом. И тут оно приходит к тебе само. И твой язык

сам выговаривает его. Это и есть твое настоящее имя. Ты не можешь его придумать. Ты должна позволить ему прийти к тебе. Но сперва оно должно пройти сквозь меня и сквозь воду и только потом попасть к той, кому предназначается. Вот какова эта сила, и приблизительно так она действует. Собственно, сама я тоже не делаю почти ничего. Но я должна знать, как позволить этому волшебству случиться. В этом-то и заключено мое мастерство.

— Волшебники умеют гораздо больше! — сказала девочка, помолчав.

— Никто не может сделать больше, чем назвать человека его Истинным именем, — спокойно возразила Роза.

Стрекоза так сильно потянулась, что затрещали шейные позвонки, и, собираясь встать, снова спросила:

— Ну так дашь мне имя?

И Роза, хотя и не сразу, но все же согласно кивнула.

Они встретились глубокой ночью на тропинке под горой Ирия, когда до рассвета было еще далеко. Роза зажгла неяркий волшебный огонек, чтобы можно было пробраться к реке и не упасть в какой-нибудь заросший тростниками бочажок — местность была болотистая. В холодной ночи при свете немногочисленных звезд, ибо большую их часть скрывала темная тень горы, ведьма и девочка разделись и вошли в мелкую речку; ноги вязли в мягком иле, скопившемся на дне. Потом ведьма коснулась руки девочки и сказала:

— Дитя, я отнимаю у тебя твое имя! Ты более не дитя, и у тебя нет имени.

Некоторое время вокруг стояла мертвая тишина, затем ведьма прошептала:

— Да будешь ты наречена именем, женщина! Теперь ты — Ириан!

Еще несколько мгновений они стояли в воде совершенно неподвижно, в полной тишине, а потом вдруг вздохнул ночной ветер, коснулся их обнаженных плеч, и они, дрожа от холода, побрели обратно на берег. Там они вытерлись хорошенько и босиком, чувствуя себя бесконечно усталыми, потащились, спотыкаясь о сплетенные корни тростника, к тропинке. И там Стрекоза, уже не скрывая бешеного гнева, прошептала ведьме:

— Как ты могла наречь меня таким именем!

Ведьма ничего ей не ответила.

— Ты все сделала неправильно! Мое Истинное имя совсем не такое! Я думала, что, узнав свое имя, я сразу почувствую и свою сущность. Но то имя, которое дала мне ты, все только испортило! Ты что-то неправильно расслышала, Роза. Ты ведь всего лишь деревенская ведьма, и ты все сделала неправильно! Это ЕГО имя. Отца. Это он может иметь такое имя. Он бы так им гордился! Как гордится своим дурацким имением, своим дурацким дедом!.. А я такого имени не хочу! И не стану его носить. Это же не я! Я по-прежнему не знаю, кто я такая, но я — не Ириан! — И она вдруг умолкла, нечаянно произнеся свое имя вслух.

А ведьма по-прежнему молчала. Они шли рядом по тропинке в полной темноте. Наконец, испуганным голосом, точно пытаясь задобрить девочку, Роза сказала:

— Но оно само пришло ко мне...

— Если ты его когда-нибудь кому-нибудь скажешь, я тебя убью! — пообещала ей Стрекоза.

И тут ведьма вдруг остановилась и прошипела, точно разъяренная кошка:

— СКАЖУ кому-нибудь?

Стрекоза тоже остановилась. И сказала, помолчав:

— Прости. Но у меня такое чувство... словно ты меня предала.

— Я назвала тебе твое Истинное имя! Оно оказалось не таким, как я думала. И мне от этого тоже не по себе. Словно я что-то не закончила, не доделала... Но это твое Истинное имя, Стрекоза! И если оно предаст тебя — что ж, такова, значит, его сущность. — Роза поколебалась и заговорила уже не так горячо и сердито, но более холодно и спокойно: — Если же ты хочешь иметь надо мной власть, чтобы быть способной предать меня, Ириан, то я тебе эту власть дам. Знай: мое Истинное имя — Этаудис!

Снова вздохнул ветерок. Теперь обе дрожали так, что у них явственно стучали зубы. Они стояли рядом, но едва различали очертания друг друга. Стрекоза неуверенно протянула к ведьме руку, и во тьме ее рука встретилась с ее рукой. Они обнялись и долго не размыкали объятий. А потом поспешно двинулись дальше по тропе — ведьма в

свою хижину на окраине деревни, а наследница Старой Ирии на холм, в свой запущенный полуразрушенный дом, где собаки, которые ночью выпустили ее со двора безо всякого шума, сейчас встретили ее таким радостным и восторженным лаем, что перебудили всех вокруг на расстоянии по крайней мере полумили, кроме самого хозяина дома, который как уснул пьяным сном у камина, так и валялся там прямо на полу.

II. Айвори

Берч, настоящий правитель области Ирия, что расположена на западном побережье острова Уэй, владельцем старинного дома и прилегающих к нему земель не являлся, зато владел центральной, самой богатой частью поместья. Его отец, который куда больше интересовался виноградниками и садами, чем бесконечными ссорами с родственниками, оставил Берчу в наследство эти прекрасные цветущие земли. Берч нанял людей, способных управлять всем этим хозяйством — фермами и виноградниками, винными бочками, перевозками и тому подобными делами, — а сам решил просто наслаждаться жизнью благодаря доставшемуся ему богатству. Он к тому же выгодно женился на застенчивой девушке — дочери младшего брата лорда Уэйферта, правителя острова, — и ему доставляла бесконечное удовольствие мысль о том, что у его дочерей такая благородная кровь.

Согласно моде того времени представителям знати полагалось иметь среди своих слуг и настоящего мага с волшебным посохом и серым плащом, получившего образование на Острове Мудрых, и Берч, разумеется, тоже завел у себя в доме такого волшебника с острова Рок. Хотя сперва немного удивился тому, как легко оказалось это сделать, всего лишь заплатив требуемую сумму.

Молодой человек по имени Айвори на самом деле еще не успел получить свой посох и плащ; он объяснял это тем, что будет произведен в волшебники, как только вернется на Рок, а пока тамошние Мастера послали его в широкий мир для приобретения того жизненного опыта, ко-

торый совершенно необходим настоящему волшебнику и которого не могут ему дать никакие занятия в Школе. Берч отнесся к этому заявлению весьма скептически, но Айвори заверил его, что за годы учения на Роке приобрел знания во всех областях магии и в доказательство создал иллюзию, будто целое стадо оленей пробегает по огромной столовой; потом прекрасные лебеди, махая великолепными крыльями, стаей влетели в столовую сквозь южную стену, а вылетели — сквозь северную. И наконец посреди столовой возник серебряный бассейн, в центре которого бил фонтан, а когда волшебник предложил хозяину дома и членам его семейства отведать напиток, искрившийся в фонтане, и они осторожно наполнили свои кубки, то оказалось, что это какое-то дивное вино. «Это знаменитая «Андрадская лоза», — сказал молодой волшебник, скромно улыбаясь. К этому времени он уже успел полностью покорить жену хозяина и его дочерей, да и сам Берч тоже решил, что этот молодой человек вполне достоин столь высокого жалованья, хотя он, Берч, лично предпочитал сухое красное вино, так называемое фанийское, которое делали на его собственных виноградниках и которое, если выпить его достаточно, весьма неплохо кружило голову, тогда как желтоватый напиток в бассейне показался ему просто подслащенной медом водичкой.

Если молодой колдун Айвори и искал жизненного опыта, то ничего особенного, поселившись у Берча в Уэстпуле, он узнать о жизни не смог. Каждый раз, как у Берча бывали гости из устья реки Кембер или из соседних поместий, требовалось показать все то же стадо оленей, лебедей и фонтан с золотистым вином. Айвори, впрочем, выдумал еще несколько очень симпатичных трюков-фейерверков, которые хорошо было устраивать теплым весенним вечером в саду. Но когда управляющий садами приходил к хозяину и спрашивал, не может ли его волшебник применить какое-нибудь заклятие, чтобы в этом году увеличить урожай груш или же с помощью своих чар приостановить развитие черной гнили, которой страдают виноградники на южном холме, Берч говорил: «Волшебник с Рока не может опускаться до таких мелочей. Ступайте к деревенскому колдуну и скажите ему, чтобы отра-

батывал свой хлеб!» А когда младшая из дочерей Берча серьезно занемогла и непрерывно кашляла, ее мать не осмелилась беспокоить «мудрого Айвори» по столь незначительному поводу, а послала за целительницей Розой из Старой Ирии и попросила ее прийти к ним — хотя только через черный ход! — и сварить какое-нибудь снадобье или спеть исцеляющую песнь, чтобы девочка наконец выздоровела.

Айвори же и не заметил, что у хозяина больна дочь, что груши плохо плодоносят, что гниль губит виноградники. Он продолжал заниматься своими делами, как и должен образованный и искусный волшебник: целыми днями скакал верхом на хорошенькой вороной кобыле, которую предоставил ему Берч для необходимых разъездов, ибо он ясно дал хозяину понять, что прибыл сюда с Рока не для того, чтобы пешком месить пыль и грязь на деревенских дорогах.

Во время своих прогулок верхом он не раз проезжал мимо старого дома на холме, окруженного огромными дубами. Однажды он даже свернул было на дорогу, ведущую на холм, но целая стая тощих собак с оскаленными мордами, яростно лая и рыча, бросилась ему наперерез. Его кобыла, видно, очень боялась собак, она тут же встала на дыбы и уже готова была понести, так что Айвори поспешил прочь и после этого случая старался держаться подальше от старого дома на холме. Но все-таки в настоящей красоте он кое-что понимал, и ему очень нравился этот дом, точно уснувший в полдневной тиши раннего лета под пятнистой тенью дубовой листвы.

Айвори спросил у Берча, что это за дом, и тот ответил:

— Да это Ирия! То есть, я хотел сказать, Старая Ирия. По праву этот дом тоже принадлежит мне. Но после целого века междуусобиц и сражений мой дед, чтобы прекратить бесконечные ссоры, решил поступиться и этим домом, и прилегающими к нему землями. Хотя хозяин Старой Ирии до сих пор со мной из-за этого в ссоре. Впрочем, он чаще всего так пьян, что лыка не вяжет. Я, правда, его уже несколько лет не видел. У него, по-моему, еще дочь была.

— Ее зовут Стрекоза, и она все там сама делает, я ее

сама в прошлом году один раз видела! Она высокая и очень красивая. Она похожа на большое цветущее дерево! — выпалила вдруг младшая дочь Берча, Роза, которая была занята тем, что неустанно и весьма пристально наблюдала за всем вокруг и этими наблюдениями заполняла свою жизнь — все те четырнадцать лет, которые были отведены ей злосчастной судьбой. Сказав это, девочка закашлялась и умолкла. Ее мать бросила печальный и искательный взгляд на волшебника: ведь должен же он слышать, как ужасно кашляет дочка его хозяина? Волшебник улыбнулся юной Розе, и у матери радостно встрепенулось сердце. Конечно же, он не стал бы улыбаться так, если бы этот кашель означал что-то серьезное!

— В общем, эта старая развалюха к нам никакого отношения не имеет, — буркнул Берч с явным неудовольствием, и тактичный Айвори спрашивать больше не стал. Но ему захотелось увидеть ту девушку, что прекрасна, как «большое цветущее дерево». Он стал регулярно прогуливаться верхом мимо Старой Ирии. Несколько раз он заезжал и в деревню у подножия холма, пытался там задавать всякие вопросы, но в деревне толком и остановиться-то негде было, и никто на его вопросы отвечать не желал. Какая-то ведьма с бельмом на глазу только раз на него взглянула и тут же исчезла у себя в хижине. А подниматься наверх, к самому дому, он не решался, опасаясь этих безумных собак, а также возможной встречи с хозяином-пьяницей. Однако все же попробовать ему хотелось: во-первых, ему безумно наскучила однообразная жизнь в Уэстпуле, а во-вторых, он всегда любил риск. И однажды он все же стал подниматься к старому дому, несмотря на то что собаки, совершенно озверев, стали уже бросаться на лошадь, клацая зубами. Кобыла шарахалась, лягалась и все пыталась подняться на дыбы, так что он с трудом удерживал ее заклятиями и силой собственных рук. Наконец собаки добрались и до его ног, и он уже готов был позволить вороной кобыле делать, что ей заблагорассудится, когда кто-то вдруг стал разгонять рычащих псов, осыпая их проклятиями и ударами плетки. Когда Айвори наконец удалось заставить перепуганную кобылу стоять смирно, он увидел перед собой девушку, действительно

прекрасную, как «большое цветущее дерево». Она была очень высокая, вся взмокшая от усилий, с крупными, но красивыми руками и ногами, с крупным носом и ртом, с огромными глазищами и с целой копной пышных спутанных и насквозь пропыленных волос. И она пронзительно кричала на повизгивавших собак:

— Назад! Назад в дом, сукины дети! Ах вы, падальщики проклятые!

Айвори прижал руку к правому бедру, ближе к колену, где его штаны были порваны собачьими зубами и на них расплывалось кровавое пятно.

— Она ранена? — спросила высокая девушка. — Ах, чертово отродье! — Она погладила и осторожно ощупала правую ногу кобылы; все руки ее были покрыты кровью и лошадиным потом. — Ну, ну, — ласково приговаривала она, — ты смелая девочка, отважное сердце! — Кобыла опустила голову и вся так и вздрагивала от неожиданной ласки и облегчения. — С какой стати ты сюда поперся да еще и держал кобылу посреди собачьей своры? — рассерженно накинулась на Айвори девушка. Теперь она стояла на коленях у самых лошадиных копыт и смотрела на него снизу вверх. А он смотрел на нее сверху вниз, продолжая сидеть в седле, и все-таки чувствовал себя рядом с ней чуть ли не карликом.

Его ответа она ждать не стала.

— Я отведу ее наверх, — сказала она, поспешно вставая, и взялась за поводья. Айвори понял, что ему предлагается с лошади слезть. Он спешился и спросил:

— А что, очень плохо? — Но сумел разглядеть на лошадиной ноге лишь ярко-красную кровавую пену.

— Ну, идем, идем, любовь моя, — сказала женщина, обращаясь явно не к нему. Кобыла доверчиво пошла за нею. Они направлялись по каменистой тропинке куда-то на дальнюю сторону холма, где, как оказалось, стояла старая конюшня со стенами из грубого камня. Лошадей в конюшне не было ни одной, зато там гнездилось множество ласточек, которые без конца шныряли под крышей и щебетали, быстро обмениваясь новостями.

— Подержи-ка ее, чтобы стояла спокойно, — велела Айвори девушка, сунула ему поводья и вышла, оставив

его в этой заброшенной конюшне одного. Впрочем, она вскоре вернулась, таща тяжелое ведро с водой, и принялась обмывать кобыле ногу. — Сними с нее седло! — снова приказала она ему, и в ее тоне явно слышались нетерпение и презрение. Но Айвори повиновался; эта грубая великанша немного раздражала его, но все же вызывала жгучее любопытство. Она больше уже не казалась ему похожей на цветущее дерево, однако и в самом деле была красива, но какой-то особой, свирепой, великанской красотой. Кобыла полностью ей подчинялась. Когда она говорила, например: «Подними-ка ногу!» — кобыла тут же ее приказание исполняла. Девушка вытерла ее всю с ног до головы насухо, заботливо накинула ей на спину попону и вывела на солнышко. — Она поправится, — сказала девушка Айвори. — Рана, правда, довольно глубокая, но если ты будешь раза четыре-пять в день промывать ее теплой соленой водой, она скоро затянется. Мне очень жаль, что так получилось. — Эти слова она сказала явно от всего сердца, хотя и немного ворчливым тоном, словно так и не могла понять, как это он мог допустить, чтобы на его кобылу напали собаки. И наконец она впервые посмотрела прямо на него. Глаза у нее оказались рыжевато-карими, очень ясными, похожими на винный топаз или янтарь. Странные глаза. И девушка эта была с ним, довольно высоким мужчиной, одного роста.

— Мне тоже очень жаль, — сказал он почти весело, чтобы она не подумала, что он сердится.

— Эта кобыла принадлежит хозяину Уэстпула. Значит, ты его волшебник?

Он поклонился.

— Айвори из великого порта Хавнор к вашим услугам. Могу я...

Она не дала ему договорить:

— Я думала, ты с Рока.

— Ну да, в общем, — подтвердил он, стараясь сохранять достоинство.

Она смотрела на него своими странными глазами, и он вдруг подумал, что по этим глазам ничего прочесть невозможно, точно по глазам животного, овцы, например. А из нее так и сыпались вопросы:

— Ты там жил? Учился? И ты знаешь Верховного Мага?

— Да, конечно, — сказал он с улыбкой. Потом впервые поморщился от боли и прижал руку к бедру.

— Ты что, тоже ранен?

— Немножко, ничего страшного, — сказал он. И в самом деле, рана уже перестала кровоточить, что его даже немного огорчило.

Девушка снова заглянула ему в глаза.

— А как... как там вообще... на Роке?

Айвори ответил не сразу; он, чуть-чуть прихрамывая, подошел к старинной каменной подставке для посадки на лошадь и уселся на нее, вытянув ногу и поглаживая больное место. Потом внимательно посмотрел на эту странную девицу и наконец промолвил:

— Много времени потребуется, чтобы рассказать, что представляет собой остров Рок. Но я с удовольствием расскажу тебе о нем.

— Этот человек — волшебник или почти волшебник, — сказала Стрекозе ведьма Роза. — Причем волшебник с Рока! Ты не должна его ни о чем спрашивать! — Роза была не просто рассержена: она была еще и напугана.

— Да он совсем не против, — заверила ее Стрекоза. — Вот только он редко когда отвечает по-настоящему.

— Ну естественно!

— Почему это «естественно»?

— Потому что он — волшебник! А ты — женщина, и к тому же невежественная, ничему не обученная, не имеющая никаких магических знаний!

— Ты тоже могла бы меня многому научить! Только ты ни за что этого не сделаешь!

И тут Роза одним щелчком уничтожила все, чему она когда-либо учила Стрекозу.

— Ах так? Ну и ладно. Вот я и буду у него учиться и вопросы ему задавать буду! — заявила Стрекоза.

— Волшебники женщин не учат! Он тебе просто голову морочит.

— Но ведь вы же с Брумом обмениваетесь всякими рецептами и даже заклятиями, верно?

— Брум — обыкновенный деревенский колдун. А этот человек — настоящий волшебник. Он изучал Истинные Искусства на острове Рок!

— Он рассказывал мне, как попадают в эту Школу, — мечтательно проговорила Стрекоза. — Сперва ты поднимаешься на Холм Рок и проходишь через весь город, который называется Твил. И там есть одна такая дверца, которая выходит прямо на улицу... Только она всегда заперта. И выглядит, как самая обычная дверь...

Ведьма слушала, как завороженная, не в силах сопротивляться волшебству этих тайных откровений и страстному желанию девушки.

— Но, стоит постучаться, и сразу выйдет человек, с виду самый обыкновенный, но только он устраивает всем, кто желает войти внутрь, испытание. Нужно знать и произнести вслух некое слово, пароль, и если ты его произнесешь, Привратник тебя впустит. Но если ты этого слова не знаешь, то никогда не сможешь туда попасть. А если все-таки попадешь, если Привратник позволит тебе войти, то сразу поймешь, что изнутри эта дверца выглядит совсем иначе — она сделана из рога и украшена дивной резьбой: на ней вырезано само Древо Жизни; а рама дверцы сделана из зуба дракона, да-да, из одного-единственного его зуба! И дракон этот жил очень давно, задолго до Эррет-Акбе, задолго до Морреда, задолго до того, как в Земноморье вообще появились люди. Там, оказывается, сперва жили только драконы. А этот зуб был найден на горе Онн, что находится на острове Хавнор, в самом сердце нашего мира — так говорит Айвори. А листья Древа Жизни, изображенного на этой дверце, вырезаны так искусно и так тонки, что солнце просвечивает сквозь них, однако сама дверь так крепка, что если Привратник запирает ее, ни одно заклятие не в силах ее отпереть. А если тебе удается войти, то сам Привратник ведет тебя из зала в зал, и в конце концов ты совсем перестаешь соображать, где находишься, и тут вдруг ты выходишь во двор и видишь над собой небо. Это знаменитый Двор Фонтана, самое сердце Большого Дома. И именно там

тебя должен встретить Верховный Маг, если он в это время находится на острове...

— А дальше? — прошептала ведьма.

— А дальше я не знаю. Он мне пока что ничего больше не рассказывал, — сказала Стрекоза и, вздохнув, вернулась в теплый весенний день, на бесконечно знакомую тропу, ведущую к дому Розы, и увидела семь своих молочных овец, пасущихся на холме Ирия, и бронзовые от молодой листвы дубы вокруг старого дома. — Уж больно он осторожен, когда об этих Мастерах рассказывает!

Роза понимающе кивнула.

— Зато он подробно рассказывал мне о некоторых учениках.

— Ну, в этом-то, по-моему, ничего опасного нет.

— Не знаю... — сказала Стрекоза. — Но это так чудесно — слушать рассказы о Большом Доме! Хотя я думала, что тамошние... люди должны быть... ну, не знаю!.. Они, конечно, в основном еще мальчишками туда попадают... Но я думала, что они все должны быть... — Она посмотрела вдаль, на пасшихся на склоне холма овец; лицо у нее было какое-то встревоженное. — Знаешь, некоторые из них на самом-то деле глупые и плохие, — сказала она очень тихо, — и попадают в Школу только потому, что богаты. И учатся там только для того, чтобы стать еще богаче. Или — чтобы обрести власть.

— Ну да, конечно, — сказала Роза, — они ведь именно за этим туда и поступают!

— Но ведь волшебство — это совсем другая власть, ты ведь и сама мне говорила... Это ведь не та власть, которая заставляет других работать на тебя или платить тебе...

— Разве?

— Совсем не такая!

— Если словом можно исцелить, то словом можно и ранить, — молвила ведьма. — Если рука может убить, то рука может и на ноги поставить. Это телега, как известно, едет только в одну сторону.

— Но на Роке они специально учатся, как правильно использовать свою магическую силу — не для того, чтобы вредить другим, не для игры и не для наживы.

— Все на свете в той или иной степени служит для

игры и для наживы, я бы так сказала. Люди должны как-то жить. Но много ли я знаю? Делаю что умею, вот и все. Но никаких Великих Искусств я не знаю; и никакими опасными умениями, вроде умения вызывать мертвых, не владею. — И Роза сделала жест, отгоняющий беду, ибо произнесла опасные слова.

— Все на свете опасно, — сказала Стрекоза, глядя теперь как бы сквозь этот холм с овцами и деревьями на нем — в какие-то неведомые глубины, в бесцветную бескрайнюю пустоту, в чем-то похожую на ясное небо перед восходом солнца.

Роза наблюдала за ней. Она понимала, что не знает, ни кто такая Ириан, ни кем она может оказаться. Большая, сильная, неуклюжая, невежественная, невинная, сердитая молодая женщина — да, такую Ириан она видела перед собой. Но что там у нее в душе? Еще с тех пор, как Ириан, или Стрекоза, была совсем ребенком, Роза видела в ней нечто могущественное и непостижимое. А когда девушка смотрела вот так, словно отвернувшись от окружающего ее мира, казалось, что в эти мгновения она находится в ином времени, в ином царстве и там, похоже, становится чем-то большим и безусловно гораздо более сложным, чем Роза способна постичь с помощью своего разума и своих знаний. И в таких случаях Роза немного боялась Ириан. И за нее тоже боялась.

— Ты осторожнее, — мрачно сказала она девушке. — Ты права: все на свете опасно, а более всего — связываться с волшебниками.

Стрекоза всегда любила Розу и уважала ее, и она, конечно же, никогда бы не пропустила такое предостережение мимо ушей. Но Айвори она никак не могла воспринимать как человека опасного. Она его часто не понимала, однако мысль о том, что его следует опасаться, ей даже в голову не приходила. Она пыталась вести себя с ним уважительно, но это оказалось совершенно невозможно. Она считала, что он умен и весьма привлекателен, но не особенно много о нем думала, разве что в том отношении, что он еще многое мог бы ей рассказать о Роке и волшебниках. А он, понимая, ЧТО именно ей интересно, рассказывал ей об этом понемногу да и не всегда то, что

она хотела бы узнать. Однако он всегда был с ней терпелив, и она была ему благодарна за это терпение, вполне отдавая себе отчет в своем невежестве и в том, что соображает гораздо медленнее, чем он. Порой он улыбался, слыша ее наивные вопросы, но ни разу не фыркнул презрительно, ни разу не упрекнул. Как и Роза, Айвори любил отвечать вопросом на вопрос; однако в ответах Розы всегда содержалось немало такого, что она, Стрекоза, и так давно уже знала, а вот ответы Айвори были порой настолько неожиданными, что она даже представить себе не могла, что подобные вещи бывают на свете, и некоторые из них оказывались удивительно ей неприятны, ибо шли вразрез со всеми ее представлениями о добре и справедливости, о том, как должна быть устроена жизнь.

День за днем в старой конюшне усадьбы Ирия, где они постоянно назначали друг другу свидания, она задавала ему все больше и больше вопросов, а он все больше и больше рассказывал ей, хотя на те или иные вопросы отвечал не всегда охотно и далеко не всегда полно; ей казалось, что он, словно щитом, прикрывает от нее своих учителей, Мастеров с острова Рок, пытаясь во что бы то ни стало сохранить в ее душе светлый образ этого волшебного острова. И все же однажды он поддался ее настойчивым просьбам и заговорил совершенно свободно.

— Там есть очень хорошие люди! — сказал он совершенно искренне. — Великие и мудрые. Таким, безусловно, был Верховный Маг. Но он покинул Рок. А остальные Мастера... Некоторые держатся от всего в стороне, занимаясь только своими таинственными исследованиями, разыскивая новые пути и новые имена, но, в общем-то, используют свои знания впустую. Другие скрывают свое невероятное честолюбие под серым плащом мудрости. Рок более уже не является тем местом, где сосредоточена вся власть в Земноморье. Теперь вся власть у нас — в королевском дворце, в Хавноре. А Рок живет за счет своего великого прошлого, защищенный тысячью магических заклятий от любых событий сегодняшнего дня. А что там, за этими волшебными стенами? Ссоры, честолюбивые устремления, боязнь всего нового, боязнь молодых, которые бросают вызов могущественным старикам! И больше,

пожалуй, ничего. Большой Дом пуст, и Верховный Маг никогда туда не вернется!

— Откуда тебе знать? — прошептала она.

Он сурово на нее глянул:

— Его унес дракон!

— Ты это видел? Видел? — Стрекоза даже кулаки стиснула, настолько ярко представила она себе этот полет, и не расслышала его ответа.

И далеко не сразу сумела вернуться к солнечному свету и знакомой конюшне, к своим мыслям и неразрешимым загадкам.

— Но даже если он умер, — промолвила она, — наверняка ведь среди Мастеров есть и такие, кто по-настоящему мудр?

Айвори долго молчал, а когда наконец поднял на нее глаза и заговорил, то слова точно не шли у него с языка, а на губах блуждала печальная усмешка.

— Вся тайна, вся мудрость Мастеров, если ее вытащить и как следует рассмотреть при свете дня, ничего особенного из себя не представляет, знаешь ли. Так, кое-какие умелые трюки... чудесные иллюзии. Но люди этого знать не желают. Они желают верить в эти иллюзии, в эти таинственные превращения. И разве можно винить их? Ведь в жизни так мало прекрасного, стоящего внимания.

Словно желая подкрепить примером собственные слова, Айвори подобрал кусочек кирпича, которым была вымощена старая дорожка, и подбросил его вверх, произнося при этом какие-то слова, и заставил его превратиться в бабочку, которая принялась кружить над ними, трепеща голубыми крылышками. Он протянул палец, и бабочка села на него. А потом он тряхнул рукой, и бабочка упала на землю кусочком кирпича.

— В моей жизни очень мало стоящего, — сказала Стрекоза, задумчиво глядя на вымощенную кирпичом дорожку. — Я и умею немного: хозяйство вести да правду говорить, если меня спрашивают. Но если я стану теперь думать, что даже на Роке все только ложь и пустые фокусы, то, наверное, возненавижу этих мудрецов за то, что они меня так долго обманывали, за то, что они так долго

обманывали нас всех. Нет, не может там все быть ложью! Во всяком случае, Верховный Маг действительно уходил в глубины подземного лабиринта и вернулся оттуда с Кольцом Мира. И он действительно побывал в стране мертвых вместе с молодым королем и победил того мага-паука, а потом вернулся в наш мир. Мы знаем все это со слов самого короля. Ведь даже сюда приходят бродячие музыканты и поют об этих подвигах песни, наигрывая на своих арфах. А как-то раз к нам приходил один сказитель и тоже поведал нам немало историй.

Айвори кивнул.

— Но ты забываешь, что Верховный Маг утратил все свое могущество в стране мертвых, — сказал он. — Возможно, из-за этого и все волшебство на земле постепенно ослабело.

— Не знаю. Я не уверена: ведь заклятия нашей ведьмы Розы действуют так же хорошо, как и прежде, — упрямо возразила Стрекоза.

Он только улыбнулся в ответ, но она видела, что подобное сравнение представляется ему просто нелепым. Какая-то деревенская ведьма и Верховный Маг! Стрекоза только вздохнула. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, если б только я не была женщиной!

Он снова улыбнулся.

— Ты очень красивая женщина, — сказал он. Сказал очень просто, ничуть ей не льстя, как пытался делать это вначале, до того, как она успела дать ему понять, что ей отвратительна подобная лесть. — С какой же стати тебе становиться мужчиной?

— Чтобы иметь возможность отправиться на Рок! Все увидеть, всему научиться! Почему, ну почему туда могут поехать только мужчины?

— Таково правило, установленное первым Верховным Магом Земноморья много столетий назад, — сказал Айвори. — Хотя... мне эти мысли тоже в голову приходили.

— Правда?

— И очень часто. Поскольку день за днем я видел вокруг себя только мальчиков и мужчин — как в Большом Доме, так и во всей Школе. И знал, что местным женщинам запрещено ступать даже на поля вокруг Холма Рок.

Они, кстати, защищены от женщин особыми заклятиями. Раз в несколько лет, правда, какой-нибудь особенно знатной даме разрешается ненадолго зайти в один из внешних дворов Большого Дома... А почему это так? Неужели все женщины на свете лишены способности воспринимать магические науки и искусства? Или же Мастера просто боятся их, боятся стать «испорченными», утратить свою волшебную силу? Нет, скорее они боятся изменить тот «священный» Устав, которому они так строго следуют... нарушить «чистоту» своего братства...

— Женщины умеют хранить целомудрие не хуже мужчин! — пылко заявила Стрекоза. Она понимала, что ведет себя несдержанно (а ведь Айвори всегда вежлив с нею и всегда готов ей уступить!), но она совершенно не умела вести себя иначе, не умела скрывать свои чувства.

— Естественно! — И улыбка Айвори засияла еще ярче. — Но ведьмы ведь далеко не всегда целомудренны, верно?.. Может быть, Мастера боятся именно этого? Возможно, целибат отнюдь не является таким уж необходимым, как о том говорится в Уставе Рока? Возможно, это отнюдь не способ сохранения магической силы, а способ охранить эту силу ото всех остальных? Оставив за пределами своей «чистой» обители женщин и всех тех, кто не желает мириться с тем, что для того, чтобы стать волшебником, нужно обязательно превратиться в евнуха... Кто знает? Волшебница! Чаровница! Женщина-маг! Появись такие, изменились бы все правила на свете!

Стрекоза чувствовала, как далеко вперед он умчался в своих размышлениях на эту тему; видно, она давно не давала ему покоя, и он все играл с этими мыслями, с помощью слов превращая их в нечто осязаемое, как только что превратил кусок кирпича в бабочку. Конечно, Стрекоза не могла соревноваться с ним в этой игре мысли, но следила за его рассуждениями с любопытством и восхищением.

— А ты, между прочим, могла бы отправиться на Рок! — заметил он, и глаза его засверкали от возбуждения, озорства, мальчишеской смелости. Заметив, что она молчит и смотрит на него умоляюще-недоверчиво, он

подтвердил: — Да, могла бы. Хоть ты и женщина, но есть способы, с помощью которых можно изменить твое обличье. У тебя сердце и мужество мужчины, мужская воля, и ты вполне могла бы войти в Большой Дом, я в этом уверен!

— И что бы я там делала?

— То же, что и все остальные ученики. Жила бы одна в келье с каменными стенами и училась быть мудрой! Это, возможно, было бы не совсем то, что видится тебе в мечтах, но и многие свои заблуждения ты бы тоже там постигла.

— Я не смогу! Они же все равно узнают! И я не сумею даже внутрь войти. Ты же сам говорил, что там есть какой-то особый Привратник. А я не знаю, какой пароль нужно произнести...

— А, пароль! Но я ведь могу тебе его сказать.

— Можешь? Это разрешается?

— Мне все равно, разрешается это или нет! — Он сказал это с таким мрачным видом, что она удивилась. — Сам Верховный Маг говорил: «Правила создаются для того, чтобы их нарушали». А в данном случае правила создает несправедливость, а храбрость и мужество их нарушают. Если у тебя мужества хватает, так и у меня его хватит!

Некоторое время она молча смотрела на него — говорить она не могла, — потом встала и, постояв несколько секунд неподвижно, вышла из конюшни и двинулась по тропе, которая примерно на середине склона сворачивала и начинала огибать холм. Одна из собак, ее любимица, крупная, безобразная гончая с тяжелой головой, последовала за ней. Она остановилась только в том месте над рекой с болотистыми берегами, где десять лет назад Роза нарекла ее Истинным именем. Собака, усевшись у ее ног, преданно смотрела ей в лицо. В голове у Стрекозы стоял гул и была полная мешанина, но одна мысль билась там, ясная и настойчивая: она могла бы поехать на Рок и выяснить, наконец, кто она!

Поверх зарослей тростника, ивовых деревьев и дальних холмов она смотрела на запад. Весь западный край

неба был абсолютно чистым и пустым. Она стояла неподвижно, и душа ее, казалось, взлетает в небеса и устремляется прочь от нее, на запад...

Сзади послышалось мягкое шлепанье копыт вороной кобылы по тропе. И Стрекоза, придя наконец в себя, окликнула Айвори и побежала ему навстречу.

— Я поеду! — крикнула она на бегу.

* * *

Вообще-то он не собирался пускаться в подобные приключения, но, чем больше он думал о такой возможности, тем более привлекательной ему казалась его затея. Перспектива провести всю долгую серую зиму в Уэстпуле его совершенно не привлекала, и у него точно камень с души свалился, когда забрезжила возможность отсюда сбежать. Здесь для него не было ничего интересного, за исключением этой девушки по прозвищу Стрекоза, которая теперь полностью занимала его мысли. Он чувствовал в ней некую могущественную, но абсолютно невинную силу, и эта сила подчинила его себе, он старался угождать Стрекозе, надеясь в итоге все-таки вынудить ее сделать то, к чему он стремился сам. Это была игра, в которую, как ему казалось, сыграть стоило. Если она решится бежать с ним, можно считать, что он выиграл. Ну а что касается самой дурацкой идеи, что Стрекозе удастся пройти в Школу в обличье мужчины, то идея эта страшно ему нравилась. Было бы здорово ТАК подшутить надо всеми этими благочестивыми и важными Мастерами! Бросить такой камень в их квакающее болото!.. Только вряд ли это удастся. Но если он все же сумеет протащить эту женщину в Большой Дом — хотя бы на несколько минут, — то какая это будет сладкая месть!

Итак, теперь нужно только раздобыть денег. Девушка думает, конечно же, что ему, великому волшебнику, достаточно щелкнуть пальцами, и они тут же перенесутся через море на волшебном корабле, летящем на всех парусах. Но когда он сказал ей, что им придется заплатить за проезд, она просто ответила:

— Это ничего. У меня же есть «сырные» деньги!

Просто потрясающе она иногда умела ответить! Иногда грубоватая простота и искренность ее ответов даже пугала его, но он не желал этого признавать. Она довольно часто снилась ему, но в этих снах никогда ничего от него не требовала, зато он прямо-таки льнул к ней, еще более остро чувствуя в ее душе некую свирепую и сладостно-разрушительную силу, проваливался в ее объятия, совершенно уничтожавшие его собственное «я», и всегда в этих снах она была неким великолепным и совершенно непостижимым существом, а он — никем и ничем и просыпался после таких снов потрясенный и пристыженный. При свете дня, когда видны были ее большие грязные руки, когда она разговаривала с ним, как обыкновенная деревенская простушка, он снова обретал превосходство над нею. Ему хотелось только, чтобы еще кто-нибудь послушал, как смешно она говорит. Например, кое-кто из его старых друзей тоже нашел бы ее манеру говорить весьма забавной и посмеялся бы вместе с ним. «У меня же есть «сырные» деньги!» — все повторял он про себя, когда ехал верхом в Уэстпул, и смеялся.

— Надо же — «сырные»! — сказал он вслух, и вороная кобыла дернула от удивления ухом.

Итак, Айвори сообщил Берчу, что получил известие от своего учителя с Рока (он даже назвал его: Мастер Ловкая Рука) и теперь ему нужно незамедлительно отправляться туда. Он, конечно же, не может сказать, какова цель его поездки, однако дело это не потребует много времени. Так что две недели туда, две — обратно, и, самое позднее, он вернется в конце осени. Однако он вынужден просить господина Берча выдать ему авансом часть причитающейся платы, чтобы заплатить за проезд, поскольку волшебнику с острова Рок негоже рассчитывать на то, что люди сами пожелают дать ему все, что требуется. Лучше просто заплатить за проезд, проявив скромность и достоинство, как это делают все волшебники. Поскольку Берч со всеми его доводами согласился, Айвори вскоре получил от него увесистый кошель с деньгами. Это были первые настоящие деньги, которые он за последние годы держал в руках: десять пластинок из слоновой кости, на которых с одной стороны было вырезано изображение

знаменитой Выдры Шелитха, а на другой красовалась Руна Мира в честь короля Лебаннена. «Привет, мои маленькие! — шепнул он им, когда остался один. — Надеюсь, вы с «сырными» деньгами отлично поладите!»

Он очень мало рассказывал Стрекозе о своих планах, главным образом потому, что особых планов и не строил, надеясь на удачу и собственную сообразительность, которые редко его подводили. Впрочем, девушка вопросов почти не задавала.

— А что, я весь путь должна буду проделать в обличье мужчины? — Казалось, это чуть ли не единственный вопрос, который ее интересует.

— Да, — отвечал он. — Но ты просто переоденешься мужчиной. Я не стану пользоваться заклятием подобия, пока мы не прибудем на Рок, так что на меня ты похожа не будешь.

— А я думала, что это будет заклятие превращения, — сказала она чуть разочарованно.

— Это было бы неразумно, — объяснил Айвори, старательно подражая суховато-торжественному тону Мастера Метаморфоза. — Но если будет необходимо, я это сделаю, разумеется. Скоро ты и сама увидишь, что волшебники очень скупо пользуются Великими Заклятиями. И не без причины.

— Я знаю, из-за Равновесия, — кивнула она, как всегда восприняв то, что он ей рассказывал об этом, со свойственной ей простотой и наивностью.

— И еще, возможно, из-за того, что эти искусства уже не имеют той силы, какой обладали когда-то, — сказал Айвори. Он и сам не знал, почему пытается ослабить ее веру в могущество волшебства; возможно, потому, что любое ослабление ее силы, ее целостности было бы на руку ему самому. Ему давно уже хотелось просто затащить ее в постель, и эта странная игра ему сперва очень нравилась, но в итоге обернулась чем-то вроде поединка, которого он никак не ожидал и которому никак не мог положить конец. Теперь он стремился уже не развлечься с ней, а победить ее. Нельзя же было позволить какой-то деревенской девчонке одержать над ним победу! Нет, он должен доказать и ей, и самому себе, что те его сны не имеют в действительности ни малейшего смысла!

Довольно скоро, впрочем, Айвори потерял терпение, настолько она была к нему, как к мужчине, равнодушна, и воспользовался самым обычным приворотным заклятием, какими обычно пользуются колдуны. Ему было немного стыдно произносить подобное заклятие, но он знал, что действует оно весьма эффективно. Он навел на Стрекозу чары, когда она плела для своей коровы поводок с петлей на шее. Однако чары его подействовали на нее совсем не так, как он ожидал: она отнюдь не растаяла и не проявила готовности немедленно ему отдаться, как это всегда бывало с девушками в Хавноре и Твиле. Напротив, Стрекоза становилась все более молчаливой и сердитой. Она даже перестала задавать свои бесконечные вопросы о Школе Волшебников и часто не отвечала ему, когда он первым с ней заговаривал. Когда же как-то раз он очень осторожно приблизился к ней и нежно взял ее за руку, она так врезала ему по башке, что его потом еще долго пошатывало, а она молча встала и вышла из конюшни, и ее любимая собака — отвратительного вида гончая! — тут же последовала за нею. И Айвори показалось, что эта псина специально оглянулась и насмешливо на него посмотрела.

Стрекоза направлялась по тропе к старому дому, и когда в ушах у него перестало звенеть, он крадучись пошел за нею, надеясь, что чары все-таки действуют и с ее стороны это была просто неуклюжая попытка пригласить его в постель. Но, приблизившись к дому, Айвори услышал звуки бьющейся посуды, и какой-то мужчина, должно быть, ее отец, тот самый пьяница, пошатываясь, вышел на крыльцо; выглядел он испуганным и смущенным, а вслед ему неслись сердитые вопли Стрекозы: «Пошел вон из дома, пьянчуга несчастный! Проклятый предатель! Дурак! Бесстыжий развратник!»

— Она у меня стакан отняла! — поскуливая, как щенок, пожаловался незнакомцу хозяин Старой Ирии. Собаки скакали вокруг него, как бешеные. — И разбила!

Айвори повернулся и пошел прочь. И не возвращался два дня. На третий он все-таки решился проехать мимо

Старой Ирии, и Стрекоза тут же сама сбежала ему навстречу по тропинке.

— Прости меня, Айвори! — сказала она, глядя на него снизу вверх своими странными глазами, похожими на золотистый топаз. — Не знаю, что на меня тогда и нашло. Я просто ужасно рассердилась! Не на тебя, конечно. Ты уж меня прости.

И он милостиво простил ее. Но больше никогда не пытался наводить на нее любовные чары.

«А скоро, — думал он теперь, — они мне и не понадобятся. Я буду иметь над ней полную власть! И я хорошо знаю, как эту власть обрести. Она сама отдаст ее мне прямо в руки. Ее сила и воля, конечно, невероятно велики, но, к счастью, она глупа, а я умен и хитер».

Берч как раз собирался отправить вниз, в Кембермаут, повозку с шестью бочками отличного фанийского вина десятилетней выдержки, которое заказал ему один тамошний виноторговец, и с удовольствием разрешил Айвори ехать с ними вместе в качестве дополнительной охраны, потому что вино было очень дорогое, а на дорогах все еще бесчинствовали разбойники, хотя молодой король Лебаннен довольно быстро наводил в Земноморье порядок. Так что Айвори покинул Уэстпул на большой крытой повозке, которую тащили четыре могучих тяжеловоза. Повозка медленно ползла вниз по дороге, и Айвори, сидя на краю, беззаботно болтал в воздухе ногами, когда вдруг — уже где-то возле Джакасского холма — из придорожной канавы поднялась одетая в лохмотья фигура и оборванец попросил его подвезти.

— Что-то ты мне, парень, совсем не знаком, — с сомнением в голосе заявил возница, уже поднимая свой кнут, чтобы отогнать бродягу, но тут с другой стороны воза к ним подошел Айвори.

— Да ладно, старина, пусть едет с нами, — сказал молодой волшебник. — Он нам ничего плохого не сделает — я-то ведь тут.

— Ну так сам и следи за ним хорошенько, господин мой, — смирился возница.

— Ладно, — сказал Айвори и подмигнул Стрекозе, ибо то была, конечно, она, совершенно неузнаваемая, вся перепачканная грязью, в старой драной куртке и мужских штанах. На голове у нее красовалась жуткого вида шляпа, под которой она спрятала свои роскошные волосы. Стрекоза подмигивать ему в ответ не стала. Она старательно играла свою роль, даже когда они сидели рядышком, болтая ногами, на задке телеги и их отделяли от возницы шесть огромных бочек с вином. Погруженные в летнюю дремоту холмы и поля медленно проплывали и проплывали мимо. Айвори стало скучно, и он попытался было подразнить свою спутницу, но она только головой покачала. Возможно, она все же немного опасалась их безумной затеи, но наверняка сказать что-либо о ее настроении было невозможно. Всю дорогу Стрекоза была погружена в это торжественное и тяжкое молчание, и Айвори думал, что если меж ними что и получится, то она наверняка ему быстро наскучит. Но сама эта мысль вдруг до такой степени его возбудила, что желание стало почти невыносимым. Он оглянулся, собираясь уже начать с нею соответствующий разговор, но, как только он ее увидел, всякие «крамольные» мысли тут же испарились как бы сами собой, такой огромной и могучей она вдруг ему показалась.

На этой дороге им не попалось ни одной гостиницы, хотя она тянулась через весь западный край, некогда называвшийся Ирия. Когда солнце склонилось к западным равнинам, они остановились в самом простом крестьянском доме, где им смогли предложить сносную конюшню для лошадей, запирающийся сарай для повозки и сеновал в конюшне для путников. На сеновале было темно, душно. Никакого желания Айвори больше не испытывал, хотя девушка лежала от него на расстоянии вытянутой руки. Она так старательно весь день изображала мужчину, что даже его умудрилась наполовину убедить, что это так и есть. Возможно, ей в итоге и старого Привратника убедить удастся! — думал Айвори. И, улыбнувшись при этой мысли, заснул.

Они тащились и весь следующий день, два раза попали под грозовой дождь и к вечеру прибыли наконец в Кембермаут, процветающий портовый город, обнесенный стеной. Предоставив вознице самому выполнять поручение хозяина, они расстались с ним и отыскали подхо-

дящую гостиницу. Стрекоза помалкивала, глядя по сторонам с таким выражением лица, которое можно было воспринимать либо как страх, смешанный с восторгом, либо как сильнейшее неодобрение, вызванное обыкновенным невежеством.

— Очень милый маленький городок! — заметил Айвори. — И все-таки единственная настоящая столица в мире — это Хавнор!

Однако все его попытки разговорить ее оказались тщетными; она промолвила лишь:

— На Рок ведь не так часто корабли отправляются, верно? Ты как думаешь, много времени нам понадобится, чтобы отыскать подходящий корабль?

— Нет, быстро найдем, если у меня в руке посох волшебника будет, — ответил Айвори.

Она перестала смотреть по сторонам и некоторое время шла, опустив голову и погрузившись в глубокую задумчивость. Он украдкой наблюдал за нею. В движении она была просто прекрасна — смелая, грациозная, с гордой осанкой.

— Ты хочешь сказать, что они обязаны взять на борт любого волшебника? Но ведь ты же пока еще не волшебник.

— Это простая формальность. Я давно уже числюсь старшим колдуном, и нам позволено брать в руки посох, когда мы отправляемся куда-нибудь по делам нашего острова. А я именно этим сейчас и занимаюсь.

— Ты же МЕНЯ туда везешь!

— Я везу туда ЕЩЕ ОДНОГО УЧЕНИКА, — наставительно произнес он. — Причем весьма одаренного!

Больше Стрекоза вопросов не задавала. Она никогда с ним не спорила; это была одна из существенных ее добродетелей.

А вечером в гостинице, стоявшей у самого причала, она за ужином вдруг спросила с неожиданной застенчивостью:

— А что, я и правда такая одаренная?

— На мой взгляд, да, — честно ответил он.

Она задумалась — разговор с ней часто получался ка-

ким-то замедленным — и наконец, точно очнувшись, сказала:

— Роза всегда говорила, что во мне есть какая-то сила. Только она не знала, какая именно. И я... я понимаю, что это так и есть, но тоже не знаю, какова она, эта моя сила.

— Вот ты и едешь на Рок, чтобы это узнать, — сказал Айвори, поднимая стакан с вином. Она чуть помедлила, потом тоже подняла стакан и улыбнулась ему. И улыбка эта была такой нежной и счастливой, что у него вдруг вырвалось: — И пусть то, что ты там обретешь, полностью соответствует всем твоим надеждам!

— Если эта моя мечта сбудется, то только благодаря тебе, — отвечала она. И в этот миг он искренне любил ее и готов был отречься ото всех своих дурных мыслей и воспринимать эту девушку только как товарища по дерзкому и опасному приключению.

Им пришлось поселиться в одной комнате, ибо гостиница была переполнена, но в этот вечер мысли Айвори были исключительно целомудренны, он даже немного посмеивался над собой за это.

Наутро он сорвал в саду при гостинице соломинку и с помощью заклинания придал ей форму отличного посоха с медным набалдашником, точно соответствовавшего ему высотой.

— А из какого он дерева? — спросила Стрекоза, совершенно восхищенная этим превращением, а когда Айвори со смехом ответил ей: «Из розмарина!» — тоже рассмеялась.

Они шли от причала к причалу, спрашивая, не идет ли на юг какое-нибудь судно, которое могло бы взять на борт волшебника и его ученика и довезти их до Острова Мудрых, и довольно скоро они такой корабль отыскали. Это было тяжелое грузовое судно, направлявшееся в Уотхорт; хозяин судна согласился отвезти волшебника задаром, а его ученика — за полцены. Но даже и полцены составляли почти половину «сырных» денег Стрекозы. Зато им была предоставлена каюта — настоящая роскошь на таком грузовом судне, как эта «Морская выдра».

Пока они вели переговоры с хозяином судна, на при-

чал выехала знакомая повозка и принялась выгружать шесть не менее знакомых огромных бочек с вином.

— Это наши, из Ирии, — заметил Айвори, и владелец судна понимающе кивнул и сказал:

— Мне их в город Хорт велено отвезти.

— Из Ирии... — пробормотала Стрекоза и оглянулась, словно прощаясь с остающейся за бортом землей. Это был единственный раз, когда она оглянулась назад.

Служивший на этом судне заклинатель ветров явился перед самым отплытием; это был никакой не волшебник, а самый обыкновенный человек, исхлестанный морскими ветрами и в потрепанном морском плаще с капюшоном. Здороваясь с ним, Айвори хвастливо продемонстрировал свой посох, и колдун, смерив его взглядом, заметил:

— Ну что ж, погоду на судне должен заклинать кто-то один. Если это буду не я, то я пошел.

— Да нет, я здесь просто пассажир, господин мой, — поспешил успокоить его Айвори. — Я с радостью предоставлю тебе возможность управляться с ветрами.

Колдун быстро глянул на Стрекозу, которая стояла, выпрямившись и словно одеревенев, и сперва ничего не ответил, но потом все же буркнул:

— Ладно, — и это было последнее слово, которое Айвори от него услышал.

В пути, однако, колдун не раз разговаривал со Стрекозой, что несколько тревожило Айвори. Ее невежество и доверчивость могли сослужить им обоим дурную службу. Когда же он спросил девушку, о чем это они разговаривают, она ответила спокойно:

— О том, что с нами будет.

Он, онемев от изумления, вопросительно посмотрел на нее.

— Со всеми нами. С жителями Уэя и Фелкуэя, Хавнора и Уотхорта, а также Рока. Со всеми жителями всех островов, — пояснила Стрекоза. — Он говорит, что прошлой осенью перед своей коронацией король Лебаннен специально послал на остров Гонт за старым Верховным Магом, желая, чтобы именно он совершил этот обряд, но Маг не явился. И пришлось королю самому себя короновать. И многие теперь утверждают, что все это было не по правилам и что трон Лебаннен занимает тоже не по праву. А другие говорят, что наш король теперь и есть новый Верховный Маг. Но ведь король Лебаннен — не волшебник, он всего лишь король, верно? А еще говорят, что скоро вновь наступят Темные Времена и в мире будет править зло, а не добро и справедливость, и что волшебство опять станут использовать в дурных целях.

Айвори, помолчав, спросил:

— И что же, он сам до всего этого додумался, этот старый заклинатель ветров?

— Наверное, так многие думают сейчас, — ответила Стрекоза со свойственным ей мрачноватым простодушием.

Свое дело, впрочем, этот заклинатель ветров знал отлично, и «Морская выдра» стрелой летела на юг. Несколько раз они попадали в мимолетные летние шквалы, и море часто бывало неспокойным, но ни разу не случилось настоящего шторма или опасной бури. Они причаливали, оставляя один груз и взяв на борт новый, в самых различных портах — на северном побережье острова О, на острове Илиен, на островах Ленг и Камери, а потом в порту О, что находится на самом юге одноименного острова, — и наконец из порта О повернули на запад, чтобы отвезти пассажиров на Рок. И Айвори, глядя на запад, чувствовал холодок под ложечкой, ибо слишком хорошо понимал, КАК охраняется остров Рок и как трудно бывает порой попасть туда. Он знал, что ни сам он, ни этот заклинатель ветров ничего не смогут сделать, чтобы отвернуть волшебный ветер Рока, если его направят им навстречу. И тогда Стрекоза, конечно же, спросит: почему этот ветер не дает судну подойти к острову, если на нем плывет ученик Школы?

Айвори был даже рад, видя, что и старому колдуну тоже не по себе и тот постоянно начеку — то стоит у руля вместе с рулевым, то торчит на верхушке мачты вместе с впередсмотрящим, то бросается спускать паруса при малейшем намеке на западный ветер. Однако ветер, к счастью, постоянно дул с севера. Этот ветер часто приносил проливные дожди, грозы с громом и молнией, и Айвори

уходил в каюту, а Стрекоза оставалась на палубе. Она боялась моря, она и прежде не раз говорила ему об этом. Плавать она не умела и как-то раз сказала задумчиво:

— Должно быть, утонуть — это просто ужасно! Когда не можешь вздохнуть... — И вся передернулась при одной лишь мысли об этом. Это был единственный случай, когда она обозначила свой страх перед чем-то. Впрочем, низенькую тесную каюту она тоже не любила и старалась как можно больше находиться на палубе, а в теплые ночи даже спала там. Айвори даже не пытался уговорить ее ночевать в каюте. Он давно уже понял, что заставить ее что-либо сделать совершенно невозможно, да и бессмысленно, ибо все равно ни к чему хорошему это не приведет. Чтобы ее заполучить, он должен стать ее ХОЗЯИНОМ. И он станет им непременно, если только они сумеют добраться до Рока!

Когда Айвори снова поднялся на палубу, он увидел, что небо после очередного дождя почти совсем расчистилось, а на западном краю неба облака совершенно рассеялись, так что на фоне золотистого закатного неба отчетливо была видна округлая темная вершина Холма Рок.

Айвори смотрел на нее с какой-то странной смесью ненависти и восхищения.

— А это, парень, знаменитый Холм Рок, — сказал старый колдун Стрекозе, которая вместе с ним стояла у поручней. — Сейчас мы как раз входим в гавань города Твила. Здесь никогда никаких ветров не бывает, кроме тех, какие тамошние Мастера сами захотят.

Когда они наконец бросили якорь, уже совсем стемнело, и Айвори сказал хозяину судна:

— Мы, пожалуй, сегодня здесь переночуем.

Стрекоза тем временем сидела в их крошечной каюте, терпеливо его дожидаясь; вид у нее был торжественный, глаза блестели от возбуждения.

— На берег сойдем завтра утром, — сообщил он ей, и она только кивнула, как всегда соглашаясь с его решением.

А потом вдруг спросила:

— Я выгляжу как надо?

Он сел на низенькую койку и внимательно посмотрел

на нее, сидевшую напротив, на точно такой же низенькой койке. Они сидели чуть наискосок, потому что между койками не хватало места для колен. Еще в порту О Стрекоза, по его совету, купила себе приличную рубашку и штаны, чтобы выглядеть достойным кандидатом в ученики Школы. Лицо у нее загорело на морском ветру и наконец-то было отмыто дочиста. Свои густые волосы она заплела в косу, а косу скрутила в тугой пучок и спрятала под шапку. Руки она тоже отмыла дочиста, и теперь они спокойно лежали у нее на коленях — сильные, с красивыми длинными пальцами, почти мужские руки.

— На мужчину ты, в общем, совсем не похожа, — сказал он ей. На лице Стрекозы отразилось отчаяние. — Но это только в моих глазах, — поспешил он ее успокоить. — Потому что в моих глазах ты никогда не будешь похожа на мужчину! Но не бойся. Другим ты, конечно же, покажешься настоящим мужчиной.

Она кивнула, но в глазах ее стыла тревога.

— Первое испытание самое главное, Стрекоза, — сказал Айвори. Каждую ночь, лежа в одиночестве в каюте, он репетировал этот разговор. — Если ты его пройдешь, сумеешь миновать ту дверь, то проникнуть в Большой Дом не составит труда.

— Я и сама все время об этом думаю, — призналась она и торопливо прибавила: — А нельзя ли мне просто сказать им, кто я? Ты ведь будешь рядом и сможешь за меня поручиться, сказать... что, хоть я и женщина, у меня есть некоторые способности... А уж я бы поклялась соблюдать любые обеты! Я бы и целомудрие соблюдала, и жила бы отдельно от других, если надо...

Но он только головой покачал:

— Нет, нет, нет! Это совершенно безнадежно, бессмысленно и, наконец, смертельно опасно!

— Даже если ты...

— Даже если я приведу тысячу доводов в твою защиту! Они и слушать меня не станут. Устав Рока запрещает обучать женщин каким бы то ни было магическим искусствам, а также — Языку Созидания. Так было всегда. Нет, слушать меня они не станут. А значит, нужно им показать, что мы оба чего-то стоим! И мы им покажем! Мы их

проучим! Смелее, Стрекоза. Ты не должна падать духом, ты не должна думать: «Ой, а может, если я попрошу их меня впустить, они мне не откажут?» Откажут. Откажут непременно! А обнаружив, что ты, женщина, хотела их обмануть, они тебя еще и накажут. И меня заодно. — И он произнес про себя: «Минуй нас!»

Стрекоза долго смотрела на него своими непонятными глазами и наконец спросила:

— Что я должна сделать?

— Ты доверяешь мне, Стрекоза?

— Да.

— Будешь ли ты доверять мне полностью и дальше? Знай, что тот риск, на который я иду ради тебя, куда больше того риска, которому подвергаешься ты.

— Я знаю. Я буду доверять тебе.

— Тогда ты должна сказать мне то слово, которое произнесешь Мастеру Привратнику.

Она удивленно уставилась на него.

— Но я думала, это ты сперва назовешь мне... этот пароль?

— Этим паролем служит Истинное имя того, кто приходит к дверям Школы.

Он дал ей время, чтобы осознать услышанное, а потом продолжал тихо и вкрадчиво:

— А для того, чтобы на тебя подействовало мое заклятие подобия, чтобы Мастера Рока увидели в тебе только мужчину и ничто другое — чтобы сделать все как полагается, я тоже должен знать твое Имя. — Он снова помолчал. Пока он говорил, ему казалось, что говорит он сущую правду, и голос его звучал мягко и задушевно: — Я давным-давно мог бы узнать его, — сказал он. — Но я предпочел не пользоваться магическим искусством. Я хотел, чтобы ты, испытывая ко мне полное доверие, сама назвала бы свое Истинное имя, когда я тебя об этом спрошу.

Стрекоза молчала, уставившись на свои сомкнутые руки, спокойно лежавшие на коленях. В слабом красноватом свете висевшего в каюте фонаря ее длинные ресницы отбрасывали на щеки изящные зубчатые тени. Через некоторое время она вскинула глаза и посмотрела Айвори прямо в лицо.

— Мое имя Ириан, — просто сказала она.

Он молча улыбнулся. Но она на его улыбку не ответила.

На самом деле Айвори совершенно растерялся. Если бы он знал, что это будет так легко, то давно мог бы уже узнать ее подлинное имя и обрести над нею полную власть. Он мог бы заставить ее делать все, чего хочет он, еще много-много дней назад, и для этого нужно было всего лишь нагородить ей с три короба насчет этого побега, не отказываясь ни от своего жалованья у Берча, ни от своей ненадежной респектабельности, не пускаясь ни в какие путешествия и вообще не делая ни шагу в направлении острова Рок! Ведь не было на свете таких чар, с помощью которых он мог бы настолько изменить ее облик, чтобы обмануть Мастера Привратника — хотя бы на мгновение! И все его намерения унизить Мастеров так же, как они унизили его, выеденного яйца не стоят. Одержимый одним желанием — обмануть эту девушку, — он угодил в ловушку, которую сам же и приготовил. Он с горечью признавал теперь, что все это время верил в собственную ложь и в итоге окончательно запутался в сетях, которые сам столь искусно сплел. Однажды на Роке он уже поставил себя в глупое положение, неужели и теперь он хочет повторить то же самое? В нем кипел отчаянный гнев на самого себя. Ничем хорошим эта затея не кончится, в этом он был теперь уверен.

— В чем дело? — спросила Стрекоза. Нежность, которую он услышал в ее глубоком, чуть хрипловатом голосе, совершенно лишила его мужества, и он закрыл лицо руками, пытаясь удержать постыдные слезы.

Она положила руку ему на колено. Впервые за все это время она к нему прикоснулась! И он с трудом сдерживался, чтобы не сбросить со своего колена эту теплую тяжелую руку, прикосновения которой так жаждал, зря потратив столько времени на это ожидание.

Ему захотелось сделать ей больно, одним ударом выбить из нее эту ужасную, невыносимую доброту, но когда он наконец снова обрел дар речи, то сказал лишь:

— Все это время я хотел лишь одного: стать твоим любовником.

— Правда?

— А ты что, думала, я один из тамошних евнухов? Думала, что я позволил им меня кастрировать с помощью всяких заклинаний, чтобы блюсти святую чистоту? Как ты думаешь, почему у меня нет волшебного посоха? Почему я не продолжаю занятия в Школе? Неужели ты верила всему, что я тебе говорил?

— Да, — сказала она. — Верила. Мне очень жаль. — Руку с его колена она почему-то так и не убрала. И, помолчав, прибавила: — Если хочешь, мы можем лечь в постель.

Он вздрогнул, выпрямился и некоторое время сидел совершенно неподвижно.

— Кто же ты все-таки такая? — промолвил он наконец.

— Не знаю. Я ведь именно поэтому и хотела попасть на Рок. Чтобы выяснить.

Он стряхнул ее руку с колена и, сгорбившись, встал; они оба не могли выпрямиться во весь рост в этой низенькой каюте. Он то и дело сжимал кулаки, тщетно пытаясь успокоиться, и старался держаться как можно дальше от нее, даже повернулся к ней спиной.

— Ты там ничего не узнаешь! — снова с яростью заговорил он. — Все это сплошная ложь, обман. Старики просто играют, забавляются с волшебными словами. Когда-то я в их игры играть не пожелал и ушел. А знаешь, что я сделал, когда еще в Школе учился? — Он повернулся к ней, оскалив рот в торжествующей усмешке. — Я завел себе девушку! Обыкновенную девушку из города. И она приходила ко мне. В мою келью. В мою маленькую монашескую келью с каменными стенами, где я должен был соблюдать обет целомудрия! В этой комнатке было окошко, выходившее на неприметную улицу на задах Школы. И никаких заклятий не требовалось. Да там заклятие и применить-то невозможно, слишком много вокруг всякой магии. Эта девушка хотела приходить ко мне и приходила, а я выбрасывал из окошка веревочную лестницу, и она по ней взбиралась. И мы с ней как раз занимались любовью, когда в келью вошли наши «мудрые старцы»! Ну я им тогда показал! И, между прочим, если

бы мне удалось протащить в Школу тебя, я бы снова им показал, на что способен! Теперь наступила моя очередь преподать им урок!

— Ну что ж, — сказала Стрекоза. — Но я все-таки попробую.

Он удивленно на нее уставился.

— Ведь причины у меня совсем иные, чем у тебя, — продолжала она. — И кроме того, мы проделали такой долгий путь... И ты узнал мое настоящее имя.

Это была правда. Он знал ее Истинное имя: Ириан. Оно было похоже на пылающие угли и, точно угли, жгло ему душу. И разум его не в состоянии был его постигнуть. Ему не хватало знаний, чтобы воспользоваться своим теперешним преимуществом. Отчего-то язык отказывался ему повиноваться, когда он пытался произнести это имя...

Она смотрела на него; резковатые черты ее крупного лица были смягчены тусклым светом фонаря.

— Если ты притащил меня сюда только для того, чтобы заняться со мной любовью, Айвори, — сказала она, — то этим мы можем заняться прямо сейчас. Если ты сам, конечно, еще этого хочешь.

Совершенно онемев от изумления, он лишь отрицательно покачал головой. И понадобилось немало времени, прежде чем он наконец смог рассмеяться и пробормотать:

— Мне кажется, что... эту возможность... я давно упустил...

Она смотрела на него без сожаления, без упрека, без стыда.

— Ириан, — произнес он вслух, и теперь ее имя скользнуло с его пересохших губ легко, сладкое и прохладное, точно родниковая вода. — Слушай, Ириан: вот что тебе нужно сделать, чтобы проникнуть в Большой Дом...

III. Азвер

Айвори оставил Стрекозу на углу улицы, обычной узенькой и довольно грязной улицы, которая, извиваясь между безликими стенами, вела прямо к неприметной де-

ревянной двери. Он воспользовался заклятием подобия, и она сейчас выглядела, как настоящий мужчина, хотя мужчиной себя совершенно не чувствовала. Они с Айвори обнялись на прощанье, ведь, в конце концов, они так долго были друзьями и сообщниками, и он так много для нее сделал.

— Смелей! — сказал он ей и слегка ее подтолкнул. И она, не оглядываясь, пошла вверх по улочке и остановилась перед той дверцей. А когда все-таки оглянулась, его уже не было.

Она постучалась.

И через некоторое время услышала, как в замке поворачивается ключ. Дверь открылась. На пороге стоял не молодой, но и не очень старый мужчина.

— Чем могу служить? — спросил он без улыбки, но голос у него звучал ласково.

— Можно мне войти в Большой Дом, господин мой?

— А ты знаешь путь туда? — Его миндалевидные глаза смотрели очень внимательно, и все же казалось, что он смотрит на нее как бы из дали лет, сквозь дымку времен.

— Да, господин мой. Вот через эту дверь.

— А ты знаешь, чье имя тебе нужно назвать, прежде чем я впущу тебя?

— Да, господин мой. Мое собственное. Мое имя Ириан.

— Правда?

Этот вопрос поставил ее в тупик. Некоторое время она молчала, потом нерешительно промолвила:

— Но именно это имя дала мне ведьма Роза! Она из нашей деревни и дала мне это имя весной в водах реки, что течет под холмом Ирия. Это на острове Уэй. — И это была чистая правда.

Привратник долго смотрел на нее; ей показалось — целую вечность.

— Значит, таково и есть твое имя... — задумчиво проговорил он. — Но, возможно, не все твое имя целиком. Я думаю, у тебя есть еще одно, а?

— Не знаю, господин мой. Мне оно не известно.

И снова повисло затяжное молчание. Потом Ириан робко спросила:

— Может быть, мне удастся узнать его здесь, господин мой?

И Привратник слегка склонил голову в знак согласия. Едва заметная улыбка обозначила полукружия морщин у него на щеках вокруг рта, и он отступил в сторону, пропуская ее.

— Входи же, дочь моя.

И она перешагнула порог Большого Дома.

И тут же чары, наложенные на нее Айвори, исчезли, разорвались, как тонкая паутина, и она снова стала самой собой.

Ириан последовала за Привратником по выложенной каменными плитами дорожке и только в самом ее конце вспомнила, что рассказывал ей Айвори, и оглянулась, успев увидеть, как солнечный свет просвечивает сквозь Дерево С Тысячью Листьями, вырезанное на волшебной дверце и заключенное в желтоватую костяную раму.

Молодой человек в сером плаще, спешивший им навстречу по дорожке, внезапно остановился и, подойдя к ним вплотную, изумленно уставился на Ириан, потом быстро кивнул в знак приветствия и пошел дальше. Она оглянулась и увидела, что он тоже оглянулся и смотрит на нее.

Какой-то шар, наполненный зеленоватым пламенем, быстро плыл над дорожкой им навстречу примерно на уровне глаз. Шар явно следовал за этим молодым человеком. Привратник махнул рукой, и шар облетел его стороной, а Ириан в ужасе отшатнулась и присела, но все равно успела почувствовать, как этот холодный зеленый огонь затрещал у нее в волосах. Мастер Привратник оглянулся на нее, и улыбка его стала шире. Он ничего ей не сказал, но она тем не менее отчего-то была уверена, что в случае чего он о ней непременно позаботится. Она решительно выпрямилась и снова пошла за ним.

Наконец Привратник остановился перед какой-то дубовой дверью. Стучаться он не стал, а просто начертал на двери какой-то знак набалдашником своего посоха. Наверное, это магическая Руна, подумала Ириан. Посох у него был очень легкий, из какого-то странного серовато-

го дерева. Дверь отворилась, и звучный голос из-за нее пригласил:

— Входи!

— Подожди здесь немного, пожалуйста, Ириан, — сказал Привратник и вошел в комнату, дверь, впрочем, оставив распахнутой настежь, так что Ириан были хорошо видны книжные полки, множество книг и стол, на которой также грудой были навалены книги, стояли чернильницы, лежали исписанные листы бумаги. За столом сидели два или три мальчика и седовласый плотный человек, к которому и подошел Привратник. Она увидела, как изменилось выражение лица этого седовласого, как его изумленный взгляд на мгновение остановился на ней и он стал тихо и настойчиво расспрашивать Привратника о чем-то.

Потом оба подошли к ней.

— Это Мастер Метаморфоз с острова Рок; а это Ириан с острова Уэй, — представил их друг другу Привратник.

Метаморфоз буквально не сводил с девушки глаз, хотя для этого ему пришлось задрать голову — Ириан была гораздо выше его ростом. Потом он некоторое время вопросительно смотрел на Привратника и наконец промолвил, снова уставившись на нее:

— Прости нас, молодая госпожа, что мы будем обсуждать тебя в твоем же присутствии, но мы вынуждены это делать. — И он повернулся к Привратнику: — Ты и сам знаешь, я бы никогда не поставил под сомнение твое решение, но Устав говорит ясно, а потому я вынужден спросить: что заставило тебя нарушить Устав и впустить сюда эту женщину?

— Она попросила об этом, — отвечал Привратник.

— Но ведь... — Метаморфоз не закончил фразу.

— Когда, скажи, в последний раз женщина просила впустить ее в Большой Дом?

— Но всем женщинам известно, что Устав запрещает им входить сюда!

— Ты это знала, Ириан? — спросил Привратник, и она честно ответила:

— Да, господин мой.

— И какая же необходимость привела тебя сюда? —

спросил ее Метаморфоз сурово, однако с нескрываемым любопытством.

— Я хочу здесь учиться. Мастер Айвори сказал, что я вполне могу сойти за мужчину. Хотя я считала, что следует сразу сказать, кто я... Но я буду точно так же, как и мужчины, хранить обет безбрачия, господин мой!

Две длинные полукруглые морщины опять появились на щеках Мастера Привратника; они как бы замыкали другое полукружие — полукружие улыбки, которая медленно расплывалась у него на губах. Лицо Метаморфоза оставалось по-прежнему суровым, однако и он мигнул от неожиданности, услышав этот бесхитростный ответ, потом подумал немного и сказал:

— Я уверен... да... Это определенно было бы куда лучше. А о каком это Мастере Айвори ты говоришь?

— Айвори, наш бывший ученик, — сказал Привратник. — Он из порта Хавнор. Три года назад я впустил его сюда, а в прошлом году выпустил. Ты, может, даже помнишь...

— Ах, Айвори! Тот парень, что учился у Ловкой Руки? Так он тоже здесь? — сердито спросил Метаморфоз, обращаясь к Ириан. Она выпрямилась и молчала, точно воды в рот набрала.

— Здесь, но не в Школе, — с улыбкой ответил за нее Привратник.

— Так он обманул тебя, милая моя! Обвел вокруг пальца, да и нас пытался провести! — воскликнул Метаморфоз.

— Нет, он просто помог мне попасть сюда. И объяснил, что нужно сказать Привратнику, — сказала Ириан. — И я здесь не для того, чтобы кого-то обманывать! Мне просто необходимо кое-что узнать, а это я могу сделать только здесь.

— Я и раньше часто удивлялся, почему я впустил этого мальчишку, этого Айвори, — задумчиво промолвил Привратник. — Теперь я начинаю понимать почему...

Услышав эти слова, Метаморфоз как-то странно посмотрел на него и довольно мрачным тоном спросил:

— Слушай, что у тебя на уме?

— Мне кажется, Ириан с острова Уэй явилась к нам,

чтобы узнать не только то, что ей знать действительно необходимо, но также и для того, чтобы мы узнали то, что нам знать необходимо. — Тон у Привратника тоже почему-то стал теперь мрачным и торжественным; и он больше не улыбался. — И, по-моему, это следовало бы хорошенько обсудить всем нам, Девятерым.

Метаморфоз слушал его с видом глубочайшего изумления, но ни одного вопроса не задал и сказал лишь:

— Но только без учеников.

Привратник согласно кивнул.

— Но девушка могла бы остановиться и в городе! — Метаморфоз явно испытывал некоторое облегчение и снова стал наступать.

— А мы будем обсуждать ее судьбу у нее за спиной? — спросил Привратник.

— Неужели ты хочешь привести ее в Зал Совета? — Метаморфоз был потрясен.

— Между прочим, Верховный Маг приводил туда юного Аррена.

— Но ведь... Но ведь Аррен — это король Лебаннен!

— А кто такая Ириан?

Метаморфоз некоторое время молчал, а потом промолвил, тихо и с безусловным уважением:

— Друг мой, скажи, что именно ты хочешь узнать или понять? И кто она такая, что ты так просишь за нее?

— А кто мы такие, — ответил ему Привратник, — чтобы отказывать ей, не зная даже, кто такая она?

«Какая-то женщина», — сказал Мастер Заклинатель.

Ириан прождала несколько часов в комнатке у Мастера Привратника; комнатка была низенькая, но светлая и почти пустая. У окна было устроено удобное сиденье, а само окно с частым переплетом выходило на огороды Большого Дома — очень красивые, ухоженные огороды с длинными грядами, на которых росли различные овощи, зелень и травы; дальше виднелись ягодные кустарники, окруженные круговыми подпорками, а еще дальше — фруктовые деревья. Ириан видела, как в огород вышли трое — очень смуглый мужчина плотного сложения и

двое мальчиков — и принялись пропалывать одну из гряд с овощами. У нее даже на душе полегчало, пока она наблюдала за их аккуратной и сосредоточенной работой. Жаль, что она не может помочь им! Это ожидание и странная незнакомая обстановка действовали на нее подавляюще. Один раз к ней зашел Привратник и принес ей кувшин воды и тарелку с холодным мясом, хлебом и мелкими луковицами, и она поела, потому что он велел ей поесть, но с трудом заставляла себя жевать и глотать. Огородники ушли, и теперь из окна смотреть стало не на что, разве что на кочаны капусты да на шнырявших по огороду воробьев. Иногда высоко в небесах она замечала парящего ястреба да слышала, как ветерок мягко шелестит в кронах высоких деревьев, росших на некотором отдалении, за огородом и садом.

Наконец Привратник вернулся и сказал:

— Идем, Ириан, сейчас ты познакомишься с Мастерами Рока. — И сердце у нее тут же помчалось вскачь.

Они долго шли по лабиринту коридоров и наконец оказались в помещении с потемневшими старинными стенами, в одной из которых был целый ряд высоких островерхих окон. В комнате стояли несколько мужчин, и, когда Ириан вошла в комнату, все они обернулись и дружно уставились на нее.

— Это Ириан с острова Уэй, господа мои! — провозгласил Привратник. Волшебники хранили молчание. Он жестом пригласил ее пройти в комнату и сказал: — Значит, так, с Мастером Метаморфозом ты уже знакома, а это... — и он назвал ей имена всех остальных, однако она не сумела ни понять, ни запомнить все эти имена, точнее, прозвища, обозначавшие некие особые умения; разве что Мастер Травник оказался тем самым полным человеком, которого она видела в огороде и сочла обыкновенным садовником. И еще она запомнила, что самый молодой из Мастеров, высокий человек с очень красивым лицом, которое, казалось, было высечено из темного камня, — это Мастер Заклинатель. Это как раз он и сказал, когда Привратник кончил представлять ей своих собратьев: «Какая-то женщина!»

И Мастер Привратник утвердительно кивнул, глядя, как всегда, ласково.

— И ты только из-за нее собрал всех Девятерых?

— Только из-за нее, — снова подтвердил Привратник.

— Драконы давно уже летают над Внутренним морем, на острове Рок до сих пор нет Верховного Мага, а на троне в Хавноре — по-настоящему коронованного короля! У нас хватает и настоящей работы, — голос у этого Заклинателя тоже был, как камень: тяжелый и холодный. — Когда мы все это будем делать?

Привратник промолчал, и повисла напряженная тишина. Ее нарушил хрупкий ясноглазый волшебник в красной рубахе под серым плащом:

— Ты привел эту женщину в Школу в качестве ученицы, Мастер Привратник?

— А если и так, то всем вам предстоит либо одобрить мой поступок, либо осудить его, — ответил тот.

— Ну а все же? — снова спросил человек в красной рубахе и слегка улыбнулся.

— Слушай, Мастер Ловкая Рука, — сказал ему Привратник, — эта девушка сама попросилась войти; она хочет здесь учиться, и я не вижу причины ей отказывать.

— Да для этого сколько угодно причин! — воскликнул Заклинатель.

Кто-то из волшебников глубоким чистым голосом поддержал его:

— Это противоречит даже не какому-то нашему решению, а Уставу острова Рок, которому все мы поклялись следовать!

— Сомневаюсь, чтобы Мастер Привратник так легко решился нарушить Устав, не имея на то веских оснований, — сказал кто-то, кого Ириан до сих пор не замечала, хотя это был крупный мужчина, седоволосый и ужасно худой, даже какой-то костлявый, с лицом, словно высеченным из серого гранита. В отличие от остальных, он посмотрел прямо на нее и представился: — Меня зовут Курремкармеррук. Я здешний Мастер Ономатет и довольно хорошо знаком с именами, включая мое собственное. Кто нарек тебя таким именем, Ириан?

— Ведьма Роза из нашей деревни, господин мой, —

отвечала она, держась очень прямо, хотя голос ее от волнения прозвучал пискляво и едва слышно.

— Как ты думаешь, не ошиблась ли она в выборе имени? — спросил у Ономатета Мастер Привратник.

Курремкармеррук покачал головой:

— Нет. Однако...

Мастер Заклинатель, все это время стоявший к ним спиной и изучавший камин, в котором не было огня, вдруг резко обернулся.

— Те имена, которыми ведьмы нарекают друг друга, нас здесь совершенно не должны интересовать! — сказал он. — Если у тебя есть какой-то интерес к этой женщине, Привратник, то его следует удовлетворить ЗА этими стенами, ЗА той дверью, которую ты поклялся охранять. Для нее нет здесь места и никогда не будет! Женщина способна только принести смуту и разлад и еще больше ослабить нас. Я более не стану говорить в ее присутствии. Единственным ответом на сознательно сделанную ошибку является молчание.

— Молчания, по-моему, недостаточно, господин мой, — возразил еще один волшебник, до сих пор рта не открывавший. С точки зрения Ириан, выглядел он очень странно: бледная, чуть розоватая кожа, длинные волосы, то ли светлые, то ли седые, и узкие глаза цвета льда. И речь его тоже была немного странной: какой-то скованной и как будто не совсем правильной. — Молчание в данном случае — это ответ на все сразу и ни на что конкретно, — прибавил он.

Заклинатель поднял свое благородное темное лицо и посмотрел через всю комнату на белокожего волшебника, но ничего не ответил. Не говоря ни слова, не сделав ни единого жеста, он повернулся и вышел из комнаты. Когда он медленно проходил мимо Ириан, та вдруг вздрогнула и отшатнулась: ей показалось, что перед ней разверзлась могила и оттуда пахнуло зимним холодом, сыростью, тьмой и смертью. У нее перехватило дыхание. Когда ей наконец удалось снова нормально вздохнуть, она заметила, что Заклинатель и тот бледный белокожий человек внимательно за ней наблюдают.

А тот волшебник, голос которого был похож на звон

большого колокола, глянув на Ириан, заговорил с ней строго, но вполне доброжелательно:

— Насколько я понимаю, тот человек, что привез тебя сюда, хотел причинить нам зло, но сама ты этого не хотела. И все же, находясь здесь, Ириан, ты причиняешь зло — и нам, и самой себе. Все, что делается не по правилам и оказывается не там, где ему положено, способствует свершению зла. Даже невольно пропетая нота, как бы правильно она ни была пропета, портит мелодию, если не является ее частью. Женщинам полагается учиться у женщин. Ведьмы постигают свое мастерство, учась у других ведьм и обмениваясь знаниями с колдунами. Но не с волшебниками! Мы учим своих учеников такому языку, который не предназначен для женских уст. Я знаю, юные души часто восстают против здешних правил, называя их несправедливыми, навязанными, однако это Истинные законы Рока, и они основаны не на том, чего мы хотим, а на том, что есть на самом деле. Справедливость и несправедливость, глупость и мудрость — все на свете должно подчиняться этим законам, иначе жизнь твоя будет потрачена зря и тебя ждет печальный конец.

Метаморфоз и худой остролицый старичок, стоявший с ним рядом, согласно кивали. А Мастер Ловкая Рука сказал девушке:

— Ты прости меня, Ириан. Айвори был моим учеником. И если я плохо учил его, то сделал еще хуже, отослав его прочь. Я думал, что в нем ничего особенного нет и поэтому он безвреден, но я ошибся. Он солгал тебе и обманом заставил тебя пробраться сюда. Но тебе самой нечего стыдиться. Вся вина лежит на нем и на мне.

— А я и не стыжусь, — сказала Ириан. И посмотрела на них. Она чувствовала, что должна поблагодарить их всех за любезность, но не находила нужных слов, да они и не желали срываться с ее губ. Поэтому она сдержанно поклонилась каждому, повернулась и быстро пошла прочь.

Привратник нагнал ее, когда она в растерянности остановилась у пересечения нескольких коридоров, не зная, который выбрать.

— Вот сюда, — подсказал он, стараясь шагать с нею рядом и не отставать. Через некоторое время он снова

сказал: — А теперь сюда, — и так они довольно скоро добрались до входной двери. Но эта дверь была вовсе не из рога и не из слоновой кости, а из сплошного дуба, не украшенная никакой резьбой, черная, массивная, с железной задвижкой, несколько истончившейся от времени. — Это садовая дверь, — пояснил Мастер Привратник, отодвигая задвижку. — Или «Дверь Медры», как ее обычно здесь называют. Я охраняю обе двери. — Он распахнул дверь, и небо за нею оказалось таким ярким, что у Ириан потемнело в глазах. Когда же она немного привыкла к солнечному свету, то увидела тропинку, ведущую от двери через огороды, сады и поля куда-то вдаль, к тем высоким деревьям, шум которых она слышала в привратницкой. Округлая вершина Холма Рок виднелась теперь значительно правее. А у самого начала тропы, почти у двери, стоял, словно поджидая их, тот самый волшебник с бесцветными волосами и узкими светлыми глазами.

— А, это ты, Мастер Путеводитель, — сказал Привратник, совершенно не удивленный его появлением.

— Куда ты отсылаешь эту даму? — спросил Мастер Путеводитель, по-прежнему как-то странно произнося слова.

— Никуда, — сказал Привратник. — Я выпускаю ее. Как впустил, так и выпускаю — по ее собственному желанию.

— Хочешь пойти со мной? — спросил Путеводитель у Ириан.

Она посмотрела на него, потом на Привратника и ничего не ответила.

— Я живу не в Большом Доме. Я вообще ни в каком доме не живу, — продолжал Путеводитель. — Я живу вон там. В Роще. Ага!.. — воскликнул он вдруг, резко оборачиваясь. Тот седовласый волшебник со странным именем Курремкармеррук, он же Мастер Ономатет, стоял прямо перед ними на той же тропинке. Однако его там точно не было, пока Путеводитель не сказал свое «ага», и Ириан, совершенно ошалев, переводила взгляд с одного на другого.

— Это только мой образ, мой посланник, если угодно, имеющий мое обличье, — пояснил ей старик. — Я тоже не

живу в Большом Доме. Я живу довольно далеко... — и он махнул рукой куда-то на север. — Но ты можешь, если захочешь, посетить меня, когда решишь все свои вопросы с Мастером Путеводителем. Мне бы хотелось побольше узнать о твоем Истинном имени. — Он кивнул двум другим волшебникам и исчез. На том месте, где он только что стоял, тяжело, с монотонным гудением кружил мохнатый шмель.

Ириан долго молчала, глядя в землю, потом откашлялась и сказала, не поднимая глаз:

— А это правда, что я приношу вред, находясь здесь?

— Не знаю, — сказал Мастер Привратник.

— В Роще ты в любом случае никакого вреда никому принести не сможешь, — сказал Мастер Путеводитель. — Пойдем же со мной, не бойся. Там есть один старый дом, можно сказать, хижина. Очень ветхий домишко и грязноватый, но, я думаю, это для тебя не так уж и важно, верно? Поживи там немного. И, может быть, кое-что сама увидишь и узнаешь. — И Мастер Путеводитель двинулся прямо по тропинке между грядами с кудрявой петрушкой и густо разросшимися бобами. Ириан посмотрела на Привратника: тот слегка ей улыбнулся, и она, решившись, последовала за бледнолицым волшебником.

Они прошли примерно с полмили. Справа от них высилась громада Холма Рок; его округлая вершина была освещена закатным солнцем. А за спиной у них горбатились островерхими крышами серые здания Школы, расположенной почти у подножия Холма. Те высокие деревья, которые Ириан видела из окошка комнаты Мастера Привратника, теперь вздымались в небо прямо перед ними, и она уже различала среди деревьев знакомые дубы и ивы, каштаны и ясени, а также какие-то высоченные темно-зеленые хвойные деревья. Из самой чащи, куда не проникали солнечные лучи, выбегал ручей; берега его заросли сочной зеленой травой, и в ней виднелось множество протоптанных овцами и коровами тропок — в тех местах, где животные спускались к ручью на водопой или переходили его вброд.

— Вон он, тот домишко, — сказал волшебник и показал ей на низенькую, поросшую мхом крышу, почти со-

всем незаметную в густой тени деревьев. — Если хочешь, можешь переночевать там сегодня, а? — Он просил ее остаться, он ей совсем НЕ ПРИКАЗЫВАЛ. И она лишь молча кивнула в ответ. — Хорошо, тогда я принесу поесть, — сказал он и быстро пошел куда-то, все ускоряя шаг, и вскоре совсем пропал из виду в полосатой тени под деревьями, хотя и не так внезапно, как этот Мастер Ономатет тогда на тропинке. Ириан долго смотрела ему вслед, а потом побрела сквозь густую траву к маленькому домику, точно прижавшемуся к лесу.

Похоже, он был построен очень давно и его не раз перестраивали и ремонтировали, но каждый раз этого хватало ненадолго. И, похоже, в нем давно уже никто не жил — во всяком случае, если судить по ощущению застоя и одиночества, которое здесь царило. Однако в доме было сухо, воздух был свежий, и казалось, что те, кто здесь когда-то жил, были очень спокойными и мирными людьми. Что же касается ветхих стен, мышей, пыли, паутины и покосившейся мебели, то все это было вполне Ириан знакомо. Она отыскала старый веник, быстренько вымела весь мусор и мышиный помет и накрыла дощатую лежанку своим дорожным одеялом. Потом, отыскав в кладовке с покосившейся дверью треснувший кувшин, принесла воды из ручья; ручей, чистый и спокойный, бежал буквально в десяти шагах от порога. Она делала все это уверенно, но словно во сне, а когда переделала все привычные дела, то села на траву, прислонившись спиной к стене дома, еще хранившей тепло солнечных лучей, и задремала.

Когда она проснулась, рядом с ней сидел Мастер Путеводитель, а между ними на траве стояла корзина.

— Есть хочешь? Поешь, — предложил он.

— Я потом поем, господин мой. Спасибо, — сказала Ириан.

— А я проголодался, — сказал волшебник. Он вытащил из корзины сваренное вкрутую яйцо, очистил его и съел.

— Люди называют эту хижину Домом Выдры, — сказал он. — Дом этот очень старый. Такой же старый, как

Большой Дом. Здесь у нас все очень старое. Да и сами мы тоже старые... здешние Мастера.

— Ну, ты-то не очень! — искренне возразила Ириан. На вид она бы дала Мастеру Путеводителю лет тридцать-сорок, хотя и не была полностью в этом уверена. Ее смущало то, что волосы у него седые; а может, они вовсе и не были седыми, просто она не привыкла видеть людей с такими светлыми, даже бесцветными волосами.

— Видишь ли, я прибыл сюда издалека, а мили могут порой превратиться в года. Я ведь карг, с островов Карего. Знаешь такое название?

— А, так ты из этих Седых Людей! — воскликнула Ириан и принялась откровенно его разглядывать. Все истории, которые рассказывала ей Дейзи о Седых Людях, живших далеко на востоке и приплывавших оттуда, чтобы захватывать чужие земли с невиданной жестокостью, нанизывая на копья даже невинных младенцев, сразу же ожили в ее памяти. Вспомнила она и легенду о том, как Эррет-Акбе потерял Кольцо Мира, и «Королевскую сказку», в которой рассказывалось, как Верховный Маг, по прозвищу Ястреб-перепелятник, отправился в страну Седых Людей и вернул оттуда это кольцо...

— Седые? — переспросил Мастер Путеводитель.

— Ну да, беловолосые, у них волосы словно инеем покрыты, — пояснила Ириан и, смутившись, опустила глаза.

— А, понятно... — Он помолчал и сказал: — В общем, ты права: Мастер Заклинатель, например, совсем не стар... — И она заметила, что он искоса глянул на нее своими узкими глазами цвета льда.

Она ничего не ответила.

— По-моему, ты его испугалась.

Она молча кивнула.

И он, выждав несколько минут, снова заговорил:

— Не бойся. В тени этих деревьев нет места злу. Здесь царят истина и справедливость.

— Когда он проходил мимо меня, — прошептала Ириан, — мне показалось, что я гляжу в разверстую могилу...

— Понятно, — кивнул Путеводитель и принялся собирать в кучку кусочки яичной скорлупы, потом выложил из них, как из мозаики, белый кружок и старательно его

замкнул. — Да, так и есть, — сказал он, внимательно глядя на этот кружок, потом выскреб в земле ямку, аккуратно собрал в нее все кусочки скорлупы, засыпал их землей и тщательно отряхнул руки. И снова Ириан обратила внимание, что он быстро и незаметно на нее поглядывает.

— Ты ведь была ведьмой, да, Ириан? — спросил он вдруг.

— Нет.

— Но ты, безусловно, обладаешь кое-какими знаниями!

— Нет. Ничем я не обладаю. Роза ни за что не соглашалась меня учить, сколько я ни просила. Она сказала, что не осмеливается, потому что во мне заключена какая-то сила, только она не знает, какая именно.

— Твоя Роза — мудрый цветок, — без улыбки заметил волшебник.

— Но я-то чувствую, что непременно должна это узнать! Что мне нужно что-то такое сделать в жизни, кем-то стать! Вот почему я так хотела попасть сюда, на Остров Мудрых. Чтобы все это выяснить.

Теперь она уже немного привыкла к странному лицу своего собеседника и начинала различать, как может меняться выражение его прозрачных светлых глаз. Сейчас, например, ей казалось, что он выглядит печальным. Да и его манера говорить перестала ее удивлять; говорил он, пожалуй, немного резковато, быстро, сухо, но вполне миролюбиво.

— Люди на этом острове совсем не всегда так уж мудры, ты, наверное, уже и сама это поняла, — сказал он. — По-настоящему мудр, возможно, только Привратник. — Теперь Мастер Путеводитель смотрел прямо на Ириан, и его глаза, казалось, стараются удержать ее взгляд, приковывают к себе. — Но там, в лесу, под деревьями — там иная, старинная мудрость. И она никогда не устаревает. Я не могу научить тебя понимать ее. Я могу только отвести тебя в Имманентную Рощу, чтобы ты училась сама. — Он помолчал с минуту, встал и спросил: — Хочешь?

— Хочу, — неуверенно сказала Ириан.

— Дом-то ничего?

— Ничего...

— Тогда до завтра, — сказал Мастер Путеводитель и быстро пошел прочь.

Так и случилось, что больше полумесяца тем жарким летом Ириан прожила в Имманентной Роще, в Доме Выдры, где все было исполнено мира и покоя. Ела она то, что приносил ей в корзине Мастер Путеводитель — яйца, сыр, зелень, фрукты, копченую баранину, — и каждый день ходила с ним в Рощу, где тропинки среди высоких деревьев никогда не начинались в том же месте, что и вчера, а исчезали и возникали совершенно произвольно и часто уводили гораздо дальше тех пределов, которые с виду казались опушкой небольшого леска. Они бродили по этим тропам почти всегда в полном молчании да и вообще разговаривали очень мало, только во время отдыха. Этот Мастер Путеводитель был человеком очень спокойным, хотя в нем явно жила некая затаенная страсть или ярость. Но своей страстной натуры он никогда при ней не проявлял, и его присутствие было для нее легким и приятным — таким же приятным, как присутствие самих этих деревьев, редких здешних птиц и четвероногих обитателей. В полном соответствии со своим предупреждением, Путеводитель и не пытался ее обучать, а когда она начинала сама расспрашивать его о Роще, он рассказывал ей, что Роща, как и Холм Рок, существовала всегда, с того самого момента, когда Сегой поднял острова Земноморья со дна морского, и что вся магия мира заключена в корнях этих деревьев, и что корни эти переплетаются с корнями всех лесов, какие только существуют или могут существовать на свете. «Порой эту Рощу можно видеть в одном месте, а порой — совсем в другом, — сказал он также. — Но так было всегда».

Она никогда не видела, где живет он сам. Ей представлялось, что теплыми летними ночами он ночует там, где ему больше понравится, но его она об этом не спрашивала. Зато спрашивала, откуда он берет ту еду, которую приносит ей, и он ответил, что то, чем Школа не может сама себя обеспечить, ей поставляют окрестные фермеры, которые уверены, что Мастера с лихвой расплачиваются с ними за это, охраняя их стада, их поля и сады, да и весь их остров. Это показалось Ириан вполне разумным. На острове Уэй поговорка «волшебник, у которого даже миски каши не найдется» означала нечто небывалое, неслыханное. Но сама-то она волшебницей не была, а потому, желая отработать свою «миску каши», изо всех сил старалась отремонтировать Дом Выдры, взяв нужные инструменты взаймы у одного из крестьян, а гвозди и все остальное купив в городе Твиле. Деньги у нее были — примерно половина «сырных» денег осталась неистраченной.

Мастер Путеводитель никогда не приходил к ней слишком рано, обычно ближе к полудню, так что все утро у нее было свободным. Она привыкла к одиночеству, но все же немного скучала по Розе, Дейзи и Кони, а также по своим курам, коровам, овцам, шумливым глупым собакам и даже по той работе, которую ей приходилось делать в доме, пытаясь поддержать Старую Ирию и не дать ей окончательно развалиться. Ну и для того, конечно, чтобы было что подать на стол. Так что она по привычке и здесь старалась все утро занять неторопливой работой, пока не замечала вышедшего из чащи волшебника, светловолосая голова которого так и сверкала в солнечных лучах.

Но когда они уходили в Рощу, она даже не думала о том, чтобы как-то отработать свое проживание в Доме Выдры, или что-то узнать особенное, или чему-то научиться. Просто БЫТЬ там уже было ей вполне достаточно; ей казалось даже, что это вообще все, что ей нужно в жизни.

Когда Ириан спросила Путеводителя, приходят ли сюда ученики из Большого Дома, он ответил: «Иногда». А еще он обронил как-то: «Мои слова — ничто. Слушай листья!» И она, бродя по Роще, прислушивалась к шепоту листьев, когда налетевший ветерок шелестел ими или шумел в вершинах деревьев; она следила за игрой теней и думала о корнях этих немыслимых деревьев, о том, как они уходят в темные глубины земли и сплетаются там с корнями мирозданья... Она была совершенно счастлива. И все же постоянно — хотя и без малейшего неудовольствия или желания приблизить этот миг — чувствовала, что чего-то ждет. И это молчаливое ожидание становилось наиболее сильным и очевидным, когда она выходила из сво-

его лесного убежища и видела вокруг простор и чистое небо над ним.

Однажды, когда они зашли очень далеко и деревья — какие-то темные вечнозеленые хвойные деревья, названий которых она не знала, — стали особенно высоки, почти смыкаясь у них над головой, она услыхала странный зов, далекий, почти неслышный. Может, ей показалось? Может, где-то просто горн пропел или кто-то крикнул протяжно? Она застыла, прислушиваясь и невольно обратясь лицом к западу. Волшебник, продолжавший идти по тропе, обернулся, только когда понял, что Ириан давно рядом нет.

— Я слышала... — начала было она, но так и не сумела сказать, что же именно она слышала.

Путеводитель тоже прислушался. А потом они двинулись дальше в молчании, которое, словно благодаря этому далекому неведомому зову, стало еще более глубоким, каким-то всеобъемлющим.

Ириан никогда не ходила в Рощу без Мастера Путеводителя, и прошло немало дней, прежде чем он оставил ее там одну. Однажды жарким полуднем, когда они вышли на поляну среди дубов, он вдруг сказал: «Я потом сюда вернусь, ладно?» — и быстро ушел, почти сразу исчезнув среди пятнистых движущихся теней.

До этого у нее не возникало ни малейшего желания исследовать Рощу в одиночку. Мир и покой, царившие там, призывали к неподвижности и сосредоточенному наблюдению, и она знала к тому же, как обманчивы здешние тропинки. А также Мастер Путеводитель давно уже сказал ей, что «Роща гораздо больше изнутри, чем снаружи», и она не раз имела возможность в этом убедиться. Так что после его ухода Ириан уселась на траву под раскидистым дубом и стала следить за игрой теней на земле, буквально усыпанной спелыми желудями. Она ни разу не встречала в лесу диких свиней, но следы их видела неоднократно. В какое-то мгновение она почуяла резкий лисий запах, но самой лисы видно не было. Мысли Ириан текли спокойно и легко, как тот поток воздуха, что шевелил листву у нее над головой в теплом летнем мареве.

Ей часто казалось, что она полностью свободна от

всяких мыслей и наполнена лишь самим этим лесом, но в тот день к ней почему-то пришли воспоминания, и были они очень живыми и яркими. Она вспоминала Айвори и думала о том, что, наверное, никогда больше его не увидит. Интересно, нашел ли он судно, которое согласилось бы отвезти его в Хавнор? Он говорил, что никогда больше не вернется в Уэстпул и единственное место, где он хотел бы жить, это порт Хавнор, королевская столица Земноморья, а после жизни в доме Берча он мечтает лишь о том, чтобы остров Уэй погрузился в морскую пучину так же глубоко, как некогда остров Солеа. А Ириан с любовью вспоминала Уэй, его проселочные дороги и поля, Старую Ирию и деревню у подножия холма, речку с болотистыми берегами, родной дом... Она вспоминала, как Дейзи хозяйничала на кухне и зимними вечерами пела баллады, отбивая ритм деревянными подошвами своих башмаков. Она вспоминала, как старый Кони, вооруженный своим острым как бритва ножом, показывал ей, как нужно подрезать лозу «до самого жизненного корня», и как Роза, ведьма и целительница, шепчет заклинания, желая облегчить боль в сломанной ручке ребенка. «Я знала по-настоящему мудрых людей», — думала она. А вот об отце ей думать не хотелось, однако движение листьев и теней на земле как бы направило ее мысль именно в этом направлении, и она вновь увидела отца пьяным, выкрикивающим что-то бессмысленное. Она снова почувствовала, как к ней прикасаются его дрожащие руки, и заметила, что по лицу отца катятся бессильные слезы стыда. И горькая печаль поднялась и пронизала все ее существо, а потом растворилась без следа, как растворяется боль, когда хорошенько распрямишь затекшие руки. Отец всегда значил для нее гораздо меньше, чем мать, которую она никогда даже не видела.

Ириан сладко потянулась, чувствуя, как хорошо и легко ее телу, окутанному летним теплом и лесными ароматами, и мысли ее вновь вернулись к Айвори. У нее никогда в жизни не было мужчины, которого она бы любила, которого желала бы. Когда молодой волшебник, служивший у Берча, впервые проехал мимо ее дома — он тогда показался ей удивительно хрупким и страшно высоко-

мерным, — она стала мечтать о том, что, может быть, сумеет полюбить его. Однако этого не произошло, и Айвори не пробуждал в ней никаких «безумных желаний», так что она решила: этот волшебник защищен какими-то чарами. Роза к этому времени уже объяснила ей, как действуют подобные чары: «...чтобы ничего такого никогда даже в голову не приходило ни тебе, ни им — ясно? — потому что, по их словам, ЭТО лишает магической силы». Но Айвори, бедный Айвори оказался как раз совершенно незащищенным от ее, Ириан, «чар»! А вот она сама, видно, была заколдована, ибо, несмотря на то что молодой волшебник был хорош собой и с нею очень мил, она так никогда и не почувствовала к нему ничего большего, чем простое расположение; ее единственным страстным желанием было узнать то, чему он мог тогда ее научить.

«Кто же я такая? — думала она в лесной тиши. Действительно — не пела ни одна птица, ветерок улегся, листья повисли неподвижно... — А что, если я на самом деле заколдована? Или, может быть, я бесплодна? Не могу ни родить, ни любить мужчин? Может, во мне чего-то не хватает? Может, я вообще не женщина?» — спрашивала она себя, разглядывая свои сильные обнаженные руки и нежные округлости грудей, видневшихся в вырезе рубахи.

Она подняла глаза и увидела «седого» волшебника, который как раз вышел из темного прохода между огромными дубами — точно из храма! — и направлялся к ней через поляну.

Мастер Путеводитель остановился перед нею, и она почувствовала, как вспыхнуло у нее лицо, как горят щеки и шея, как кружится голова и звенит в ушах. Она искала любые слова, чтобы хоть как-то отвлечь его внимание, чтобы он перестал так смотреть на нее, но не могла вымолвить ни слова. Волшебник сел с нею рядом, и она потупилась, делая вид, что рассматривает скелетик прошлогоднего полуистлевшего листка, случайно попавшегося ей на глаза.

«Чего я хочу?» — спрашивала она себя, и ответ являлся ей не в виде слов; ей отвечали как бы разом и ее тело, и ее душа: огня! Огня, гораздо более мощного, чем пламя желания. И полета в небесном просторе, исполненного обжигающего восторга...

Точно от толчка, Ириан вдруг вернулась в реальность; все так же тих был застывший воздух под деревьями; все так же «седой» волшебник сидел с нею рядом, низко опустив голову, и она подумала, что он выглядит странно хрупким и маленьким, а еще — очень печальным, так что бояться его нечего. Да он и не замышляет ничего дурного...

Волшебник осторожно посмотрел на нее через плечо.

— Ириан, — спросил он, — ты слышишь, что говорят тебе листья?

Легкий ветерок опять поднялся и шелестел в листве; и листья дубов действительно словно что-то шептали друг другу.

— Чуть-чуть, — сказала она.

— А ты различаешь слова?

— Нет...

Она ничего не стала у него спрашивать, и он больше ничего ей не сказал. Вскоре он поднялся, и она, как всегда, последовала за ним по тропе, которая, тоже как всегда, рано или поздно выводила их на поляну возле речки Твилберн, где стоял Дом Выдры. Когда они вышли туда, день уже клонился к вечеру, и в том месте, где ручей выбегал из леса, миновав все препятствия на своем пути, Путеводитель подошел к воде и опустился на колени, чтобы напиться. Ириан проделала то же самое. Потом, усевшись на прохладной траве, волшебник заговорил:

— Мой народ, карги, поклоняется Богам-близнецам. И король у нас тоже считается божеством. Но и до появления тех богов, которым поклоняются, и после этого — всегда! — существовали реки и ручьи, пещеры и скалы, холмы и деревья. Земля. Темные земные недра.

— Древние Силы Земли, — сказала Ириан.

Он кивнул.

— На наших островах женщины хорошо знали, что такое Древние Силы, и поклонялись им. Здесь тоже некоторые их знают, например, некоторые ведьмы. И это знание считается здесь вредным и опасным... да?

Когда он добавлял свое коротенькое вопросительное

«да?» или «нет?» к тому, что, казалось, было утверждением, то всегда заставал Ириан врасплох. Она промолчала.

— Темное всегда кажется опасным, — сказал Путеводитель, — да?

Ириан глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза.

— СВЕТ ЛИШЬ ВО ТЬМЕ, — промолвила она.

— Да, верно... — откликнулся он и отвернулся, чтобы она ничего не смогла прочесть по его глазам.

— Мне, видимо, следует уйти отсюда, — сказала она. — Я могу бродить в Роще, но не могу жить там. Это... место не для меня. Да и Мастер Регент говорил, что я приношу вред уже тем, что живу здесь.

— Мы все приносим чему-либо вред уже самим своим существованием.

И он сделал то, что делал очень часто: сложил некий узор из того, что было под рукой. Расчистил перед собой кусочек речного песчаного берега и выложил на нем орнамент из черенка дубового листа, стебля травы и нескольких камешков. Потом некоторое время изучал получившийся рисунок, что-то в нем то ли меняя, то ли исправляя, и сказал наконец:

— А теперь давай поговорим о наносимом нами вреде. — И снова надолго замолчал, но все же продолжил: — Как ты, должно быть, знаешь, с берегов смерти нашего лорда Ястреба вместе с молодым королем Лебанненом принес один дракон. Потом этот же дракон отнес Ястреба на остров Гонт, на родину Верховного Мага, ибо тот истратил в стране мертвых всю свою магическую силу и перестал быть волшебником. И вскоре после этого Мастера Рока собрались вместе, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Собрались, как всегда, здесь, в Роще. Но все же это происходило не так, как всегда.

Дело в том, что еще до того, как прилетел тот дракон, из царства смерти вернулся и наш Мастер Заклинатель. Он мог бывать там, ибо делать это позволяло ему его искусство. И он сказал, что видел там, за каменной стеной, нашего лорда Ястреба и молодого короля и что они никогда не вернутся. Он сказал также, что именно лорд Ястреб велел ему вернуться к нам и рассказать об этом. Так что

мы уже оплакали нашего Верховного Мага, когда прилетел дракон Калессин и принес его живым.

Мастер Заклинатель был среди нас, когда мы стояли на Холме Рок и смотрели, как Верховный Маг преклоняет колена перед королем Лебанненом, как он вновь садится на спину дракона, как дракон уносит нашего друга прочь... И тут вдруг Мастер Заклинатель упал на землю.

Он лежал как мертвый, тело его было совершенно холодным, сердце не билось, но он дышал, хотя и очень слабо. Мастер Травник использовал все свое искусство, но так и не смог ничего сделать. «Он мертв, — сказал Травник. — Он еще будет дышать, но он уже мертв». Так что пришлось нам оплакивать и его уход. А потом, поскольку нами владел страх и все мои... узоры говорили о неких опасных переменах, мы снова собрались вместе, чтобы выбрать нового руководителя Школы, нового Верховного Мага. И на том совете мы посадили на место Мастера Заклинателя нашего молодого короля Лебаннена. Нам это показалось справедливым, и один лишь Мастер Метаморфоз сперва был против, но потом согласился и он.

Итак, мы собрались, расселись, но выбрать так никого и не сумели. Мы говорили о том о сем, но ни одно имя не приходило нам на ум. И тогда я... — Он немного помолчал. — В общем, ко мне пришло то, что у нас в стране называют «эдуевану», второе дыхание. Слова САМИ звучали у меня в ушах, мне оставалось только произносить их. И я сказал: ХАМА ГОНДУН! И Курремкармеррук громко перевел на ардический: «Женщина с Гонта!» Но тут я как бы очнулся и снова стал самим собой; слова перестали звучать у меня в ушах, и я не сумел объяснить, что эти слова означают. И мы разошлись в полном недоумении, так и не выбрав Верховного Мага.

Перед обрядом коронации молодой король и наш Мастер Ветродуй отправились на Гонт и долго искали там лорда Ястреба, надеясь, что он сможет объяснить им, что значит это «Женщина с Гонта». Да... Только они так с ним и не встретились. Зато встретились с Тенар Кольца, моей соотечественницей, и она уверенно сказала, что не является той женщиной, которую они ищут. А никакой другой они там и не нашли, и Лебаннен решил, что этому

пророчеству еще только предстоит сбыться. А потом, вернувшись в Хавнор, он сам возложил королевскую корону себе на голову.

Мастер Травник, как и я, считал Мастера Заклинателя мертвым. Мы полагали, что то слабое дыхание, что вылетало еще из его уст, связано с какими-то его чарами, действие которых продолжается, но сути этих чар мы не понимали; было ясно лишь, что они похожи на то волшебство, которое ведомо змеям и позволяет их сердцу биться еще долго после того, как они умрут. Хотя всем нам казалось ужасным — хоронить человека, который еще дышит... К тому же он был совершенно холодным, кровь не текла в его жилах, и душа покинула его тело. Это было еще ужаснее, и мы все же совершили необходимые приготовления к похоронам. А потом, когда Заклинатель уже лежал возле вырытой могилы, глаза его вдруг открылись. Он встал и заговорил! И вот что он сказал: «Я вновь призвал себя к жизни, чтобы сделать то, что должно быть сделано». — Голос Мастера Путеводителя стал тише, он как будто немного охрип. И вдруг одним движением ладони он смахнул тот узор из камешков и травинок, который выкладывал на песке. — В общем, когда в Школу после коронации вернулся Мастер Ветродуй, нас снова стало Девять. Однако мы разделились. Мастер Заклинатель требовал, чтобы мы снова собрались и выбрали Верховного Мага. А король, сказал он еще, вообще не имеет права присутствовать на собрании Девяти Мудрых. И эта «Женщина с Гонта», кто бы она ни была, тоже не сможет занять место Верховного Мага да и вообще среди Мудрецов Рока. А? И мастера Ветродуй, Регент, Метаморфоз и Ловкая Рука сказали, что он прав. Они утверждали, что если король Лебаннен, согласно пророчеству, вернулся из царства смерти и занял трон в Хавноре, то и Верховный Маг вполне может быть тем человеком, который сумел вернуться из царства смерти.

— Но ведь... — начала было Ириан и умолкла.

Путеводитель помолчал немного и пояснил:

— Знаешь, это искусство, которым владеют Заклинатели, это умение призывать к себе чужие души с помощью заклятий, на самом деле ужасно. И делать это всегда

очень опасно. Хотя здесь, — и он поднял глаза на темно-зеленую листву деревьев, — подобные заклятия не действуют. И никакой перенос человека ОТТУДА в наш мир, через СТЕНУ невозможен. Когда ты здесь, никакой стены просто не существует...

У него было суровое лицо воина, но когда он смотрел на эти прекрасные огромные деревья, лицо его смягчалось, а взгляд становился печальным, даже тоскливым.

— Итак, — продолжал он, — теперь Заклинатель считает, что мы должны собраться из-за тебя. Но я в Большой Дом не пойду. И не позволю призывать себя заклятиями.

— А он сюда не придет?

— Я думаю, в Рощу он не пойдет. Да и на Холм Рок не станет подниматься. Ибо и здесь, и на вершине Холма любая ложь становится явной. Там ты такой, какой есть.

Она не совсем поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала, потому что мысли ее были заняты совсем другим.

— Ты говоришь, что он выставляет меня главной причиной вашего собрания и вашего спора? — спросила она.

— Да. Для того чтобы отослать прочь одну-единственную женщину, требуется девять волшебников, а? — Мастер Путеводитель усмехнулся. Он очень редко улыбался, а когда улыбался, то мимолетная улыбка эта получалась какой-то свирепой. — По его словам, мы должны встретиться, чтобы соблюсти Устав острова Рок. И, таким образом, выбрать Верховного Мага.

— Если я уйду... — Она заметила, что он качает головой. — Я могла бы пойти к Мастеру Ономатету...

— Здесь тебе куда безопаснее.

Мысль о том, что она приносит несчастье, очень тревожила Ириан. Но ей пока что и в голову не приходило, что ей самой грозит реальная опасность. Она считала это просто невероятным.

— Ничего со мной не случится, — сказала она. — Значит, вас трое: Ономатет, ты и... и Мастер Привратник? И вы...

— ...и мы не желаем, чтобы Торион становился Верховным Магом. Только нас четверо: с нами еще Мастер

Травник, хотя он больше любит копаться в земле, а не спорить с другими волшебниками.

Он видел, что Ириан смотрит на него в полном изумлении.

— Я не случайно произнес его Истинное имя, — пояснил он. — Торион, Мастер Заклинатель, сам всюду произносит вслух свое Имя. Он ведь умер, а?

Ириан знала, что король Лебаннен тоже открыто пользуется своим Истинным именем, потому что тоже вернулся назад из царства смерти. И все же мысль о том, что и Заклинатель имеет право так поступать, не давала ей покоя.

— А что же ваши... ученики? — спросила она.

— Они тоже разделились.

Она подумала о Школе, где пробыла совсем недолго. Отсюда, из Рощи, Школа представлялась ей чем-то вроде окруженной каменными стенами тюрьмы. Эти стены отгораживали тех, что внутри, ото всех остальных, ото всего внешнего мира, и знаменитая Школа становилась больше похожей на загон для птицы, на клетку... Как может человек сохранить душевное здоровье в таком месте?

Мастер Путеводитель выложил из четырех камешков небольшую кривую на песке и сказал:

— Жаль, что Ястреб ушел от нас. Жаль, что я не могу прочесть всего того, что пишут на земле тени деревьев. Я слышу в шепоте листьев, что грядут перемены. Деревья повторяют это снова и снова... Все переменится, кроме них. — Он снова посмотрел на кроны деревьев тем же тоскливым, ласковым и одновременно пытливым взглядом. Солнце почти уже село, и он встал, пожелал Ириан спокойной ночи и пошел прочь. И почти сразу скрылся из виду, нырнув в гущу деревьев.

Она еще немного посидела на берегу Твилберн, встревоженная его рассказом и собственными мыслями и чувствами, которые внезапно пробудились в Роще. А также ей казалось очень странным, почему что-то тревожит ее, если она в Роще? Она встала, прошла в дом, приготовила себе ужин — копченое мясо, хлеб и зеленый лук с молодыми головками — и стала есть, абсолютно не чувствуя вкуса еды. Потом снова побрела, по-прежнему испытывая странное беспокойство, на берег реки и спустилась к воде. Вода показалась ей очень теплой. В сгустившихся сумерках сквозь молочно-белую дымку, что стелилась над рекой, видны были только самые крупные звезды. Ириан скинула сандалии и вошла в воду, которая была весьма прохладной, и все же в ней словно струилась живая кровь — так ощущалось вобранное за день солнечное тепло. Она выскользнула из одежды — собственно, на ней были только мужские штаны да рубашка — и обнаженная бросилась в реку, всем телом чувствуя ее сильное течение. В Ирии она никогда не купалась в реке и ненавидела море с его серыми холодными волнами, но сегодня купание в этой речке с быстрой водой доставляло ей истинное наслаждение. Она качалась в воде, руками ощупывая скользкие подводные камни и свое собственное гладкое тело; ее ноги щекотали речные травы. Все беспокойство, все тревоги словно вымывала из нее эта быстро бегущая вода, и она радостно отдалась на волю течения, глядя в небо, на горящие белым неярким огнем далекие звезды.

Вдруг ее сковал смертный холод. Вода показалась ледяной. Все внутри сжалось в тугой комок, хотя ноги и руки все еще были расслаблены и не желали слушаться. Посмотрев вверх, Ириан увидела на берегу черный силуэт мужчины.

Она тут же встала на ноги, поднявшись из воды по пояс совершенно нагая.

— Убирайся! — крикнула она. — Убирайся отсюда, предатель! Ах ты, грязный развратник! Вот погоди, я тебе кишки выпущу! — Она рванулась к берегу, путаясь в зарослях прибрежных трав, но на берегу никого не оказалось. Она стояла, чувствуя, что вся горит, что ее буквально трясет от ярости. Она метнулась назад по берегу, отыскала свою одежду и быстро натянула ее, по-прежнему громко ругаясь вслух: — Ты — трус, а не волшебник! Предатель проклятый! Сукин сын!..

— Это ты, Ириан? — послышался от опушки леса голос Путеводителя.

— Он только что стоял здесь, этот проклятый Торион! — крикнула она, бросившись ему навстречу. — Ах,

грязная душонка! Я разделась и купалась в реке, а он стоял там и подсматривал!

— Это был не он сам — всего лишь... его подобие, его образ. Он бесплотен и не мог причинить тебе вреда, Ириан.

— Подобие? Образ? Но у него были совершенно зрячие глаза! Разве подобие способно видеть? А может быть, он... — И она вдруг умолкла, не найдя нужного слова. Ее подташнивало. Она вся дрожала и сглатывала холодную слюну, которая то и дело скапливалась у нее во рту.

Путеводитель подошел к ней и взял ее руки в свои. Руки у него были теплые, а она чувствовала в душе и теле такой мертвящий холод, что подошла и прижалась к нему, чтобы впитать исходившее от него живительное тепло. Они стояли так довольно долго, хотя лицо она от него отвернула; но руки их были сомкнуты, а тела тесно прижаты друг к другу. Наконец она оторвалась от него, выпрямилась, отбросила назад мокрые волосы и сказала:

— Спасибо тебе. Мне было так холодно!

— Я знаю.

— Но мне никогда не бывает холодно! Это все он!

— Я же говорю тебе, Ириан: сам он не может прийти сюда. И пока ты здесь, он не может причинить тебе никакого вреда.

— Он НИГДЕ не может причинить мне вреда! — заявила она, чувствуя, как по жилам ее вновь разливается уже знакомый внутренний огонь, и прибавила грозно: — А если попробует, я его уничтожу!

— Ах... — только вздохнул Путеводитель.

Ириан посмотрела ему в лицо, залитое лунным светом, и вдруг потребовала:

— Назови мне свое имя! Не обязательно Истинное. Пусть это будет хотя бы такое имя... каким тебя могла бы называть я. Когда думаю о тебе.

Некоторое время он молчал, потом промолвил:

— На острове Карего-Ат когда-то меня звали Азвер. На ардическом это значит «боевое знамя».

— Азвер, — повторила она и сказала: — Спасибо тебе, Азвер.

Ириан долго лежала без сна в своем маленьком домике и чувствовала, как воздух становится неподвижным, а потолок будто опускается и давит на нее, а потом вдруг уснула сразу и крепко. И проснулась так же внезапно, едва начало светлеть небо на востоке. Она встала и подошла к двери: больше всего на свете она любила такое вот светлое небо перед восходом солнца. А потом, когда на востоке уже вовсю разливалась заря, она наконец отвела глаза от небес и сразу увидела Азвера, который, завернувшись в свой серый плащ, крепко спал на земле у ее порога. Ириан тут же бесшумно скользнула обратно в дом и через несколько минут заметила, как он возвращается в свой лес, двигаясь неуверенно, почесываясь и протирая глаза, как человек, который только что проснулся.

Ириан принялась было за работу: она обчищала внутреннюю стену домика, собираясь заново ее штукатурить, но стоило первым утренним лучам заглянуть в окошко, как к ней кто-то постучался, хотя дверь была открыта. На крыльце стоял тот самый человек, которого она в первый раз приняла за садовника, Мастер Травник. Вблизи он казался очень солидным и, пожалуй, чересчур флегматичным; чем-то он напоминал вола с темной шкурой. За спиной у него виднелся старый Мастер Ономатет, очень худой и мрачный.

Она растерянно пробормотала какие-то слова приветствия. Они пугали ее, эти Мудрецы с острова Рок. Кроме того, их присутствие здесь означало, что мирным временам пришел конец; конец пришел ее молчаливым прогулкам с Мастером Путеводителем по безмолвному летнему лесу. Впрочем, она поняла это еще прошлой ночью. Поняла, но не хотела принимать.

— Путеводитель послал за нами, — сказал Мастер Травник. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Заметив пучок какой-то сорной травы у нее под окошком, он вдруг обрадовался: — О, да это бархатцы! Видно, кто-то из Хавнора посадил их здесь. А я и не знал, что у нас на острове бархатцы растут. — Он внимательно изучил растение и сунул несколько созревших семян в мешочек на поясе.

Ириан украдкой поглядывала на Ономатета, стараясь понять, не является ли он так называемым подобием или все же пришел к ней «во плоти». Ничто в нем не говорило о его нематериальности, но ей все же казалось, что самого его здесь нет, и когда он вышел на яркий солнечный свет, совершенно не отбрасывая тени, она поняла, что была права.

— Далеко ли отсюда до того места, где вы живете, господин мой? — спросила она его.

Ономатет кивнул.

— Да, я оставил свое тело на полпути, — сказал он и поднял голову: к ним от опушки леса шел Мастер Путеводитель, теперь уже окончательно проснувшийся.

Он поздоровался со всеми и спросил:

— А Привратник придет?

— Он сказал, что ему лучше остаться и сторожить двери, — ответил Травник. Он аккуратно завязал свою мягкую сумку со множеством кармашков, в один из которых спрятал семена бархатцев, и обвел взглядом лица остальных. — Но я не знаю, сумеет ли он накрыть крышкой весь муравейник.

— А что, собственно, происходит? — спросил Курремкармеррук. — Я все это время читал о драконах и никакого внимания не обращал на муравьев. Но вдруг обнаружил, что все ученики, которые занимались у меня, покинули Башню.

— Их призвали, — сухо пояснил Травник.

— Ну и что? — еще более сухо, даже с вызовом, спросил Ономатет.

— Я могу высказать тебе лишь свое собственное мнение... — Травник говорил неуверенно, словно нехотя.

— Ну давай, высказывай, — потребовал старый волшебник.

Но Травник еще некоторое время колебался и наконец промолвил:

— Эта женщина не входит в наш Совет.

— Зато она входит в мой, — заметил Азвер.

— Она появилась здесь именно сейчас, — сказал Ономатет, — а сейчас никто не появляется здесь случайно. Да и в любом случае — все, что знает каждый из нас, и то,

как он представляет себе сложившуюся ситуацию, является лишь его собственным видением событий. За каждым из имен, как известно, толпятся и другие имена, дорогой мой целитель.

Темноглазый Травник согласно кивнул и с явным облегчением сказал:

— Ну что ж, вот и прекрасно! — как бы принимая мнение своих друзей и объединяя его с собственным. — Торион очень много времени проводит в обществе других Мастеров, а также — в обществе старших учеников. Какие-то бесконечные тайные встречи, тайные собрания, тайные организации... Школа полна слухов, все о чем-то шепчутся. Многие ученики, особенно младшие, напуганы всем этим, и некоторые из них уже спрашивали у меня или у Привратника, могут ли они уйти из Школы и навсегда покинуть Рок. И мы их отпустили. Но в порту нет ни одного корабля. Ни одно судно не вошло в гавань Твила после того, как ты прибыла сюда, госпожа моя, а тот корабль на следующий же день отбыл на остров Уотхорт! Мастер Ветродуй поддерживает волшебный ветер Рока и никому не дает войти в гавань. И даже если сюда вздумает прибыть сам король, то и он сейчас не сможет подойти к острову.

— Пока ветер не переменится, да? — заметил Путеводитель.

— Торион говорит, что Лебаннен — не настоящий король, поскольку не был коронован Верховным Магом Земноморья, — продолжал Травник.

— Чепуха! — прервал его старый Ономатет. — На самом деле первый Верховный Маг появился в Земноморье гораздо позже королей. И остров Рок тоже прежде всегда был королевским владением.

— Понятно, — сказал Мастер Путеводитель. — Домоправителю всегда трудно расставаться с ключами от дома, когда туда возвращается настоящий хозяин, а?

— Кольцо Мира вновь стало целым, — снова заговорил Мастер Травник; в его обычно таком спокойном голосе слышалась тревога. — Пророчество осуществилось: сын Морреда коронован, и все-таки нет у нас ни мира, ни

покоя, ни справедливости. Где мы свернули на ложный путь? Отчего не можем обрести равновесие?

— А каковы намеренияТориона? — спросил Ономатет.

— Он хочет заставить Лебаннена приехать сюда, — сказал Травник. — Молодежь ведет разговоры о «настоящей коронации», и эту вторую коронацию они намерены провести здесь. И осуществит ее Верховный Маг Земноморья — Торион.

— Минуй нас! — вырвалось у Ириан, и она сделала жест, который, согласно поверью, мешает дурному слову превратиться в деяние. Ни один из волшебников даже не усмехнулся, а Мастер Травник с некоторым опозданием сделал тот же охранительный жест.

— Как же ему удалось до такой степени прибрать всех к рукам? — удивился Ономатет. — Травник, ты ведь, кажется, был здесь, когда Ястреб и Торион получили вызов от Ириотха? А ведь магические способности Ириотха были, по-моему, не менее значительны, чем уТориона, и он очень умело использовал их, чтобы полностью контролировать других людей. Так что́, Торион теперь тоже этим занимается с помощью своих ужасных заклятий?

— Не знаю, — сказал Травник. — Могу лишь сказать, что когда в Большом Доме я оказываюсь с ним рядом, я чувствую свое полное бессилие, я чувствую, что ничего уже поделать нельзя, что все равно ничего не изменится, что ничего нового из всех наших стараний не произрастет... Что какие бы лекарственные средства я ни использовал, болезнь все равно закончится смертью. — Он обвел друзей своими печальными карими глазами больного вола. — И я думаю, это правда. Нет никакой иной возможности восстановить Равновесие, кроме соблюдения полной неподвижности. Мы зашли слишком далеко. И то, что сделали Верховный Маг и Лебаннен, зайдя во плоти в царство смерти и вернувшись в мир живых, было неправильно. Они нарушили закон, который нельзя нарушать. И, возможно, Торион вернулся именно для того, чтобы восстановить этот закон.

— Так что же, отослать их назад в царство смерти? — сказал Ономатет, а Путеводитель прибавил:

— И кто скажет, каков этот закон?

— Но ведь стена-то существует! — воскликнул Травник.

— Эта стена не имеет таких глубоких корней, как мои деревья в Роще, — возразил Путеводитель.

— Я думаю, во многом ты прав, Травник: мы действительно нарушили Равновесие, — твердо и жестко сказал Курремкармеррук. — И теперь не понять, когда, в каком месте Пути мы свернули не туда и зашли слишком далеко. И что именно позабыли, к чему повернулись спиной, что просмотрели.

Ириан понимала далеко не все и молча переводила взгляд с одного волшебника на другого.

— Когда Равновесие нарушено, не стоит все же сохранять полную неподвижность, ибо это может еще больше усугубить положение, — сказал Мастер Путеводитель. — Пока все не восстановилось... — И он сделал быстрый жест, обозначающий обратное движение — точно приподнимая что-то обеими ладонями, а потом опуская.

— Что может быть отвратительнее, чем самого себя вернуть из царства смерти с помощью магии? — спросил Ономатет.

— Торион был лучшим среди нас — смелое сердце, благородная душа! — Травник говорил чуть ли не с гневом. — Ястреб любил его. Да и все мы его любили...

— Но он попал в ловушку к собственной совести, — промолвил Ономатет, — которая твердила ему, что только он один способен все устроить правильно, как надо. И ради этого он решил отказаться от смерти и вернуть себя к жизни. А теперь он отказывается и от жизни.

— Но кто выступит против него? — спросил Путеводитель. — Я могу лишь скрываться в своих лесах.

— А я — в своей Башне, — сказал Ономатет. — А Травник и Привратник — точно заложники в Большом Доме. Внутри тех самых стен, которые мы создавали, чтобы оградить себя ото всякого зла!.. А может, чтобы оградить мир от того зла, которое зрело среди нас?

— Нас все-таки четверо, — заметил Путеводитель.

— А их пятеро! — сказал Травник.

— Неужели дошло уже до того, — ужаснулся Ономa-

тет, — что мы стоим на опушке леса, выращенного Сегоем, и говорим о том, как нам уничтожить друг друга?!

— Да, — сказал Путеводитель, — увы, это так. То, что продолжается слишком долго, не претерпевая никаких изменений, обычно само себя изживает и разрушает. Этот лес вечен, потому что он умирает, давая жизнь новым деревьям. И я не позволю мертвой рукеТориона коснуться меня. Или короля, который принес нам надежду. Пророчество было произнесено моими устами, хотя воля моя в этом и не участвовала. Я сказал тогда: «Женщина с Гонта». И я не допущу, чтобы эти слова оказались позабыты!

— Раз так, не стоит ли нам отправиться на Гонт? — спросил Травник, которого не оставила равнодушным страстная речь Азвера. — Там все-таки Ястреб.

— Там еще и Тенар Кольца, — подхватил Азвер.

— И, может быть, там наша надежда, — сказал Ономатет.

Они постояли в молчании и неуверенности, пытаясь сохранить в своих душах только что родившуюся слабую надежду.

Ириан тоже молчала, однако теперь она испытывала, скорее, чувство стыда и собственной бесполезности и незначительности. Эти храбрые и мудрые люди стремились спасти то, что им дорого, но не знали, как это сделать, а она ничем не могла им помочь, ничего не могла им посоветовать, даже просто поучаствовать в обсуждении предстоящих действий и то не могла! Она тихонько отошла от них — они, впрочем, этого даже не заметили — и спустилась к реке в том месте, где Твилберн выбегает из леса, журча по россыпи некрупных камней. Вода в утреннем свете так и сверкала, напевая какую-то веселую песенку. Ириан хотелось плакать, хотя она никогда плакать не любила. Она стояла и смотрела на воду, и стыд в ее душе постепенно сменялся гневом.

Она решительно вернулась туда, где продолжали что-то обсуждать трое волшебников, и окликнула одного из них:

— Послушай, Азвер!

Он, изумленный, обернулся и сделал шаг по направлению к ней.

— Почему ради меня ты нарушил Устав Рока? Разве это было справедливо? Хотя бы по отношению ко мне — ведь я никогда не смогу стать здесь тем, чем являетесь вы?

Азвер нахмурился.

— Привратник пропустил тебя потому, что ты попросила, — сказал он. — А я привел тебя в Рощу, потому что листья деревьев назвали мне твое имя еще до того, как ты появилась на острове. ИРИАН, шептали они, ИРИАН. Почему ты прибыла сюда именно в этот момент, я не знаю, но это явно не случайно. И Заклинатель тоже это понимает.

— Может быть, я прибыла сюда, чтобы его уничтожить?

Азвер посмотрел на нее и ничего не сказал.

— А может быть, я явилась, чтобы уничтожить сам остров Рок?

И тут его бледные глаза сверкнули:

— Попробуй!

Мощная дрожь сотрясла все тело Ириан, но глаз от Азвера она не отвела. Она чувствовала, что стала сейчас гораздо крупнее обычного человека, гораздо больше, чем была сама; она стала немыслимо, невероятно огромной; она могла протянуть палец и раздавить этого человечка, который стоял перед нею совершенно беззащитный в своей хрупкой и недолговечной оболочке... Ириан очень сильно и глубоко вздохнула и сама на несколько шагов отступила от Азвера.

Ощущение огромной, невероятной силы потихоньку покидало ее. Она чуть повернула голову и с изумлением увидела собственную смуглую руку, закатанный рукав, буйную весеннюю траву, зеленевшую под ее сандалиями. Она посмотрела на Мастера Путеводителя, и он показался ей все таким же хрупким и маленьким. Она жалела этого человека, глубоко его уважала, и ей хотелось предостеречь его от опасности, которая ему грозила, но она не могла произнести ни слова. Резко повернувшись, она вернулась на то же место у реки, присела на корточки у весело поющей между камнями воды и закрыла лицо руками, словно отгородившись от Азвера и от всего этого мира.

Голоса магов журчали в отдалении, точно река, но река говорила одно, а они — совсем другое, хотя ни то, ни другое действительности не соответствовало.

IV. Ириан

Теперь в лице Азвера было нечто такое, что Травник спросил:

— В чем дело?

— Я и сам еще не понял... — ответил Путеводитель задумчиво. — Возможно, нам не следует покидать Рок.

— Так мы и не сможем его покинуть, — сказал Травник, — если Ветродуй замкнет ветры и направит их против нас...

— Ну, с меня достаточно; я возвращаюсь в Башню, — сказал вдруг Курремкармеррук. — Я не желаю, чтобы меня выбросили на помойку, точно старый башмак! Впрочем, сегодня вечером мы с вами снова встретимся здесь. — И он исчез.

— А я бы с удовольствием сейчас прогулялся по Роще, послушал, что говорят деревья! — сказал Травник Азверу и тяжело вздохнул.

— Вот и ступай, Дейяла. А я останусь здесь. — Травник ушел. Азвер присел на грубую скамью, сделанную Ириан у передней стены дома, и пристально посмотрел на девушку, сидевшую с поджатыми коленями на берегу реки. С луга, отделявшего их от Большого Дома, доносилось тихое блеяние овец. Утреннее солнце припекало все жарче.

Это отец когда-то назвал его Азвером, что значит «боевое знамя», а потом он уехал на запад, оставив и отца, и все, что так хорошо знал. А свое Истинное имя он узнал от деревьев в Имманентной Роще и позже стал здесь Мастером Путеводителем. Весь последний год рисунок теней и ветвей в Роще, а также переплетение корней безмолвно твердили ему об одном: грядут страшные перемены, грозящие крушением этого мира. И теперь эта беда уже нависла над ними, он это чувствовал.

Но за Ириан он в ответе. И она, как это и должно

быть, находится под его защитой — он понял это, как только ее увидел. И хотя она только что заявила, что якобы может уничтожить Рок, он должен служить ей. И до сих пор он охотно ей служил. Она бродила с ним по лесу, высокая, немного неуклюжая, но совершенно бесстрашная. Он вспомнил, как она отводила в сторону колючие ветви кустарников своими большими осторожными руками, как внимательно ее глаза, золотисто-коричневые, точно вода в тенистых местах реки Твилберн, смотрели на все вокруг; как она прислушивалась к голосу леса, замирая в полной неподвижности. Ему хотелось защищать ее, но он понимал, что сделать этого не в состоянии. Он мог дать ей только немного тепла, когда ей было холодно. А больше ему нечего было дать ей. И она непременно пойдет туда, куда должна пойти. Она не знает, что такое опасность. У нее нет иной мудрости, кроме собственной невинности, и нет иного оружия, кроме собственного гнева. «Кто ты, Ириан?» — прошептал он, глядя на нее, свернувшуюся в комок, точно зверь, запертый в своей мучительной бессловесности.

Травник, к середине дня вернувшийся из леса, немного посидел рядом с Азвером, не говоря ни слова, и пошел в Большой Дом, пообещав вернуться утром вместе с Мастером Привратником и попросить всех остальных Мастеров также прийти в Рощу. «Но ОН не придет», — сказал Дейяла-Травник, и Азвер-Путеводитель понимающе кивнул.

Весь день Азвер провел поблизости от Дома Выдры, сторожа Ириан. В итоге ему удалось даже заставить ее поесть немного с ним вместе. Ели они в доме, но сразу после трапезы Ириан снова вернулась на прежнее место и замерла там в полной неподвижности. И Азвер тоже чувствовал, как им овладевает какое-то странное сонное оцепенение, которое он никак не мог стряхнуть с себя. Он вспомнил глаза Мастера Заклинателя и мгновенно всем телом ощутил леденящий пронзительный холод, хотя сидел на самом солнцепеке и день был жаркий. «Так нами правит мертвец!» — подумал он, и эта мысль не давала ему более покоя.

Он испытал благодарное чувство, когда увидел Курремкармеррука, неторопливо идущего к нему с севера по

берегу Твилберн. Старый волшебник брел по мелководью босиком, в одной руке держа башмаки, а в другой — высокий посох, и сердито ворчал себе под нос, спотыкаясь или оскальзываясь на мокрых камнях.

— На обратном пути я лучше верхом поеду! — заявил он громко. — Или повозку найму. А может, куплю себе мула. Стар я стал, Азвер!

— Поднимайся сюда, к дому! — крикнул ему Путеводитель и поставил на стол воду и еду.

— Где эта девушка?

— Спит, по-моему. Вон там, — и Азвер мотнул головой в ту сторону, где, свернувшись клубком, на зеленой траве у речного переката лежала Ириан.

Дневная жара начинала спадать, и по траве от Рощи протянулись длинные тени, хотя сам Дом Выдры все еще был залит солнечным светом. Курремкармеррук уселся на скамью, прислонившись спиной к стене дома, а Азвер устроился на пороге.

— Ну что ж, похоже, мы подошли к самому концу, — сказал старый волшебник, прервав глубокое молчание.

Азвер молча кивнул в знак согласия.

— Что привело тебя на Рок, Азвер? — спросил Ономатет. — Я давно хотел спросить тебя об этом. Ведь твои родные острова так далеко отсюда. Да и волшебников у вас, как будто, не водится.

— Да, действительно, их там нет. Но у нас есть то, из чего соткана вся магия, — вода, камни, деревья, слова...

— Но ведь это не слова Созидания?

— Нет. Там и драконов нет.

— И никогда не было?

— Не знаю, о них говорится только в старинных сказках с самого восточного из наших островов, с пустынного острова Гур-ат-Гур. В этих сказках повествуется о тех временах, когда и наших богов еще не было. И людей тоже, ибо люди до того, как стали людьми, были драконами.

— А вот это уже интересно, — прервал его старый волшебник и сел поудобнее. — Я, кажется, говорил тебе, что читаю книги о драконах? Тебе, наверное, известны слухи о том, что драконы летают над Внутренним морем и добираются до восточных берегов Гонта, так вот: это, без сомнения, Калессин! Когда он нес Геда домой, его полет

над островами Внутреннего моря был тысячекратно умножен моряками, которые старались как можно лучше украсить эту и без того красивую историю. Но, с другой стороны, один из наших юных учеников поклялся мне, что и он, и все жители его деревни видели этой весной драконов, круживших над западными склонами горы Онн. Вот я и решил перечитать некоторые старинные книги и узнать, когда драконы перестали летать к востоку от острова Пендор, и в одном из древних пельнийских свитков наткнулся на такую же историю, как ты мне только что рассказал, или же на нечто подобное. О том, что люди и драконы были одним народом, однако поссорились, и в результате одни из них направились на запад, а другие — на восток, превратившись впоследствии в два различных народа и забыв, что некогда были едины.

— Карги всегда плавали очень далеко на восток, — сказал Азвер. — А ты, между прочим, знаешь, как по-каргадски будет «военачальник»?

— Эдран, — быстро сказал Ономатет и засмеялся. — Это значит «дракон». Я знаю ваши галеры с драконом на носу... — Он помолчал немного и прибавил: — Я мог бы попытаться поискать еще и иные значения понятия «на краю смерти», но мне кажется, Азвер, что мы УЖЕ на этом краю! И нашего врага нам не победить.

— Да, у него есть кое-какие преимущества, — сухо признал Азвер.

— И не только. Но если все же допустить, хотя вряд ли это возможно, что мы его победить способны... Если суметь отправить его назад, в царство смерти, а самим остаться здесь... Скажи, что нам делать после этого? Что с нами будет?

Азвер долго молчал, потом промолвил:

— Не знаю.

— А листья и тени в Роще ничего тебе не говорят?

— Они говорят о переменах, — сказал Путеводитель. — О больших переменах!

Он резко вскинул глаза: овцы, столпившиеся у перелаза, вдруг бросились в разные стороны, явно испугавшись кого-то, идущего по тропе от Большого Дома. Как раз в эту минуту подоспел Мастер Травник.

— Сюда направляется целая толпа, — задыхаясь, со-

общил он. — Передовой отрядТориона. В основном старшие ученики. Они намерены схватить эту девушку и выслать ее с острова. — Травник запыхался и хватал воздух ртом. — Привратник пытался поговорить с ними, когда я уходил, и, по-моему, ему...

— А вот и он сам, — сказал Азвер, и Привратник действительно оказался вдруг с ними рядом; его гладкое желтовато-смуглое лицо было, как всегда, спокойным.

— Я предупредил их, — сказал Привратник, — что если они нынче выйдут из Школы через Ворота Медры, то никогда уже не смогут вернуться обратно. И сразу же некоторые из них предложили вообще никуда не ходить, но Ветродуй и Регент всячески побуждали их осуществить задуманное. Между прочим, они скоро меня догонят.

До них уже доносились голоса идущих по тропе.

Азвер, не раздумывая более, бросился к лежавшей на берегу реки Ириан. Остальные последовали за ним. Ириан вскочила; вид у нее был какой-то ошалелый. А волшебники окружили ее и как-то все ощетинились, увидев, что настоящий отряд, состоящий, по крайней мере, из трех десятков человек, миновал маленький домик и направляется к ним. Это действительно были главным образом старшие ученики, среди которых пятеро или шестеро уже получили посох волшебника. Вел их Мастер Ветродуй. На его худом, морщинистом лице были написаны крайнее напряжение и усталость, однако он вполне бодро и в высшей степени вежливо приветствовал четверых магов.

Они тоже учтиво поздоровались с ним, и слово взял Азвер:

— Мы предлагали собраться в Роще, Мастер Ветродуй. Идемте туда и там, под сенью деревьев, подождем остальных членов Девятки.

— Нет, сперва мы должны разрешить ту проблему, которая нас разделила, — сказал Ветродуй.

— Это неразрешимая проблема, — заметил Ономатет.

— Но ваша женщина своим присутствием в Роще нарушает Устав Рока! — возмутился Ветродуй. — Она ДОЛЖНА уйти! У причала ее ждет судно, и попутный ветер, смею вас заверить, будет им обеспечен до самого Уэя.

— Уж в этом-то я ни минуты не сомневался, господин

мой, — сказал Азвер. — Однако я очень сомневаюсь, что она согласится уехать.

— Но неужели и ты, Мастер Путеводитель, отрицаешь теперь правильность нашего Устава и отказываешься от нашего братства, которое всегда было таким крепким и единодушно стремилось к поддержанию порядка в мире? Неужели именно ты первым из всех Мастеров сойдешь с Пути?

— Путь — это не твердь, чтобы с него сходить, — молвил Азвер. — Путь живет в нас, как дыхание, как огонь костра...

Ему явно было трудно подобрать нужные слова на чужом, ардическом языке, и он перешел на язык каргов, не замечая, что далеко не все присутствующие его понимают.

— Пути неведома смерть! — заключил он свой страстный монолог и подошел еще ближе к Ириан, чувствуя исходивший от нее жар. Она молча смотрела на тех, кто ее окружал, и была в эти минуты похожа на крупного зверя, который совершенно не понимает человеческой речи.

— Лорд Торион вернулся из царства смерти, чтобы спасти нас! — звенящим голосом воскликнул Ветродуй. — И, когда он станет Верховным Магом, Рок наконец обретет прежнее могущество. Да и король получит королевскую корону из его рук, как это полагается по закону, и будет править под его руководством, как правил Морред. И ведьмы перестанут топтать священную землю в Роще, и драконы не будут больше угрожать островам Внутреннего моря. И наконец воцарятся порядок и мир!

Никто из четырех магов, по-прежнему окружавших Ириан, ему не ответил. И в затянувшейся тишине прозвучал чей-то молодой голос:

— Да что там говорить! Давайте схватим эту ведьму, и все!

— Нет... — начал было Азвер и больше не смог произнести ни слова, лишь поднял свой ивовый посох, но и посох лишился своей силы, превратившись в обыкновенный кусок дерева.

Из них четверых только Мастер Привратник еще способен оказался двигаться и говорить. Он сделал шаг вперед, переводя взгляд с одного ученика на другого, и спросил:

— Вы доверяли мне, называя мне свои имена, так скажите: верите ли вы мне сейчас?

— Господин мой, — ответил ему один из молодых волшебников, юноша с тонким смуглым лицом, уже получивший свой дубовый посох, — мы и сейчас тебе полностью доверяем, а потому и просим тебя: позволь нам увести эту ведьму из Рощи, и все будет по-прежнему.

Ответить Привратник не успел, ибо вперед вышла Ириан.

— Во-первых, я не ведьма, — сказала она, и высокий голос ее зазвенел металлом. — Я не владею никакими магическими искусствами и умениями. И у меня нет ваших знаний. Я пришла сюда, чтобы получить их, чтобы учиться!

— Мы здесь женщин не учим, — сказал Ветродуй. — И тебе прекрасно это известно!

— Ничего мне не известно! — страстно воскликнула Ириан. И сделала еще шаг вперед, остановившись прямо перед ним. — Скажи, например, кто я?

— Знай свое место, женщина! — Глаза Ветродуя смотрели на нее с холодной яростью.

— Мое место? — медленно проговорила Ириан. — Я думаю, что мое место сейчас на Холме. Там, где все предстает в своем истинном обличье. А потому будь добр, передай этому вашему МЕРТВЕЦУ, что я желаю с ним встретиться на вершине Холма Рок!

Ветродуй стоял перед ней как вкопанный и молчал. Среди учеников Школы послышался грозный ропот, некоторые даже сделали пару шагов по направлению к Ириан, но Азвер быстро встал между ними и Ириан; казалось, ее слова стряхнули с него тот странный паралич, что сковал его душу и тело.

— Вы слышали? СкажитеТориону, что мы будем ждать его на Холме, — сказал он. — Пусть приходит, мы будем ждать его там. Следуйте за мной! — велел он Ириан и своим друзьям.

И все они двинулись в Рощу. Прямо перед ними вдруг открылась широкая тропа, ведущая вглубь, но когда некоторые из молодых людей попытались было устремиться туда же, тропа исчезла и деревья сомкнули свои ряды.

— Вернитесь! — крикнул ученикам Мастер Ветродуй.

Они неуверенно повернули назад. Низкое солнце все

еще ярко освещало дальние поля и крышу Большого Дома, но в лесу уже сгущались сумерки и плясали темные загадочные тени.

— Колдовство! — заявили ученики. — Святотатство, отступничество!

— Лучше идемте прочь, — велел им Мастер Ветродуй; лицо его было по-прежнему суровым и решительным, но взгляд умных проницательных глаз был тревожен. Он быстро пошел обратно, и молодым людям ничего не оставалось, как последовать за ним, споря и огрызаясь от растерянности и злости.

Они не успели еще отойти далеко от реки, когда Ириан вдруг остановилась, спустилась к воде и присела на корточки у огромных, вылезших наружу корней старой ивы. Четверо магов остались на тропе.

— Когда она говорила, дыхание ее стало иным, — сказал Азвер.

Ономатет молча кивнул.

— Значит, мы должны следовать за ней? — спросил Травник.

На этот раз молча кивнул Привратник. И слабо улыбнулся, прибавив:

— Похоже на то.

— Ну что ж, прекрасно! — заявил Травник; на его исполненном вечного терпения лице была написана тревога, однако он более ничего не прибавил, а отошел на несколько шагов от тропы и опустился на колени, разглядывая какое-то крошечное растение или клочок мха.

Казалось, время в Роще вообще не движется, однако день все же подходил к концу, это чувствовалось в глубоких вздохах слабого ветерка, в шелесте листьев, в доносящемся с опушки призывном пении птицы, когда вторая отвечает ей откуда-то из чащи, готовясь лететь к родному гнезду... Ириан наконец медленно выпрямилась и, по-прежнему не говоря ни слова и глядя себе под ноги, вышла на тропу и присоединилась к своим спутникам. Теперь впереди шла она, а четверо мужчин следовали за нею.

Они вышли из леса на тихое, открытое к западу поле, освещенное последними лучами заката. Когда они пере-

шли на другой берег реки Твилберн и побрели через поля к Холму Рок, на западе все еще горела широкая яркая полоса, а округлая темная вершина Холма четко выделялась на фоне светлого неба.

— Они идут! — сказал Мастер Привратник. Действительно, от Большого Дома через сады и огороды вверх по тропе двигалась большая группа людей — пятеро Мастеров и множество учеников Школы. Впереди шел сам Торион-Заклинатель, казавшийся очень высоким в своем сером плаще. В руках он держал посох из какого-то белого, точно кость, дерева, и над его посохом разливалось слабое мерцание волшебного огня.

Там, где обе тропы встретились и соединились, превратившись в ту единственную извилистую тропку, что вела на вершину Холма, Торион остановился, поджидая остальных. Ириан быстро прошла вперед и встала прямо перед ним, глядя ему в глаза.

— Ириан с острова Уэй, — медленно проговорил Мастер Заклинатель своим глубоким чистым голосом, — дабы в этом мире вновь могли установиться порядок и Равновесие, заклинаю тебя: немедленно покинь этот остров! Прости, но мы не можем дать тебе то, что ты просишь. Если же ты станешь упорствовать и попытаешься здесь остаться, то ни о каком прощении с нашей стороны речи уже не будет, а тебе придется на собственном горьком опыте познать, что полагается за нарушение закона.

Ириан стояла молча. Она была почти такой же высокой, как Торион, и держалась так же прямо. Выдержав паузу, она произнесла всего несколько слов — каким-то странным, пронзительным и одновременно хрипловатым голосом:

— Поднимемся на вершину, Торион!

И, оставив его у скрещения троп, стала подниматься на вершину Холма — в сущности, до вершины оставалось всего несколько шагов. На вершине она обернулась и посмотрела на Заклинателя.

— Что мешает тебе подняться сюда, Торион? — спросила она.

Сгущались сумерки. На западе теперь виднелась лишь поблекшая красноватая полоска, а восточный край неба черной тенью навис над морем.

Заклинатель поднял голову и тоже посмотрел на Ириан, а потом медленно воздел руки с зажатым в них белым посохом и начал произносить слова заклинания, слова того Древнего Языка, который изучают все волшебники мира, ибо это язык их профессии — Язык Созидания:

— О Ириан! Истинным именем твоим призываю тебя и обязываю подчиняться мне!..

Казалось, она колеблется и вот-вот уступит ему, сойдет с вершины, однако она громко воскликнула:

— Мое имя — не только Ириан!

Услышав это, Заклинатель бросился к ней, широко раскинув руки, словно хотел схватить ее и удержать. Теперь они оба уже стояли на вершине, и тем, кто был внизу, показалось, что Ириан каким-то немыслимым образом возвышается над Заклинателем, становясь высокой, точно башня. А потом меж ними в сгустившихся сумерках полыхнуло яркое пламя, блеснула золотисто-красная чешуя дракона, раскрылись огромные крылья... и все исчезло. На вершине опять стояли просто высокая женщина и высокий мужчина, медленно склонявшийся перед нею, склонявшийся до самой земли и потом на эту землю упавший...

Первым обрел способность двигаться и говорить Мастер Травник, который бросился к ним и опустился перед Торионом на колени.

— Господин мой, — окликнул он его, — друг мой!

Но под серым плащом волшебника руки его нащупали лишь груду одежды, кучку старых сухих костей и обломки белого посоха.

— Так-то оно лучше, Торион, — пробормотал Травник, но он плакал.

Старый Ономатет вышел вперед и спросил у высокой женщины, что по-прежнему молча стояла на вершине Холма:

— Кто ты?

— Своего второго имени я пока не знаю, — отвечала она ему на том языке, который должны знать волшебники и который является родным для драконов, — на Языке Созидания. И, ничего более не прибавив, она повернулась, словно собираясь подняться еще выше, НАД вершиной Холма.

— Ириан, — окликнул ее тогда Азвер-Путеводитель, — скажи: ты к нам еще вернешься?

Она резко остановилась и позволила ему подойти к ней совсем близко.

— Вернусь, если ТЫ позовешь меня, — сказала она и в прощальном жесте коснулась его руки. И он, охнув, затаил дыхание.

— Куда ты теперь направишься? — спросил он.

— К тем, кто наречет меня Истинным именем — но в огне, а не в воде! Туда, где мой народ!

— Значит, на запад... — прошептал Азвер.

— На самый далекий запад, — поправила его она.

И, отвернувшись от него и ото всех остальных, пошла навстречу темнеющим небесам. И чем дальше, казалось, она от них отступает, тем лучше видели они бока ящера, покрытые золотистой чешуей, точно кольчугой, шипастый, свивающийся в кольца хвост, когтистые лапы, яркое пламя, вырывавшееся из пасти... Уже почти оторвавшись от земли, Ириан еще несколько мгновений помедлила, неторопливо поворачивая свою продолговатую драконью голову, и оглядела весь остров Рок, долее всего задержав свой взгляд на Имманентной Роще, во тьме казавшейся всего лишь темным пятном. Затем со звоном, точно встряхнули сразу несколько листов бронзы, раскрылись огромные крылья, и дракон взмыл в небо, сделал круг над Холмом и полетел прочь.

Завиток пламени, облачко дыма — вот и все, что осталось в вечернем небе.

Азвер-Путеводитель стоял неподвижно, зажав левой рукой правую, обожженную прощальным прикосновением Ириан, и смотрел вниз, на стоявших в молчании у подножия Холма людей, которые не сводили глаз с небес, где только что исчез дракон.

— Ну что ж, друзья мои, — промолвил он, — как нам быть теперь?

Ему сумел ответить только Мастер Привратник:

— Я думаю, для начала нам следует пойти в Большой Дом и настежь распахнуть его двери.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЕМНОМОРЬЯ

Народы и языки

Ардические земли

Основные занятия жителей ардических островов Архипелага — это земледелие, скотоводство, рыболовство, торговля, а также практически все те искусства и ремесла, которые свойственны доиндустриальному обществу. Население здесь развивается стабильно и уровня перенаселенности не достигало никогда, ибо люди понимают, что жизненное пространство на островах ограничено. Настоящего голода здесь тоже не знают, да и бедность крайне редко бывает действительно устрашающей.

Маленькими островами или отдельными деревнями обычно управляют более или менее демократичные Совет или Собрание, возглавляемые выборным лицом; причем это может быть как мужчина, так и женщина. Это же лицо представляет интересы того или иного острова или селения и в случае важных торговых сделок. Что же касается Дальних Пределов, то там чаще всего и не знают иной формы правления, кроме всенародного (островного, городского или деревенского) Собрания. На островах Внутреннего моря, правда, довольно рано установилась власть определенной правящей касты, и большей частью крупных островов и городов до сих пор управляют, по крайней мере номинально, знатные лорды, передающие пост правителя, а в целом Архипелагом с давних пор правят короли. В столицах и крупных городах, однако, управление зачастую осуществляется почти исключительно Советом горожан, а также купеческими и ремесленными гильдиями. Это поистине великие гильдии, поскольку сеть их покрывает все Внутренние Земли, и ни одна из них практически не подчиняется никаким правителям, кроме самого

короля Земноморья. Королевская столица — порт Хавнор.

Формы допустимых общественных свобод, а также формы вассальной (или на некоторых островах рабской) зависимости отражают признанную обществом Земноморья и довольно эффективную форму власти, которой обладают несколько десятков человек, но далеко не весь народ, и так или иначе воздействуют на все социальные институты, а потому, хотя повседневная жизнь народов Архипелага и кажется почти такой же, какой была и у других народов мира в доиндустриальную эпоху, она имеет все же и свои неповторимые характерные особенности. Одна из них, например, это отсутствие какой бы то ни было религии, возведенной в ранг социального института. А вот различные предрассудки и суеверия распространены здесь столь же широко, как и повсюду. Однако у ардических народов никогда не существовало богов, каких-либо культов и вообще формального почитания чего бы то ни было. Ритуальные действа осуществляются только в связи с традиционными жертвоприношениями на тех островах, где издавна поклоняются Древним Силам Земли; или еще во время великих праздников, отмечаемых повсеместно — например, праздника Весеннего Равноденствия или праздника Долгого Танца; заключаются же эти действа в основном в исполнении или пересказе популярных эпических песен и легенд, а также порой в представлениях, устраиваемых магами и волшебниками.

Обитатели всех островов Архипелага и Пределов говорят на ардическом языке и обладают сходной культурой с небольшими местными вариациями. Даже небольшой народ из дальнего Юго-Западного Предела, всю свою жизнь проводящий на больших плотах, сохраняет старинную традицию великих ежегодных празднеств; впрочем, культура этого народа все же значительно отличается от культуры Архипелага, поскольку люди, живущие на плотах, не занимаются ни сельским хозяйством, ни торговлей, практически не имеют связей с обитателями островов и почти ничего не знают об их жизни.

Большая часть жителей Земноморья — люди смуглые, с медно-коричневой или даже темно-коричневой кожей;

у них прямые черные волосы и темные глаза. Преобладающий тип сложения таков: небольшой рост, довольно хрупкий костяк, но мускулатура хорошо развита, тело и конечности пропорциональны. В целом это люди весьма стройные и красивые. Жители Восточного и Южного Пределов несколько выше ростом, шире в плечах и более темнокожие. У многих южан кожа действительно темно-коричневая. У мужчин с островов Архипелага растительность на лице обычно весьма незначительная или же ее нет совсем.

У жителей северных островов Осскил, Рогм и Борт более светлый цвет кожи; среди них также часто встречаются русоволосые или даже совсем блондины со светлыми глазами; и тамошние мужчины гораздо чаще, чем на других островах, имеют густые бороды. Язык и культура обитателей северных островов Архипелага, пожалуй, ближе каргадским языку и культуре, чем ардическим. Возможно, их далекими предками и были древние карги, которые, заселив четыре крупных восточных острова, направили свои суда на запад и на северо-запад; случилось это примерно две тысячи лет назад. На четырех крупнейших каргадских островах, расположенных к северо-востоку от основного Архипелага, светлый цвет кожи является преобладающим — иногда они выглядят почти как альбиносы! — а цвет волос варьируется от темных до почти абсолютно белых; глаза тоже бывают и очень темными, и очень светлыми — голубыми или зелеными.

Впрочем, случаев смешения этих двух основных типов обитателей Земноморья за весь период истории было, видимо, не так уж и много, если опять же не считать остров Осскил и соседние с ним острова. Но острова Северного Предела — территория вообще довольно изолированная и весьма слабо населенная. С другой стороны, известно, что карги всегда сторонились жителей Архипелага и враждовали с ними — во всяком случае, в течение двух или трех последних тысячелетий.

Климат на четырех главных каргадских островах весьма засушливый, но земли плодородны и при правильном поливе дают неплохие урожаи. Общество каргов является весьма замкнутым, самодостаточным и всегда испытыва-

ло крайне малое влияние, да и то скорее негативное, со стороны куда более многочисленных соседей с южных и западных островов.

Врожденные магические способности у каргов, видимо, проявляются крайне редко. Возможно, это связано с тем, что магию здесь всегда отвергали и всякое ее проявление активно подавлялось как правителями, так и простыми людьми. Так что в каргадском обществе магия не играет сколько-нибудь значительной роли — за исключением тех случаев, когда она воспринимается как непосредственное зло, которого нужно остерегаться. Эта неспособность или нежелание заниматься магией ставит каргов в менее выгодное положение по сравнению с жителями Архипелага почти в любой жизненной ситуации; этим же, возможно, объясняется и то, почему карги предпочитают обычной торговле и прочим формам взаимообмена пиратские налеты на наиболее близкие к ним острова Южного Предела и Гонтийского моря.

Драконы

Героический эпос, песни и легенды указывают на то, что драконы в Земноморье существовали задолго до появления там всех прочих живых существ. В старинных ардических «кеннингах», или поговорках, часто употребляются такие эвфемизмы слова «дракон», как Перворожденный, Старейший, Старший. (Между прочим, слово «первенец», которое на острове Осскил звучит как «ак-хад», а на Каргадских островах как «гадда», является производным от слова «хаатх», что на Языке Созидания значит «дракон».)

Разрозненные сказки и легенды с Гонта и из Пределов, отрывки священной истории Каргадских земель и таинственной колдовской премудрости острова Пальн, на которую долгое время не желали обращать внимания Мудрецы Рока, — все это содержит многочисленные намеки на то, что некогда драконы и люди были единым народом, но постепенно этот древний народ разделился, образовав два совершенно различных вида живых существ,

несопоставимых ни по своим привычкам, ни по внешнему виду, ни по устремлениям. Возможно, продолжительное проживание в столь значительно удаленных друг от друга землях привело и к значительным видовым различиям. Пельнийский фольклор и каргадские легенды утверждают, впрочем, что это разделение было произведено осознанно, в соответствии с соглашением, известным как «верв надан» или «Ведурнан», что и означает «Разделение».

Больше всего легенд об этом сохранилось на острове Гур-ат-Гур, самом восточном из Каргадских островов, где драконы постепенно дегенерировали и превратились в животных, лишенных высшего разума. И все же именно на Гур-ат-Гур люди сохраняют наиболее живую убежденность в исходном родстве людей и драконов. Этим историям о далеком прошлом вторят истории об относительно недавних событиях, во время которых драконы принимали человечье обличье, а люди — обличье драконов; здесь утверждается, что это были существа изначально двойственной природы, то есть являющиеся одновременно и людьми, и драконами.

И тем не менее Разделение произошло, и с начала исторической эпохи люди расселились в основном на центральных островах Архипелага и на восточных, Каргадских островах, а драконы — на самых дальних западных островах. Впоследствии люди не раз ломали голову над тем, почему драконы выбрали своими владениями пустынное море, ведь драконы — это «существа из ветра и огня», которые ненавидят воду и мгновенно тонут, стоит им случайно погрузиться в волны морские. Однако у них нет ни малейшей необходимости ни нырять в море, ни касаться земли; они живут, паря на своих могучих крыльях в безбрежном воздушном океане, купаясь в свете солнца и звезд. Единственное, для чего дракон может использовать землю, — это его гнездо. Обычно драконы выбирают для гнезда какой-нибудь скалистый остров, самка откладывает там яйца и выводит детенышей. Для таких целей более всего подходят как раз маленькие бесплодные островки на самой дальней периферии Западного Предела.

«Создание Эа» не содержит достаточно ясных сведений об исходном единстве и последующем разделении драконов и людей, но, возможно, это связано с тем, что поэма, предположительно написанная на Языке Созидания, была создана в период, предшествовавший Разделению. Наиболее ярким свидетельством того, что люди и драконы имеют общие корни, является в этой знаменитой поэме старинное ардическое слово, понимаемое обычно как «народ/люди» или как «человеческие существа». Это слово «алатх», этимология которого связана с рунами Истинной Речи «атл» и «хтха», значение которых примерно таково: «существа, способные говорить слова» или «те, кто произносит слова», но «произносить слова», как известно, умеют и люди, и драконы. Порой в «Создании Эа» встречается также слово «альхератх», что означает «существа, произносящие Истинные слова», то есть те, кто пользуется Истинной Речью. Это слово также может обозначать людей — волшебников или магов — или драконов; или же и тех, и других. В таинственных колдовских преданиях острова Пальн об этом говорится прямо, и слово «альхератх» используется там для обозначения как волшебников, так и драконов.

Драконы владеют Истинной Речью от рождения; Гед, например, считал, что дракон и его речь суть одно и то же. И если люди и обладали некогда врожденным знанием Истинной Речи, то постепенно они это качество утратили, как утратили и часть своей природы — ее «драконью» часть.

Языки

Древний Язык, или Истинная Речь, или Язык Созидания, с помощью которого, согласно преданиям, в начале времен Сегой создал острова Земноморья, — язык, видимо, бесконечный с точки зрения лексики, ибо в его функции входит наименование всего на свете.

Это язык, скорее, именно драконов, а не людей, как уже было сказано выше. Существуют, правда, некоторые исключения. Отдельные, чрезвычайно одаренные волшебники, или же люди, находящиеся в родстве с драконами, обладают неким врожденным знанием Древнего Языка. Но подавляющее большинство людей должны этому языку специально учиться. В ардических землях принято, чтобы те, кто практикует магические искусства, узнавали слова Истинной Речи от своих учителей-волшебников. Колдуны и ведьмы обычно способны запомнить лишь несколько слов Древнего Языка, волшебники же знают их довольно много, а некоторые могут говорить на Древнем Языке почти так же хорошо, как драконы, для которых этот язык является родным.

Все магические заклинания содержат по крайней мере одно слово Истинной Речи, хотя, например, деревенская ведьма или колдун могут и не знать точного значения этого слова. Великие же Заклятия целиком составляются на Древнем Языке, и смысл их постигается окончательно лишь по мере их произнесения вслух.

Ардический язык Архипелага, его диалект «осскили» (на нем говорят на острове Осскил), а также каргадский язык и его диалекты являются производными от Древнего Языка; это как бы его очень дальние родственники. Но ни один из этих современных языков не пригоден для составления магических заклятий.

Обитатели Архипелага говорят на ардическом языке. Существует практически столько же диалектов этого языка, сколько в Архипелаге островов; впрочем, эти диалекты не настолько сильно отличаются друг от друга, чтобы обитатели одного острова не понимали обитателей другого.

Только «осскили», диалект острова Осскил и двух других соседних с ним островов, имеет, пожалуй, большее сходство с каргадским языком, чем с ардическим. Каргадский язык, кстати, особенно сильно отличается от Древнего Языка как по лексическому составу, так и по синтаксическим особенностям. А потому большая часть тех, кто говорит по-каргадски (как и большая часть говорящих на ардическом языке), не сознают, что эти языки имеют один и тот же праязык. Разумеется, ученым Архипелага об этом известно, но большая часть каргов — и среди них даже многие известные ученые! — этого признавать не

желают. В их восприятии ардический язык как бы навсегда смешался с Языком Созидания, на котором волшебники произносят свои заклинания, а волшебников на Каргадских островах не любят и боятся, поэтому там презирают и язык Архипелага, считая всех, говорящих на нем, злобными колдунами.

Письменность

Ардическая письменность, по всей вероятности, была создана так называемыми Мастерами Рун, первыми великими волшебниками Архипелага, для того чтобы помочь сохранить Древний Язык. У драконов письменности вообще нет.

В Земноморье же существуют два совершенно различных вида письменности: Истинные Руны и руническое письмо.

С помощью Истинных Рун записывают слова Древнего Языка. Эти Руны являются не просто символами; они способны материализовать любой предмет или, скажем, условие; с их помощью можно предотвратить или вызвать то или иное событие. Написать такую Руну — значит уже совершить деяние, и сила воздействия таких деяний на окружающий мир зависит от обстоятельств. В основном Истинные Руны встречаются только в древних фольклорных текстах и летописях, и пользуются ими только волшебники, прошедшие специальное обучение. Но отдельные Руны — например, та, которую обычно изображают на притолоке, чтобы защитить дом от пожара, — используются достаточно широко, в том числе и людьми, не имеющими к магии никакого отношения.

Значительно позже было создано так называемое руническое письмо, абсолютно лишенное каких бы то ни было магических свойств. Это письменность современного ардического языка, и воздействует она на окружающую действительность не больше, чем любая другая.

Говорят, что именно Сегой первым написал Истинные Руны — огнем на ветру — и они современницы Языка Созидания. Но скорее всего это не так, поскольку драконы Рунами не пользуются, а если и различают их, то в этом не признаются.

Каждая Истинная Руна имеет основное, самое главное значение и значения дополнительные (обычно их несколько). В этих вспомогательных значениях, кстати, можно с большей или меньшей точностью разобраться с помощью ардического языка. Но лучше все же говорить, что Руны — это не слова, а магические заклинания или заключенные в форму символа деяния. И все же лишь в общем контексте Истинной Речи и лишь в том случае, когда этой речью в устной или письменной форме пользуется настоящий волшебник, имеющий намерение совершить некое действие, усиленное голосом и жестом — то есть при произнесении заклинаний, — отдельные слова этого языка или отдельные Руны действительно полностью реализуют заключенное в них могущество.

Заклятия записываются исключительно с помощью Истинных Рун, хотя иногда возможны — при более «легких» формах магии — некоторые вкрапления ардической письменности. Если человек говорит на Языке Созидания или пишет с помощью Истинных Рун — это полная гарантия истинности того, что он говорит или пишет. Но только если это — человек! Люди не могут лгать, используя Древний Язык, а вот драконы вполне могут. Во всяком случае, так утверждают сами драконы, и если они лгут, то разве это не доказательство того, что сказанное выше — чистая правда?

Произнесенное вслух название одной из Истинных Рун может оказаться именно тем словом, которое обозначает данная Руна в Языке Созидания, а может — и одним из вспомогательных его значений, как бы переведенным на ардический язык. Названия таких популярных в народе Рун, как Пирр (ее используют для предохранения жилища от пожара и урагана, а себя — от безумия), Сифл (пожелание успеха) или Симн (пожелание удачи в работе), произносятся безо всяких специальных обрядов и самыми обычными людьми. Однако же те, кто практикует магические искусства и ремесла, даже эти всем известные названия Рун произносят с большой осторожностью, ибо и эти Руны на самом деле являются словами Языка Сози-

дания и могут оказать непреднамеренное или совершенно неожиданное воздействие на то или иное событие.

Так называемые Шестьсот Рун Ардического Языка — это отнюдь не ардические руны, которые используются в обычной письменности, а Истинные Руны, которым в современном разговорном языке были приданы некие «безопасные», т.е. неактивные, значения. А истинное их значение следует запоминать молча, как и все значения Рун Древнего Языка. Целеустремленный студент, готовящийся стать волшебником, непременно пойдет дальше и выучит «Добавочные Руны», «Руны Эа» и многие другие, ибо если Язык Созидания бесконечен, то бесконечны и его Руны.

Обычно в ардических землях для таких целей, как управление островом или селением, написание деловых или личных посланий, запись исторических сведений, легенд или песен, используется письменность, которую правильно было бы называть именно ардическими рунами. Большая часть жителей Архипелага способна выучить от нескольких сотен до нескольких тысяч таких знаков за время своего обучения в школе. Но, повторяю, ардический язык, как в своей письменной, так и в устной форме, совершенно бесполезен для составления заклинаний.

Литература и исторические источники

Не менее полутора тысяч лет назад руническая письменность ардического языка достигла такого уровня развития, что позволяла вести летописи, записывать сведения о тех или иных исторических событиях, а также различные фольклорные произведения, ранее существовавшие, естественно, только в устной форме. Именно в это время появились письменные варианты «Создания Эа», «Зимней песни», рассказов о «деяниях героев», различные лэ и т.п. Все это стали тщательно записывать и хранить. Подобные произведения, впрочем, и поныне существуют в обеих формах — устной и письменной. Многочисленные письменные копии древних текстов служат как бы гарантией их сохранности от любителей чрезмерно свободной

интерпретации канонического сюжета или же от полного его забвения. Однако старинные песни и предания и поныне составляют значительную часть образования любого жителя Земноморья; многие из них люди еще в детстве заучивают наизусть, а потом пересказывают или читают их вслух уже своим детям, и, таким образом, эти фольклорные произведения передаются как бы от одного живого голоса другому.

Старый ардический язык довольно сильно отличается от современного как по словарному составу, так и по произношению, хотя упомянутое выше механическое заучивание древних текстов наизусть или регулярное чтение их вслух безусловно сохраняет значимость архаического языка (и, возможно, даже несколько сдерживает чересчур вольное развитие современной речи!). Что же касается ардических рун, то они, подобно китайским иероглифам, могут приспособить и впитать в себя самый широкий спектр лексических и фонетических оттенков того или иного слова или выражения.

Сказания о героических деяниях, лэ, песни и популярные баллады по-прежнему создаются как произведения, предназначенные прежде всего для устного исполнения профессиональными певцами и сказителями. Новые же сочинения, представляющие какой-то интерес для всего общества, записывают на больших листах бумаги печатными буквами или же объединяют в виде некоей обширной компиляции.

Вне зависимости от того, исполняют ли их профессиональные чтецы и артисты или же человек читает их молча, про себя, все старинные поэмы и песни ценны прежде всего своим содержанием, а не чисто литературными, формальными достоинствами. Хотя и форма этих произведений иногда бывает поистине совершенной (а порой — и совершенно жалкой!). Вольная метрика, аллитерации, стилизация, устойчивые эпитеты и выражения, структура, основанная на повторениях, — вот основные поэтические приемы, используемые в этих произведениях. Содержание включает мифический, эпический и исторический нарратив, географические описания, практические выводы относительно природы, сельского хозяй-

ства, морской премудрости и прочих умений и ремесел, а также множество назидательных историй, притч и анекдотов, философской, фантастической и духовной поэзии и любовных песен. Эпические сказания о подвигах героев и разнообразные лэ обычно исполняют нараспев; баллады поют, причем часто под аккомпанемент ударных инструментов. Профессиональные сказители и певцы могут исполнять свои произведения также под аккомпанемент арфы, виолы, различных барабанов и других инструментов. В песнях обычно значительно меньше нарративного содержания, и многие из них ценятся в народе главным образом благодаря красоте самой мелодии.

Книги по истории, а также книги, в которых приведены формулы различных магических заклинаний, существуют только в письменной форме, причем используется смешанная письменность — ардические руны и Истинные, — и только в единственном экземпляре. Рукописная копия такой книги, хранимая с особой осторожностью, обычно представляет собой некую компиляцию, составленную одним или несколькими известными волшебниками.

Часто выдвигается обязательное требование: ни одно написанное в такой книге слово НИКОГДА не должно произноситься вслух!

Диалект «осскили» также в качестве письменности использует ардические руны, поскольку жители Осскила ведут активный торговый обмен с теми островами, где говорят на ардическом языке.

А вот карги весьма упорно сопротивляются введению каких бы то ни было видов письменности, считая все руны на свете чем-то колдовским и злокозненным. Они ведут свои записи и расчеты с помощью весьма сложной системы переплетения нитей разного цвета и плотности, являясь при этом замечательными математиками (карги используют двенадцатиричную систему счета). Лишь с тех пор, как к власти пришли Боги-короли, карги стали изредка пользоваться некоторыми видами символического письма, но очень неохотно. Чиновники и торговцы Каргадской Империи довольно умело адаптировали ардические руны, приспособив их к своему родному языку в

целях развития экономических и дипломатических отношений с ардическими землями, но священнослужители Каргада ардическую письменность презирают; и многие весьма образованные карги до сих пор пишут каждую ардическую руну с особым дополнительным значком — как бы прокалывая ее копьем, дабы уничтожить всякое колдовство, которое в ней скрывается.

История

Примечание относительно датировки: многие острова имеют свою собственную систему летосчисления. Наиболее распространенной на Архипелаге является система, описанная впервые в «Истории Хавнора», где год воцарения Морреда считается первым годом истории Земноморья. Согласно этой системе, события, о которых повествуется в данной книге, относятся к 1058 году.

Начало начал

Сведения о древней истории Земноморья следует искать в эпических поэмах и героических песнях, передававшихся из уст в уста в течение многих веков задолго до того, как они были наконец записаны.

Старейшая из этих поэм — «Создание Эа»; это произведение считается поистине священным и существует на ардическом языке по меньшей мере две тысячи лет, хотя первоначальная версия поэмы могла возникнуть и на тысячу лет раньше. Поэма содержит тридцать одну строфу и повествует о том, как Сегой в самом начале времен поднял острова Земноморья со дна морского и создал на них все живое, каждому предмету и живому существу дав имя на Языке Созидания — на том самом языке, на котором якобы и была впервые исполнена эта поэма.

Море, понятно, куда старше островов, и об этом говорится во многих героических песнях.

...И до того,
Как светлый Эа возник и поднял
Остальные острова Сегой,
Дул ветер утренней зари, и волны
Катились тихо в дымке голубой...

Одновременно с самим этим миром возникли, видимо, и Древние Силы Земли, которые и до сих пор проявляют порой свое неколебимое могущество, особенно ощутимое на Холме Рок, в Имманентной Роще, в Гробницах Атуана, в замке Терренон и в некоторых других местах.

Вполне возможно, и сам Сегой — это тоже одна из Древних Сил Земли. Вполне возможно также, что «Сегой» — это Истинное имя самой Земли. Кое-кто считает даже, что драконы, или же НЕКОТОРЫЕ драконы и НЕКОТОРЫЕ люди, суть проявления Сегоя. Доподлинно известно лишь, что слово «сегой» — древнейшее уважительное обращение, образованное от старинного ардического глагола «сеоге», что значит «создавать, придавать форму, вдыхать жизнь во что-либо». От того же корня образовано и существительное «эссеге» — «созидательная сила, дыхание, поэзия».

«Создание Эа» — это основа основ того образования, которое дают детям на островах Архипелага. К шести-семи годам ребенок обычно уже несколько раз слышал эту поэму и начал сам учить ее наизусть. Взрослый человек, не знающий «Создание Эа» наизусть, а потому не способный хотя бы пересказать ее своим детям, считается абсолютно невежественным. Эту поэму учат обычно в течение зимы и весны и каждый год обязательно рассказывают или поют целиком во время Долгого Танца — праздника летнего солнцестояния.

Цитатой из этой поэмы начинается «Волшебник Земноморья»:

В молчании — слово,
А свет — лишь во тьме,
И жизнь после смерти
Проносится быстро,
Как ястреб, что мчится
По сини небесной
Пустынной, бескрайней.

А начало ее первой строфы процитировано мною в «Техану»:

Разрушив — создашь.
То конец ли, начало?
Одно из другого...
Кто знает наверно?

Одно лишь мы знаем:

Есть дверь меж мирами,
В нее мы уходим,
Навек расставаясь.
Но есть существа,
Что приходят обратно...
Среди них Старейший —
Привратник Сегой...

В «Техану» вы встретите и последние строки первой строфы:

...из пены светлый
Остров Эа поднялся.

История Архипелага

Короли Энлада

Два наиболее ранних исторических трактата — это «Подвиг Энлада» и «Сказания о подвигах Молодого Короля»; последний также часто носит название «Подвиг Морреда».

«Подвиг Энлада», который, по большому счету, представляет собой просто цикл мифов, повествует о тех королях Земноморья, что правили до воцарения Морреда, и о самых первых годах правления самого Морреда. Столицей Земноморья в те времена был город Берила на острове Энлад.

Первые короли и королевы Энлада, среди которых особенно известны такие имена, как Лар Ашал, Дохун, Энашен, Тиман и Тагтар, постоянно усиливали свою власть и могущество, пока наконец не провозгласили себя правителями всего Земноморья, хотя на самом деле границы их владений на юге заканчивались островом Илиен, а на востоке не доходили и до острова Фелкуэй; острова Пальн и Семел на западе и остров Осскил на севере вообще им не подчинялись, но энладские правители упорно настаивали на своем и постоянно посылали своих разведчиков и прочих верных им людей на острова Внутреннего моря и даже в Пределы. Те старинные карты Земноморья, что ныне хранятся в архивах хавнорского двор-

ца, были созданы в Бериле примерно двенадцать веков назад.

Надо отметить, что все первые энладские короли и королевы имели некоторое представление о Языке Созидания и о магии, а некоторые из них явно и сами были волшебниками или же имели волшебников в числе самых близких своих советников. Однако магия в «Подвиге Энлада» представляется как сила довольно странная, неустойчивая, на которую нельзя положиться. Морред был первым — и человеком, и королем, — кого открыто называли магом или волшебником.

Морред

«Сказания о подвигах Молодого Короля» исполняются ежегодно во время праздника зимнего солнцестояния, когда солнце снова поворачивает к югу. В этой поэме, или, скорее, историческом трактате, повествуется о короле Морреде, которого называли также Королем-Магом, Белым Чародеем и Молодым Королем. Морред происходил из боковой ветви энладских правителей и трон унаследовал от кого-то из дальних родственников, а не от отца. Его прямыми предками были волшебники, служившие у королей советниками.

Поэма начинается с широко известной и самой любимой на Архипелаге истории любви Морреда и прекрасной Эльфарран. Молодой Король правил третий год, когда, отправившись на юг, посетил самый большой остров Архипелага, Хавнор, дабы прекратить наконец распри, без конца возникавшие между тамошними городами-государствами. Возвращаясь назад на своем «длинном безвесельном судне», он приблизился к острову Солеа и там, «в садах весенних», увидел Эльфарран (она же Островитянка и Хозяйка Солеа). Далее свой путь Морред продолжать не стал, а остался с Эльфарран, поклялся ей в вечной любви и в подтверждение своей клятвы подарил ей серебряный браслет, или наручень, — драгоценную семейную реликвию, на которой была выгравирована одна-единственная, но очень могущественная Истинная Руна, Руна Мира.

Морред и Эльфарран поженились. В поэме годы их правления Земноморьем описаны как короткий «золотой век». Именно тогда были заложены основы всей теперешней культуры и этики, а также — основы государственного управления.

Однако еще до того, как Эльфарран вышла за Морреда, некий маг, имя которого нигде не приводится (его везде называют или Врагом Морреда, или Хозяином Волшебной Палочки), всячески демонстрировал ей свои пылкие чувства и мечтал на ней жениться. Он так и не простил Эльфарран того, что она предпочла другого, и решил во что бы то ни стало завладеть ею. Этому магу действительно удалось всего за несколько лет достигнуть поистине невероятного могущества. После свадьбы Морреда и Эльфарран не прошло и пяти лет, когда Враг вновь заявил о себе, и весьма грозно, пообещав:

> Коли моей не станет Эльфарран,
> Я уничтожу мир, построенный Сегоем!
> Сотру с лица земли и этот остров,
> Пусть волны белогривые его поглотят!

Этот маг действительно обладал великой силой: он способен был поднимать на море огромные волны, останавливать приливы и отливы, а голосом своим мог зачаровать население целого острова, и под воздействием его чар люди превращались в послушных рабов, так что ему довольно легко удалось настроить подданных Морреда против него. Крича, что король их предал, жители Энлада стали крушить собственные дома и жечь урожай в полях; моряки топили свои корабли, а воины Морреда сражались друг с другом, устраивая кровавые и бессмысленные смертельные поединки.

Морред предпринимал отчаянные попытки вызволить свой народ из-под власти чародея и как-то собраться с силами, а Эльфарран с годовалым первенцем вернулась на свой родной остров Солеа, зная, что там ее магические силы окрепнут. Однако Враг Морреда последовал за нею на Солеа, намереваясь взять красавицу в плен и сделать своей рабыней. Эльфарран укрылась от него близ Источ-

ников Энса, где особенно сильны были Древние Силы Земли, и она, обладая определенными знаниями, сумела не только противостоять Врагу, но и заставила его убраться с острова. «И воды сладкие Земли нахлынули и смыли в море проклятого Врага», — говорится в поэме. Но, покидая остров, «проклятый Враг» сумел взять в плен любимого брата Эльфарран, Салана, который плыл на Солеа с Энлада, чтобы помочь ей. Превратив Салана в своего «геббета», или зомби, Враг послал его к Морреду с письмом, в котором говорилось, что Эльфарран вместе с младенцем бежала на маленький островок в островной системе Челюсти Энлада.

Поверив посланнику, Морред попался в ловушку, и ему с трудом удалось спасти собственную жизнь. Он бежал, и Враг преследовал его по всему острову — с восточного берега до западного, оставляя на своем пути сплошные руины. Но на равнинах Энлада Морред встретил друзей, которые оставались ему верны — это в основном были моряки, которые привели свои суда к берегам острова, чтобы помочь королю, — и он наконец смог повернуться к противнику лицом и дать ему бой. Но Враг не пожелал встретиться с Морредом в честном поединке, а выслал сражаться с ним его же собственных воинов, зачарованных страшным заклятием. Смотреть на них не было сил: Враг так заколдовал несчастных, что тела их извивались в страшных судорогах, и они «живые, казалось, умерли от жажды и на жаре, в пустыне, почернели». И Морред, желая пощадить своих воинов, отступил.

Но стоило ему покинуть поле боя, как начался дождь, и он прочел Истинное имя своего противника, написанное в пыли дождевыми каплями.

Теперь, зная это имя, Морред смог не только противостоять чарам Врага, но и изгнать его с Энлада. Он гнал его по бурному зимнему морю, «скакал верхом на ветре западном, дожди несущем, на облаках он плыл тяжелых». В итоге поединок все-таки состоялся, и каждый из соперников стоил другого, и оба пропали где-то за морем Эа. Как стало известно позднее, оба погибли.

Но перед смертью в бессильной ярости Враг успел поднять гигантскую волну, которая с невероятной скоростью понеслась по морю и накрыла весь остров Солеа. Эльфарран, узнав о мчавшейся к острову волне заранее (как узнала заранее и о смерти Морреда), призвала своих подданных немедленно погрузиться на корабли и в лодки и отплыть подальше от острова, а сама, как говорится в поэме, «взяв в руки маленькую арфу» и ожидая неминуемой смерти, ибо эту волну смог бы остановить только Морред, сочинила песню «Плач о Белом Чародее» и пела ее, пока остров не скрылся в морской пучине. Эльфарран, разумеется, утонула, но колыбель из ивы, сделанная в форме лодки, легко поплыла по волнам, унося ее маленького сына Серриадха навстречу спасению. А когда ребенка нашли, на ручке у него был тот браслет с начертанной на нем Руной Мира, который Морред подарил когда-то своей жене, — этот браслет называют еще «кольцом Эльфарран», так он мал.

На картах Архипелага остров Солеа обозначается с тех пор белым пятном или знаком водоворота.

После Морреда правили еще семь королей и королев; все они были уроженцами Энлада, и при них королевство процветало, постоянно расширяя свои границы.

Короли Хавнора

Через полтора века после гибели Морреда король Акамбар, правитель города Шелитха, что на острове Уэй, перевез свой двор в порт Хавнор и сделал этот город столицей всего королевства. Занимая в Земноморье центральное положение, более выгодное, чем у Энлада, Хавнор был лучше приспособлен как для бурно развивавшейся торговли, так и для содержания большого военного флота, ибо то и дело приходилось посылать боевые корабли на защиту ардических земель от набегов воинственных каргов.

История четырнадцати королей Хавнора (на самом деле в 150—400 гг. там правили шесть королей и восемь королев) изложена в знаменитом «Хавнорском лэ». Если проследить всю генеалогию королевского рода как по мужской, так и по женской линии, а также учитывать пе-

рекрестные браки с представителями различных знатных родов Архипелага, то Королевский Дом включает в себя пять княжеств: Дом Энлада, старейший, ведущий свою родословную непосредственно от Морреда и Серриадха; Дом Шелитха; Дом Эа; Дом Хавнора и, наконец, Дом Илиена. Князь острова Илиен — Гемаль, Морем Рожденный — был первым в своем роду, кому удалось занять королевский трон. Внучкой Гемаля была королева Геру; а ее сын, Махарион (правивший в 430—452 гг.), стал последним настоящим королем Земноморья, и после него наступили так называемые Темные Времена.

Пока Земноморьем правили короли Хавнора, острова Архипелага процветали; это было время великих открытий и укрепления государственной власти. Но в последние сто лет их правления стали все учащаться яростные стычки с каргами на востоке и нападения драконов на западе.

Короли, князья и простые островитяне, озабоченные защитой своих земель, все больше полагались на могущественных волшебников, ибо только они способны были на какое-то время отогнать драконов и заставить суда каргов убраться восвояси. Уже в «Хавнорском лэ» и в «Подвигах Повелителей Драконов» по мере развития сюжета имена и подвиги этих волшебников как бы постепенно замещают имена королей.

В этот период великий ученый и маг Атх составил «Книгу Имен», в которой объединил весьма разрозненные тогда магические знания, особое внимание уделив словам Истинной Речи. Его «Книга Имен» стала фундаментом ономатики как важнейшей составляющей магического искусства. Впоследствии Атх оставил эту книгу у своего друга на острове Поди, а сам по просьбе короля отправился на запад, чтобы защитить тамошние земли от целого выводка драконов, безнаказанно истреблявших скот, устраивавших пожары и погромы. Атху, однако, пришлось сразиться там не с молодыми драконами, а с великим драконом Ормом, и рассказы об этом поединке весьма отличаются друг от друга. Но точно известно, что, хотя после этого поединка драконы на некоторое время действительно прекратили свои налеты на западные ост-

рова, великий Орм остался жив, а вот Атх погиб. Его знаменитая «Книга Имен» вот уже много веков хранится в Одинокой Башне на острове Рок.

Говорят, что питаются драконы солнечным светом или огнем, а убивают, только придя в ярость или защищая свое потомство (иногда, впрочем, и просто ради развлечения!), но добычу свою никогда не съедают. С незапамятных времен, задолго до того, как на трон взошла королева Геру, драконы использовали только самые дальние островки Западного Предела — которые, возможно, были для них как раз восточной границей их собственного королевства. Они устраивали там брачные танцы и выводили потомство. Обитатели же более крупных островов Западного Предела даже и видели-то драконов крайне редко. По природе своей раздражительные и отважные, драконы, возможно, ощущали некоторую угрозу со стороны Внутренних островов: острова эти процветали, там явно выросло население, развивались науки и ремесла, из-за чего тамошние суда стали постоянно бороздить воды Западного Предела. В общем, какова бы ни была настоящая причина этого, а в те годы драконы стали все чаще совершать неожиданные и беспорядочные налеты на стада коров и овец и нападать на жителей одиноких западных островков.

Легенда о «Ведурнане», или «Разделении», известная на острове Гур-ат-Гур, гласит:

Люди выбрали ярмо,
А драконы — крылья.
Люди — чтобы владеть,
Драконы — чтобы лететь.

То есть после Разделения люди выбрали собственное благополучие и власть на земле, а драконы предпочли не владеть ничем. Но как среди людей есть абсолютные аскеты, так и среди драконов есть необычайно жадные, большие любители всяких блестящих побрякушек — золота, драгоценных камней и т. п. Одним из таких драконов был Йевод, который любил иногда появляться среди людей в человечьем обличье и который превратил некогда богатый остров Пендор в гнездилище драконов, пока Гед не отогнал его далеко на запад. Однако драконы-ма-

родеры, описанные в лэ «Ведурнан» и различных героических песнях, были, похоже, движимы не столько алчностью, сколько гневом, ибо считали, что их самым бессовестным образом обманули и предали люди.

Эпические поэмы и лэ, в которых повествуется о нападениях драконов и о бесстрашных вылазках против них волшебников Земноморья, изображают драконов абсолютно безжалостными, похожими на диких зверей, ужасными и непредсказуемыми, но все же наделенными разумом. Драконы порой оказываются значительно хитрее волшебников, ибо они, пользуясь Истинной Речью, все же способны лгать. Некоторые из них явно наслаждаются «поединками умов», как бы «расщепляя» аргументы волшебника «своим раздвоенным языком». Как и люди, все драконы, за исключением самых великих, скрывают свои Истинные имена. В лэ «Странствия Хазы» драконы предстают как немыслимо могучие, но наделенные тонким разумом и глубокими чувствами существа, гнев которых на вторгшиеся в их воды корабли даже оправдывается тем, что драконам очень дорога их уединенная обитель. Они так обращаются к главному герою:

Плыви назад, к родному дому,
На восток, о, Хаза!
Пусть крылья звонкие драконов
Владеют ветром Запада.
Оставь нам океан воздушный,
Неведомый, не знающий пределов.

Махарион и Эррет-Акбе

Королева Геру по прозвищу Орлица унаследовала трон от своего отца, Денгемала из княжеского рода Илиен. Ее супруг Айман был из того же рода, что и Морред. Закончив свое правление и просидев на троне тридцать лет, Геру передала королевскую корону своему сыну Махариону.

Советником Махариона, его придворным магом и неразлучным дружком был человек простой, как говорится, «безотцовщина»: сын деревенской колдуньи из внутренних районов огромного острова Хавнор. Звали его Эррет-Акбе. Это самый любимый фольклорный герой народов Архипелага. Его история изложена в героической поэме «Подвиг Эррет-Акбе», которую всегда исполняют июньской ночью во время праздника Долгий Танец.

Магический талант Эррет-Акбе стал очевиден всем, когда он был еще ребенком, и его отослали во дворец, чтобы тамошние волшебники дали ему соответствующие знания. И он так понравился королеве, что она выбрала его в компаньоны своему сыну, Махариону.

Махарион и Эррет-Акбе стали побратимами. Они десять лет вместе сражались с каргами, которые совершали уже не отдельные набеги на своих соседей, а устроили настоящее нашествие, имевшее целью захватить богатые Внутренние острова и обратить их жителей в рабство. Острова Венвей, Торхевен, Ториклы, Спиви, Перрегаль и отчасти Гонт уже давно находились под властью каргов. Целое поколение выросло в страхе перед ними. В Шелитхе на острове Уэй Эррет-Акбе придумал знаменитое заклинание против каргов, которые высадились с «тысячи кораблей» близ Уэймарша и упорно продвигались к центру острова. Призвав на помощь Древние Силы Земли и с помощью Великого Заклятия, называемого в народе «водяной премудростью» (возможно, это было то же самое заклятие, каким воспользовалась Эльфарран на острове Солеа, чтобы защитить его от Врага), Эррет-Акбе превратил воды Источников Шелитха — священных родников, прудов и фонтанов в садах правителей острова Уэй — в бурный поток, который буквально смыл захватчиков, вышвырнув их на самый берег моря, где на них обрушились воины Махариона. Ни один корабль каргов не вернулся на остров Карего-Ат из того похода.

Следующим соперником Эррет-Акбе оказался некий маг по прозвищу Повелитель Огня, и могущество этого волшебника было столь велико, что он сумел, например, удлинить день на пять часов, но так и не смог, хотя клятвенно обещал это, остановить солнце в зените и навсегда изгнать с островов ночную тьму. Чтобы сразиться с Эррет-Акбе, этот Повелитель Огня принял обличье дракона, но все же был побежден — правда, во время поединка он сжег все леса и города острова Илиен.

Возможно, на самом деле этот Повелитель Огня был просто драконом в человечьем обличье, ибо вскоре после его гибели Орм, Великий Дракон, который победил Атха, повел полчища своих сородичей грабить и разорять западные острова Архипелага — видимо, в порядке возмездия за гибель Повелителя Огня. Яростные атаки драконов вызывали у жителей островов настоящий ужас, и сотни кораблей пустились в путь, увозя беженцев с Пальна и Семела на острова Внутреннего моря. И все же не драконы были самой страшной бедой. Карги наносили куда больший ущерб, и Махарион правильно рассудил: самая большая опасность грозит его землям с востока. Он отправился со своим войском на запад, воевать с драконами, а Эррет-Акбе послал на восток, чтобы тот попытался установить мир с королем Каргада.

Для этого Геру, королева-мать, передала Эррет-Акбе тот самый браслет-наручень, который Морред некогда подарил Эльфарран; а сама Геру получила браслет в подарок от своего супруга Аймала в день свадьбы. Браслет бережно хранили и передавали из поколения в поколение все потомки Серриадха; он составлял главную драгоценность этого рода, ибо на нем был вырезан символ, которого больше нигде не встретишь: Связующая Руна, или Руна Мира, которая, по преданиям, должна была служить гарантией мира и справедливости в Земноморье. «Пусть король Каргада наденет это в знак мира!» — сказала Эррет-Акбе на прощанье королева-мать. И он, унося с собой самый щедрый на свете подарок и горя искренним желанием поскорее заключить с каргами мир, один отправился в столицу каргов, на остров Карего-Ат.

Там он был принят королем Торегом, который после сокрушительного разгрома своего флота близ острова Уэй был готов заключить с ардическими островами перемирие и вывести свои войска с оккупированных земель при условии, что король Махарион не обрушит на его страну никаких репрессий.

Однако каргадским королевством уже тогда, по сути дела, управляли жрецы и жрицы, служившие Богам-Близнецам. Верховный жрец Интатин яростно сопротивлялся заключению какого бы то ни было перемирия с западными островами и вызвал Эррет-Акбе на поединок. Поскольку карги не практикуют магические искусства в том смысле, как это понимают ардические народы, Интатин обманом завлек Эррет-Акбе в такое место, где Древние Силы Земли оказались способны свести на нет все его невероятное волшебное могущество. Героическая поэма «Подвиг Эррет-Акбе» повествует о том, как боролись Эррет-Акбе и Интатин, пока в душу первого

...не проникла слабость,
Древней тьмою порожденная.
И подземелий тишина
Давить ему на разум стала,
И долго он лежал без сил,
Забыв о славе и о жизни,
К груди лишь прижимая
Кольца сломленного частицу,
На которой одна осталась
Половинка Руны Мира...

Дочь «мудрого короля Торега» спасла Эррет-Акбе, выведя его из транса и освободив от пут сковывающего заклятия. Она помогла ему восстановить силы, и он подарил ей сохранившуюся у него половинку сломанного Кольца Мира. (И эта половинка Кольца переходила из рук в руки в течение более чем пяти столетий, и потомки этой женщины бережно хранили ее, и наконец она попала к наследникам последнего правителя Карего-Ат, брату и сестре, которых еще детьми сослали на необитаемый островок в Восточном Пределе. Но дети умудрились выжить, и впоследствии дочь правителя, успевшая уже стать старухой, отдала половинку Кольца волшебнику Геду.) Жрец Интатин тоже сохранил вторую половинку сломанного Кольца, и она «ушла во тьму» — то есть в Великую сокровищницу Гробниц Атуана. (Там Гед ее и нашел, и, соединив две половинки, а вместе с ними и утраченную Руну Мира, вместе с Тенар доставил Кольцо в Хавнор.)

Каргадская версия этой истории считается священной и звучит только из уст жрецов. Согласно ей, Интатин одержал над Эррет-Акбе победу, ибо тот «утратил свой волшебный посох, могущество волшебных амулетов», а потом «уполз» в Хавнор, сломленный физически и морально. Однако в ту пору посох еще не служил волшебни-

кам символом магического могущества, так что у Эррет-Акбе посоха с собой не было; и он никак не мог быть человеком сломленным, ибо впоследствии успешно сражался с драконом Ормом; напротив, он был и остался весьма могущественным волшебником.

Король Махарион искал мира, но так и не обрел его. Пока Эррет-Акбе находился на острове Карего-Ат (что, возможно, заняло несколько лет), грабительские налеты драконов все учащались. Острова Внутреннего моря страдали от наплыва беженцев, переселявшихся из западных земель, а также из-за нарушенных торговых и морских связей, поскольку драконы теперь стали попросту сжигать корабли, если обнаруживали их в море западнее острова Хоск, а торговые суда грабили даже во Внутреннем море. И тогда Махарион собрал всех своих воинов и волшебников и объявил драконам беспощадную войну. Четыре раза начинал он сражение с ними, однако мечи и стрелы были бессильны против закованных в броню и изрыгающих пламя крылатых чудовищ. Остров Пальн превратился в выжженную долину, да и все селения на западном берегу Хавнора были сожжены дотла. Королевским волшебникам удалось, правда, с помощью связующих заклятий поймать и убить нескольких драконов, круживших над Пельнийским морем, но это лишь еще больше разозлило остальных. Не успел Эррет-Акбе вернуться в Хавнор, как в небе над столицей появился Великий Дракон Орм, угрожая сжечь башни королевского дворца.

И тогда Эррет-Акбе вышел в залив на своем судне, паруса которого «до дыр истрепаны восточными ветрами были». После возвращения на родину он не успел даже «ни названого брата обнять, ни поздороваться с родными». Отойдя подальше от берега, он принял обличье дракона и полетел на битву с Ормом. Их поединок состоялся над горой Онн, и «зарево пожаров во тьме полночной» хорошо было видно из королевского дворца. Потом они полетели на север, и Эррет-Акбе упорно преследовал врага. Но над морем близ острова Таон дракон Орм вдруг резко повернул назад, и на этот раз ему удалось так сильно ранить Эррет-Акбе, что тот был вынужден спуститься на землю и принять свое собственное обличье. Так он оказался на острове Эа, самом первом из островов Земноморья, поднятых Сегоем из морской пучины. Но дракон преследовал волшебника, и на священной земле Эа они вновь сошлись, Эррет-Акбе и Орм, но сражаться более не стали, а заговорили как равные и решили навсегда покончить с враждой, разделяющей их народы.

Но, к сожалению, королевские волшебники, пришедшие в ярость после атаки дракона Орма на королевский дворец и к тому же подогретые своей победой в Пельнийском море, успели уже послать боевые корабли к самым дальним островам Западного Предела, где среди валунов и скал драконы устраивали гнезда и растили свое потомство. Воины перебили множество молодых драконов. Они также «сокрушали яйца исполинские» тяжелыми молотами, и когда Орм узнал об этом, то вновь воспылал гневом и «огненной стрелой понесся к Хавнору». (Слово «дракон» и в ардическом, и в каргадском языках обычно мужского рода, но на самом деле установить половую принадлежность того или иного дракона практически невозможно, тем более если имеешь дело со старейшим и самым крупным из них; это, собственно, одна из тайн драконьего племени.)

Эррет-Акбе, не успев еще оправиться от тяжких ранений, все же устремился вслед за разъяренным Ормом и отогнал его от Хавнора. Он преследовал дракона над островами Архипелага и Пределов, не давая ему приземлиться и стараясь все время держать его над морем, пока, совершенно обессиленные, они не пронеслись над островами Драконьи Бега и не сели на Селидоре, самом дальнем острове Западного Предела. И там, на последнем берегу Земноморья, они сошлись в смертельном поединке и бились «когтями и огнем, мечом и словом», пока:

...Потоками не потекла их кровь
И на песке смешалась.
И покраснел песок от крови,
И прервалось дыхание обоих.
У кромки шумного прибоя
Они лежали, сплетясь телами.
И в царство смерти дракон
И человек шагнули вместе.

Как гласит легенда, узнав об этом, король Махарион отправился на Селидор, чтобы «у моря плакать». Он при-

вез в Хавнор меч Эррет-Акбе и поместил его на самую высокую башню своего дворца.

После гибели Орма драконы продолжали угрожать западным островам, особенно когда их провоцировали пресловутые «охотники на драконов», однако нападать на густонаселенные острова Земноморья и мирные корабли они практически перестали. В этот период только дракон Йевод с острова Пендор время от времени совершал грабительские налеты на Внутренние острова. Но к тому времени, когда Калессин по прозвищу Старейший принес Геда и Лебаннена на остров Рок, драконов над Внутренним морем не видели уже несколько столетий.

Махарион пережил Эррет-Акбе всего на несколько лет, так и не установив мира в своем королевстве и сильно тревожась о его судьбе. Было широко распространено мнение, что, с тех пор как утрачено Кольцо Мира, настоящего мира в Земноморье и быть не может. Как и настоящего короля. Смертельно раненный в битве с мятежным лордом Гехисом из Хавенса, Махарион успел произнести свое знаменитое пророчество: «Тот унаследует мой трон, кто живым пройдет по темному царству смерти и выйдет к дальнему берегу дня».

Темные Времена, «Братство Руки», Школа Волшебников

После смерти Махариона в 452 г. королевский трон оспаривали сразу несколько претендентов; успеха не имел ни один, но буквально за несколько лет их распри разрушили всю государственную систему управления. Острова Архипелага превратились в поля сражений для наследных феодальных князей и князьков, для правителей городов и для воинственных пиратских вожаков. Цель у всех, впрочем, была одна: умножить свое богатство и расширить или хотя бы защитить границы своих владений. Торговля и морское сообщение между островами хирели под гнетом пиратства, крупные и мелкие города, точно улитки в раковину, заползали внутрь высоких крепостных стен; искусства и ремесла, рыболовство и сельское хозяйство страдали от постоянных войн и бандитских налетов; рабство, которого при королях не было практически ни на одном из островов Архипелага, стало весьма распространенным, а магия превратилась в расхожий инструмент для плетения интриг и в грозное оружие пиратов. Волшебники нанимались в услужение к могущественным военачальникам и пиратским вожакам; они, собственно, и сами зачастую стремились стать правителями. Из-за безответственности таких волшебников, из-за их неправильного, извращенного подхода к магическим искусствам и магия, и сами волшебники стали пользоваться дурной славой.

В этот период от драконов особой угрозы не исходило, а карги были поглощены собственными внутренними распрями, и все же распад общества на островах Архипелага с каждым годом ощущался все острее. Моральные и интеллектуальные основы островной культуры всегда были теснейшим образом связаны со знанием основных законов «Созидания», мифов и героического эпоса Земноморья и с обучением всему этому молодого поколения. Да и культура любого народа зиждется на бережном отношении к наукам и искусствам, умениям и ремеслам, а также — на правильном отношении к магии и правильном ее использовании.

«Братство Руки» (или «Союз Руки»), вольное сообщество, основной заботой которого стали проблемы магической этики и обучения магическим искусствам, было создано на острове Рок примерно через сто пятьдесят лет после смерти Махариона. Воспринимая «Союз Руки» как угрозу своей гегемонии, воинствующие маги-правители острова Уотхорт напали на остров Рок и перебили там почти всех взрослых мужчин. Однако братство уже успело дать побеги и распространиться практически по всем островам Внутреннего моря. Под названием «Женщины Руки» (поскольку после упомянутого побоища на Роке почти не осталось мужчин) это сообщество просуществовало несколько веков, создав тонкую, но весьма жизнеспособную информационную сеть, благодаря которой осуществляло связь между островами, защиту членов общества и обучение молодых.

Примерно в 650 г. сестры Элеаль и Яхан с острова Рок, а также Медра-Искатель и некоторые другие члены братства основали на Роке Школу, которая должна была стать центром сбора и распространения магических знаний. В этой Школе можно было не только оттачивать собственное мастерство и обучать других, но и осуществлять этический контроль над практической магией. Благодаря братству и его представителям на других островах репутация Школы и ее влияние быстро росли. Однажды королевский маг Тариэль из Хавнора, справедливо воспринимая Школу как угрозу неконтролируемой власти магов, явился на Рок с огромным флотом, желая уничтожить тамошних волшебников. Однако был уничтожен сам, а его боевые корабли разбиты в щепы. Эта первая победа имела громкий результат: Школа Волшебников на острове Рок стала считаться абсолютно неуязвимой.

Благодаря все возраставшему влиянию Школы магия постепенно сформировалась в последовательную систему знаний, и волшебники при ее использовании все чаще руководствовались моральными и политическими целями. Ученики Школы, окончив ее, отправлялись на другие острова Архипелага, чтобы с помощью своих знаний противостоять беззаконию, царившему в Земноморье, набегам пиратов и бесконечным междоусобицам владетельных князей. Они предотвращали разбойничьи налеты и грабежи, налагали штрафы и помогали заключать экономические и военные соглашения, укрепляли границы и защищали как отдельных людей, так и целые деревни и города, особое внимание уделяя столицам и крупным портам. Мудрецы Рока, стремясь восстановить в Земноморье покой и порядок, в первое время специально посылали молодых волшебников присутствовать в качестве «подкрепления» при заключении мирных договоров; а впоследствии волшебников все чаще стали просить непосредственно участвовать в заключении таких договоров и в контроле над их соблюдением в дальнейшем. Королевский трон в Хавноре по-прежнему пустовал, и Школа Рока, взяв на себя управление островами Архипелага, более двухсот лет весьма эффективно исполняла эту роль.

Власть Верховного Мага Земноморья во многих аспектах соответствовала в этот период власти короля. Честолюбие, самонадеянность и предрассудки, владевшие сознанием Халькеля, первого Верховного Мага, особенно ярко проявились, когда он создал специально для себя этот столь авторитетный титул. И все же благодаря постоянному общению в Школе с коллегами и учениками, чувству ответственности, самоконтролю, а также бдительности других членов братства волшебников ни сам Халькель, ни другие чародеи, сменившие его на посту Верховного Мага, никогда не пытались с помощью магии сколько-нибудь серьезно ослабить других или возвеличить себя.

Однако в Темные Времена магия обрела весьма дурную репутацию, и репутация эта продолжала «липнуть» к тем, кто обладал хотя бы какой-то волшебной силой, особенно к ведьмам и колдунам. В магические способности женщин вообще практически перестали верить, считая их к тому же зловредными, особенно если та или иная женщина обладала какими-то знаниями о Древних Силах Земли.

В Земноморье многие родники, пещеры, холмы, отдельные камни, скалы и рощи всегда считались местами концентрации магических сил Земли и почитались как священные. Хотя местные жители чаще всего таких мест боялись и старательно их избегали, некоторые из них стали широко известны.

Знание таких мест и связь с заключенными там силами стала сутью религиозных представлений каргов. Что же касается островов Архипелага, то там знания о Древних Силах Земли по-прежнему являлись частью общих сведений о магии, однако весьма интересовали многих волшебников, составляя предмет их глубоких раздумий и чрезвычайного почтения. На всех островах магические искусства и умения, которыми пользовались главным образом ведьмы — например, акушерство, целительство, случка животных, лозоходство, рудокопательство, выплавка металла, забота об урожае, приготовление приворотного зелья и тому подобные вещи, — часто опирались на знания именно Древних Сил Земли. Однако образованные волшебники с острова Рок в итоге почему-то пе-

реставали доверять старинной практике и не взывали более к «силам Матери-земли». Только маги острова Пальн по-прежнему сочетали обе практические магии в своем таинственном, эзотерическом и, по слухам, весьма опасном учении.

Безусловно, любые знания могут быть извращены и использованы во имя зла, если владеющий этими знаниями человек одержим лишь стремлением к собственным честолюбивым целям (как это произошло, например, с хозяином Камня Терренон на острове Осскил). Древние Силы Земли, обладая некоей внутренней сакральностью, совершенно не знали этики, не подчинялись никому и вообще были практически неуправляемы. В течение Темного Времени, однако, некая отрицательная этика была им придана искусственно: они были феминизированы и демонизированы — в ардических землях волшебниками, а на Каргадских островах культами высших жрецов и жриц, а также Богов-королей. К VIII веку на островах Внутреннего моря лишь некоторые деревенские ведьмы еще помнили старинные ритуалы и совершали жертвоприношения на старых «святых местах», причем за это их повсеместно презирали и всячески оскорбляли. Волшебники же от таких мест старались держаться как можно дальше. На острове Рок, который сам по себе является средоточием Древних Сил Земли, самые яркие проявления их могущества — это Холм Рок и Имманентная Роща; однако тамошние волшебники об этих силах стараются даже не упоминать. Только Мастера Путеводители, которые большую часть своей жизни проводят в Имманентной Роще, служат неким связующим звеном между творимой человеком магией и куда более древней священной сущностью самой Земли, напоминая при этом магам и волшебникам, что их могущество им не принадлежит, что они получили его лишь во временное пользование.

История Каргадских земель

История четырех Каргадских островов связана в основном с местными войнами, захватом пригодных для проживания территорий и расселением тамошних племен, при котором образовались города-государства и множество крошечных королевств, которые тысячелетиями составляли основу каргадского общества.

Для этого общества были прежде всего характерны рабовладение, строгая кастовая система и «разделение труда» по жесткому гендерному принципу, чего практически не было на Архипелаге.

Религия всегда была объединяющим элементом даже для самых воинственных каргадских племен. На четырех островах существовали сотни так называемых Мест Перемирия, где не разрешалось вести никаких споров или военных действий. Основа каргадской религии — личное и публичное поклонение Древним Силам Земли, тем хтоническим силам, которые, как считают карги, проявляются порой в виде духов определенных священных мест. В этих местах (а также у домашних алтарей) им оказывают всяческие почести и совершают жертвоприношения в виде цветов, масел, различных кушаний, резной посуды, крови животных (а иногда и человеческой!); там же устраивают ритуальные танцы и соревнования, поют священные песни и просто почтительно молчат. Сперва поклонение Древним Силам Земли было здесь делом обыденным, повседневным. Особых ритуалов, а также института жречества не существовало. Любой взрослый человек имел право отправлять тот или иной обряд и учить его отправлению детей. Эта древняя практика, надо сказать, сохранилась — неофициально и даже тайно — и после возникновения новой религии, уже закрепленной как общественный институт и выражавшейся в поклонении Богам-Близнецам и Богу-королю.

Изо всех бесчисленных священных рощ, пещер, гор, холмов, ручьев и скал на Каргадских островах самым священным местом всегда считалась пещера со стоящими вертикально огромными камнями у ее входа. Эта пещера, именуемая Гробницами Атуана и расположенная в пустыне на острове Атуан, с незапамятных времен влечет к себе пилигримов; правители Атуана даже устроили там специальный приют для тех, кто приходит поклониться Древним Богам.

Шесть или семь столетий назад на Каргадских остро-

вах начала распространяться вера в некоего небесного бога, служившая развитием идеи о Богах-Близнецах, Атва и Вулуа. Эти божества исходно были героями-демиургами и подробно описаны в героической саге, сложенной в пустынях острова Гур-ат-Гур. Небесный Отец, он же Король-бог, прибавился к пантеону как его глава; тогда же образовалась каста жрецов, отправлявших необходимые обряды. Не подавляя веру в Древние Силы Земли, жрецы Богов-Близнецов и Небесного Отца стали постепенно превращать новую религию в свою профессию, полностью взяв на себя руководство обрядами и празднествами, строя все более дорогостоящие храмы и контролируя даже такие общественные церемонии, как заключение брака, похороны и возведение королевских чиновников в более высокий ранг.

Иерархические и централизаторские тенденции этой религии сперва были весьма выгодны для удовлетворения честолюбивых устремлений правителей королевства Гупун на острове Карего-Ат. С помощью армии и сложных дипломатических маневров Дом Гупуна всего за сто лет сумел завоевать или поглотить большую часть других каргадских королевств и княжеств — их там было более двухсот!

Когда (в 440 г. по ардическому летосчислению) Эррет-Акбе прибыл на Каргадские острова, чтобы заключить мир между ними и островами Архипелага, и привез с собой Кольцо Мира как символ самых искренних побуждений своего короля, то в первую очередь он направился в город Гупун, уже тогда считавшийся столицей Каргадской Империи, и вел переговоры с королем Торегом, тогдашним правителем этой империи.

Однако и Торег, и его предшественники уже несколько десятилетий пребывали в весьма конфликтных отношениях с Верховным Жрецом Богов-Близнецов и его сторонниками, обитавшими в Авабатхе, Священном Городе, находившемся в пятидесяти милях от Гупуна. Жрецы Богов-Близнецов стремились отнять власть у короля и превратить Авабатх в религиозный и политический центр страны. Визит Эррет-Акбе, похоже, совпал с конечной передвижкой власти от королей к жрецам. Король Торег

принял его со всеми подобающими почестями, однако Верховный Жрец, Интатин, вызвал посланца Архипелага на поединок и приложил все силы, чтобы победить его хотя бы обманом. И ему это почти удалось, когда он заманил Эррет-Акбе в подземелье, где Древние Силы Земли оказали на него столь убийственное воздействие, что он чуть не умер. Кольцо же, которому предстояло соединить два королевства, Интатин сломал пополам и одну половинку похитил.

После этого поединка королевский престол в Гупуне существовал еще долго, но сам король стал уже совершенно бессилен, хотя и пользовался номинальным почетом. Управление Четырьмя Островами отныне осуществлялось из Авабатха, а Верховный Жрец Богов-Близнецов превратился, по сути дела, в Жреца-короля.

В 840 г. один из таких Жрецов-королей отравил своего ближайшего помощника (и соперника!) и объявил себя земной инкарнацией Небесного Отца, т.е. Богом-королем, которому отныне и следовало поклоняться. Поклонение Богам-Близнецам, впрочем, также продолжалось, ибо отражало всеобщее поклонение Древним Силам Земли, однако религиозная и светская власть полностью перешла к Богу-королю, избираемому (частенько с применением более или менее скрытого насилия) и обожествляемому жрецами Авабатха. Четыре Каргадских острова были объявлены Небесной Империей, а Бог-король приобрел официальный титул: всемогущий Император Каргада.

Последними наследниками королевского рода Гупун были родные брат и сестра, Энзар и Антиль. Стремясь на них и завершить линию каргадских королей, но не желая рисковать и совершать святотатство, проливая королевскую кровь, Бог-король приказал схватить этих детей и увезти их на далекий необитаемый островок. Но в кармашек своего нарядного платьица маленькая принцесса Антиль успела спрятать половинку сломанного Кольца Мира, которое некогда привез в Каргад Эррет-Акбе. Эта половинка Кольца передавалась в их роду из поколения в поколение по женской линии, начиная от дочери короля Торега, и в итоге досталась Антиль, которая, будучи уже

старухой, подарила ее молодому волшебнику Геду, когда его лодку выбросило в шторм на берег их пустынного островка. Позднее, с помощью Верховной Жрицы Гробниц Атуана, Ары-Тенар, Гед сумел воссоединить половинки сломанного Кольца и восстановить Руну Мира. Они с Тенар привезли исцеленное Кольцо в Хавнор, и оно дождалось там истинного наследника Морреда и Серриадха, короля Лебаннена.

Магия

Среди ардических народов Архипелага способность к магии часто бывает врожденной, как, например, хороший музыкальный слух, хотя встречается эта способность не так уж и часто. У большинства людей она отсутствует совершенно, зато у некоторых — их примерно один процент — это настоящий талант, который можно и нужно развивать. И у очень незначительного числа людей талант этот проявляется сам, без какого бы то ни было вмешательства и обучения.

Магический дар усиливается главным образом за счет использования Истинной Речи, или Языка Созидания, в котором название каждой вещи есть суть этой вещи.

Этот Древний Язык, родной язык драконов, люди тоже вполне могут изучать и успешно это делают. Некоторые люди от рождения уже знают несколько слов Истинной Речи, хотя, разумеется, никто их этому не учил. Суть магических знаний, собственно, и состоит в изучении Древнего Языка.

Подлинное имя человека — это одно из слов Истинной Речи. Основная составляющая таланта и мастерства ведьмы, колдуна или даже волшебника — это умение узнавать Истинные имена. Именно поэтому на них и возложено отправление такого ответственнейшего обряда, как обряд имяположения. Умение узнавать имена может пробудиться только в определенных условиях; подлинное имя человек получает только в правильно выбранном возрасте (обычно это ранняя юность) и в правильно выбранном месте (обязательно у воды — на берегу ручья, пруда или реки).

Поскольку имя человека — это его сущность в самом общем и абсолютном смысле этого слова, то любой, кто узнает это имя, обретает вполне реальную власть над его жизнью и смертью. Чаще всего Истинного имени человека не знает никто, кроме него самого и того, кто ему это имя дал, и оба всю жизнь хранят это знание в тайне. Умение дать человеку Истинное имя и обязанность хранить его в тайне существуют нераздельно. Истинное имя может иногда выдать врагу предатель, но никогда его не выдаст тот, кто это имя узнал и дал другому.

Некоторые могущественные волшебники, получившие к тому же соответствующее образование, могут довольно легко узнать Истинное имя человека; они могут даже заставить этого человека самого назвать им свое имя. Но, поскольку среди таких людей может оказаться предатель или же знания об Истинном имени человека будут неправильно использованы, умение это считается очень опасным. Обычно люди — а также драконы — тщательно хранят тайну своего Истинного имени; волшебники же скрывают и защищают свои имена с помощью заклятий. Как известно, Морред был не в силах сразиться со своим Врагом, пока не прочел его Истинное имя, написанное дождевыми каплями в пыли. А волшебник Гед сумел подчинить себе дракона Йевода, узнав — благодаря как своим невероятным способностям, так и полученным в Школе Рока знаниям — его Истинное имя, которое дракон этот в течение многих столетий скрывал под множеством других, фальшивых имен.

Магия была дикой и неуправляемой, пока в Земноморье не стал править великий Морред, который, будучи одновременно и магом, и королем, смог ввести ряд необходимых интеллектуальных и моральных ограничений, а также составить перечень дисциплин, необходимых для обучения магическим искусствам и умениям, собрав у себя при дворе волшебников для совместной работы во имя всеобщего блага и для изучения этических и научных основ магического ремесла. Примеру Морреда следовал и Махарион. А вот в Темные Времена при отсутствии како-

го бы то ни было контроля над волшебниками и широко распространенном использовании магии в целях наживы и магия, и сами волшебники в значительной степени утратили свою, некогда весьма высокую, репутацию.

Школа на острове Рок

Школа эта была основана примерно в 690 г. В Девятку, то есть в число главных ее Мастеров, первоначально входили следующие:

Мастер Ветродуй, учивший управлять погодой;

Мастер Ловкая Рука, учивший творить иллюзии;

Мастер Травник, великий знаток растений и целительского искусства;

Мастер Метаморфоз, учивший умению трансформировать любые тела и предметы;

Мастер Заклинатель, знаток Великих Заклятий, способных призывать души живых и мертвых людей;

Мастер Ономатет, знаток Истинной Речи, заставлявший своих учеников затверживать наизусть длинные списки имен;

Мастер Путеводитель, почти постоянно живший в Имманентной Роще и обладавший таинственными знаниями о том, что говорят деревья и тени; великий мастер угадывать истинные значения и намерения;

Мастер Искатель, учивший умению отыскивать и возвращать людей и предметы;

Мастер Привратник, стороживший двери в Большой Дом и отвечавший за входящих в Школу и выходящих оттуда.

Но вскоре первый Верховный Маг Земноморья Хелькель отменил титул Мастера Искателя и в Девятке заменил его на Мастера Регента, главной задачей которого было изучение и преподавание ученикам Школы народной премудрости, заключенной в фольклорных произведениях — эпосе, героических песнях, лэ и т. п. Регент учил исполнению всех этих произведений, а также — песенным заклинаниям.

Халькель положил конец исходно вольному и грубо описательному использованию таких слов, как «ведьма», «колдун», «волшебник», и установил строжайшую иерархию, согласно которой ведовство было предоставлено исключительно женщинам. Вся магия, которой имели право пользоваться женщины, стала называться «низшим ремеслом», даже если ведьмы пользовались некоторыми знаниями и приемами «высшего искусства» — занимались целительством, исполняли священные песни и учили этим песням других, умели изменять форму или обличье и т. п. Ведьмы должны были учиться только у других ведьм или у колдунов; им было запрещено переступать порог Школы, и Халькель всячески предостерегал волшебников от передачи ведьмам каких бы то ни было магических знаний. Под особым запретом было обучение женщин Древнему Языку, и, хотя это предписание повсеместно нарушалось, оно все же с течением времени привело к непоправимой утрате женщинами, практикующими магические ремесла, важнейших знаний и умений.

Колдовством занимались мужчины — в этом, собственно, и заключалось его единственное реальное отличие от ведовства. Колдуны обучали друг друга и обладали определенными познаниями в области Древнего Языка. Колдовство включало как «низшие ремесла» (искательство, починка бытовых предметов, лозоходство, лечение домашних животных и т. п.), так и некоторые «высшие искусства» (исцеление людей, исполнение священных песен, заклинание погоды). Ученик, проявивший талант колдуна и посланный учиться на Рок, сперва непременно должен был изучать основы высших искусств и получить диплом колдуна, а уже потом, если преуспевал в магических науках, мог продолжить свое обучение и совершенствоваться в различных умениях и искусствах, прежде всего в ономастике, в знании Великих Заклятий и умении понимать язык деревьев в Имманентной Роще. И только потом становился волшебником.

Волшебник, по определению Халькеля, должен был получить свой посох, символ магических знаний и навыков, из рук Учителя, который непременно сам является волшебником и взял на себя ответственность за обучение

данного ученика. Обычно именно Верховный Маг вручал выпускнику Школы его посох, производя его таким образом в волшебники. Подобная система передачи магических знаний имела место и в других местах — прежде всего на острове Пальн, — но в итоге Мастера Школы стали с большим подозрением относиться к тем ученикам, которые уже учились где-то в другом месте.

Понятие «маг» так и осталось довольно неопределенным; в Земноморье это почти то же самое, что волшебник.

Титул Верховного Мага и его обязанности также придумал Халькель. Верховный Маг был десятым Мастером Школы, никогда не называвшимся среди Девяти. Воплощая в себе жизненную, этическую и интеллектуальную силу, Верховный Маг всегда обладал и значительной политической властью. В целом эта власть использовалась благоприятно. Воспринимая Школу как сильную централизующую и нормализующую составляющую в обществе Архипелага, Верховный Маг во все концы света посылал учеников Школы, колдунов и волшебников, способных, соблюдая этические ценности магии, на практике защищать людей от засухи, от смертоносных эпидемий, от пиратов и драконов и от неосторожного или злонамеренного использования магических искусств.

С тех пор как был коронован король Лебаннен и восстановлен Верховный суд и народные советы в столице и крупных городах Земноморья, остров Рок оставался без Верховного Мага. Похоже, эта должность, практически не связанная более ни с управлением Школой, ни с управлением остальными островами, перестала соответствовать запросам времени, и бывший Верховный Маг Гед, которого многие считают величайшим из Верховных Магов, может, вполне вероятно, оказаться и последним из них.

Волшебство и целибат

Школу Рок создавали как мужчины-волшебники, так и женщины-волшебницы; и в течение нескольких первых десятилетий мужчины учились там вместе с женщинами.

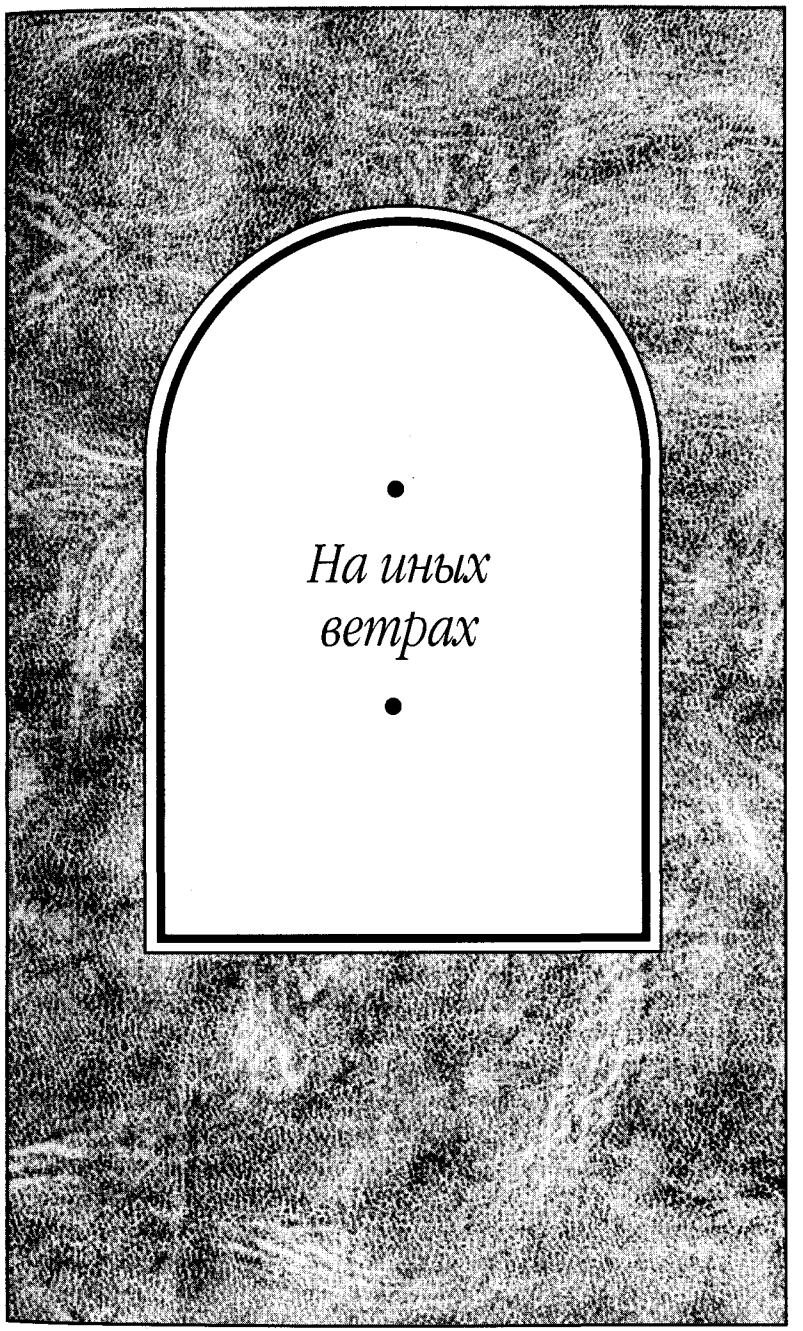
Однако в Темные Времена женщины, ведовство, связь с Древними Силами Земли и т. п. стали вдруг считаться нечистыми, и тут же широко распространилось мнение, что мужчины-волшебники должны готовиться к работе только с «высшей магией» и старательно избегать «низшей», «земляной» премудрости и... женщин. Волшебник, не желавший надевать на себя стальные оковы целомудрия, никогда не получил бы права практиковать высшие магические искусства и не смог бы подняться выше обыкновенного колдуна. И волшебники стали избегать женщин, отказываясь как учить их, так и учиться у них. Ведьмы же, по-прежнему занимавшиеся практической магией, и не думали отказываться от радостей плотской любви, получив у соблюдающих целибат волшебников Рока прозвища «порочных соблазнительниц» и «грязных развратниц» — в общем, носительниц зла и порока.

Когда в 730 г. первый Верховный Маг Земноморья, Халькель с острова Уэй, решил навсегда изгнать женщин из Школы, то из Девяти Мастеров против этого высказались только двое — Мастер Путеводитель и Мастер Привратник; но они, разумеется, оказались в меньшинстве. Более трех веков ни одна женщина не преподавала и не училась в Школе Рока! В течение трех столетий магическое искусство считалось в высшей степени уважаемым, а сами волшебники всегда обладали достаточно высоким общественным статусом и властью, тогда как ведовство стало считаться чуть ли не проявлением невежества и суеверий, и женщины, которые им занимались, жили в основном бедно, ибо крестьяне платили им сущие гроши.

Представление о том, что волшебник непременно должен соблюдать обет безбрачия, в течение всего этого времени даже сомнениям не подвергалось и, пожалуй, превратилось в некий довлеющий психологический фактор, однако без подобного крена в убеждениях было не обойтись. Всем известно, что магические способности и сексуальная активность зависят от конкретного человека, от его конкретных занятий и от конкретных обстоятельств. И опять же нет ни малейших сомнений в том, что такой великий маг, как Морред, был прекрасным мужем и отцом.

Лет пятьсот, а может и больше, честолюбивые мужи, желавшие пользоваться не только Великими Заклятиями, но и властью, связывали себя узами абсолютного целомудрия, еще и усиленного магией. В Школе на острове Рок ученики жили под воздействием «очищающего заклятия» с той минуты, как переступали порог Большого Дома, а получив посох волшебника, они соблюдали целибат до конца жизни.

Среди колдунов очень немногие строго соблюдают обет безбрачия; напротив, многие из них женятся и имеют кучу детей. Ведьмы порой соблюдают отдельные «посты», якобы способствующие их очищению и усилению их магической силы, но в целом ведьмы ведут весьма активную сексуальную жизнь и имеют при этом гораздо больше свобод, чем большая часть деревенских жительниц, и гораздо меньше возможностей нарваться на оскорбление. Многие из ведьм заключают некий союз (его называют «ведьминским») с другой ведьмой или даже с обыкновенной женщиной. А замуж ведьмы выходят не так уж часто, и если выходят, то предпочитают выбирать себе в мужья колдунов.



На самом далеком западе,
Там, где кончаются земли,
Народ мой танцует, танцует,
Подхваченный ветром иным.

Песня Женщины из Кемея

Глава 1

ТРЕСНУВШИЙ ЗЕЛЕНЫЙ КУВШИН

Паруса, длинные и белые, точно крылья лебедя, несли корабль по заливу от Сторожевых утесов прямо к порту Гонт. Был теплый летний денек, и по тихой воде гавани судно скользнуло за мол так уверенно и легко, что горожане, сидевшие с удочками на конце старого пирса, даже встали, приветствуя корабль и его умелую команду; кроме того, им, конечно, хотелось рассмотреть получше того единственного пассажира, что стоял на носу.

Это был молодой худощавый мужчина в старом черном плаще. Скорее всего, какой-то колдун или мелкий торговец — в общем, ничего особенного, решили рыбаки. Они еще немного понаблюдали за суматохой на причале, интересуясь, что за груз привезли на этом судне, но на пассажира глянули мельком, хотя и заметили, что, когда тот сходил на берег, один из моряков сделал у него за спиной особый жест, соединив пальцы левой руки — большой, указательный и мизинец, — что означало: «Чтоб тебе никогда сюда не вернуться!»

Приезжий постоял немного на пирсе, словно колеблясь, потом вскинул на плечо свой жалкий мешок и двинулся куда-то по припортовым улицам. Это были деловые шумные улицы, и почти все они вели на Рыбный рынок, где народ так и кишел. Кричали торговцы, ссорились и спорили с ними покупатели, блестели на солнце скользкие от рыбьей чешуи и внутренностей камни мостовой. Если у приезжего и был какой-то конкретный адрес, то направление в этой толчее он скоро потерял, петляя среди повозок, прилавков и груд сваленной прямо на землю рыбы, холодно глядевшей на него мертвыми глазами.

Какая-то высокая старуха, только что закончившая доказывать «подлой торговке», что сельдь у нее несвежая, вдруг внимательно посмотрела на приезжего, и тот, заметив это, поступил не слишком мудро, спросив у нее:

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, как мне попасть в Ре Альби?

— Что?! Да чтоб тебе в свиной луже искупаться! — вдруг завопила старуха и быстро зашагала прочь, оставив приезжего, который прямо-таки остолбенел от неожиданности, растерянно стоять у прилавка. Однако торговка, увидев в создавшейся ситуации удачный шанс для себя и пытаясь восстановить свою пошатнувшуюся репутацию, громко вскричала:

— Тебе что в Ре Альби надо? В Ре Альби, да? Так бы и сказал. А там тебе может быть нужно только одно — дом Старого Мага! Это я точно говорю! Значит, так: вон там свернешь за угол и пойдешь вверх по улице Молодых Угрей до сторожевой башни, а потом...

Стоило приезжему выбраться с рынка, как довольно широкая улица сама привела его на холм, а затем мимо массивной сторожевой башни прямо к городским воротам. Ворота сторожили два каменных дракона почти в натуральную величину; зубы у каждого были длиной с руку, а каменные глаза слепо таращились на город и залив. Лениво развалившийся на земле у ворот стражник пояснил, что нужно подняться на вершину холма, а потом повернуть налево, и дорога сама приведет в Ре Альби.

— Потом иди все время прямо; минуешь деревню, а там и дом Старого Мага недалеко, — прибавил стражник.

Приезжий стал неторопливо подниматься в гору; подъем оказался довольно крутым, а вокруг виднелись еще более крутые склоны холмов и далекая вершина горы Гонт, нависавшая надо всем островом, точно гигантское облако.

Путь был неблизкий, а день стоял жаркий, и приезжий вскоре скинул свой черный плащ и закатал рукава рубахи. Он как-то не подумал, выходя из города, купить себе еды на дорогу и запастись водой, а может, просто постеснялся, он вообще был человеком застенчивым, не привычным к большим городам, да и с незнакомцами сходился трудно.

Прошагав несколько миль, он нагнал какую-то телегу, которую давно уже заприметил, — на большом расстоянии она показалась ему сперва просто черным пятном в густом облаке белой пыли. Телега, поскрипывая и постанывая, катилась по дороге, влекомая парой некрупных быков, которые выглядели такими старыми, морщинистыми и утратившими всякую надежду на лучшее будущее, что стали похожи на черепах. Приезжий поравнялся с телегой, однако возница ничего ему не сказал, только подмигнул.

— А нет ли тут поблизости какого-нибудь ручейка или родника? — спросил его путник.

Возница медленно покачал головой, долго молчал и наконец сказал:

— Нет. — Еще помолчал и прибавил: — Там — нет.

И телега загрохотала дальше по дороге. Путник, которого мучила жажда, чувствовал, что не в состоянии обогнать этих несчастных, едва тащившихся волов.

Он очень устал и не сразу заметил, что возница молча протягивает ему большой глиняный кувшин в плетеной корзинке. Он взял кувшин — тот был довольно-таки тяжел — и досыта напился. Причем кувшин стал лишь чуточку легче, когда он с благодарностью вернул его хозяину.

— Садись, коли хочешь, — обронил возница и снова умолк.

— Спасибо. Я и пешком дойду. А скажи, далеко ли еще до Ре Альби?

Колеса скрипнули. Волы тяжко вздохнули — сперва один, потом второй. Их запыленные бока под жарким солнцем источали сладковатый запах пота.

— Десять миль, — сказал наконец возница. Потом подумал и поправился: — А может, двенадцать. — Он еще помолчал и окончательно решил: — Да, никак не меньше.

— Тогда я, пожалуй, вперед пойду, — сказал приезжий.

Утолив жажду, он вполне был готов сейчас обогнать старых волов, и телега действительно довольно сильно отстала, когда он снова услышал голос возницы:

— К Старому Магу идешь, значит... — Если это и был вопрос, то в ответе возница явно не нуждался, и путешественник зашагал дальше.

Когда дорога резко пошла вверх, ее по-прежнему загораживало от солнца плечо огромной горы, но когда путник повернул налево, к деревушке, решив, что это и есть Ре Альби, солнце буквально ослепило его, хотя уже клонилось к западу; внизу он увидел море — оно было стального цвета и казалось абсолютно застывшим.

Дома в деревушке вразнобой стояли вокруг маленькой пыльной площади, посреди которой был устроен фонтан — жалкая струйка воды, едва поднимавшаяся в воздух. К фонтану путник и направился, снова всласть напился из пригоршни, то и дело набирая воду в подставленные ладони, а потом подставил под струю и голову, с наслаждением впитывая холодную воду волосами и кожей головы, позволяя ей стекать по шее и течь по спине. Подсыхая после этого «купания», он некоторое время посидел на каменной чаше фонтана, заметив, что за ним внимательно и молча наблюдают трое грязноватых малышей — два мальчика и девочка.

— И никакой это не целитель! — заявил наконец один из мальчишек.

Путник тщательно пригладил влажные волосы руками.

— Вот глупые, он же к Старому Магу идет! — презрительно заметила девочка.

— Йеррагхх! — Выкрикнув это странное слово, мальчик состроил какую-то ужасную гримасу, одной рукой растянув себе рот, а другой, словно когтем, стал скрести воздух.

— Надо бы присмотреть за ним, Стоуни, — сказал ему второй мальчик, а девочка крикнула путнику:

— Эй, хочешь, я тебя к Старому Магу провожу?

— Спасибо, — сказал он и устало поднялся.

— Видишь, никакого посоха у него нет! — тут же сказал один мальчишка другому, а второй отозвался:

— А никто и не говорил, что он у него есть!

И оба, лениво развалившись в тени, стали смотреть, как незнакомец следом за девочкой выходит на тропу, ведущую на север меж каменистых пастбищ, круто спускавшихся вниз по склону горы.

Море под солнцем нестерпимо блестело, в глазах у путника все плыло, морская даль и постоянно дувший

сильный ветер вызывали головокружение. Девочка, шедшая впереди, казалась ему крошечной подскакивающей тенью. Он остановился.

— Ну, пошли же! — сказала девочка недовольно, но тоже остановилась. Путник подошел к ней поближе и снова остановился. — Вон, — показала она, — уже и дом видно! — И он увидел на краю утеса деревянный дом, до которого оставалось совсем немного. — А я их не боюсь! — сообщила ему девочка, но он не совсем ее понял. — Я сколько раз для них куриные яйца по гнездам собирала, чтобы отец Стоуни потом эти яйца на рынок отнес. А старая госпожа меня персиками угощает! Правда, Стоуни всегда говорит, что я их ворую, но я никогда у них ничего не ворую! Ну, пошли же! Не бойся, ее там нет. И никого из них тоже.

Она снова показала ему пальцем на дом.

— Там что же, никого нет? — спросил приезжий.

— Только сам старик. Старый Ястреб. Он всегда там.

Путешественник поблагодарил ее и двинулся дальше один, а девочка осталась на тропе и смотрела ему вслед, пока он не повернул за угол дома.

Две козы, пасшиеся на огороженном лужке перед домом, так и уставились на незнакомца своими желтыми глазищами. В высокой мягкой траве рассыпались куры и целый выводок полувзрослых цыплят, которые копались в земле среди грушевых и сливовых деревьев и тихонько переговаривались между собой. Какой-то мужчина стоял на маленькой приставной лестнице, прислоненной к стволу одного из плодовых деревьев; голова его скрывалась в листве, и путнику были видны лишь его голые смуглые лодыжки.

Путешественник поздоровался, ответа не получил и снова произнес слова приветствия, но уже несколько громче.

Листья на дереве зашуршали, и человек ловко спрыгнул на землю, прижимая к груди целую пригоршню спелых слив. Первым делом он отогнал парочку назойливых пчел, соблазненных сливовым ароматом, потом подошел

к незнакомцу. Он был невысокого роста, но держался очень прямо и был еще строен; седые волосы он зачесал назад и стянул на затылке в пучок, открыв красивое лицо, носившее, впрочем, следы нелегких и долгих прожитых лет и старые шрамы — четыре белых рубца, спускавшихся от левой скулы к подбородку. На вид ему можно было дать лет семьдесят, но взгляд его был ясен, и смотрел он прямо на незнакомца внимательно и дружелюбно.

— Вот, совсем созрели, — сказал он и протянул незнакомцу пригоршню маленьких желтых слив, — хотя к завтрашнему дню они будут еще вкуснее.

— Лорд Ястреб, — начал было путник, вдруг от волнения охрипнув, — господин мой, ты Верховный Маг Земноморья...

Старик коротко кивнул, как бы признавая все эти титулы и предлагая не перечислять их, и предложил:

— Давай-ка пойдем в тень.

Незваный гость послушно последовал за ним и сделал все, что ему было велено: сел на деревянную скамью в тени кривого дерева, росшего у самого дома, принял от хозяина сливы, теперь тщательно вымытые и сложенные в хорошенькую плетеную корзиночку, и стал их есть одну за другой. Тогда хозяин дома спросил его, голоден ли он, и путник честно признался, что весь день ничего не ел. Оставив его сидеть на скамье, хозяин сходил в дом и принес хлеб, сыр и половинку отличной луковицы. Гость съел все, даже лук, и запил еду целой кружкой холодной родниковой воды, которую тоже принес ему хозяин. Сам же Ястреб ел только сливы — за компанию с гостем.

— Ты выглядишь усталым. Издалека пришел? — спросил он путника.

— Вообще-то я с Рока...

По лицу старика трудно было что-либо прочитать. Он лишь промолвил:

— Вот как? Никогда бы не подумал.

— А родом я с острова Таон, господин мой. Это уже потом я перебрался на Рок. А там лорд Путеводитель сказал мне, что я должен попасть на Гонт. И поговорить с тобой.

— Почему?

Потрясающий все-таки был у него взгляд!

— Потому что ты ЖИВЫМ ПРОШЕЛ ПО ТЕМНОМУ ЦАРСТВУ СМЕРТИ... — И без того хриплый голос незнакомца превратился в шепот.

Старик подхватил:

— ...И ВЫШЕЛ НА ДАЛЬНИЙ БЕРЕГ ДНЯ. Так? Да, но это пророчество касалось скорее нашего короля Лебаннена.

— Ты тоже был с ним, господин мой!

— Был. И видел, как он победил в жестоком поединке и выиграл свое королевство. Но я-то свое «королевство» там оставил! Так что не называй меня больше всякими пышными титулами. Зови меня просто Ястреб или Ястреб-перепелятник — как тебе больше понравится. А как мне тебя называть?

Гость прошептал:

— Олдер.

Еда, родниковая вода и отдых в тени явно принесли ему облегчение и прояснили мысли, но выглядел он по-прежнему каким-то изможденным. Печальная усталость таилась в его глазах.

Тон старика до сих пор был, пожалуй, немного суховат, хотя держался хозяин вполне спокойно и дружелюбно. Но, посмотрев на гостя повнимательнее, он вдруг совсем миролюбиво предложил:

— Знаешь что, давай-ка на некоторое время отложим все разговоры. Ты проплыл почти тысячу миль по морю, потом целых пятнадцать миль тащился по жаре в гору. А мне еще нужно полить бобы, лук и другие овощи, поскольку мои жена и дочь оставили весь огород на меня. Так что ты пока отдохни немножко. Если хочешь, можем поговорить вечером, по холодку. Или утром, когда солнце еще не такое жаркое. Или в течение дня — времени здесь хватает.

Когда старик часа через полтора вернулся, его гость, улегшись прямо на прохладную траву под персиковыми деревьями, крепко спал.

Старик, когда-то носивший титул Верховного Мага Земноморья, постоял над ним, держа в одной руке ведро,

а в другой — мотыгу, внимательно посмотрел спящему в лицо и едва слышно прошептал:

— Олдер значит «ольха». Что же за беда привела тебя сюда, Олдер?

На какой-то миг ему показалось, что, если бы он захотел узнать Истинное имя этого человека, он мог бы узнать его, лишь подумав об этом, как в прежние времена, когда был магом.

Но теперь он этого не мог. И, думай не думай, все равно ничего не узнаешь, потому что магом он больше не был.

И ничего не знал об этом Олдере. Что ж, придется подождать, пока тот сам ему все расскажет.

«Не буди лихо, пока оно тихо»,— пробормотал старик про себя и отправился поливать бобы.

Как только солнце скрылось за невысокой каменной оградой на вершине ближайшего к дому холма, тень и прохлада разбудили спящего. Он сел, весь дрожа, потом испуганно вскочил, но двигался все еще довольно неуклюже; вид у него был ошалелый, в волосах запутались семена трав. Увидев, что старик набирает у колодца воду и таскает ведра в сад, он бросился ему помогать.

— Еще ведра три-четыре — и довольно, — сказал ему бывший Верховный Маг, аккуратно поливая грядку, на которой рядком росли молодые кочаны капусты. Аромат влажной земли был удивительно приятен в сухом теплом воздухе. Закатные лучи неровными золотистыми полосами ложились на склон горы.

Полив огород, они уселись на длинную скамью возле порога и стали смотреть, как садится солнце. Ястреб принес из дома бутылку вина и два низких толстостенных стакана из зеленоватого стекла.

— Это вино делал сын моей жены, — сказал он. — У него там, в Срединной долине, ферма. «Дубовая» называется. Хороший был урожай семь лет назад! — Вино было кремнисто-красноватого оттенка, и Олдер сразу почувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Солнце в своей спокойной ясности садилось за море. Ветер

улегся. Птички на ветвях садовых деревьев изредка переговаривались нежными голосами, устраиваясь на ночь.

Попав на Рок, Олдер был изумлен, когда Мастер Путеводитель сказал ему, что Верховный Маг, этот человек из песен и легенд, который привел короля Лебаннена домой из царства смерти, а потом улетел на спине дракона на остров Гонт, все еще жив. И, по словам Мастера Путеводителя, не только жив, но и преспокойно живет на своем родном острове!

— Я скажу тебе то, о чем знают немногие, — сказал тогда Путеводитель, — потому что, мне кажется, тебе это знать необходимо. И я думаю, ты сохранишь это в тайне.

— Значит, он все еще Верховный Маг Земноморья? — радостно воскликнул Олдер, ибо это было неразрешимой загадкой для всех: почему Мастера Школы, являющейся центром всех магических наук и искусств, за все годы правления короля Лебаннена так и не нашли другого волшебника, способного заменить Ястреба на посту Верховного Мага?

— Нет, — ответил Олдеру Мастер Путеводитель. — Он вообще больше уже не маг.

И поведал о том, как и почему Ястреб утратил свое могущество. С тех пор у Олдера было достаточно времени, чтобы все это обдумать. Однако здесь, в присутствии самого Ястреба, которому доводилось беседовать с драконами, который вернул в Хавнор Кольцо Рун, живым пересек царство смерти и, по сути дела, правил всеми островами Архипелага до воцарения Лебаннена, Олдеру разом вспомнились все потрясающие истории о подвигах Мага, все героические песни, посвященные ему, и он, даже видя Ястреба старым и бесконечно довольным своим замечательным садом и огородом, даже зная, что этот знаменитый волшебник теперь лишился своего могущества, все равно чувствовал вокруг него некий ореол, создаваемый, по всей вероятности, силой его души, которой довелось столько перечувствовать и столько испытать. И в этом ореоле Ястреб по-прежнему представлялся ему великим магом. Однако его несколько смущала одна вещь: у Ястреба была жена!

Жена, дочь, пасынок... Ведь у магов и волшебников не

бывает семьи! Обычный колдун, вроде самого Олдера, мог жениться или не жениться, но настоящие волшебники, обладавшие истинным могуществом, всегда хранили обет безбрачия. Олдер вполне мог вообразить себе этого человека верхом на драконе, это было совсем нетрудно, но представлять его в роли обыкновенного мужа и отца было невыносимо. С этим он справиться никак не мог, хотя и очень старался. А потому спросил:

— А твоя... жена, господин мой?.. Она, значит, живет у своего сына?

Ястреб посмотрел на него — точно издалека вернулся — и вновь уставился в морскую даль.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Она сейчас в Хавноре. У короля.

И еще через некоторое время, словно наконец вернувшись из неведомых далеких краев, прибавил:

— Они с дочерью отправились сразу после Долгого Танца. Лебаннен специально прислал за ними корабль; ему очень нужен их совет. И, возможно, его волнует примерно то же, что и тебя привело ко мне. Посмотрим... Видишь ли, сегодня я что-то устал, и мне совсем не хочется обсуждать всякие сложные вопросы. Да и сам ты выглядишь усталым. Так что, может, по тарелке супа да по стаканчику вина — и на боковую, а? А утром поговорим как следует.

— С удовольствием, господин мой, — отвечал Олдер. — Вот только спать я боюсь. Именно этого-то я и боюсь больше всего на свете!

Ястреб некоторое время молчал, вникая в смысл этих слов, потом уточнил:

— Ты боишься спать?

— Нет, скорее я боюсь своих снов.

— Ах так?! — Ястреб остро глянул на него своими темными глазами из-под густых полуседых бровей и заметил: — Но, по-моему, ты очень неплохо вздремнул вон там, на травке, а?

— О да! И мне снились самые приятные сны с тех пор, как я покинул остров Рок. И я очень тебе за это благодарен, господин мой! Может быть, это повторится и ночью. Но, к сожалению, обычно мне снятся такие страшные

сны, что я громко кричу, просыпаюсь сам и мешаю спать тем, кто находится со мною рядом. Так что, с твоего позволения, я лучше переночую на улице.

Ястреб кивнул и сказал:

— Хорошо. Ночь будет теплая.

А ночь действительно была хороша! Прохладный легкий ветерок дул с юга, в небесах белели теплые летние звезды, и только один край неба казался черным — там, где его закрывало плечо огромной горы. Олдер расстелил на траве тюфяк и овечью шкуру, которые дал ему хозяин, точно в том же месте, где спал днем.

А Ястреб улегся спать в маленьком алькове у западной стены дома. Здесь он спал еще мальчишкой, когда хозяином этого дома был волшебник Огион, а сам он был учеником Огиона. Последние же пятнадцать лет здесь спала Техану, став его дочерью. Но сейчас Тенар и Техану не было дома, и Ястреб, ложась в супружескую постель, стоявшую в дальнем углу комнаты, особенно остро ощущал отсутствие Тенар и свое одиночество и решил пока перебраться спать в альков. Ему нравилась узкая лежанка, приделанная прямо к бревенчатой стене дома, под окном. Здесь он всегда спал хорошо. Но только не в эту ночь.

Уже миновала полночь, когда его разбудили какие-то крики, доносившиеся снаружи. Он вскочил с постели и осторожно подошел к двери, но это был всего лишь Олдер, сражавшийся с ночными кошмарами, да из курятника доносились слабые протесты разбуженных криками Олдера кур. Вдруг Олдер, крикнув еще что-то хрипло и невнятно, проснулся и сел. На лице его были написаны ужас и отчаяние. Увидев, что Ястреб стоит на крыльце, он стал просить у него прощения за невольно причиненное беспокойство, а потом заявил, что больше спать не ляжет и просто посидит, любуясь звездным небом. Ястреб ничего не сказал, вернулся в дом и снова попытался уснуть. Олдер больше его своими криками не будил, однако на этот раз ему самому приснился весьма дурной сон.

Ему снилось, что он стоит у сложенной из камня стены на вершине какого-то холма с пологими склонами, поросшими серой сухой травой и уходящими куда-то в непроницаемую тьму, хотя вокруг царят серые сумерки.

Он понимал, что когда-то уже бывал здесь, что и раньше стоял на склоне этого холма, но не мог вспомнить, когда это было и что это за место. Он заметил, что кто-то стоит по ту сторону стены чуть ниже, но совсем недалеко от него. Лица этого человека ему было не различить, но он ясно видел, что тот очень высок и закутан в плащ. Он чувствовал, что хорошо знает этого человека. И вдруг тот заговорил с ним, называя его Истинным именем: Гед.

«Ты тоже скоро окажешься здесь, Гед»,— сказал он.

Похолодев до костей, Ястреб сел на постели, изо всех сил вглядываясь во тьму и стараясь различить знакомые предметы, воспроизвести столь хорошо знакомую ему действительность, способную укутать душу, точно теплым одеялом. Он выглянул в окно и посмотрел на звезды. И снова сердце его пронизал холод: то были не земные звезды, такие любимые, такие знакомые — Возничий, Сокол, Танцоры, Сердце Лебедя!.. В окно к нему заглядывали сейчас совсем другие звезды — маленькие застывшие звезды той пустынной сумеречной страны, которые никогда не двигались по темному небосклону. Когда-то он знал названия и этих звезд... Когда-то — когда знали имена самых разных вещей на свете...

«Минуй нас!» — громко сказал он и особым образом сложил пальцы, отгоняя беду. Этот жест был знаком ему с детства. И взор его невольно скользнул к распахнутой двери дома, к темному углу за открытой створкой, где, как он думал, он увидит сейчас знакомый сгусток тьмы, принявший форму человеческого тела, как бы обретший плоть и уже встающий во весь рост...

Знакомый с детства «магический» жест, хотя в нем и не было никакого волшебства, окончательно прогнал всякий сон. Тени, прятавшиеся за дверью, оказались, разумеется, всего лишь тенями. И звезды за окном были знакомыми звездами Земноморья, уже бледневшими в преддверии зари.

Ястреб сел, накинув на плечи одеяло из овечьих шкур, и стал смотреть на звезды, которые постепенно меркли, как бы сползая по небосклону к его западному краю. Потом в небе стала разгораться заря, заиграли, все время меняясь, краски наступающего дня, но в душе Ястреба

по-прежнему жила печаль. Он и сам не знал, почему она вдруг снова возникла, эта боль, тоска по чему-то дорогому и утраченному навеки. Он давно привык к ощущению огромной утраты, с которым жил уже столько лет. Некогда он обладал поистине непревзойденным могуществом и все потерял в одночасье! Да, когда-то это его печалило, но теперешняя печаль была гораздо сильнее и, похоже, не являлась его собственной печалью. Он чувствовал печаль в самом сердце вещей, чувствовал тоску даже в наступлении рассвета. Откуда она взялась? Почему так и прилипла к нему, явившись во сне? Но печаль не уходила, даже когда он встал и разжег в очаге огонь.

Тогда Гед пошел полюбоваться своими персиковыми деревьями, заглянул в курятник насчет свежих яиц на завтрак и вернулся в дом. Вскоре к дому подошел и Олдер. Он пришел по той тропе, что тянулась на север по верхнему уступу, и сказал, что на рассвете решил прогуляться и посмотреть окрестности. Выглядел он совершенно измученным, и Ястреба снова поразила та боль, что жила в его глазах, ибо она как бы перекликалась с его собственными ощущениями перепелятника, оставленными тем страшным сном.

Они выпили по чашке теплого ячменного напитка, точнее, жидкой каши, какую обычно едят по утрам крестьяне, съели по сваренному вкрутую яйцу и по персику. Они трапезничали в доме, у очага, ибо утренний воздух в тени горы был слишком холоден, чтобы устроиться завтракать на улице. Затем Ястреб покормил кур, насыпал зерна голубям, выпустил на пастбище коз, а после этого снова уселся с гостем на скамью у крыльца. Солнце еще не выглянуло из-за горы, но воздух уже достаточно прогрелся.

— Так, Олдер, а теперь расскажи: что привело тебя ко мне? Только сперва, раз уж ты добирался сюда через Рок, то скажи: все ли в порядке в Большом Доме?

— Я в него не входил, господин мой.

— Ага... — Тон был самый нейтральный, но быстрый взгляд — пронзительный.

— Я был только в Имманентной Роще.

— Ага. — Нейтральный тон, нейтральный взгляд.

— И Мастер Путеводитель сказал мне: «Передай моему повелителю, что я по-прежнему очень люблю его и глубоко уважаю. А еще передай ему, что я бы очень хотел побродить с ним вместе по Роще, как когда-то».

Ястреб печально улыбнулся, помолчал и сказал:

— Ну что ж... Однако вряд ли он послал тебя ко мне, чтобы ты передал мне только это. Рассказывай.

— Я постараюсь быть кратким...

— Послушай, парень, у нас целый день впереди. И к тому же я люблю, чтобы мне все рассказывали подробно и с самого начала.

И Олдер рассказал ему свою историю с самого начала.

Он был сыном ведьмы и родился в городке Элини на острове Таон, славящемся как остров арфистов.

Таон находится в южной части моря Эа, недалеко от тех мест, где некогда высился остров Солеа, пока волны морские не поглотили его. Все острова моря Эа — очень древние острова, самое сердце Земноморья, и все они некогда имели свои столицы, своих королей и своих волшебников; остров Хавнор в те времена был не цветущим королевством, а полем брани для враждущих племен, ну а остров Гонт считался и вовсе диким краем, где медведей больше, чем людей. Те люди, что родились на островах Эа, Эбеа, Энлад или Таон, даже если они появились на свет в семье канавокопателя или ведьмы, имели право считать себя потомками древних магов или тех знаменитых воинов, которые погибли, защищая королеву Эльфарран. Уроженцы этих островов буквально с детства обладали изысканными манерами, хоть и бывали порой чересчур высокомерными, а также их отличали любовь к музыке и поэзии, великодушие и нерасчетливость, что порой не слишком нравилось тем, кто крепко держится за землю. «Воздушные змеи с оборвавшейся бечевкой» — примерно так говорили хавнорские богачи о жителях этих островов. Они, впрочем, никогда бы не решились сказать так в присутствии короля Лебаннена, который был потомком одного из древнейших родов острова Энлад.

Самые лучшие арфы в Земноморье делали на острове Таон. На этом острове также издавна существовали специальные музыкальные школы; множество знаменитых

певцов, исполнителей лэ и героических песен были либо уроженцами Таона, либо учились там. Но в городке Элини, расположенном высоко в горах, никакой музыкальной школы, разумеется, не было; главным средоточием «цивилизации» там считалась рыночная площадь, да и мать Олдера была женщиной небогатой, хотя они, конечно, не голодали. У его матери было огромное родимое пятно, красное, протянувшееся от правой брови по щеке и шее до самого плеча, захватив и ухо. Многие женщины и мужчины, имевшие подобные «знаки», а точнее, уродства, становились ведьмами или колдунами, поскольку считалось, что «у них имеется особая отметина». Мать Олдера, ведьма Блэкберри, что значит «черная смородина», выучив несколько заклинаний, вполне справлялась со своими «ведьминьми» обязанностями. Честно говоря, никакого магического таланта у нее не было, зато вид был вполне подходящий, а для ведьмы это почти так же ценно, как и настоящий талант. В общем, на хлеб она зарабатывала, понемножку учила сына своему ремеслу и даже в итоге скопила достаточно денег, чтобы отдать Олдера в ученики одному колдуну, который впоследствии нарек его Истинным именем.

О своем отце Олдер ничего рассказать не мог, ибо не знал о нем ровным счетом ничего. Блэкберри никогда о нем даже не упоминала. Хотя ведьмы крайне редко соблюдают обет безбрачия, они реже оставляют у себя одного и того же мужчину более чем на одну-две ночи подряд, а уж замуж выходят и того реже. Гораздо чаще две ведьмы объединяются и живут всю жизнь вместе; в народе это называют «ведьминым браком» или говорят, что ведьмы дают друг другу особую «женскую клятву». В таких случаях ребенок, родившийся у одной из ведьм, имеет как бы двух матерей, но ни одного отца. Так что отсутствие отца в семье Олдера было как бы само собой разумеющимся, и Ястреб даже спрашивать ничего об этом не стал. Однако он довольно подробно расспрашивал Олдера о том, чему его учил колдун.

Колдун Ганнет, что значит «морская олуша», научил Олдера тем нескольким словам Истинной Речи, которые знал сам, и некоторым заклятиям, с помощью которых

можно было, скажем, найти потерянную вещь или создать не слишком сложную иллюзию. Олдер признался Ястребу, что никаких особых способностей ни в том, ни в другом не проявил. И все же, видимо, этот Ганнет достаточно сильно заинтересовался мальчиком, пытаясь понять, в чем же его истинное призвание. Олдер оказался отличным латальщиком, он мог починить любую сломанную вещь — сломанную арфу, переломившееся лезвие ножа, треснувшую ось колеса, расколовшийся глиняный горшок или разбившуюся вдребезги миску. Все это он мог вновь сделать целым. Он умел так соединить отдельные фрагменты предмета, что не оставалось ни слабины, ни трещинки, ни следа. В итоге Ганнет послал Олдера собирать различные соединительные заклятия, которые можно было узнать в основном у таонских ведьм. Со многими из них Олдер даже поработал вместе какое-то время, учась латать и соединять части разбитых и сломанных предметов.

— Да-да, я хорошо знаком с этим умением, — сказал Ястреб. — Это, в общем-то, разновидность целительства. И, между прочим, не такой уж малый дар. Да и ремесло латальщика не из простых.

— Мне оно доставляло истинную радость! — воскликнул Олдер, и на лице его промелькнуло даже некое подобие улыбки. — Мне так нравилось придумывать самому нужные заклинания, стараясь при этом непременно использовать какое-нибудь из слов Истинной Речи... Ведь как бы оживить сосуд, который опустел и высох из-за небольшой трещинки, или починить рассыпавшуюся на отдельные дощечки бочку — это такое удовольствие! Когда видишь, что, например, такой бочонок вновь оживает, становится пузатым и, как ему и подобает, прочно стоит на донце, ожидая, когда его наполнят вином!.. Ох, это так здорово! Был у нас один арфист из Меони, большой музыкант; когда он играл, точно штормовой ветер поднимался на вершине холма, точно буря бушевала в морском просторе! Он очень жестоко порой обращался со своей арфой, рвал струны, оттягивал их во время страстной своей игры так, что в самый напряженный момент, когда мелодия словно взмывала ввысь, струны не выдерживали и

лопались. И этот музыкант нанял меня, чтобы я всегда был рядом, когда он играет, и, если что случится с инструментом, мог быстро починить его, пока не успела еще отзвучать последняя нота, чтобы он мог продолжать играть.

Ястреб кивнул, ему было приятно слушать, с каким жаром этот парень рассказывает о своей профессии.

— А разбившуюся стеклянную посуду ты чинил? — спросил он.

— Приходилось. Только это очень долгое и довольно нудное занятие, — отвечал Олдер. — Больно много там всегда крошечных осколков и кристалликов.

— Но ведь штопать огромную дыру в вязаном носке куда скучнее, — заметил Ястреб, и они некоторое время со знанием дела обсуждали тонкости работы латальщика. Затем Олдер вернулся к рассказу о своей жизни.

Итак, сперва он просто чинил всякие вещи, а потом назвался колдуном, но репутацией у местных жителей пользовался весьма скромной — в соответствии со своим скромным талантом. Да и доходы у него были небольшие. И вот однажды, Олдеру тогда было уже под тридцать, они с тем арфистом отправились в столицу острова, город Меони, где арфист должен был играть на свадьбе. И в том доме, где они остановились, Олдер познакомился с одной молодой женщиной. По ее словам, у ведьм она никогда не училась, однако обладала тем же даром, что и Олдер. И очень хотела стать его ученицей. Оказалось, что талант к латанью у нее действительно есть, и куда больший, чем у него самого! Не зная ни одного слова Истинной Речи, она могла движением пальца восстановить вдребезги разбитый кувшин или перетершийся канат, помогая себе всего лишь какой-то песенкой, каким-то практически бессловесным, едва слышным мурлыканьем. А еще она умела лечить сломанные кости как у людей, так и у зверей; Олдер заниматься подобным целительством никогда не осмеливался.

В общем, не столько он учил ее, сколько они учили друг друга, причем часто оказывалось, что еще вчера они даже не подозревали о некоторых своих уменьях. Потом эта женщина вернулась вместе с Олдером в Элини и посе-

лилась у его матери, ведьмы Блэкберри, которая научила ее всяким полезным штукам, чтобы производить на заказчиков более сильное впечатление, хотя настоящего ведовства во всех этих фокусах практически не было. Звали эту молодую женщину Лили. Они с Олдером часто работали вместе, и во всех окрестных селениях слава их как искусных латальщиков росла и упрочалась.

— А потом я ее полюбил! — сказал Олдер. Стоило ему заговорить о ней, и голос его зазвучал более уверенно и мелодично. — Она была такая красивая! Волосы темно-каштановые, но порой в них будто золотисто-красные искры вспыхивали...

Он не мог скрыть от нее свою любовь, да и не стал этого делать, и она ответила на его чувство, сказав, что ей все равно, ведьма она теперь или нет, ибо они рождены, чтобы быть вместе — в работе и в жизни, что она тоже любит его и согласна выйти за него замуж.

Они поженились и жили очень-очень счастливо первые полтора года.

— Все было хорошо, пока не подошло время родов, — сказал Олдер. — Мы слишком поздно спохватились. Повивальные бабки пытались вызвать схватки разными травами и заклинаниями, но ребенок словно не желал отделяться от матери и выходить на свет. Так и не родился. И ее забрал с собой.

Олдер помолчал и прибавил:

— Мы были так счастливы!

— Я понимаю, — откликнулся Ястреб.

— И печаль моя оказалась столь же велика, сколь велико было счастье.

Старик молча кивнул.

— Но я смог вынести это горе, — сказал Олдер. — Известно ведь, как оно бывает: кажется, нет смысла жить дальше, а все-таки живешь...

— Это верно.

— Но среди зимы, через два месяца после ее смерти, мне явился один сон... И в том сне была она...

— Расскажи, что тебе снилось.

— Я стоял на каком-то холме. Через вершину холма и дальше по его склону тянулась каменная изгородь, невысокая, такими обычно разделяют овечьи пастбища. Лили стояла по ту сторону этой изгороди и чуть ниже меня. И там было темнее...

Ястреб понимающе кивнул, и лицо его посуровело; теперь оно казалось высеченным из камня.

— Она звала меня! — продолжал рассказывать свой сон Олдер. — Я слышал ее голос. Она называла меня по имени, и я пошел к ней. Я понимал, что она мертва, я знал это даже во сне, но шел к ней с такой радостью! Мне никак не удавалось как следует разглядеть ее лицо, и я шел к ней, чтобы хоть посмотреть на нее, чтобы хоть недолго побыть с нею... И она протянула ко мне руки над этой изгородью... Изгородь была невысокая, примерно мне по грудь. Я тогда подумал, что, может, наш ребенок при ней, но она его, наверное, с собой не взяла. И все тянулась ко мне, и я тоже протянул к ней руки, и наши руки соприкоснулись...

— Соприкоснулись?

— Да. Мне очень хотелось быть с ней рядом, но я никак не мог перебраться через эту каменную стену. Ноги мои идти не желали, руки не слушались. Тогда я попытался перетащить Лили к себе, и она тоже очень хотела ко мне перебраться. В какой-то момент мне показалось даже, что она сможет это сделать, но проклятая стена по-прежнему была между нами! Мы оба не могли ее преодолеть. И тогда Лили перегнулась через эту стену и поцеловала меня в губы. И отчетливо произнесла мое имя. И попросила:«Освободи меня!»

Я подумал тогда, что если и я назову ее Истинным именем, то, может быть, мне все-таки удастся перетащить ее к себе, и я сказал: «Пойдем со мной, Мевре!» Но она ответила: «Это уже не мое имя, Хара! Это больше уже не мое имя!» И она сама выпустила мои руки, хотя я пытался ее удержать, а она все кричала: «Отпусти меня, Хара!» И уходила куда-то вниз, во тьму. У подножия этого холма все тонуло во тьме. А я все звал ее по имени, выкрикивал все ее прозвища, все те ласковые слова, которыми ко-

гда-то ее называл, но она все равно уходила от меня... И вдруг я проснулся.

Ястреб долго и очень внимательно смотрел на своего гостя.

— Ты назвал мне свое имя, Хара, — заметил он.

Олдер выглядел немного растерянным и несколько раз глубоко вздохнул, словно приходя в себя и сбрасывая груз тяжких воспоминаний, но на Геда он посмотрел ясными глазами и с каким-то отчаянным мужеством.

— А кому еще мог бы я с большей уверенностью доверить его? — спросил он.

Ястреб сурово поблагодарил его:

— Что ж, я постараюсь отплатить тебе за доверие. Скажи, ты знаешь, что это за место?.. Эта стена знакома тебе?

— В первый раз я этого не знал. Теперь знаю. И знаю, что ты бывал по ту сторону этой стены.

— Да. Я бывал на этом холме. И перебирался через стену благодаря магическому искусству, которым тогда владел. И силе, которая тогда у меня была. Я бывал и внизу, в городах мертвых, я говорил с теми, кого знал живыми, и порой они мне отвечали... Но ты, Хара, — первый человек из тех, кого я когда-либо знал, о ком слышал в Школе среди Мастеров или читал в древних книгах, что хранятся на Роке, на Пальне или на Энладских островах, который смог коснуться своей возлюбленной ЧЕРЕЗ СТЕНУ и поцеловать ее!

Олдер сидел, опустив голову и крепко переплетя пальцы лежавших на коленях рук.

— Расскажи, каково было ее прикосновение? Были ли по-человечески теплы ее руки или она была просто сгустком ледяного воздуха, тенью, похожей на живую женщину? Была ли она живой? Прости, что я задаю такие вопросы, но...

— Я бы рад был ответить на них, господин мой! На острове Рок Мастер Заклинатель спрашивал у меня то же самое. Но я не могу ответить правдиво. Я так сильно тосковал по ней, так страстно желал ее... И мне так сильно хотелось... чтобы она была такой, какой была при жизни!.. Нет, я не знаю. Во сне не все видишь достаточно ясно.

— Во сне — да. Но я никогда не слышал, чтобы хоть один человек подходил к той стене и КАСАЛСЯ ее во сне. Это такое место, подходы к которому может искать только волшебник, да и то если вынужден это делать, если его научили это делать, если он обладает достаточными для этого силами. Но без определенных знаний и сил лишь умирающие могут...

И Ястреб запнулся, вспомнив тот сон, что приснился ему прошлой ночью.

— А я считал, что это сон, — сказал Олдер. — Он встревожил меня, но был мне так дорог! Точно в пашне моего сердца провели борозду, чтобы я думал о своей любимой и не забывал ее! Было больно, но мне дорога эта боль, и я стараюсь удержать ее в себе. И потом, я хотел, чтобы мне снова стало больно. Мечтал, чтобы этот сон повторился.

— Вот как?

— Да. И он повторился.

Невидящими глазами Олдер смотрел в голубую даль, где небеса соединялись с морем. Далеко-далеко в туманной дымке едва виднелись невысокие, залитые солнцем холмы острова Камебер. Яркий солнечный луч, прорвавшись сквозь туманную пелену, вдруг ярко осветил северное плечо горы.

— Это случилось на девятый день после первого сна, — снова заговорил Олдер. — Заснув, я снова оказался на том же холме, только значительно выше, почти на самой его вершине. Было хорошо видно, как ниже того места, где я стоял, каменная стена пересекает склон холма, и я бросился туда, выкрикивая имя любимой, уверенный, что увижу ее. Там действительно кто-то был! Но когда я подошел ближе, то увидел, что это не Лили, а какой-то мужчина. Он склонился над стеной так, словно чинил ее, и я спросил: «А где же она? Где моя Лили?» Он мне не ответил и даже головы не поднял. И тут я увидел, что он делает. Он совсем не чинил стену, а, наоборот, разбирал ее, выковыривая пальцами довольно крупный камень. Но камень стоял мертво, и он сказал: «Помоги мне, Хара!»

И тут я увидел, что это мой учитель Ганнет, который нарек меня моим Истинным именем и который умер целых пять лет назад! Но он все стоял там и все пытался выковырять какой-нибудь камень, все нажимал на них своими пальцами, а потом опять громко произнес мое имя и сказал: «Помоги мне, выпусти меня на свободу!» И вдруг выпрямился, потянулся ко мне через стену, как в прошлом сне Лили, и схватил меня за руку. Но его рука обжигала! Был ли то огонь или мертвящий холод, не знаю, но прикосновение его было таким болезненным, что я вырвался. Боль и ужас, которые я при этом испытал, заставили меня проснуться. И сон мой прервался.

Рассказывая об этом, Олдер протянул руку, показывая темные пятна и на тыльной стороне ладони, и на самой ладони, похожие на след от ожога, а может, на обыкновенные синяки.

— Так я научился не позволять им касаться меня, — прошептал он.

Гед посмотрел на его губы и заметил там похожее темное пятно.

— Ты подвергался смертельной опасности, Хара, — тоже очень тихо сказал он.

— Было и еще кое-что...

И Олдер заставил себя прервать молчание и продолжить свой рассказ.

На следующую ночь стоило ему уснуть, и он снова оказался на том же сумеречном холме. Каменная стена на этот раз виделась ему иначе: она резко уходила вниз от вершины вдоль всего склона. Он подошел к стене, надеясь, что Лили уже там.

— Мне было все равно... Даже если бы она не смогла перебраться через стену, даже если бы я не смог перебраться к ней, я мог бы видеть ее, говорить с нею! — вырвалось у него. Но даже если Лили и была там, он не смог отыскать ее среди множества других людей, ибо на этот раз за стеной была целая толпа призрачных существ. Это были люди-тени, и некоторые из них были видны более отчетливо, а некоторые совсем неясно. Кое-кого он вроде бы знал когда-то, другие же были ему совершенно не знакомы, но все они тянулись к нему, пытались его коснуться и громко выкрикивали его имя. «Хара! Позволь нам пойти с тобой! Хара, выпусти нас на свободу!» — кричали они. — Это так ужасно, когда слышишь, как твое Истинное имя выкрикивают совершенно не знакомые тебе люди! — сказал Олдер. — Но еще страшнее, когда этим именем тебя зовут мертвые...

Он пробовал повернуть назад, отойти от стены, снова подняться на вершину холма, но, как это часто бывает во сне, его вдруг охватила ужасная слабость, ноги совершенно его не держали. Он рухнул на колени, чтобы мертвые силой не подтянули его к себе, и стал звать на помощь, хотя там, разумеется, не было никого, кто мог бы ему помочь. И в ужасе проснулся.

С тех пор каждую ночь, если ему удавалось заснуть достаточно глубоко, ему снился этот сон. И каждый раз он оказывался на том же холме среди сухих серых трав, а мертвецы внизу, которых раз от раза становилось все больше, кричали, звали его, просили о помощи...

— Я просыпался, — сказал он Ястребу, — и каждый раз оказывался в своей собственной спальне. А совсем не на том холме в стране мертвых. Но я твердо знал, что они там ждут меня, что если я засну, то снова окажусь у этой стены. Но должен же я спать! Я старался почаще просыпаться, пробовал спать при свете дня, но это не помогало. Я всегда сразу попадал ТУДА, и они всегда ждали меня. И я не могу теперь подняться вверх по склону холма. Стоит мне пошевелиться, и я сразу спускаюсь еще ниже, еще ближе к этой стене. Иногда я, правда, могу повернуться к ней спиной, но в таких случаях мне сразу начинает казаться, что среди их голосов я слышу и голос Лили, она плачет, она зовет меня, и я оборачиваюсь, начинаю ее искать, а они все тянутся ко мне...

Олдер посмотрел на свои плотно сцепленные пальцы.

— Что же мне делать? — спросил он.

Ястреб не ответил.

Оба долго молчали, потом Олдер сказал:

— Тот арфист, о котором я рассказывал, был моим хорошим другом. Через некоторое время он заметил, что со мной неладно, и, когда я рассказал ему, что не могу спать, потому что боюсь своих снов о мертвецах, он уговорил

меня сесть на корабль и доплыть до острова Эа, чтобы посоветоваться там с одним волшебником в сером плаще. — Было ясно, что Олдер имеет в виду волшебника, получившего образование в Школе на острове Рок. — И, едва услышав мой рассказ, тот волшебник велел мне незамедлительно отправляться на Рок.

— Как его имя?

— Берил. Он служит князю Эа, который также является правителем острова Таон.

Ястреб понимающе кивнул.

— Он ничем не мог помочь мне, — продолжал Олдер. — Однако помог мне сесть на корабль; его слово для шкипера оказалось на вес золота. Так что я снова поплыл по морю. Это было долгое путешествие. Сперва мы плыли вокруг всего острова Хавнор, потом на юг по Внутреннему морю, и я надеялся, что, может быть, на море, далеко от моего родного острова, я смогу забыть свой сон, оставить его позади. Тот волшебник с острова Эа называл тот холм из моего сна «сухая земля», и я считал, что, уплывая все дальше в море, удаляюсь и от этой «сухой земли», но каждую ночь снова оказывался на склоне проклятого холма! А иногда и не один раз за ночь. Дважды, трижды — столько раз, сколько я засыпал снова. Стоило моим глазам закрыться, и я видел каменную стену, уходящую во тьму, слышал зовущие меня голоса... В отличие от людей, которые страдают от боли и могут обрести покой только во сне, для меня мучителем является именно сон, приносящий боль и тоску. И страх перед мертвецами, толпящимися у стены и ждущими меня...

Моряки, по словам Олдера, вскоре стали избегать его — по ночам он громко кричал и будил их, а днем был так задумчив и печален, что, казалось, на нем лежит некое проклятие или же его преследуют злые духи.

— И на Роке ты никакого облегчения не обрел? — спросил Ястреб.

— Только в Роще, — признался Олдер. Все его лицо осветилось, когда он произнес слово «Роща».

И у Ястреба на мгновение тоже вспыхнули глаза.

— Мастер Путеводитель отвел меня туда, и под этими деревьями я наконец смог спокойно уснуть. Даже ночью!

А днем, если солнечные лучи падали прямо на меня — как вчера здесь, когда я уснул на траве возле дома, — если я чувствовал всем телом солнечное тепло, если свет солнца просвечивал сквозь мои веки красным, меня не страшили даже сны. Там, в Роще, я вообще никакого страха не чувствовал. Там я снова полюбил красавицу-ночь.

— Расскажи мне подробнее, что было, когда ты прибыл на Рок.

И Олдер, хотя и был придавлен многодневной тоской, страхом и вынужденной бессонницей, принялся рассказывать. Обладая серебряным языком своего родного острова, он говорил о Роке так живо и так поэтично, что, даже если он что и упустил в своем рассказе, опасаясь говорить слишком долго или невольно рассказать Верховному Магу то, что тот уже и так знает, Ястребу ничего не стоило довообразить себе любые детали, ибо он хорошо помнил, как сам впервые попал на Остров Мудрых в возрасте пятнадцати лет.

Когда Олдер сошел с корабля в гавани Твила, один из моряков начертал руну Запертой Двери на верхней планке сходней, чтобы помешать этому пассажиру когда-либо снова ступить на борт судна. Олдер заметил это, но решил, что у команды корабля есть все основания опасаться его. Он чувствовал себя проклятым, осененным неким дурным знамением, зачарованным и поглощенным мертвящей тьмой. Все это заставляло его сторониться людей, а в незнакомых городах и селениях держаться еще более застенчиво, чем обычно. К тому же Твил был не просто незнакомый, но и очень СТРАННЫЙ город.

— Ты прав, — сказал Ястреб. — От улиц Твила порой начинает кружиться голова.

— Это точно, господин мой!.. Вы уж простите, что я так путано рассказываю, но мой язык подчиняется сердцу, а не...

— Не обращай на меня внимания. Я могу снова стать «лордом Козопасом», если тебе так будет проще. Продолжай.

Те, у кого Олдер спрашивал дорогу, указывали ее ему неправильно, а может, он сам неправильно понимал их разъяснения, поэтому и прослонялся по холмистому кро-

шечному Твилу страшно долго и при этом, как ни странно, все время видел где-то невдалеке здание Школы, но никак не мог найти вход туда, пока в полном отчаянии не остановился у какой-то простенькой двери в абсолютно голой стене, выходившей на небольшую скучную площадь. Олдер некоторое время тупо смотрел на эту стену и вдруг узнал ее: это была та самая стена, за которую он так хотел попасть! Он постучался, и ему открыл какой-то человек со спокойным лицом и очень спокойными глазами.

Олдер был уже готов сказать ему, что его послал сюда волшебник Берил с острова Эа, который даже специально письмо написал Мастеру Заклинателю, но не успел и рта открыть, как Мастер Привратник, пристально посмотрев на него, тихо промолвил:

— Ты не можешь привести их в этот дом, дружок.

Олдер не спросил, кого это «их». Он и так все понимал. В прошлую ночь он практически не сомкнул глаз, пытаясь заснуть и тут же в ужасе просыпаясь, а когда задремывал уже при свете дня, то сразу видел, как та сухая серая трава расползается по залитой солцем палубе и каменная стена возникает прямо над волнами моря... Даже когда он бодрствовал, этот сон преследовал его, и страна мертвых все время была с ним, вокруг него, хотя и как бы окутанная слабой дымкой, и он мог слышать сквозь шум ветра и волн голоса тех, что выкрикивали его имя. И уже не знал, спит он или сходит с ума от горя, страха и усталости.

— А вы не пускайте их сюда! — сказал он Привратнику. — Но молю тебя, господин мой: впусти меня, сжалься! Позволь мне одному войти!

— Хорошо. Подожди здесь, — ласково сказал ему Привратник. — Вон скамья. — И он, указав ему на каменную скамью, закрыл дверь.

Олдер сел и стал ждать. Это он еще помнил. И помнил, что несколько мальчишек-подростков с любопытством посмотрели на него и скрылись за той самой дверью, за которую он войти не мог. Но что было с ним дальше, он уже мог вспомнить только кусками.

Привратник вернулся в сопровождении довольно молодого волшебника с посохом и в сером плаще. Затем Олдер каким-то неведомым образом оказался в незнакомой комнате, которая, как он догадался, была одной из комнат Большого Дома. Через некоторое время туда пришел Мастер Заклинатель и попытался с ним побеседовать. Но к этому времени Олдер был уже не в состоянии разговаривать. Пребывая между сном и бодрствованием, между залитой солнцем комнатой и окутанным сумеречным светом холмом, слыша одновременно голос Мастера Заклинателя и голоса, зовущие его из-за стены, Олдер совершенно лишился способности думать, он даже пальцем пошевелить не мог здесь, в мире живых. Но в том сумеречном мире, где звучали голоса мертвых, ему, казалось, двигаться гораздо легче и легче сделать несколько шагов вниз, к стене, где тянущиеся к нему руки наконец схватят его, завладеют им, удержат его в той стране навсегда... «Если я буду одним из них, — думал он, — они, наверное, оставят меня в покое?»

Потом, вспоминал Олдер, та залитая солнцем комната тоже куда-то исчезла, и он действительно оказался на холме, покрытом серой мертвой травой. Однако на этот раз рядом с ним стоял Мастер Заклинатель — крупный, широкоплечий и очень смуглый, с огромным тисовым посохом. В сумеречном свете посох его слабо мерцал.

Мертвые, толпившиеся у стены, звать Олдера перестали и исчезли. Из темноты еще доносилось шуршание шагов и сдавленные рыдания — это мертвецы уходили прочь.

Мастер Заклинатель подошел к стене и положил на нее руки ладонями вниз.

Было видно, что камни в стене в нескольких местах расшатались, а некоторые даже выпали и лежали на сухой траве. Олдер чувствовал, что должен поднять эти камни и вставить на место, но почему-то так и не сделал этого.

Заклинатель повернулся к нему и спросил:

— Кто привел тебя сюда?

— Моя жена, Мевре.

— Призови ее.

Олдер от изумления онемел. Когда же он наконец открыл рот, то произнес не подлинное имя своей жены, а ее обычное имя, то, которым он называл ее при жизни. Он

громко позвал ее: «Лили!» — но здесь звук этого имени нисколько не напоминал ему белую прекрасную лилию, и это имя камешком упало в серую пыль.

Вокруг была тишина. В черных небесах светили маленькие и неподвижные звезды. Олдер никогда раньше не смотрел на тамошнее небо, а теперь вдруг посмотрел. И не узнал звезд!

— Мевре!.. — произнес Заклинатель глубоким, густым голосом и прибавил еще несколько слов на Языке Созидания.

Олдер задохнулся; ему показалось, что из него выпустили весь воздух; он едва держался на ногах. Но на длинном пологом склоне, уходящем вниз в густую тьму, ничто даже не шевельнулось.

Однако через некоторое время там появилось какое-то светлое пятно и стало медленно подниматься вверх по склону, приближаясь к ним. Олдер весь задрожал от страха и желания поскорее увидеть жену и прошептал:

— О, моя дорогая! Любовь моя!

Но это оказалась вовсе не Лили. Приблизившееся к ним существо было довольно маленьким и по виду напоминало ребенка лет двенадцати, но определить, мальчик это или девочка, было невозможно. «Ребенок» не обращал на них с Заклинателем никакого внимания и даже не думал заглядывать за стену. Он устроился под стеной, и когда Олдер подошел поближе, то увидел, что «ребенок» расшатывает камни и вытаскивает их из стены один за другим.

Заклинатель что-то все время бормотал на Языке Созидания, но неведомое создание лишь один раз равнодушно посмотрело на него и продолжало весьма ловко выковыривать камни из стены своими тонкими пальцами, которые с виду казались совершенно бессильными.

Это было так ужасно, что у Олдера закружилась голова. Больше всего ему хотелось отвернуться и уйти прочь. И потом он не смог припомнить ничего, кроме этого, когда проснулся в залитой солнцем комнате, в удобной постели, но охваченный болезненной слабостью и страшно холодный.

Пока он был болен, за ним ухаживала какая-то милая улыбчивая женщина и смуглый пожилой мужчина плотного телосложения, которого привел Мастер Привратник. Олдер сперва принял его за обыкновенного колдуна-целителя и, лишь увидев в его руках волшебный посох из оливы, понял, что это, должно быть, знаменитый Мастер Травник из Школы.

Уже одно его присутствие приносило Олдеру успокоение, а иногда он даже был способен подарить ему нормальный сон. Травник сварил какой-то особый чай и велел Олдеру выпить; потом поджег какую-то траву, и та медленно тлела, распространяя запах лесной земли, если, скажем, накопать ее где-нибудь у корней сосны. Потом Травник уселся рядом с больным и тихо запел какую-то длинную монотонную песню.

— Но я же не должен спать! — запротестовал было Олдер, чувствуя, как сон накрывает его, точно огромная темная волна. Целитель взял своей теплой рукой пальцы Олдера, и тот почувствовал, как в душу его входит покой. Он незаметно соскользнул в сон, не испытывая ни малейшего страха. Пока целитель держал его руку в своей или касался его плеча, он словно удерживал Олдера в этом мире, далеко от темного холма и страшной каменной стены.

Проснувшись, Олдер немного поел, и вскоре опять пришел Мастер Травник и подал ему чашку с тепловатым и довольно безвкусным чаем. Потом стал жечь травы, пахнущие землей, петь свою колыбельную и взял Олдера за руку; и тот смог спокойно уснуть.

В Школе у Мастера Травника тоже было немало обязанностей, так что он мог приходить к Олдеру лишь на несколько часов, ночью, однако всего за три часа ночи Олдер настолько пришел в себя и отдохнул, что к нему вернулся аппетит и он даже смог гулять понемногу в дневное время. Теперь мысли его прояснились, и он вполне разумно и последовательно отвечал на вопросы других людей. На четвертое утро сразу трое Мастеров — Травник, Привратник и Заклинатель — вошли в его комнату.

Заклинателю Олдер поклонился со страхом в сердце,

почти с недоверием. Мастер Травник тоже был великим магом, но его искусство было земным и не так уж сильно отличалось от мастерства самого Олдера, да и понимали они друг друга гораздо лучше. Кроме того, великая доброта исходила от рук Травника. А Мастер Заклинатель имел дело не с существами из плоти и крови, а с душами, мыслями и волей как живых, так и мертвых людей, с какими-то непонятными духами. И все его искусство казалось Олдеру таинственным и опасным, исполненным риска и затаенной угрозы. Да и тогда, на границе миров, у той стены он стоял рядом с Олдером не во плоти. И больше всего напоминал тень. Стоило ему подойти ближе, как к Олдеру вернулось мучительное ощущение постоянного страха перед темной страной мертвых.

Сперва все трое магов молчали. Если у них и было нечто общее, так это невероятная способность подолгу молчать.

Пришлось Олдеру заговорить первым, ибо ему хотелось открыть Великим Мудрецам то, что так тяготило его.

— Если я сделал что-то дурное и из-за этого попал в страну мертвых и потревожил душу своей жены и чьи-то еще души, то я, как смогу, постараюсь залатать ту брешь, которую невольно проделал, — сказал он. — Я непременно постараюсь! Вот только я не знаю, что именно я сотворил...

— И кто ты такой сейчас, — прибавил Заклинатель.

Олдер онемел.

— В общем-то, немногие из нас знают, кто они такие на самом деле, — спокойно сказал Привратник. — Нам ведь дано лишь ВЗГЛЯНУТЬ на этот мир, не больше.

— Расскажи, как ты впервые оказался у каменной стены, — велел Заклинатель.

И Олдер рассказал.

Маги слушали молча и, после того как он закончил свой рассказ, еще долго не произносили ни слова. Затем Заклинатель спросил:

— А ты задумывался над тем, что это значит — перебраться на ту сторону стены?

— Да, но я понял только, что тогда не смог бы вернуться.

— Лишь маги могут живыми посещать страну, лежащую за стеной, и возвращаться обратно. И лишь при крайней необходимости. Мастер Травник, например, даже пройдя со страждущим весь путь до самой стены, не следует за ним, если этот человек окажется за стеной.

Мастер Заклинатель был так высок, широкоплеч, темноволос и смугл, что Олдеру казался похожим на медведя.

— Мое искусство заклинать души дает мне силу призывать мертвых из-за стены, — продолжал Заклинатель. — Правда, лишь на несколько мгновений и если в том есть особая нужда. И теперь меня мучает вопрос: какая нужда способна оправдать столь значительную брешь в ткани мирозданья, нарушившую Закон и Равновесие? Я никогда еще не произносил самого страшного Великого Заклятия и никогда еще не пересекал той заповедной черты. Наш Верховный Маг, лорд Ястреб, вместе с королем Лебанненом сделал это, чтобы исцелить ту страшную рану, которую нанес миру волшебник по имени Коб.

— И когда наш Верховный Маг не вернулся, — подхватил Мастер Травник, — Торион, который был тогда нашим Мастером Заклинателем, отправился в ту безжизненную страну, чтобы отыскать его. Торион тоже сумел вернуться оттуда, но совершенно иным...

— Нет нужды сейчас говорить об этом! — резко заметил Мастер Заклинатель.

— А может быть, как раз есть! — возразил Травник. — Может быть, Олдеру необходимо знать это. Торион, по-моему, слишком верил в собственное могущество. Да и оставался там слишком долго. Он считал, что сможет призвать назад, к жизни, и собственную душу, но назад вернулось только его мастерство, его волшебное могущество, его честолюбие — но все это настоящей жизни не дает. Но мы верили ему, потому что любили его. А он нас неторопливо уничтожал. Пока Ириан не уничтожила его самого.

Далеко от острова Рок, на острове Гонт, слушавший Олдера Ястреб прервал вдруг его рассказ:

— Как?.. Какое имя ты только что произнес?

— Ириан, — повторил Олдер.

— Тебе это имя известно?

— Нет, господин мой.

— Мне тоже. — И, помолчав, Ястреб заговорил тихо и словно бы неохотно: — Дело в том, что я встретилТориона в мертвой стране, куда он рискнул отправиться, чтобы найти меня. Велика была моя печаль, когда я увидел его там, и я сказал ему, что он может вернуться назад, перебравшись через стену. И указал ему путь. — Лицо Ястреба потемнело, посуровело. — Это был дурной совет. Все дурно, что говорится между живыми и мертвыми. Но ведь и я тоже очень любилТориона!

Они посидели молча. Ястреб вдруг резко поднялся, потянулся и принялся растирать плечи и бедра. Оба немного походили, чтобы размяться. Олдер напился воды из колодца, а Ястреб подобрал садовую лопату и приделал к ней новый черенок, отшкурив до блеска верхнюю его часть и чуть затесав нижнюю, чтобы точно вошла в гнездо. Наконец они вернулись на прежнее место, и Ястреб сказал:

— Ну, Олдер, продолжай свой рассказ.

И Олдер заговорил снова.

Мастера довольно долго молчали, после того как Травник заговорил о Торионе. И Олдер, воспользовавшись этой паузой, набрался смелости и спросил о том, что не давало ему покоя: как смогли те, что умерли, прийти к стене и как сами маги приходят туда.

Заклинатель ответил ему очень кратко:

— Это путешествие души.

Старый Травник отвечал менее уверенно:

— Мы ведь посещаем ту стену не во плоти. Ведь и тело того, кто умер, остается здесь, верно? И если даже волшебник отправляется туда в своих видениях, то его спящее тело все равно остается здесь, остается живым, поэтому такого путешественника мы называем... Это ведь не он сам совершает путешествие в царство смерти, а только его душа, дух... — вновь повторил он.

— Но моя жена взяла меня за руку, — сказал Олдер, но не признался им, что она еще и поцеловала его в губы, — и я чувствовал ее прикосновение!

— Это тебе так казалось, — отрезал Мастер Заклинатель.

— Нет, если тела их действительно соприкасались, если возникла какая-то связь, то возможно, что и другие мертвые получили возможность подходить к нему, звать его или касаться, не так ли?

— Именно поэтому он и должен был им сопротивляться! — сердито сказал Заклинатель, быстро глянув на Олдера своими маленькими и какими-то свирепыми глазками.

Олдер почувствовал в его словах упрек, несправедливый к тому же, и ответил:

— Но я пытался им противостоять, господин мой! Я все время пытаюсь это делать. Но их так много!.. И она там, среди них... И они страдают, господин мой! Они зовут меня!

— Они не могут страдать, — уверенно заявил Заклинатель. — Смерть прекращает все страдания.

— Но ведь возможно, что тень боли тоже причиняет боль, — заметил Травник. — В той стране, как известно, есть горы, и они не зря называются Горами Горя.

Привратник, который до сих пор практически не проронил ни слова, вдруг сказал, как всегда спокойно и негромко:

— Вы забыли, что Олдер — профессиональный латальщик. Он латает бреши, а не пробивает их. Я не думаю, что он способен разрушить стену. Или сам разорвать эту связь с миром мертвых.

— Если он сумел ее создать, сумеет и разрушить, — обронил Мастер Заклинатель.

— А разве это он ее создал?

— Я не владею таким великим искусством, господин мой! — сказал Олдер, до такой степени испуганный их словами, что собственные у него прозвучали, пожалуй, даже сердито.

— В таком случае мне придется спуститься туда самому, — сказал Заклинатель.

— Нет, друг мой, ни за что! — возразил Привратник, и старый Травник тоже сказал:

— Ты — в последнюю очередь из всех нас!

— Но ведь это мое дело, мое искусство! — возмутился Заклинатель.

— И наше.

— Но кто же тогда пойдет туда?

— Похоже, — сказал Привратник, — нашим провожатым будет Олдер. Явившись к нам за помощью, он, возможно, сумеет помочь и нам. Давайте все вместе отправимся с ним в его сновидения, но границу пересекать не станем.

Итак, ночью, уже после полуночи, когда наконец Олдер, перепуганный и взволнованный, позволил сну сморить его, они все оказались в сумеречной стране — Олдер, Мастер Травник, тепло которого Олдер чувствовал даже в этом пронизывающем холоде, Мастер Привратник, чье серебристое одеяние все время меняло свой вид и переливалось, как лунный свет, и массивный, похожий на огромного медведя Мастер Заклинатель, представлявшийся Олдеру воплощением каких-то темных сил.

На этот раз они стояли не на том холме, склоны которого уходили во тьму, а на ближайшем и во все глаза смотрели на вершину соседнего холма, где каменная стена была наиболее низкой, едва по колено. Над стеной небо с редкими мелкими звездами казалось абсолютно черным.

Вокруг все застыло в полной неподвижности.

Будет, наверное, трудно попасть отсюда на ту вершину, думал Олдер, ведь придется сперва спускаться, а потом подниматься. Раньше стена всегда была ниже того места, где он стоял.

Но если на этот раз он сможет дойти туда вместе с волшебниками, то вдруг там окажется и Лили, как в самый первый раз? Вдруг ему снова удастся взять ее за руку? Тогда эти маги сумеют, наверное, отвести их обоих назад, к свету? Если же нет, то он сам перешагнет через стену там, где она такая низкая, и пойдет к Лили...

Олдер уже спустился с одного холма и начал подниматься на другой, и это оказалось совсем легко, и он уже почти добрался до цели, как вдруг его окликнули:

— Хара!

Глубокий голос Заклинателя петлей охватил его шею, ему показалось, что Мастер даже нарочно дернул за этот тугой «поводок». Олдер споткнулся, попытался сделать

еще шаг и вдруг оказался почти у самой стены. Он упал на колени и потянулся к ней руками, плача и крича: «Спасите меня!» Но к кому он взывал? К магам или к мертвецам за стеной?

А потом он почувствовал у себя на плечах чьи-то живые руки, сильные и теплые, и снова оказался в своей комнате, и Травник действительно крепко держал его за плечи, и вокруг его рук ярко разливался волшебный белый свет. И еще оказалось, что теперь в комнате рядом с Олдером четыре человека, а не три!

Старый Травник сидел рядом с ним, крепко сжимая его руки и стараясь как-то его успокоить. Олдера била дрожь; тело его корчилось в судорогах, он задыхался от рыданий. «Я не могу этого сделать!» — все повторял он в отчаянии, но по-прежнему не понимал, кому он это говорит: магам или мертвым?

Когда страх и боль начали понемногу отступать, он почувствовал себя смертельно усталым и почти безо всякого интереса посмотрел на четвертого волшебника. Глаза у того были цвета льда и совершенно прозрачные, а волосы и кожа — почти белые. Откуда-нибудь с далекого севера, с Энваса или Бересвека, подумал Олдер.

— Что это вы делаете, друзья мои? — спросил он у магов.

— Рискуем, Азвер, — откликнулся старый Травник.

— Беда на самой границе, Путеводитель! — сказал Заклинатель.

И Олдер почувствовал, с каким огромным уважением относятся к этому светлоглазому человеку все остальные и какое огромное облегчение они испытывают оттого, что он здесь. Они быстро объяснили ему, в чем дело, и он спросил:

— Если он пойдет со мной, вы его отпустите? — И повернулся к Олдеру: — В Имманентной Роще тебе не нужно будет ничего бояться. Там ты будешь спать спокойно. А значит, и нам не нужно будет бояться твоих снов.

Маги согласно кивали головами. И Мастер Путеводитель, не прибавив более ни слова, кивнул им на прощание и исчез. Да его, собственно, там и не было.

Не было там его самого! Это было лишь его «посла-

ние», его двойник. Впервые в жизни видел Олдер столь яркое проявление волшебного могущества! И, вполне возможно, был бы потрясен, если бы у него еще остались силы чему-то удивляться и чего-то пугаться.

А потом они пошли куда-то с Мастером Привратником по ночным улицам Твила, мимо стен Школы, через поля, раскинувшиеся у подножия высокого округлого холма, вдоль берега речки, которая что-то тихонько и мелодично напевала в темноте. Впереди темнел какой-то лес; над вершинами высоких деревьев, точно драгоценные камни в коронах, светились звезды.

Мастер Путеводитель вышел им навстречу. Он выглядел в точности так же, как тогда в комнате. Они с Привратником поговорили о чем-то с минуту, а потом Олдер последовал за Мастером Путеводителем в Рощу.

— Знаешь, господин мой, эти деревья кажутся такими темными, — сказал Олдер Ястребу, — однако под ними даже глубокой ночью совсем не так темно, словно там есть какой-то источник света, какое-то свечение исходит от них...

Ястреб молча кивнул и слегка улыбнулся.

— И знаешь, как только я вошел под сень этих деревьев, — продолжал Олдер, — то сразу понял: здесь я смогу спать! У меня возникло такое ощущение, будто все это время я проспал и мне все время снился один и тот же дурной сон, но теперь я наконец проснулся по-настоящему, а значит, потом смогу по-настоящему и заснуть. И Мастер Путеводитель отвел меня в одно замечательное место — там, среди корней громадного дерева, вся земля была устлана опавшими листьями, и он сказал мне, что я могу лечь на эту мягкую подстилку и спать, сколько захочу. И я лег, и заснул, и не могу передать словами, сколь сладок был этот сон!

После полудня солнце стало припекать, и Ястреб пригласил своего гостя в дом. Пока он ставил на стол блюда с едой — хлеб, сыр и вяленое мясо, — Олдер огляделся. Дом состоял, собственно, из одной продолговатой комнаты с небольшим альковом у западного окна, однако помещение было просторное, хотя и темноватое, и полное воздуха. Стены в доме были прочными, половицы — крепкими и широкими; под потолком виднелись могучие балки. Внутри было очень чисто; пол вымыт до блеска, очаг аккуратно выложен камнем.

— Какой благородный дом! — с восхищением промолвил Олдер.

— И очень старый. Его называют домом Старого Мага. Но не в мою честь, конечно, и не в честь моего Учителя, Айхала, который здесь жил, а в честь его Учителя, Гелета, который вместе с Айхалом остановил страшное землетрясение. Это очень хороший дом!

Потом Олдер еще немного поспал в саду, и солнечные лучи просвечивали сквозь шелестящую листву плодовых деревьев. Ястреб тоже передохнул, но недолго; когда Олдер проснулся, под сливовым деревом уже стояла внушительных размеров корзина, полная маленьких золотистых слив. Самого же Ястреба Олдер обнаружил высоко на козьем пастбище: он чинил изгородь в самом дальнем углу. Олдер хотел ему помочь, но делать ему было уже практически нечего. А козы уже давно ушли вниз.

— И ведь ни одной молочной нет! — проворчал Ястреб, когда они вернулись домой. — Делать этим козам больше нечего, кроме как изгородь портить! И зачем я их только держу?.. Самое первое заклятие, которое я узнал — еще в раннем детстве, — способно было заставить коз тут же бежать домой, где бы они ни шлялись. Меня тетка научила. А теперь мне от этого заклинания не больше толку, чем от любовной песенки: не слушаются они меня. Пожалуй, схожу-ка я да посмотрю, не забрались ли они в огород к вдове. Ты-то небось не знаешь таких слов, которыми этих чертовых коз собрать можно?

Две коричневые козы действительно уже вторглись в огород у самого крайнего деревенского дома и подбирались к капустным грядам. Олдер машинально повторил то заклинание, которое только что сказал ему Ястреб:

— Нот хирт малк ман, хиолк хан мерт хан!

Козы чуть встревожились, потом презрительно посмотрели на него и чуть-чуть отошли от грядок. Крики и удары палкой заставили их убраться из чужого огорода, а

на тропинке Ястребу удалось подманить их сливами, которые он вытащил из кармана. Обещая, предлагая, соблазняя, он медленно уводил проказниц на пастбище.

— Странные они все-таки существа, — сказал он, запирая ворота загона, — с ними никогда не знаешь, как себя вести!

А Олдер подумал, что так и не понял пока, как ему себя вести со своим хозяином, но вслух этого не сказал.

Когда они снова уселись в тени, Ястреб пояснил:

— Знаешь, Мастер Путеводитель — не северянин, он с Каргадских островов, как моя жена. Он был воином на Карего-Ат. Единственный известный мне человек, который когда-либо являлся из тех краев на Рок. У каргов ведь нет ни магов, ни волшебников. Они никому из них не доверяют, всех считают «злобными колдунами» и не признают ни магии, ни колдовства. Зато они гораздо больше знают о Древних Силах Земли, чем мы. Но Азвер, то есть Мастер Путеводитель, будучи еще совсем юным, услышал какие-то легенды об Имманентной Роще, и ему, не знаю уж почему, пришло в голову, что средоточие всех земных сил находится именно там. Так что он оставил своих богов, выучил новый язык и прибыл на Рок. Встал на пороге Школы и говорит: «Научите меня жить в этом вашем лесу!» Ну, мы и научили его. Учили до тех пор, пока он сам нас учить не начал... Короче, он стал нашим Мастером Путеводителем. Он человек отнюдь не мягкий, но доверять ему можно всецело.

— Я никогда не испытывал перед ним страха, — сказал Олдер. — Быть с ним рядом — одно удовольствие! Он много раз брал меня с собой, когда гулял по лесу.

Оба, хозяин и гость, некоторое время молчали, думая о полянах и похожих на своды храмов кронах могучих деревьев в Роще. И о том, как сквозь листву этих древних деревьев просвечивает солнечный или звездный свет и листья отбрасывают на землю узорчатые тени...

— Это ведь самое сердце нашего мира, верно? — промолвил Олдер.

А Ястреб посмотрел куда-то вверх, на восток, на склоны горы Гонт, тоже покрытые густыми лесами, и сказал:

— Я собираюсь побродить там, в этих лесах, как придет осень.

И Олдер не совсем понял, какие леса он имел в виду. Ястреб еще немного помолчал и спросил:

— А какой совет дал тебе Путеводитель, когда отсылал тебя ко мне, на Гонт?

— Он сказал, господин мой, что ты знаешь больше о... той стране. Больше, чем любой человек на свете. И, стало быть, скорее сможешь понять, что означает мое общение с мертвыми во сне и почему они так просят освободить их.

— А он не говорил, что, по его мнению, с тобой могло случиться?

— Говорил. Он сказал, что, может быть, моя жена и я просто не умели расставаться; умели только встречаться и соединяться. Что происшедшее не было делом моих рук. Но, возможно, виноваты все же мы оба, потому что тянулись друг к другу, точно капельки ртути на полу. Только Мастер Заклинатель с этим мнением не согласился. Он считает, что только великий волшебник способен до такой степени изменить существующий миропорядок. Ведь мой старый учитель Ганнет тоже сумел коснуться меня через стену, и Мастер Заклинатель сказал, что, возможно, именно в нем заключена огромная магическая сила, которая скрывалась или просто была незаметна при жизни, но теперь вышла наружу.

Ястреб задумался.

— Когда я жил на Роке, — сказал он, — я бы, возможно, воспринял это именно так, как воспринимает это сейчас Заклинатель. Там я не знал более могущественной силы, чем магия, Высшие Искусства... И даже Древние Силы Земли, думал я тогда... Но неважно. Если тот Мастер Заклинатель, о котором ты говоришь и с которым ты встречался, тот самый человек, который когда-то прибыл в Школу совсем еще ребенком, то я хорошо его знаю. Это мой старый друг Ветч с острова Иффиш направил его к нам учиться. И он больше никогда не покидал остров Рок. Между ним и Азвером Путеводителем очень большая разница. Азвер успел повзрослеть на родине; он, будучи сыном воина, и сам какое-то время был воином; он достаточно долго жил среди обыкновенных мужчин и

женщин и хорошо знает жизнь. Те явления повседневности, от которых стены Школы успешно отгораживают ее обитателей, он знает не понаслышке: он испытал их на себе. Он знает, например, что мужчины и женщины влюбляются, женятся, заводят детей... Прожив пятнадцать лет вне стен Школы, я склонен думать, что Азвер мыслит более правильно, точнее — он на правильном пути к решению этой проблемы, ибо связь между тобой и твоей женой сильнее, чем то, что разделяет жизнь и смерть.

Олдер колебался. Но все же не выдержал и сказал:

— Я тоже так думал! Но ведь... это же бесстыдство — так думать. Да, мы любили друг друга так, что я не могу выразить это словами, но была ли наша любовь сильнее всех прочих любовей? Была ли она сильнее, чем любовь Морреда и Эльфарран?

— Возможно, она была не менее сильной.

— Но разве это возможно?

Ястреб посмотрел на него, точно чему-то радуясь, что-то приветствуя, и ответил так ласково, что Олдер почувствовал себя польщенным:

— Видишь ли, — сказал он, — самая страстная любовь приходит обычно весною жизни, прекрасная, цветущая, однако она обычно ведет к несчастью или даже смерти. И поскольку эта любовь умирает в самом расцвете своей красы, именно ее воспевают поэты и музыканты, именно о ней слагают легенды: это любовь, которой удалось избежать старости. Такой была и любовь Молодого Короля и Эльфарран. Такой была и твоя собственная любовь, Хара. Нет, она не была сильнее, чем любовь Морреда. Но была ли любовь Морреда сильнее, чем твоя?

Олдер, задумавшись, не ответил.

— В абсолютных вещах не бывает понятия «больше» или «меньше», — продолжал Ястреб. — Все или ничего — так говорит истинный влюбленный, и это так и есть. Моя любовь никогда не умрет, говорит он. Он утверждает вечность. И имеет на это право. Разве может умереть его любовь, когда это для него сама жизнь? Да и что мы знаем о вечности? Мы способны лишь мельком ее увидеть — когда испытываем чувства, подобные страстной любви.

Ястреб говорил негромко, но слова его обжигали, в

них чувствовалась огромная энергия. Он умолк, откинулся назад и сказал, чуть усмехнувшись:

— Каждый деревенский парнишка-недотепа поет о любви. Каждая девчушка на свете грезит о ней. Но Мастера острова Рок почти не знакомы с нею. Кроме, пожалуй, Путеводителя, который, возможно, знал когда-то раньше, что такое страстная любовь. Я, например, узнал ее очень поздно. Но не слишком поздно! — Он посмотрел на Олдера; в глазах его по-прежнему горел огонь и некий вызов. — А у тебя такая любовь была, — завершил он свой монолог.

— Да... — Олдер глубоко вздохнул и сказал задумчиво: — Возможно, они и сейчас вместе там, в той темной стране, Морред и Эльфарран.

— Нет, — сказал Ястреб со спокойной уверенностью.

— Но если такая связь между людьми действительно возможна, то что же может ее разорвать?

— Там влюбленных нет.

— Но тогда кто же все эти люди? Что они делают там? Я знаю, господин мой, ты был там, по ту сторону стены, и ходил среди них, разговаривал с ними. Расскажи мне об этом!

— Непременно, — сказал Ястреб и умолк. — Я не люблю говорить об этом. Я даже думать об этом не люблю, — пояснил он. Потер виски, помрачнел, но все же заговорил снова: — Ты же сам видел... видел эти звезды, маленькие, злые звезды, которые никогда не движутся. И там нет луны. И нет зари... Там, правда, есть дороги, если спуститься дальше вниз. Дороги и города. На холме вроде бы растет трава, но это мертвая трава, а дальше — только пыль и камни. Там не растет ничего. Там только темные города. И тысячи тысяч мертвецов стоят вдоль улиц или бредут по дорогам, не имеющим конца... Они не разговаривают. И не прикасаются друг к другу. Они никогда не прикасаются друг к другу! — Он говорил каким-то тихим, бесцветным голосом. — Там Морред прошел бы мимо Эльфарран и головы бы в ее сторону не повернул! Да и она бы на него не посмотрела... Там воссоединение невозможно, Хара. Там нет связей. Там даже мать не прижимает к груди свое дитя!

— Но ведь моя жена пришла ко мне! — возразил Олдер. — И она называла меня по имени, она поцеловала меня... в губы!

— Да, я понимаю. И поскольку твоя любовь была не больше любви любого другого смертного, и поскольку ни ты, ни она не являетесь могущественными волшебниками, сила которых способна изменить законы жизни и смерти, то во всем этом кроется нечто совсем иное. Что-то происходит в мире, что-то меняется! И хотя мы узнали об этом через тебя и это происходит именно с тобой, ты всего лишь инструмент, и не в тебе причина происходящего. Но инструмент — в чьих руках?

Ястреб встал и быстрыми шагами прошелся к началу тропы, бегущей по краю утеса, а потом вернулся к Олдеру; он был исполнен, даже почти переполнен какой-то невероятной энергией и напряжен, точно ястреб, готовый камнем упасть вниз на свою жертву.

— Разве твоя жена не сказала тебе, когда ты назвал ее Истинным именем: «ЭТО БОЛЬШЕ УЖЕ НЕ МОЕ ИМЯ»?..

— Да, сказала, — прошептал Олдер.

— Но как это получается? Мы, кто имеет Истинные имена, сохраняем их, когда умираем, забывается лишь наше обычное, повседневное имя... Это тайна, которую предстоит изучить и раскрыть, вот что я тебе скажу, но с другой стороны, насколько мы понимаем, Истинное имя — это одно из слов Истинной Речи. Именно поэтому лишь особым образом одаренный человек способен узнать имя ребенка и наречь его этим именем. И это имя связывает существо — живое или мертвое. Все искусство Заклинателя заключено в этом... И все же, когда Мастер Заклинатель призвал твою жену ее Истинным именем, она к нему не пришла. Ты позвал ее простым именем, даже прозвищем, Лили, и она к тебе явилась. Неужели она пришла к тебе как к человеку, который единственно и знал ее по-настоящему?

Он остро и внимательно вглядывался в лицо Олдера, так, словно видел куда больше, чем просто сидящего с ним рядом человека. Через некоторое время Ястреб заговорил снова:

— Когда умирал мой Учитель Айхал, моя жена была здесь, с ним рядом; и он, умирая, сказал ей: ВСЕ ПЕРЕМЕНИЛОСЬ. Он смотрел поверх той стены. Но вот с какой стороны — я не знаю. И с той поры действительно переменилось очень многое — появился король на троне Морреда, и на Роке не стало больше Верховного Мага. Но было и нечто гораздо большее, гораздо более важное. Я видел, как ребенок призвал дракона Калессина, Старейшего, и Калессин прилетел к этой девочке и называл ее дочерью, как называю ее и я. Что это означает? Почему драконы появились в небесах над западными островами? Король послал за нами, снарядил корабль в порт Гонт, прося мою дочь Техану приехать к нему на совет по поводу драконов. Люди боятся, что старое соглашение нарушено, что драконы прилетят и будут сжигать поля и города, как они делали это до тех пор, пока Эррет-Акбе не сразился с Орм Эмбаром. И теперь на границе жизни и смерти одна из душ отказывается от связи с собственным именем... Я этого не понимаю! Мне понятно только то, что происходят перемены. Вселенские перемены!

В голосе его не было страха, только яростное возбуждение.

Олдер не мог разделить его чувств. Он потерял слишком многое и был слишком измучен и истощен борьбой с теми силами, которые не мог ни понять, ни подчинить себе. Однако сердце его не осталось равнодушным к отваге Ястреба.

— Пусть же эти перемены будут к лучшему, господин мой! — промолвил он.

— Да будет так, — заключил старик. — Но они должны свершиться.

Когда к вечеру жара немного спала, Ястреб сказал, что ему нужно сходить в деревню. Он взял с собой корзину слив, в середину которой аккуратно пристроил еще и корзиночку с яйцами.

Олдер отправился с ним вместе, и по дороге они разговаривали. Когда Олдер понял, что Ястреб меняет сливы и яйца, а также кое-какие другие продукты из своего ма-

ленького хозяйства на ячмень и пшеничную муку, что тот хворост, который он сжигал в очаге, ему пришось терпеливо собирать в лесу на склонах горы, что если его козы не дают молока, то ему приходится перебиваться прошлогодними запасами сыра, то он был просто поражен: как это может быть, чтобы Верховный Маг Земноморья жил только за счет того, что сумеет добыть или вырастить сам? Неужели его соотечественники совершенно его не уважают?

Когда он пришел с ним в деревню, то увидел, как женщины захлопывают двери своих домов, завидев старика. Торговец, купивший у него яйца и сливы, отсчитал деньги и выложил их на деревянную столешницу, не промолвив ни слова; лицо у него было сердитое, он смотрел в пол. Ястреб же заговорил с ним вполне миролюбиво и вежливо, пожелал ему доброго дня, но ответа так и не дождался.

— Господин мой, — спросил Олдер, когда они шли домой, — неужели они не знают, кто ты такой?

— Нет, — сказал бывший Верховный Маг Земноморья и насмешливо, искоса глянул на него. — И да.

— Но... — Олдер просто слов не находил от возмущения.

— Они знают, что у меня нет никакой магической силы, но все же во мне есть нечто таинственное. Для них. Они знают, что я живу с иностранкой, с каргадской женщиной. Они знают, что девушка, которую мы называем своей дочерью, не то ведьма, не то еще что-то похуже, потому что ее лицо и рука почти дочерна сожжены огнем, а также потому, что она сама сожгла лорда Ре Альби, или столкнула его с утеса, или умертвила его своим дурным глазом — у них много разных историй. Они, впрочем, уважают тот дом, в котором мы живем, потому что это дом Айхала и Гелета, а мертвые волшебники — это хорошие волшебники... Ты, Олдер, человек городской, да еще и с острова, принадлежавшего королевству Морреда. А деревушка на острове Гонт — это совсем другое дело.

— Но почему же ты остаешься здесь, господин мой? Конечно же, наш король оказал бы тебе все подобающие почести...

— Почести мне не нужны, — сказал старик и так сверкнул на него глазами, что Олдер мгновенно умолк.

Когда они подошли к дому, построенному на краю утеса, Ястреб снова заговорил:

— Вот мое единственное гнездо, настоящее неприступное гнездо, как у орла!

За ужином они выпили по стакану красного вина, а потом и еще по одному — сидя на крыльце и глядя, как садится солнце. Говорили они мало. Страх перед наступающей ночью, перед тем сном, начинал прокрадываться в душу Олдера.

— Я ведь не целитель, — сказал его хозяин, — но, возможно, и я смогу сделать то, что делал Мастер Травник, чтобы ты мог спать.

Олдер вопросительно посмотрел на него.

— Я все время думал об этом, и мне кажется, что это, возможно, вовсе не заклинание удерживало тебя вдали от того холма, а простое прикосновение живой руки. Если хочешь, мы можем попробовать. — Олдер запротестовал было, но Ястреб сказал: — Я ведь все равно большую часть ночи не сплю.

Так что его гость лег в ту ночь на низкую кровать в дальнем углу просторной комнаты, а сам Ястреб сел с ним рядом, присматривая за огнем в камине и погрузившись в легкую дремоту.

Он тоже наблюдал за Олдером и видел, что тот в конце концов уснул; и вскоре после этого Олдер начал вздрагивать и ворочаться. Ястреб протянул руку и положил ее Олдеру на плечо, поскольку молодой человек лежал, как бы чуть от него отвернувшись. Спящий слегка шевельнулся, вздохнул, расслабился и снова крепко заснул.

Ястребу было очень приятно, что он оказался способен сделать хотя бы такую мелочь. Не хуже, чем волшебник, с незлым ехидством отметил он про себя.

Спать ему совсем не хотелось; он по-прежнему чувствовал напряжение. Он думал о том, что рассказал ему Олдер, и о том, что они обсуждали днем. Он видел, как Олдер, стоя среди капустных грядок, произносил слова призывающего коз заклятия, на которое козы ответили высокомерным презрением. А ведь это довольно могуще-

ственное заклятие! Он вспоминал, как когда-то, произнося в этом заклятии имена ястреба-перепелятника, болотного ястреба, серого орла, призывал их к себе с небес, и они падали, шумя крыльями, и обхватывали его запястье могучими когтями, и внимательно смотрели ему в глаза своими исполненными гнева золотистыми круглыми глазами... Ничего этого больше нет. Он может хвастаться, называя этот дом своим «орлиным гнездом», но у него больше нет крыльев!

Зато крылья есть у Техану. У нее есть для полета крылья дракона!

Огонь в очаге догорел. Старик поплотнее закутался в свою овчину и прислонился головой к стене, по-прежнему не убирая руки с безвольно расслабленного теплого плеча Олдера. Ему нравился этот человек, ему было жаль его.

Надо бы не забыть и непременно попросить его починить завтра зеленый кувшин.

Проснулся Гед внезапно и даже привстал со своего кресла, но уже через минуту, овладев собой, вновь положил руку Олдеру на плечо и легонько его стиснул, прошептав:

— Хара! Пойдем прочь, Хара! — Олдер вздрогнул, потом тело его расслабилось, он снова вздохнул, повернулся на живот, еще больше уткнувшись лицом в подушку, и затих.

Ястреб сидел, не снимая своей руки с плеча спящего. Как это он сам-то оказался там, у каменной стены? Он ведь больше не имел волшебной силы, чтобы проникать в эту страну. И больше не знал пути туда. Как и прошлой ночью, сон Олдера или его странствующая душа потянули его за собой на границу темной страны...

Теперь Ястреб уже окончательно проснулся. Он сидел, не сводя глаз с серого прямоугольника окна, в которое смотрели яркие звезды.

Та трава под стеной... Она не росла там, дальше по склону, где этот склон постепенно уходил в сумеречную сухую страну. Он тогда сказал Олдеру, что там, внизу,

была только пыль, только камень. Мертвые русла рек, где никогда не бежала никакая вода. Ни одного живого существа. Ни птицы, ни полевой мыши, ни поблескивания крыльев и гудения мелких насекомых, солнечных созданий. Только мертвые со своими пустыми глазами и молчаливыми лицами.

Но разве птицы не умирают?

Мышь, комар, коза — бело-коричневая пряморогая бесстыдная коза Сиппи со своими желтыми глазищами, любимица Техану, которая умерла прошлой зимой в преклонном возрасте. Где она, эта Сиппи?

Не в той сухой пустыне, не в той темной стране. Она умерла, но она не там. Она там, откуда вышла, — в своей родной стихии, в земле. В земле, на свету, на ветру, где слышатся шлепки волн о скалы и где с небес смотрит желтый глаз солнца.

Но тогда почему, почему же?..

Он смотрел, как Олдер чинит кувшин. Пузатый и темно-зеленый, кувшин этот был самым любимым у Тенар; она притащила его на себе много лет назад от самой Дубовой фермы. А тут на днях он возьми, да и выскользни у Ястреба из рук, когда тот снимал его с полки. Он подобрал с пола два больших куска и все мелкие осколки, имея смутное намерение попытаться как-то склеить их, чтобы хоть вид кувшину вернуть прежний, чтобы можно было его хоть на полку поставить, если уж пользоваться им больше нельзя будет. Каждый раз, когда он видел черепки кувшина, сложенные в корзинку, то приходил в ярость от собственной неловкости.

И теперь он, восхищенный, очарованный, следил за руками Олдера. Тонкие, гибкие, сильные, ловкие и неторопливые, они старательно восстанавливали форму кувшина, поглаживая и подбирая каждый отколовшийся кусочек, настойчиво заставляя встать на свое место и лаская. Большими пальцами латальщик подправлял и направлял самые маленькие кусочки, ставя их на место, воссоединяя их, вдыхая в них уверенность в целостности всего кувшина. Работая, он бормотал себе под нос какую-то ли-

шенную мелодии присказку из двух-трех слов. То были слова Истинной Речи. Гед знал их когда-то, но не помнил, что именно они означают. Лицо Олдера было абсолютно безмятежным, вся тревога и печаль покинули его: это было лицо человека, настолько погруженного в любимую работу, что сквозь него просвечивало безвременное спокойствие.

Наконец руки Олдера отделились от кувшина; пальцы раскрылись, точно бутон распускающегося цветка, — кувшин стоял на дубовом столе совершенно целый!

Олдер смотрел на него с нескрываемым удовлетворением.

Когда Гед благодарил его, он сказал:

— Это было совсем нетрудно. Линии отлома были очень чистыми. Кувшин делал хороший гончар, да и глина у него была отличная. Это с грубыми поделками повозиться приходится, если разобьются.

— А знаешь, у меня возникла одна мысль насчет того, как тебе попытаться обрести нормальный сон, — сказал ему Гед.

Олдер проснулся еще на рассвете и сразу встал, чтобы его хозяин мог бы прилечь и как следует поспать до позднего утра; но было совершенно очевидно, что подобное «расписание» долго Ястреб выдерживать не в силах.

— Пойдем-ка со мной, — сказал ему старик, и они пошли куда-то в глубь острова по тропе, огибавшей козье пастбище и вьющейся меж холмов, маленьких, наполовину обработанных полей и выступами заходивших на эти поля рощ. Гонт производил на Олдера впечатление дикого края, нищего, малонаселенного, и эта заросшая мохнатым лесом гора словно все время хмурилась и нависала над ними.

— Мне показалось, — сказал Ястреб на ходу, — что если и мне удается так же хорошо, как Мастеру Травнику, удерживать тебя вдали от этого холма и этой стены, всего лишь прикасаясь к тебе рукой, то, может быть, и другие существа способны помочь тебе. Если только ты не имеешь ничего против животных.

— Животных?

— Видишь ли, — начал было Ястреб, но умолк, пре-

рванный появлением какого-то странного существа, ползущего вниз по тропе им навстречу. Существо было замотано в бесчисленные юбки и шали, из головы у него во все стороны торчали перья, а ноги были обуты в высокие кожаные сапоги. Выкрикивало оно тоже нечто невразумительное: «О Учительяс, Учительяс!»

— Ну, здравствуй, Вереск. Тише, тише, — сказал Ястреб. Женщина остановилась, раскачиваясь всем телом, перья на голове у нее так и трепетали, на лице сияла улыбка во весь рот.

— Она небось знала, ты приходишь! — громовым голосом возвестила она. — Она сделала своими пальцами клюв ястреба, вот так, видишь, правда-правда, и велела мне идти, идти, своей рукой велела! Она знала, что ты идешь!

— И я действительно иду.

— Нас проведать?

— Да, проведать вас. Познакомься, Вереск, это Учитель Олдер.

— Учительолд, — прошептала она, вдруг успокоившись и словно включив Олдера в свое сознание. А потом как-то съежилась, ушла в себя, потупилась.

Никаких кожаных сапог у нее на ногах не было. Ее босые ноги до колен были покрыты гладкой коричневой подсыхающей глиной. Многочисленные грязные и рваные юбки были подхвачены на талии ремнем.

— Ты на лягушек охотилась, Вереск?

Она охотно закивала.

— Я пойду Тетушке скажу! — Она, начав произносить эти слова чуть ли не шепотом, закончила оглушительным ревом и покатилась назад, туда, откуда явилась.

— Она добрая душа, — сказал Ястреб. — Она всегда моей жене помогала. А теперь живет у нашей старой ведьмы и помогает ей. Ты ведь не против того, чтобы войти в дом ведьмы, а?

— Никогда в жизни, господин мой.

— А многие боятся. И знатные люди, и бедняки, и волшебники, и колдуны.

— Лили, моя жена, была ведьмой.

Ястреб понимающе кивнул и некоторое время шел молча, а потом спросил:

— А откуда она узнала о своем даре, Олдер?

— Он у нее был врожденный. Еще совсем малышкой она могла заставить сломанную ветку дерева снова прирасти к стволу, а другие ребятишки приносили ей свои сломанные игрушки, чтобы она их починила. Но когда отец заставал ее за этим, то всегда бил по рукам. Ее семья была очень уважаемой в наших краях. Очень уважаемой! И они не желали иметь ничего общего с ведьмами. Ибо если бы она продолжала якшаться с ведьмами, то никогда бы не вышла замуж за приличного человека. Так что она все свои занятия и уроки держала в тайне. И ведьмы ее родного города тоже не желали иметь с ней ничего общего, даже когда она просила их чему-нибудь научить ее, потому что они боялись ее отца. А потом за ней стал ухаживать один богатый человек, она ведь была красива, как я уже говорил, господин мой. Куда красивее, чем я могу описать словами. И ее отец сказал, что она вскоре должна будет выйти замуж. И в ту же ночь она убежала из дома. Она жила одна, несколько лет скиталась, бродяжничала. Иногда ее пускали к себе ведьмы, но в том, что касается ее мастерства, она держалась сама по себе.

— Но ведь Таон — не такой большой остров.

— Ее отец ни за что не стал бы ее искать. Он сказал, что его дочь не может быть какой-то ведьмой-латальщицей.

И снова Ястреб склонил голову в знак согласия.

— Значит, она прослышала о тебе и сама к тебе пришла?

— Но она научила меня куда большему, чем я мог ее научить! — искренне признался Олдер. — У нее ведь действительно большой талант был.

— Верю.

К этому времени они подошли к маленькому домику, притулившемуся в лощине и скрытому типичным для жилища ведьмы переплетением веток и веников. С козой на крыше и с целой стаей черно-белых кур во дворе, которые с кудахтаньем кинулись прочь. Ленивая маленькая пастушья собака встала и задумалась, стоит ли ей залаять, но, явно передумав, завиляла хвостом.

Ястреб подошел к низенькой двери и, сильно пригнувшись, заглянул внутрь.

— Ну, здравствуй, Тетушка! — сказал он. — Я к тебе гостя привел. Олдера, колдуна с острова Таон. Он латальщик. И настоящий мастер, должен тебе сказать! Я только что любовался тем, как он приводит в порядок зеленый кувшин Тенар, который я, неуклюжий старый дурак, уронил на днях и разбил вдребезги.

Он вошел в хижину, и Олдер последовал за ним. В кресле у порога сидела старая женщина, вся обложенная подушками. Отсюда ей был виден залитый солнцем двор. Перья торчали из ее курчавых седых волос. Пестренькая несушка устроилась у нее на коленях. Она улыбнулась Ястребу с чарующей лаской и вежливо кивнула второму посетителю. Курица проснулась, сказала «ко-о» и удалилась.

— Это Тетушка Мох, — сказал Ястреб, — ведьма, владеющая многими талантами и умениями, величайшим из которых является доброта.

Так, подумал Олдер, Верховный Маг Земноморья мог бы представить другому волшебнику какую-нибудь знатную даму или известную чаровницу. Он поклонился. Старушка тоже кивнула ему и засмеялась.

А потом сделала некое круговое движение левой рукой, вопросительно глядя на Ястреба.

— Тенар? Техану? — переспросил он. — Они все еще в Хавноре, у короля, насколько мне известно. Пусть немного развлекутся, посмотрят нашу прекрасную столицу, ее дворцы.

— А я сделала нам короны! — выкрикнула Вереск, роясь в весьма дурно пахнувшей темной груде каких-то неведомых вещей у дальней стены дома. — Как у королей и королев. Видите? — Она поправила куриные перья, что торчали во все стороны из ее густых спутанных волос. Тетушка Мох, только сейчас осознав, что и у нее на голове красуется подобный странноватый убор, попыталась, хотя и тщетно, вынуть перья из своих волос и поморщилась.

— Короны ваши слишком тяжелы, — сказал Ястреб, нежными движениями выбирая перья из тонких спутавшихся волос старушки.

— А кто королева, Учительяс? — крикнула Вереск. — Кто королева? Баннен — король, а королева-то кто?

— У короля Лебаннена нет королевы, Вереск.

— А почему нет? Должна быть. Почему нет?

— Возможно, он ее как раз ищет.

— Он женится на Техану! — радостно взвизгнула женщина. — Точно!

Олдер увидел, как переменилось лицо Ястреба: замкнулось и будто окаменело.

— Сомневаюсь, — только и сказал он, держа в руках перья, которые выбрал из волос Тетушки Мох, и нежно их поглаживая. — Я ведь к тебе, как всегда, за одолжением, Тетушка Мох, — сказал он.

Она протянула свою здоровую руку и с такой нежностью коснулась руки Ястреба, что Олдер был тронут до глубины души.

— Я хочу попросить у тебя взаймы одного из твоих щенков.

Тетушка Мох посмотрела на него с нескрываемой печалью. Вереск, суетившаяся возле нее, на минутку задумалась, а потом заорала:

— Щеночки! Тетушка Мох, щеночки! Так ведь их уже ни одного не осталось!

Старушка кивнула с печальным видом, продолжая поглаживать руку Ястреба.

— А что, они кому-нибудь понадобились?

— Самый крупный выбрался из дома и, наверное, убежал в лес, а там его съел какой-нибудь зверь, потому что больше он так и не вернулся, а потом этот старый Рэмблз... Явился и говорит, что ему нужны пастушьи собаки, что он возьмет обоих щенков и всему их обучит, и Тетушка их ему отдала, потому что они охотились на цыплят, которых высидела Белоснежка, а еще все грызли, прямо-таки весь дом сгрызли, честное слово!

— Ну что ж, Вереск, пусть Рэмблз потрудится как следует, пока их чему-нибудь обучит, — сказал с усмешкой Ястреб. — Я очень рад, что он их взял. Однако жаль, что я

сам не успел, потому что мне хотелось взять одного на денек-другой. Они ведь у тебя на постели спали, верно, Мох?

Старушка кивнула, по-прежнему очень печальная. Потом, вдруг немного просветлев лицом, склонила голову набок и мяукнула.

Ястреб непонимающе уставился на нее, но Вереск догадалась сразу.

— Ой! А котята-то! — вскричала она. — У Малышки Грей четверо родилось, а старый Черныш успел убить одного, прежде чем мы его остановили, но два или три еще живы, они с Тетушкой спят и с Бидди, особенно теперь, когда маленьких собачек забрали. Киски, киски! Где вы, киски? Кис-кис-кис! — И после довольно-таки длительных копаний, поисков в куче вещей, призывных мяуканий и прочих действий Вереск вынырнула откуда-то с сереньким котенком, который мяукал и старался вырваться. — Вот и один! — возвестила она и кинула его Ястребу, который довольно неуклюже поймал котенка на лету, и тот немедленно его цапнул.

— Ну-ну, успокойся, — приговаривал Ястреб. Очень тихое, но весьма грозное ворчание раздалось из-под его ладони, и котенок снова попытался его укусить. Тетушка Мох похлопала себя по колену, и Ястреб отдал ей котенка. Она погладила малыша своей тяжелой медлительной рукой, и котенок тут же вытянулся, подставил ей животик, потянулся и замурлыкал.

— Можно мне взять его на некоторое время?

Старая ведьма приподняла руку над котенком и совершенно королевским жестом повела ею в воздухе:

— С превеликой радостью. Он твой!

— Понимаешь, у этого вот Мастера Олдера весьма тревожные сны, и я подумал, что, может быть, если рядом с ним ночью будет какой-то зверек, это поможет ему снять тревогу.

Тетушка Мох с мрачным видом кивнула и, глянув на Олдера, подсунула ладонь под котенка, приподняла малыша и протянула ему. Олдер взял его довольно робко, но котенок не заворчал и кусаться не стал, а вскарабкался по его руке и плечу и прильнул к шее, прямо к ямке под за-

тылком, прикрытой зачесанными назад и довольно длинными волосами.

На обратном пути котенок забрался Олдеру под рубашку, и Ястреб пояснил:

— Однажды, когда я еще только начинал заниматься искусством магии, меня попросили вылечить одного мальчика от красной лихорадки. Я понимал, что мальчик умирает, но никак не мог смириться с этим и отпустить его. И попытался за ним последовать. Вернуть его назад. Через ту каменную стену... И упал возле его постели, и лежал, словно мертвый. И там была одна ведьма, которая догадалась, в чем дело, и она велела перенести меня в мой дом и уложить там на постель. А у меня дома жил один зверек, с которым мы подружились, когда я еще совсем мальчишкой жил на Роке. Это был совсем дикий зверек, который пришел ко мне по собственной воле и остался со мной. Отак. Ты отаков-то когда-нибудь видел?

Олдер колебался и ответил не сразу:

— Я знаю о них только из легенд. И героического сказания, в котором говорится, как... один великий волшебник прибыл ко двору правителя Терренона на острове Осскил. И отак пытался предупредить его о том, что за ним гонится оборотень. А потом волшебник с оборотнем сразился и победил его, но тот маленький зверек, отак, погиб, попавшись этому чудовищу в лапы.

Ястреб довольно долго молчал, шагая по тропе.

— Да, — промолвил он наконец. — Все верно. Но мой отак спас мне жизнь, когда я, охваченный собственными безумными устремлениями, оказался за каменной стеной; то есть тело мое осталось лежать здесь, а душа отправилась в неведомые странствия. Отак пришел и стал вылизывать меня — в точности как они вылизывают своих детенышей, как кошки вылизывают котят; он вылизывал меня своим сухим язычком терпеливо, усердно, каждым своим прикосновением возвращая меня назад, к жизни. И дар, который я получил от моего отака, — это не только жизнь, но и знание, столь же великое, как и все то, что я когда-либо узнал на Роке... Но ты же видишь, я все больше забываю то, что знал когда-то...

...Я сказал «знание», но это скорее тайна, — продолжал Ястреб. — Какова разница между нами и животными? Умение говорить? Все животные обладают той или иной формой речи, умением сказать «приходи» или «осторожнее!», да и многое другое; но они не умеют рассказывать истории, не умеют говорить лживые слова. Тогда как мы все это умеем...

Но драконы умеют говорить и пользуются Истинной Речью, Языком Созидания, на котором лгать невозможно, на котором рассказать историю уже означает создать ее в реальной действительности, выпустить в жизнь! И все же мы называем драконов животными!

Так что, возможно, разница не в языке, не в умении говорить. Может быть, она вот в чем: животные не совершают ни добрых, ни злых поступков. Они поступают так, как должны поступать. Мы можем называть их действия вредными или полезными, однако понятия «добро» и «зло» принадлежат нам, которые способны выбирать, как именно нам поступить и что сделать. Драконы опасны, это так. Они могут нанести страшный вред, и это тоже верно. Но они не являются носителями зла. Они недостижимы для нашей морали, если угодно, — как и любое другое животное, впрочем. Они выше этой морали. Или ниже ее. В этом отношении они не имеют с нами ничего общего.

Мы должны снова и снова делать свой выбор. А животным нужно только существовать. Мы под вечным ярмом, они же свободны. Так что когда ты живешь рядом с животным, то познаешь немножко свободы...

Прошлой ночью я все думал о том, почему ведьмы так часто заводят себе какого-нибудь четвероногого дружка. У моей тетки-ведьмы была старая собака, которая никогда не лаяла. Тетка называла его Гобефор, что означает «идущий впереди». А у Верховного Мага Неммерля, когда я впервые увидел его на Роке, был ручной ворон, который ходил за ним повсюду. И еще я вспомнил одну молодую женщину, которую знал когда-то; она носила на руке в виде браслета маленького дракончика харрекки... И, конечно же, я вспомнил о моем отаке. И мне пришло в голову вот что: если тебе для того, чтобы удержаться по эту сторону стены, нужно тепло живого прикосновения, то

почему бы рядом с тобой не быть какому-нибудь животному? Поскольку животные ведь видят жизнь, а не смерть. Возможно, какой-нибудь пес или кот в этом отношении не хуже настоящего Мастера из Школы Рока...

Так и оказалось. Котенок, явно довольный тем, что его забрали из дома, наполненного собаками и злобными взрослыми котами и петухами, а также от этой доброй, но совершенно непредсказуемой женщины по имени Вереск, изо всех сил старался показать, какой он надежный и благовоспитанный и как хорошо умеет ловить мышей. Он с удовольствием ездил на плече Олдера, спрятавшись под его волосами, когда ему было это позволено, и с мурлыканьем устраивался спать у него на груди, как только Олдер ложился в кровать. И Олдер крепко спал безо всяких страшных снов и просыпался оттого, что котенок, сидя у него на груди, с чрезвычайно добродетельным видом вылизывал ему уши.

Когда, однако, Ястреб попытался определить, какого котенок пола, тот заворчал и стал царапаться.

— Ну хорошо, — сказал Ястреб, поспешив убрать руки подальше от острых коготков. — Пусть будет по-твоему. В общем, Олдер, это либо кот, либо кошка, в этом я совершенно уверен.

— Я все равно не стану давать ему имени, — сказал Олдер. — Они уходят, будто гаснет пламя свечи, и если такому малышу дать имя, то горевать о нем будешь во много раз больше.

В тот день по предложению Олдера они отправились чинить изгородь и брели вокруг обнесенного изгородью козьего пастбища — Ястреб вдоль внутренней стороны изгороди, а Олдер вдоль внешней. Как только один из них обнаруживал, что столбики подгнили или ослабли крепления, Олдер проводил рукой по изгороди, что-то подправляя, что-то затыкая внутрь, что-то оглаживая или укрепляя, почти бессловесная и почти неслышимая песенка постоянно журчала где-то у него в горле, а лицо его становилось расслабленно-спокойным и очень внимательным.

Как-то раз, наблюдая за ним, Ястреб прошептал:

— И я когда-то принимал этот дар просто так!

Олдер, поглощенный работой, не спросил его, что он имеет в виду.

— Ну вот, — сказал он наконец, — теперь будет держаться. — И они двинулись дальше, преследуемые по пятам двумя весьма любопытными козами, которые бодали и били копытами в те самые, только починенные места в изгороди, словно желая проверить их на прочность.

— Я вот все думаю... — сказал Ястреб. — По-моему, тебе следовало бы поехать в Хавнор.

Олдер встревоженно на него посмотрел.

— Ах, — молвил он, — а я думал, что если теперь мне можно уже быть подальше от... от того места... я мог бы поехать домой, на остров Таон. — Он и сам, казалось, перестал верить в то, что говорит, еще не успев договорить до конца.

— Ты мог бы, но я не уверен, что это было бы достаточно мудро.

Олдер неохотно пробормотал:

— Слишком многого от котенка просить нельзя: ведь не может же он защитить от целого нашествия мертвецов!

— Это верно.

— Но я... что мне делать в Хавноре? — И он с неожиданной надеждой спросил: — А ты поедешь со мной?

Ястреб покачал головой:

— Я останусь здесь.

— Лорд Путеводитель...

— Послал тебя ко мне. А я посылаю тебя к тем, кому следует выслушать твою историю и выяснить, что все это значит... Уверяю тебя, Олдер, в глубине души Путеводитель считает, что я остался прежним. Он считает, что я просто скрываюсь здесь, в лесах Гонта, и непременно выйду на сцену, как только нужда станет особенно сильна. — Старик, опустив глаза, осмотрел свою пропотевшую залатанную одежонку, насквозь пропылившиеся башмаки и засмеялся. — Выйду на сцену во всем своем великолепии! — прибавил он. «Бе-е», — засмеялась у него за спиной коричневая коза. — Но тем не менее, Олдер, Путеводитель был глубоко прав, послав тебя сюда, поскольку она-то была бы здесь, если б не уехала в Хавнор.

— Леди Тенар?

— ХАМА ГОНДУН — так назвал ее сам Путеводитель, — промолвил Ястреб, глядя Олдеру прямо в глаза. — Женщина с Гонта. Техану.

Глава II

ДВОРЦЫ

Когда Олдер спустился к причалам, тот корабль, на котором он прибыл на Гонт, все еще был там и на него грузили лес; однако он понимал, что эти моряки ему уж точно не будут рады, и направился к стоявшему по соседству маленькому обшарпанному суденышку под названием «Красотка Роза».

Ястреб снабдил его пропуском за подписью самого короля и с королевской печатью — Руной Мира. «Он послал его мне на тот случай, если я вдруг передумаю, — сказал с усмешкой старик. — Так пусть этот пропуск хоть тебе послужит». Шкипер, после того как ему прочитали документ, стал услужливо извиняться за беспорядок и за то, что путешествие, видимо, получится долгим: «Красотка Роза» действительно направлялась в Хавнор, однако она собиралась совершить каботажное плавание, заходя по дороге чуть ли не в каждый порт, чтобы продать или купить там небольшие партии товаров, так что ей вполне мог потребоваться целый месяц, чтобы добраться до юго-восточной оконечности Великого Острова и до его столицы.

Но Олдер сказал, что его это вполне устраивает. Ибо если он и опасался самого путешествия, то прибытие на землю страшило его гораздо больше.

С новолуния до середины лунного месяца путешествие по морю оказалось для него одним из самых спокойных периодов жизни. Серый котенок оказался путешественником весьма мужественным и целыми днями деловито ловил на судне мышей, а ночью, как верный страж, всегда сворачивался клубком у Олдера на груди или рядом с его подушкой. И Олдер не переставал удивляться тому, как этот крошечный теплый живой комочек умудряется отгородить его от той каменной стены и от голосов, чей зов слышится из-за нее. Однако совсем забыть о них он так и не мог. Они были там, с ним рядом, скрытые лишь полупрозрачной пеленой, и во тьме, и при ярком солнечном свете. Когда теплыми летними ночами Олдер спал на палубе, то часто открывал глаза и смотрел, как движутся звезды в такт покачивавшемуся на волнах кораблю и каждая следует своим собственным курсом через небосвод на запад. Но память о тех неподвижных звездах по-прежнему не давала ему покоя. Впрочем, за две недели плавания вдоль берегов островов Камебер и Барниск, где судно повернуло наконец к Хавнору, он тоже успел как бы повернуться спиной к преследующим его призракам.

Несколько дней он наблюдал, как котенок охотится на молодую крысу почти такого же размера, что и он сам. Глядя, как малыш, стараясь изо всех сил, горделиво тянет через палубу крепежный канат, один из моряков прозвал его Буксирчиком. Олдер не возражал.

Проплыв по проливам Эбавнора, они вошли наконец в гавань Хавнора, и перед ними, по ту сторону залитого солнцем залива, прямо из воды выросли белые башни столицы, окутанные туманной дымкой. Олдер не мог оторвать глаз от самой высокой из башен, на вершине которой серебристо светился меч Эррет-Акбе.

В эти мгновения ему больше всего хотелось остаться на борту судна, никогда не сходить на берег и смотреть на этот великий город лишь издали; и не передавать знатным людям во дворце письмо, написанное Ястребом королю, ибо он понимал, что в посланники совершенно не годится. И почему столь тяжкую ношу взвалили именно на его плечи? Разве возможно, чтобы какой-то деревенский колдун, который понятия не имеет о высших материях и искусствах, был призван совершать далекие путешествия с острова на остров, от Верховного Мага к королю, из страны живых в царство мертвых?

Он и Ястребу говорил нечто подобное. «Это ведь куда выше моих возможностей», — сказал он тогда. И старый маг долго смотрел на него, а потом, назвав его Истинным именем, промолвил: «Мир действительно велик и стра-

нен, Хара, однако же он не более велик и странен, чем наши души. Подумай об этом».

За городом стеной стояли темные грозовые тучи, проливавшие дождь где-то над внутренними районами острова. И на этом черно-лиловом фоне башни дворца горели белым пламенем, а чайки метались над морем, точно гонимые ветром белые искры этого огня.

«Красотка Роза» причалила к пристани, и моряки спустили сходни и тепло попрощались с Олдером. На этот раз они желали ему всего наилучшего. Он закинул на плечо дорожный мешок, взял в руку корзинку для кур, в которой терпеливо переносил очередное перемещение в пространстве котенок Буксирчик, и сошел на берег.

Улиц оказалось слишком много, и все были забиты народом, но путь ко дворцу Олдер нашел сразу и, не сумев придумать ничего лучше, сразу отправился туда и сказал, что привез письмо для короля от Верховного Мага Ястреба.

Однако это ему пришлось повторить еще много-много раз.

От одного стражника к другому по бесчисленным лестницам и приемным, из кабинета одного придворного в кабинет другого, по роскошным коврам, мимо увешанных гобеленами стен, по полам, выложенным мраморной плиткой и драгоценными породами дерева, под украшенными лепниной потолками и резными балками шел Олдер, без конца повторяя, точно заклинание: «Я прибыл от Верховного Мага Ястреба с письмом к королю, которое передам ему только в собственные руки». Целая толпа подозрительных придворных тащилась уже за ним следом, страшно мешая, затрудняя и без того слишком медлительное путешествие по залам и коридорам дворца.

И вдруг все исчезли. И какая-то дверь сама собой открылась перед Олдером и тут же закрылась за ним.

Он оказался в тихой просторной комнате, широкое окно которой поверх городских крыш смотрело на северо-запад. Грозовая туча рассеялась, и светло-серая округлая вершина горы Онн высилась над столицей и всеми прочими горами и холмами.

В дальней стене открылась другая дверь, и в комнату

вошел молодой мужчина, примерно ровесник Олдера, одетый в черное. Двигался он легко; красивое мужественное лицо его было точно отлито из бронзы. Он подошел прямо к Олдеру и сказал:

— Здравствуй, Мастер Олдер, я — Лебаннен.

И протянул правую руку, чтобы, по обычаю Энладских островов, коснуться ею руки Олдера. Олдер машинально ответил на знакомое с детства приветствие и подумал вдруг, что следовало бы не обмениваться рукопожатием, а преклонить колена или, по крайней мере, низко поклониться, однако момент для этого был уже упущен. И он застыл, совершенно онемев от смущения.

— Значит, ты от лорда Ястреба? Как он там? Здоров ли?

— Да, господин мой. И он посылает тебе... — Олдер принялся судорожно рыться в карманах куртки в поисках письма, которое намеревался подать королю, опустившись перед ним на колени в тронном зале, где король будет восседать на троне Морреда, — ...вот это письмо, господин мой.

Глаза, следившие за его действиями, смотрели живо, но взгляд оставался вежливо-спокойным, и были глаза эти почти столь же непроницаемы и остры, как и у Ястреба, только, пожалуй, в них чувствовалось больше чувства, души. Король с изысканным поклоном взял письмо, поданное ему Олдером, и благодарно заявил:

— Любой человек, принесший мне от моего Учителя хотя бы слово, навсегда обретает мою сердечную благодарность и становится желанным гостем в моем доме. Надеюсь, ты меня извинишь? Я бы хотел это прочесть.

Олдер наконец заставил себя поклониться, и король отошел с письмом в руке к окну.

Он прочитал его дважды с начала и до конца, потом аккуратно свернул и спрятал. Лицо его, однако, по-прежнему оставалось совершенно бесстрастным. Он подошел к двери и что-то сказал тем, кто, видимо, ждал его распоряжений по ту ее сторону. Затем снова повернулся к Олдеру и сказал:

— Прошу тебя, присядь, и я сяду с тобою рядом. Сейчас нам принесут перекусить. Я знаю, ты ведь с самого утра по дворцу бродишь. Если бы у капитана дворцовой

стражи хватило ума послать мне соответствующее донесение, я легко мог бы избавить тебя от многочасового лазания по лестницам и посещения бесчисленных кабинетов моих придворных. А ты что же, жил у моего Учителя? В его доме на утесе?

— Да.

— Как я тебе завидую! А вот мне там никогда жить не доводилось. Я его не видел с тех пор, как мы расстались на острове Рок, — ровно полжизни. Он не позволяет мне навещать его. И сам не пожелал прибыть даже на мою коронацию. — Лебаннен улыбнулся так, словно все сказанное не имеет для него ни малейшего значения. — Но именно он подарил мне мое королевство! — прибавил он с гордостью и грустью.

Потом встал и кивком предложил Олдеру занять место за небольшим столиком. Столешница была изысканно инкрустирована сложным орнаментом из слоновой кости и серебра: листья и цветы ясеня переплетались с тонкими шпагами, отчасти скрывая их.

— Удачным ли было твое путешествие? — спросил король и задал еще несколько подобных светских вопросов, пока слуга расставлял на столике тарелочки с закуской — холодным мясом, копченой форелью, салатом и сыром. Лебаннен, подавая Олдеру пример, ел с отменным аппетитом, то и дело подливая в тончайшие хрустальные бокалы вино, цвет которого напоминал Олдеру золотистый топаз. Через некоторое время король поднял свой бокал и сказал: — За моего Учителя и дорогого друга!

— Да, за него, — прошептал Олдер и выпил до дна.

Лебаннен также много расспрашивал его об острове Таон, который посетил несколько лет назад. Олдер помнил то возбуждение и восторг, которые царили на острове, когда король прибыл в Меони. Потом Лебаннен вспомнил, что у него во дворце есть несколько музыкантов с Таона, арфистов и певцов, и спросил, не знакомы ли Олдеру их имена. Действительно, некоторые имена оказались ему хорошо знакомы. В общем, король очень хорошо умел сделать так, чтобы в его обществе гость чувствовал себя легко и непринужденно. Ну и, конечно же, Олдеру очень помогли в этом отношении вкусная еда и замечательное вино.

Когда оба насытились, король вновь наполнил бокалы и сказал:

— Между прочим, письмо Ястреба в основном касается тебя. Ты это знал? — Свой вопрос он задал почти таким же легким светским тоном, как и прежде, и Олдер даже несколько растерялся.

— Нет, — ответил он.

— А представляешь ли ты, о чем в этом письме может идти речь?

— Возможно, о моих снах. — Это Олдер сказал очень тихо, потупившись.

Король некоторое время испытующе смотрел на него. В его пристальном взгляде не было ничего обидного, и все же Олдеру казалось, что его выворачивают наизнанку. Затем Лебаннен вынул письмо Ястреба и протянул его Олдеру.

— Но, господин мой, я ведь почти не умею читать!

Лебаннен совсем не удивился — среди колдунов лишь некоторые умеют читать, — но явно пожалел, что так неуклюже поставил гостя в неловкое положение. Его золотисто-бронзовые щеки залил темный румянец, и он сказал:

— Прости меня, пожалуйста, Олдер! Можно, я прочту тебе, что он тут пишет?

— Пожалуйста, господин мой, прошу вас! — Смущение короля на мгновение заставило Олдера почувствовать себя как бы его ровней, и он впервые за все это время заговорил тепло и естественно.

Лебаннен пропустил слова приветствия и несколько первых строчек, а затем стал читать вслух:

— «...и Олдер с острова Таон, податель сего письма, является тем самым человеком, которого мертвецы зовут во сне — и отнюдь не по его воле — в свою страну, ту самую, которую когда-то нам с тобой довелось вместе пересечь. Он расскажет тебе о своих страданиях, которые уже стали прошлым, и о тех переменах, которые происходят непрестанно, хотя кажется, что вокруг ничто не меняется. Мы с тобой закрыли дверь, отпертую Кобом. Но теперь,

возможно, расшаталась сама стена. Олдер уже побывал на Роке, но только Азвер сумел как следует услышать его. Надеюсь, что и господин мой король услышит его и поступит так, как подскажет ему его мудрость и как того потребует необходимость. Надеюсь также, что Олдер передаст мое неизбывное уважение, любовь и покорность тебе, господин мой и мой король, а также — леди Тенар и моей дорогой Техану». — Лебаннен закончил читать письмо и сказал: — А далее следует подпись в виде Руны Когтя. — Он посмотрел Олдеру прямо в лицо, тот глаз не отвел. И король попросил: — Расскажи мне, что тебе снится.

И Олдер в очередной раз рассказал, что с ним произошло.

Он рассказывал об этом поспешно и не слишком складно. Когда он рассказывал свою историю Ястребу, то хоть и испытывал перед ним страх, смешанный с восхищением, все же видел, что бывший Верховный Маг выглядит, одевается и живет, как все простые люди, как любой крестьянин или колдун вроде самого Олдера. Именно эта простота и победила в душе Олдера страх, заставила преодолеть возникшую первоначально скованность. Но каким бы добрым и вежливым ни казался король Лебаннен, он все же выглядел как настоящий король и вел себя тоже как настоящий король. Он действительно был настоящим королем, и для Олдера расстояние между ними было поистине непреодолимо. Так что он спешил как можно меньше обременять своего слушателя подробностями и с облегчением вздохнул, завершив рассказ.

Лебаннен тут же задал ему несколько вопросов. Сколько раз Лили и Ганнет прикасались к Олдеру? Один или несколько? Было ли прикосновение Лили тоже обжигающим?

Олдер показал ему свою руку: под слоем месячного загара отметины на коже стали почти незаметны.

— Мне кажется, все те люди у стены хотели бы ко мне прикоснуться, — сказал он. — Если бы я, конечно, подошел поближе.

— А ты старался держаться от них подальше?

— Да.

— И все они были совершенно тебе не знакомы?

— Нет. Иногда мне казалось, что кого-то я узнаю.

— Но сам ты никогда не мог найти среди них даже свою жену?

— Их там такое множество, господин мой! Порой мне казалось, что я вижу ее в толпе. Но как следует разглядеть ее лицо я не мог.

Вопросы Лебаннена вновь как бы приблизили его к границе темной страны, и он чувствовал, что в его душе опять начинает клубиться страх. Ему вдруг подумалось, что стены дворца могут растаять, исчезнут и это вечернее небо, и плывущая в вышине вершина горы — точно это не реальность, а всего лишь декорация, и, стоит раздернуть занавес, и он, Олдер, снова окажется там, на холме, покрытом серой травой, возле каменной стены...

— Олдер!

Он вздрогнул и посмотрел на Лебаннена. Голова кружилась, комната казалась освещенной слишком ярко, однако лицо короля он воспринимал ясно: живое лицо с четкими и суровыми чертами.

— Так ты останешься здесь, во дворце?

Это было приглашение, но Олдер лишь молча кивнул, в данный момент воспринимая слова короля как приказ.

— Вот и хорошо. Я обо всем позабочусь. Завтра же ты собственноручно передашь послание моего дорогого Учителя госпоже Техану. И я уверен: наша Белая Дама тоже непременно захочет побеседовать с тобой.

Олдер поклонился. Лебаннен на него уже не смотрел.

— Господин мой...

Лебаннен тут же повернулся к нему.

— Можно мне взять с собой своего кота?

Король воспринял эту просьбу совершенно серьезно; ни тени улыбки не промелькнуло на его устах.

— Разумеется.

— Господин мой, мне до глубины души жаль, что я принес вести, которые тебя так тревожат!

— Каждое слово от того человека, который тебя послал, — это милость как для меня, так и для того, кто это слово мне передал. И, по мне, куда лучше получать дурные вести от хорошего и честного человека, чем хорошие,

но лживые — от льстеца! — И Олдер, услышав в этих страстных словах Лебаннена знакомый акцент своей родины, даже немного повеселел.

Король вышел, и тут же в комнату заглянул какой-то человек и предложил:

— Я провожу вас в ваши покои, господин мой, если вам будет угодно. — Он держался с достоинством, был уже немолод и отлично одет. Олдер послушно последовал за ним, не представляя, знатен он или же это просто слуга, а потому и не решаясь спросить у него о котенке. Прежде чем войти в ту комнату, где он разговаривал с королем, он оставил корзинку с котенком за дверью — по настоянию многочисленных придворных и стражников, которые посматривали на нее с подозрением, а увидев в ней кота, стали весьма неодобрительно качать головой. Олдеру раз десять или пятнадцать подряд пришлось объяснять, что он взял котенка с собой, потому что ему негде было его оставить. Теперь та приемная, где он оставил корзинку, была далеко-далеко, они ни разу не прошли мимо нее, петляя по бесконечным коридорам, и сам он, конечно же, отыскать ее не сумеет...

Наконец они остановились. Провожатый поклонился и вышел, оставив Олдера в небольшой и очень красивой комнате с гобеленами на стенах и ковром на полу. У окна, смотревшего прямо на гавань, стояло удобное кресло с подушками, украшенными дивной вышивкой. На столе Олдер увидел блюдо со свежими фруктами и кувшин с водой. В комнате была и его корзинка с крышкой!

Он открыл ее. Котенок не спеша вылез оттуда и лениво потянулся, точно всю жизнь прожил во дворцах, понюхал пальцы Олдера, приветствуя хозяина, и двинулся в обход, осматривая каждую вещь. Обнаружив закрытый занавесом альков с широкой удобной кроватью, он тут же вспрыгнул на кровать. В дверь осторожно постучали, и вошел молодой человек с большим плоским ящиком в руках. Человек поклонился Олдеру и застенчиво сообщил:

— А это песочек, господин мой. — Он поставил ящик в дальний угол алькова, снова поклонился и вышел.

— Ну что ж, — сказал Олдер Буксирчику, садясь на кровать. Он, в общем-то, не привык еще беседовать с котенком. Пока что их отношения сводились к молчаливым доверительным прикосновениям. Но сейчас поговорить хоть с кем-нибудь было ему просто необходимо! — Вот я и познакомился с нашим королем!

А королю пришлось переговорить с огромным количеством людей, прежде чем он смог наконец сесть на свою кровать. И главными среди них были послы Верховного Правителя Каргада. Они, собственно, уже собирались уезжать, закончив свою миссию к полному своему удовлетворению, хотя самого Лебаннена итог их встречи не удовлетворил совершенно.

Он заранее готовился к визиту этих послов. Это была кульминация, которой предшествовала многолетняя увертюра, долгое ожидание, бесконечная переписка и переговоры. В течение первых десяти лет своего правления Лебаннен не достиг ровным счетом никаких перемен во взаимоотношениях с каргами. Прежде Король-бог, восседавший на троне в Авабатхе, отвергал любые предложения о переговорах, о заключении мирных и торговых сделок и неизменно отсылал посланников Лебаннена назад, даже не выслушав их и упорно заявляя, что боги не вступают в переговоры со смертными, испорченными колдовством, и уж в последнюю очередь они, боги, стали бы говорить с самими «проклятыми колдунами». Однако провозглашение Королем-богом божественной Империи Каргад отнюдь не повлекло за собой очередной атаки огромного каргадского флота на западные острова, и тысячи кораблей с кровожадными воинами, украшенными перьями, на борту остались в каргадских гаванях. Даже налеты каргадских пиратов, столько веков опустошавших восточные острова Архипелага, постепенно почти прекратились, ибо пираты превратились в контрабандистов и торговцев, которых больше интересовала возможность выменять любые товары, иногда и незаконно вывозимые с Карего-Ат, на железо, сталь и бронзу, ибо Каргадские острова всегда были бедны полезными ископаемыми, особенно рудами металлов.

Именно контрабандисты и принесли впервые весть об укреплении власти Верховного Правителя Каргада.

На большом и бедном острове Гур-ат-Гур, самом восточном из всех Каргадских островов, некий военачальник Тхол заявил, что является прямым потомком короля Торега из Гупуна, а также бога Вулуа, одного из Богов-Близнецов, и провозгласил себя Верховным Правителем. Затем он завоевал остров Атнини и, используя флот и сухопутные войска обоих островов, Гур-ат-Гура и Атнини, захватил власть и над богатым центральным островом Карего-Ат. Пока его воины с боями брали Авабатх, столицу и главный город острова, жители Авабатха подняли мятеж. Люди перерезали всех высших жрецов, изгнали из храмов всех священнослужителей, а из дворца — всех прислужников Короля-бога и распахнули перед Тхолом двери города. Они радостно приветствовали Тхола как Верховного Правителя и сами возвели его на трон Торега, устроив пышное шествие со знаменами и танцами.

А Король-бог бежал с остатками своих сторонников в одно из каргадских Святых Мест — в Гробницы Атуана. И там в пустыне, в храме Короля-бога, близ разрушенной землетрясением святыни Безымянных, один из жрецов-евнухов перерезал Королю-богу горло.

Итак, Тхол провозгласил себя Верховным Правителем четырех Каргадских островов, и Лебаннен, как только до него дошли вести об этом, направил туда своих послов, приветствуя нового короля и заверяя его в самых дружеских чувствах со стороны народов Архипелага.

Затем последовали пять лет трудных и изнурительных дипломатических переговоров. Тхол правил жестко, зачастую проявляя настоящую дикарскую свирепость, ибо его неустойчивому трону вечно грозила опасность. После крушения теократического правления Короля-бога власть Тхола на островах, в сущности, зависела от случая, ибо здесь любой авторитет был под вопросом. Менее значительные царьки и правители не унимались и то и дело начинали тоже претендовать на королевский трон; их приходилось покупать, угрозами доводить до полной покорности или попросту убивать. Сектанты все время норовили вылезти из своих нор, разнообразных святилищ и

пещер, завопить: «Горе Всемогущему!» — и предсказать землетрясения, цунами или страшную эпидемию. Управляя мятежной и раздробленной империей, Тхол вряд ли мог возлагать какие-то надежды на положительное отношение к нему жителей благополучных островов Архипелага.

И он воспринимал как совершенно пустые все разговоры короля Лебаннена о дружбе, о сохранении Кольца Мира. Да разве сами карги не имеют права владеть этим Кольцом? Это верно, когда-то в древности Кольцо Мира было сделано на одном из далеких западных островов, но верно также и то, что много веков назад король Торег из Гупуна принял это кольцо в дар от Эррет-Акбе в знак дружбы между каргадскими и ардическими землями. А потом Кольцо Мира исчезло, а между Каргадом и островами Архипелага постоянно велись войны, и никакой дружбы между ними не существовало. Но затем этот маг по кличке Ястреб отыскал Кольцо в Гробницах Атуана и выкрал его, а вместе с ним выкрал и Верховную Жрицу Гробниц, которую вместе с Кольцом увез в Хавнор. Ну и довольно с него, Тхола, разговоров о том, что жителям западных островов можно доверять!

Посылая своих эмиссаров, Лебаннен терпеливо и вежливо доводил до сведения Тхола, что Кольцо Мира было, если уж с чего-то начинать, подарком Морреда Эльфарран, драгоценной реликвией, оставшейся после смерти самых любимых народом короля и королевы Архипелага. А также — вещью в высшей степени священной, ибо на нем была начертана Связующая Руна, могущественное благословляющее заклятие. Примерно четыре столетия назад Эррет-Акбе действительно отвез Кольцо на Каргадские острова как залог нерушимого мира. Однако жрецы Авабатха нарушили договор и сломали Кольцо. И всего лет сорок назад знаменитый волшебник Ястреб с острова Рок и Тенар с острова Атуан исцелили Кольцо. Как же теперь не говорить о мире?

Таково было основное содержание его бесконечных посланий Верховному Правителю Тхолу.

И примерно месяц назад, летом, вскоре после Долгого Танца, целая флотилия кораблей вошла в проливы мимо

острова Фелкуэй, поднялась по узким фьордам Эбавнора и между скалами, точно ворота охранявшими вход в гавань Хавнора, направилась к причалам. Это были длинноносые корабли, выкрашенные красной краской и с красными парусами; на борту у них были украшенные перьями воины и эмиссары Верховного Правителя Каргада в немыслимо пышных одеяниях. Также там были замечены и каргадские женщины, с головы до ног закутанные в покрывала.

«Пусть же дочь Тхола, Верховного Правителя Каргада, восседающего ныне на троне великого Торега и являющегося прямым потомком великого Вулуа, носит на своей руке Кольцо Мира, подобно королеве Эльфарран с острова Солеа, и пусть это станет знаком вечного мира между западными и восточными островами!» Так гласило послание Тхола королю Лебаннену. Послание было написано крупными ардическими рунами на пергаментном свитке, но, прежде чем вручить его королю Лебаннену, посланник Тхола прочел его вслух — чтобы слышали все! — во время приема, устроенного в честь столь представительной делегации в королевском дворце Хавнора, где присутствовал практически весь двор. Возможно, именно потому, что посол не столько читал послание, сколько выкрикивал по памяти каждое его слово, послание это прозвучало как ультиматум.

Сама же принцесса Каргада не сказала ни слова. Она стояла, окруженная десятком своих горничных или рабынь, сопровождавших ее во время путешествия в Хавнор, и придворные дамы, торопливо сменяя одна другую, выражали ей свое почтение и предлагали разнообразные услуги. Принцесса скрывалась под покрывалом, как то и полагалось знатным женщинам с острова Гур-ат-Гур. Это легкое покрывало красного цвета с изящной вышивкой золотом спадало с полей странноватого головного убора, весьма напоминавшего шляпу, и сама принцесса в нем была похожа на красный столб — безликая, неподвижная, молчаливая.

— Верховный Правитель Тхол оказывает нам великую честь, — сказал Лебаннен своим чистым, спокойным голосом. Он немного помолчал и обратился непосредственно к закутанной в покрывало принцессе: — Добро пожаловать в Хавнор, принцесса! — Принцесса не шелохнулась. Лебаннен, словно не заметив этого, велел: — Пусть досточтимую принцессу устроят в Речном Дворце — так, как того пожелает она сама.

Речной Дворец представлял собой прекрасное небольшое здание на северной окраине столицы, встроенное прямо в старинную городскую стену и украшенное просторными балконами-террасами, нависавшими над небольшой речкой Серренен. Дворец был построен еще королевой Геру, и потому его часто называли Домом Королевы. Когда Лебаннен взошел на трон, он приказал отремонтировать здание, сменить мебель и занавеси, а затем привел в порядок дворец Махариона, который стали называть Новым Дворцом и в котором теперь обитал сам Лебаннен. Речным Дворцом он пользовался только во время летних празднеств, а также иногда удалялся туда на несколько дней, чтобы отдохнуть от шумной дворцовой жизни.

И вот сейчас легкий шепоток пролетел по толпе придворных. Как? В Дом Королевы?

Обменявшись формальными любезностями с каргадскими эмиссарами, Лебаннен покинул зал и направился в свои покои, где смог наконец остаться в одиночестве настолько, насколько это позволено королю, — при нем был только его старый слуга Оук, которого Лебаннен знал с рождения.

Король Земноморья с гневом швырнул позолоченный свиток на стол и воскликнул:

— Сыр в мышеловке! — Его трясло от гнева. Выхватив из ножен кинжал, который он всегда носил с собой, он что было сил рубанул по свитку. — Партия разыграна отлично: у нее на руке Кольцо Мира, а у меня на шее — удавка!

Оук смотрел на него в недоумении. Даже в детстве принц Энлада Аррен никогда не терял самообладания! Мог, конечно, порой уронить одну-две слезинки да разок горько всхлипнуть, но не больше. Он был слишком хорошо воспитан и прошел отличную выучку, чтобы давать волю своему гневу или обиде. Став королем — причем за-

служив свое королевство тем, что пересек царство мертвых! — он мог быть порой излишне суров, но никогда, как казалось Оуку, гордость и самообладание не позволяли ему показывать другим свой гнев.

— Нет, я не дам себя использовать! — прорычал Лебаннен и снова рубанул кинжалом по свитку. Лицо его потемнело от гнева, глаза стали словно незрячими, так что перепуганный старый слуга даже отшатнулся от него.

Лебаннен, впрочем, отлично это заметил. Он всегда успевал все замечать!

Он тут же сунул кинжал в ножны и сказал уже куда спокойнее:

— Клянусь моим именем, Оук, я уничтожу Тхола и все его королевство, но не позволю превратить меня в скамеечку для ног при его троне! — Потом он наконец перевел дыхание и сел, позволив Оуку снять с его плеч тяжелый, богато расшитый золотом королевский плащ.

Оук ни словом, ни вздохом никому не обмолвился об этой сцене, однако же во дворце мгновенно поползли слухи о том, что именно король намерен сделать с этой каргадской принцессой, а может, уже и сделал.

Он ведь так и не сказал, принимает ли он предложение взять принцессу в жены! Тогда как все сходились во мнении, что она была предложена ему именно в этом качестве. Слова по поводу Кольца Эльфарран весьма слабо скрывали истинный смысл этого предложения, или сделки, или даже угрозы. Однако Лебаннен не ответил: не сказал ни «да», ни «нет». Пока что его ответ Правителю Каргада (бесчисленное множество раз повторенный придворными) заключался в том, что принцессу рады видеть в Хавноре в качестве гостьи, что все здесь будет устроено для нее так, как она сама пожелает, и что жить ей следует в Речном Дворце: в Доме Королевы. Разумеется, это было неспроста! Но, с другой стороны, почему же не в Новом Дворце? Зачем отсылать ее на противоположный конец города?

С момента коронации Лебаннена дамы из знатных семейств и принцессы из старинных княжеских родов Энлада и Эа, а также из Шелитха приезжали с визитами в королевский дворец — просто погостить или войти в число придворных Лебаннена. Всех их принимали и развлекали поистине по-королевски, и сам король с удовольствием танцевал у них на свадьбе, когда они, одна за другой, выходили за представителей столь же знатных родов или же за людей менее знатных, но достаточно богатых. Было хорошо известно, что король любит женское общество и женские советы, что он охотно станет флиртовать с хорошенькой девушкой и пригласит себе в советчицы умную женщину, которая, впрочем, тоже сможет его и поддразнить, и утешить. Но никогда даже и намека не было на то, что король намерен на ком-то из них жениться. И ни одну из этих дам никогда не селили в Речном Дворце!

У короля должна быть королева, неустанно повторяли его советники.

«Послушай, Аррен, тебе действительно пора жениться»,— сказала ему мать, когда он в последний раз видел ее живой.

«Неужели у истинного наследника Морреда не будет собственного наследника?» — удивлялся простой народ.

И всем им разными словами и способами он отвечал одно: дайте мне время. Королевство лежит в руинах, его нужно восстанавливать. Дайте мне возможность построить такой дом, который будет достоин моей королевы, и такое королевство, которым сможет легко управлять мой сын. И поскольку Лебаннена действительно очень любили, поскольку все верили в него, поскольку он все еще был достаточно молод, ему всегда удавалось уйти из рук самых ловких и целеустремленных девиц и в очередной раз мрачно заявить, что еще не пора.

Интересно, а что там, под этими неподвижными красными покрывалами? Кто там, внутри этого закрытого шатра? Придворные дамы, приписанные к свите принцессы, терялись в догадках. Хорошенькая ли она? Или безобразная? Правда ли, что она высокая и худая? А может, она — приземистая коротышка, белая как молоко и вся в оспинах? Или одноглазая? Волосы у нее, конечно, этого противного желтого цвета, как у всех каргов! А может, черные? Говорят, ей уже сорок пять! Хотя кто-то сказал, что всего десять и она просто болтливая дурочка. Хо-

дили слухи и о том, что принцесса — невероятная красавица.

Постепенно слухи приобрели как бы одно направление. Она молода, хотя уже и не ребенок; волосы у нее не желтые, но и не черные; она довольно хорошенькая, по мнению некоторых придворных дам; несколько грубовата, говорили другие. Но все дружно утверждали, что принцесса ни слова не знает из ардического языка и учить его не желает. Обычно она прячется за спинами своих служанок, а будучи вынужденной покинуть свои покои, тут же скрывается под красным покрывалом, скорее напоминающим шатер. Стало известно, что король нанес ей визит вежливости, но она ему даже не поклонилась и опять не сказала ни слова; она даже никакого приветственного жеста не сделала! Просто стояла и молчала, «как каминная труба из красного кирпича», по словам старой леди Йесы, возмущенной поведением принцессы до глубины души.

Лебаннен попытался говорить с принцессой через переводчиков, людей, которые когда-то служили его посланниками на Каргадских островах, а также с помощью посла Каргада, который очень хорошо знал ардический. С огромным трудом ему удалось передать ей свои комплименты и вопросы относительно ее собственных пожеланий и добиться какого-то ответа. Переводчики поговорили также со служанками принцессы, у которых покрывала были гораздо короче и не такие непроницаемые. Затем служанки собрались вокруг своей госпожи, попрежнему похожей на неподвижно застывший красный столб, долго шептались и бормотали и наконец сообщили переводчикам, а те — королю, что принцесса всем довольна и ей ничего не требуется.

Принцесса Каргада прожила в Речном Дворце уже недели две, когда в Хавнор с Гонта прибыли Тенар и Техану. Лебаннен специально отправил за ними корабль с письмом, в котором умолял их приехать, хотя тогда каргадская принцесса еще не прибыла во дворец и никаких сложностей ни с ней, ни с королем Тхолом еще не возникло. В самый же первый раз, как только Лебаннен остался с Тенар наедине, он с отчаянием воскликнул:

— И что же мне с нею делать? Как поступить?

— Расскажи-ка мне обо всем подробно, — спокойно попросила Тенар, глядя на него, впрочем, с некоторым удивлением.

За эти годы Лебаннен не так уж много раз виделся с Тенар, хотя они переписывались. Она постарела, и ему было трудно привыкнуть к ее седым волосам. И она казалась ему меньше ростом, чем он ее помнил. И все же в ее обществе он сразу почувствовал себя таким, каким был пятнадцать лет назад. И он знал, что может сказать ей все, что угодно, и она все непременно поймет.

— Целых пять лет я налаживал торговлю с Каргадом, стараясь поддерживать с Тхолом мир, ибо он прежде всего военачальник и прежде всего думает о войне, а я не хочу, чтобы мое королевство грабили, как это было при правлении Махариона, драконы с запада, а пиратствующие правители — с востока. Я правлю под Знаком Мира! Все, в общем, шло довольно неплохо, пока не случилось вот это. Пока он не прислал эту девицу и не заявил, что если мы хотим мира, то должны надеть ей на руку Кольцо Эльфарран. Твое Кольцо, Тенар! Твое и Геда!

Помолчав, Тенар возразила:

— Но она все же, в конце концов, его дочь.

— Что значит дочь для короля варваров? Всего лишь товар! Товар, с помощью которого можно заключить удачную сделку. Ты же прекрасно это понимаешь! Ты же родилась там!

Не похоже это было на него — так говорить, — он и сам это понимал. Он опустился на колени, поймал руку Тенар и прижал к глазам в знак раскаяния.

— Тенар, прости меня! Вся эта история раздражает меня донельзя. И я совершенно не представляю, что мне делать с этой девицей!

— Ну, поскольку ты ничего с ней и не делаешь, можешь пока подрейфовать на просторе... воспользоваться свободным временем и все обдумать. А может, у этой принцессы есть какие-то свои соображения на сей счет?

— Откуда у нее какие-то соображения? Она же все время прячется в своем красном мешке! И не желает не только разговаривать, но даже выглянуть наружу. Да она

отлично сыграла бы роль крепежного шеста для солдатской палатки! — Лебаннен попытался рассмеяться собственной шутке. Его беспокоило собственное отвращение к этой незнакомой девушке, и он пытался как-то его погасить. — Дело в том, что все это произошло как раз тогда, когда пришли весьма тревожные вести с запада. Я ведь из-за них и просил вас с Техану приехать. Я не собирался забивать вам голову всей этой чепухой насчет женитьбы.

— Это совсем не чепуха, — сказала Тенар, но Лебаннен решительно сменил осточертевшую ему тему и заговорил о драконах, поскольку вести с запада были действительно очень тревожные.

Какое-то время Лебаннен вообще не вспоминал каргадскую принцессу — по крайней мере, большую часть времени он был занят совсем другими делами. Однако он прекрасно понимал, что не в его привычках игнорировать одно дело государственной важности за счет другого. И через несколько дней после разговора с Тенар он попросил ее посетить принцессу и попытаться вызвать ее на разговор. В конце концов, заключил он свою просьбу, они ведь говорят на одном языке.

— Я попробую, — сказала Тенар. — Я никогда не говорила прежде с жителями острова Гур-ат-Гур. На Атуане их считали варварами.

Это был упрек, и Лебаннен отлично все понял. Однако Тенар, разумеется, сделала то, о чем он ее просил, и вскоре сообщила, что они с принцессой отлично поняли друг друга, но девушка даже не представляла себе, что в мире могут существовать какие-то еще языки, кроме ее родного, и считала, что все здесь — придворные, дамы, слуги — просто злые безумцы, которые нарочно дразнят ее, болтая по-звериному и делая вид, что не знают человеческой речи. Насколько поняла Тенар, принцесса выросла в пустыне, в родовом поместье Тхола на острове Гур-ат-Гур, и лишь очень недолго прожила в императорском дворце в Авабатхе, а потом ее отослали в Хавнор.

— Она очень напугана, — сказала Тенар.

— И поэтому скрывается под своим колпаком? Да кем она, собственно, меня считает?

— А кем ей тебя считать? Она ведь тебя совершенно не знает.

Лебаннен нахмурился.

— Сколько ей лет?

— Совсем молоденькая. Но уже не девчонка.

— Я не могу жениться на ней, — сказал он с неожиданной решимостью. — Я отошлю ее назад.

— Возвращенная назад невеста будет обесчещена. И Тхол, вполне возможно, просто убьет дочь, чтобы смыть позорное пятно со своего рода. И наверняка посчитает, что ты намеренно сделал это, желая обесчестить его самого.

Лебаннен глянул на Тенар с такой яростью, что она поспешила предупредить очередной взрыв гнева и сухо заметила:

— Варварские обычаи, ничего не поделаешь.

Лебаннен, размахивая руками, несколько раз пробежался по комнате и только потом заговорил:

— Ну что ж. Но я никогда не назову эту девицу королевой и не возведу ее на трон Морреда! Скажи, можно ли научить ее говорить по-ардически? Может она выучить хотя бы несколько слов? Или ее вообще ничему научить невозможно? Я велю передать Тхолу, что король ардического государства не может взять в жены женщину, которая не говорит на его языке. И мне все равно, приятно ему это будет слышать или нет. Ничего, хорошая оплеуха ему не повредит! К тому же это даст мне некоторую отсрочку.

— И ты попросишь ее выучить ардический язык?

— Как я могу попросить ее о чем-нибудь, если она все мои слова воспринимает как бред сумасшедшего? И какой, собственно, прок от моих визитов к ней? Я думал, что, может, ты все объяснишь ей, Тенар... Ты же видишь, какой обман пытается совершить Тхол, используя собственную дочь для того, чтобы завладеть Кольцом Мира — тем Кольцом, которое нам принесла ты! — чтобы устроить мне ловушку! Нет, тут я не способен притворяться! Я очень хотел бы оттянуть время, чтобы пока хоть как-то сохранить мир с Каргадом. И больше ничего. Но даже и это обман, а обман — это всегда зло. В общем, скажи этой

девушке то, что сочтешь нужным. А я с ней не желаю иметь ничего общего.

И Лебаннен вышел, горя праведным гневом, который, медленно остывая, превращался в неприятное мучительное чувство, весьма напоминавшее стыд.

Когда каргадские эмиссары объявили, что собираются уезжать, Лебаннен подготовил, тщательнейшим образом подбирая каждое слово, ответное послание Правителю Тхолу. Он выразил свое восхищение той великой честью, которая была ему оказана в связи с пребыванием принцессы в Хавноре, и сообщил, что с удовольствием вместе со своими придворными будет учить ее манерам, обычаям и языку своего королевства. Однако он ни словом не обмолвился ни о Кольце, ни о возможностях брака с принцессой.

На следующий день после своей беседы с молодым колдуном с острова Таон, которого терзали страшные сны, Лебаннен в последний раз увиделся с каргадскими послами и передал им свое письмо к Верховному Правителю. Сперва, правда, он прочел письмо вслух, чтобы слышали все присутствующие, — в точности так же, как каргадские эмиссары читали вслух письмо Тхола к нему, Лебаннену.

Посол выслушал его весьма благосклонно.

— Верховный Правитель будет очень доволен, — сказал он.

И весь вечер, обмениваясь любезностями с каргами и демонстрируя им те дары, которые он посылает Тхолу, Лебаннен ломал голову над тем, действительно ли так легко была воспринята его явная уклончивость, и в итоге пришел к единственно возможному выводу: карги прекрасно понимают, что теперь ему от этой принцессы не отделаться, и про себя воскликнул: НИКОГДА она не будет моей женой!

Он спросил, проедут ли гости мимо Речного Дворца, чтобы попрощаться с принцессой, но на него посмотрели с таким непроницаемо-тупым изумлением, словно он спросил, не собираются ли они сказать «до свидания» посылке, которую вручили по назначению. Лебаннен почувствовал, как в душе его снова закипает гнев. Видимо,

это отразилось и на его лице, потому что посол глянул на него испуганно, и на устах его появилась осторожная, умильная улыбка. Лебаннен взял себя в руки, улыбнулся и пожелал эмиссарам доброго пути и попутного ветра до самых Каргадских островов. А после прощального ужина он прямо из столовой прошел в свои покои.

Ритуалы и церемонии страшно ограничивали его свободу и занимали большую часть времени. Будучи королем, он вообще большую часть своей жизни вынужден был проводить на публике. Но поскольку он взошел на трон, до того пустовавший веками, и оказался во дворце, где не существовало, в сущности, никакого жесткого протокола, то ему удалось кое-что устроить по своему вкусу. Во всяком случае, он сразу отменил абсолютно все церемонии в королевской, то есть своей собственной, спальне. Ночи теперь принадлежали ему одному. Лебаннен пожелал доброй ночи Оуку, который непременно желал спать у него в прихожей, захлопнул за собой дверь и сел на постель. Он чувствовал себя очень одиноким, устал и был страшно сердит.

На шее, на тонкой золотой цепочке, у него висел маленький мешочек из золотой парчи, в котором хранился некий камешек — простой кусочек черной скальной породы с острыми краями. Лебаннен вытащил камешек, посмотрел на него, стиснул в ладони и долго сидел так, задумавшись.

Он старался не думать о каргадской принцессе и о том, что связано с ее появлением в Хавноре. Куда интереснее было думать о том колдуне, Олдере, и его снах. Но единственное, о чем мог думать Лебаннен, это болезненная зависть к этому Олдеру: ведь он побывал на Гонте, он довольно долго жил у Геда, разговаривал с ним!

Вот почему он чувствовал себя таким одиноким! Человек, которого он считал и называл своим Учителем, человек, которого он любил больше всех на свете, не хотел его видеть, не позволял ему приехать на Гонт, не подпускал его к себе и сам не желал к нему приехать!

Неужели Гед думает, что из-за того, что он утратил в царстве мертвых свое волшебное могущество, Лебаннен

будет меньше его ценить? Что он будет его презирать, став королем?

Да, ему, Лебаннену, действительно дана сила властвовать над умами и сердцами людей, и подобная мысль иному могла бы показаться и не такой уж невероятной, однако Гед, конечно же, должен знать его лучше. По крайней мере, должен лучше думать о нем...

А может, поскольку Гед был его настоящим учителем и наставником, ему невыносимо теперь быть просто одним из его подданных? Ведь и в самом деле, человеку немолодому, когда-то великому волшебнику, такое вынести трудно. Слишком уж резкой была перемена в статусах их обоих.

Но Лебаннен ясно помнил, как Гед, едва живой, все же нашел в себе силы и преклонил перед ним колена на вершине Холма Рок в тени крыльев огромного дракона. На глазах у всех Мастеров, среди которых он был наипервейшим. А поднявшись с колен, он поцеловал Лебаннена и велел ему править хорошо и справедливо. И называл его при этом «господин мой» и «дорогой мой друг»...

— Он подарил мне мое королевство, — сказал Лебаннен Олдеру. — Вот именно тогда, на Холме, он его мне и подарил. Целиком и по собственной воле.

И именно поэтому, наверное, Гед ни за что не желал приезжать в Хавнор и не позволял Лебаннену приехать к нему на Гонт даже за советом. Он отдал все свое могущество целиком, добровольно, не требуя платы, и, похоже, теперь не желал более ни во что вмешиваться, не желал отбрасывать свою тень, затмевая исходящий от молодого короля свет.

«Он покончил с делами»,— сказал тогда Мастер Путеводитель.

Однако история, приключившаяся с Олдером, настолько, видимо, потрясла Геда, что он прислал его в Хавнор и в письме даже попросил Лебаннена в случае необходимости действовать по обстоятельствам.

Это действительно очень странно — и сама история Олдера, и слова Геда о том, что та стена, возможно, собирается рухнуть. Что бы это могло значить? И почему сны

какого-то деревенского колдуна Гед воспринимает так серьезно?

Правда, Лебаннен и сам не раз видел во сне краешек той мертвой, иссушенной земли — хотя сны эти почти прекратились после того, как они с Верховным Магом Гедом добрались до острова Селидор, самого западного из всех островов Земноморья, и он последовал за Гедом в ту темную страну. Они тогда перебрались через каменную стену и стали спускаться вниз по склону холма к едва видимым городам, где тени мертвых стояли в дверях домов или бродили бесцельно по улицам, освещаемым лишь светом недвижимых звезд. Вместе с Гедом они прошли тогда всю эту страну насквозь, а потом снова пустились в еще более утомительное странствие — по темной долине, где даже трава не росла, где были только камни да пыль, — к подножию гор, которые назывались Горами Горя...

Лебаннен раскрыл ладонь, посмотрел на маленький черный камешек и снова сжал пальцы.

А из той долины, образованной руслом сухой реки, они, совершив то, зачем и явились в эту страну, вынуждены были уходить совсем другой дорогой — подниматься по отвесным склонам гор, ибо иного пути назад для них не было. И они прошли по пути, запретному для мертвых. Они карабкались, ползли по острым скалам, и скалы эти ранили и обжигали им руки, а потом Гед не смог идти дальше, и Лебаннен нес его на руках, пока мог. Потом полз и тащил его за собой — до самого конца, до того безнадежного утеса, повисшего над бездной ночи. И вдруг выбрался вместе с ним к свету солнца, к шуму моря, волны которого разбивались о берег жизни...

Давно уже он так живо и с такими подробностями не вспоминал их страшное путешествие. Но черный осколок камня с Гор Горя всегда носил на груди, у самого сердца.

И он понял вдруг, что память о той стране, о ее тьме, о ее мертвой пыли всегда жила в его душе прямо под тонким слоем ярких и разнообразных проявлений повседневной жизни, хотя он всегда старался от этой памяти отвернуться, ибо ему невыносимо было сознание того, что в конце концов ему все-таки придется туда вернуться — навсегда! И когда он вернется туда, никого уже не

будет рядом, и он тоже станет одним из тех, что стоят с пустыми глазами, неспособные вымолвить ни слова, в тени домов этих городов-призраков... Никогда больше не видеть солнца, не пить родниковой воды, не касаться теплой живой руки ближнего...

Лебаннен резко встал, стряхивая с себя мертвящее оцепенение. Что за страшные мысли приходят порой в голову! Он спрятал камешек в парчовый мешочек, разделся, приготовился ко сну, погасил свет и лег. И сразу же снова увидел все это: сумеречную серую страну, пыль, острые камни... Страна мертвых простиралась далеко-далеко, до самых черных остроконечных вершин, но там, где он сейчас оказался, можно было идти только вниз, все время вниз, в непроницаемую тьму. «А что там, в той стороне?»— спросил он у Геда, когда они поднимались по склонам Гор Горя, и тот ответил, что не знает этого, что, возможно, путь в том направлении и вовсе не имеет конца...

Лебаннен проснулся и сел, рассерженный и встревоженный столь навязчивыми мыслями о стране мертвых. Потом нашел глазами окно и стал смотреть туда. Окно выходило на север. Ему всегда нравился вид из этого окна — не на Хавнор, а на холмы предгорий и высокую седовласую вершину Онн. А за горой Онн невидимый, затерявшийся в просторах моря Эа, лежал его родной Энлад.

Лебаннен видел ясное ночное небо, летнее созвездие Сердце Лебедя, ярко светившее среди других созвездий, поменьше. Небо его королевства. Королевства света, королевства жизни, где звезды расцветают, точно белые цветы, на востоке и закрывают лепестки, гася свой яркий свет, на западе. Нет, не станет он больше думать о том, другом королевстве, где звезды всегда остаются неподвижными, где в руках мужчины не хватает сил, где невозможно выбрать для себя единственно верный путь, потому что ни один путь там никуда не ведет!

Он еще долго лежал без сна и смотрел на звезды, а потом решительно отогнал болезненные воспоминания о стране мертвых и о Геде. И стал думать о Тенар, о звуке ее голоса, о том, как она ласково берет его за руку. Придворные всегда так церемонны, так осторожны, так боятся ненароком коснуться короля. А она — нет. Она никогда не боялась и, смеясь, брала его за руку. И вообще вела себя с ним куда смелее, чем его собственная мать.

Мать его звали Роза. Она была наследницей старинного княжеского рода Энлада и умерла от лихорадки два года назад, когда он плыл на корабле в Берилу, столицу Энлада, намереваясь затем посетить и другие острова моря Эа. Он узнал о ее смерти, когда прибыл в Берилу и вошел в свой дом, погруженный в траур.

Теперь его мать тоже там, в той темной стране. И если он явится туда и пройдет мимо нее по улице, она на него даже не взглянет, не заговорит с ним...

Лебаннен сжал кулаки. Потом встал, поправил простыни на постели, взбил подушки, снова лег и попытался расслабиться, отвлечься, думать о таких вещах, которые могут помешать ему снова мысленно вернуться ТУДА. И он стал вспоминать о том, какой была его мать при жизни, о ее нежном голосе и дивных темных очах под арками черных бровей, о ее изящных руках.

Потом он вдруг подумал о том, почему попросил Тенар приехать к нему. Он, конечно же, пригласил ее не только для того, чтобы спросить у нее совета. Тенар всегда была ему как мать, и он жаждал этой ее чистой материнской любви, жаждал сам дарить ей свою почтительную сыновнюю любовь. Такую любовь, которая ничего не принимает в расчет, но и не ставит никаких условий. Глаза у Тенар были светлые, серые, не черные очи, как у матери Лебаннена, но она всегда смотрела так, будто видела его насквозь, и с такой проницательной нежностью, что ее просто невозможно было бы провести. Да он никогда и не пытался.

Лебаннен знал, что поступил правильно, став королем. Он знал, что хорошо исполняет свои обязанности. Но только с матерью или с Тенар он по-настоящему осознавал, что еще умеет сомневаться в себе и что на самом деле ему очень непросто быть королем.

Тенар знала Лебаннена с тех пор, когда он был совсем еще мальчишкой; она узнала его задолго до коронации, полюбила сразу и любила его всегда — ради него самого,

ради Геда, ради себя самой. Он стал для нее таким сыном, который никогда не сможет разбить матери сердце.

Однако теперь он явно огорчал Тенар, несправедливо относясь к этой бедной девочке с острова Гур-ат-Гур и продолжая на нее сердиться.

Тенар присутствовала на церемонии прощания короля с эмиссарами из Авабатха — Лебаннен попросил ее об этом, и она рада была удовлетворить его просьбу. Она, правда, думала, что эти высокопоставленные карги будут ее сторониться или, по крайней мере, посматривать на нее косо, с явным неодобрением: ну как же — жрица-отступница, которая помогла «этому проклятому колдуну и вору» выкрасть из Сокровищницы Гробниц Атуана кольцо Эррет-Акбе, а потом предательски бежала с ним в Хавнор. Это ведь отчасти и ее рук дело, что в Земноморье вновь появился настоящий король. Так что гости с Каргадских островов вполне могли все это поставить ей в упрек.

Между прочим, правитель Тхол, который родом с Гур-ат-Гура, восстановил те древние храмы, что посвящены Богам-Близнецам и Безымянным, а она, Тенар, вместе с Гедом некогда эти храмы осквернила и разрушила. Ее предательство, таким образом, носило не только политический, но и религиозный характер.

Однако все это случилось очень давно, больше сорока лет назад, и с тех пор стало почти легендой. К тому же государственные мужи помнят обычно только то, что им хочется помнить. Посол даже специально испросил у нее аудиенции — столь почитаемой особой она ему казалась при дворе Лебаннена — и приветствовал ее изысканно, осторожно и чрезвычайно почтительно, причем, как ей показалось, почтение его было вполне искренним. Он называл ее Госпожа Ара, Поглощенная, Единственная Вечно Возрождающаяся и т. п. Ее уже много лет никто так не называл, и все эти имена звучали для нее немного странно, однако она испытывала острое и печальное наслаждение, слыша родной язык и обнаружив, что вполне способна его понимать и говорить на нем.

Так что Тенар не без удовольствия пришла попрощаться с послом и его свитой и попросила заверить Верховного Правителя Каргада, что у его дочери все хорошо и она выглядит поистине очаровательно. Тенар в последний раз с любовью смотрела на этих высоких, грубо скроенных мужчин со светлыми волосами, заплетенными в косы, в украшенных перьями головных уборах и парадных серебряных доспехах, тоже украшенных перьями. Пока она жила в стране каргов, ей довелось видеть крайне мало мужчин: в Священном Месте, среди Гробниц Атуана, она видела только женщин да евнухов.

Когда прощальная церемония была окончена, Тенар вышла во дворцовый парк. Летняя ночь была теплой и какой-то тревожной; цветущие садовые кустарники шуршали под ночным ветерком. Звуки большого города, доносившиеся из-за высоких дворцовых стен, напоминали шелест тихих волн, набегающих на берег. Парочка молодых придворных в обнимку прогуливалась под тенистыми деревьями, и Тенар, чтобы их не тревожить, быстро прошла в противоположный конец сада, где некоторое время посидела у фонтанов и пышных кустов роз.

А Лебаннен вышел из зала, опять хмурясь, опять чем-то недовольный. Да что с ним такое творится?! Насколько знала Тенар, он никогда прежде не восставал против тех формальных обязанностей, которые должен выполнять, будучи королем. И он, конечно же, не мог не понимать, что король рано или поздно должен жениться и что у королей обычно выбор не так уж велик. Он не мог не понимать, что народ хочет иметь и королеву, и наследников трона. Но до сих пор он абсолютно ничего не предпринимал в этом направлении. Придворные дамы и служанки были просто счастливы, когда им удавалось посплетничать с Тенар насчет многочисленных возлюбленных короля; причем ни одна из этих женщин ровным счетом ничего не потеряла, когда всем стало известно, что она какое-то время была королевской любовницей. Лебаннен все подобные делишки улаживал в высшей степени успешно, но не мог же он ожидать, что так будет продолжаться вечно? И почему, интересно, его до такой степени злит предложение короля Тхола? Ведь это вполне приемлемое решение многих проблем.

А может, все же не вполне приемлемое? Особенно в том, что касается самой принцессы.

Тенар действительно собиралась научить эту девушку хотя бы нескольким предложениям ардического языка. А потом подыскать среди придворных дам таких, которые сумеют доброжелательно обучить ее придворным манерам и этикету — сама-то она этому ее научить, безусловно, не могла. Впрочем, ей куда милей была пресловутая «невоспитанность» каргадской принцессы, чем изысканная светскость и неискренность придворных.

Она негодовала, видя полную неспособность Лебаннена поставить себя на место этой несчастной девочки. Неужели он не может представить, каково ей приходится? Выросла на женской половине дворца-крепости военачальника, в безлюдной пустыне, где, возможно, других мужчин, кроме отца, дядьев да нескольких священнослужителей, ни разу в жизни не видела, а потом вдруг ее вырвали из этой монотонной, неизменной и неподвижной жизни какие-то незнакомые люди, заставили пуститься в долгое и страшное путешествие по морю и бросили среди людей, о которых она знала одно: это не имеющие никакой веры кровожадные чудовища, они живут «на краю света» и все являются «проклятыми колдунами», то есть способны превращаться во что угодно — в животных, в птиц... Боги! И за одного из них ей предстояло выйти замуж!

Сама Тенар оказалась способна оставить родину и отправиться жить среди «этих чудовищ с запада», потому что рядом с нею был Гед, которого она полюбила и которому всецело доверяла. Но даже и при этом условии все оказалось далеко не так просто, и мужество не раз изменяло ей. Несмотря на все оказанное ей жителями Хавнора гостеприимство и почтение, несмотря на то, что толпы людей на улицах выкрикивали похвалы в ее адрес и всяческие поздравления, осыпая ее цветами и ласково-уважительными прозвищами — Белая Дама, Носительница Мира, Тенар Кольца, — она тогда тоже предпочитала прятаться в своей комнате и чувствовала себя глубоко несчастной, никому не нужной и совершенно одинокой. Никто вокруг не говорил на ее родном языке, и она не

знала и не понимала большей части тех вещей, которые всем этим людям были так хорошо знакомы. Как только всеобщее ликование по поводу возвращения Кольца Мира и бесконечное празднование подошло к концу, она стала умолять Геда увезти ее из Хавнора туда, куда он ей обещал, и он свое обещание сдержал: ускользнул незаметно из дворца с нею вместе на Гонт. Там она поселилась в доме старого Огиона как верный страж, служанка и ученица и стала набираться опыта и ума. Учиться быть жительницей Архипелага пришлось долго, пока наконец она сама не увидела тот путь, по которому хотела бы пойти как взрослая и самостоятельная женщина.

Она была моложе этой принцессы — когда прибыла в Хавнор с Кольцом Мира. Но все же была уже не такой беспомощной и хорошо знала, что такое власть над людьми, хотя ее власть в качестве Единственной была скорее номинальной, связанной с отправлением различных обрядов и церемоний. По-настоящему она взяла в руки собственную судьбу, когда порвала с суровыми законами, в рамках которых выросла, и отвоевала свободу для своего узника и для себя самой. Но эта принцесса, дочь военачальника, царька, могла «властвовать» только у себя на женской половине дома. Когда отец ее стал правителем всей страны, ее начали называть принцессой, ей дарили роскошные одежды, у нее в услужении стало больше рабынь и евнухов, а в ушах и на пальцах — больше драгоценностей, но потом все равно ей предстояло и самой быть «подаренной» бы кому-нибудь в качестве платы за выгодную сделку, и ее слово при заключении этой сделки никакого веса бы не имело. Внешний мир открывался ей только в узкие окна на женской половине дворца или же сквозь бесчисленные слои покрывал.

Думая о ней, Тенар говорила про себя, что ей самой еще здорово повезло: она родилась не на таком отсталом и варварском острове, как Гур-ат-Гур, и никогда не носила дурацких покрывал «фейяг». Однако она хорошо представляла себе, что значит расти в тисках железных традиций, и намерена была сделать все, что в ее силах, чтобы помочь принцессе. Но оставаться в Хавноре надолго она все же не собиралась.

Быстрым шагом прохаживаясь по саду и любуясь мерцавшими в лунном свете фонтанами, Тенар прикидывала, когда сможет отправиться домой.

Она не возражала против правил придворной жизни, прекрасно понимая, что под этой лощеной светскостью кипит настоящее рагу из амбиций, соперничества, страстей, тайных сговоров и соучастий в преступлениях. Она и сама выросла, невольно участвуя в бесконечных ритуальных действах, видя неприкрытое лицемерие и тайные политические игры, и ничто из этого ее не пугало: скорее все это ей было безразлично. Она просто скучала по дому и стремилась вновь оказаться на ставшем ей родным Гонте, рядом с Гедом, в их домике на утесе.

Она приехала в порт Хавнор, потому что Лебаннен послал за ними — за ней и за Теханом. И за Гедом. Но Гед поехать не пожелал. А Тенану ни за что без нее не поехала бы. Вот это действительно пугало Тенар и очень ее тревожило. Неужели девочка так и не сможет от нее оторваться? Ведь Лебаннену был нужен именно совет Тенану, а не ее, Тенар. Но названая дочь льнула к ней и чувствовала себя настолько же неуютно в королевском дворце Хавнора, как и та девушка с острова Гур-ат-Гур, и точно так же все время молчала и пряталась.

Так что теперь, видно, ей, Тенар, придется играть роль няньки, наставницы и компаньонки для обеих. Для двух насмерть перепуганных девчонок, которые не знают, как совладать с собственной силой. Ну, а ей самой ни силы, ни власти не нужно; ей нужна свобода, чтобы можно было немедленно отправиться домой, куда она стремилась всем сердцем, и помочь Геду возделывать их сад.

Как же ей хотелось, чтобы и у них возле дома могли расти такие же белые розы, как в этом саду! В ночном воздухе их аромат просто околдовывал. Но у них, возле водопада, место чересчур ветреное, да и солнце летом жжет совершенно безжалостно. Да и от коз нигде спасения не найдешь...

Нагулявшись и немного придя в себя, Тенар вернулась во дворец и направилась по восточному крылу в предоставленные им с Теханом покои. Тенан спала — было уже за полночь. Крошечный огонек — не больше крупной

жемчужины — светился на дне маленького изящного светильника из белого алебастра. Просторная комната с высокими потолками была уютной, полной ночных теней. Тенар задула огонек в светильнике, легла в постель и вскоре начала погружаться в сон.

Ей снилось, что она идет по узкому каменному коридору со сводчатым потолком и несет этот алебастровый светильник. Бледный кружок света падает от него на пол, освещая ей путь. Она, минуя какую-то незнакомую комнату, попадает в другой, более широкий коридор, который приводит ее в помещение, где множество людей с крыльями, как у птиц. У некоторых из них птичьи головы — каких-то хищников вроде ястреба. И все эти люди стоят или сидят на корточках без движения, не глядя ни на нее, ни вообще на что бы то ни было конкретно, и глаза у них тоже птичьи — круглые, обведенные бело-красным ободком. Приглядевшись повнимательнее, она видит, что крылья у них похожи на огромные черные плащи и безжизненно висят за спиной. Летать они явно не способны. И люди эти так печальны, смотрят так безнадежно, а воздух в комнате такой затхлый и противный, что она резко поворачивается, чтобы убежать прочь, но не может даже пошевелиться.

Тенар проснулась, все еще сражаясь с этим оцепенением. Вокруг качались теплые тени, за окном светили звезды. До нее доносился аромат роз, негромкий шум большого города, дыхание спящей Тенану...

Она села, чтобы окончательно стряхнуть с себя кошмарный сон. Это ведь была Расписная Комната из Лабиринта! Там, под Гробницами, она впервые встретила Геда. И было это сорок лет назад. Только во сне рисунки, что были сделаны когда-то на стенах той комнаты, вдруг ожили. Хотя, конечно же, это была не жизнь. Это было бесконечное, безвременное, бессмысленное существование тех, кто умер без надежды на возрождение; тех, что были отринуты Безымянными; неверных, людей с запада, «проклятых колдунов»...

После того как умрешь, непременно нужно возродиться. Таково было твердое знание, с которым она была воспитана. Когда, еще совсем ребенком, ее взяли к себе

жрицы Гробниц и стали воспитывать из нее Ару, Поглощенную, она сразу узнала: только она, единственная из всех людей, уже не раз возрождалась и будет возрождаться и проживать одну жизнь за другой. Иногда она этому верила, но не всегда; а когда стала Единственной, когда ей начали оказывать должное уважение как Верховной Жрице Гробниц, верить перестала совсем. Но она верила в то, во что верят все обитатели Каргадских островов: когда человек умирает, он обязательно возрождается, только в новом теле, в новом обличье. Светильник, который только что погас, вновь вспыхивал где-то в тот же самый момент — младенцем во чреве женщины, или зародышем в крошечной икринке гольяна, или в несомом ветром семечке дикой травы, — каждая душа возвращалась, чтобы БЫТЬ СНОВА, чтобы, забыв о старой жизни, освеженной вступить в новую жизнь, в жизнь после жизни, в вечность.

Однако та жизнь после жизни, о которой ей рассказывал Гед, та страна, куда, по его словам, уходят люди после смерти, та безликая и никогда не меняющаяся страна, покрытая холодной пылью и населенная тенями, — разве это жизнь? Такая «жизнь» казалась Тенар просто ужасной, пугающей.

Вопросы, не имевшие ответа, теснились у нее в голове: все это произойдет и с ней, потому что она больше уже не может считать Каргад своей родиной, потому что она предала Святые Места... Неужели поэтому она будет так наказана? Должна будет отправиться в ту безжизненную темную страну? Неужели и Гед должен уйти туда? Неужели там они будут равнодушно смотреть друг на друга, не любя, ни о чем не жалея? Это же невозможно! Но если он должен будет отправиться туда, а она возродится снова, то их расставание станет вечным!

Нет, нельзя думать об этом! И совершенно ясно, почему ей приснилась та Расписная Комната. Она часто снилась ей в те годы, когда Тенар оставила позади все, что было связано с ее прошлым, с Гробницами Атуана. А теперь вот она поговорила с каргадскими посланниками на родном языке и снова все вспомнила. И все-таки тревога не утихала в ее душе. Она не хотела, чтобы возвращались

кошмары ее юности. Боги, хоть бы поскорее вернуться домой, лежать по ночам рядом с Гедом, слушать сонное дыхание Техану!.. Гед спал всегда очень тихо и лежал совершенно неподвижно, как каменный; но в горле Техану огонь все-таки навсегда оставил свой след, и дыхание у нее всегда было хрипловатым, затрудненным. Тенар привыкла прислушиваться к ее дыханию ночь за ночью, год за годом. Это была жизнь, это была вернувшаяся жизнь, это был самый дорогой ее сердцу звук — чуть хрипловатое дыхание ее приемной дочери.

И сейчас, тоже слушая дыхание Техану, она наконец уснула. И во сне видела — если ей вообще что-то снилось — только потоки воздуха где-то в поднебесье и расцвеченное полосами утренней зари небо.

Олдер проснулся очень рано. Котенок всю ночь вел себя беспокойно, а потому и сам он спал плохо и был даже рад наконец встать, подойти к окну, усесться там поудобнее и с сонным видом смотреть, как над заливом разгорается заря, как выходят в море рыбачьи суденышки с повисшими от серого тумана парусами, как пробуждается навстречу дню весь город. К тому времени, как Олдер окончательно проснулся и начал подумывать о том, что стоило бы, наверное, пройти по лабиринту дворцовых залов и коридоров и выяснить, что ему делать дальше, в дверь его комнаты постучали. Вошел слуга, который принес на подносе свежие фрукты, свежий хлеб и кувшин молока, а также небольшой кусочек мяса — для котенка.

— Я еще зайду, как только пять протрубят. К королю пойдем! — торжественно сообщил он. А потом обычным тоном рассказал Олдеру, как удобнее пройти в сад, если он захочет прогуляться.

Олдер знал, конечно, что от полуночи до полудня проходит шесть часов, а от полудня до полуночи еще шесть, но он никогда не слышал, чтобы часы ТРУБИЛИ, и ему было очень интересно, что этот слуга имел в виду.

Вскоре он все узнал. Оказалось, что в Хавноре время отмечают так: четыре трубача выходят на самый верхний балкон дворца — выше его только башня, на которой кра-

суется меч героя, — и в четвертый, а также в пятый час до полудня, ровно в полдень, а затем в первый, второй и третий час после полудня дуют в свои трубы. При этом один стоит лицом к западу, второй — к северу, третий — к востоку, четвертый — к югу. Так что придворные во дворце, купцы и шкиперы в порту, а также все жители Хавнора могут как-то приноровить свои дела и встречи к этим указателям времени. Об этой интересной традиции Олдеру рассказал какой-то мальчик, с которым он познакомился, гуляя в саду. Мальчик был маленький, худенький, в длинной рубахе, которая была ему слишком велика, но разговор вел, как взрослый. Он также объяснил Олдеру, что трубачи точно знают, когда им дуть в свои трубы, потому что в башне есть большие песочные часы, а еще — Маятник Атха, свисающий почти до полу с самой высокой точки потолка, и если этот маятник запустить одновременно с началом того или иного часа суток, то он будет качаться ровно до начала следующего часа. Мальчик сказал Олдеру, что трубачи исполняют на своих трубах различные отрывки из песни «Плач по Эррет-Акбе», которую король Махарион написал, вернувшись с Селидора, и для каждого часа исполняется какая-то одна из частей плача, а в полдень они играют всю мелодию целиком. И если тебе нужно быть в каком-то месте в точно назначенный час, то следует поглядывать на верхний балкон башни, потому что трубачи всегда выходят на него чуть раньше, и если светит солнце, их серебряные трубы так и сверкают в солнечных лучах. Мальчик сообщил, что его зовут Роди и он приехал сюда с отцом, правителем города Метама, что на острове Арк. Этот год он проведет в Хавноре и уже поступил в школу при королевском дворце; ему девять лет, и он очень скучает по матери и сестре.

Олдер вернулся к себе как раз вовремя: слуга уже поджидал его. На этот раз Олдер волновался гораздо меньше. Видимо, беседа с мальчиком напомнила ему о том, что дети правителей — это всего лишь дети, а сами правители — всего лишь люди и бояться ему следует совсем не людей.

Провожатый долго вел его по дворцовым коридорам и наконец остановился перед дверями, за которыми был

виден продолговатый и просторный светлый зал с окнами, расположенными вдоль одной из длинных стен и смотревшими прямо на башни Хавнора и на его фантастические мосты, арками повисшие над каналами или над узкими улицами города, словно перепрыгнув с крыши на крышу, с балкона на балкон. Стоя на пороге, Олдер нерешительно поглядывал на окна, но не был уверен, что ему уже можно войти. У противоположного конца комнаты он увидел группу людей и среди них короля.

Король, видимо, Олдера ждал. Заметив его в дверях, он сам подошел к нему, приветливо с ним поздоровался и по очереди представил ему всех присутствующих.

Олдер сразу выделил среди них одну женщину — лет пятидесяти, маленькую, очень светлокожую, с седеющими волосами и большими серыми глазами. Это Тенар, сказал ему, улыбаясь, король. Тенар Кольца. Тенар посмотрела Олдеру прямо в глаза и тихим голосом поздоровалась с ним.

Молодого мужчину — он показался Олдеру примерно ровесником короля, — одетого в бархатный камзол и тончайшую сорочку, Лебаннен представил как «шкипера Тослу». На перевязи у шкипера Тослы сверкали драгоценные камни, а в мочке уха красовалась серьга с огромным рубином. Лицо Тослы, темное, как древесина старого дуба, было живым и одновременно суровым.

Человек средних лет, одетый просто и смотревший на Олдера очень спокойно, оказался принцем Сеге из старинного Дома Хавнора. Олдеру сразу показалось, что этому человеку можно доверять.

У одного мужчины лет сорока был в руках деревянный посох, и Олдер сразу признал в нем волшебника с острова Рок. У волшебника было худое, какое-то изможденное лицо, красивые руки с тонкими пальцами и несколько отчужденная, хотя и довольно приятная, манера держаться. Мастер Оникс — так представил его король.

А еще одну женщину Олдер сперва принял за служанку, потому что она была одета чуть ли не по-деревенски и скромно стояла в сторонке, даже как будто специально отвернувшись от остальных, и смотрела в окно. Ему бросились в глаза ее прекрасные волосы, которые темным

блестящим водопадом спадали ей на плечи и струились по спине. Заметив взгляд Олдера, Лебаннен подвел эту женщину к нему и сказал: «А это Техану с острова Гонт», и в голосе его зазвенела бронза, словно он кому-то бросал вызов.

Техану подняла голову и посмотрела Олдеру прямо в глаза. Она была молода; левая сторона ее лица была прелестна — нежнейшая кожа цвета спелого персика, огромный темный блестящий глаз под изогнувшейся дугой бровью, — но правая сторона оказалась совершенно изуродованной и представляла собой один сплошной корявый и страшный шрам, а глаза не было видно вообще. И правая рука ее тоже походила на воронью лапку с одним сломанным когтем.

Здороваясь с Олдером, она, как и все жители Энладских островов, а также все присутствовавшие в этом зале, протянула ему руку, но то была ее левая рука. Он приложил свою ладонь к ладони Техану и почувствовал, как горяча ее ладонь, точно у девушки сильный жар. Она снова посмотрела на него — теперь удивленно. Удивление было написано в ее единственном, поистине прекрасном глазу. Но за удивлением в этом ярком, блестящем глазу таилась странная свирепость, неведомый мрак. Потом Техану снова потупилась и чуть отступила назад, словно ей не хотелось стоять среди всех этих людей, не хотелось вообще быть здесь.

— Мастер Олдер привез тебе с Гонта привет от твоего отца, — сказал король, видя, что сам гонец безмолвствует.

Но Техану даже головы не подняла. Блестящая черная волна волос почти полностью скрывала изуродованную половину ее лица.

— Госпожа моя, — начал Олдер, чувствуя, что в горле у него совершенно пересохло и голос звучит хрипло, — Ястреб также просил меня задать тебе два вопроса... — Он умолк, чтобы облизнуть пересохшие вдруг губы, и вдруг его охватила паника: ему показалось, что он совершенно забыл, что именно должен у нее спросить. Все спокойно ждали, когда он заговорит снова, и в этой выжидающей тишине голос Техану прозвучал еще более хрипло, чем у Олдера:

— Задай их.

— Он велел сперва спросить: «КТО ОНИ ТАКИЕ, ТЕ, КТО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СУХУЮ СТРАНУ?» А потом, когда я уже уезжал, он сказал: «Спроси у моей дочери вот еще что: СМОЖЕТ ЛИ ДРАКОН ПЕРЕЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ КАМЕННУЮ СТЕНУ?»

Техану кивнула в знак того, что поняла его вопросы, и еще немного отступила назад, словно желая унести эти загадки с собой, подальше ото всех.

— Сухая земля, — промолвил задумчиво король, — и драконы?

Он живо смотрел то на Олдера, то на Техану.

— Ну что ж, — предложил он всем, стряхнув с себя раздумья, — пойдемте сядем и поговорим как следует.

— Может быть, мы могли бы поговорить в саду? — спросила маленькая сероглазая женщина по имени Тенар, и король сразу же с этим предложением согласился. Олдер слышал, как Тенар говорила королю на ходу: — Ей немного тяжеловато весь день находиться в доме. Ей хочется неба! — И Олдер догадался, что она имела в виду Техану.

Садовники принесли кресла и расставили их в тени огромной старой ивы на берегу пруда. Техану сразу прошла к воде и стала глядеть в ее зеленую глубину, где лениво кружили крупные серебристые карпы. Ей явно хотелось подумать над вопросами отца, а не вести глубокомысленные беседы, хотя и оттуда, где она сейчас стояла, ей было все отлично слышно.

Когда все удобно устроились в креслах, король велел Олдеру вновь поведать свою историю. Собравшиеся слушали его в полном молчании, но молчание это было исполнено сочувствия, и Олдер оказался вполне способен рассказывать без особого напряжения и не спеша. Когда он умолк, все тоже некоторое время молчали, потом волшебник Оникс спросил его:

— Тебе вчера ночью снились сны?

И Олдер ответил, что ТАКИХ снов ему не снилось, а других он не запомнил, если они и были.

— А мне вчера снился Мастер Заклинатель, который был моим Учителем в Школе, — сказал Мастер Оникс. —

О нем еще говорят, что он «умер дважды», потому что ему удалось вернуться из той страны, что лежит за каменной стеной.

— А мне снились души тех людей, которые не обрели второго рождения, — очень тихо промолвила Тенар.

— Всю ночь, — сказал принц Сеге, — мне мерещилось, что я слышу голоса тех, кого знал еще в детстве; эти люди звали меня, окликали по имени — все как обычно. Но когда я прислушался, оказалось, что это всего лишь сторожа на улицах города или пьяные моряки.

— А мне сны никогда не снятся, — сказал шкипер Тосла.

— Мне, правда, та страна сегодня не снилась, — сказал король, — но я ее вспоминал. И никак не мог отогнать эти воспоминания.

Он посмотрел на молчавшую Техану, но та не сводила глаз с зеленоватой воды в пруду и не промолвила ни слова.

Все снова погрузились в молчание, и Олдер не выдержал:

— Если я разношу какую-то заразу, вы должны просто отослать меня прочь! — воскликнул он.

Волшебник Оникс тут же возразил — не то чтобы властно, но очень решительно:

— Если Рок послал тебя на Гонт, а Гонт послал тебя в Хавнор, то тебе следует находиться именно в Хавноре!

— Когда умных голов слишком много, мысли порой получаются слишком легкие, — язвительно заметил Тосла.

— Давайте на время отставим сны в сторону, — решительно предложил Лебаннен. — Нашему гостю, по-моему, нужно понять, что именно беспокоит нас и беспокоило задолго до того, как он сюда явился. Ведь ради этого я и просил приехать в Хавнор Тенар и Техану, ради этого заставил Тослу прервать его странствия. Может быть, ты и расскажешь Олдеру обо всем, Тосла?

Темнокожий шкипер кивнул, и рубин у него в ухе сверкнул, точно капля свежей крови.

— Все дело в драконах! — сразу заявил он. — Ты, может, знаешь, Олдер, что в Западном Пределе они вот уже несколько лет совершают налеты на острова Улли и Усидеро, сжигая порой целые деревни. Они летают низко,

чуть ли не цепляясь когтями за крыши домов и до смерти пугая людей. А в Торингейтс они прилетали уже дважды и всегда во время сбора урожая. Там они сожгли все зерно, подожгли множество стогов сена и немало тростниковых крыш в селениях. На людей они прямо не нападали, но многие тамошние жители погибли в огне. Не нападали они и на дома лордов в поисках сокровищ, как делали это в Темные Времена. Нет, они нападали только на дома и поля крестьян! Примерно такие же вести принесли купцы, побывавшие на далеком острове Симои, расположенном на юго-западной окраине Земноморья. Этот остров живет продажей зерна, так драконы выжгли там все поля как раз перед самой уборкой!

— А прошлой зимой два дракона поселились на вершине вулкана горы Анданден на острове Семел, — подсказал кто-то.

— Ах! — вырвалось у Оникса, и в ответ на вопросительный взгляд короля он объяснил: — Волшебник Септель с Пальна рассказывал мне, что эта гора считалась у драконов священной; когда-то они специально прилетали туда, чтобы испить огня из недр земных.

— В общем, они вернулись, — продолжал Тосла. — И теперь то и дело истребляют стада коров и овец, которые составляют главное богатство западных островов. Причем они даже не наносят животным физического ущерба; они просто пугают их настолько, что те срываются с привязи, перепрыгивают через изгородь и убегают. А потом гибнут или дичают. Люди говорят, что налеты совершают в основном молодые драконы, черные и тощие, которые, собственно, и пламя-то еще изрыгать не научились.

А на Пальне драконы теперь проживают постоянно — в гористой северной части острова, в диком краю, где нет никаких крестьянских хозяйств. Раньше охотники специально отправлялись туда, чтобы поохотиться на горных коз и баранов или поймать сокола, чтобы потом приручить его. Но охотников драконы оттуда прогнали; теперь к этим горам никто даже близко не подходит. Твой пальнийский приятель, Оникс, верно знает об этом?

Оникс кивнул.

— Он говорит, что драконы летают над этими горами стаями, как дикие гуси, — сказал он.

— Между прочим, Пальн и Семел от Хавнора отделяет только море, — заметил принц Сеге.

А Олдер подумал о том, что от Семела до Таона меньше ста миль.

— Наш Тосла плавал к островам Драконьи Бега на своем судне «Крачка», — сказал король, — и он...

— Сумел увидеть лишь очертания самых восточных из этих островов! — прервал его Тосла с недоброй усмешкой. — На меня там обрушилась целая стая этих чудовищ! Они гнали меня, как волки загоняют коров или овец. Они камнем падали вниз, цеплялись за паруса, грозили огнем, так что я в полной скорости бросился удирать. Так что ничего нового я не узнал.

Оникс снова согласно кивнул.

— Никому, кроме Повелителя Драконов, никогда не удавалось доплыть до Драконьих Бегов, — сказал он.

— Мне удавалось! — воскликнул король и улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой. — Но я был вместе с Повелителем Драконов... И теперь я все время вспоминаю то путешествие. Когда мы с Верховным Магом были в Западном Пределе и искали там Коба-некроманта, то, проплывая мимо острова Джесседж, который находится совсем в стороне, даже дальше, чем остров Симли, мы видели много выжженных полей. А на островах Драконьи Бега мы видели, как драконы дрались и убивали друг друга, точно вдруг заболели бешенством!..

Все снова помолчали. Потом принц Сеге спросил:

— А не может ли быть, что некоторые из тех драконов, которых вы тогда видели, так и не излечились от своего безумия?

— С тех пор прошло более пятнадцати лет, — сказал Оникс. — Впрочем, драконы живут очень долго. Может быть, для них время течет иначе, чем для нас...

Олдер заметил, что, говоря это, волшебник поглядывает на Техану, которая по-прежнему стояла отдельно ото всех на берегу пруда.

— И все же на людей они нападают лишь в последние год-два, — задумчиво сказал принц Сеге.

— Как будто они этого не делали раньше! — возразил Тосла. — Если дракон захочет уничтожить какую-нибудь крестьянскую семью или даже целую деревню, то кто его остановит? Да они всегда на людей охотились! Урожай в поле, собранное в стога сено, крестьянский дом, скотина... Им все равно. Они одно твердят: убирайтесь! Вон с нашего запада!

— Но почему они требуют этого? И почему опять опустошают наши земли, изрыгая пламя? — воскликнул волшебник. — Они ведь способны и поговорить с людьми! Язык Созидания — это их родной язык, и Морред, Эррет-Акбе и наш Верховный Маг говорили с драконами.

— Те, которых мы видели на Драконьих Бегах, — сказал король, — утратили эту способность. Страшная брешь, которую Коб проделал в ткани мироздания, утягивала из драконов их силу и разум. Как, впрочем, и из людей. Только великий дракон Орм Эмбар сохранил способность говорить. Он тогда прилетел к нам, поговорил с Верховным Магом и велел ему отправляться на Селидор... — Лебаннен помолчал, взгляд его стал туманным, мысли были где-то далеко-далеко... — Но даже и у Орм Эмбара была в итоге отнята речь еще до того, как он погиб. — В глазах Лебаннена вспыхнул какой-то странный свет, он отвернулся и горестно воскликнул: — Это ведь ради нас умер великий Орм Эмбар! Это он открыл нам путь в темную страну!

Долгое время все молчали. Затянувшееся молчание нарушил тихий голос Тенар:

— Как-то раз Ястреб сказал мне... погодите-ка, дайте вспомнить как следует, как именно он это сказал: дракон и речь дракона — это одно и то же, единое существо, примерно так. И он еще сказал, что драконы НЕ УЧАТ Истинную Речь, она для них родная. Дракон — это и ЕСТЬ сама Истинная Речь, ее сущность — так он говорил.

— Как сущность крачки — полет. А сущность рыбы — движение в воде, — подхватил Оникс. — Да, это верно.

Техану теперь внимательно слушала, по-прежнему неподвижно стоя на берегу пруда, и все вдруг посмотрели на нее. И особенно ищущим, настойчивым был взгляд ее матери. Техану смутилась и отвернулась.

— Как можно заставить дракона говорить с тобой? — промолвил король, слегка пожав плечами, точно в шутку, однако за его словами опять последовало долгое молчание. — Ну что ж, — снова заговорил Лебаннен, — надеюсь все же, что мы можем научиться разговаривать с драконами. Мастер Оникс, раз уж речь у нас зашла о возможности с ними договориться, не расскажешь ли ты нам о той девушке, которая хотела учиться в Школе Мудрецов? Никто, кроме меня, этой истории еще не слышал.

— Девушка в Школе? — воскликнул Тосла насмешливо. — Да уж, поистине и на Роке многое изменилось!

— Это верно, — подтвердил волшебник, холодно и остро глянув на моряка. — Все произошло лет восемь назад. Эта девушка приехала с острова Уэй, переодевшись в мужское платье и желая изучать магические искусства в нашей Школе. Разумеется, ее жалкий маскарад никого обмануть не мог, но Мастер Привратник все же позволил ей войти. И вообще — он как-то сразу встал на ее сторону. В то время во главе Школы был Мастер Заклинатель, тот самый... — и Оникс на минуту запнулся, — ...тот самый, что прошлой ночью приснился мне во сне, о чем я уже упоминал.

— Расскажи нам немного о нем, Мастер Оникс, — попросил король. — Это ведь был Торион, правда? И он вернулся из царства смерти?

— Да. Это был он. Когда Верховный Маг отправился в свое путешествие и слишком долго не возвращался, мы, не получая от него вестей, стали опасаться, что он умер. И Мастер Заклинатель решил проверить с помощью своего искусства, не пересек ли Ястреб границу, что проходит у каменной стены. Но Торион так долго оставался в темной стране, что Мастера стали опасаться и за его жизнь. В конце концов он все-таки очнулся и сказал, что видел Верховного Мага среди мертвых, что он возвращаться не собирается, однако очень просил его,Ториона, вернуться и управлять делами Школы. И тут вдруг дракон принес на Холм не только Верховного Мага Ястреба, но и тебя, господин мой Лебаннен! И обы вы были живы!.. А затем произошло вот что: как только Верховный Маг, усевшись дракону на спину, улетел на остров Гонт, Мастер Заклинатель упал замертво и лежал как мертвый много дней, и даже Мастер Травник, несмотря на все свое искусство, решил все же, что он окончательно умер. Однако, когда мы уже готовились предатьТориона земле, он шевельнулся, открыл глаза, сел и заговорил! Он рассказал, что вернулся к жизни, чтобы, по его словам, «сделать то, что непременно должно быть сделано». Итак, поскольку у нас еще был старый Верховный Маг, мы не могли выбрать нового Верховного Мага, так что Торион Заклинатель стал править Школой. — Оникс помолчал. — И когда явилась та девушка, Торион потребовал, чтобы она немедленно убиралась из Школы и с острова Рок, хотя ее и пропустил сам Мастер Привратник. Торион не желал ни говорить с нею, ни видеть ее. И тогда Мастер Путеводитель увел ее в Рощу. Там она какое-то время жила, бродила с ним вместе по тропам, слушала деревья... В общем, Путеводитель, Привратник, Травник и Курремкармеррук, наш Мастер Ономатет, полагали, что есть некая серьезная причина, заставившая ее явиться на Рок, что она то ли вестница, то ли даже вершительница некоего великого события, даже если она сама об этом и не ведает, и потому они всячески ее защищали и оберегали. Другие же мастера приняли сторонуТориона, который сказал, что женщины всегда несут с собой разлад и споры, а потому и эту женщину следует немедленно с Рока изгнать. Я был тогда еще учеником, и всем нам, ученикам, было тяжело видеть, как наши Учителя ссорятся, да еще так бездарно и сварливо.

— Да, к тому же из-за девушки! — вставил насмешник Тосла.

На сей раз Оникс бросил на него прямо-таки ледяной взгляд.

— Я прошу тишины! — потребовал он и продолжил свой рассказ: — Короче говоря, Торион послал нас, целый отряд старших учеников, чтобы мы силой заставили эту женщину покинуть остров, она вызвала его на поединок и предложила встретиться в тот же вечер на Холме Рок. Он пришел и, назвав ее Истинным именем, велел повиноваться ему. «Ириан!» — воскликнул он. Но она ответила: «Я не только Ириан!» — и, произнося эти слова,

прямо на глазах стала превращаться... в дракона! А потом прикоснулась кТориону, и тело его рассыпалось в прах. Затем она поднялась на самую вершину холма, и мы, глядя на нее, не понимали, то ли мы видим женщину, объятую пламенем, то ли крылатое чудовище. Но вскоре мы ясно увидели огромного дракона, который, сверкая своей красно-золотистой чешуей, изрыгал пламя. А потом расправил крылья и полетел на запад.

Голос Оникса стал едва слышен, на лице явственно отразилась смесь ужаса и восхищения. Все молчали.

Волшебник помолчал, откашлялся и продолжил:

— Но, прежде чем она стала подниматься на холм, Мастер Ономатет спросил ее: «Кто ты?» — и она сказала, что не знает ДРУГОГО своего имени. Тогда к ней обратился Мастер Путеводитель и спросил, куда она теперь направится и вернется ли назад. Она сказала, что полетит на самый далекий запад, ибо хочет узнать свое подлинное имя у СВОЕГО НАРОДА, но если он, Путеводитель, позовет ее, она непременно к нему вернется.

В наступившей после этих слов Оникса тишине вдруг послышался хриплый слабый голосок — точно металлом слегка поскребли по металлу. Олдер слов не разобрал, но все же они почему-то показались ему знакомыми, как если бы он случайно забыл их, но вот-вот вспомнит и скажет, что они означают.

Это говорила Техану. Она подошла к волшебнику и остановилась совсем рядом с ним, напряженная, точно туго натянутая тетива лука. Это ее голос звучал, точно скрежет металла.

Потрясенный до глубины души тем, что сказала Техану, волшебник вскочил на ноги, отступил от нее на шаг и наконец, взяв себя в руки, промолвил, глядя на девушку:

— Да, это были ее слова: МОЙ НАРОД, С САМОГО ДАЛЬНЕГО ЗАПАДА!

— Позовите же ее! О, позовите ее! — прошептала Техану, протягивая к волшебнику руки. И снова он невольно от нее отшатнулся.

Тенар встала и свистящим шепотом спросила у дочери:

— В чем дело? Что случилось, Техану?

Техану обвела всех взглядом, и Олдеру показалось,

что под этим взглядом он превращается в нечто бесплотное, как дух, и девушка эта видит его насквозь.

— Позовите ее сюда! — повторила Техану и требовательно посмотрела на короля. — Можете вы позвать ее сюда?

— Это не в моей власти, Техану, — ласково ответил Лебаннен. — Возможно, Мастер Путеводитель с Рока сможет... или ты сама...

Техану яростно замотала головой.

— Нет, нет, нет, нет, — шептала она. — Я не такая, как она! У меня же нет крыльев!

Лебаннен вопросительно посмотрел на Тенар в поисках подсказки, но Тенар не сводила глаз с дочери, и в глазах ее было отчаяние.

Техану резко отвернулась от нее и посмотрела на короля.

— Прости меня, господин мой, — сказала она своим слабым хриплым голосом, — но мне нужно побыть одной. И подумать над тем, что сказал мой отец. Я непременно постараюсь ответить на его вопросы. Но я должна побыть одна. Пожалуйста!

Лебаннен поклонился ей и опять посмотрел на Тенар. Та подошла к дочери, обняла ее, и они медленно побрели прочь по залитой солнцем аллее мимо прудов и фонтанов.

А четверо мужчин снова уселись в кресла и некоторое время хранили полное молчание.

Наконец Лебаннен сказал:

— Ты был прав, Оникс! — И пояснил, повернувшись к остальным: — Мастер Оникс рассказал мне эту историю о женщине-драконе Ириан, когда я кое-что рассказал ему о Техану. О том, что еще совсем ребенком Техану сумела призвать на помощь дракона Калессина и разговаривала с ним на Языке Созидания. И Калессин тогда называл ее дочерью!

— Нет, все это действительно очень странно! — воскликнул Оникс. Он был потрясен и испуган и не скрывал этого. — До чего же странные настали времена! Женщина превращается в дракона, невежественная деревенская

девчонка, никогда ничему не учившаяся, говорит с драконами на Языке Созидания!..

Олдер, глядя на волшебника, удивлялся: почему же он, Олдер, не испытывает ни капли страха? Может быть, потому, что у него маловато знаний? И он просто не понимает, чего именно нужно бояться?

— Но ведь об этом существует немало старинных историй, — сказал Тосла. — Разве вы на Роке никогда их не слышали? Возможно, ваши стены просто не пропускают их внутрь, а? Это, конечно, всего лишь сказки, и их рассказывают самые простые люди... Даже и не сказки, а скорее песни. Например, есть у моряков песня, которая называется «Девушка из Белило», в ней говорится о том, как один моряк в каждом порту заводил себе возлюбленную и многих хорошеньких девушек заставил проливать слезы, пока одна из этих девушек не взлетела в небеса на бронзовых крыльях и не догнала корабль. Увидев своего бывшего возлюбленного на палубе, она схватила его и съела.

Оникс посмотрел на Тослу с глубочайшим отвращением. Но Лебаннен улыбнулся и сказал:

— Ну да, Женщина из Кемея... Старый Учитель нашего Верховного Мага, Айхал, которого все звали Огионом, рассказывал о ней Тенар. С виду она была обыкновенной деревенской старухой и жила, как все. Но Огион догадался, какова ее сущность, и она пригласила его в дом и угостила ухой. Это она сказала ему, что люди и драконы некогда были единым народом. А сама она, по ее словам, и дракон, и женщина одновременно. И только Огион, будучи великим магом, сумел увидеть ее как дракона.

— Так и ты видел Ириан, Оникс, — тихо сказал Лебаннен.

С трудом выговаривая слова, словно они не шли у него с языка, и обращаясь исключительно к королю, Оникс сказал:

— После того как Ириан улетела с Рока, Мастер Ономатет показал нам, ученикам, некоторые места в старинных мудрых книгах, которые всегда оставались недостаточно ясны магам, но которые можно было бы понять, если представить, что некоторые существа являются одновременно и людьми, и драконами. И еще там говорилось о какой-то ссоре между этими существами. А может, между людьми и драконами... Ни одно из таких мест и до сих пор как следует не расшифровано.

— Я надеялся, что Техану, возможно, сумеет как-то прояснить сложившуюся ситуацию, — сказал Лебаннен.

Голос его звучал так ровно и спокойно, что Олдер не понял — то ли он все еще надеется на это, то ли всякая надежда уже умерла в его душе. И тут он заметил, что какой-то человек спешит к ним по аллее мимо фонтанов. Это был седовласый воин из числа королевских гвардейцев, и Лебаннен, узнав его, двинулся ему навстречу. Они о чем-то поговорили с минуту почти шепотом, и гвардеец быстрыми шагами пошел прочь, а король вернулся к своим собеседникам.

— Есть новости, — сказал он, и в голосе его вновь металлом зазвенел вызов. — Над западной частью Хавнора летала целая стая драконов. Они подожгли леса, и из берегового гарнизона сообщают, что люди бегут в Южный порт и всем рассказывают, что горит город Резбел.

Той ночью самое быстрое судно королевского флота уже мчалось, имея на борту короля и его соратников, вдоль берегов острова Хавнор. Судно буквально летело по волнам благодаря волшебному ветру, поднятому Мастером Ониксом, и вскоре, уже на заре, вошло в устье реки Онневы, укрытое могучим плечом горы Онн. Отряд короля сошел на берег, и для него с корабля выгрузили одиннадцать лошадей из королевской конюшни, великолепных, сильных животных со стройными ногами. Лошади редко встречались тогда на островах Земноморья; достаточно много их было только на Хавноре и Семеле. Техану, например, хорошо знала ослов, но лошадей до сих пор ни разу не видела. Она провела большую часть ночи рядом с этими прекрасными животными, помогая конюхам удерживать и успокаивать их. Это были кони хороших кровей, отлично ухоженные и обученные, но к путешествиям по морю они пока не привыкли. Когда пришло время садиться на них верхом — на песчаном берегу реки Онне-

вы, — Оникс так испугался, что конюхам пришлось подсаживать его в седло и всячески подбадривать. Зато Техану взлетела в седло одновременно с королем и сидела на коне так, словно ездила верхом всю жизнь. Повод она подцепила своей изуродованной рукой и, похоже, не собиралась им пользоваться, объясняясь со своей кобылой каким-то иным, неведомым способом.

Маленький отряд сразу двинулся на запад, в предгорья, к лесу Фалиерн, все время сохраняя довольно приличную скорость. Это был самый быстрый способ добраться до места, по мнению Лебаннена, ибо, если плыть вдоль южной оконечности Хавнора или пробираться по берегу на лошадях, это отняло бы гораздо больше времени. А Оникс, будучи волшебником, должен был позаботиться о том, чтобы погода благоприятствовала путешествию. Он также должен был избавить путешественников от неожиданных встреч и препятствий и защитить их от любых возможных бед — кроме, разумеется, пламени, изрыгаемого драконами. Если бы они действительно столкнулись с драконами, то оказались бы совершенно беззащитными. Единственная надежда была на Техану.

Накануне, устроив совет со своими помощниками и офицерами охраны, Лебаннен быстро пришел к выводу, что нет никакой возможности ни воевать с драконами, ни защитить от них поля и селения: стрелы против них совершенно бесполезны, щиты не спасают. Он знал, что лишь величайшим магам дано порой победить дракона, но у него на службе такого мага не было, и он не знал, остался ли на свете хоть один такой маг. Однако он, король, обязан был защитить свой народ! И он не видел иного способа, кроме попытки переговоров.

Его личный слуга был потрясен, когда Лебаннен сам отправился к Тенар и Техану, а не послал кого-то за ними. Слуга считал, что король вправе приказать любому явиться к нему. «Только не тогда, когда король собирается умолять этого человека о помощи», — сказал слуге Лебаннен.

Когда изумленная горничная впустила его в покои Тенар, он смиренно спросил, нельзя ли ему переговорить с Белой Дамой, а также с Женщиной с Гонта. Впрочем, под

такими именами Тенар и Техану были известны всем — и во дворце, и во всей столице. То, что обе позволяли всем открыто называть их Истинными именами, как это делал и сам король, было такой редкостью, таким отклонением от правил и обычаев, от норм собственной безопасности и понятий о добродетели, что, даже зная их имена, люди произносили их вслух неохотно, предпочитая обходиться эвфемизмами.

Разумеется, обе женщины Лебаннена тут же усадили и стали расспрашивать о причине столь внезапного появления. Он быстро пересказал все последние новости и обратился к Техану:

— Возможно, только ты, Техану, единственная во всем королевстве, можешь мне помочь, если сумеешь призвать к себе этих драконов, как когда-то призвала Калессина, имея над ними какую-то власть. Если ты сможешь поговорить с ними, то спроси: почему они воюют с моим народом? Сможешь?

Молодая женщина, услышав его слова, вздрогнула и отвернулась, точно ища защиты у матери.

Однако Тенар не стала ни обнимать, ни защищать ее. Она стояла неподвижно и молчала. А потом сказала:

— Техану, когда-то давно я сказала тебе: когда к тебе обращается король, ты должна отвечать. Тогда ты, правда, была еще ребенком и меня все-таки не послушалась. Но теперь ты уже не ребенок.

Техану испуганно отступила от них, опустила голову, точно провинившийся ребенок, и едва слышно ответила своим хрипловатым голосом:

— Но я не могу их позвать. Я их не знаю.

— А Калессина ты позвать можешь? — спросил Лебаннен.

Техану покачала головой.

— Калессин слишком далеко, — прошептала она. — Я не знаю где.

— Но ведь ты — дочь Калессина! — сказала Тенар. — Неужели ты не можешь просто поговорить с этими драконами?

С несчастным видом Техану прошептала:

— Не знаю...

— И все же, Техану, если есть хоть малейший шанс, что они станут тебя слушать, — сказал Лебаннен, — то я умоляю тебя: попытайся использовать этот шанс! Пойми, я не в силах сражаться с ними. И я не знаю их языка, чтобы с ними поговорить и узнать, чего они хотят от нас, эти существа, способные уничтожить меня одним своим вздохом, одним взглядом. Пожалуйста, если сможешь, поговори с ними! Ради меня, ради нас всех.

Техану долго молчала. Потом так тихо, что Лебаннен едва расслышал ее, промолвила:

— Хорошо.

— Тогда готовься к путешествию. Мы отплываем в четвертом часу вечера. Мои люди доставят тебя на корабль. Спасибо тебе! И тебе тоже спасибо, Тенар! — Лебаннен на мгновение сжал ее руку в своей, но лишь на мгновение: перед отъездом у него было еще много забот.

Когда он примчался на пристань, хрупкая фигурка в плаще с капюшоном уже виднелась у сходней. Последняя лошадь, которую предстояло ввести на палубу, храпела и упиралась, боясь воды и незнакомой обстановки, а Техану, похоже, вела с конюхом какие-то переговоры. Потом она просто взяла лошадь под уздцы, что-то ей шепнула и преспокойно поднялась с ней на палубу.

Корабль — это ведь маленький и густо населенный дом, так что Лебаннен, уже после полуночи выйдя на палубу, случайно услышал, как на корме тихо переговариваются двое конюхов.

— Верная у девочки рука, — сказал один, а второй, судя по голосу, более молодой, подтвердил:

— Да уж, это точно. Да только смотреть на нее страшно, правда?

— Ну, если лошади против нее ничего не имеют, — возразил первый, — то и ладно. Тебе-то зачем на нее смотреть?

И второй прошептал:

— Не знаю. Но все смотрю и смотрю!

А когда они уже ехали верхом от песчаных берегов Онневы, поднимаясь в гору, при первой же возможности Тосла нагнал Лебаннена и поехал с ним рядом.

— Значит, она вроде как нашим переводчиком будет, верно? — спросил он.

— Если сможет.

— Что ж, в таком случае она куда смелее, чем я думал. Если с ней в первый раз случилось такое, то ведь может случиться и снова.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ее же чуть до смерти не сожгли!

— Да, только это был не дракон.

— А кто же?

— Люди. Ее родители.

— Ох, да разве такое возможно? — поморщился изумленный Тосла.

— Бродяги, воры, что с них взять. А ей тогда было лет пять. И никому не известно, что она там натворила, только кончилось все это тем, что родители избили ее до полусмерти и сунули в еще горевший костер на стоянке. А потом спокойно ушли, думая, что она либо уже мертва, либо скоро умрет и все сочтут это просто несчастным случаем. Так и сбежали! А деревенские жители ее нашли, и Тенар взяла ее к себе.

Тосла почесал за ухом.

— Какая милая история о человеческой доброте! Так, значит, она и Верховному Магу тоже не родная дочь? Но в таком случае объясни: что это все твердят, что она, мол, драконий приплод?

Когда-то Лебаннен немало колесил по морям вместе с Тослой, дрался с ним бок о бок во время осады Сорры и знал его как храброго, сообразительного и хладнокровного человека. И когда грубость Тослы заставляла его краснеть, он обвинял только собственную тонкокожесть. Но сейчас он рассердился.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — сухо и спокойно сказал он, — но сам я знаю только, что великий дракон Калессин называл ее дочерью.

— Угу. Между прочим, этот твой Оникс, этот замечательный волшебник с Рока, быстренько ушел в кусты, заявив, что в таких переговорах будет совершенно бесполезен. А ведь он точно умеет говорить на Древнем Языке! Верно?

— Да. Умеет. И запросто может с помощью нескольких слов превратить тебя в прах. И если он еще до сих пор этого не сделал, то только из уважения ко мне, но отнюдь не к тебе.

Тосла уныло кивнул:

— Это-то я знаю!

Они ехали верхом весь день, и так быстро, как могли выдержать лошади. Уже совсем в сумерках они добрались до маленького городка, спрятавшегося среди холмов, где лошадей можно было накормить и разместить на отдых. Сами наездники едва живые повалились на чрезвычайно неудобные кровати. Те из них, кто совершенно не привык к езде верхом, обнаружили, что едва могут передвигать ноги. Выяснилось, что здешние жители о драконах и слыхом не слыхивали. Больше всего их поразило появление целого отряда богатых незнакомцев на лошадях, которые потребовали всего лишь овес да постели и заплатили за это серебряными и золотыми монетами.

Задолго до рассвета всадники вновь двинулись в путь. От песчаных отмелей Онневы до Резбела было почти сто миль. За этот второй день они рассчитывали добраться до нижнего перевала в Фалиернских горах и спуститься по западным склонам в долину. Йенай, один из самых надежных офицеров Лебаннена, ехал впереди, на довольно значительном расстоянии от остального отряда; Тосла составлял арьергард; сам Лебаннен вел основную группу. Он трясся в седле, то и дело задремывая, погруженный в предрассветный покой, как в тихую воду, когда его разбудил громкий конский топот несущегося навстречу ездока. Это был Йенай, который возбужденно куда-то указывал. И Лебаннен тут же туда посмотрел.

Они как раз выехали из леса, и с вершины очередного холма перед ними открывался прекрасный вид на далекий еще перевал, который в неярком утреннем свете был виден довольно отчетливо. Горы по обе стороны от прохода высились могучими черными стенами на красно-золотистом фоне разгорающейся зари.

Однако Йенай показывал королю на запад.

— Это ближе, чем Резбел, — говорил он. — Отсюда миль пятнадцать, наверное.

Кобылка Техану хоть и была самой маленькой, но шла удивительно резво и была совершенно уверена, что именно она и должна вести за собой всех остальных. Если бы Техану ее не сдерживала, лошадка, наверное, перекусала бы всех остальных коней. Она все время отталкивала кого-то, пробираясь вперед, наконец оказалась все же впереди всего отряда и тут же успокоилась. Поэтому Техану мгновенно оказалась рядом, стоило Лебаннену натянуть поводья своего жеребца, и стала смотреть в ту же сторону, что и он.

— Лес горит, — сказал он ей.

Ему была видна только изуродованная половина ее лица, и он не был уверен, что она видит достаточно хорошо. Но она видела все и сама; ее изуродованная, похожая на коготь рука, державшая поводья, дрожала. «Она боится пожара — еще бы, ее так страшно обожгли в детстве», — подумал Лебаннен.

До чего же он был труслив и жесток, когда — о безумец! — упрашивал эту девочку: «Иди, поговори с драконами! Спаси мою шкуру!» И что теперь? Вот он притащил ее — прямо к лесному пожару!

— Хорошо. Мы сейчас поворачиваем обратно, — сказал он ей.

Техану подняла здоровую руку, показывая: «Смотри! Смотри!»

Ему показалось, что это просто искра от пожара, горящий пепел, взлетевший над черным шрамом перевала. Потом искра превратилась в подобие огненного орла, парящего в небесах... Это был дракон, и он летел прямо на них!

Техану, привстав в стременах, испустила пронзительный гортанный крик, похожий на крик морской птицы или ястреба, но это было человеческое слово, одно лишь слово: «МЕДЕУ!»

Огромный ящер подлетел ближе; он мчался на чудовищной скорости, хотя его длинные тонкие крылья шевелились почти лениво. Вблизи он утратил весь свой фантастический блеск; чешуя его уже не сверкала так в отблесках пожара, и теперь он казался абсолютно черным, черным с бронзовым оливом, и все равно был невероятно красив и ужасен в свете разливавшейся по небу зари.

— Смотрите за лошадьми! — предупредила Техану своим надтреснутым голосом, и в ту же минуту серый жеребец Лебаннена, увидев перед собой дракона, начал яростно биться, вставать на дыбы и откидывать голову. Лебаннен вполне способен был с ним справиться, но из задних рядов вдруг донеслось испуганное ржание, и он услышал топот копыт и окрики конюхов. Волшебник Оникс тут же спешился, бегом бросился к Лебаннену и встал возле него, держась за его стремя. Кое-кто остался в седле, остальные успели спешиться, но все, оцепенев, стояли и смотрели, как к ним подлетает дракон.

Техану опять что было сил выкрикнула слово «медеу». Дракон резко сменил направление полета, сбросил скорость и, подлетев еще ближе, как бы завис в воздухе, паря над отрядом на высоте примерно пятидесяти футов.

— МЕДЕУ! — снова позвала Техану и в ответ услышала что-то вроде протяжного эха: «МЕ-ДЕ-УУУ!»

— Что это значит? — спросил Лебаннен, наклоняясь к Ониксу.

— Сестра, брат, — прошептал волшебник.

Техану соскочила с лошади, бросив поводья Йенаю, и быстро пошла вперед по пологому склону точно к тому месту, над которым парил дракон. Его длинные крылья били по воздуху быстрыми, почти незаметными рывками, точно крылья парящего ястреба, вот только крылья эти были пятьдесят футов в длину от плеч и погромыхивали так, словно в воздухе кто-то бил в литавры или неведомое дитя играло огромной бронзовой погремушкой. И чем ближе подходила к дракону Техану, тем явственнее был виден тонкий завиток пламени, выползавший из разинутой длинной пасти с огромными зубами.

Она подняла руку. Не красивую, тонкую и смуглую руку, а другую, изуродованную, обожженную, похожую на коготь. Но страшные шрамы на плече и предплечье не позволяли ей как следует поднять руку, и она приподняла ее лишь примерно на уровень подбородка.

Дракон опустился ниже, вытянул шею и легко коснулся ее руки своей гладкой, сверкающей, чешуйчатой мордой. «В точности как собака, когда она приветствует своего хозяина, — подумал Лебаннен, — как сокол, когда садится хозяину на запястье; как король, когда он склоняет голову перед своей королевой».

Техану что-то сказала, дракон что-то ей ответил; оба говорили очень коротко, отрывисто, и голоса их походили на дрожащий звон цимбал. Снова обмен несколькими словами и снова пауза. Но вот заговорил дракон. Оникс весь превратился в слух. Еще один короткий диалог. Облачко дыма вырвалось из драконьих ноздрей; Техану неловко, но повелительно махнула своей изуродованной, скрюченной рукой и отчетливо произнесла два слова.

«Приведи ее!» — перевел шепотом волшебник.

Дракон тяжело взмахнул крыльями, опустил свою длинную голову и что-то прошипел, потом снова что-то сказал, потом подпрыгнул в воздух и сразу оказался где-то высоко над Техану, надо всеми, развернулся, описал над ними еще один круг и стрелой понесся к западу.

— Он называл ее Дочерью Старейшего, — прошептал волшебник Лебаннену.

Техану стояла неподвижно и смотрела вслед улетавшему дракону. Потом обернулась и улыбнулась Лебаннену. Она казалась ему такой маленькой и хрупкой на фоне этого огромного холма, поросшего лесом, что он птицей слетел с коня и бросился к ней. Он думал, что она совершенно обессилена, перепугана до смерти, и уже протянул ей руку, чтобы поддержать ее, помочь идти, но она по-прежнему улыбалась, и ее лицо, разделенное на две половины — ужасную и прекрасную, — сияло розовым светом разливавшейся по небу зари.

— Они больше не будут нападать. Они обещали ждать там, в горах, — сказала она спокойно.

И с изумлением огляделась, словно не понимала, где она и как сюда попала. А когда Лебаннен взял ее за руку, она ему это позволила, хотя прежде она никому не позволяла себя касаться. Отблеск огня и победоносная улыбка по-прежнему освещали ее лицо, и шла она удивительно легко.

Конюхи отвели коней попастись на мокрой от росы траве, а Оникс, Тосла и Йенай собрались вокруг Техану и Лебаннена, хотя и держались от девушки на почтительном расстоянии.

— Госпожа моя Техану, мне никогда еще не приходи-

лось видеть поступок такой смелости! — восхищенно сказал Оникс.

— Признаюсь, мне тоже, — поддержал его Тосла.

— Мне было очень страшно! — призналась Техану своим хриплым, невыразительным голосом. — Но я называла его братом, а он называл меня сестрой...

— Я не все понял из того, о чем вы говорили, — сказал ей волшебник. — Я ведь не так уж и хорошо владею Языком Созидания. Может быть, ты расскажешь нам, что все же произошло между вами?

Техану говорила медленно и по-прежнему не сводила глаз с западного края неба, где скрылся улетевший дракон. Тускло-красный отблеск далекого огня все больше бледнел по мере того, как все ярче разливалась заря.

— Я спросила у него: «Почему вы выжигаете земли, принадлежащие королю Земноморья?» И он ответил: «Настала пора нам вернуть себе наши земли!» И я спросила: «А что, это Старейший просил вас захватить их? И уничтожить на них все живое с помощью огня?» И тогда он сказал, что Старейший, то есть Калессин, улетел с Орм Ириан на самый далекий запад, где драконы любят кружить в потоках иного ветра. И еще он сказал, что молодые драконы, которые остались парить в этих небесах, на здешних ветрах, утверждают, что все люди — клятвопреступники и воры, что они похитили законную собственность драконов. И еще они уверены, что Калессин никогда не вернется, а потому не желают больше ждать и намерены прогнать людей со всех западных островов. Но недавно вернулась Орм Ириан; она сейчас на острове Пальн. И я сказала, чтобы он попросил ее прилететь сюда. И он обещал, что передаст ей мои слова и что она непременно прилетит к дочери Калессина.

Глава III

СОВЕТ ДРАКОНОВ

Из окна своей комнаты во дворце Тенар видела, как корабль уносит в ночь Техану и Лебаннена. Она не пошла провожать Техану на пристань. Это ей далось нелегко,

очень нелегко — отказаться от этого путешествия, не поехать вместе с дочерью. А ведь Техану просила, умоляла ее — это она-то, никогда ни о чем не просившая! Техану никогда не плакала, она не могла плакать, но в голосе ее явственно слышались рыдания, когда она говорила:

— Но я же не могу, НЕ МОГУ ехать одна! Поедем со мной, мама! Прошу тебя!

— Любовь моя, сердце мое, если бы я могла избавить тебя от этого ужаса, я бы, конечно, поехала с тобой! Но неужели ты не понимаешь, что сейчас я ничего изменить не в силах? Я уже сделала для тебя все, что могла, звездочка ты моя огненная. Король прав: только ты, ты одна можешь помочь ему.

— Но если бы ты была там, если бы я знала, что ты рядом...

— Я буду рядом. Я всегда рядом с тобой. Да и что я буду делать в отряде? Служить вам помехой? Вы должны как можно быстрее добраться туда; это будет трудное путешествие, и я бы только задерживала вас. Вы стали бы за меня опасаться, останавливаться. Нет, на этот раз я вам не нужна. Я в данном случае совершенно бесполезна, и ты должна это понять. Ты должна поехать одна, Техану.

И она, отвернувшись от своей дорогой девочки, принялась собирать Техану в дорогу, приготовила ей простое удобное платье, грубые башмаки, хороший теплый плащ. Если она и плакала, занимаясь сборами дочери, то ей она не позволила увидеть ни единой своей слезинки.

Техану же так и застыла на месте, ошеломленная, парализованная страхом. Когда Тенар велела ей переодеться, она послушно переоделась. Но когда королевский офицер Йенай постучался и спросил, можно ли ему уже проводить госпожу Техану к причалу, она не двинулась с места и молча смотрела на него с видом перепуганного зверька.

— Ступай, — сказала Тенар и обняла ее, ласково погладив изуродованную щеку Техану. — Ты ведь дочь Калессина в не меньшей степени, чем моя.

Девушка некоторое время еще цеплялась за нее, еще обнимала ее за шею, но потом решительно отстранилась, молча повернулась и пошла следом за Йенаем к двери.

И Тенар почувствовала пронизывающий холод ночи всем своим телом, к которому только что прижималась Техану.

Она подошла к окну. Огни на причале, мелькающие фигуры людей, стук копыт — это лошадей сводили по узким, крутым улицам к пристани. У пирса виднелись высокие мачты корабля; этот корабль она хорошо знала: «Дельфин». Она продолжала смотреть из окна и видела, как Техану поднялась на борт судна, ведя в поводу лошадь, которая то и дело взбрыкивала. И еще она увидела Лебаннена, который шел за ними следом. Она видела, как отдают швартовы, как стукается бортами о причал корабль, который на веслах выводят на простор залива, а затем на воде точно расцвел белый цветок — это подняли паруса. Свет кормового фонаря был виден еще долго; он дрожал на темной воде, постепенно дробясь на все более мелкие пятнышки, а потом исчез совсем.

Тенар прошлась по комнате, складывая вещи, которые сбросила с себя Техану, — шелковую рубаху, юбку, легкие сандалии. На минутку она прижала их к щеке и убрала в сундук.

А потом долго лежала без сна на широкой постели, и перед глазами у нее стояло одно и то же видение: пустынная дорога, по которой Техану идет совершенно одна, и падающий с неба страшный черный узел, превращающийся в сеть, в извивающуюся, свивающуюся в кольца сеть — это стая драконов, окруженных языками пламени, — и драконы устремляются прямо к Техану, и вот уже вспыхивают ее волосы, горит ее одежда... Нет! Нет! Этого не будет! Тенар заставила себя не думать об этом, открыла глаза, но стоило ей их закрыть, и она снова увидела пустынную дорогу и Техану, идущую по ней в одиночестве, и черный клубок драконов в небесах, объятый пламенем, подлетающий все ближе и ближе...

Когда мрак ночи сменился предрассветными сумерками, Тенар наконец заснула, совершенно измученная, и ей снилось, что она находится в доме Старого Мага у водопада, что она вернулась наконец домой и до смерти рада этому. Ей снилось, что она берет веник из-за двери, чтобы подмести дубовый пол, ибо Гед явно не слишком много времени уделял уборке, и вдруг видит в дальней стене дома дверь, которой там раньше не было. Она открывает эту дверь и обнаруживает за ней маленькую, низенькую пристройку из камня с побеленными стенами. И в этой комнатке на четвереньках стоит Гед, нет, не стоит, а как-то странно, скрючившись, сидит, и руки его безжизненно лежат у него на коленях, а голова у него не человеческая, а птичья, маленькая темная голова стервятника с хищно изогнутым клювом. И Гед говорит ей тихим, хриплым голосом: «Тенар, у меня же нет крыльев!» И при этих словах в душе ее поднимается такой гнев и такой ужас, что она... Тенар проснулась, задыхаясь и хватая ртом воздух, и увидела солнечный луч, скользивший по стене спальни, и вспомнила, что находится в королевском дворце, и услышала нежное чистое пение труб, сообщавших о наступлении четвертого утреннего часа.

Принесли завтрак. Она немножко поела, беседуя с Берри, пожилой горничной, которую она предпочла целому полку других горничных и благородных придворных дам, предоставленных ей Лебанненом. Берри была женщина умная, опытная, хорошо знавшая свое дело и к тому же деревенская, родом из внутренних земель острова Хавнор, и с ней Тенар сошлась куда лучше, чем с чопорными придворными дамами. Дамы, разумеется, были хорошо воспитаны и обращались с Тенар вежливо и учтиво, однако понятия не имели, как им разговаривать с особой, которая то ли бывшая каргадская жрица, то ли просто жена обыкновенного крестьянина с Гонта. Тенар видела, что им гораздо проще быть ласковыми с Техану, которая упорно хранила застенчивое молчание. Ее они, по крайней мере, могли жалеть. Тенар им жалеть было не за что.

А вот Берри могла ее пожалеть и жалела. И в то утро она очень хорошо утешила Тенар, сказав:

— Не волнуйся. Наш король непременно привезет девочку назад живой и здоровой. Неужели ты думаешь, что он потащил бы ее в такое опасное путешествие, если б знал, что не сможет уберечь от любой беды? Да никогда в жизни! Только не он! — Все это, конечно, было вранье, но Берри так страстно утешала Тенар и так верила в истинность своих слов, что она просто вынуждена была с нею

согласиться. Но это, к сожалению, не принесло ей душевного спокойствия.

Ей необходимо было чем-то заняться, ибо отсутствие Техану чувствовалось повсюду, и Тенар решила сходить к этой каргадской принцессе и посмотреть, не хочет ли та выучить пару-другую ардических слов или, по крайней мере, сказать Тенар, как ее зовут.

На Каргадских островах люди не хранят свои подлинные имена в тайне, как жители ардических земель. Как и здешние прозвища или «домашние» имена, имена каргов зачастую были обыкновенными значимыми словами: Роза, Ольха, Слава, Надежда. Иногда имя ребенку выбирали, согласно традиции, в честь какого-нибудь далекого предка. Но люди на Каргадских островах открыто называли свое имя и гордились тем, что оно, например, старинное или, скажем, передается из поколения в поколение по женской или мужской линии. Сама Тенар, правда, была слишком рано разлучена с родителями и так и не узнала, почему они назвали ее Тенар, но думала, что, скорее всего, так звали одну из ее бабушек или прабабушек. Это имя было у нее вскоре отнято, и жрицы стали называть ее только Ара, Поглощенная или Возродившаяся, и она вспомнила свое настоящее имя только тогда, когда его вернул ей Гед. Для него, как и для нее, оно было ее Истинным именем, хотя и не являлось словом Истинной Речи и не способно было обеспечить кому-то власть над нею. Так что она никогда его не скрывала.

И теперь она терялась в догадках: почему же принцесса скрывает свое имя? Прислужницы называли ее только Принцесса, или Госпожа, или Хозяйка, а послы — Принцесса, дочь Тхола, Хозяйка Гур-ат-Гура и тому подобное. Если у этой бедной девочки есть только титулы, то пора ей иметь и настоящее имя!

Тенар понимала, что не пристало гостье короля идти одной по улицам Хавнора, однако Берри и без нее забот хватало, так что она попросила дать ей в сопровождающие кого-нибудь из слуг, и провожать ее отправился очаровательный мальчик лет пятнадцати, видимо, паж, который так заботился о ней, особенно на перекрестках, словно она была дряхлой старухой, выжившей из ума и

трясущейся от старости. Тенар всегда нравилось гулять по Хавнору. Она давно обнаружила — и примирилась с этим, — что по улицам без Техану ходить куда проще. Люди, стоило им взглянуть на Техану, обычно тут же отворачивались, и Техану шла по улице вся зажатая, сплошное воплощение страдающей гордости, ненавидя и тех, кто глазел на нее, и тех, кто от нее отворачивался. И Тенар всегда страдала вместе с нею, а может, и больше, чем она.

Но на этот раз она могла никуда не торопиться, спокойно разглядывать витрины магазинов, рыночные прилавки, лица людей и их одежду. В порту Хавнор всегда было полно приезжих со всех островов Архипелага. Тенар с удовольствием отклонилась от основного маршрута и позволила своему юному провожатому показать ей улицу, где расписные мостики, перекинутые с одной крыши на другую, создавали ощущение какого-то волшебного воздушного сводчатого потолка; с мостиков во множестве свешивались какие-то вьющиеся растения, покрытые красными цветами, и во все стороны торчали длинные шесты с птичьими клетками, и птицы в этих воздушных зарослях чувствовали себя, как в саду, да и все это в целом казалось дивным садом, повисшим между небом и землей.

«Ах, как жаль, что Техану не может этого видеть!» — думала Тенар. Но о самой Техану или о том, где та сейчас находится, она старалась не думать.

Речной Дворец, как и Новый Дворец, были построены королевой Геру пять столетий назад. Речной Дворец лежал в руинах, когда Лебаннен взошел на трон; и он тщательнейшим образом отстроил его заново. Теперь это было прелестное тихое местечко, комнаты изысканно обставлены, но просторны и не загромождены мебелью; на темных, отполированных до блеска полах никаких ковров. Ряды узких застекленных дверей легко позволяли той или иной комнате превратиться в веранду, одной стороной выходящую на поросший ивами берег реки, и достаточно было сделать шаг, чтобы оказаться на широком деревянном балконе, нависшем над самой водой. Придворные дамы рассказали Тенар, что это самое любимое

место короля, он порой незаметно ускользает сюда, чтобы провести здесь ночь в одиночестве или с очередной возлюбленной. А потому, намекали дамы, неспроста, видно, Лебаннен поселил принцессу именно в Речном Дворце! Что же касается самой Тенар, то она была уверена, что Лебаннен просто не захотел оставаться с принцессой под одной крышей и поселил ее в первое же пришедшее ему на ум место, которое вполне соответствовало бы ее статусу. Хотя кто знает, может быть, придворные дамы и правы?

Стражники в сияющих доспехах, разумеется, тут же узнали Тенар и пропустили ее. Лакеи, объявив принцессе о ее приходе, прихватили с собой мальчика-пажа и отправились грызть орехи и сплетничать, что, похоже, составляло их основное занятие. Приветствовать гостью вышли придворные дамы. Дамы скучали здесь и были рады любому гостю, который мог им поведать хоть какие-то новости о походе короля против драконов. Тенар пришлось испить эту чашу до дна, и только тогда наконец дамы отпустили ее и проводили в покои принцессы.

Во время двух предшествующих кратких визитов ее сперва заставляли, правда некоторое время, ждать в приемной, а потом служанки с закутанными в покрывала лицами провожали ее в будуар принцессы — единственную темную комнату во всем этом просторном доме, полном воздуха и света. И принцесса всегда стояла посреди этой темной комнаты в своей нелепой шляпе с широкими полями, с которых до самого пола свисало красное покрывало, и выглядела так, словно ее прибили к этому месту гвоздями. В такие минуты она действительно своей неподвижностью напоминала кирпичную каминную трубу, как справедливо заметила леди Йеса.

Но на этот раз все было по-другому. Как только Тенар вошла в приемную, где-то далеко раздался пронзительный визг и топот ног, словно кричавшие люди разбегались в разные стороны. Потом в дверь буквально влетела принцесса и с диким криком, широко раскинув руки, бросилась к Тенар и крепко ее обняла. Тенар была маленького роста, и принцесса, девушка высокая и сильная, да еще и чем-то перепуганная, чуть не сбила ее с ног, однако успела подхватить и буквально удержала на весу своими сильными руками.

— О госпожа Ара, госпожа Ара! Спасите, спасите меня! — кричала принцесса.

— А что случилось?

Принцесса разрыдалась — то ли от неведомого ужаса, то ли от облегчения, то ли от того и другого сразу. Тенар из ее нечленораздельных и горестных жалоб и просьб удалось понять лишь отдельные слова насчет дракона и жертвы.

— Никаких драконов рядом с Хавнором нет, — строго сказала она, высвобождаясь из объятий принцессы. — И никого здесь в жертву не приносят. И вообще, о чем идет речь? Что тебе такого наговорили?

— Эти женщины сказали, что сюда летят драконы и что в жертву им принесут королевскую дочь, а вовсе не козу, потому что они колдуны, и я очень испугалась! — Выпалив все это, принцесса вытерла слезы, сжала кулаки и изо всех сил постаралась взять себя в руки. Она была действительно охвачена ужасом, неподдельным и неуправляемым. Тенар стало жаль ее. Однако она не позволила себе проявить эту жалость. Этой девочке пора научиться вести себя достойно в любой ситуации!

— Твои служанки невежественны и плохо знают здешний язык, так что просто ничего не поняли и черт знает что тебе наговорили! — сердито сказала Тенар. — Между прочим, сама ты и вовсе не знаешь ни слова по-ардически. А если б знала, то сразу поняла бы, что бояться нечего. Разве ты видела, чтобы кто-нибудь еще здесь метался от страха с воплями и слезами?

Принцесса не сводила с Тенар глаз. На сей раз на ней не было ни дурацкой шляпы, ни покрывал, она была одета в легкий воздушный наряд, ибо день был жаркий, и Тенар впервые видела перед собой не какой-то неясный силуэт под бесчисленными красными покрывалами. Принцесса была удивительно хороша собой, хотя глаза ее и опухли от слез, а лицо было покрыто красными пятнами. Рыжевато-каштановые волосы, карие с рыжими искорками глаза, округлые плечи и руки, полные красивые груди, тонкая гибкая талия — короче, прелестная юная женщина в самом расцвете своей красоты и силы.

— Но ведь никого из этих людей и не собираются приносить в жертву, — промолвила она наконец нерешительно. — Только меня!

— Никаких жертв! — отрезала Тенар.

— Но тогда зачем же сюда летят драконы?

Тенар тяжело вздохнула, набралась терпения и сказала:

— Знаешь, девочка, нам с тобой нужно обсудить множество самых различных вещей. И если ты станешь воспринимать меня как своего друга...

— А я и воспринимаю! — воскликнула принцесса и что было сил стиснула правую руку Тенар. — Ты и есть мой друг, у меня никаких других друзей нет, и я готова пролить ради тебя свою кровь!

И, как бы смешно это ни звучало, Тенар знала: она говорит чистую правду.

Она постаралась столь же крепко пожать девушке руку и сказала:

— Хорошо. Значит, мы с тобой друзья. Назови же мне свое имя.

Принцесса широко распахнутыми глазами смотрела на нее. Из носа у нее все еще немного подтекало, верхняя губа была прикушена, а нижняя дрожала. Судорожно, как ребенок, вздохнув, она произнесла:

— Сесеракх.

— Вот и отлично, Сесеракх. А меня зовут не Ара, а Тенар.

— Тенар, — повторила девушка и еще крепче сжала ее руку.

— А теперь, — Тенар говорила очень медленно и спокойно, пытаясь полностью овладеть обстановкой, — вели подать мне напиться. Я пришла издалека, и меня мучает жажда. И давай-ка присядем. Я немного передохну, а потом мы обо всем поговорим.

— Я сейчас! — крикнула принцесса и в несколько прыжков оказалась за дверью. Точно молодая львица на охоте, подумала Тенар. Где-то во внутренних помещениях послышались окрики и плач, затопали бегущие ноги, потом появилась одна из служанок принцессы, дрожащими руками поправила свое покрывало и что-то забормотала на таком дремучем северном диалекте, что Тенар понять ее оказалась не в силах.

— Говори на здешнем языке! — донесся откуда-то из дальней комнаты голос принцессы, и служанка жалобно пискнула на ардическом:

— Сидеть, пить, госпожа?

Вскоре принесли два кресла и установили их ровно посреди темноватой и душной комнаты — одно напротив другого. Следом явилась Сесеракх и встала возле одного из кресел.

— Знаешь, дорогая, я бы предпочла выйти на воздух и посидеть где-нибудь в тени, у воды, — сказала Тенар. — Если, конечно, это доставит удовольствие и тебе, госпожа моя.

Принцесса снова что-то рявкнула, женщины заметались, кресла перенесли на просторный балкон, и Тенар с принцессой наконец уселись там рядышком.

— Так, безусловно, лучше, — удовлетворенно сказала Тенар. Ей все еще казалось немного странным, что она говорит по-каргадски. Это не доставляло ей ни малейших трудностей или неудобств, однако она чувствовала себя актрисой, хорошо играющей свою роль.

— Неужели ты любишь воду? — спросила принцесса. Ее лицо уже успело приобрести свой естественный цвет — цвет густых сливок; глаза тоже больше не были припухшими и оказались не карими, а золотисто-голубыми, или, точнее, голубыми с золотистыми крапинками.

— Да, очень. А ты нет?

— Я ее ненавижу! Там, где я жила, воды не было.

— Ты жила в пустыне? Я тоже. До шестнадцати лет. А потом я пересекла море и приплыла на западные острова. Я очень люблю всякую воду — море, реки, ручьи.

— Ой, море! — Сесеракх даже поежилась и закрыла лицо руками. — До чего же я его ненавижу! На корабле меня все время выворачивало наизнанку. Без конца! День за днем, день за днем. Нет, я даже видеть никогда не желаю это море! — Она быстро глянула сквозь ветви ив на спокойную мелкую реку под ними. — Ну, эта вот река еще ничего, — с некоторым недоверием сказала она.

Служанка принесла поднос, на котором стоял кувшин с холодным питьем и чашки. И Тенар наконец-то напилась вдоволь.

— Принцесса, — сказала она, — мне нужно о многом рассказать тебе. Во-первых, драконы по-прежнему находятся отсюда довольно далеко, на дальнем западе. Во-вторых, король Лебаннен и моя дочь Техану отправились с ними на переговоры.

— На ПЕРЕГОВОРЫ? С драконами?!

— Да. — Тенар хотела было объяснить поподробнее, но передумала и сказала: — А теперь расскажи мне, пожалуйста, о драконах с Гур-ат-Гура.

Еще девочкой на Атуане Тенар слышала о том, что на острове Гур-ат-Гур есть драконы. Драконы угрожали тамошним жителям в горах, а разбойники — в пустыне. Гур-ат-Гур был остров бедный и очень далекий, и оттуда ничего хорошего никогда не привозили, разве что опалы, бирюзу и кедровые бревна.

Сесеракх глубоко и горько вздохнула и понурилась. На глазах у нее опять показались слезы.

— Это я просто о доме вспомнила, — попыталась оправдаться она и сказала это так по-детски искренне, что и у Тенар на глаза тоже навернулись слезы. — Ну, драконы вообще-то живут высоко в горах. В двух или трех днях пути от Месретха. Там кругом одни скалы, и никто этих драконов не тревожит, и они тоже никого не тревожат. Но раз в год они спускаются со своих вершин, сползают на животе по какой-то особой тропе. Тропа эта совершенно мягкая, потому что покрыта толстым слоем пыли — они ведь сползают по ней с начала времен. Эта тропа так и называется: Путь Драконов. — Принцесса видела, что Тенар слушает с величайшим вниманием, а потому вдохновенно продолжала: — Пересекать Путь Драконов запрещено. Это табу. На эту тропу человеку даже ступить нельзя! Ее нужно обходить как можно дальше, с южной стороны от того места, где совершаются жертвоприношения. Драконы начинают сползать вниз в конце весны. На четвертый день пятого месяца года они все собираются возле жертвенных камней. Никто из них никогда не опаздывает. И все жители Месретха и окрестных деревень тоже собираются там и ждут их. А когда они все наконец спустятся по Пути Драконов, жрецы приступают к жертвоприношениям. И это... А у вас на Атуане разве не совершаются весенние жертвоприношения?

Тенар покачала головой.

— Я ведь поэтому так и испугалась, — сказала Сесеракх. — Понимаешь, в жертву ведь могут и людей приносить! А если дела идут совсем плохо, то жрецы приносят в жертву королевскую дочь. В иных случаях это бывает обыкновенная девушка, но жрецы давно уже этого не делали. Во всяком случае, в последний раз это случилось, когда я была еще совсем маленькая. С тех пор как мой отец победил всех остальных правителей, жрецы приносили в жертву только одну козу и одну овцу. Они собирали кровь жертвенных животных в чаши, а жир бросали в священный костер и взывали к драконам. И все драконы собирались, пили кровь и глотали огонь костра. — Сесеракх даже на мгновение зажмурилась. Тенар тоже. — А потом драконы возвращались к себе, в горы, а мы — в Месретх.

— А эти драконы были очень большие?

Сесеракх раскинула руки примерно на метр в каждую сторону.

— Вот такие. Иногда и больше, — сказала она.

— А они умеют летать? Или говорить?

— Ой, нет! У них даже и не крылья, а просто такие... отростки. И они издают что-то вроде шипения, а говорить не умеют, как и все прочие животные. Хотя, конечно, драконы — животные священные. У нас дракон — это знак жизни, потому что огонь — это сама жизнь, а драконы глотают огонь и плюются огнем. И они священны, потому что приходят на весеннее жертвоприношение. Даже если никто из людей не придет, драконы все равно обязательно соберутся в этом месте! А мы приходим туда, потому что так делают драконы. Жрецы всегда разъясняют нам это перед тем, как совершить жертвоприношение.

Тенар некоторое время обдумывала услышанное, потом сказала:

— Здесь, на западе, драконы гораздо крупнее. Они просто огромные и умеют хорошо летать. Может быть, это действительно животные, но они умеют говорить! И тоже в какой-то степени считаются священными. И они очень опасны!

— Ну да, — подхватила принцесса, — я тоже думаю,

что драконы, хоть они и животные, гораздо больше похожи на нас, людей, чем эти проклятые колдуны!

Она произнесла «проклятые колдуны» скороговоркой, как одно слово и без какого-либо конкретного ударения в той или иной его части. Тенар помнила эти слова с раннего детства. Этими словами обозначали Темный народ, людей с ардических островов Архипелага.

— Это почему же? — спросила Тенар принцессу.

— Потому что драконы могут возрождаться! Как и все животные. Как и мы. — Сесеракх смотрела на Тенар с искренним удивлением. — А я думала, что раз ты была жрицей в самом Святом Месте, в Гробницах, то должна знать об этом куда больше, чем я!

— Нет, у нас там никаких драконов не было, — сказала Тенар. — И мне ничего о них не рассказывали, и я совсем ничего о них не знала. Пожалуйста, дорогая, расскажи мне то, чему учили тебя.

— Ну... надо сперва постараться припомнить все по порядку... Это ведь зимняя история, но, я думаю, ее вполне можно рассказать и летом: все равно ведь здесь, у вас, все неправильно! — Сесеракх вздохнула. — Итак, в самом начале, как ты знаешь, все мы были одним народом — все люди и все животные. И делали одно и то же. А потом мы научились умирать и возрождаться в разных обличьях — иногда в образе одного живого существа, иногда — совсем другого. Но особого значения это не имело, потому что, так или иначе, все равно умрешь, возродишься и сможешь стать кем угодно.

Тенар кивнула. Пока что эта история была ей хорошо знакома.

— Но лучше всего возрождаться, как возрождаются люди и драконы, — продолжала Сесеракх, — потому что драконы — существа священные. Вот все и стараются не нарушать запретов и обязательно соблюдать предписания жрецов, благодаря которым у человека больше шансов возродиться в человечьем обличье или уж, по крайней мере, в обличье дракона. Если, как ты говоришь, драконы здесь огромные и умеют говорить, то, по-моему, если возродишься в таком обличье, это нужно воспринимать даже как некое вознаграждение. Потому что стать одним из наших драконов не такая уж большая радость, во всяком случае, мне всегда так казалось.

Но самое главное — это то, что ПРОКЛЯТЫЕ КОЛДУНЫ в итоге обнаружили Ведурнан. Это такая вещь... Я, в общем-то, и не знаю толком, что это такое. Ведурнан говорил людям, что если они согласятся никогда не умирать и никогда не возрождаться, то смогут научиться творить всякое волшебство. И эти люди выбрали именно такую судьбу, выбрали Ведурнан. И отправились на запад. И Ведурнан и волшебство сделали их темными. И с тех пор они живут здесь, на западных островах. Все здешние люди — это потомки тех, кто выбрал Ведурнан. Они могут творить свое ПРОКЛЯТОЕ колдовство, но умереть они не могут. И возродиться тоже. Умирают только их тела. А остальное остается в темном месте и никогда больше не возрождается. И они похожи на птиц. Но летать не могут.

— Да-да... — прошептала Тенар.

— Неужели вы ничего не знали об этом на своем Атуане?

— Нет.

Тенар мысленно вспоминала историю, которую Женщина с острова Кемей некогда рассказала Огиону. О том, что в самом начале времен люди и драконы были единым народом, а потом разделились, и драконы выбрали дикую жизнь и свободу, а люди — богатство, власть и оседлость. Произошло Великое Разделение. А может, это та же самая история?

Но перед ее мысленным взором стоял иной образ: Гед, сидящий на корточках в каменной комнатке, и голова у него птичья — маленькая, черная, с хищным клювом...

— Ведурнан — это ведь не Кольцо, о котором тут все твердят, правда? Все говорят, что я буду должна носить его.

Тенар с огромным трудом вернулась к действительности, оторвавшись от воспоминаний о Расписной Комнате и своем вчерашнем сне, и переспросила:

— Кольцо?

— Ну да, Кольцо Уртакби.

— Эррет-Акбе. Это Кольцо Мира, Сесеракх. И ты будешь носить его только в том случае, если станешь здешней королевой, женой короля Лебаннена. Между прочим,

ты стала бы счастливейшей из женщин, выйдя за него замуж!

Выражение лица Сесеракх невозможно было истолковать как-то однозначно. Оно не было сердитым или язвительным. Скорее оно было безнадежным, но каким-то забавно безнадежным и очень терпеливым — в общем, лицо женщины лет на двадцать-тридцать старше.

— Никакого особого счастья в этом нет, дорогая Тенар, — с горечью промолвила она. — И удачи тоже. Я знаю, что должна выйти за него замуж. И погибнуть.

— Это почему же ты погибнешь, выйдя за него замуж?

— Если я выйду за него замуж, то должна буду, конечно же, назвать ему свое имя. А он, всего лишь произнеся мое имя вслух, украдет мою душу. Именно так всегда поступают проклятые колдуны! И именно поэтому сами они всегда свои имена скрывают! Но если он украдет мою душу, я не смогу умереть. Я буду вынуждена жить вечно, но лишенная тела — точно птица, которая не может летать, — и никогда не смогу возродиться!

— Так ты поэтому скрывала свое имя?

— Но я же назвала его тебе, дорогая Тенар!

— Да, конечно, и это драгоценнейший дар для меня, милая принцесса! — пылко заверила ее Тенар. — Но ты можешь сказать свое имя здесь любому, кому захочешь. Никто здесь не может украсть твою душу, поверь. И Лебаннену ты можешь вполне доверять. Он никогда... никогда не сделает тебе ничего дурного.

Однако девушка заметила ее запинку.

— Но он очень этого хотел бы! — запальчиво возразила она. — Ах, Тенар, дорогой мой друг, я знаю, кто я такая! В том большом городе Авабатхе, где живет мой отец, я была всего лишь глупой, невежественной женщиной, которую привезли в столицу из пустыни. Этакой «фейягат». Столичные дамы фыркали, переглядывались и толкали друг дружку локтями, стоило им меня увидеть. Ох уж эти шлюхи с обнаженными лицами! А здесь еще хуже. Я не могу понять, что за бессмыслицу бормочут эти люди и почему они не говорят нормально! И все, все здесь совсем не такое, как у нас! Я не знаю даже, что за еду мне предлагают. А питье! Должно быть, это какое-то колдовское питье — от него у меня кружится голова. Я не знаю здешних запретов и правил, и здесь нет ни одного жреца, у которого я могла бы спросить, как себя вести. Вокруг меня только женщины-колдуньи, все черные и с обнаженными лицами! И потом, я заметила, как король смотрел на меня. Знаешь, когда ты «фейягат», то всегда можешь это почувствовать по лицам других! Я же видела его лицо. Да, он очень хорош собой, он похож на воина, но он черный, он колдун, и он меня ненавидит! И не говори, что это не так, потому что я знаю: ненавидит! И, наверное, как только он узнает мое имя, то сразу отошлет мою душу в то страшное место!

Помолчав, любуясь тонкими ветвями ив, качающимися над спокойно текущей рекой, и чувствуя в душе усталость и печаль, Тенар сказала:

— В такой ситуации, милая принцесса, тебе нужно прежде всего научиться заставлять других любить тебя. И в первую очередь — короля. Ничего другого тебе не остается.

Сесеракх безнадежно пожала плечами и промолчала.

— Очень помогло бы, например, если бы ты понимала его язык, — продолжала Тенар.

— Багабба-багабба! Это же не язык, а тарабарщина какая-то!

— Это просто совсем другой язык. Наш язык для них тоже звучит как тарабарщина. Ну, хватит горевать, принцесса! Подумай лучше, как ты можешь ему понравиться. Неужели ты способна сказать ему только это «багабба-багабба»? Вот смотри, — и Тенар вытянула одну руку, указала на нее другой рукой и сказала «рука» сперва на каргадском языке, а потом на ардическом.

Сесеракх старательно повторила оба слова. После нескольких вполне успешных попыток выучить названия частей тела она, вдруг осознав великие возможности перевода с одного языка на другой, приободрилась, села прямо и с любопытством спросила:

— А как на этом колдовском языке будет «король»?

— Агни. Это слово из Древнего Языка. Я узнала его от своего мужа.

И, уже сказав это, Тенар поняла, что глупо на данном

этапе примешивать к процессу обучения еще и какой-то неведомый третий язык. Однако принцесса, казалось, не обратила на слова «Древний Язык» никакого внимания. Ее потрясло другое.

— У тебя есть муж? — Сесеракх уставилась на Тенар своими светящимися глазами львицы и громко рассмеялась. — О, как это замечательно! А я-то думала, что ты жрица! Ой, пожалуйста, Тенар, дорогая, расскажи мне о нем! Он воин? А он красивый? А ты его любишь?

Когда король уехал охотиться на драконов, Олдер совсем растерялся. Он просто не знал, куда ему деть себя, что делать, и чувствовал себя абсолютно бесполезным, неоправданно долго живущим в роскоши, в королевском дворце и к тому же виновным в беспокойстве, которое причинил всем своими историями. Он был не в состоянии целый день сидеть у себя в комнате и уходил в город, однако великолепие и бурная деловая жизнь столицы действовали на него угнетающе, и он, не имея ни денег, ни конкретной цели, мог только одно: бродить и бродить без конца по улицам, пока держат ноги. И каждый раз, возвращаясь во дворец Махариона, удивлялся, что стражники с суровыми лицами спокойно пропускают его. Лучше всего он чувствовал себя во дворцовом парке. Ему очень хотелось снова встретить там мальчика Роди, но тот не появлялся, и, возможно, это было даже к лучшему. Олдер считал, что с людьми ему разговаривать вообще не стоит, ибо те руки, что так стремились дотянуться до него из царства смерти, вполне могли дотянуться и до них.

На третий день после отъезда Лебаннена Олдер спустился в сад, чтобы погулять среди прудов и фонтанов. День был очень жаркий, а вечер тихий и душный. Олдер взял с собой Буксирчика и позволил котенку побегать и половить насекомых, а сам сел на скамью под раскидистой ивой и стал смотреть на воду, в которой мелькала порой серебристая чешуя жирных карпов. Он ощущал себя очень одиноким и несчастным, чувствовал, как слабеет та защитная стена, что отделяет его от тянущихся к нему рук мертвых, от их голосов. Да и пребывание здесь, в

конце концов, не принесло ему никакого облегчения. Может быть, ему стоит просто нырнуть в тот сон и навсегда в нем исчезнуть? Спуститься вниз по склону холма и раствориться во тьме? Никто на свете о нем не пожалеет, зато его смерть избавит многих от этой странной «болезни», которую он принес с собой. А у живых и без него забот хватит. Особенно теперь, когда, возможно, предстоит война с драконами. К тому же в темной стране он может снова встретить Лили...

Если он тоже будет мертв, то они не смогут даже коснуться друг друга. Все волшебники утверждают, что им этого даже и не захочется. Они говорят также, что мертвые забывают, что значит быть живым. Но ведь Лили тогда коснулась его! Она его поцеловала! Что, если они все-таки — пусть ненадолго — вспомнят, что такое жизнь, увидят друг друга, даже если и не смогут друг друга коснуться?..

— Олдер!

Он медленно поднял глаза и увидел рядом женщину. Маленькую седую женщину. Тенар. В ее глазах он прочел самое искреннее сочувствие и грусть, но никак не мог понять, чем она так расстроена. Потом вспомнил: ее дочь, та девушка с обожженным лицом, уехала вместе с королем. Возможно, оттуда пришли дурные вести. А что, если все они погибли?

— Ты не болен, Олдер? — участливо спросила его Тенар.

Он покачал головой. Говорить ему было тяжело. Ах, как легко было бы в той, другой стране! Не нужно ни с кем говорить. Не нужно встречаться ни с кем глазами. Не нужно ни о чем беспокоиться...

Тенар тоже присела на скамью.

— Тебя явно что-то тревожит, — сказала она.

Он только рукой махнул — да нет, все в порядке, не обращай внимания.

— Ты ведь какое-то время жил на Гонте, у моего мужа Ястреба. Как он там? О себе-то заботится?

— Да, — с трудом вымолвил Олдер. И тут же заставил себя ответить получше: — Он был для меня самым лучшим, самым гостеприимным хозяином!

— Рада это слышать, — кивнула она. — Я вообще-то о нем беспокоюсь. Он умеет вести дом и все хозяйство не хуже меня, и все же я очень не люблю оставлять его одного... Прошу тебя, скажи, чем он занимался, пока ты был там?

Он рассказал ей, что Ястреб собрал сливы и продал их в деревне, что они вместе чинили ограду, что Ястреб помогал ему спать, а потом придумал эту штуку с котенком...

Тенар слушала внимательно, серьезно, словно все эти мелочи были невероятно важны, не менее важны, чем те странные события, о которых они говорили здесь три дня назад, — о мертвых, взывающих к живому, о девушке, превратившейся в дракона, о драконах, сжигающих западные острова.

Но Олдер действительно не смог бы сказать, что, в конце концов, имеет для него больший вес: дела великие, но непонятные и странные или самые обычные, повседневные дела.

— Мне бы так хотелось сейчас уехать домой! — сказала Тенар.

— Мне тоже, только вряд ли это было бы хорошо. Я думаю, мне лучше никогда домой не возвращаться. — Олдер и сам не знал, зачем сказал это, но, слыша собственный голос, решил, что сказанные им слова в высшей степени справедливы.

Тенар с минуту смотрела на него своими спокойными серыми глазами, словно желая что-то спросить, но так ничего и не спросила.

— А еще мне хочется, чтобы и моя дочь вернулась домой со мною вместе, — сказала она. — Но, видно, зря я на это надеюсь. Я понимаю, она должна идти дальше. Но не знаю — куда!

— А ты не могла бы объяснить мне, что это за дар, которым она обладает? И что она за женщина такая, что сам король послал за нею и взял ее с собой на переговоры с драконами?

— Ох, если б я сама это знала! — воскликнула Тенар голосом, полным любви, печали и затаенной горечи. — Тогда бы я, конечно же, рассказала тебе об этом. Она ведь

не родная дочь мне, как ты, наверно, уже догадался или узнал. Она попала ко мне совсем малышкой. Мы тогда буквально вытащили ее из огня, да только спасти ее удалось с превеликим трудом... И следы все-таки остались. Когда мы с Ястребом стали жить вместе, Техану стала и его дочерью тоже. А потом именно она спасла нам жизнь, спасла нас обоих от страшных мучений, призвав на помощь дракона Калессина, которого еще называют Старейшим. И этот дракон называл ее дочерью! Так что Техану — дитя многих и никого конкретно. Кто она такая на самом деле, я, возможно, не узнаю никогда. Но мне все равно. Больше всего сейчас мне хочется, чтобы она была здесь, рядом со мной, в безопасности!

Олдеру очень хотелось подбодрить ее, успокоить, однако и его собственная душа сейчас слишком сильно нуждалась в поддержке.

— Расскажи мне немного о твоей жене, Олдер, — попросила вдруг Тенар.

— Я не могу, — сказал он в той тишине, что так легко лежала меж ними. — Я бы непременно рассказал, если б мог, госпожа Тенар! У меня сегодня так тяжело на душе, меня терзает такой страх, что я пытаюсь думать о Лили, но вижу только ту темную пустыню, склон того холма, уходящий во тьму, и не могу разглядеть ее среди других теней. Все воспоминания о ней, которые были для меня все равно что воздух и вода, ушли в эту сухую землю! У меня ничего не осталось.

— Ох, прости, — прошептала она, и оба снова некоторое время сидели в полной тишине и молчании. Сумерки сгущались. По-прежнему было очень тепло, не чувствовалось ни малейшего ветерка. Горевшие во дворце огни просвечивали сквозь резные ставни на окнах и поникшие ветви плакучих ив. — Что-то происходит, — сказала Тенар. — Я чувствую: в мире происходят великие перемены. И, возможно, скоро не останется ничего из того, что мы помнили и знали.

Олдер посмотрел в темнеющие небеса, на фоне которых отчетливо выделялись башни дворца; белый мрамор и алебастр, казалось, впитали в себя дневной свет и те последние закатные лучи, которые еще просачивались из-за

западного горизонта. Олдер отыскал глазами меч, вознесенный на вершину самой высокой башни, и увидел, как его острие слабо светится серебром.

— Смотри! — воскликнул он. На самом конце этого острия сияла звезда — точно бриллиант или капля воды. И пока они, не отрываясь, смотрели на это чудо, звезда потихоньку отделилась от меча и, поднявшись чуть выше, повисла прямо над ним.

Вдруг они услышали, что во дворце поднялся переполох, а за стенами его звучат громкие голоса, звуки горна, кто-то громким голосом отдает приказы.

— Они вернулись! — Тенар вскочила. Воздух наполнился тревожным возбуждением. Олдер тоже вскочил, и они бросились во дворец, но Олдер, прежде чем сунуть котенка за пазуху, все же еще раз взглянул на тот меч, теперь похожий на слабо мерцающий лучик света, и на звезду, что плыла, ярко сияя, прямо над ним.

Действительно, «Дельфин» на всех парусах влетел в гавань. Несмотря на душную летнюю ночь и полный штиль, волшебный ветер туго надувал его паруса. Никто во дворце не ожидал, что король вернется так скоро, однако же все было готово к его появлению в любой момент; нигде не наблюдалось ни малейшего беспорядка. На пристань мгновенно высыпали придворные, свободные от службы гвардейцы и простые горожане. Все были рады приветствовать своего короля, а песенники и арфисты уже готовились слушать историю о том, как он бился с драконами и победил их, чтобы потом сочинять об этом песни и баллады.

Однако встречавших постигло разочарование: король и сопровождавшие его лица направились прямиком во дворец, а гвардейцы и моряки с корабля повторяли одно и то же: «Они поднялись прямо в горы от песчаных отмелей Онневы, а через два дня вернулись. Волшебник Оникс даже специально послал к нам почтового голубя с приказом короля спуститься к выходу из залива, хотя сперва предполагалось, что мы встретимся с ними в Южном порту. Когда мы подошли к условленному месту в

устье реки, они уже поджидали нас. И были целехоньки! Мы видели, как горят леса над южным Фалиерном, и очень беспокоились».

Тенар тоже была среди собравшихся на пристани, и Техану бросилась к ней и крепко ее обняла. Но, когда они уже поднимались по улице ко дворцу, а вокруг мелькали огни и слышались радостные крики, Тенар по-прежнему думала: «Все переменилось. И она переменилась. Она никогда не вернется домой!»

Лебаннен шел, окруженный стражей. Напряженный и энергичный, он выглядел весьма воинственно и весь будто светился. «Эррет-Акбе! — кричали из окон люди, видя его. — Сын Морреда!» На ступенях королевского крыльца он обернулся — лицом сразу ко всей толпе, — и его звучный голос перекрыл крики и прочий шум.

— Слушайте меня, жители Хавнора! Эта Женщина с Гонта выступила в нашу защиту, призвав к себе самого главного из драконов, нападающих на побережье Хавнора! Они условились о перемирии, и вскоре один из драконов прилетит к нам, в столицу. Да, во дворец Махариона прилетит дракон! Но не для того, чтобы его разрушить, а для того, чтобы договориться с людьми. Пришло время, когда люди и драконы должны встретиться и спокойно поговорить. Предупреждаю вас: когда увидите летящего сюда дракона, не бойтесь и не стремитесь с ним сразиться. Не убегайте, не прячьтесь, а приветствуйте его в знак мира. Приветствуйте его так, как приветствовали бы великого правителя, который с миром прибыл к нам из далекой страны. И ничего не бойтесь! Ибо мы хорошо защищены мечом Эррет-Акбе, Кольцом Эльфарран и именем Морреда. И я своим собственным именем клянусь, что до конца своей жизни буду защищать и свою столицу, и свое королевство!

Люди слушали Лебаннена затаив дыхание. Когда же он повернулся и легкими широкими прыжками стал подниматься по лестнице, разразились приветственными криками и радостными восклицаниями.

— Я подумал, что лучше все же как-то предупредить их, — сказал он самым обычным голосом, обращаясь к Техану, и та молча кивнула. Он советовался с ней, как с

другом, как с боевым товарищем, и она вела себя с ним соответственно. Тенар и находившиеся поблизости придворные не могли не заметить этого.

Лебаннен приказал собрать завтра, в четыре часа утра, полный Королевский Совет, и все разошлись, а он ненадолго задержал Тенар и сказал вслед удалявшейся Техану:

— Это она нас защищает!

— Одна?

— Не бойся за нее. Она дочь дракона и сестра драконов. Ей доступны такие дали, куда нам путь заказан. Не бойся за нее, Тенар!

И она склонила голову, принимая его заверения.

— Благодарю тебя, что привез ее ко мне невредимой, — сказала она. — Пусть хоть ненадолго.

Они были в эти минуты одни в том коридоре, что вел в западные покои дворца. Тенар подняла на короля глаза и сказала:

— Я поговорила о драконах с принцессой.

— С принцессой? — непонимающе переспросил он.

— У нее есть имя. Я не могу назвать его тебе, пока она верит, что ты способен им воспользоваться, чтобы уничтожить ее душу.

Лебаннен нахмурился, но промолчал.

— Дело в том, — продолжала Тенар, — что на острове Гур-ат-Гур издавна живут драконы. Довольно маленькие, по словам принцессы, и бескрылые. И говорить они тоже не умеют. Но они там считаются существами священными. Этаким живым символом смерти и непременного возрождения. Принцесса, кстати, напомнила мне, что мой народ после смерти не уходит в ту страну, о которой рассказывает Олдер. Нет, мы уходим совсем не туда! И эта принцесса, и я, и драконы — все мы после смерти вновь обретем жизнь!

Лицо Лебаннена было исполнено самого пристального внимания.

— Гед задавал эти вопросы Техану, — очень тихо сказал он. — Неужели это ответ?

— Я рассказываю только то, о чем принцесса напомнила мне. И сегодня же непременно поговорю об этом с Техану.

Лебаннен снова нахмурился, явно размышляя. Потом его лицо прояснилось, он наклонился, поцеловал Тенар в щеку, пожелал ей спокойной ночи и быстрыми шагами пошел прочь. А она еще долго смотрела ему вслед.

Тронный зал был старейшим залом дворца еще при Махарионе. А во времена Гемаля, Морем Рожденного, принца Дома Илиен, впоследствии ставшего королем Хавнора, это был самый главный зал дворца. Потомками Гемаля были и королева Геру, и ее сын Махарион. В одном из многочисленных хавнорских лэ есть такие строки:

Сотня воинов и сотня женщин
За стол садились в Тронном зале
Гемаля, что рожден был морем.
И сыновья родов древнейших
Изысканно вели беседу.
Нет в мире воинов храбрее!
И в мире нет прекрасней женщин!

Этот зал являлся как бы центром всего дворца, и вокруг него более ста лет наследники Гемаля размещали другие залы, соединяя их переходами, и дворец все разрастался, пока Геру и Махарион не построили самую высокую башню, Алебастровую, или Башню Королевы, которая потом стала называться Башней Меча.

Всем этим башням было уже много веков, однако жители Хавнора упорно называли все это вместе Новым Дворцом, — собственно, «Новым» дворец стали называть со дня смерти Махариона. На самом деле, когда начал править Лебаннен, дворец был очень стар и наполовину разрушен. Он перестроил его практически полностью, не жалея средств. Купцы с Внутрених островов, ошалев от радости, что у них наконец появился настоящий король и настоящие законы, способные защитить их, сами стали платить королю необычайно высокую торговую пошлину, а кроме того, предлагали дешево или бесплатно самые различные строительные материалы для дворца. И в течение нескольких первых лет даже ни разу не пожаловались на слишком высокие налоги и на то, что, мол, дети их останутся нищими. Все это оказалось очень кстати, и Лебаннен сумел сделать Новый Дворец действительно новым и прекрасным. Однако Тронный зал — сменив в нем

лишь сгнившие балки и покрыв слоем свежей штукатурки старинные каменные стены, а также вставив стекла в узкие, расположенные почти под потолком окна, — он оставил во всей его невзрачной и мрачноватой неприкосновенности.

Во времена краткого правления представителей различных лжединастий, а также в Темные Годы, когда страной правили тираны и узурпаторы, выдержав все катаклизмы, королевский трон так и остался стоять на возвышении в дальнем конце длинного зала. Трон был деревянный, с высокой спинкой; некогда он был обит золотом, но теперь, разумеется, золота не осталось и в помине; вынули даже мелкие золотые гвозди, оставив в дереве дырочки; впрочем, кое-где гвозди все же застряли в древесине, особенно там, где золотую обшивку пришлось отдирать, что называется, «с мясом». Шелковые подушки и занавеси были украдены или сожраны молью, мышами и плесенью. И невозможно было даже представить себе, как выглядел этот трон когда-то. Неизменным осталось только место, где он стоял, да резьба на спинке — летящая цапля с веточкой ясеня в клюве, символ Дома Энлада.

Первые короли этого Дома прибыли с Энлада на Хавнор восемьсот лет назад. Там, где высится трон Морреда, говорили они, и есть наше королевство.

Лебаннен велел вычистить трон, заменить все сгнившие деревянные детали, покрыть дерево несколькими слоями олифы и отполировать, и трон снова засиял, точно темный атлас. Однако Лебаннен оставил его некрашеным, не стал обивать золотом и класть на него шелковые подушки — оставил его, можно сказать, голым. Кое-кто из богатых людей, приходивших полюбоваться заново отстроенным дворцом, был недоволен видом Тронного зала и самого трона. «Как в амбаре! — презрительно восклицали они. — Неужели это трон великого Морреда? Больше похоже на любимое кресло старого фермера!» А Лебаннен на это отвечал: «Что за королевство без амбаров! Ведь крестьяне со своими амбарами его и кормят!» Другие, правда, утверждали, что он говорил не так: «Неужели все мое королевство — лишь пустячная игрушка из золота и бархата? Или все же оно покоится на прочном фундаменте из бревен и камня?» А третьи считали, что Лебаннен и

вовсе не стал отвечать на замечания недовольных, разве что сказал, что «ему так нравится». И продолжал своими королевскими ягодицами усаживаться на жесткий, не покрытый ни коврами, ни подушками трон. Так что критикам его все равно не дано было сказать в этом споре последнее слово.

Вот в этот-то строгий зал с балками под потолком в конце лета, ранним холодным утром, окутанным морскими туманами, вереницей вошли члены Королевского Совета: девяносто один человек, мужчины и женщины. Их должно было быть сто, но в полном составе им никогда не удавалось собраться. Все эти люди были выбраны королем. Одни из них представляли знатные княжеские дома Внутренних островов, давно присягнувшие королю и короне; другие стремились выразить интересы отдельных островков и городов. Некоторых король ввел в Совет потому, что надеялся увидеть их в роли полезных и надежных помощников. В Совет входили также представители купечества, судовладельцы, хозяева фабрик, не так давно появившихся в Хавноре и других крупных портовых городах моря Эа и Внутреннего моря. Все это были люди известные, поистине великолепные в своей умышленной тяжеловесности и темных одеждах из тяжелого шелка. Были в Совете представлены и мастера из различных ремесленных гильдий, а также хитрые торговцы, умеющие заключить любую сделку. В толпе выделялась светлоглазая женщина с загрубелыми тяжелыми руками — она возглавляла женщин-рудокопов Осскила. Пришли на Совет и волшебники с Рока в таких же, как у Мастера Оникса, серых плащах и с деревянными посохами. Прибыл также волшебник с острова Пельн по имени Мастер Сеппель; у этого волшебника никакого посоха не было, но люди старались держаться от него подальше, хотя вид у Сеппеля был самый дружелюбный. Были там и знатные дамы, старые и молодые, из королевских фьефов и княжеств, разодетые в шелка с острова Лорбанери и жемчуга с Песочных островов. Две женщины представляли самые дальние острова Восточного Предела — одна из них была с острова Иффиш, а другая с острова Корп. Обе они были плотные, коренастые, исполненные чувства собственного достоин-

ства. Были на Совете также поэты и ученые из старинных университетов Энладских островов, а также некоторые капитаны сухопутных войск и королевского флота.

Всех этих советников, как уже говорилось, выбрал сам король. Каждые два-три года он непременно собирал их и просил еще послужить ему, а кого-то отсылал домой с благодарностями и почестями и заменял другими избранниками. Все законы, все налоги, все судебные дела он непременно обсуждал на Совете, прислушиваясь к словам людей, и окончательное решение принимал лишь с согласия большинства. Существовали, конечно, и такие, кто заявлял, что Совет ничего не значит, что советники — это всего лишь королевские марионетки, но на самом деле все обстояло иначе. Король действительно мог настоять на своем, особенно если приводил веские аргументы. Однако он избегал таких ситуаций, часто вообще не высказывал свое мнение и всегда давал возможность Совету самому принять то или иное решение. И многие члены Совета давно уже поняли, что если имеется достаточно доказательств правоты того или иного суждения, то вполне можно не только перетянуть на свою сторону других, но даже и убедить самого короля. Так что дебаты внутри различных подразделений и особых отделов Королевского Совета зачастую бывали жаркими, а во время сессий, когда весь Совет заседал целиком, королю не раз выдвигались весьма серьезные возражения, и в результате голосования он проигрывал. Впрочем, Лебаннен был хорошим дипломатом, а вот политиком — довольно равнодушным.

И потому находил, что Совет отлично ему служит. Кроме того, наиболее знатные и могущественные семейства королевства давно уже стали относиться к Совету с должным уважением. А вот простой народ на советников особого внимания не обращал. Эти люди все свои надежды, все свое внимание сосредоточили на личности самого короля. Были сложены тысячи лэ и баллад о «сыне Морреда», о «принце, верхом на драконе пересекшем царство смерти», о «герое Сорры, держащем в руках Меч Серриадха», о «ветви священной рябины» и о «высоком Ясене Энлада» — в общем, о всенародно обожаемом короле, ко-

торый правил Земноморьем под Знаком Мира. И, согласитесь, трудновато складывать песни о советниках, которые спорят по поводу портовых налогов.

Итак, не воспеваемые в народе, советники цепочкой тянулись в Тронный зал и занимали свои места на покрытых коврами скамьях, стоявших лицом к голому деревянному трону. Все встали, когда в зал вошел король. И вместе с ним вошла та самая Женщина с Гонта. Ее большая часть присутствующих видела и раньше, так что ее появление не вызвало в зале ни малейшего шума. За королем и Техану следовал какой-то хрупкий человек в черных, порыжевших от времени одеждах. «Выглядит как деревенский колдун», — заметил купец из Кемери судовладельцу с острова Уэй, и тот добродушно откликнулся: «Точно!» Короля Лебаннена любили почти все члены Совета или уж, по крайней мере, симпатизировали ему; ведь, в конце концов, именно он дал им власть, и немалую, и даже если они не чувствовали себя обязанными быть ему за это благодарными, то суждения его они безусловно уважали.

Пожилая леди Эбеа, запаздывая, вбежала в зал, и принц Сеге, который в этот день председательствовал, велел всем садиться, а потом сказал:

— Послушайте, уважаемые члены Совета, что нам расскажет наш король! — И в зале наступила полная тишина.

Лебаннен рассказал — и для многих это было буквально откровением — о нападении драконов на Западный Хавнор и о том, как ему вместе с Женщиной с Гонта, Техану, удалось вступить с ними в переговоры.

Некоторое время он специально держал аудиторию в напряжении, пространно рассказывая о более ранних нападениях драконов на острова Западного Предела, а заодно поведав собравшимся историю, которую рассказывал Оникс о той девушке, что превратилась в дракона на вершине Холма Рок. Он также напомнил советникам, что Техану считается как дочерью Тенар и Ястреба, бывшего Верховного Мага, так и дочерью дракона Калессина, на спине которого сам король был доставлен с далекого острова Селидор.

Затем наконец Лебаннен рассказал и о том, что про-

изошло близ перевала в Фалиернских горах три дня назад, на рассвете.

А закончил он следующими словами:

— И дракон пообещал передать послание Техану Орм Ириан, которая находится сейчас на острове Пальн. Теперь ей еще придется преодолеть довольно большое расстояние до нашего острова — не менее трех сотен морских миль. Но, как известно, драконы способны преодолевать большие расстояния куда быстрее любого судна, даже подгоняемого волшебным ветром, так что мы можем ожидать появления Орм Ириан даже в самое ближайшее время.

Принц Сеге первым задал Лебаннену вопрос, зная, что вопрос этот будет ему приятен:

— А что ты надеялся выиграть, господин мой, вступая в переговоры с драконами?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Гораздо больше, чем мы когда-либо могли бы выиграть, пытаясь с ними сражаться! Это трудно выразить словами, но это чистая правда: против гнева драконов нет защиты, и если они действительно намерены напасть на нас, то мы погибли. По мнению мудрецов, лишь одно место, возможно, сумеет выдержать их натиск: остров Рок. Но на самом Роке вряд ли есть хотя бы один человек, способный противостоять разгневанному дракону. А потому мы должны непременно выяснить причину их гнева и, устранив ее, заключить с ними мир.

— Но ведь это животные! — сказал старый правитель острова Фелкуэй. — Они лишены разума! Люди не могут договориться с животными и заключить с ними мир.

— Но разве у нас нет меча Эррет-Акбе, которым был убит Великий Дракон?! — вскричал кто-то из самых молодых членов Совета.

Ему тут же возразили:

— А кто убил самого Эррет-Акбе?

Дебаты в Совете всегда проходили шумно и беспорядочно, хотя принц Сеге придерживался строгих правил и не позволял никому прерывать выступающего или же говорить дольше, чем сыплется песок в двухминутных песочных часах. Болтуны и нытики тут же умолкали, стоило

принцу Сеге ударить об пол своим посохом с серебряным наконечником и предложить выступить следующему докладчику. Так что, в общем, каждый говорил или кричал весьма недолго, однако сказано было много — и того, что действительно должно было быть сказано, и того, чего говорить не нужно было совсем. Спорили главным образом из-за того, стоит ли вступать в войну с драконами и стремиться их победить.

— Да отряд лучников с любого боевого корабля перестреляет их над морем, как стаю уток! — горячился багровый купец из Уотхорта.

— Неужели мы должны пресмыкаться перед какими-то безмозглыми чудищами? Неужели у нас совсем не осталось героев? — высокомерно вопрошала королева Отокне.

На эти слова весьма резко ответил волшебник Оникс:

— Безмозглые? Драконы говорят на Языке Созидания, знание которого является основой всех магических искусств и умений! Да. Они кажутся нам чудовищами, но они не более чудовищны, чем мы, люди. Между прочим, люди — это тоже всего лишь говорящие животные!

Ониксу возразил шкипер, старый морской волк, совершивший немало дальних странствий:

— В таком случае разве не вы, мудрецы и волшебники, должны были бы с ними разговаривать? Раз уж вы знаете их язык и, возможно, разделяете их могущество? Наш король только что рассказывал, что какая-то юная, нигде не учившаяся волшебству девушка взяла да и договорилась с драконом. Разве не могли бы Мастера с острова Рок поговорить с этими драконами или принять их обличье и сразиться с ними? На равных, а?

И тут встал волшебник с острова Пальн. Он был невысок и говорил тихим голосом:

— Принять чье-то обличье — это означает СТАТЬ этим существом, капитан, — сказал он вежливо. — Маг действительно может порой выглядеть как настоящий дракон. Однако Истинное Превращение — искусство очень рискованное. Особенно сейчас. Ибо даже одна маленькая перемена среди множества других перемен сравнима со слабым дыханием, которое пробуждает страш-

ный ветер... Среди нас сейчас есть такой человек, которому никакой магии не нужно, чтобы разговаривать с драконами от нашего имени. И он умеет разговаривать с ними гораздо лучше, чем кто-либо другой. Если, конечно, пожелает говорить с ними от нашего имени, — прибавил он, помолчав.

И тут со своей скамьи, стоявшей возле тронного возвышения, поднялась Техану и громко сказала:

— Я буду говорить с ними! — И снова села.

После этих слов все споры прекратились и некоторое время стояла полная тишина, но вскоре все началось сначала.

Король слушал молча. Ему хотелось узнать, какие настроения преобладают у его подданных.

Нежными голосами пропели серебряные трубы, сыграв свою мелодию целых четыре раза, и это означало, что уже наступил час шестой, полдень. Король встал, и принц Сеге объявил перерыв до начала первого часа пополудни.

Завтрак, состоявший из свежего сыра, фруктов, зелени и овощей, был подан в одной из комнат в башне королевы Геру. Сюда Лебаннен пригласил Техану и Тенар, Олдера и Оникса, который, с разрешения короля, привел с собой также пельнийского волшебника Сеппеля. Все с аппетитом ели и разговаривали очень мало и тихо. В окна был виден залив и его дальний, северный, берег, тонувший в голубоватой дымке — то ли в остатках утреннего тумана, то ли в дыму лесных пожаров на западе острова.

Олдер по-прежнему недоумевал по поводу того, почему король включает его в круг самых близких людей и даже пригласил на Совет. Какое он-то имеет отношение к драконам? Он бы не смог не только сражаться с ними, но и просто беседовать. Сама мысль о столь могучих существах пугала его. Временами хвастливые и вызывающие крики членов Совета напоминали Олдеру лай собак. Он однажды видел, как одна молодая собака, стоя на берегу, все лаяла на океан, все сердилась, все пыталась укусить набегавшую волну и тут же отскакивала, поджав хвост, стоило волне намочить ей лапы.

Однако ему было очень приятно побыть в обществе Тенар. Рядом с ней ему всегда становилось легче, и он к

тому же очень полюбил ее за доброту и мужество. К своему удивлению, он обнаружил, что почти так же легко ему и в обществе Техану.

Ее уродство заставляло его порой думать, что у нее два лица и он просто не может увидеть их оба одновременно — либо одно, либо другое. Но Олдер уже привык к необычной внешности девушки, и это его совершенно не смущало. Ведь лицо его матери тоже было наполовину закрыто уродливым темно-красным родимым пятном, и лицо Техану напоминало ему об этом.

Теперь она казалась уже не такой беспокойной и встревоженной, как прежде. Сидела тихонько и пару раз даже заговорила с Олдером, который оказался ее соседом. В голосе ее слышалось какое-то застенчивое дружелюбие. Олдер чувствовал, что Техану, как и он, попала сюда не случайно, что состоялся некий ВЫБОР и она теперь должна следовать тем путем, которого пока что и сама не знает. Возможно, и ей, и ему уготован один и тот же путь? На некоторое время, во всяком случае. Мысль об этом придала Олдеру мужества. Понимая лишь одно — что ему предстоит закончить нечто давно уже начатое, — он инстинктивно чувствовал, что, чем бы это задание ни оказалось, его лучше будет выполнить вместе с Техану. Возможно также, их тянуло друг к другу просто по причине одиночества.

Однако в разговорах с ним Техану столь глубоких проблем не касалась.

— Мой отец, кажется, подарил тебе котенка? — спросила она, когда они вышли из-за стола. — Он его у Тетушки Мох взял?

Одер кивнул, и она спросила:

— Серого?

— Да.

— Это самый лучший котенок!

— Да, хорошая кошка, — согласился Олдер. — Все толстеет тут.

И Техану застенчиво поправила его:

— Я думаю, это «он».

Олдер и сам не заметил, что улыбается.

— Верно. Это мой маленький дружок. Один моряк на корабле прозвал его Буксирчиком.

— Буксирчик... — повторила Техану с удовлетворением.

— Техану! — Король подошел к ним и сел рядом с девушкой у окна. — Я тебя во время заседания не стал спрашивать и не стал просить, чтобы ты ответила при всех на те вопросы, которые лорд Ястреб задал тебе. Там это было неудобно, пожалуй. А здесь тебе удобно на них ответить?

Олдер с любопытством посмотрел на Техану. Она заговорила не сразу. Подумала немного, потом разок глянула на мать, которая, впрочем, никакого знака ей не подала, и наконец сказала:

— Хорошо, я отвечу тебе здесь, господин мой. Но нельзя ли также пригласить и принцессу с острова Гур-ат-Гур?

Король поперхнулся, но все же любезно предложил:

— Послать мне за ней?

— Нет, не нужно. Я сама потом к ней схожу. Мне, в сущности, не так уж много нужно ей сказать. Итак, мой отец спросил: «Кто после смерти уходит в темную страну?» Мы с мамой много говорили об этом. И мы думаем, что туда уходят люди. А вот уходят ли туда животные? Разве там летают птицы? Разве растут там деревья и трава? Олдер, ты же все это сам видел!

Застигнутый ее вопросом врасплох, он мог сказать лишь:

— Там... там есть трава по обе стороны стены, но она кажется мертвой. А дальше — я не знаю.

Техану посмотрела на короля.

— Ты прошел через всю эту страну, господин мой.

— Я не видел ни зверя, ни птицы и ни одного растения.

И Олдер поддержал его:

— Да, и мне лорд Ястреб говорил, что там только пыль да камни.

— Я думаю, что ни одно живое существо не попадает туда после смерти, кроме людей, — сказала Техану. — Но и не все люди попадают туда. — И она снова посмотрела на мать и на этот раз глаз от ее лица не отвела.

И Тенар заговорила:

— Карги в этом отношении похожи на зверей. — Голос ее был сух и бесцветен. — Они умирают, чтобы возродиться вновь.

— Это предрассудки! — воскликнул Оникс. — Прости меня, леди Тенар, но ведь и ты сама... — Он запнулся.

— Я больше не верю в то, что являюсь той, кем они меня считали — Арой, Поглощенной, Вечно Возрождающейся Жрицей, той Единственной, кому дана возможность бесконечного возрождения, а потому бессмертной. Я верю в то, что после смерти, как и любое смертное существо, воссоединюсь с величайшей сущностью нашего мира. Как эта трава, как эти деревья, как животные в этих лесах. Люди ведь тоже всего лишь животные, просто они умеют говорить. Ты ведь и сам сказал это сегодня утром, господин мой.

— Но мы можем говорить и на Языке Созидания, — запротестовал волшебник. — Изучая слова, с помощью которых Сегой создал наш мир, Истинную Речь нашей жизни, мы учим свои души побеждать смерть.

— Значит, страна, где нет ничего, кроме пыли и теней, это и есть ваши завоевания? — Теперь в голосе Тенар звучала насмешка, глаза ее сверкнули.

Оникс не нашелся что ответить. На лице его было написано возмущение.

Пришлось вмешаться королю.

— Лорд Ястреб задал и второй вопрос, — сказал он. — «Может ли дракон перелететь через ту каменную стену?» — И он посмотрел на Техану.

— Ответ на второй вопрос есть в ответе на первый, — сказала она. — Если драконы — всего лишь животные, умеющие говорить, то животные в темную страну после смерти не попадают. Видел ли хоть один из магов в той сухой стране дракона? Или, может быть, ты его там видел, господин мой? — Она посмотрела на Оникса, затем перевела взгляд на Лебаннена. Оникс, не задумываясь, выпалил:

— Нет!

Король был потрясен.

— Как это мне самому никогда такой простой мысли и в голову не пришло? — пробормотал он. — Нет, мы не видели там ни зверей, ни драконов. По-моему, их там нет.

— Господин мой, — вдруг очень громко сказал Олдер, — посмотри! Вон там, совсем близко, дракон! — И он, повернувшись лицом к окну, показал в небеса.

Все тут же повернулись к нему и... в небе над заливом увидели дракона, летевшего с запада. Его длинные, как лопасти ветряной мельницы, крылья медленно поднимались и опускались, отливая красным и золотым. За драконом в легком жарком мареве летел завиток дыма.

— Так-так, — промолвил король. — И какие же апартаменты мне приготовить для этого гостя?

Он смотрел на дракона восхищенными глазами, точно зачарованный. Однако, заметив, что дракон развернулся и теперь летит прямо к Башне Меча, Лебаннен бросился вон из комнаты, вниз по лестнице, расталкивая изумленных стражников, и успел-таки выбежать на просторную террасу перед белой башней до того, как дракон приземлился.

Собственно, терраса эта была крышей большого парадного зала и представляла собой довольно большой прямоугольник, покрытый мраморной плиткой и огражденный низенькой балюстрадой; Башня Меча возвышалась прямо над этой террасой и рядом — Башня Королевы. Дракон загрохотал когтями по мраморному полу, с громким металлическим шелестом сворачивая свои длинные крылья, и король вышел ему навстречу. В тех местах, где дракон тормозил, его огромные когти оставили в мраморе глубокие борозды.

Длинная морда, покрытая золотистой чешуей, покачиваясь, поворачивалась по кругу, точно у птицы. Дракон смотрел прямо на короля.

Король же, опустив глаза и не желая встретиться с ним взглядом, четко произнес:

— Добро пожаловать, Орм Ириан! Я — Лебаннен.

— АГНИ ЛЕБАННЕН! — оглушительно прошипел или просвистел дракон, приветствуя его; так когда-то, очень давно, приветствовал его и дракон Орм Эмбар на самом далеком западном берегу Земноморья, еще до того, как он стал королем.

Следом за Лебанненом на террасу выбежали и тут же остановились Оникс и Техану, а также несколько гвардейцев. Один стражник уже выхватил меч, и Лебаннен заметил, что из окна Башни Королевы высунулся другой стражник с луком и тяжелой стрелой, нацеленной дракону прямо в грудь.

— Сложите свое оружие! — вскричал он таким голосом, что эхо прозвенело по всему дворцу, и стража повиновалась с такой поспешностью, что тот стражник, с мечом, чуть не выронил свой клинок. Впрочем, лучник опустил свой лук весьма неохотно, с трудом заставляя себя оставить своего короля совсем беззащитным.

— МЕДЕУ! — прошептала Техану, подходя к Лебаннену и становясь с ним рядом; она-то глаз не сводила с дракона. Огромная голова чудовища снова качнулась, повернулась, и невероятных размеров янтарный глаз в сияющей глазнице, покрытой морщинистой чешуей, уставился на Техану.

А потом дракон заговорил.

Оникс, понимая Истинную Речь, шепотом переводил королю, что сказал дракон и что ему ответила девушка.

— Дочь Калессина, моя сестра! — сказал дракон. — Ты не можешь летать?

— Да, я не могу перемениться, сестра, — ответила Техану.

— Так, может быть, мне?..

— Ненадолго. Если захочешь.

И те, что были на террасе, и те, что смотрели из окон башен, увидели одну из самых странных вещей, какую только могли увидеть люди, сколько бы они ни прожили в мире волшебников и всяких чудес: дракон, огромное чудовище, покрытое чешуей, с огромным шипастым хвостом, занимавшим практически всю террасу, с украшенной красными рогами головой, которая раза в три превосходила своими размерами стоявшего рядом короля, вдруг склонил голову и задрожал; при этом крылья его зазвенели, точно цимбалы, и не дым, а лишь туман облаком вылетел из его глубоких ноздрей, собравшись в некую определенную форму и окутав всего дракона, так что и сам он стал полупрозрачным, точно помутневшее от старости стекло, а потом исчез. Полдневное солнце изливало свои жаркие лучи на изборожденный когтями дракона мра-

морный пол, но дракона там больше не было. Там стояла женщина! И стояла она шагах в десяти от Техану и короля. И в точности там, где должно было бы быть сердце дракона.

Женщина была молода, высока ростом и довольно крепкого сложения, очень смуглая, темноволосая, одетая в женскую крестьянскую рубаху и мужские штаны, босая. Она стояла неподвижно, словно растерявшись, и, опустив голову, рассматривала свое тело. Потом подняла руку и осмотрела ее.

— Какая маленькая! — промолвила она на обычном ардическом языке и, рассмеявшись, весело глянула на Техану: — Похоже знаешь на что? Так бывает, когда берешь в руки башмачки, которые были у тебя в далеком детстве, — сказала она.

И обе женщины двинулись навстречу друг другу, торжественно, точно воины в полном боевом облачении, приветствующие друг друга, или корабли, встречающиеся в морском просторе. Потом обнялись. Некрепко, но долго не размыкали объятий. А потом обе повернулись лицом к королю.

— Леди Ириан, — промолвил он и поклонился.

Ириан, казалось, была в некотором замешательстве, потом неуклюже, по-деревенски, сделала книксен. Когда она наконец подняла глаза, Лебаннен увидел, что глаза у нее цвета янтаря. Он заглянул в них и тут же отвернулся.

— В этом обличье я не причиню тебе никакого вреда, — сказала она, широко улыбаясь и показывая ровные белые зубы, — господин мой король, — прибавила она, словно стараясь быть вежливой.

Лебаннен снова поклонился ей. На самом деле в замешательстве был именно он. Он вопросительно посмотрел на Техану, потом на Тенар, которая как раз вышла на террасу вместе с Олдером. Но все молчали.

Глаза Ириан скользнули по Мастеру Ониксу, который стоял в своем сером плаще за спиной у короля, и лицо ее снова просветлело.

— Господин мой, — спросила она, — ты ведь с острова Рок? Да? А знаешь ли ты лорда Путеводителя?

Оникс то ли поклонился ей, то ли просто кивнул. Он тоже избегал смотреть ей в глаза.

— Здоров ли он? Гуляет ли по-прежнему среди своих деревьев?

И снова волшебник молча кивнул ей.

— А как там Мастер Привратник, и Мастер Травник, и Курремкармеррук? Они стали моими друзьями, они с самого начала были на моей стороне, они готовы были меня защищать! Если ты когда-нибудь вернешься на Рок, то передай им, пожалуйста, мой привет, мою любовь и мое уважение.

— Непременно передам, — пообещал волшебник.

— Здесь моя мать, — тихонько сказала Техану, — Тенар с острова Атуан.

— Тенар с острова Гонт, — поправил ее Лебаннен, и в голосе его уверенностью зазвенел металл.

С нескрываемым любопытством и восхищением глядя на Тенар, Ириан сказала:

— Так это ты вместе с Верховным Магом вернула Кольцо Мира из далекой страны Седых Людей?

— Да, — сказала Тенар, так же прямо глядя Ириан в глаза, как и Техану.

Высоко над ними, на балконе, опоясывавшем Башню Меча, почти у самой ее вершины, произошло вдруг некоторое замешательство: трубачи вышли на балкон, чтобы протрубить наступление очередного часа, но замешкались, все четверо сгрудившись на южной стороне балкона, глядя вниз, на террасу, и тщетно надеясь разглядеть там дракона. Лица людей виднелись в каждом окне, шум голосов с улиц доносился сюда, точно гул близкого прибоя.

— Когда они протрубят первый час, — сказал Лебаннен, — Совет соберется снова. Члены Совета, должно быть, видели, как ты прибыла сюда, госпожа моя, или, по крайней мере, слышали. Так что, если не возражаешь, мы пройдем прямо к ним и позволим им полюбоваться тобой. И если ты захочешь что-то сказать им, то обещаю тебе: они будут слушать очень внимательно.

— Отлично, — сказала Ириан и вдруг застыла. На какое-то мгновение в ней чувствовалась задумчивая пассивность рептилии, но стоило ей сделать шаг, и это впечатление сразу исчезло. Теперь она казалась просто очень высокой молодой женщиной, решительно и довольно неуклюже шедшей впереди всех.

— У меня такое ощущение, — говорила она с улыбкой, обращаясь к Техану, — словно я вот-вот взлечу, точно искорка: во мне ведь совсем не осталось веса!

Четверо трубачей на башне, обернувшись лицом к западу, северу, востоку и югу, протрубили одну музыкальную фразу из знаменитого плача, сочиненного пятьсот лет назад.

И на какое-то мгновение перед Лебанненом возникло лицо Эррет-Акбе — он был таким тогда, на берегу острова Селидор: темные, исполненные печали глаза, смертельная бледность. Весь израненный, он стоял рядом с останками дракона, убитого им в страшном поединке и убившего его самого. Лебаннену казалось очень странным то, что он именно сейчас вспомнил об этой давней встрече, и все же в этом была некая закономерность, ибо сейчас все, живые и мертвые, люди и драконы, собрались вместе, чтобы присутствовать на некоем великом событии, смысла которого Лебаннен постигнуть пока не мог.

На лестнице он подождал, пока его догонят Ириан и Техану, и, поднимаясь наверх с ними вместе, сказал:

— Леди Ириан, я бы хотел задать тебе множество вопросов, но есть среди них один, самый главный, и ответа на этот единственный вопрос мой народ и боится, и более всего желает знать его: собирается ли твой народ воевать с людьми, и если собирается, то по какой причине?

Ириан медленно склонила голову в знак согласия:

— Я расскажу членам твоего Совета все, что знаю.

Они прошли в Тронный зал через специальную, скрытую занавесями дверцу, находившуюся за троном. В зале царил жуткий беспорядок и стоял такой шум, что, когда принц Сеге решительно постучал своим посохом об пол, этого сухого стука почти никто не услышал. А потом вдруг на аудиторию словно обрушилась тишина: все умолкли и обернулись, чтобы посмотреть на короля, вошедшего в зал вместе с женщиной-драконом.

Лебаннен на трон не сел, а остался стоять перед ним; Ириан встала рядом, по левую руку от него.

— Слушайте короля! — провозгласил Сеге в мертвой тишине.

— Друзья мои и советники! — начал король. — Этот

день еще долго будет воспеваться в сказаниях и песнях! Дочери ваших сыновей и сыновья ваших дочерей будут говорить: «Я внук или внучка того, кто присутствовал в тот день на Совете Драконов!» Так что отдайте честь той, чье присутствие здесь — великая честь для всех нас! Слушайте Орм Ириан!

Некоторые из тех, кто был на Совете Драконов, утверждали потом, что, когда они смотрели прямо на Ириан, она казалась им всего лишь обыкновенной женщиной высокого роста, но если посмотреть на нее чуть искоса, то уголком глаза можно было заметить, что вокруг нее колышется некое золотистое марево, имеющее вполне определенные очертания, и рядом с этим туманным силуэтом совсем крошечными казались и король, и его трон. Многие из присутствовавших, зная, что человек не должен смотреть дракону в глаза, старались смотреть в сторону, но не выдерживали и все же украдкой поглядывали на Ириан. А женщины — так просто откровенно рассматривали ее, и некоторые из них находили ее простоватой, другие же — прекрасной, а третьи жалели «бедняжку», которой «пришлось явиться в королевский дворец босиком». А отдельные члены Совета, видимо, чего-то так и не поняв, все удивлялись: что это за женщина такая и когда же наконец прилетит дракон?

Во время выступления Ириан в зале стояла мертвая тишина. Голос у нее был достаточно звонкий, чисто женский, и его хорошо было слышно даже в самых дальних уголках зала. Ириан говорила медленно, очень четко выговаривая слова и очень разумно строя фразы, но почему-то казалось, что она не просто говорит, а переводит свои мысли в уме на ардический язык с какого-то иного языка.

— Раньше меня звали Ириан, — начала она, — Ириан из домена Старая Ирия, что на острове Уэй. Теперь же мое настоящее имя — Орм Ириан. Калессин, наш Старейший, называет меня дочерью. Я сестра Орм Эмбара, которого хорошо знает ваш король Лебаннен, и внучка великого дракона Орма, который убил Эррет-Акбе и сам был смертельно им ранен. Я здесь потому, что меня призвала моя сестра Техану.

Когда Орм Эмбар погиб на острове Селидор, уничтожив при этом смертное тело волшебника Коба, Калессин, прилетев туда с самого дальнего запада, отнес Лебаннена и Верховного Мага на остров Рок. Затем, вернувшись на Драконьи Бега, Старейший созвал наш народ, которого проклятый Коб лишил способности говорить и который из-за этого пребывал в страшнейшем замешательстве, и сказал: «Вы позволили злу одержать над вами верх и превратить вас в своих помощников. Однако вы были тогда лишены разума, но теперь вы вновь обрели способность мыслить здраво и говорить. Однако, пока дуют восточные ветры, вы никогда уже не сможете быть такими, какими были когда-то, — свободными и от добра, и от зла!»

И еще Калессин сказал так: «Когда-то давно мы сделали свой выбор. И выбрали свободу. А люди выбрали ярмо. Мы выбрали огонь и ветер, а они — воду и землю. Мы выбрали запад, они — восток. Но среди нас всегда находятся такие, кто завидует благополучию людей и их богатству, а среди людей всегда находится кто-то, завидующий нашей свободе. Вот в чем причина того, что зло сумело подчинить нас себе и войти в наши души. И оно снова сумеет одержать над нами верх, если мы не сделаем окончательный выбор — не решим раз и навсегда быть свободными! Вскоре я собираюсь на самый далекий запад — покружить в порывах иного ветра, подумать. Если хотите, я отведу вас туда. Или же подожду вас там, если вы решитесь последовать за мной».

И тогда некоторые драконы сказали: «Люди, с давних пор завидуя нам, украли у нас половину нашего царства! Ту, что лежит за западными границами их законной территории, и отгородили эти земли волшебными стенами, чтобы сделать их недоступными для нас. Давайте же теперь отгоним их далеко на восток и отберем у них наши острова! Люди и драконы не могут делить один и тот же ветер!»

И Калессин ответил им так: «Когда-то мы и люди были единым народом. И в знак этого в каждом поколении людей рождаются такие существа, которые одновременно являются и людьми, и драконами. И в каждом поколении драконов — а это куда более долгий срок, ибо

жизнь человеческая значительно короче нашей, — рождается один такой, который одновременно является и драконом, и человеком. Один из них живет сейчас на Внутренних островах. Но есть и еще один. И эти двое — вестники будущего; именно они несут нам возможность выбора. Но более на свете уже не будет таких существ — ни у драконов, ни у людей. Ибо Равновесие меняется! Выбирайте же. Отправляйтесь со мной, чтобы летать на иных ветрах по ту сторону этого мира, или же оставайтесь здесь и наденьте на себя вечное ярмо представлений о добре и зле. Или же превращайтесь в животных, в жалких, малорослых, лишенных способности говорить тварей!»

А под конец Калессин сказал еще так: «Последней, кто сделает свой выбор, будет Техану. После нее возможности выбирать уже не будет. И не будет пути на самый далекий запад. И только Лес останется, как это было всегда, в центре нашего мира».

Слушая Ириан, члены Королевского Совета застыли, как каменные изваяния. Да и сама Ириан напоминала говорящую статую, ибо стояла неподвижно и, произнося свою речь, глядела в одном направлении, словно не видя этих людей.

— С тех пор прошло несколько лет, — продолжала она. — Калессин улетел на самый далекий запад, и некоторые драконы последовали за ним, другие же нет. Когда мне наконец удалось воссоединиться со своим народом, я тоже последовала за Калессином. Но мне приходится все время и возвращаться обратно, и так будет до тех пор, пока здешние ветры способны нести меня.

Вы знаете, что нрав у представителей моего народа тяжелый. Те драконы, что остались здесь, на ветрах этого мира, стали летать стаями и поодиночке к островам, населенным людьми, снова заявляя: «Они украли половину нашего царства! И теперь мы отнимем у них все западные острова! Мы навсегда прогоним людей на восток, чтобы они больше не могли насаждать среди драконов свои понятия — ни о добре, ни о зле. Мы не сунем шею в их проклятое ярмо!»

Однако они стараются не убивать жителей западных островов, потому что еще помнят, как были безумны и

убивали друг друга. Они ненавидят вас, это правда, но убивать людей не начнут, пока вы сами не попытаетесь убить кого-то из них.

Одна из этих стай явилась сейчас на остров Хавнор, который мы называем Золотым Холмом. Тот дракон, который прилетел раньше всех и разговаривал с Техану, — это мой брат Аммауд. Аммауд сказал мне, что драконы по-прежнему намерены отогнать вас далеко на восток, но сам он, как и я, воплощает волю Калессина, стремясь освободить весь мой народ от того ярма, которое вы, люди, носите вечно. Если он, я и другие дети Калессина сможем предотвратить то зло, которое угрожает и вам, и нам, то мы сделаем это во что бы то ни стало. Но у драконов нет ни короля, ни правителя, они никому не подчиняются, они летают где хотят и, может быть, пока что будут вести себя так, как их просили я и мой брат, заклиная их именем Калессина, но долго это не продлится. Ведь драконы *ничего не боятся* — кроме, может быть, того вашего колдовства, которое связано со смертью.

Эти последние слова Ириан тяжело прозвенели в той тишине, что стояла в огромном зале.

Ириан умолкла, и слово взял король. Он поблагодарил ее и сказал:

— То, что ты выступила на нашем Совете, огромная честь для нас! Благодарю тебя за твой удивительно правдивый рассказ и клянусь собственным именем, что и мы будем говорить здесь только правду. Но я умоляю тебя, дочь Калессина, который принес меня с берегов смерти на родину, скажи нам еще раз: чего именно боятся драконы? Я всегда считал, они не боятся ничего ни в нашем мире, ни за его пределами.

— Мы боимся ваших заклинаний, связанных со смертью и бессмертием, — отвечала Ириан.

— Так все же со смертью или с бессмертием? — никак не мог понять Лебаннен. — Я ведь не волшебник. Пусть лучше вместо меня с тобой говорит Мастер Оникс, если ты, дочь великого Калессина, позволишь, конечно.

Оникс встал. Ириан посмотрела на него холодно и равнодушно и склонила голову в знак согласия.

— Леди Ириан, — начал волшебник, — мы не пользуемся заклятиями, якобы дающими бессмертие! Один

лишь Коб пытался стать бессмертным с помощью созданных им заклятий и полностью извратил все наше магическое искусство. — Оникс говорил медленно и с очевидной осторожностью, тщательно подбирая каждое слово и как бы сперва мысленно пробуя его на вкус. — Наш Верховный Маг Ястреб и наш король Лебаннен с помощью Орм Эмбара уничтожили Коба и то зло, которое он сотворил. И наш Верховный Маг отдал всю свою силу, чтобы исцелить мир и восстановить Великое Равновесие. И ни один волшебник в последнее время даже не пытался... — Оникс вдруг запнулся и умолк.

Ириан смотрела прямо на него. Он опустил глаза.

— А тот волшебник, которого уничтожила я, — медленно промолвила она, — тот Заклинатель с Рока по имени Торион — что же в таком случае пытался сделать он?

Оникс, потрясенный, молчал.

— Он сумел вернуться назад из царства смерти, — продолжала Ириан, — но не живым, как Верховный Маг и ваш король, а мертвым! И все же он вернулся, перебрался через стену и стал править Школой — и все это благодаря своей магии, вашей магии, Мастера Рока! Как же может мой народ верить вашим словам? Это ведь вы нарушили Великое Равновесие! Но можете ли вы восстановить его?

Оникс казался просто уничтоженным. Он посмотрел на короля и смиренно пробормотал:

— Господин мой, я не думаю, что это подходящее место для обсуждения подобных проблем... пока мы сами еще окончательно не поняли, что, собственно, должны сделать...

— О да, остров Рок хранит свои тайны! — заметила Ириан спокойно и презрительно.

— Но ведь на Роке... — начала было Техану, даже забыв встать, однако ее слабый голос тут же прервался, хотя принц Сеге и король одновременно посмотрели на нее и жестами предложили продолжить.

Техану встала и некоторое время молчала, словно нарочно оборотившись своей изуродованной щекой к членам Совета, которые так и застыли в ужасе на своих скамьях, «точно камни с глазами», по выражению Тенар.

— На острове Рок есть Имманентная Роща, — сказала

Техану. — Скажи, сестра, разве не ее имел в виду Калессин, когда говорил о Лесе, который является центром нашего мира? — И она, повернувшись к Ириан и откинув назад густые волосы, показала наконец присутствующим все свое лицо целиком, явно забыв о том, что они на нее смотрят во все глаза. — Может быть, нам следует отправиться именно туда, ибо оттуда начинается все на свете?

Ириан улыбнулась:

— Хорошо. Я с удовольствием туда отправлюсь, — сказала она.

И обе сестры посмотрели на короля.

— Прежде чем я пошлю тебя на Рок или сам отправлюсь с тобой, Ириан, — медленно проговорил Лебаннен, — я должен знать, ЧТО поставлено на карту. Мастер Оникс, мне очень жаль, что столь мрачные и важные для судьбы Земноморья проблемы мы вынуждены обсуждать так открыто. Однако же я доверяю своим советникам и надеюсь, что они поддержат меня, если я сумею найти верный курс. А вам, мои дорогие советники, следует усвоить одно: нашим островам нет необходимости бояться Западного Народа, ибо перемирие, по крайней мере пока, сохраняет свою силу.

— Да, это так, — подтвердила Ириан.

— Ты можешь сказать, надолго ли?

— Ну... полгода? — предположила она беспечно, словно речь шла об одном-двух днях.

— Хорошо. В таком случае и мы станем соблюдать перемирие в течение полугода и надеяться на то, что временное перемирие это сменится заключением долгосрочного мира. Прав ли я, леди Ириан, говоря следующее: заключая мир с нами, твои братья и сестры хотят быть уверены, что наши волшебники не поставят их под угрозу своими... научными опытами, которые способны изменить извечные законы жизни и смерти?

— Что они не поставят под угрозу жизнь всех нас, — поправила его Ириан. — Да, именно этого мы и опасаемся.

Лебаннен обдумал ее ответ и вдруг заговорил легким светским тоном, любезно улыбаясь при этом:

— Ну что ж, в таком случае, я полагаю, и мне следует отправиться вместе с вами на Рок! — Он повернулся к залу. — Итак, уважаемые члены Совета, поскольку перемирие объявлено, нам остается только стремиться к заключению постоянного мира. И я, чтобы достигнуть этой цели, готов отправиться куда угодно, выполнить любую работу, ибо я правлю в Земноморье под Знаком Мира. Если же вы видите какую-либо помеху для нашего путешествия на Рок, то говорите об этом открыто здесь и сейчас. Вполне возможно, равновесие сил в пределах Архипелага, как и все Великое Равновесие, находится сейчас под вопросом. Но учтите: в это путешествие следует отправляться немедленно, ибо близится осень, а до острова Рок путь неблизкий.

«Камни с глазами» ответили королю не сразу, пока наконец, не вмешался принц Сеге.

— Отправляйся же туда поскорее, господин мой король! — сказал он. — Отправляйся, и да пребудут с тобой наша надежда и наше доверие! И пусть лишь попутный ветер наполняет твои паруса! — По рядам членов Совета прошелестело невнятное: да, да, верно, слушайте, принц Сеге говорит именно то, что нужно.

А принц Сеге уже предложил перейти к обсуждению второго вопроса или же сразу к дебатам. Но никто в зале так и не сказал ни слова. И ему пришлось объявить заседание Совета закрытым.

Выходя вместе с ним из Тронного зала, Лебаннен сказал:

— Спасибо тебе, Сеге! — И старый принц ответил:

— Ах, Лебаннен, что же еще мог сказать я — жалкий смертный, стоявший между королем и драконом?

Глава IV

«ДЕЛЬФИН»

Множество дел нужно было завершить, множество сделать приготовлений, прежде чем король смог покинуть свою столицу. Важным был также вопрос, кому следует плыть вместе с ним на Рок. Разумеется, Ириан и Техану, но Техану непременно хотела, чтобы с нею поехала ее мать, Тенар, а Оникс сказал, что и Олдер в любом случае должен поехать туда, а также пальнийский волшебник

Сеппель, ибо, как известно, вся пальнийская премудрость связана именно с проблемой жизни и смерти и возможностью перехода из одного мира в другой. Король назначил капитаном своего знаменитого судна «Дельфин» шкипера Тослу, с которым и раньше немало путешествовал вместе. Управлять королевством во время своего отсутствия он поручил принцу Сеге, что принцу тоже было не впервой, а в помощники ему назначил нескольких избранных членов Совета.

Итак, все как будто уже было решено, но за два дня до отплытия к Лебаннену пришла Тенар и сказала:

— Ириан говорит, что ты намерен обсуждать с драконами вопросы войны и мира, а также многие другие жизненно важные вопросы, касающиеся равновесия во всем Земноморье. Мне кажется, жителям Каргадских островов тоже неплохо было бы принять участие в этих переговорах.

— Ну так ты и будешь их преставительницей.

— Нет. Я давно уже не подданная Верховного Правителя Каргада. Единственный человек здесь, который действительно может представлять каргов на этих переговорах, это дочь Верховного Правителя.

Лебаннен даже отшатнулся от нее. Он отвернулся, стараясь подавить гнев, а потом с трудом выдавил:

— Но она же совершенно не в состоянии вынести столь длительное путешествие, ты и сама это прекрасно знаешь.

— Ничего подобного я не знаю.

— К тому же она на редкость невежественна и, по-моему, довольно глупа.

— Неправда, она умная, практичная и смелая девушка. И прекрасно понимает, чего требует от нее статус принцессы Каргада. Править государством ее, конечно, не учили, но разве она может научиться этому, будучи заперта в Речном Дворце и общаясь только со служанками и тупоголовыми придворными дамами?

— Во-первых, она не знает нашего языка, а во-вторых...

— Она уже учит наш язык. А кроме того, я буду рядом и смогу что-то ей перевести при необходимости.

Лебаннен немного помолчал и осторожно сказал:

— Я, конечно, понимаю твою озабоченность относительно участия каргов в этих переговорах и постараюсь что-нибудь придумать. Но принцессе в этой экспедиции не место.

— Техану и Ириан тоже считают, что она должна поехать с нами. Да и Мастер Оникс говорит, что и приезд Олдера, и приезд каргадской принцессы сейчас — это отнюдь не случайность.

Лебаннен еще немного отступил от Тенар и, выслушав ее, возразил с каким-то вымученным терпением:

— Я не могу разрешить этого. Невежество и неопытность принцессы могут привести к тому, что она превратится в серьезную обузу для всех. И я не могу подвергать ее жизнь такой опасности. Взаимоотношения с ее отцом...

— Между прочим, будучи столь «невежественной», как ты говоришь, именно она, по сути дела, сумела первой ответить на вопросы Геда. Ты просто относишься к ней с тем же неуважением, что и ее отец! Ты говоришь о ней, как о неодушевленном предмете, как о безмозглой дурочке! — Тенар даже побледнела от гнева. — А если ты так боишься подвергать ее риску, то сперва спроси: не хочет ли она сама рискнуть?

Лебаннен молчал. А потом заговорил с тем же деревянным спокойствием и терпением в голосе, стараясь не смотреть Тенар в глаза:

— Хорошо, если ты, Техану и Орм Ириан полагаете, что эта особа должна отправиться с нами на Рок, и Оникс тоже с вами согласен, то я готов подчиниться вашему решению, хоть и считаю его ошибочным. Пожалуйста, передай принцессе, что если она хочет плыть с нами, то я разрешаю ей присоединиться к экспедиции.

— Это ей сказать должен ты!

Лебаннен не ответил. Он некоторое время постоял, по-прежнему не глядя на Тенар, и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Хотя он на Тенар и не смотрел, но все же успел заметить, какой она выглядит постаревшей и измученной. У нее даже руки дрожали, и ему стало жаль ее до слез и безумно стыдно за свое упрямство. Хорошо еще, что разго-

варивали они наедине! Однако мысли о Тенар были не более чем искорками света в той огромной тьме гнева, которая им владела: гнева на Тенар, на принцессу, на всех и каждого, кто возложил обязанность заботиться о ней именно на него. Выйдя из комнаты, Лебаннен рывком распахнул ворот рубахи, словно тот душил его.

Его дворецкий, человек медлительный и спокойный, совсем не ожидал, что король вернется так скоро и именно через эту дверь, и даже вскочил, изумленно уставившись на Лебаннена, но тот, бросив на него ледяной взгляд, сказал:

— Немедленно вели послать за принцессой; я желаю встретиться с нею здесь нынче в полдень.

— За какой принцессой?

— А что, у нас во дворце есть еще принцессы? Или ты не знаешь, что у нас гостит дочь Верховного Правителя Каргада?

Потрясенный слуга, заикаясь, пролепетал извинения, но Лебаннен прервал его:

— Нет. Лучше я поеду в Речной Дворец сам. — И он широкими шагами двинулся дальше, не обращая на спешившего за ним слугу с его надоедливыми вопросами о том, какую лошадь приготовить и кого назначить в сопровождение королю, а также что сказать людям, явившимся во дворец с различными петициями и ожидавшим в Большом Зале, ибо встреча короля с ними явно откладывалась. Но сейчас Лебаннен воспринимал все эти повседневные обязанности и ритуалы, в которых непременно должен был участвовать сам король, как некие силки, сети, которые утягивали его на дно, как зыбучие пески, в которые он случайно попал и которые не давали ему дышать!..

Когда к нему подвели его любимого жеребца, он так резко вскочил в седло, что конь, уловив его настроение, тут же попятился и встал на дыбы. Конюхи и адъютанты в ужасе шарахнулись в стороны. Это зрелище, однако, неожиданно вызвало у Лебаннена чувство глубокого удовлетворения, и он решительно направил коня прямо к воротам, даже не посмотрев, успела ли сесть на коней его свита, и гнал жеребца галопом по городским улицам, оставив сопровождавших его людей далеко позади. В голове у

него крутилась, правда, мысль о том, что все-таки следовало пропустить вперед того молодого офицера, который должен был кричать: «Дорогу королю!» — но был также оставлен позади и теперь не осмеливался не только обогнать Лебаннена, но и поравняться с ним.

Близился полдень; улицы и площади Хавнора были раскалены солнцем и почти безлюдны. Заслышав грохот копыт, люди шарахались в стороны, прятались в дверях маленьких темных лавок и уже оттуда с изумлением узнавали своего короля и приветствовали его. Женщины высовывались в окна, обмахиваясь платками и веерами, а заодно и сплетничая прямо через улицу, и тоже смотрели, как мчался Лебаннен. Они махали ему, а одна даже бросила королю цветок. Копыта его жеребца прозвенели по каменным плитам широкой, насквозь пропеченной солнцем площади, которая была абсолютно пустынна, если не считать собаки с пушистым хвостом, трусившей куда-то на трех лапах и совершенно равнодушной к присутствию королевской особы, и Лебаннен свернул в узкий проезд, по которому выехал прямо на вымощенную плиткой набережную Серренен. Теперь он поехал немного медленней, стараясь держаться в тени раскидистых ив, что росли у старой городской стены.

Эта скачка несколько подняла ему настроение. Жара и тишина улиц прекрасного старого города, ощущение живой насыщенной жизни, кипевшей за стенами и закрытыми ставнями домов, улыбка той женщины, что бросила ему цветок, тщеславное чувство удовлетворения от того, что он далеко обогнал охранников и глашатаев, и, наконец, запах и прохлада реки, а потом и того тенистого двора, где он знавал дни и ночи истинного блаженства и покоя, — все это утишило гнев в душе Лебаннена, осталось лишь странное ощущение некоторой опустошенности.

Его свита еще только въезжала во двор, а он уже соскочил с седла и поднимался на крыльцо. Его жеребец стоял спокойно, довольный тем, что наконец оказался в тени. Лебаннен решительно вошел во дворец, вспугнув стайку дремлющих пажей и лакеев. Его приезд был словно брошенный в застывший пруд камень, от которого быстро расходятся, все расширяясь, круги ужаса и паники.

— Сообщите принцессе, что я здесь, — бросил он.

Леди Опал из Старого поместья, что на острове Илиен, исполнявшая обязанности старшей фрейлины принцессы, появилась рядом с ним почти мгновенно. Она изысканно вежливо поздоровалась с королем, предложила ему прохладное питье и фрукты — в общем, вела себя так, словно визит Лебаннена в Речной Дворец отнюдь не был такой уж неожиданностью. Подобное лукавство отчасти льстило ему, отчасти его раздражало. Какие же все они лицемеры! Но, с другой стороны, как, собственно, должна была вести себя леди Опал? Стоять, разинув рот, точно вытащенная на берег рыба (именно так, кстати, и вела себя одна совсем молоденькая фрейлина), только потому, что король наконец, причем совершенно неожиданно, явился с визитом к принцессе?

— О, как жаль, что госпожи Тенар здесь нет! — сказала леди Опал. — С ее помощью было бы гораздо проще общаться с принцессой. Однако же и сама принцесса делает восхитительные успехи в изучении нашего языка!

О проблеме языка Лебаннен совсем позабыл. Он молча выпил предложенный ему прохладительный напиток, леди Опал еще пощебетала немного, прибегая также к помощи других придворных дам, чтобы расшевелить короля, но тот словно воды в рот набрал. Вообще-то Лебаннен уже подумывал о том, что ему, возможно, ничего другого не остается, как беседовать с принцессой в обществе всех ее фрейлин и служанок, что, собственно, полностью соответствовало этикету. Вряд ли он сам сумеет сказать то, что намеревался. Все было напрасно. Он уже готов был встать, извиниться и уехать, но тут в дверях показалась какая-то женщина, с головы до ног плотно укутанная в красное покрывало, и плюхнулась перед ним на колени, пролепетав:

— Пожалуйста! Король? Принцесса? Пожалуйста!

— Принцесса примет тебя в своих апартаментах, господин мой, — перевела леди Опал. И махнула рукой пажу, который повел Лебаннена наверх, через зал, через приемную, через большую темную комнату, которая показалась ему битком набитой женщинами в красных покрывалах, а затем на балкон, который нависал прямо над рекой. И там он снова увидел ту же загадочную фигуру, похожую

на красную кирпичную трубу, что и в день самой первой их встречи с принцессой.

Ветерок с реки заставлял ее покрывала слегка шевелиться и трепетать, и сейчас фигура эта казалась Лебаннену уже не такой громоздкой; напротив, под покрывалами даже угадывалось женское тело, причем достаточно изящное, подвижное, но дрожащее от страха, точно ивовая листва над рекой. И еще ему казалось, что принцесса время от времени как бы становится меньше ростом! «Это она приседает передо мной», — догадался Лебаннен. Он тоже учтиво ей поклонился, и оба, выпрямившись, застыли в растерянном молчании.

— Принцесса, — сказал наконец Лебаннен и умолк. От ощущения полной нереальности происходящего у него даже немного кружилась голова. — Я здесь для того, чтобы просить тебя отправиться с нами на остров Рок.

Она ничего не ответила. Но тонкие красные покрывала вдруг раздвинулись, и в образовавшемся овале показались ее руки. Руки были хороши: тонкие длинные пальцы, золотистая кожа. А за ними, как бы в красной тени, просвечивало ее лицо, но как следует рассмотреть его черты было невозможно. Принцесса была почти одного роста с королем, и глаза ее смотрели прямо на него.

— Мой друг Тенар, — сказала она по-ардически, — говорит: король видеть короля. Лицо и лицо. Я говорю: да. Я буду видеть.

Не очень хорошо поняв, что она хотела этим сказать, Лебаннен снова поклонился:

— Это для меня большая честь, госпожа моя.

— Да, — сказала она. — Я удостоила тебя чести.

Мда-а... Лебаннен смутился. Это действительно была ее территория.

Принцесса стояла по-прежнему очень прямо и совершенно неподвижно. Чуть трепетала на ветру золотистая кромка ее красного покрывала, а из красной тени на него в упор смотрели огромные глаза.

— Тенар, Техану и Орм Эмбар единодушны в том мнении, — осторожно начал Лебаннен, — что было бы очень хорошо, если бы с нами на острове Рок была и принцесса Каргадских островов. И я приехал просить тебя отправиться с нами.

— Отправиться?

— Ну да, на остров Рок.

— На корабле? — спросила она и вдруг, жалобно всхлипнув, шмыгнула носом. Но тут же взяла себя в руки и твердо ответила: — Я буду отправляться. С вами.

Он просто не знал, что ей на это ответить, и сказал просто:

— Благодарю, госпожа моя.

Она кивнула — один раз, как равный равному.

Он низко поклонился ей. И двинулся к дверям — так, как его еще в детстве учили выходить из покоев отца, князя Энлада, особенно в присутствии чужих людей: не поворачиваясь спиной к присутствующим, а неторопливо пятясь назад.

Она стояла лицом к нему, по-прежнему приподняв большую часть своих покрывал, пока он не достиг двери. Потом опустила руки, покрывала упали, скрыв ее под собой, и Лебаннен успел услышать, как она глубоко вздохнула от облегчения, освободившись наконец от мучительной необходимости совершать над собой такое насилие.

Смелая, мужественная — так говорила про нее Тенар. Он не совсем понимал ее речь, зато хорошо понимал, что ему только что дали урок настоящего мужества. Весь тот гнев, который еще недавно переполнял его душу, заставив его стрелой мчаться сюда, совершенно испарился. При этом Лебаннен отнюдь не чувствовал себя измученным или униженным. Нет, ему просто показали его место, и совершенно справедливо показали — место обыкновенного человека в сравнении с горной вершиной, царящей в чистых воздушных потоках.

Он миновал темную комнату, полную надушенных, закутанных в покрывала и что-то друг другу шепчущих женщин, которые так и шарахались от него, и спустился вниз. Потом немного дружески поболтал с леди Опал и другими дамами, успел сказать несколько ласковых слов той перепуганной двенадцатилетней фрейлине, которая так и стояла с разинутым от изумления ртом, и, настроенный вполне дружелюбно, вышел во двор, где его дожидалась свита. Затем он спокойно сел на своего крупного серого жеребца и медленно поехал назад, во дворец Махариона, погрузившись в глубокие раздумья.

Олдер с фаталистической покорностью отнесся к тому, что ему снова предстоит вернуться на Рок. Жизнь в периоды бодрствования стала казаться ему настолько странной, даже более странной, чем его сны, что у него почти не было сил ни задавать вопросы, ни протестовать. Если судьба велит ему провести остаток своей жизни в странствиях от острова к острову, то, значит, так тому и быть. Олдер понимал, что домой для него теперь пути нет. Ну что ж, по крайней мере, на корабле он будет в обществе госпожи Тенар и госпожи Техану, в присутствии которых у него всегда становилось легче на душе. Да и волшебник Оникс уже продемонстрировал ему свое доброе отношение.

Олдер был человеком застенчивым, а Оникс — в высшей степени сдержанным. К тому же между ними была огромная разница в уровне знаний и в статусе, и преодолеть эту пропасть было непросто. Однако Оникс вел себя уважительно, сам неоднократно подходил к Олдеру и беседовал с ним, выказывая достаточное почтение, и это обстоятельство Олдера особенно озадачивало и заставляло еще больше смущаться. Однако лишь Ониксу он решился задать тот вопрос, который не давал ему покоя.

— Дело в том, — начал он смущенно, — что, как мне кажется, будет неправильно, если возьму с собой этого котенка. Мне ведь придется долго держать его взаперти, а это совершенно неестественно для любого юного существа. И я все думаю: что же с ним теперь будет?

Оникс не стал спрашивать, какого котенка Олдер имеет в виду. Он спросил лишь:

— А котенок по-прежнему помогает тебе не видеть этих ужасных снов?

— Ну да, во всяком случае, очень часто.

Оникс задумался.

— Тебе, безусловно, нужна какая-то защита, пока мы не доберемся до Рока. Я уже думал об этом... А кстати, ты не говорил на эту тему с волшебником Сеппелем? Он ведь еще здесь.

— С пальнийским волшебником? — В голосе Олдера послышался страх.

Пальн, самый крупный остров к западу от Хавнора, расположенный в Пальнийском море, пользовался сла-

вой места весьма таинственного. Пальнийцы говорили на диалекте ардического языка, но с очень странным акцентом, вплетая в речь немало местных слов. Их правители с давних времен отказывались присягнуть на верность королям Энлада и Хавнора. Их волшебники никогда не совершали путешествий на Рок и не посылали свою молодежь учиться в тамошней Школе. Пальнийская премудрость и магия основывались на знании Древних Сил Земли и повсеместно считались опасными, даже зловредными. Некогда Серый Маг уничтожил почти все население своего острова, призвав себе в советники души мертвых. История об этом непременно изучалась всеми, кто имел отношение к магии. «Живые не должны советоваться с мертвыми!» — таков был основной вывод, сделанный Мудрецами с Рока, и с тех пор не одна дуэль состоялась между волшебниками Рока и Пальна. Во время одного из таких магических поединков — а случилось это двести лет назад — на жителей островов Пальн и Семел обрушилась страшная эпидемия чумы, невольно выпущенной на волю одним из волшебников; тогда обезлюдела половина городов и селений на обоих островах. А пятнадцать лет назад волшебник Коб решил воспользоваться Пальнийской премудростью, чтобы свободно переходить из царства жизни в царство смерти и обратно. Тогда Верховному Магу Ястребу пришлось отдать все свои силы и могущество, чтобы победить Коба и исправить то зло, которое он принес.

Олдер, как и почти все придворные и члены Королевского Совета, избегал встреч с волшебником Сеппелем, хотя и был с ним всегда очень вежлив.

— Я просил короля взять его с нами на Рок, — сказал ему Оникс.

Олдер только глазами захлопал от удивления.

— На Пальне гораздо больше нас знают обо всех этих вещах, — продолжал Оникс. — Да и все наше искусство Истинных Превращений и Заклинаний корнями своими уходит в Пальнийскую премудрость. Торион был настоящим мастером своего дела... А теперешний Мастер Заклинатель, Бранд с острова Венвей, не желает иметь с этой премудростью ничего общего. Однако, оставаясь со-

всем не использованной или будучи использованной неправильно, премудрость эта способна принести неисправимые несчастья. Возможно, лишь наше собственное незнание, наше невежество приводит к тому, что мы неправильно используем ее. Она ведь восходит к глубокой древности; возможно, в ней содержатся и такие знания, которые мы давно утратили или не имели совсем. Сеппель — очень мудрый человек и настоящий волшебник. Я уверен, что ему нужно плыть с нами. И, мне кажется, он мог бы помочь тебе, если, конечно, ты захочешь ему довериться.

— Если ты ему доверяешь, — сказал Олдер, — то и я буду доверять.

Стоило Олдеру заговорить так, и Оникс сразу вспомнил о знаменитом «серебряном языке Таона». Волшебник улыбнулся своей суховатой улыбкой и сказал:

— Ты прав, Олдер, и я надеюсь, что вскоре ты оценишь Сеппеля столь же высоко, как и я. Или даже выше. Если хочешь, я провожу тебя к нему.

Они вместе вышли из дворца и направились в город. Сеппель жил в старой его части, возле самого порта, на Лодочной улице; там существовало нечто вроде маленькой колонии пальнийцев, которые работали на королевских верфях, ибо жители Пальна всегда славились как искусные кораблестроители. Дома здесь были старинные, построенные тесно и густонаселенные; от одной крыши дома к другой были перекинуты мостики, что придавало этим кварталам вид совершенно фантастический, ибо высоко над обычными улицами, вымощенными булыжником или плиткой, раскинулась целая сеть улиц воздушных.

Квартира Сеппеля, до которой еще нужно было преодолеть целых три лестничных пролета, состояла из трех комнат, затемненных и с закрытыми окнами, что спасало от жары, которая в эти последние дни уходящего лета никак не хотела спадать. Сеппель предложил гостям подняться еще на один пролет лестницы и выйти на крышу. Крыша тоже была соединена с соседней мостиком. Здесь, наверху, подумал Олдер, свои вполне оживленные пути и перекрестки. У низеньких парапетов были прикреплены матерчатые навесы, дававшие благодатную тень; ветерок,

дувший с залива, также приносил прохладу. И гости вместе с хозяином уселись в тени на полосатые полотняные подушки в том уголке крыши, который, как считалось, принадлежал квартире Сеппеля, и он угостил их холодным, чуть горьковатым чаем.

На вид Сеппелю было около пятидесяти. Он был кругленьким коротышкой с маленькими ручками и ножками, с непокорными курчавыми волосами и, что уж совсем редко встречалось у жителей Архипелага, с гладко выбритым лицом, которое, впрочем, уже успело с утра покрыться густой черной щетиной. Манера держаться у него была очень приятная, и говорил он тихо и ласково, с певучим пальнийским акцентом.

Волшебники довольно долго говорили о чем-то друг с другом, а Олдер слушал, но не особенно прислушивался. Мысли его все время уплывали куда-то в сторону, ибо Оникс и Сеппель говорили о людях и проблемах, которые были Олдеру совершенно незнакомы. Он смотрел вдаль, поверх крыш и разбитых на крышах садов, поверх выгнувшихся дугой резных мостиков, — на север, на гору Онн, огромный бледно-серый купол которой возвышался над подернутыми жарким маревом холмами. И прервал свои мечтания, только услышав, как пальнийский волшебник говорит:

— ...и возможно, даже сам Верховный Маг не смог полностью исцелить ту рану в ткани мироздания!

Рана в ткани мироздания. Да, подумал Олдер, да. Он внимательно посмотрел на Сеппеля, и тот тоже посмотрел на него. И, каким бы ласковым ни было выражение его лица, глаза его смотрели очень остро.

— Возможно, не только наше желание жить вечно заставляет эту рану оставаться открытой, — снова заговорил Сеппель, — но и желание мертвых умереть совсем.

Странные слова! И снова Олдер почувствовал, что знает, о чем идет речь, даже не понимая смысла сказанных слов. И снова Сеппель быстро и остро глянул на него, словно ожидая какого-то ответа.

Однако Олдер не сказал ни слова. Молчал и Оникс. И тогда Сеппель спросил:

— А когда ты стоишь на самой границе, мастер Олдер, то слышишь, О ЧЕМ они тебя просят?

— Они просят освободить их, — прошептал Олдер едва слышно.

— Освободить! — шепотом повторил Оникс.

И все трое надолго замолчали. Две девочки и мальчик со смехом и криками промчались мимо и исчезли в переплетении мостов и крыш. «На следующей — вниз!» — крикнул кто-то. Дети явно играли во что-то вроде пряток; в такие игры всегда любили играть городские дети, снующие в лабиринте улиц и каналов, лестниц и мостов.

— Возможно, это с самого начала была неудачная сделка, — промолвил Сеппель и, когда Оникс, не понимая, о чем он, вопросительно посмотрел на него, прибавил: — ВЕРВ НАДАН.

Олдер знал, что это слова из Древнего Языка, но значение их было ему неизвестно.

Оникс, заметно помрачнев, сказал:

— Ну что ж, я надеюсь, мы сможем добраться до истинного смысла этой сделки, и очень скоро.

— Ну да, на Холме, где все обретает свое истинное лицо, — сказал Сеппель.

— Я рад, что и ты будешь там с нами вместе, — заметил Оникс. — А теперь обрати, пожалуйста, свое внимание на Олдера. Его призывают к самой границе царства смерти каждую ночь, и ему бы нужна хоть какая-то передышка. Я сказал, что ты, возможно, знаешь, как помочь ему.

— Неужели ты согласишься соприкоснуться с пальнийским колдовством? — спросил Сеппель Олдера. В вопросе его явно звучала насмешка, а глаза волшебника ярко сияли и были черны как смоль.

У Олдера тут же пересохли губы.

— Мастер Сеппель, — сказал он, — у нас на острове есть поговорка: тонущий не спрашивает, сколько стоит протянутая ему веревка. Если ты, господин мой, сможешь избавить меня от этого кошмара хотя бы на одну ночь, то заслужишь самую сердечную мою благодарность, хоть благодарность и стоит немного.

Оникс слушал Олдера с легкой, доброжелательной улыбкой.

Сеппель же и не думал улыбаться.

— Благодарность — очень редкое явление в моем ремесле, — сказал он. — Ради благодарности я, пожалуй, готов на многое. Мне кажется, я могу помочь тебе, Мастер Олдер. Но должен признаться: веревка эта очень дорого стоит!

Олдер лишь покорно склонил голову.

— Так, значит, ты приходишь на границу миров во сне и не по собственной воле?

— Так мне представляется.

— Мудрый ответ. — Сеппель посмотрел на него одобрительно. — Кто из нас способен совершенно точно определить собственные побуждения? Но если ты отправляешься туда во сне, я могу просто избавить тебя от этих снов — на некоторое время, конечно. И цену за это спрошу немалую, как и сказал.

Олдер вопросительно посмотрел на него.

— Цена — твое волшебное могущество!

Сперва Олдер его совсем не понял. Потом спросил растерянно:

— Мой дар, ты хочешь сказать? Мое ремесло?

Сеппель кивнул.

— Но я ведь только латальщик! — удивился Олдер. — Какое же это могущество?

Оникс протестующе взмахнул рукой, но, посмотрев Олдеру в лицо, ничего не сказал.

— Ты ведь за счет этого живешь? — спросил Сеппель.

— Да. И когда-то это составляло смысл моей жизни. Но это в прошлом.

— Возможно, твой дар еще вернется к тебе, когда случится то, что должно случиться, — непонятно сказал Сеппель. — Я не могу этого обещать. Но я попытаюсь исправить то, что смогу, и для этого кое-что возьму у тебя. Но сейчас все мы идем во тьме, по неведомой земле... Когда наконец наступит рассвет, мы, может быть, и поймем, где находимся, а может быть, и нет. Ну так что, если я избавлю тебя от твоих снов за ТАКУЮ цену, ты тоже будешь мне благодарен?

— О да! — воскликнул Олдер. — Разве можно сравнивать ту крошечную пользу, которую приносит людям мой

дар, со страшным злом, которое может принести мое незнание? Если ты избавишь меня от страха, который владеет мной постоянно, от страха, что я могу сотворить это великое зло, я буду бесконечно благодарить тебя до конца своей жизни.

Сеппель глубоко вздохнул.

— Мне всегда говорили, что у арф Таона очень чистый голос, — сказал он. И посмотрел на Оникса. — Но неужели Рок совсем не возражает? — Этот вопрос он задал уже прежним своим, чуть насмешливым тоном.

Оникс покачал головой, но лицо его опять помрачнело.

— В таком случае, — Сеппель вновь обратился к Олдеру, — мы направимся в пещеру близ Ауруна. Сегодня же ночью.

— Но почему именно туда? — спросил Оникс.

— Потому что Олдеру буду помогать не я, а сама Земля. Аурун — священное место, исполненное могущества. Просто жители Хавнора давно позабыли об этом и пользуются пещерами только для того, чтобы их осквернять.

Прежде чем они последовали за Сеппелем вниз, Оникс отвел Олдера в сторонку и сказал:

— Тебе совершенно не обязательно идти туда, Олдер, и подвергать себя неведомым испытаниям. Я думал, что Сеппелю можно полностью доверять, но теперь я совсем в этом не уверен.

— Ну а я доверюсь ему, — промолвил Олдер.

Он понимал, какие сомнения терзают Оникса, однако он давно уже решил, что пойдет на что угодно, лишь бы избавиться от страха перед возможностью совершить непоправимое. Каждый раз, когда его во сне влекло к той каменной стене, он чувствовал, как НЕЧТО пытается, используя его, проникнуть из мира мертвых в мир живых, но понимал, что ОНО сможет это сделать, только если он, Олдер, будет прислушиваться к голосам мертвых, взывающих к нему. И каждый раз, когда он слышал эти голоса, он становился слабее и ему было все труднее противиться их зову.

Итак, трое мужчин, проделав довольно долгий путь по улицам города, жарким летним днем вышли наконец на простор полей и холмов, которые ступенями спускались к

заливу. Здесь были довольно бедные земли: болотистые низины между холмами да узкие полоски пахотной земли на каменистых склонах. Городская стена сухой кладки на южной окраине была очень старой; крупные камни для ее строительства брали, видимо, прямо на склонах ближайших холмов. Вблизи не было видно ни пригородов, ни деревень, лишь вдали виднелось несколько разрозненных крестьянских хозяйств.

Проселочная дорога была просто отвратительной. Извиваясь, она поднималась на ближайший холм и с его вершины резко поворачивала к востоку, к другим, более высоким холмам. Поднявшись на вершину первого холма, путники увидели, что к северу, насколько хватал глаз, раскинулась в золотистой дымке столица, а дорога на самом деле образует здесь перекресток, точнее, целый лабиринт пеших троп самой разнообразной ширины. Они пошли точно на восток, и внезапно перед ними открылась огромная трещина в земле, черный провал шириной футов двадцать, а то и больше. Трещина эта лежала точнехонько поперек их тропы.

Было похоже, что гребень скалы, чуть выступающей из земли в этом месте, был переломлен или вывихнут во время какого-то землетрясения, да так никогда и не сросся как следует. Лучи закатного солнца, освещавшие края трещины, позволяли увидеть каменную поверхность ее внутренних стен, почти вертикально уходивших вниз; но чуть глубже видна была уже только тьма.

К южному склону холма, в долине, притулилась сыромятня, и дубильщики кож явно с давних пор повадились сносить сюда отходы своего производства и сбрасывать их в эту трещину, ничуть не заботясь о последствиях, так что вокруг все было буквально завалено обрывками вонючей полуобработанной кожи и пропитано запахами гниения и мочи. И еще какой-то запах доносился из глубин трещины, стоило заглянуть за ее край. Холодный, острый, землистый, запах этот заставил Олдера отпрянуть назад.

— О, как все это печально! Какой стыд! — громко воскликнул Сеппель, с отвращением глядя на кучи вонючего мусора и видневшуюся вдали крышу сыромятни. Выражение лица у него при этом было, надо сказать, весьма странное. Но уже через несколько минут он заговорил с Олдером как всегда ласково и мягко:

— Эта пещера, или расселина, называется Аурун. На Пальне она известна с давних времен и помечена даже на самых древнейших картах. У нас ее называют также Губы Паор. Когда-то, когда первые люди пришли сюда с запада, пещера говорила с людьми. Но это было очень давно. И люди с тех пор изменились. Она же осталась такой, какой и была. И здесь ты сможешь наконец снять с себя свою неподъемную ношу, если хочешь именно этого.

— Что я должен сделать? — просто спросил Олдер.

И Сеппель подвел его к южному концу огромной трещины, где она сужалась и острыми морщинами уходила прямо в скальную породу. Он велел Олдеру лечь ничком и вглядываться в темные глубины, осторожно вытягиваясь и как бы проникая внутрь пещеры, опускаясь все ниже, все дальше от света дня.

— Держись за землю, прильни к ней, — сказал волшебник. — Это единственное, что может тебе помочь. Даже если она шевельнется, не бойся и держись за нее.

Олдер лег на землю, вглядываясь во тьму в узком каменном колодце пещеры. Он чувствовал, как толкают и колют его в грудь и бедра камни. Потом услышал, как Сеппель запел что-то высоким голосом, и понял лишь, что это Язык Созидания. Он чувствовал тепло солнечных лучей у себя на плечах и чуял трупный запах гнилых кож, доносившийся из трещины и от дубильни. Потом пещера словно глубоко вздохнула, и от резкого запаха земных недр у Олдера перехватило дыхание, начала кружиться голова, и тьма словно ринулась вверх, ему навстречу, а земля под ним задвигалась, запрыгала, затряслась. И он прильнул к ней, слушая высокий голос поющего и дыша дыханием земли. А потом тьма поднялась до самого верха, охватила его целиком, и солнечный свет померк в его глазах.

Когда Олдер очнулся, солнце висело совсем низко над землей — красный шар, окутанный туманной дымкой, над западным берегом залива. Солнце он видел ясно, видел он и Сеппеля, который сидел с ним рядом на земле и

выглядел очень усталым и каким-то печальным. Длинная черная тень тянулась от него по каменистой земле среди других таких же длинных теней, отбрасываемых скалами.

— Ну вот ты и пришел в себя! — услышал Олдер голос Оникса.

И только сейчас осознал, что лежит на спине, а голова его покоится у Оникса на коленях. Какой-то камень больно впился ему в спину, и он сел, извинившись за причиненное беспокойство; голова у него кружилась.

Они пустились в обратный путь сразу, как только Олдер смог стоять на ногах, потому что путь был неблизкий и было ясно, что быстро идти не сможет ни он, ни Сеппель. Уже глубокой ночью они добрались наконец до Лодочной улицы и распрощались с Сеппелем, стоя в полосе света, падавшей из раскрытых дверей соседней таверны. Сеппель все время вопросительно поглядывал на Олдера, а на прощание сказал с несчастным видом:

— Я сделал, как ты просил.

— И я очень тебе за это благодарен, — ответил Олдер и протянул волшебнику свою правую руку, как это принято на Энладских островах. И через мгновение Сеппель неуверенно коснулся его протянутой руки, и они расстались.

Олдер настолько устал, что с трудом переставлял ноги. Он все еще чувствовал во рту и в горле тот острый, пугающий запах земных недр, струившийся из пещеры; казалось, он надышался этих испарений и потому теперь стал таким странно легким, легким до головокружения, каким-то совершенно пустотелым. Когда они вошли во дворец, Оникс заявил, что непременно проводит Олдера до самой спальни, но тот сказал, что прекрасно дойдет и сам, с ним все в порядке и ему просто нужно отдохнуть.

Когда он вошел в свою комнату, Буксирчик радостно прыгнул ему навстречу.

— Ах, милый, теперь ты мне уже не нужен, — сказал Олдер, наклоняясь, чтобы погладить котенка по пушистой серой спинке. Слезы показались у него на глазах, но он решил, что это просто слезы усталости. Он улегся на кровать, и котенок тут же вспрыгнул туда и свернулся, мурлыча, у него на плече.

И Олдер заснул: черным, тупым сном, совершенно лишенным сновидений. Во всяком случае, он ни одного сна вспомнить не мог, и ничей голос не звал его по имени, и не было никакого холма, покрытого сухой травой, и той стены из камня — ничего не было.

Прогуливаясь вечером, накануне того дня, когда они должны были отплыть на юг, по дворцовым садам, Тенар чувствовала беспокойство и странную тяжесть на сердце. Ей не хотелось плыть на Рок, на этот Остров Мудрецов, на этот Остров Волшебников («этих проклятых колдунов!» — казалось, услышала она знакомое каргадское выражение). Что ей там делать? Какая от нее там может быть польза? Ей хотелось домой, на Гонт, к Геду. В свой собственный дом, к своим собственным делам, к своему любимому мужу.

Она сознательно отдалила от себя Лебаннена. Ей казалось, что она его потеряла. Он теперь стал с ней особенно вежливым и любезным: не простил!

До чего же все-таки мужчины боятся женщин, думала Тенар, бродя среди кустов поздних, все еще цветущих роз. Не какой-то одной, а вообще всех женщин, особенно если они говорят одно и то же, работают вместе, заступаются друг за друга — в таких случаях мужчины всегда видят какой-то заговор, колдовство, ловушки и западни...

Разумеется, они в какой-то степени правы. Женщины — они такие! Они, похоже, готовы сыграть роль и следующего поколения или, по крайней мере, определить ее и для этого плетут тонкие сети, которые мужчины воспринимают как ловушки для себя или как кандалы у себя на руках. А когда женщины устанавливают с мужчинами сложные духовные связи, мужчины воспринимают это как рабство. Она, Тенар, и Сесеракх действительно заключили против Лебаннена некий союз и готовы «предать» его, если он действительно окажется ничем, если он не проявит должной решительности и независимости. Если он состоит всего лишь из воздуха и огня и не имеет ни основательности земли, ни терпения и гибкости водяных струй...

Но не таков был Лебаннен! Как, впрочем, не такой оказалась и Техану. Ее неземная, крылатая душа, жившая в девочке Терру, все еще стремилась к Тенар, все еще цеплялась за нее, однако это будет продолжаться недолго: вскоре — и Тенар это отлично понимала — Техану должна будет ее покинуть. От огня к огню.

Но какова оказалась эта Ириан, с которой вскоре уйдет Техану! Что, казалось бы, общего у столь яркого и столь свирепого существа с каким-то старым человеческим домом, который нуждается в уборке и ремонте, с каким-то старым пьяницей, который нуждается в уходе? Как вообще случилось, что Ириан способна понимать подобные вещи? Какое для нее, дракона, имеет значение то, что человек вынужден всегда выполнять свой долг, вступать в брак, заводить детей, нести свое земное ярмо?

Чувствуя себя одинокой и бесполезной среди существ столь высокой нечеловеческой судьбы, Тенар еще сильнее затосковала о доме. И не просто о доме — о Гонте. Вот почему бы ей, скажем, не вступить в дружеские отношения с Сесеракх? Возможно, та и принцесса, но ведь и сама она, Тенар, когда-то была Верховной Жрицей Гробниц Атуана. Зато Сесеракх не собирается никуда улетать на волшебных крыльях, она душой и телом совершенно земная, истинная женщина. И к тому же говорит на родном языке Тенар! Тенар прилежно учила девушку ардическому языку, и ее очень радовали быстрые успехи Сесеракх. Она только теперь осознала, что на самом деле самое большое удовольствие для нее — просто поговорить по-каргадски, просто слушать и произносить слова, в которых для нее заключалось все утраченное детство.

Когда Тенар вышла на ту дорожку, что вела к рыбным прудам под большими ивами, то увидела Олдера. С ним был какой-то маленький мальчик, и они беседовали — тихо, серьезно. Тенар всегда была рада видеть Олдера. Она жалела его за ту боль и страх, которые ему постоянно приходилось выносить, и уважала его за это невероятное терпение. Ей нравилось его честное красивое лицо, его серебристый голос, напоминавший голос арфы, и его речь. Что плохого, если добавить к обычным словам несколько милых сердцу, красивых слов? Да и Гед ему доверял.

Остановившись на некотором расстоянии, чтобы не помешать их разговору, она смотрела, как Олдер и мальчик, опустившись на колени, заглядывают куда-то в гущу кустарника. Вскоре из-под кустов вылез серый котенок, который не обратил на них ни малейшего внимания и, сверкая глазами, осторожно переставляя лапки и низко припадая брюшком к земле, продолжил охоту на того мотылька, которого пытался поймать в кустах.

— Ты можешь отпускать его охотиться на всю ночь, если хочешь, — сказал Олдер мальчику. — Он не заблудится и никому ничего плохого не сделает. Он волю очень уважает. Понимаешь, эти огромные сады для него — все равно что весь Хавнор. Или, если хочешь, можешь выпускать его на волю только по утрам. И тогда, если тебе это понравится, он может спать рядом с тобой.

— Мне бы это очень понравилось! — сказал мальчик застенчиво, но решительно.

— В таком случае, ты, наверное, это знаешь, поставь в своей комнате коробку с песком и плошку с чистой водой. Воду нужно часто менять, и ее всегда должно быть достаточно.

— И еще нужно поставить ему плошку с едой!

— Да, конечно; один раз в день обязательно корми его. Только не очень обильно. Он вообще-то немножко обжора.

— А он рыбу в пруду не ловит? — Кот в этот момент находился как раз рядом с одним из прудов с карпами; сидел себе на травке и беспечно озирался; тот мотылек, видно, куда-то улетел.

— Он любит за рыбками наблюдать, но не ловит их.

— И я это тоже очень люблю! — сказал мальчик. Они встали и вместе направились к прудам.

Тенар была тронута до глубины души. Была в Олдере этакая невинность, но не детская, а невинность взрослого мужчины и доброго, хорошего человека. Ему бы следовало иметь своих детей. Он, безусловно, был бы им хорошим отцом.

Тенар подумала о своих детях и маленьких внуках —

хотя старшей дочке Яблочка, Пиппин, скоро двенадцать. Неужели это возможно? Двенадцать лет? Пиппин? Так ведь она уже в этом году или, в крайнем случае, в следующем должна пройти обряд наречения именем! Ох, пора, пора отправляться домой! Пора сходить в гости в Срединную долину, отнести подарок старшей внучке по случаю скорого наречения именем, а малышам — игрушки. Пора убедиться, что Искорка при его беспокойном характере не слишком сильно подрезал грушевые деревья, как это уже бывало. Пора посидеть и спокойно поговорить с Яблочком, ее милой, доброй доченькой... Истинное имя Яблочка было Хайохе, его ей дал еще Огион... Вспомнив об Огионе, Тенар, как всегда, испытала резкий приступ страстной любви и тоски и увидела перед собой знакомый очаг и сидящего у очага Геда. Увидела, как он поворачивает к ней свое смуглое лицо, собираясь задать ей какой-то вопрос, и тут же ответила на этот его вопрос — во весь голос, нарушив тишину королевского сада:

— Так скоро, как только смогу!

Ярким летним утром они спустились от дворца к пристани, чтобы погрузиться на борт «Дельфина». Население Хавнора устроило по случаю их отплытия настоящий праздник. Люди так и кишели на улицах и у причалов, все каналы, бухты и проливы были буквально забиты маленькими суденышками, которые здесь называли скорлупками. На мачтах суденышек развевались разноцветные паруса и яркие флажки; флаги и знамена реяли также на башнях больших домов, принадлежащих знати, и на флагштоках мостов — как на земле, так и над крышами. Проходя сквозь ликующую толпу, Тенар думала о том давнишнем дне, когда она впервые приплыла в Хавнор, когда они с Гедом вернули на родину Кольцо Эльфарран с написанной на нем Руной Мира. Тогда Кольцо было у нее на руке, и она подняла руку как можно выше, чтобы солнце ярко засияло на серебре, чтобы все увидели его, и люди увидели его и возликовали. Они, как и теперь, тянули к ней руки, словно хотели ее обнять... Тенар даже улыбнулась, вспомнив об этом, и все еще улыбалась, когда поднялась по сходням на борт корабля и поклонилась Лебаннену.

Он приветствовал ее традиционным шкиперским приветствием:

— Добро пожаловать на борт, госпожа Тенар!

И она ответила, сама не зная, что именно заставило ее произнести эти слова:

— Благодарю тебя, сын Эльфарран!

Лебаннен некоторое время удивленно смотрел на нее, озадаченный подобным обращением, но тут на борт поднялась не отставшая от матери Техану, и он повторил свое шкиперское приветствие:

— Добро пожаловать на борт, госпожа Техану!

Тенар сразу прошла на нос корабля, помня, что там, возле кабестана, есть местечко, где пассажир вполне может устроиться так, чтобы не мешать работе моряков, но все же видеть все, что творится на палубе и на забитых народом причалах.

Вдруг на главной улице, ведущей в порт, толпа всколыхнулась: прибыла принцесса Каргада. Тенар с удовлетворением отметила, что Лебаннен, а может, его дворецкий, устроил для принцессы прямо-таки великолепный прием. Конный эскорт прокладывал путь, кони похрапывали и изящно переступали ногами. Высоченные красные перья — такие перья каргадские воины носят на своих шлемах — качались на крыше закрытой повозки, позолоченной и ярко разукрашенной, в которой принцесса проехала через весь город; таким же плюмажем были украшены и головы четырех серых коней, что тащили повозку. Группа музыкантов, поджидавших у самой воды, тут же взялась за трубы, барабаны и тамбурины. И собравшиеся, поняв, что сейчас им будет предоставлена возможность видеть каргадскую принцессу, приветствовали ее с таким восторгом и так близко обступили карету, что конной и пешей охране пришлось их немного отогнать. Но люди все равно были исполнены восторга и время от времени начинали выкрикивать:

— Да здравствует королева каргов! — хотя кое-кто все же сомневался, что это и есть королева.

— Глянь-ка, глянь-ка! — услышала Тенар. — Они тут

все в красное одеты! С ног до головы закутаны. Вот красота, точно самоцветы! Так которая ж она-то?

А более осведомленные кричали:

— Да здравствует принцесса!

Наконец Тенар увидела Сесеракх — разумеется, укутанную в покрывала с ног до головы. Она сразу узнала ее по высокому росту и горделивой осанке; принцесса с достоинством вылезла из повозки и проплыла по направлению к сходням. Две из ее служанок в менее длинных покрывалах семенили за нею следом; за ними шла леди Опал с острова Илиен. Сердце Тенар упало: Лебаннен строго-настрого запретил брать на борт каких бы то ни было служанок или компаньонок принцессы, ибо им предстояла отнюдь не увеселительная прогулка, и те, кто будет на борту «Дельфина», должны действительно иметь на это полное право. Неужели Сесеракх этого не поняла? Или она настолько не способна обойтись без своих глупых соплеменниц, что собирается нарушить указ короля? Это было бы самым неудачным началом путешествия, огорчилась Тенар.

Но у самых сходен переливающийся золотом красный цилиндр остановился. Из-под покрывал высунулись изящные золотисто-смуглые руки принцессы, сверкающие от обилия золотых колец и браслетов, и она обняла по очереди всех своих прислужниц, явно прощаясь с ними. Она обняла и леди Опал — очень отстраненно и изысканно, как и подобает принцессе прилюдно обнимать знатную даму. Затем леди Опал, точно пастушка овец, погнала служанок назад к повозке, а сама принцесса вновь повернулась лицом к сходням.

И тут возникла некоторая заминка. Тенар видела, как безликая красно-золотая колонна качнулась: принцесса глубоко вздохнула и от страха набрала в грудь столько воздуха, что даже стала чуть-чуть выше ростом.

А потом она медленно, но решительно двинулась по сходням на борт. Как раз наступило время прилива, так что сходни висели высоко и подъем по ним был довольно крут, но принцесса не колеблясь и с неизменным достоинством шла по ним, и вся толпа на берегу замолкла, наблюдая за ней и восхищаясь.

Наконец фигура в красных покрывалах достигла палубы и остановилась прямо перед королем.

— Добро пожаловать на борт, ваше высочество! — звенящим голосом приветствовал ее Лебаннен, и толпа тут же взорвалась ликующими криками:

— Ура! Да здравствует принцесса Каргада! Да здравствует наша королева! Отлично прошла, Красненькая!

Лебаннен что-то сказал принцессе, но остальным из-за царившего вокруг радостного шума слов его было не разобрать. Красная колонна повернулась к толпе на набережной и поклонилась — весьма изящно, хотя и несколько скованно.

Техану, давно поджидавшая Сесеракх, теперь вышла вперед и заговорила с ней, а потом повела ее в каюту, расположенную на корме, где молодая женщина в тяжелых, мягко струящихся красных с золотом покрывалах и скрылась. Толпа на пристани ликовала и с еще большим восторгом продолжала орать:

— Вернись, принцесса! Где ты, Красненькая? Куда ты скрылась, дорогая ты наша госпожа? Где наша королева?

Тенар, выглянув из каюты, посмотрела на Лебаннена. О своих обидах и лежавшей на сердце тяжести она сразу забыла; неудержимый смех рвался наружу, и она, усмехнувшись, подумала: бедный мальчик, что же тебе теперь-то делать? Вон смотри, люди на пристани влюбились в нее с первого взгляда, а ведь они и увидеть ее как следует не могли... Ох, Лебаннен, все мы, женщины, в заговоре против тебя!

«Дельфин» был судном не только удивительно пропорциональным и изящным, но и вполне способен был доставить короля на любой остров Земноморья, и притом с должным комфортом. Это было отличное, крепкое судно, призванное не плыть, а лететь под парусами и быстро доставлять своих пассажиров к месту назначения. Впрочем, особыми удобствами «Дельфин», как и все современные ему корабли, не отличался, да на нем и плавали обычно, помимо короля и его немногочисленной свиты, лишь сами моряки, несколько офицеров и матросы. Путешествие на остров Рок на этот раз оказалось менее комфортабельным, чем обычно, потому что пассажиров было

слишком много. Матросы, разумеется, как всегда, спали в своем кубрике в три фута высотой, расположенном в переднем трюме, а вот офицерам пришлось потесниться и кое-как разместиться в общем грязноватом помещении под полубаком. Что же касается пассажиров, то четырех женщин поместили в ту каюту, которая считалась «королевской», а в каюте под нею, обычно занятой шкипером и двумя офицерами, устроились сам король, два волшебника, Олдер и шкипер Тосла. Возможностей для мелких обид и дурного настроения будет хоть отбавляй, сразу подумала Тенар. И одной из весьма существенных проблем оказалось то, что принцессу постоянно укачивало.

Они пересекали Большой Залив при легком попутном ветерке и спокойном море; корабль скользил по воде, точно лебедь по глади садового пруда, но Сесеракх скорчилась на своей койке и плакала от отчаяния, стоило ей выглянуть из-под своих покрывал и увидеть в широкое кормовое окно солнечную, мирную морскую гладь и легкий белый бурун за бортом корабля.

— Теперь так все время и будет — вверх-вниз, вверх-вниз, — причитала она по-каргадски.

— И совсем не все время, — успокаивала ее Тенар. — Море совершенно спокойное. Ты головой-то подумай!

— Дело в моем животе, а вовсе не в голове, — хныкала Сесеракх.

— Никто никогда не страдает морской болезнью при таком спокойном море. Ты просто боишься!

— Мама, — вмешивалась Техану, не понимая, что они говорят, но догадываясь по интонациям, — не ругай ее. Это так унизительно, когда тошнит!

— Ее вовсе не тошнит! — сердилась Тенар, абсолютно уверенная в том, что тошнить принцессу никак не может. — Тебя ведь не тошнит, Сесеракх? Ты просто боишься, что тебя будет тошнить! Ну, возьми же себя в руки! Выйди на палубу. Свежий воздух тебе непременно поможет. Свежий воздух и смелость — вот твои главные помощники.

— Ах, друг мой, дорогая Тенар, — прошептала Сесеракх. — Ты такая смелая, так дай и мне немного смелости!

Тенар даже оторопела.

— Ты должна сама набраться смелости, милая, — сказала она чуть мягче. — Ну, давай попробуем выйти на палубу, детка, хотя бы на минутку! Техану, попытайся хоть ты уговорить ее. Подумай, что с ней будет, если мы действительно попадем в шторм!

Наконец им удалось убедить Сесеракх встать с постели, надеть красный цилиндр из покрывал, без которого она, конечно же, была не в силах появиться мужчинам на глаза, и с огромным трудом вытолкнули ее из каюты. Потом все вместе они уселись под стеной каюты, в тени, на безупречно, до белизны выскобленной палубе и стали смотреть в синий, сверкающий на солнце морской простор.

Сесеракх даже сподобилась раздвинуть свои покрывала и теперь смотрела прямо перед собой куда-то себе в колени, лишь изредка бросая испуганный взгляд на воду, после чего закрывала глаза и снова утыкалась взором в собственные колени.

Тенар и Техану время от времени переговаривались, указывая на проплывающие мимо суда, на птиц, на какой-нибудь островок.

— До чего же хорошо! Я и забыла, до чего хорошо плавать по морю! — воскликнула Тенар.

— Да, мне тоже нравится, особенно если забыть, что кругом вода, — сказала Техану. — Это похоже на полет...

— Эх вы, драконы! — только и промолвила Тенар.

Она сказала это легко, и звучали ее слова вполне безобидно, однако они имели глубокий смысл. Впервые Тенар сказала нечто подобное своей приемной дочери. Она сразу почувствовала, что Техану повернулась так, чтобы видеть ее своим зрячим глазом, и внимательно на нее смотрит. Сердце Тенар тяжко билось в груди.

— Вам подавай воздух и огонь, — прибавила она.

Техану молчала. Но ее здоровая рука, смуглая и тонкая, крепко сжала руку Тенар.

— Я еще не знаю наверняка, кто я такая, мама, — прошептала она.

— А я знаю! — сказала Тенар. И сердце ее забилось еще сильнее и тяжелее, чем прежде.

— Я не такая, как Ириан, — попыталась Техану успо-

коить мать. Ей хотелось сказать Тенар что-то приятное, дать ей какое-то обещание — наверное, никогда не покидать свою приемную мать, — но в голосе ее звучало такое страстное желание летать, такая мучительная зависть, такая глубинная страсть...

— Подожди, подожди, скоро все окончательно выяснится, — сказала Тенар. Оказалось, ей тоже очень трудно говорить. — И ты узнаешь, что тебе делать... и кто ты такая...

Они говорили так тихо, что принцесса, пожалуй, не смогла бы расслышать, о чем они говорят, даже если б понимала ардический язык. О ней они совсем забыли. Однако Сесеракх, услышав имя Ириан, еще шире раздвинула покрывала, выпростала свои прекрасные руки и, повернувшись к Тенар и Техану, спросила на ардическом:

— Ириан, она есть где? — Глаза принцессы ярко блестели в красноватой полутени последнего покрывала.

— Где-то вон там... — Тенар махнула рукой в сторону носа корабля.

— Она... притворяется смелой, да?

Тенар помолчала минутку и ответила:

— Ей не нужно притворяться смелой, Сесеракх. Она и так совершенно бесстрашна.

— Ах... — вздохнула принцесса, оглядывая весь корабль и наконец увидев Ириан, которая стояла на носу рядом с Лебанненом. Король показывал куда-то вперед, яростно жестикулировал, говорил с большим воодушевлением и смеялся. Ириан тоже смеялась. Она была почти того же роста, что и король.

— Гололицая! — сердито пробурчала Сесеракх по-каргадски. А потом прибавила на ардическом — задумчиво и почти неслышно: — Бесстрашная.

И скрылась под своими покрывалами. Больше она не двигалась и вопросов не задавала — застыла, как каменное изваяние.

Длинная береговая линия Хавнора за кормой корабля стала таять в синей дымке. На севере в вышине еще плыла неясно видимая вершина горы Онн, но ее уже заслоняли черные базальтовые скалы острова Омер, которые выси-

лись по правому борту, когда «Дельфин» пробирался по узким проливам Эбавнора во Внутреннее море. Солнце ярко светило, дул свежий ветер — наступал еще один отличный ясный денек. Женщины, как всегда, устроились под парусиновым навесом, который моряки натянули позади каюты. Эти женщины явно принесли судну удачу, и моряки старались, как могли, угодить им хотя бы в мелочах — старались от чистого сердца. С волшебниками, которые способны принести кораблю в равной степени и удачу, и неудачу, моряки тоже обращались очень хорошо и тоже устроили для них навес на юте, где им было удобно смотреть вперед. Для женщин моряки даже раздобыли где-то бархатные подушки, попавшие на судно, видимо, заботами короля или его дворецкого. Волшебники же вполне удовлетворились свернутой в несколько раз парусиной.

Олдер видел, что его здесь считают тоже одним из волшебников, но ничего с этим заблуждением поделать не мог, хотя это его весьма смущало: ведь Оникс и Сеппель могли подумать, что он считает себя им равным. Эта мысль тревожила его особенно сильно еще и потому, что теперь он даже и колдуном-то больше не был, ибо дар его бесследно исчез. У него не осталось ни капельки волшебной силы. Он знал это так же точно, как знал бы, например, что утратил зрение или способность двигать руками и ногами. Теперь он бы даже разбитый кувшин починить не смог, разве что с помощью обыкновенного клея. Но для этого, разумеется, особого мастерства не требуется.

Но у него было такое ощущение, что, помимо мастерства латальщика, он потерял и еще что-то очень важное. И теперь из-за этой неведомой утраты — в точности как и после смерти жены — пребывает в какой-то тупой прострации, где нет места радости, где с ним не может случиться ничего нового, где все застыло в оцепенении и ничто никогда не переменится.

Видимо, это ощущение было связано с каким-то более широким аспектом его дара. Олдер все время думал об этом, пытаясь разгадать, какова же была истинная природа его мастерства. «Похоже, что раньше я всегда знал, куда должен идти и в каком направлении находится мой

дом, а теперь это знание потерял». Это ощущение, впрочем, не было достаточно конкретным, его невозможно было бы как-то определить или кому-то рассказать о нем, но Олдер понимал, что утратил некое важнейшее качество, от которого зависело все остальное в его жизни. И без него он стал совершенно бесполезен и никому не нужен.

Зато он, по крайней мере, никому не причинял никакого вреда. Сны его стали какими-то мимолетными и совершенно бессмысленными. И он больше не попадал во сне на тот холм с мертвой травой, к той стене, и ничьи голоса больше не звали его во тьму.

Он часто думал о Ястребе. Он мечтал о возможности поговорить с ним! Бывший Верховный Маг отдал все свое могущество людям, но все равно остался самым великим среди прочих великих, думал Олдер, хотя и доживает свой век в бедности и безвестности. Однако бедность и безвестность Ястреб предпочел королевским почестям по собственной воле. А ведь Лебаннен до сих пор мечтает сложить к его ногам самые высокие полномочия и любые почести. Возможно, решил Олдер, богатство и высокое положение в обществе и не нужны человеку, который ТАК и В ТАКОМ МЕСТЕ утратил и былое могущество, и былое благополучие.

Олдер часто замечал, что волшебник Оникс явно жалеет о том, что способствовал заключению его странной сделки с Сеппелем. Оникс и прежде был с Олдером вежлив и учтив, но теперь проявлял к нему какое-то особое внимание и сочувствие. А вот его отношение к волшебнику с острова Пальн стало более прохладным, почти отчужденным. Сам же Олдер никакой неприязни по отношению к Сеппелю не испытывал и не сомневался в искренности его намерений. С Древними Силами Земли шутить не будешь. Их помощи люди просят всегда на свой страх и риск. И всегда риск очень велик. Сеппель же сразу предупредил его, что цена будет высокой. И разъяснил, какова будет эта цена, хотя сам Олдер тогда не очень-то его предостережения понял. Но вины Сеппеля в том нет никакой. Он сам во всем виноват, ибо никогда не ценил свой дар как нечто действительно стоящее.

И Олдер, сидя рядом с двумя волшебниками, чувствовал себя фальшивой монетой, которую положили в один кошелек с двумя настоящими золотыми. Впрочем, это не мешало ему с интересом прислушиваться к разговорам волшебников, а они, полностью ему доверяя, говорили при нем совершенно свободно. Олдеру эти разговоры служили такими прекрасными уроками, о каких он даже и не мечтал, будучи простым колдуном.

Оникс и Сеппель, сидя в полупрозрачной тени, отбрасываемой парусиновым пологом, говорили тоже о сделке, но о куда более значительной, чем та, которую заключил Олдер, желая прекратить свои сновидения. И Олдер много раз слышал, как Оникс произносит те же самые слова Истинной Речи, которые сказал ему тогда Сеппель: ВЕРВ НАДАН. И чем дальше, тем больше Олдер начинал понимать значение этих слов: некий выбор, или разделение одного и другого, или превращение одной вещи в две совершенно различные. Давным-давно, еще до того, как в Земноморье стали править короли Энлада, еще до изобретения ардической письменности и, может быть, даже до возникновения ардического языка, когда существовал только один язык, Язык Созидания, люди, как теперь представлялось Олдеру, сделали некий трагический выбор, отказавшись от великого могущества во имя чего-то другого.

Ему было трудновато разобраться в корнях спора волшебников, и не потому, что они что-то от него скрывали, но потому, что они и сами как бы ощупью искали то, что затерялось в туманном прошлом, в тех немыслимо далеких временах, что предшествуют памяти человечества. Слова Истиной Речи часто по необходимости вплетались в их беседу, а Оникс порой вообще говорил только на этом языке, хотя Сеппель, понимая его отлично, предпочитал все же отвечать на ардическом. Сеппель вообще скупо пользовался словами Древнего Языка. Однажды он даже предостерегающе поднял руку, желая остановить дальнейшие рассуждения Оникса, и, заметив его вопросительный взгляд, мягко пояснил: «Слова заклятий иногда начинают действовать сами собой».

Учитель Олдера, Ганнет, тоже называл слова Древнего Языка «словами заклятий». «Каждое из них есть проявле-

ние великого могущества, — говорил он, — ибо каждое слово Истинной Речи заставляет истину существовать в реальной действительности». Ганнет также весьма скупо пользовался «словами заклятий», которые знал; он произносил их только при абсолютной необходимости, а если писал какую-нибудь Истинную Руну, то стирал ее практически сразу, едва успев дописать. Да и большая часть известных Олдеру колдунов вели себя столь же осторожно, то ли стремясь сберечь собственные знания, то ли просто уважая могущество и волшебную силу Языка Созидания. Даже Сеппель, который был настоящим волшебником и обладал куда более обширными знаниями, чем обыкновенные колдуны, предпочитал не пользоваться словами Истинной Речи в повседневных беседах, считая, что если обычные языки вполне допускают ложь, то их можно использовать и для всяких недомолвок, а также в том случае, когда не очень уверен в правильности своих суждений.

Возможно, это было частью того выбора, который люди сделали когда-то давно, — отказаться от врожденного знания Древнего Языка, хотя этим языком они некогда владели так же, как и драконы. Интересно, думал Олдер, они поступили так специально, желая иметь свой собственный язык, более подходящий людям и дающий возможность лгать, нести всякую чушь и выдумывать чудеса, которых никогда не было и не будет на свете?

Драконы же говорили только на Древнем Языке. Однако всем было известно, что драконы не только способны, но любят лгать и обманывать. Прежде всего людей, конечно. А правда ли это? Ведь если «слова заклятий» истинны, думал Олдер, то вряд ли даже дракон способен использовать их для того, чтобы солгать!

Сеппель и Оникс дружно умолкли. Это была самая обычная пауза в их бесконечном разговоре: оба, видимо, несколько устали. Заметив, что Оникс даже вроде бы задремал, Олдер тихонько спросил пальнийского волшебника:

— А это правда, что драконы могут лгать, хотя и используют только Истинную Речь?

Сеппель улыбнулся.

— Это — как говорим мы на Пальне — «тот самый вопрос»! Его великий Атх задал дракону Орму тысячу лет назад в руинах Онтуэго. «Может ли дракон солгать?» — спросил волшебник. И Орм ответил: «Нет»— и дохнул на него огнем, оставив от Атха горстку пепла... Но стоит ли нам верить этой истории? Ведь что там было на самом деле, знает один лишь Орм.

«Бесконечны споры магов между собой»,— подумал про себя Олдер, но вслух этого не сказал.

Оникс явно решил поспать как следует; голова его откинулась назад, суровое напряженное лицо расслабилось.

И Сеппель сказал еще тише, чем обычно:

— Олдер, я надеюсь, ты не жалеешь о том, что мы сделали в пещере Аурун? Я знаю, наш общий друг считает, что я недостаточно внятно предупредил тебя.

И Олдер, не колеблясь, ответил:

— Я ни о чем не жалею!

Сеппель молча поклонился, а Олдер быстро прибавил:

— Я понимаю, что все вы, волшебники, стараетесь сохранить Великое Равновесие. Но Древние Силы Земли ведут свой собственный отсчет, верно?

— Да. И «справедливость» их такова, что людям трудно ее понять.

— В том-то и дело. Вот и я пытаюсь понять: почему я должен был отказаться от своей профессии, чтобы мне перестали сниться сны о царстве мертвых? Какое отношение одно имеет к другому?

Некоторое время Сеппель молчал, а затем ответил — вопросом на вопрос:

— Но ведь не благодаря своему мастерству ты пришел к той каменной стене?

— Нет, конечно! — уверенно ответил Олдер. — У меня было не больше возможностей пойти туда, чем не пойти.

— Так как же ты все-таки попал туда?

— Жена позвала меня, и душа моя устремилась к ней.

Последовало длительное молчание. Затем волшебник промолвил:

— Другие тоже теряют горячо любимых жен и мужей...

— И я так говорил лорду Ястребу, но он сказал: это верно, но все же связь между двумя истинно любящими

друг друга бывает порой столь тесна, что может длиться почти вечно...

— Ни одна связь не может длиться вечно, если люди разделены той каменной стеной!

Олдер посмотрел прямо в проницательные глаза волшебника, ярко горевшие на его добром смуглом лице.

— Но почему это так? — спросил он, помолчав.

— Потому что смерть прерывает всякую связь между людьми и их душами.

— Но тогда почему же эти мертвые никак не могут умереть?

Сеппель, явно застигнутый этим вопросом врасплох, изумленно уставился на Олдера.

— Прости, — сказал Олдер. — Я просто неправильно выразился. Я хотел сказать вот что: я знаю, смерть прерывает связь души и тела, и тело умирает, возвращаясь обратно в землю, а душа должна отправиться в ту темную страну, имея прежнюю телесную оболочку; но как долго душе терпеть это существование? Неужели вечно? Вечно — среди холодных камней, покрытых серой пылью, вечно в сумерках, во тьме, без единого лучика света, без любви, без малейшей радости? Мне невыносимо думать о том, что Лили останется там навечно! Почему она должна оставаться там? Почему она, точнее, ее душа, не может... — он невольно запнулся, — ...быть свободной?

— Потому что там не бывает ветра! — сказал Сеппель. Взгляд у него был очень странный, а голос звучал жестко. — Искусство человека виновато в том, что ветры никогда не дуют в темной стране.

Он внимательно посмотрел на Олдера, но, казалось, видит его не очень хорошо. Лишь постепенно взгляд его прояснился, выражение лица переменилось, и он отвернулся, словно любуясь изящно выгнутым фок-марселем, полным свежего северо-западного ветра. Потом Сеппель опять быстро глянул на Олдера и сказал почти так же мягко и ласково, как всегда:

— Впрочем, об этом ты знаешь не меньше меня, друг мой. Даже больше — ты узнал все это собственной плотью, собственной кровью, и это знание стучит в твоем сердце. А я знаю только на словах. Но это старинные слова!.. Давай-ка лучше сперва доберемся до Рока, и, возможно, тамошние Мудрецы сумеют объяснить нам то, что мы тщетно пытаемся понять. А если этого не смогут разъяснить и они, то, может быть, расскажут драконы. А может быть, именно ты станешь тем человеком, который покажет нам верный путь.

— Ну да, и буду как тот самый слепец, который ведет зрячих к краю пропасти! — воскликнул с горьким смехом Олдер.

— Ах, мы и так уже стоим на самом краю пропасти! И глаза наши закрыты, — промолвил Сеппель.

Лебаннен вскоре понял, что корабль слишком мал, чтобы вместить то невероятное беспокойство, что переполняло его. Женщины целыми днями сидели под своим крошечным навесом, а волшебники — под своим, как утки в рядок, а он мерил шагами палубу, метался вверх и вниз по трапу и постоянно терял терпение из-за того, что палуба слишком узка и мала. Ему казалось, что именно его нетерпение, а вовсе не волшебный ветер заставляет «Дельфина» бежать так быстро. И все же недостаточно быстро! Лебаннен мечтал, чтобы это путешествие закончилось как можно скорее.

— А помнишь тот флот близ Уотхорта? — спросил Тосла, вместе с Лебанненом склоняясь над картой. — Великолепное было зрелище! Тридцать кораблей в ряд!

— Хотелось бы мне, чтобы мы сейчас плыли не на Рок, а на Уотхорт! — вырвалось у Лебаннена.

— Да, я тоже никогда Рок не любил, — понимающе кивнул Тосла. — К тамошним берегам порой и на двадцать миль не подойти — ни тебе нормального ветра, ни нормального течения, только тот «бульон», который эти волшебники сварили! И скалы, что торчат из воды к северу от Рока, тоже никогда на одном месте не бывают. А город полон всяких мошенников и трюкачей, которые только и делают, что обличье меняют! — И старый морской волк Тосла сплюнул в воду. — Я бы, пожалуй, предпочел снова встретиться со стариком Гором и его работорговцами, чем с этими Мудрецами!

Лебаннен кивнул, но сам ничего не сказал. В этом-то и была прелесть бесед с Тослой: он запросто говорил вслух то, что Лебаннену, он сам это чувствовал, лучше было вслух не говорить, даже если он полностью разделяет мнение Тослы.

— А кто был тот немой, помнишь? Точнее, безъязыкий? — спросил Тосла. — Тот, что убил Сокола на городской стене?

— Эгре. Пират и работорговец.

— Вот-вот. Он сразу узнал тебя — там, в Сорре. Прямо к тебе направился. Интересно, откуда он тебя знает?

— Однажды я попался ему в руки. И стал его рабом.

Удивить чем-нибудь Тослу было нелегко, но после этих слов моряк уставился на Лебаннена, разинув рот. Он явно ему не верил, но сказать, что не верит, не мог, а потому и молчал. Лебаннен с минуту наслаждался произведенным эффектом, но потом все же сжалился над шкипером.

— Когда Верховный Маг взял меня на охоту за Кобом, мы сперва отправились на юг. И какой-то тип в городе Хорте подло заманил нас прямо в логово работорговцев. Ястреба они тут же свалили ударом по голове, и я бросился бежать, надеясь, что смогу увести их от него. Но оказалось, что охотились они именно за мной — за меня можно было получить куда более высокую цену. В общем, очнулся я в цепях на галере, направлявшейся в Соул. Но Ястреб спас меня еще до исхода ночи. И всех остальных рабов тоже. Оковы упали с нас, точно сухие листья, сорванные ветром. А потом он велел Эгре замолчать и молчать до тех пор, пока не найдет что-нибудь, заслуживающее того, чтобы об этом говорить вслух... Верховный Маг тогда приблизился к нашей галере в виде огромного столба света над черной водой!.. Тогда я впервые понял, КАКОВ он на самом деле. И каково его могущество!

Тосла некоторое время переваривал услышанное.

— Значит, он снял оковы со всех рабов? Но почему же никто не прикончил этого Эгре?

— Возможно, они считали, что теперь пришел их черед, заковали его в кандалы, а потом продали на рынке рабов в Соуле, — пожал плечами Лебаннен.

Тосла снова некоторое время обдумывал подобную возможность, потом спросил:

— Так, значит, ты поэтому так стремился поскорее покончить с работорговлей?

— Это одна из причин.

— Мда-а, как показывает практика, рабство обычно плохо сказывается на характере человека. — Тосла внимательно посмотрел на карту Внутреннего моря, висевшую на стене слева от рулевого, и сказал: — Остров Уэй. Между прочим, оттуда родом эта женщина-дракон.

— Ты, похоже, с нее глаз не спускаешь?

Тосла уже сложил губы дудкой, собираясь присвистнуть, но свистеть не стал — на корабле это уж и вовсе было недопустимо.

— Помнишь, я как-то говорил тебе, что есть такая песня «Девушка из Белило»? Я ее прежде всегда считал чем-то вроде сказки. Пока эту Ириан не увидел.

— Вряд ли она захочет тебя съесть, Тосла, — поддразнил моряка Лебаннен.

— А что, это была бы славная смерть! — Но тон у Тослы был довольно кислый.

Король рассмеялся.

— Смотри счастье свое не спугни, — сказал Тосла.

— Да я не боюсь.

— Ты с этой Ириан разговариваешь так свободно и легко... А по-моему, это все равно что с вулканом говорить! Но я вот что тебе скажу: интересно было бы все-таки как следует рассмотреть тот подарочек, который тебе карги прислали. Если судить по ступням, посмотреть там есть на что! Вот только как ее из этого дурацкого «шатра» выманить? Ступни-то — просто прелесть, но мне бы хотелось увидеть для начала еще хотя бы щиколотки и чуть-чуть повыше.

Лебаннен почувствовал, что невольно мрачнеет, и отвернулся, чтобы Тосла этого не заметил.

— Если бы мне кто-нибудь прислал такую посылку, — продолжал Тосла мечтательно, — я бы ее непременно сразу открыл!

Лебаннен не смог сдержать легкий жест нетерпения.

Это Тосла все-таки заметил — у него вообще глаз был острый. Он усмехнулся и больше не прибавил ни слова.

На палубу вышел помощник капитана, и Лебаннен тут же обратился к нему:

— Облачность, по-моему, сгущается. Будет шторм?

Моряк кивнул:

— Точно. На юго-западе уже погромыхивает. К ночи как раз под грозу попадем.

Море к полудню подернулось рябью, солнечный свет приобрел какой-то красноватый оттенок, ветер порывами налетал то с одной стороны, то с другой. Тенар не раз говорила Лебаннену, что принцесса боится моря и страдает морской болезнью, и он раза два невольно посмотрел в сторону «женской» каюты, где под навесом все эти дни постоянно сидели Тенар с Техану и принцесса. Он думал, что принцесса уже ушла в каюту, но оказалось, что знакомая фигура, закутанная в красные покрывала, все еще там, а внутрь ушли как раз Тенар и Техану. Рядом с принцессой Лебаннен увидел Ириан. Они о чем-то увлеченно беседовали. Интересно, о чем это женщина-дракон родом с острова Уэй может беседовать с выросшей в гареме пугливой особой с острова Гур-ат-Гур? И на каком языке они объясняются друг с другом? Последний вопрос настолько заинтересовал Лебаннена, что он даже подошел к девушкам.

Ириан тут же подняла на него глаза и приветливо улыбнулась. У нее было открытое лицо с крупными выразительными чертами и широкая улыбка. А еще ей, видно, очень нравилось ходить босиком, она была совершенно равнодушна к тому, во что в данный момент одета, и позволяла ветру сколько угодно трепать ее волосы. И тем не менее она производила впечатление обыкновенной деревенской девушки, пусть хорошенькой, темпераментной и умной, но совершенно неотесанной, пока не заглянешь ей в глаза. Глаза у нее были цвета дымчатого янтаря, и когда она смотрела прямо на Лебаннена, как сейчас, например, он не мог выдержать ее взгляда и опускал глаза.

Лебаннен давно уже дал всем понять, что на корабле не место придворной куртуазности, всяким поклонам и приседаниям; никто не обязан был немедленно вскакивать, если к нему подходил даже сам король, однако эта принцесса, конечно, тут же вскочила. Ножки у нее, как справедливо заметил Тосла, действительно были прелестны: не слишком малы, с красивым высоким подъемом, сильные, но изящные. Лебаннен смотрел на две босые узкие ступни на выбеленных досках палубы и не мог отвести глаза. А когда наконец поднял голову, то увидел, что принцесса, как и во время их предыдущего разговора, раздвигает свои покрывала, но так, чтобы только он — и никто другой! — смог бы увидеть ее лицо. И Лебаннен был поражен суровой, почти трагической красотой этого лица, скрывавшегося в красноватой тени.

— Все ли... все ли хорошо, принцесса? — спросил он, запинаясь, что случалось с ним крайне редко.

— Мой друг Тенар сказала: дыши ветром, — промолвила она в ответ.

— Да-да, — пробормотал он невпопад.

— А не могут ли наши волшебники что-нибудь сделать для принцессы, господин мой? — обратилась к нему Ириан и встала, распрямив свои длинные ноги. Обе эти женщины были почти одного роста с Лебанненом.

Лебаннен тщетно пытался угадать, какого цвета у принцессы глаза, поскольку в данный момент имел возможность смотреть прямо в них. Голубые, решил он, но похожи на голубые опалы, потому что меняют цвет, словно в глубине их скрывается множество иных оттенков. Впрочем, может быть, виновато солнце, просвечивавшее сквозь ее красное покрывало?..

— Сделать для принцессы? — рассеянно переспросил он.

— Ну да, ей бы очень хотелось, чтобы морская болезнь не мучила ее так сильно. Она ведь просто ужасно чувствовала себя на пути в Хавнор с Каргадских островов.

— Я бояться ни за что! — заявила принцесса и с вызовом посмотрела прямо на Лебаннена. «Чего это она?» — удивился он и сказал:

— Да, разумеется, я сейчас попрошу Оникса что-нибудь сделать. Я уверен, что он сможет ей помочь хоть немного. — Он поспешно поклонился и пошел разыскивать волшебника.

Оникс и Сеппель обсудили его просьбу и посоветовались с Олдером. Заклятие от морской болезни было скорее из арсенала колдунов-целителей или профессиональных латальщиков, а не могущественных волшебников. Сам Олдер, к сожалению, абсолютно ничем не смог бы помочь принцессе, разве что припомнить слова заклятия, но, увы, он их вспомнить не смог. Да ему и не приходилось никого лечить от морской болезни, он никогда даже и не помышлял о путешествии по морю, пока не начались его беды. Что же касается Сеппеля, то он признался, что и сам всегда страдает от морской болезни — особенно на небольших суденышках или при сильной качке. В итоге Ониксу пришлось отправиться к принцессе под навес и в изысканных выражениях просить у нее прощения, ибо никто из них ничем не мог ей помочь, сам Оникс никогда даже не знал заклятия от морской болезни. Он мог предложить ей — и это Оникс сказал совсем уж извиняющимся тоном — только некий амулет, который один из моряков, слышавший ее просьбу — а моряки ведь все слышат! — буквально насильно сунул ему в руку.

Изящная, с длинными пальцами рука принцессы появилась из-под красного покрывала, и волшебник вложил в ее ладошку странноватый черно-белый амулет: птичью «вилочку», оплетенную сухими морскими водорослями.

— Это «вилочка» буревестника, ибо ему дано оседлать любой штормовой ветер, — пояснил Оникс, весь красный от стыда.

Принцесса качнула невидимой головой, прошептала по-каргадски какие-то слова благодарности, и амулет исчез под покрывалами, а сама она встала и пошла в каюту. А Оникс отправился извиняться перед королем за то, что ничем не сумел помочь принцессе. Корабль уже весьма энергично качало, по морю шла ровная сильная зыбь, и Оникс сказал, желая оправдаться:

— Я бы мог, господин мой, шепнуть словечко ветрам...

Лебаннен хорошо знал, что у волшебников есть два типа представлений о возможности воздействия на погоду с помощью магии: согласно одним — их исповедовал еще Багмен, — можно приказать ветрам служить тебе, как служат пастухам пастушьи собаки, которым то и дело

приходится бегать туда-сюда по приказу хозяина; но, согласно относительно недавним воззрениям — возникшим от силы несколько столетий назад на острове Рок, — волшебный ветер, например, следовало вызывать только в случае крайней необходимости, предоставляя возможность естественным ветрам дуть, как им заблагорассудится. Лебаннен знал, что Оникс — преданный сторонник теории Рока.

— Ты уж сам решай, Оникс, — сказал он. — Похоже, нам действительно предстоит нелегкая ночка... Но если буря будет не слишком сильной...

Оникс посмотрел на почерневшее небо, где то и дело вспыхивали зигзаги молний. В сгущавшейся тьме вдоль всего южного горизонта горделиво погромыхивал гром. А за кормой еще догорал последний дрожащий луч заката, освещая высокие волны.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал Лебаннен довольно мрачным тоном и пошел вниз, в маленькую перенаселенную каюту.

Он старался там практически не бывать и все время проводить на палубе. На палубе он и спал, если ему вообще удавалось уснуть. Но сегодняшняя ночь явно грозила быть такой, что вряд ли кто-то на борту «Дельфина» будет спать спокойно. Это был не просто сильный ветер, не просто шквал, а целая череда яростных штормовых атак, какие часто случаются в Земноморье в конце лета, обрушиваясь на море с юго-запада. В такие минуты над вздыбленным стеной морем, которое кажется кипящим, без конца сверкают молнии, а гром гремит так, словно вот-вот расколет пополам попавший в бурю корабль. Сумасшедшие порывы ветра заставляют судно нырять, крутиться, совершать немыслимые прыжки — в общем, это была долгая ночь, и весьма, надо сказать, шумная.

Оникс только раз пришел к Лебаннену посоветоваться: не стоит ли ему все же «шепнуть словечко» ветру? Лебаннен вопросительно посмотрел на шкипера, который только пожал плечами. И шкипер, и вся его команда были страшно заняты, но особой озабоченности на корабле не чувствовалось. Что же касается женщин, то Лебаннену сообщили, что они сидят у себя в каюте и играют в ка-

кие-то игры. Ириан и принцесса попытались было выйти на палубу, но там даже на ногах трудно было удержаться, и они, поняв, что только мешают команде, снова убрались в каюту. Сообщение о том, что «дамы играют в азартные игры», поступило от поваренка, которого послали в каюту, чтобы узнать, не желают ли дамы чего-нибудь поесть. Они желали! Мало того, они готовы были съесть все, что угодно.

Лебаннена охватило любопытство. Тем более что «женская» каюта буквально сияла огнями, и сияние ламп замечательным образом отражалось в кипящей воде за бортом. Около полуночи он набрался храбрости и все-таки постучался.

Дверь открыла Ириан. После грохота бури и непроглядной темноты освещенная лампами каюта казалась средоточием уюта и спокойствия, хотя раскачивавшиеся лампы отбрасывали на стены уродливые, кривляющиеся тени. Лебаннен вдруг смутился: его со всех сторон окружали женщины, их разноцветные наряды, их нежные лица, их смугло-золотистая и бело-розовая кожа, их прекрасные волосы, черные, седые, каштановые, их выразительные глаза... Глаза принцессы неотрывно смотрели на него; она была настолько потрясена его неожиданным появлением, что даже не сразу подхватила какой-то шарф или покрывало, чтобы прикрыть лицо.

— О, а мы-то думали, это поваренок! — со смехом воскликнула Ириан.

Техану посмотрела на Лебаннена и спросила, как всегда застенчиво и дружелюбно:

— Что-нибудь случилось?

И он понял, что так и стоит на пороге, глядя на них, словно безмолвный посланник безжалостной судьбы.

— Нет... совсем ничего, правда!.. Я просто хотел... узнать: как вы тут? Прошу прощения, я ведь без приглашения к вам ворвался...

— Вряд ли ты виноват в том, что погода так испортилась, — сказала Тенар. — Просто нам было не уснуть, вот мы с принцессой и решили обучить остальных одной весьма азартной каргадской игре.

Лебаннен увидел на столе пятигранные игральные кости, по всей видимости принадлежавшие Тосле.

— Мы играли на острова, — пояснила Ириан. — Но Техану и я все время проигрывали. А эти противные карги уже выиграли Арк и Илиен.

Принцесса вдруг опустила свой шарф, которым все старалась прикрыть лицо, и повернулась к Лебаннену. Решительная, чрезвычайно напряженная, она была похожа на юного фехтовальщика, пожелавшего сразиться с более опытным противником на ответственном поединке. В каюте было тепло, и все женщины были босиком, с обнаженными руками и вообще полуодеты, но Лебаннен не мог отвести глаз от принцессы. Уже одно то, что она решилась открыть перед ним лицо, притягивало его внимание к ней столь же сильно, как магнит притягивает затерявшуюся иголку.

— Прошу прощения, что я так, без спросу, к вам ворвался... — снова, как полный идиот, повторил он и бросился вон, тщательно закрыв за собой дверь. Уже прислонившись к двери с той стороны и с трудом переводя дух, он услышал, как женщины дружно смеются.

Чтобы прийти в себя, Лебаннен немного постоял рядом с рулевым. Глядя в исхлестанную ветром и дождем тьму, временами освещаемую вспышками далеких молний, он по-прежнему видел перед собой черный водопад волос Техану, милое, доброе лицо Тенар и ее насмешливую улыбку, игральные кости на столе, округлые руки принцессы, ее нежную кожу цвета меда, изящный изгиб ее шеи, белеющей на фоне густых каштановых волос... Или золотистых?.. Он не запомнил, какого цвета у нее волосы, он видел только эти прекрасные руки и шею, только ее лицо и глаза, в которых читались открытый вызов и отчаяние. Чего так боится эта девочка? Неужели она думает, что он способен причинить ей зло?

Одна или две звезды вспыхнули высоко в небесах. Буря миновала. Лебаннен пошел в свою каюту, повесил гамак, потому что на койках места не было, и на несколько часов провалился в сон. Проснулся он еще до зари — как всегда, от ощущения странного беспокойства — и поднялся на палубу.

День наступал такой ясный и спокойный, словно никакого шторма не было и в помине. Лебаннен стоял на

носу и смотрел, как первые солнечные лучи полосами ложатся на воду, и ему вдруг вспомнились слова:

Радость моя! Лети, будь свободна!
Прежде, чем светлый Эа возник, и прежде,
Чем великий Сегой повелел Земноморью быть,
Утренний ветер уже гулял над морем бескрайним.
Радость моя! Лети, будь свободна!

Это был отрывок из какой-то баллады или колыбельной песни времен его детства. Больше он не смог припомнить ни слова, но мелодия была прекрасна, и он тихонько напевал ее, позволяя ветру тут же уносить звуки, срывавшиеся с его губ.

Из каюты на корме показалась Тенар и, заметив Лебаннена, подошла к нему.

— Доброе утро, дорогой мой! — сказала она, глядя на него с любовью, и он тоже нежно приветствовал ее. Он уже с трудом припоминал теперь, почему тогда так на нее разозлился, и удивлялся, как это вообще могло случиться, что он разозлился на Тенар.

— Ну что, остров Хавнор вчера выиграли, конечно же, «противные карги»? — спросил он.

— Нет, Хавнор можешь оставить себе. Мы вскоре после твоего ухода спать легли. И девочки до сих пор сладко спят. А что, мы до Рока сегодня доберемся?

— Нет, разве что завтра к утру. Но сегодня еще до полудня мы уже должны войти в гавань Твила. Если, конечно, нам разрешат приблизиться к острову.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Рок хорошо защищен от непрошеных гостей.

— Ах да! Гед мне об этом рассказывал... Рассказывал, как он плыл на корабле, собираясь вернуться в Школу, и они послали против него свой ветер. Ветер Рока — так он говорил.

— Против НЕГО?

— Это было очень давно. — Тенар улыбнулась, пытаясь его успокоить. Ей было приятно это неверие Лебаннена в возможность того, что Геду кто-то мог нанести обиду, тем более незаслуженную. — Гед тогда еще совсем мальчишкой был. И вздумал помериться силами с самой Тьмой. Так он сам рассказывал.

— И когда он стал уже взрослым мужчиной, он все еще мерился с нею силами.

— Зато теперь перестал, — спокойно сказала Тенар.

— Нет. Теперь нам всем опять придется помериться с нею силой. — Лицо Лебаннена посуровело. — Хотелось бы мне знать, с кем нам все-таки придется иметь дело! Я уверен, нас ждут великие перемены, нам предстоит выбрать новый путь — как предсказывал Огион, как Гед говорил Олдеру. И я уверен, что Рок — это то самое место, где мы должны встретиться с нашим врагом лицом к лицу. И с ожидающими нас переменами. Но, кроме этого, у меня нет никакой уверенности ни в чем! Я понятия не имею, что нас ждет, с чем нам предстоит столкнуться. Когда Гед взял меня с собой в темную страну, мы, по крайней мере, знали, кто наш враг. Когда я повел свой флот в Сорру, я знал, какое зло хочу уничтожить. Но теперь... Интересно, драконы все-таки наши враги или союзники? Что именно в мире пошло наперекосяк? Что нам необходимо создать или уничтожить? Смогут ли предсказать это Мастера? Да и согласятся ли они встретиться с нами? Или просто повернут свой ветер нам навстречу?

— Опасаясь?..

— Опасаясь дракона, конечно. Того, которого знают. Или же того, которого еще ни разу не видели...

Тенар, слушавшая его очень напряженно, улыбнулась.

— Да уж, хорошенький мешок с подарками ты им везешь! — сказала она. — Колдуна, которого во сне преследуют мертвецы, волшебника с острова Пальн, двух драконов и двух каргов в придачу. Единственные приличные пассажиры на этом корабле — это вы с Ониксом.

Лебаннен даже не улыбнулся.

— Если бы только ОН был с нами... — промолвил он задумчиво.

Тенар положила руку ему на плечо и хотела было что-то сказать, но, видно, передумала.

Лебаннен накрыл своей ладонью ее руку, и они некоторое время стояли молча, рядышком, глядя в безбрежные пляшущие волны.

— Принцесса хотела тебе кое-что рассказать, прежде чем мы приплывем на Рок, — сказала Тенар. — Это одна

очень любопытная история с острова Гур-ат-Гур. Они там, в своей пустыне, хорошо помнят всякие древние истории. А эта, по-моему, повествует о таких давних временах, что мне не с чем даже ее сравнить, разве что с легендой о Женщине с Кемея. Там речь идет о драконах... Было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты сам пригласил ее на беседу, чтобы ей не пришлось просить об этом тебя.

Чувствуя, с какой любовью и осторожностью она говорит, Лебаннен ощутил легкое раздражение и тут же — укол стыда. Глядя вдаль, он видел, как далеко на юге, почти у самого горизонта, быстро плывет какая-то галера, держа курс на Кемери или Уэй. В солнечных лучах были заметны даже легкие вспышки там, где поднимались и опускались в воду могучие весла. Лебаннен повернулся к Тенар и сказал весело:

— Ну конечно, я с удовольствием с ней побеседую! Спроси у нее, пожалуйста, в полдень ей будет удобно?

— Да, вполне. Спасибо.

Около полудня он послал молодого матроса в каюту на корме спросить, не соблаговолит ли принцесса присоединиться к нему на палубе. Он ждал ее, стоя на носу корабля. Принцесса вышла из каюты сразу же, и, поскольку корабль был всего шагов пятьдесят в длину, Лебаннену было хорошо видно каждое ее движение, пока она шла к нему. Теперь к нему приближался уже не безликий красный цилиндр, а высокая и красивая молодая женщина, одетая в мягкие белые шаровары и длинную рубаху приглушенного красного цвета. Золотой обруч придерживал тончайшую красную вуаль, которой она прикрывала лицо. Вуаль трепетала на морском ветру. Матрос старательно помогал принцессе преодолевать многочисленные препятствия, заботясь, чтобы она не споткнулась, да и палуба была узковата. Принцесса шла босиком, медленно и осторожно ставя красивые узкие ступни и так горделиво подняв прекрасную голову, что от нее невозможно было отвести глаз.

Наконец она подошла к Лебаннену и застыла перед ним как вкопанная.

Лебаннен учтиво поклонился ей и сказал:

— Госпожа моя, ты оказываешь мне неслыханную честь!..

Она склонилась в глубоком реверансе, держа спину удивительно прямо, и спокойно его поблагодарила.

— Надеюсь, прошлой ночью буря не слишком тебя потревожила?

Принцесса коснулась амулета, висевшего у нее на шее, — маленькой птичьей косточки, обвитой черными водорослями, и сказала по-каргадски:

— Керез акатх акатхарва ереви, — сказала она. Он знал, что слово «акатх» значит «колдун» или «колдовство».

Лебаннен понимал, что за ними отовсюду следят глаза — из каюты, из трюмов, с мачт...

— Если хочешь, госпожа моя, мы можем пройти на самый нос, — предложил он принцессе. — Тогда вскоре можно будет увидеть и остров Рок, я надеюсь. — Он точно знал, что никакого Рока они не увидят и сияние Холма в небесах будет заметно не раньше следующего утра. Поддерживая принцессу под локоть, но почти ее не касаясь, он повел ее в носовую часть судна, где между кабестаном, бушпритом и поручнями был маленький тругольник свободного пространства, где они — когда какой-то матрос убрался оттуда вместе с цепью, которую чинил, — наконец остались более или менее наедине, хотя по-прежнему были видны всем и каждому на корабле. Зато здесь можно было, по крайней мере, повернуться ко всем спиной!

Когда они наконец обрели относительный покой, принцесса повернулась к Лебаннену и откинула с лица вуаль. Он хотел было спросить, чем может ей служить, но это показалось ему совершенно неуместным, и он промолчал.

Зато заговорила принцесса:

— Господин мой, на нашем острове Гур-ат-Гур я считаться «фейягат». А на острове Рок я считаться дочь Правителя Каргада. Для этого я сейчас не есть «фейягат». Я — гололицая! Если тебе угодно.

Не сразу, но все же он сумел ответить:

— Да, конечно. Ты права, госпожа моя. И это... очень здорово!

— Тебе нравится?

— Очень! Да, очень! Я... Спасибо тебе, принцесса!

— Баррезу, — сказала она, по-королевски принимая его благодарность. Ее достоинство и умение держать себя в руках совершенно ошеломили Лебаннена. Ведь лицо этой девочки прямо-таки пылало от стыда, когда она впервые при нем откинула свою вуаль; теперь же в нем не было ни кровинки. Она стояла абсолютно прямо и спокойно, словно собирая силы для дальнейшего разговора.

— Тоже... — сказала она, — также... Мой друг Тенар также.

— Наш друг Тенар! — поправил он с улыбкой.

— Хорошо. Наш друг Тенар. Она говорит, я должна рассказать королю Лебаннену про Ведурнан.

И Лебаннен невольно повторил это слово.

— Давно-давно... нет, давным-давно... были люди-карги, люди-колдуны, люди-драконы, а? Да?.. Все люди — один народ! Все говорить один... один... О, Вулуа мекревт!

— Говорили на одном языке?

— Ха! Да! Был один язык! — В своем страстном стремлении непременно говорить на ардическом, она временами теряла свое невероятное самообладание; ее лицо пылало, глаза сияли. — Но потом люди-драконы сказали: пусть, пусть все уходят, все вещи, все люди! Улетают!.. Но мы, люди, сказали: нет, мы все сохраним! Сохраним все вещи, будем трудиться!.. Так что мы разошлись, ага? Люди-драконы и мы, люди, так? И они создали Ведурнан. Эти пусть уходят, а эти пусть сохраняют. Да? Но чтобы сохранить все вещи, мы должны были отпустить и тот язык. Тот язык людей-драконов.

— Истинную Речь?

— Да! Так что мы, люди, отпустили тот язык Древняя Речь и сохранили все вещи. А люди-драконы отпустили все вещи, но сохранили тот язык. А? Сейнеба? Понимать? Вот это и есть Ведурнан! — Ее прекрасные крупные руки с длинными пальцами яростно жестикулировали; она жадно вглядывалась в его лицо, страстно надеясь, что он ее понял. — Мы идем на восток, на восток, на восток. А люди-драконы идут на запад, на запад, на запад. Мы трудимся, они летают. Некоторые драконы приходят с нами на восток, но не сохраняют тот язык. Они его забывают и забывают, как летать. Как народ каргов. Народ каргов говорит на языке Каргада, не на языке драконов. Но все хранят верность Ведурнану, на востоке, на западе. Сейнеба? Но в...

Не найдя подходящего слова, принцесса соединила руки — «восток» и «запад», — и Лебаннен подсказал:

— В центре? Посредине?

— А? Да! Посредине! — Она даже засмеялась от удовольствия, что слово наконец нашлось. — Посредине — вы! Люди-колдуны! Ага? Вы, посединные люди. Вы говорите на ардическом языке, но также, нет, тоже говорите на языке Древняя Речь. Вы УЧИТЕ этот язык! Как я учу ардический, а? Учите, чтобы говорить. И... это-то и есть плохо! Самое плохо! А потом, вы говорите... на колдовском языке, который есть Древняя Речь: МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ. И так оно и случается. И Ведурнан есть нарушен!

Глаза ее были как синий огонь.

Она помолчала немного и спросила:

— Сейнеба?

— Да, я понял. Но не уверен, что все понял правильно.

— Вы хранить жизнь! Хранить слишком долго. Вы никогда не отпускаете. Но умереть — это... — Она выбросила руки вперед широким, открытым жестом, словно отталкивая что-то от себя — в небо, за море.

Лебаннен грустно покачал головой.

— Ах... — сказала она. Подумала минутку, но больше слов не нашла и, сдавшись, только развела бессильно руками. — Я должна учить больше ваших слов! — сказала она.

— Госпожа моя, на острове Рок есть Мастер Путеводитель, он живет в Имманентной Роще... — Лебаннен следил за ее лицом, но она явно его не понимала, и он начал снова: — На острове Рок есть один человек, великий маг, и он тоже карг, как и ты. Ему ты сможешь рассказать все то, что рассказала мне, на своем родном языке.

Она слушала очень внимательно, потом кивнула и сказала:

— Это друг Ириан. Я от всего сердца желаю говорить с другом Ириан. — И все ее лицо осветилось.

Лебаннен был тронут.

— Мне очень жаль, что тебе было у нас так одиноко, принцесса, — сказал он.

Она смотрела на него; глаза ее весело сияли, но она не сказала ни слова.

— Я надеюсь, что со временем... когда ты выучишь наш язык...

— Я учусь быстро! — заявила она. И он не понял — это утверждение или предсказание.

Они смотрели друг другу прямо в глаза.

Принцесса вновь вспомнила, что ей подобает держаться по-королевски, и заговорила иным, официальным тоном, как в самом начале:

— Я благодарна тебе, господин мой, что ты меня слушал. — Она чуть склонила голову набок и прикрыла глаза рукой — традиционный знак уважения у каргов. Затем последовал глубокий реверанс, и она что-то тихо промолвила по-каргадски.

— Пожалуйста, — попросил он, — повтори то, что ты сейчас сказала, на ардическом.

Она помолчала, явно колеблясь, подумала и ответила:

— Твои... твои, как это?.. а, маленькие короли... Сыновья! Сыновья, твои сыновья пусть будут драконами и повелителями драконов! А? — Она просияла радостной улыбкой, вновь опустила вуаль на лицо, попятилась шага на четыре, повернулась и пошла прочь — стройная, гибкая, ступающая спокойно и уверенно. Лебаннен остался стоять на прежнем месте, и у него было такое ощущение, будто одна из тех ночных молний все-таки попала прямо в него.

Глава V

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Последняя ночь морского путешествия была тихой, теплой и беззвездной. «Дельфин» легко бежал по чуть колышащимся волнам к югу. Спать было одно удовольствие.

Олдеру снился какой-то маленький зверек, который сам пришел к нему в темноте и коснулся его руки. Он не

мог его рассмотреть, а когда протянул руку, чтобы его погладить, зверек исчез. Но вскоре Олдер снова почувствовал, как маленькая бархатистая мордочка касается его руки. Он даже приподнялся немного, чтобы увидеть зверька, однако сон тут же ускользнул, и в душе осталась пронзительная боль утраты.

На нижней койке, прямо под ним, спал Сеппель и видел во сне, что он у себя дома, в Ферао, на острове Пальн, и читает старинную мудрую книгу, написанную в Темные Времена. Ему очень интересно читать ее, он доволен, что работа у него спорится, но тут его прерывают и сообщают, что кто-то хочет его видеть. «Ничего, это на минутку», — говорит он себе и идет разговаривать с пришедшим. Это женщина; волосы у нее темно-каштановые с легким рыжеватым оттенком, на прекрасном лице написана сильная тревога. «Ты должен послать его ко мне! — говорит она. — Ты ведь пошлешь его, правда?» «Интересно, кого это я должен к ней послать, — думает он. — Впрочем, притворюсь, будто знаю это». И он отвечает женщине: «Это будет нелегко, ты же понимаешь». И при этих словах женщина вдруг вытаскивает из-за спины тяжелый камень. Изумленный, он думает, что она хочет швырнуть в него этим камнем или ударить его по голове, отшатывается и... Сеппель тут же проснулся в знакомой темной каюте и после этого еще долго не мог уснуть и лежал, прислушиваясь к дыханию спящих людей и шепоту волн, трущихся о борта корабля.

А напротив него на другой койке лежал Оникс. Он лежал на спине и смотрел во тьму. Точнее, он думал, что глаза его открыты и он не спит, а на самом деле ему виделось, как множество маленьких тонких шнурков или веревок обвивают его плечи, ноги, руки, голову, туго стягивают их, а концы всех этих веревок уходят куда-то во тьму, распростершуюся над морем и над сушей, надо всем миром. И эти веревки куда-то тянут его, Оникса, да с такой силой, что и сам, и этот корабль вместе со всеми своими пассажирами тоже потихоньку, незаметно подтягиваются к тому месту, где море превращается в обширную песчаную отмель, и вот уже корабль проплывает неслышно прямо по этим пескам, и это очень странно, и

Ониксу хочется крикнуть, но он не может ни заговорить, ни что-либо сделать, потому что веревки намертво впились в его губы, стянули челюсти, превратили в узкие щелки глаза...

Лебаннен спустился в каюту уже за полночь и лег, чтобы хоть немного поспать до рассвета. Ему хотелось, чтобы к тому моменту, когда покажется вершина Холма Рок, голова у него была свежая. Он заснул быстро и крепко, и сны его были мимолетны и переменчивы: высокий зеленый холм над морем... какая-то женщина, которая ему улыбается и, подняв руку, показывает ему, что может заставить солнце подняться... некий истец во дворце правосудия в Хавноре, от которого он, король, к своему ужасу и стыду, узнает, что половина населения королевства умирает от голода в запертых подвалах собственных домов... какой-то ребенок, который громко зовет: «Иди ко мне!» — но он так и не может отыскать это дитя... Во сне Лебаннен крепко сжимал правой рукой тот камешек-амулет, что всегда носил на груди.

В каюте на корме, прямо над спящими мужчинами, спали женщины, и им тоже снились сны. Сесеракх поднималась в горы; это были прекрасные пустынные горы ее любимой родины, но шла она по запретной драконьей тропе. Человек не смел даже ступать на эту тропу, даже пересекать ее. Но пыль на тропе была такой мягкой и теплой под ее босыми ногами, что она продолжала подниматься по драконьей тропе, хотя и понимала, что не должна этого делать. А потом посмотрела вверх и увидела, что горы вокруг совсем иные, незнакомые ей, черные, страшные, отвесные скалы сменяются бездонными пропастями... На такие вершины ей ни за что не взобраться! И все же она должна взобраться на них!..

А Ириан снилось, что она радостно парит на штормовом ветру, а буря злится и швыряет целые пучки молний прямо в ее крылья, заставляя спускаться все ниже и ниже, к самым тучам, и она, чувствуя это, видит вдруг, что это вовсе не тучи, а черные скалы, черная извилистая горная гряда с отвесными кручами. И тут оказывается, что крылья ее окончательно прибиты к телу молниями, и она падает...

Техану видела во сне, что ползет на четвереньках по какому-то туннелю глубоко под землей. Там не хватает воздуха, трудно дышать, да и сам туннель становится все у́же, все теснее, и повернуть назад невозможно. Но сверкающие корни деревьев, проросшие сквозь стены туннеля и уходящие куда-то вглубь, дают ей возможность еще немного подтянуться, еще немного проползти вперед, в темноту...

А Тенар снилось детство. Она карабкалась по ступеням Трона Безымянных в священных Гробницах Атуана и была такая маленькая, а ступеньки — такие высокие, и она всползала на них с огромным трудом. Но когда она достигла четвертой ступени, то не стала оборачиваться и ждать, как ей велели жрицы, а поползла дальше — еще одна ступень, еще одна и еще... Ступени были покрыты такой густой пылью, что в ней скрывались всякие следы, и Тенар чувствовала, что добралась уже до таких ступеней, на которые никогда не ступала ничья нога. Она торопилась, зная, что за Незанятым Троном Гед что-то оставил или потерял, что-то очень важное для миллионов людей, и она должна непременно это найти. Вот только она не знала, что это такое. «Камешек, камешек», — твердила она про себя, но за троном, когда она наконец доползла, была только пыль. Засохший совиный помет и пыль.

В своем алькове, в доме Старого Мага над водопадом, на острове Гонт, спал Гед, и ему снилось, что он по-прежнему Верховный Маг Земноморья и разговаривает со своим другом Торионом. Они неторопливо идут по коридору, стены которого расписаны рунами, к той просторной комнате, где всегда собираются Девять Мастеров. «У меня совершенно не осталось волшебного могущества, я истратил всю свою силу, — честно признается онТориону. — Это продолжалось долгие годы, но теперь...» И Заклинатель говорит ему с улыбкой: «То был всего лишь сон, ты же знаешь». Но Геда почему-то очень тревожат длинные черные крылья у него за спиной, которые волочатся по полу. Он все время пожимает плечами, пытаясь их приподнять, но они висят совершенно безжизненно, точно пустые мешки. «А у тебя крылья есть?»— спрашивает онТориона, и тот благодушно отвечает: «Да, конеч-

но,— и показывает, как крепко эти крылья привязаны у него к спине и к ногам множеством маленьких тонких веревочек или шнурков. — Вот. Меня отлично запрягли!» — говорит он.

А в Имманентной Роще на острове Рок спал под деревьями Азвер Путеводитель — он спал прямо под открытым небом на поляне, как часто делал летом. На ночлег он устроился ближе к восточной опушке леса, где сквозь листву можно было видеть небо и звезды. Там его сон всегда был легок и прозрачен, и душа легко переходила из состояния задумчивости к состоянию сна и обратно, направляемая перемещением звезд на небосклоне и шорохом листьев, когда они как бы менялись местами в своем нескончаемом танце. Но сегодня ночью в небе не было звезд, и листья висели совершенно неподвижно, и, посмотрев вверх, Азвер увидел абсолютно черное небо, подернутое дымкой, сквозь которую просвечивали звезды — маленькие, яркие и совершенно неподвижные. И он почему-то знал, что и восхода солнца тоже не будет.... И сразу сел, проснувшись, и стал пристально вглядываться в слабый мягкий полусвет, что всегда царил под деревьями в Роще. Сердце его билось медленно и тяжко.

В Большом Доме спящие ученики Школы вертелись во сне и громко вскрикивали: им снилось, что они должны идти сражаться с целой армией неприятеля и бой состоится на какой-то обширной, покрытой серой пылью долине, но воины, с которыми им предстоит сразиться, все сплошь старики, слабые, больные люди или плачущие дети...

Мастерам Рока снилось, что какой-то корабль плывет к ним по морю, нагруженный тяжело и низко осевший в воде. Одному из волшебников снилось, что груз корабля — это черные камни. Другому — что это пылающий огонь. А третьему — что этот корабль нагружен снами или мечтами.

Семеро Мастеров, что спали в Большом Доме, проснулись один за другим в своих каменных кельях, зажгли волшебные огоньки, встали и обнаружили, что Мастер Привратник давно поднялся и ждет у дверей. «Король приедет на рассвете», — сказал он им с улыбкой.

— А вот и Холм Рок! — сказал Тосла, указывая на далекую, светлую и странно неподвижную волну, поднявшуюся на юго-западе над другими, более темными морскими волнами. Лебаннен, стоявший с ним рядом, промолчал. Облака совершенно рассеялись, и рассветное небо вздымалось чистым, бесцветным куполом над бескрайним пространством вод.

Восточный край неба медленно желтел. Лебаннен посмотрел на корму. Две молодые женщины уже проснулись и вышли из каюты на палубу; высокие, босоногие, они стояли у поручней и смотрели на восток.

Вершину округлого зеленого Холма солнце осветило в первую очередь, и они неотрывно смотрели на нее. А когда солнце поднялось уже довольно высоко, они между двумя Сторожевыми утесами вошли наконец в гавань Твила. Все высыпали на палубу, глядя на берег. Но говорили мало.

Уже в гавани ветер совершенно стих. Наступил такой штиль, что в воде залива, как в зеркале, отражались маленький городок на берегу и высокие мощные стены Большого Дома. Корабль медленно скользил по воде к причалам.

Лебаннен быстро посмотрел на шкипера Тослу и на Оникса. Шкипер кивнул, а волшебник медленно поднял широко раскинутые руки и прошептал какое-то заклятие.

Корабль продолжал скользить по глади вод, пока не поравнялся с самым длинным из пирсов. Капитан тут уже отдал приказ, большой парус был мгновенно спущен, и матросы с борта бросили чалку стоявшим на пристани. Теперь уже торжественная тишина была безнадежно нарушена их деловитыми криками.

На пристани оказалось немало встречающих; это были жители города, а также группа юных учеников Школы, среди которых выделялся огромный широкоплечий человек с очень смуглой кожей. Он держал в руках высокий, тяжелый посох.

— Добро пожаловать на Рок, господин мой король Западных Земель! — сказал он торжественно, выходя вперед, как только были спущены и закреплены сходни. — И добро пожаловать всей честной компании!

Молодые люди, пришедшие с ним, и все горожане тут же принялись выкрикивать приветствия королю, и Лебаннен весело отвечал им, спускаясь по сходням. Затем король радостно и почтительно приветствовал Мастера Заклинателя, ибо то был, конечно же, он, и немного поговорил с ним.

Те, кто внимательно наблюдали за их беседой, могли заметить, что Мастер Заклинатель то и дело хмуро поглядывает на корабль, особенно на тех женщин, что стоят у поручней, а ответы его явно не нравятся королю.

Вскоре Лебаннен еще раз поклонился Заклинателю и снова вернулся на корабль. К нему сразу же подошла Ириан и сказала:

— Господин мой, ты можешь сказать Мастерам Школы, что я не имею желания входить в их дом — во всяком случае, на этот раз. Я не войду туда, даже если они меня об этом *попросят*!

Но лицо Лебаннена оставалось исключительно суровым.

— Мастер Путеводитель приглашает тебя к себе, в Рощу, — сказал он.

Ириан, радостно засмеявшись, воскликнула:

— Я знала, что он меня позовет! И Техану пойдет со мной.

— И моя мать, — прошептала Техану.

Лебаннен посмотрел на Тенар; та кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — В таком случае остальные разместятся в Большом Доме, если только кто-то из вас, разумеется, не предпочитает иное жилище.

— С твоего разрешения, господин мой, — сказал Сеппель, — я тоже попрошу Мастера Путеводителя приютить меня.

— Но в этом нет никакой необходимости, Сеппель! — резко возразил Оникс. — Ты пойдешь со мною вместе в мой дом!

Пальнийский волшебник только слабо махнул рукой, как бы желая его успокоить.

— Я не хочу обижать твоих соратников, друг мой, — сказал он. — К тому же я всю жизнь страстно мечтал прогуляться по Имманентной Роще. И мне, конечно же, будет там проще и удобнее, чем где бы то ни было еще.

— Возможно, двери Большого Дома по-прежнему закрыты и для меня, как это уже было прежде, — неуверенно сказал Олдер, и желтоватое лицо Оникса залила краска стыда.

Обернутая вуалью головка принцессы поворачивалась от одного говорившего к другому; Сесеракх жадно вслушивалась в их речь, стараясь понять, что они обсуждают. А потом заговорила сама:

— Прошу, господин мой король! Я желаю быть с моим другом Тенар, хорошо? И с моим другом Техану, хорошо? И с Ириан, хорошо? И еще — поговорить с тем каргом, хорошо?

Лебаннен посмотрел на них, потом быстро оглянулся на Мастера Заклинателя, массивная фигура которого возвышалась у нижнего конца сходней, и рассмеялся. А потом, прямо с палубы обращаясь к волшебнику, сказал своим ясным голосом и в высшей степени любезно:

— Мои спутники слишком долго томились в тесных корабельных каютах, Мастер Заклинатель, и, похоже, очень соскучились по травке под ногами и листве над головой. Если все мы попросим Мастера Путеводителя приютить нас и он согласится, простят ли нам Мастера подобное пренебрежение их драгоценным гостеприимством? Позволь же нам пожить в Роще, а не в Большом Доме хотя бы некоторое время!

Помолчав, Заклинатель медленно и словно нехотя склонил голову в знак согласия.

Лебаннен давно уже заметил рядом с Мастером Заклинателем невысокого плотного человека, который все время как-то странно поглядывал на него, Лебаннена, и чему-то улыбался. Наконец он поднял свой посох из серебристого дерева и торжественно произнес:

— Сир, как-то раз, это, правда, было уже довольно давно, мне довелось сопровождать вас в прогулках по Большому Дому. Я тогда немало наплел вам всяких небылиц, так что...

— Гэмбл! — воскликнул Лебаннен, узнав старого приятеля. Они бросились навстречу друг другу и обнялись,

стоя прямо на сходнях, а потом, оживленно беседуя, двинулись дальше по пристани.

Следующим на сходни ступил Оникс; он довольно сдержанно и весьма церемонно поздоровался с Мастером Заклинателем, а потом повернулся к человеку по прозвищу Гэмбл, что, как известно, означает «риск».

— Так, значит, ты теперь у нас Мастер Ветродуй, да? — спросил Оникс, и, когда Гэмбл рассмеялся и ответил утвердительно, Оникс крепко обнял его и сказал: — И отличный Мастер, надо признать! — Извинившись перед Лебанненом, он отвел Гэмбла в сторонку и о чем-то быстро переговорил с ним; лица у обоих при этом были взволнованные и довольно мрачные.

Лебаннен махнул рукой остальным пассажирам, приглашая их сойти на берег. Каждого, кто ступал на причал, он тут же представлял двум Мастерам Рока — Бранду Заклинателю и Гэмблу Ветродую.

На большей части островов Архипелага люди не касаются друг друга ладонями в знак приветствия, как это с давних пор заведено на Энладе и других Энладских островах; они лишь кланяются, держа обе ладони открытыми перед сердцем, словно делая подношение. Но, когда встретились Ириан и Заклинатель, ни один из них не только не поклонился, но и вообще никакого приветственного жеста не сделал. Они просто на мгновение замерли друг напротив друга, опустив руки по швам.

Принцесса же приветствовала встречающих глубоким, изящным реверансом.

Тенар поздоровалась с Заклинателем совершенно спокойно, приветствуя его традиционным жестом, как и он ее.

— А это та самая Женщина с Гонта! Дочь нашего Верховного Мага, Техану, — сказал Лебаннен Заклинателю. Техану едва заметно кивнула и приветствовала волшебника тем же традиционным жестом, что и Тенар. Однако он на приветствие не ответил. Он долго и внимательно смотрел на девушку, потом издал какой-то странный звук, будто поперхнулся, и понуро, словно она ударила его, отступил назад.

— Госпожа Техану, — сказал Гэмбл, быстро выходя

вперед и становясь между нею и Заклинателем, — мы рады приветствовать тебя на острове Рок. Добро пожаловать! Да будут славиться вовек твой отец и твоя мать! А также и ты сама. Надеюсь, путешествие твое было приятным?

Техану, удивленно посмотрев на него, смутилась и скорее присела, чем поклонилась, пряча свое лицо, но все же умудрилась прошептать более или менее удовлетворительный ответ.

Лебаннен, лицо которого в эти мгновения более всего напоминало бронзовую маску, спокойно и неторопливо ответил за нее:

— Да, Гэмбл, путешествие наше было очень приятным, хотя конец его все еще представляется мне не совсем понятным. Ну что, не прогуляться ли нам теперь прямиком через город, а? Ты как, Тенар?.. Техану?.. принцесса?.. Орм Ириан? — Он посмотрел на каждую из женщин, произнося ее имя, а имя последней произнес особенно громко и отчетливо.

И двинулся в путь рядом с Тенар, остальные последовали за ними, причем Сесеракх, едва сойдя с корабля на пристань, решительно отбросила с лица свои бесконечные красные покрывала.

Гэмбл шел рядом с Ониксом, Олдер — с Сеппелем. Тосла остался на корабле. Последним, кто покинул пристань, был Бранд Заклинатель. Он шел один, позади всех, тяжело ступая.

Тенар не раз расспрашивала Геда о Роще, ей нравилось слушать, как он описывает ее.

— С первого взгляда она кажется самой обыкновенной рощей, — говорил он. — Не очень-то и большой. Поля подступают к самым ее опушкам с севера и с востока, а с юга ее окружают холмы. И еще иногда с запада... Она ведь не стоит на месте. В общем, выглядит она обыкновенно. Но отчего-то притягивает к себе внимание. А порой, если глядеть на нее с вершины Холма, то она кажется настоящим лесом, которому конца-края не видно. Пытаешься определить, где же этот лес кончается, а не

можешь. Он простирается далеко на запад... А когда просто идешь по Роще, то она снова становится самой обыкновенной рощей, хотя деревья в ней такие, каких больше нигде не встретишь. Высокие, с бурыми стволами, чем-то похожие на дубы или на каштаны.

— А как они называются?

— АРХАДА, — с улыбкой отвечал Гед. — На Языке Созидания это означает просто «деревья». Их листья осенью желтеют и опадают не все сразу, а лишь некоторые, так что листва там меняется каждый сезон, и в любое время года среди зеленых листьев встречаются и желтые, так что листва там всегда будто просвечена золотом. Даже в сумрачный день эти деревья как будто сами испускают солнечный свет. Да и ночью под ними никогда не бывает совершенно темно. В темноте их листья мерцают и светятся, точно звезды или лунный свет. Там растут и обычные деревья: ивы, дубы, ели и другие тоже, но если зайти поглубже, то там в основном именно «архада» попадаются. Их корни уходят в землю глубже, чем корни самого острова. Некоторые из этих деревьев поистине огромны, но есть и потоньше, а вот упавших от старости деревьев там почти не встречается, как и молодых побегов. Они живут долго, очень долго... — Когда Гед говорил о деревьях, голос его всегда становился тихим и мечтательным. — Можно идти и идти в узорчатой тени, которую отбрасывают на землю их листья, но так и не дойти до конца леса.

— Но разве Рок — такой уж большой остров? — спрашивала Тенар.

И Гед, снисходительно улыбаясь, говорил:

— Тот лес, что растет на склонах горы Гонт, — это тоже продолжение Рощи, того великого Леса. Как и все остальные леса, впрочем.

И теперь эта знаменитая Роща была прямо перед ней! Следуя за Лебанненом, они уже миновали город, пройдя по его извилистым улочкам и собрав по пути целую толпу взрослых и детей, которые вышли посмотреть на своего короля и поприветствовать его. Этот веселый эскорт постепенно отстал, и путники вышли на проселочную дорогу, которая меж изгородей и крестьянских полей вела

прямо на вершину Холма Рок, постепенно превращаясь в обычную тропу.

Об этом Холме Гед ей тоже рассказывал. Там, говорил он, любое волшебство обретает особую силу, и там раскрывается истинная сущность всех людей и вещей. «Там, — сказал он однажды Тенар, — наша магическая премудрость и Древние Силы Земли встречаются и сливаются воедино».

Ветер шевелил уже побуревшую траву на Холме. Какой-то юный осленок на совсем еще пряменьких ножках носился галопом по сжатому полю, весело помахивая хвостиком. Стадо коров следовало неторопливо вдоль изгороди, пересекая небольшой ручей. А впереди виднелись деревья — темные, тенистые.

Перебравшись следом за Лебанненом через перелаз и пройдя по маленькому мостику, они оказались на залитом солнцем лугу у самой опушки Рощи. Маленький домик-развалюшка притулился у ручья. И вдруг Ириан, не обращая внимания на своих спутников, со всех ног бросилась к этому домику прямо через луг, по пожухшей траве, и так нежно погладила дверной косяк, как гладят после долгой разлуки любимого коня или собаку.

— Дорогой мой дом! — сказала она. И, повернувшись к подоспевшим спутникам, с улыбкой прибавила: — Я жила здесь, когда меня еще звали Стрекозой.

Она огляделась, осматривая опушку, и снова убежала куда-то с криком: «Азвер!»

На ее крик из тени деревьев вышел какой-то мужчина и остановился на опушке в солнечном пятне. Светлые волосы его сияли, точно посеребренные. Он так и застыл там и, когда Ириан бросилась к нему, поднял руки и раскрыл ей свои объятия. Держа обе его руки в своих, она торопливо говорила, смеясь и плача:

— Не бойся, на этот раз я не обожгу тебя! — Но слез у нее на глазах видно не было. — Я уже научилась сдерживать огонь!

Они стояли так, лицом к лицу, довольно долго, а потом он промолвил ласково и торжественно:

— Добро пожаловать домой, дочь Калессина!

— Со мной приехала моя сестра, Азвер. — И она указала ему на Техану.

Мастер Путеводитель обернулся — у него было светлокожее и довольно жестокое на вид лицо типичного каргa — и посмотрел на Техану. Потом подошел к ней и опустился перед ней на колени.

— ХАМА ГОНДУН! — сказал он. — Дочь Калессина!

Техану несколько мгновений стояла совершенно неподвижно, потом неуверенно протянула ему руку — свою правую руку, сожженную дочерна, свой «коготь». И он взял эту изуродованную руку и поцеловал ее, почтительно склонив голову.

— Мне была дана великая честь быть твоим провозвестником, Женщина с Гонта, — сказал Азвер с какой-то ликующей нежностью и, поднявшись с колен, повернулся наконец к Лебаннену и низко ему поклонился: — Добро пожаловать, мой король!

— Как же я рад снова видеть тебя, Мастер Путеводитель! Но прости: я ведь привел с собой целую толпу и нарушил твое одиночество.

— Мое одиночество и без того уже было нарушено, — сказал Путеводитель. — И какие-то пять-шесть человек будут только кстати.

Его глаза, светлые, серо-зелено-голубые, ласково смотрели на столь многочисленных гостей, он улыбался, и улыбка эта была удивительно теплой и совершенно неожиданной на его суровом лице.

— Однако, я вижу, здесь есть женщины из моего народа! — сказал он по-каргадски и подошел к Тенар и Сесеракх, стоявших рядышком.

— Да, я — Тенар с острова Атуан... с острова Гонт! — поправилась она. — А рядом со мной — принцесса Каргада. Она с острова Гур-ат-Гур.

Азвер низко поклонился им обеим. Сесеракх, держась очень прямо, сделала реверанс, но потом не выдержала: из ее уст буквально хлынул поток каргадских слов:

— О Верховный Жрец, как я рада, что ты здесь! Если бы не мой друг Тенар, я бы давно сошла с ума, я ведь уже считала, что на свете не осталось никого, кто может говорить по-человечески! Ну, если не считать тех глупых служанок, которых прислали вместе со мной из Авабатха. Но, ты знаешь, я уже учусь говорить на здешнем языке!

И еще я учусь быть смелой. Тенар — мой друг и мой учитель. Вот только прошлой ночью я нарушила запрет... Скажи, Верховный Жрец, что я должна сделать, чтобы искупить свою вину? Я ведь ходила по Пути Драконов!

— Ну что ты говоришь? — удивилась Тенар. — Вчера ты ведь была на корабле!

— Мне снился сон! — нетерпеливо объяснила ей Сесеракх, но Тенар продолжала:

— К тому же Мастер Путеводитель — вовсе не жрец, а... здешний колдун...

— Принцесса, — сказал Азвер, — по-моему, все мы сейчас идем по Пути Драконов. Сейчас нарушаются все запреты, так что их вполне можно было бы и отменить. И это происходит отнюдь не только во сне. Но мы еще поговорим об этом — позже, под деревьями. Главное, ничего не бойся. А сейчас позволь мне поздороваться с моими друзьями, хорошо?

Сесеракх величественно кивнула, и Путеводитель отвернулся от нее, чтобы поздороваться наконец с Олдером и Ониксом.

Принцесса внимательно наблюдала за ним.

— Он — воин! — с удовлетворением заявила она Тенар по-каргадски. — Не жрец. У жрецов друзей не бывает!

А потом все они как-то незаметно оказались под сенью огромных деревьев.

Тенар огляделась. Над головой вздымались зеленые аркады и стрельчатые своды неведомого храма; полосы света, испещренные узорчатыми тенями, лежали на земле. Здесь были и раскидистые дубы, и огромные ясени, но больше всего — тех самых «просто деревьев из Рощи», широкие листья которых легко колыхались в воздухе, отчасти напоминая листья ясеня или клена; среди зеленых листьев виднелись и желтые, а кое-где и золотисто-коричневые, особенно много было их на земле, у корней деревьев, но в целом листва в Роще, пронизанная лучами утреннего солнца, была зелена, как летом, и полна теней и затаенного света.

Путеводитель вел их по тропе в чащу, и Тенар снова вспомнила Геда, его голос, когда он рассказывал ей об Имманентной Роще. Здесь она чувствовала себя гораздо

ближе к нему, чем, скажем, в начале лета в порту Гонт перед тем, как сесть на королевский корабль и плыть в Хавнор. Она знала, что Гед когда-то давно тоже жил здесь вместе с Путеводителем Азвером и немало бродил по этому лесу. Она знала, что эта Роща является для него самым главным, самым священным местом в Земноморье, средоточием мира и покоя. И ей казалось, что она может поднять глаза и увидеть его на противоположном конце хотя бы вон той пронизанной солнцем поляны... И от этого ощущения у нее сразу полегчало на душе.

Ибо тот сон, что приснился ей прошлой ночью, очень ее тревожил, а когда Сесеракх бросилась взволнованно рассказывать о своем сне, в котором она якобы нарушила какой-то вековечный запрет, то это потрясло ее до глубины души. Она ведь тоже во сне нарушила запрет! Преступила заповедную черту и взобралась на Незанятый Трон по трем запретным ступеням, на которые никогда еще не ступала нога человека! Гробницы Атуана были сейчас очень далеко от нее, и по тем ступеням она поднималась когда-то очень давно, и, может быть, то землетрясение вообще не оставило камня на камне ни от Незанятого Трона, ни от самого храма, где у нее еще в раннем детстве было отнято ее имя, но Древние Силы Земли были попрежнему там. И здесь их присутствие тоже явственно ощущалось. Уж они-то ничуть не переменились, на них ничто не способно было подействовать. Они сами были и тем землетрясением, и обрушившимся храмом, и... землей. Их справедливость не имела ничего общего со справедливостью людей. И Тенар, еще тогда, на тропе, ведущей на вершину Холма Рок, знала, что идет туда, где встречаются все магические силы на свете.

Когда-то она бросила вызов Древним Силам Земли; она убежала из Гробниц, украла хранившееся там сокровище, скрылась на западных островах. Но ОНИ были повсюду. Здесь, у нее под ногами. В корнях этих деревьев, в корнях этого Холма...

Здесь, в самом центре Земноморья, в этой Роще, встретились сейчас все — силы земные и человеческие, король и принцесса двух государств, великие Мастера волшебных искусств. И драконы.

И еще — жрица-воровка, превратившаяся в крестьянку, а также деревенский колдун с разбитым сердцем и странными снами...

Тенар оглянулась в поисках Олдера. Он шел рядом с Техану, и они тихо о чем-то беседовали. Техану вообще гораздо охотнее разговаривала с Олдером, чем с другими. Его общество она предпочитала даже обществу Ириан. И сейчас она тоже выглядела совершенно спокойной и даже веселой. Тенар немного приободрилась и повеселела, увидев их. Она не стала им мешать, а прошла чуть дальше в узорчатой тени огромных деревьев, позволяя тревоге излиться из души и раствориться в этом зеленом полумраке. Она даже немного огорчилась, когда Путеводитель вскоре остановился. Ей казалось, что она могла идти по этой тропе вечно!

Все собрались вокруг Азвера на заросшей травой поляне, залитой солнцем. До того места, где они стояли, не дотягивались даже самые длинные из теней. Ручей, видимо, какой-то приток речки Твилберн, пробегал совсем рядом с этой просторной поляной; на берегу ручья росли ивы и ясени, а неподалеку виднелась крошечная покосившаяся хижина, сложенная из камня и понизу обложенная дерном. У одной из стен хижины был сделан плетеный навес из ивовых прутьев; земля под навесом была устлана тростниковыми циновками.

— Это мой зимний дворец, — сказал Азвер, указывая на хижину, — а это — летний. — И он указал на плетеный навес.

Оникс и Лебаннен смотрели на все это с некоторым удивлением, а Ириан сказала:

— А я и не знала, что у тебя есть дом!

— А у меня его тогда и не было, — откликнулся Путеводитель. — Но мои кости, увы, стареют.

После того как кое-что было собрано в лесу, а кое-что перенесено с корабля, домик превратился в спальню для женщин, а навес — в спальню для мужчин. Ученики Школы то и дело приносили огромные корзины, полные всяческих яств и припасов, заботливо приготовленных в кухне Большого Дома. А после полудня по приглашению Мастера Путеводителя на встречу с королем и его спутниками пожаловали и сами Мастера Школы.

— Это здесь Мастера собираются, чтобы выбрать нового Верховного Мага? — спросила Тенар Оникса, ибо Гед рассказывал ей и об этой потаенной поляне.

Оникс покачал гоовой.

— Вряд ли, — сказал он. — Король бы узнал ее, он ведь тоже присутствовал, когда мы собирались в последний раз. Но точно тебе сможет сказать это только сам Путеводитель. Видишь ли, в этом лесу все постоянно меняется... Ты и сама это знаешь. Да и сама Роща, как известно, «не всегда там, где мы ее видим». Как и ее тропы, и ее поляны...

— Но ведь это, должно быть, ужасно! — воскликнула Тенар. — Значит, здесь очень легко заблудиться? Но мне и в голову не приходит бояться!..

Оникс улыбнулся.

— Так уж оно здесь устроено, — сказал он.

Тенар смотрела, как на поляну выходят Мастера. Впереди всех шли огромный, похожий на медведя Мастер Заклинатель и Гэмбл, молодой Мастер Ветродуй. Оникс по очереди назвал ей остальных: Метаморфоз, Регент, Травник, Ловкая Рука — все уже немолодые, седовласые, а Метаморфоз, прямо-таки хрупкий от старости, пользовался своим волшебным посохом как самой обыкновенной палкой, тяжело опираясь на него при ходьбе. Мастер Привратник, гладколицый, с миндалевидными глазами, не казался ей ни молодым, ни старым. А Мастеру Ономатету, который пришел последним, Тенар дала бы не больше сорока. Лицо у Ономатета было спокойное, но довольно замкнутое. Он отдельно от остальных подошел к королю и представился: Курремкармеррук.

И тут Ириан вдруг гневно воскликнула:

— Ничего подобного! Это не твое имя!

Он посмотрел на нее и ровным тоном произнес:

— Мое. Так всегда зовут Мастера Ономатета.

— Значит, МОЙ Курремкармеррук умер?

Волшебник кивнул.

— Ах, как горько мне это слышать! — воскликнула она. — Он был моим другом, когда друзей у меня здесь почти не было! — Она отвернулась, словно не желая больше смотреть на нового Ономатета, огорченная и рассер-

женная, но не в силах пролить ни слезинки. Потом она с любовью приветствовала Мастера Травника и Мастера Привратника, но с остальными Мастерами разговаривать не пожелала.

Тенар видела, что и они недобрыми глазами следят за Ириан из-под своих седых бровей.

Потом они дружно перевели взгляд на Техану и сразу же отвернулись, то и дело все же поглядывая на нее исподтишка. «Интересно, — подумала Тенар, — ЧТО видят эти волшебники, когда смотрят на Ириан и Техану?» И решила, что Мастера видят совсем иначе, чем обыкновенные люди, а потому следует простить Мастера Заклинателя за проявление столь неприкрытого, даже непристойного страха, когда он впервые увидел Техану. А может быть, это был даже и не страх... Может быть, он испытывал священный трепет?

Когда всех наконец представили друг другу, гости расселись в кружок на принесенных из Большого Дома подушках, табуретках, плетеных стульях и просто на траве, и Путеводитель начал разговор:

— Ну что ж, братья мои Мастера, если нашему королю будет угодно выступить первому, то давайте сперва послушаем его.

Лебаннен встал. И Тенар слушала его речь с нескрываемой гордостью: он был так прекрасен, так мудр в свои молодые еще годы! Сперва она понимала не все, что он говорил, улавливая только смысл и страсть, заключенные в его словах.

Потом он коротко и ясно изложил Мастерам то, что, собственно, и привело его на Рок: драконы и сны.

И закончил такими словами:

— Нам казалось, что ночь за ночью все эти события и явления сливаются в единое целое, уверенно готовясь стать неким великим переворотом в нашей судьбе, а может быть, и нашим концом. Нам казалось, что здесь, на Роке, на этом Холме, в Роще, при ваших знаниях и вашем могуществе, мы совместными усилиями могли бы как-то предвидеть судьбу и достойно встретить ее удары, не позволяя ей лишать нас разума и способности чувствовать. Самый мудрый из магов Земноморья предсказывал: гря-

дут великие перемены! И мы должны объединиться, чтобы узнать, что это за перемены, каковы их причины и направленность и как нам повернуть свою жизнь от возможности разрушения к гармонии и миру, под знаком которых я ныне правлю!

Бранд Заклинатель встал, чтобы произнести ответную речь, которую начал традиционными приветствиями гостям и особенно принцессе Каргада. А потом сказал:

— То, что сны людей — и не только их сны! — предупреждают нас о грядущих переменах, безусловно, так и есть. С этим согласны все Мастера и волшебники Рока. И мы подтверждаем: на границе миров жизни и смерти неспокойно! Оттуда нам грозит некая страшная опасность, природу которой нам пока установить не удалось. Но мы сомневаемся в том, что все это может быть понято или взято под контроль кем-то еще, кроме Мастеров Школы. А также должны быть понятны наши глубочайшие сомнения в том, что драконам, жизнь и смерть которых столь сильно отличны от жизни и смерти людей, когда-либо можно будет доверять, что они захотят смирить свой дикий гнев и давнюю зависть и станут служить Добру!

— Послушай, господин мой, — прервал его Лебаннен, не давая разгневанной Ириан вставить ни слова, — дракон Орм Эмбар умер ради нас на Селидоре. Дракон Калессин принес Верховного Мага и меня на родину, ему я обязан тем, что теперь сижу на троне в Хавноре. И сейчас здесь, на этой поляне, представлены три главных народа Земноморья: каргадский, ардический и Народ Запада.

— И все они когда-то были одним народом, — сказал Оно́матет своим ровным голосом, который казался даже бесцветным.

— Но теперь-то они единым народом не являются! — возразил Мастер Заклинатель, произнося каждое слово как бы отдельно от остальных. — Нет, не поймите меня неправильно! Я знаю о том, что было когда-то, но сейчас я говорю суровую правду, господин мой! Я глубоко чту перемирие, которое было заключено с драконами, и, когда минует главная для нас опасность, Мастера Рока, безусловно, помогут Хавнору заключить с ними более длительный мир. Однако драконы не имеют никакого отно-

шения к тем переменам, которые грозят нам. Как, впрочем, не имеет к ним отношения и восточный народ, давно отрекшийся от своих бессмертных душ, забывший Язык Созидания.

— ЭС ЭЙЕМРА! — послышался вдруг свистящий шепот: это был голос Техану. Она встала и смотрела Заклинателю прямо в глаза.

Тот остолбенело молчал.

— Наш язык! — повторила она на ардическом, по-прежнему не сводя с него глаз.

Ириан рассмеялась.

— ЭС ЭЙЕМРА, — подхватила и она.

— Ты не бессмертен! — воскликнула Тенар, обращаясь к Мастеру Заклинателю. Она совершенно не собиралась говорить и даже встать не успела, когда слова брызнули из нее, как искры огня из рассеченной молотом гранитной глыбы. — А мы — да! Мы бессмертны, ибо умираем, чтобы вновь и вновь воссоединяться с неумирающим миром. Это не мы, а ты отказался от бессмертия!

Все замерли. Путеводитель, правда, успел сделать какое-то незаметное движение.

Лицо Азвера было задумчивым, но отнюдь не встревоженным; он изучающе смотрел на странный рисунок, выложенный им из листьев и прутиков на траве, рядом со своими скрещенными ногами. Он поднял голову, обвел собравшихся взглядом и промолвил:

— Я думаю, нам скоро придется туда отправиться...

Все молчали. Потом Лебаннен спросил:

— Куда отправиться, господин мой?

— Во тьму, — только и сказал Путеводитель.

Олдер внимательно слушал этот спор, когда вдруг почувствовал, что голоса окружающих его людей слабеют, отдаляются, а теплое полдневное солнце позднего лета заволакивает темная мгла. Вокруг он больше не видел ничего, только деревья Рощи — высокие слепые свидетели наступления пустоты, стремящейся захватить все пространство между землей и небом. Самые старые из живых детей земли. «О Сегой, — молил про себя Олдер, — созданный и создавший, позволь мне прийти к тебе!»

Тьма, расползаясь за этими деревьями, скрывала под собой все.

И на фоне этой пустоты он вдруг увидел Холм, тот самый Холм Рок, который был справа от них, когда они поднимались из города к Роще. Он отчетливо видел пыль на дороге, мелкие камешки, тропу, что сворачивала в сторону Рощи.

И, оставив остальных, он решительно стал подниматься прямо на вершину Холма.

Травы там были зелены и высоки. Шуршали пустые коробочки соцветий травы-огневки, качались головки каких-то цветов... Олдер выбрался из густой травы на тропинку и пошел по ней. «Вот теперь наконец я становлюсь самим собой, — думал он. — Ах, Сегой, до чего прекрасен этот мир! Позволь же мне пройти через этот мир — к тебе! Ибо я снова могу делать то, к чему имел предназначение в этой жизни, — я вернул свое мастерство, я опять могу починить сломанное, воссоединить разрозненные части целого...»

Остановившись на вершине Холма, на ярком солнце, на ветру, среди колышущихся трав, Олдер видел справа от себя поля, крыши Твила и Большой Дом, а дальше — сверкавший на солнце залив и за ним море. Но стоило ему обернуться, и совсем рядом, буквально у себя за спиной, он увидел деревья бескрайнего леса, уходящего куда-то в голубоватую даль. Когда же он опустил глаза, то увидел, что склон Холма перед ним окутан серыми сумерками, а внизу виднеется каменная стена, за которой лишь непроглядная тьма. У стены толпились знакомые тени, звали его, и он сказал им: «Я приду! Я непременно приду!»

Теплое солнце освещало плечи и руки Олдера. Ветерок шевелил листву у него над головой. Он слышал голоса, но никто его не звал, не выкрикивал громко его имя. На поляне продолжался разговор, но Олдер заметил, что глаза Мастера Путеводителя, сидевшего в густой траве, внимательно следят за ним. Мастер Заклинатель тоже смотрел на него, и он совсем растерялся и потупился. Потом взял себя в руки, собрался с мыслями и стал слушать.

Говорил король. Он пустил в ход все свое умение убе-

ждать, все свои душевные силы, чтобы направить к одной цели всех этих сильных и самолюбивых людей.

— Позвольте мне, — говорил Лебаннен, — рассказать вам, Мастера Рока, историю, которую я узнал от принцессы Каргада на пути сюда. Ты разрешишь мне рассказать эту историю вместо тебя, госпожа моя?

Сесеракх, не прикрывая лица, поднялась, посмотрела прямо на него и с суровым видом кивнула в знак согласия.

— История эта вкратце такова: давным-давно люди и драконы были одним народом и говорили на одном языке. Однако в итоге их жизненные устремления разошлись, и они решили расстаться и дальше следовать разными путями. Это соглашение было названо ВЕДУРНАН.

Оникс резко вскинул голову, а яркие черные глаза Сеппеля даже расширились от изумления.

— ВЕРВ НАДАН! — прошептал он.

— Итак, люди отправились на восток, драконы — на запад, — продолжал Лебаннен. — Люди отказались от знания Древнего Языка, но обрели различные умения и ремесла, а также владение всеми рукотворными вещами. Драконы же отказались от всего этого, однако сохранили для себя Истинную Речь.

— И крылья, — вставила Ириан.

— И крылья, — согласился Лебаннен. Он перехватил взгляд Азвера и предложил: — Может быть, ты, Путеводитель, расскажешь лучше, чем я?

— Деревенские жители Гонта и Гур-ат-Гура помнят то, о чем забывают мудрецы Рока и жрецы Карего, — сказал Азвер. — Когда я был совсем маленьким, мне тоже рассказывали эту историю или, может быть, нечто подобное. Но в ней почти ничего не говорилось о драконах. Они были забыты. Главной темой этой истории было то, как Темный Народ Архипелага нарушил свою клятву. В ней говорилось, что все люди когда-то пообещали отказаться от магии, колдовства и заклятий, говорить только на обычных, человеческих, языках, не давать детям никаких Истинных имен и не пытаться овладеть Высшими Искусствами. Люди поклялись довериться Сегою и силам Матери-земли и наших Богов-Близнецов, но Темный Народ нарушил это обещание. Жители западных островов

стали использовать Язык Созидания как один из инструментов своего колдовского мастерства, записывая заклятия с помощью Истинных Рун. Они старались непременно сохранить те знания о Древнем Языке, которыми владели, и учили этому языку своих последователей. Они составляли с его помощью заклятия, помогая себе своими умелыми руками и лживыми языками, произносившими слова Истинной Речи. Так что карги с тех пор никогда уже не доверяли им и считали их своими заклятыми врагами. Так говорилось в той истории, которую я слышал в детстве.

И снова послышался голос Ириан:

— Люди боятся смерти в той же степени, в какой драконы ее НЕ боятся. Люди хотят владеть жизнью, обладать ею, как если бы она была драгоценностью, которую можно запереть в ларце! И прежде ваши маги тоже страстно желали вечной жизни. Это они научились использовать Истинные имена, желая уберечь людей от смерти. Но те, кто не может умереть, никогда не смогут и возродиться!

— Имя и дракон едины, — сказал Курремкармеррук. — Мы, люди, утратили свои Истинные имена, когда было заключено соглашение ВЕРВ НАДАН, но научились вновь обретать их. Имя — это сущность человека. Как может смерть менять его сущность?

Он посмотрел на Заклинателя, но Бранд сидел, тяжело опустив плечи, очень мрачный, внимательно слушая других, но сам не говоря ни слова.

— Расскажи нам об этом подробнее, Мастер Ономатет, прошу тебя! — сказал Лебаннен.

— Я говорю о том, что наполовину является всего лишь моей догадкой. Хотя многое мне удалось узнать — но не из деревенских сказок, а из старинных рукописей, хранящихся в Одинокой Башне. За тысячу лет до первых королей Энлада на Эа и Солеа уже существовали великие правители, первые и самые могущественные из магов, считавшиеся Создателями Рун. Это они научились записывать Древний Язык. Они придумали для него письменность, которой драконы так никогда и не постигли. Они научили нас давать каждой душе ее Истинное имя, воплощающее в себе сущность того или иного человека, предмета или явления. И своим могуществом они дарили тех, кто носит Истинное имя, давая им жизнь души после смерти тела.

— Бессмертная жизнь! — послышался тихий голос Сеппеля. Легкая улыбка блеснула на его устах. — В дивной стране, где текут широкие реки, высятся белоснежные вершины гор, где существуют прекрасные города, где нет ни страданий, ни боли, где сущность человеческая продолжает существовать вечно, неизменная, не меняющаяся... Такова мечта, воплощенная в древней мудрости острова Пальн.

— Но где она, — вырвалось вдруг у Мастера Заклинателя, — где эта страна?!

— Там, где дуют ИНЫЕ ветры, — сказала Ириан. — На самом далеком западе. — Она сердито и насмешливо оглядела всех присутствующих по очереди. — Неужели вы думаете, что мы, драконы, летаем только на ветрах ЭТОГО мира? Неужели вы думаете, что наша свобода, за которую мы заплатили столь высокую цену, отказавшись почти от всего, что имели, равна всего лишь той свободе, какой обладают безмозглые чайки? Что наше царство — это несколько голых скал на самом краешке ваших богатых земель? Но мы несем в себе огонь солнца! Мы способны управлять ветрами! Вы, люди, хотели получить землю, хотели владеть ею. Вы хотели научиться делать и хранить разные полезные вещи. И все это вы получили, всему этому научились. Таков был договор ВЕРВ НАДАН. Но вам было мало своей доли! Вам захотелось иметь не только свои, земные, заботы, но и нашу свободу. Вам захотелось иного ветра! И с помощью заклятий и магии своих волшебников — этих самых главных клятвопреступников! — вы выкрали у нас половину нашего царства, отгородив ее стеной от жизни и от солнечного света, чтобы там ваши души могли жить вечно. Воры, предатели!

— Сестра! — попыталась вмешаться Техану. — Это ведь совсем не те люди, которые украли у нас то, о чем ты говоришь. Этим приходится лишь расплачиваться за преступление, совершенное ранее другими, и цена, которую они заплатят, очень высока!

Она, как всегда, говорила хриплым, тихим голосом, почти шепотом, и вокруг воцарилась полная тишина.

— Какова же эта цена? — прозвучал в тишине голос Ономатета.

Техану посмотрела на Ириан, но та молчала и явно колебалась. Потом все же промолвила уже более спокойно:

— «Алчность застилает свет солнца». Так говорит Калессин.

И тут слово опять взял Азвер. И, говоря, все время смотрел на кроны деревьев, словно боясь пропустить малейшее движение листвы.

— Древние хорошо понимали, что границы царства драконов поистине беспредельны. Что драконам дано пересекать... пределы времени и пространства, пределы возможного. И, завидуя их свободе, они последовали путем драконов на самый дальний запад. И там заявили, что им принадлежит и некая часть пространства — царство, где нет времени, где можно было бы, казалось, существовать вечно, но не во плоти, как существуют драконы, а лишь в виде бесплотных духов... В общем, люди построили каменную стену, которую ни одно живое существо пересечь не могло — ни человек, ни дракон. Ибо они страшно боялись гнева драконов. А уже потом магическая способность давать Истинные имена помогла людям создать целую паутину заклятий, которыми они и опутали все западные земли так, чтобы умершие приходили только туда, на самый далекий запад, и жили бы там в обличье духов вечно.

Но когда стена была построена и наложена была сеть заклятий, ветер в огороженном пространстве вдруг дуть перестал. И море куда-то ушло. И пересохли ручьи. И горы, из-за которых вставало солнце, превратились в черные горы вечной ночи. Так что те, кто умирал, приходили в темную, страшную, иссушенную безводьем страну.

— Некогда мне довелось там побывать, — тихо промолвил Лебаннен. — Я не боюсь смерти, но этой страны я боюсь!

Наступила тишина.

— Коб и Торион, — словно нехотя пробормотал Мастер Заклинатель, — пытались разрушить эту стену и вернуть мертвых назад, к жизни.

— Не к жизни, Мастер Заклинатель! — воскликнул Сеппель. — Как и Создатели Рун, они стремились воссоздать не людей, а некие бестелесные бессмертные сущности!

— Однако именно их заклятия нанесли столь серьезный урон темной стране, — задумчиво и грустно сказал Заклинатель, — что даже драконы начали вспоминать, когда именно что-то пошло в нашей общей жизни не так... Ведь из-за этого души умерших теперь приходят к стене и тянутся к живым, стремясь вернуться назад!

Олдер встал.

— Они стремятся не к жизни, — сказал он, — а к смерти. Они хотят вновь соединиться с землей, из которой вышли. Воссоединиться с нею!

Все смотрели только на него, но он вряд ли сознавал это. Лица присутствующих он замечал лишь отчасти, а перед ним была сухая темная страна, и трава, которая только что была зелена и залита солнцем, теперь стала серой и мертвой. И хотя живые листья деревьев по-прежнему шелестели у него над головой, низкая каменная стена была совсем рядом, в нескольких шагах от него. Собственно, из всех присутствующих Олдер ясно видел только Техану; даже скорее не видел, а точно знал, что она стоит между ним и той стеной. И теперь он обращался только к ней:

— Они построили эту стену, но уничтожить ее так и не смогли, — сказал он. — Ты мне поможешь, Техану?

— Конечно, Хара, — сказала она.

Какая-то тень метнулась меж ними. Это было нечто огромное, темное и очень сильное. Тень скрыла от него лицо Техану, а сам он оказался в чьих-то цепких руках или лапах. Он забился, пытаясь вырваться и хватая ртом воздух, но вздохнуть полной грудью так и не сумел. Красный свет мелькнул перед ним во тьме, и все померкло.

* * *

Они встретились при свете звезд на опушке леса — король западных островов и один из великих Мастеров острова Рок, представители двух главных сил Земноморья.

— Он будет жить? — спросил Заклинатель, и король ответил:

— Да, наш дорогой Мастер Травник говорит, что он вне опасности.

— Я поступил плохо, неправильно! — воскликнул Заклинатель. — Мне очень жаль, что я это сделал!

— Зачем же ты заклятием призвал его обратно? — спросил король, не упрекая, а просто желая получить ответ.

Заклинатель долго молчал, потом буркнул:

— Потому что я обладал такой властью!

Некоторое время они шли молча по широкой тропе, вьющейся меж огромных деревьев. По обе стороны от тропы было темно, но сама она была хорошо видна под звездным небом.

— Я был не прав, согласен, — снова заговорил Мастер Заклинатель. — Но неправильно и желать кому-то смерти! — Легкая картавость, свойственная уроженцам Восточного Предела, слышалась в его голосе все более отчетливо. Говорил он медленно, и тон у него был, как ни странно, почти умоляющим: — Для очень старых, очень больных, предположим, возможно желать смерти. И все же нам была дарована жизнь — драгоценный дар! — как же не постараться удержать ее, не сберечь?

— Но нам была дарована также и смерть! — возразил король.

Олдер лежал под открытым небом на тюфяке, положенном прямо на траву. Мастер Путеводитель сказал, что так ему и следует лежать — в Роще, под звездами, и старый Мастер Травник с этим согласился. Олдер то и дело засыпал, но успевал заметить, что Техану неподвижно и неотлучно сидит возле него.

А Тенар сидела на пороге низенького каменного дома Азвера и наблюдала за дочерью. Над поляной сияли крупные звезды позднего лета, и самой яркой из них была звезда Техану, или Сердце Лебедя, чека всего небесного колеса.

Из дома неслышно вышла Сесеракх и присела на порожек рядом с Тенар. Она сняла обруч, который обычно

удерживал покрывало у нее на голове, и густые рыжевато-каштановые волосы густой волной падали ей на плечи.

— Ах, друг мой, — прошептала она, — что с нами будет? Мертвые идут сюда! Ты их чувствуешь? Это — как прилив. Волна через ту стену. Я думаю, никто их не остановит. Все мертвые люди из могил на всех западных островах, закопанные в землю давно и недавно...

Тенар чувствовала биение какого-то пульса, какой-то зов — в мыслях и в крови — и понимала теперь, и все они теперь понимали то, что Олдер давно ЗНАЛ. Но она привыкла держаться того, чему всегда верила, даже если это доверие и превратилось всего лишь в призрачную надежду. И она сказала:

— Но это же всего лишь мертвые, Сесеракх. Да, мы построили неправильную стену, и эта стена должна быть разрушена. Но ведь существует и стена Истинная.

Техану тихонько подошла к ним и тоже села — на самую нижнюю ступеньку крыльца.

— С ним все в порядке, он сейчас спит, — прошептала она.

— А ты была с ним... там? — спросила Тенар.

Техану кивнула.

— Мы все были там, у стены.

— Что же все-таки сделал Заклинатель?

— Он призвал его с помощью заклятия. Вернул назад силой.

— К жизни?

— Да. К жизни.

— Уж и не знаю теперь, чего мне больше бояться — смерти или жизни, — сказала Тенар. — Ах, как мне бы хотелось покончить с этими страхами!

Сесеракх лицом и густой волной своих теплых волос на мгновение ласково прижалась к ее плечу.

— Ты храбрая, храбрая, — прошептала она. — А вот я!.. Ох, как же я боюсь моря! И еще — смерти!

Техану молчала. В мягком свете луны, висевшей среди деревьев, Тенар была видна ее тонкая, изящная рука, лежавшая поверх другой — обожженной, искалеченной.

— Я думаю, — тихо промолвила через некоторое время Техану, — что когда я умру, то смогу наконец выдох-

нуть то дыхание, что дает мне жизнь. И тогда я отдам этому миру все свои долги, все, чего я для него не сделала. Все, чем я могла бы стать, но не стала. И тот главный выбор, который я должна была сделать, но не сделала. Все то, что я утратила, отдала даром, пропустила. Я смогу все это вернуть миру жизни. Точнее, тем жизням, которые еще не прожиты. Пусть этот мир получит обратно жизнь, которую я прожила, любовь, которую я испытала, дыхание, которое вырывалось из моей груди... — Техану посмотрела вверх, на звезды, и вздохнула. — Недолго осталось, — прошептала она. И оглянулась на Тенар.

Сесеракх нежно погладила Тенар по голове, тихонько поднялась и, ни слова не говоря, ушла в дом.

— Мама, я думаю, очень скоро...

— Я знаю.

— Я не хочу покидать тебя!

— Ты должна меня покинуть.

— Я знаю.

И они долго еще сидели в мерцающей темноте Имманентной Рощи и молчали.

— Смотри, — прошептала вдруг Техану. Падающая звезда пересекла небосвод, оставляя тающий на глазах световой след.

Пятеро волшебников сидели под звездным небом.

— Смотрите, — сказал один, указывая на светящийся след упавшей звезды.

— Это душа дракона умирает, — сказал Азвер Путеводитель. — Так на Карего-Ат говорят.

— Неужели драконы умирают? — задумчиво спросил Оникс. — Наверное, все же не так, как мы?

— Они и живут не так, как мы. Они переходят из одного мира в другой. Так говорит Орм Ириан. С ветров этого мира на иные ветра.

— Как это пытались сделать и мы, — сказал Сеппель. — Но потерпели неудачу.

Гэмбл с любопытством посмотрел на него.

— А что, эта история была известна у вас, на Пальне?

Та, которую мы узнали сегодня, — о разделении драконов и людей и о создании темной страны за стеной?

— Да, но она немного отличается от того, что мы услышали сегодня. Меня, например, учили, что ВЕРВ НАДАН был первой великой победой искусства магии. И что самая главная цель всякого волшебства — это победа над временем, обретение вечной жизни... Отсюда и все то зло, которое принесла миру пальнийская магическая премудрость.

— Зато вы сохранили знания о Матери-земле, которые мы давно утратили из-за своего глупого презрения, — заметил Оникс. — Как и твой народ, Азвер.

— Что ж, зато у вас хватило здравого смысла построить Большой Дом именно на Роке, — улыбаясь, сказал Мастер Путеводитель.

— Но построили мы его неправильно! — возразил Оникс. — Все, что мы строим, мы строим неправильно.

— Значит, по-твоему, мы должны его разрушить? — спросил Сеппель.

— Нет, — вмешался Гэмбл. — Мы же не драконы! Мы в домах действительно ЖИВЕМ. И нам нужны хоть какие-то стены.

— Но в этих стенах должны быть окна, чтобы в них мог свободно залетать ветер! — сказал Азвер.

— А кто тогда сможет войти через дверь? — спросил Привратник своим вкрадчивым, ласковым голосом.

Возникла пауза. Где-то по ту сторону поляны неумолчно и неутомимо пела цикада; потом умолкла и снова запела.

— Драконы? — предположил Азвер.

Привратник покачал головой.

— Я думаю, что, может быть, то Разделение, которое было начато, а потом предательски прервано, будет наконец завершено, — сказал он. — Драконы обретут свободу и улетят, оставив нас с тем, что мы выбрали сами.

— С нашими представлениями о добре и зле, — сказал Оникс.

— С той радостью, которую дает созидание, умение придать нужную форму, — сказал Сеппель. — И с нашим мастерством.

— И с нашей алчностью, нашей слабостью, нашими страхами, — прибавил Азвер.

Сверчку откликнулся второй, ближе к ручью. Два пронзительных голоса вибрировали и пересекались, то совпадая, то противореча друг другу в избранном ими ритме.

— А я боюсь, — сказал Гэмбл, — причем боюсь настолько, что мне даже говорить об этом страшно, что, когда драконы улетят, вместе с ними уйдет и наше мастерство. Наше искусство. И наша магия.

Молчание остальных как бы подтверждало то, что и они опасаются того же. Однако когда Привратник наконец заговорил, то в его тихом и ласковом голосе звучала твердая уверенность:

— Нет, я думаю, этого не произойдет. Они — это само Созидание, они его современники, но и мы постигли законы Созидания. Мы приручили его, сделали своим с помощью наших знаний. И теперь его невозможно у нас отнять. Чтобы потерять способность созидать, мы должны забыть о ней, отказаться от нее.

— Как это сделал мой народ, — сказал Азвер.

— Неправда, твой народ всегда помнил, что такое земля, что такое вечная жизнь, — сказал Сеппель. — А вот мы забыли.

И снова повисло длительное молчание.

— Мне кажется, я мог бы протянуть руку и коснуться той проклятой стены, — сказал Гэмбл очень тихо, и Сеппель подхватил:

— Да, они близко, они очень близко!

— Как же нам узнать, что следует делать? — спросил Оникс.

— Однажды, когда господин мой Верховный Маг был со мною здесь, в Роще, — снова взял слово Азвер, — он сказал мне, что всю жизнь пытался узнать, как сделать свой единственно правильный выбор, как сделать в жизни именно то, для чего ты и был предназначен...

— Как бы мне хотелось, чтобы он был сейчас здесь! — вырвалось у Оникса.

— Нет, он покончил с делами, — прошептал, улыбаясь, Привратник.

— Но мы-то не покончили! Однако сидим здесь и мирно беседуем, понимая, что оказались на самом краю смертельно опасной пропасти... — Оникс оглядел залитые лунным светом лица волшебников. — И все-таки, чего же хотят от нас мертвые?

— А чего хотят от нас драконы? — спросил Гэмбл. — И зачем эти женщины, которые являются драконами, или эти драконы, которые являются женщинами, явились сюда? И можем ли мы доверять им?

— А что, разве у нас есть выбор? — спросил Привратник.

— По-моему, никакого выбора у нас нет, — отрезал Азвер, — и нам остается только следовать тем путем, который...

— Укажут драконы? — закончил за него Гэмбл.

Но Азвер покачал головой:

— Нет, Олдер.

— Но разве он Мастер Путеводитель? — удивился Гэмбл. — Он же просто деревенский колдун!

— Олдер обладает большой мудростью, — возразил ему Оникс, — только мудрость эта у него в руках, а не в голове. И он всегда следует велению своего сердца. И уж, разумеется, совсем не стремится вести нас куда-то.

— И все же именно он был избран! Из всех нас? — Гэмбл был явно уязвлен.

— Кто же его выбирал? — тихо спросил Сеппель.

— Мертвые, — ответил Мастер Путеводитель.

И они опять надолго замолчали. Вокруг стояла абсолютная тишина, даже цикады перестали петь, и в этой тишине к ним по траве, освещенные серебристо-серым светом звезд, приблизились две высокие, закутанные в плащи фигуры.

— Можно нам с Брандом посидеть с вами немного? — раздался голос Лебаннена. — Сегодня, видно, никому не спится.

А на пороге своего дома сидел в эти минуты Гед и наблюдал за движением звезд над морем. Уже больше часа назад он улегся было в постель, но стоило ему закрыть

глаза, и он видел тот холм в темной стране и слышал голоса мертвых, волной поднимавшиеся ему навстречу. Полежав немного, он встал и вышел на крыльцо, откуда были видны звезды, движущиеся по небосводу, и море.

Он устал, ему хотелось спать, глаза закрывались сами собой, но стоило ему слегка задремать, и он мгновенно оказывался у той каменной стены, и сердце его леденело от страха, что он останется там навсегда, не зная пути назад. Наконец, потеряв терпение и устав бояться, он снова встал, принес из дому фонарь, зажег его и пошел по тропе к дому Тетушки Мох. Мох, конечно, тоже могли сниться страшные сны, но она могла и не испугаться: она и так в последние дни жила совсем рядом с той каменной стеной. Но если что-то подобное приснится Вереск, та, конечно же, будет в полной панике, и даже Тетушка Мох не сможет ее успокоить. Ну что ж, в крайнем случае он хотя бы успокоит эту несчастную дурочку и объяснит ей, что это всего лишь сны.

В темноте идти было трудно, фонарь качался, отбрасывая на тропу огромные уродливые тени. Гед шел гораздо медленнее, чем хотел бы, и несколько раз споткнулся и чуть не упал.

Он еще издали увидел свет в домике вдовы, хотя было уже далеко за полночь. Где-то в деревне плакал ребенок, и Гед услышал, как он громко кричит: «Мама, мама, почему люди плачут? О ком плачут люди, мама?» Во многих домах горел свет, там тоже никто не спал. Сегодня ночью, подумал Гед, в Земноморье, пожалуй, никто по-настоящему не спит. Он усмехнулся своим мыслям, потому что ему всегда нравилось затишье перед бурей — эта страшноватая пауза, эти краткие мгновения перед тем, как все в мире вдруг встает с ног на голову.

Проснувшись, Олдер понял, что лежит на земле, чувствуя под собой всю ее глубину. Над ним раскинулось звездное летнее небо; яркие звездочки выглядывали то из-за одного листка, то из-за другого — в зависимости от направления легкого переменчивого ветерка. Но все звезды в этих небесах двигались правильно — с востока на запад, в полном соответствии с законами вращения Земли. Олдер еще немного полюбовался звездами и отпустил их пастись в небесных лугах.

Техану уже ждала его на том холме.

— Что мы должны делать, Хара? — спросила она.

— Нам придется латать прореху в ткани мироздания, — ответил ей Олдер и улыбнулся, потому что на сердце у него стало теперь совсем легко. — И еще ломать стену.

— А они могут помочь нам? — спросила она, глядя вниз, где уже собрались мертвые, бесчисленные, как стебли сухой травы на склонах холма, или звезды в небесах, или песчинки на морском берегу. Только теперь мертвые молчали; их толпа застыла, точно огромная песчаная отмель в море тьмы. — Нет, — сказал Олдер. — Но, может быть, смогут другие. — Он прошел вниз по склону к стене. В этом месте стена была примерно ему по пояс. Он положил руки на один из камней верхнего, перекрывающего ряда и попытался сдвинуть его с места. Но камень был закреплен прочно или, может быть, обладал большим весом, чем обыкновенные камни. Во всяком случае, Олдер даже сдвинуть с места его не смог.

И тут к нему подошла Техану.

— Помоги мне, — сказал он, и она положила руки на этот упрямый камень — одна рука была человеческая, а вторая, обожженная, напоминала коготь. Как следует упершись, они что было силы нажали и вместе попытались сдвинуть камень с места. И камень наконец подался! Они сдвинули его еще немного, и Техану крикнула:

— Толкай! — И они в несколько толчков сбросили камень на землю, и он тяжело загрохотал по скалистому склону за стеной, скатываясь во тьму.

Следующий камень оказался поменьше, и вместе они довольно легко сдвинули его с места и сбросили в пыль по ту сторону стены.

И вдруг по земле, что была у них под ногами, прошла дрожь. Мелкие камешки в стене затряслись, загремели, и тысячи тысяч мертвых, тяжко вздыхая, подошли ближе к пролому в стене.

Мастер Путеводитель вскочил и прислушался. Листья на деревьях, росших вокруг поляны, шумели, точно начиналась буря, деревья раскачивались, склоняя вершины, а ветви их трещали так, словно их треплет ураганный ветер. Но никакого ветра в Роще не было!

— Так. Перемены начинаются, — сказал Путеводитель и пошел прочь от остальных — во тьму, под деревья.

Заклинатель, Привратник и Сеппель молча поднялись и последовали за ним. Последними и не так торопливо уходили с поляны Гэмбл и Оникс.

Лебаннен тоже встал было и уже сделал несколько шагов вслед за ними, но вдруг опомнился и бегом бросился через всю поляну к низенькому каменному домику.

— Ириан! — крикнул он, наклонив голову и всовываясь в низкий дверной проем, за которым было совершенно темно. — Ты возьмешь меня с собой, Ириан?

Ириан вышла из домика; она улыбалась; она вся светилась каким-то яростным светом!

— Хорошо. Но идем, идем скорее! — сказала она и взяла Лебаннена за руку. И рука ее была горяча, точно раскаленные уголья, когда она подняла его с земли на крыльях иного ветра.

Через несколько минут из дома на залитую лунным светом поляну выбежала Сесеракх, следом за ней вышла Тенар. Женщины стояли, озирались, но никого не видели. И все вокруг опять словно застыло; на деревьях не шевелился ни один листок.

— Они все ушли! — прошептала Сесеракх. — Ушли по Пути Драконов! — И она сделала шаг вперед, вглядываясь во тьму. — Что же нам теперь делать, Тенар?

— Ничего. Нам осталось только следить за домом, — ответила Тенар.

— Ах! — прошептала Сесеракх, падая на колени. Она заметила Лебаннена, который, вытянувшись, лежал ничком возле крыльца. — Он ведь не умер, а?.. Я надеюсь?.. О, мой дорогой король, не уходи! Не умирай!

— Он сейчас вместе с ними. А ты останься с ним рядом и постарайся его согреть. Следи за домом, Сесеракх! — сказала ей Тенар и прошла к тому месту, где лежал Олдер. Его невидящие глаза были устремлены к звездам. Тенар села с ним рядом, накрыла своей рукой его руку и стала ждать.

Олдер вряд ли смог бы сдвинуть тот большой камень, на который положил сейчас руки, но вдруг рядом с ним оказался Мастер Заклинатель, который приналег плечом и сказал: «Давай!» Вместе они, хотя и с трудом, все же столкнули и этот камень, и он глухо загрохотал где-то во тьме.

Теперь Олдер увидел и других, и все они старались помочь ему, все толкали камни, раскачивали их, сбрасывали вниз за стену. На мгновение Олдеру показалось, что руки его опять отбрасывают тень: рядом был источник какого-то красноватого света. Орм Ириан! Такой он видел ее впервые. Огромный дракон во всей своей красе, дыша пламенем, попытался вытолкнуть каменную глыбу из самого нижнего ряда. Глыба глубоко ушла в землю, и сперва когти Орм Ириан тщетно скребли по ней, высекая искры, а украшенная огромными острыми шипами спина изгибалась дугой. Но усилия дракона были не напрасны: каменная глыба все-таки вылетела с грохотом из своего гнезда, и в стене образовалась широкая брешь!

По толпе мертвых, стоявших по ту сторону, пролетел едва слышный вопль — точно морская волна набежала на пологий берег и схлынула. Олдеру показалось, что теперь в образовавшийся проем хлынет скопившаяся за стеной тьма, но, подняв глаза, он увидел, что и за стеной теперь не так уж темно. Странный свет горел и двигался в тех небесах, где никогда ничто не двигалось, даже звезды. Огненные искры вспыхивали и гасли далеко над темным западным краем неба.

— Калессин!

Это был голос Техану. Олдер посмотрел на нее. Она не сводила глаз с небес. На землю она не посмотрела ни разу.

И вдруг Техану вскинула руки вверх, и по ним пробежал огонь — по вытянутым пальцам, по плечам, по волосам, по лицу и телу Техану бежали искры, потом снова

полыхнул огонь, и два огромных крыла раскрылись у нее за спиной и подняли ее в воздух. Это было совершенно огненное существо, ослепительное, прекрасное. Казалось, она вся сейчас состоит из огня.

Техану что-то громко крикнула ясным, но лишенным привычного звучания голосом и взмыла высоко в небо, где все ярче разливался свет и где неведомый белый ветер словно смел с поверхности небес бессмысленные, ничего не значащие, неподвижные звезды.

И в толпе призрачных мертвых существ тоже творилось нечто невообразимое: то тут, то там кто-то, подобно Техану, взмывал в небеса, превращаясь в дракона и сверкая огнем и чешуей, а потом улетал на крыльях иного ветра.

Но большая часть мертвых приближалась к ним на своих ногах. Они теперь не спешили, не толкались, не плакали, а просто шли с неторопливой уверенностью к образовавшемуся провалу в стене — огромная толпа мужчин, женщин и детей, которые, ни секунды не колеблясь, перешагивали через стену и тут же исчезали, и после них оставалось лишь крошечное облачко пыли — точно прощальный вздох. А небеса над головой все больше и больше светлели.

Олдер внимательно следил за ними, по-прежнему сжимая в руке тот заостренный камень, который вытащил из стены, чтобы, действуя им как рычагом, расшатать более крупную глыбу. Он смотрел, как мертвые уходят на свободу, и не мог оторвать от этого зрелища глаз. Наконец он увидел среди них ЕЕ. Отшвырнув камень в сторону, он шагнул к ней с криком: «Лили!» — и она увидела его, улыбнулась и протянула к нему руки. Он взял ее за руку, и они вместе переступили через стену навстречу солнечному свету.

Лебаннен стоял у разрушенной стены и смотрел, как на востоке разгорается заря. Ибо в темной стране теперь были восток и запад — там, где когда-то вообще не было направлений! Где невозможно было определить свой путь! Да, там теперь были восток и запад, свет и движение. Сама земля, казалось, двигается, дрожит, словно ог-

ромный неповоротливый зверь, и от этой дрожи каменная стена чуть дальше того места, где они пробили брешь, вдруг качнулась и рассыпалась. Столбы огня взметнулись над вершинами далеких черных гор, которые люди называли Горами Горя. Это был тот огонь, что горит в самом сердце земли, тот огонь, что питает драконов.

Лебаннен посмотрел в небо, раскинувшееся над этими горами, и увидел драконов, парящих на утреннем ветру. И вспомнил, что когда-то они с Гедом видели, как драконы танцуют в небесах над западными островами...

Три дракона на полной скорости мчались к тому месту, где он стоял, — к вершине холма близ разрушенной каменной стены. Двух он узнал сразу — Орм Ириан и Калессина. У третьего была совершенно золотая, сияющая чешуя и золотистые крылья. Этот летел выше других и не спускался так низко, как они. Орм Ириан покружила вокруг золотистого дракона, словно играя с ним, и они взмыли ввысь, поднимаясь кругами все выше и выше, и, когда первые лучи встающего солнца осветили золотистого дракона и он весь вспыхнул, подобно своему имени, подобно яркой большой звезде, Лебаннен понял наконец, что это Техану.

Огромный Калессин, сделав еще круг, пролетел совсем низко и приземлился среди развалин стены.

— АГНИ ЛЕБАННЕН, — сказал дракон королю.

— Старейший, — поклонился в ответ король.

— АИССАДАН ВЕРВ НАДАННАН, — снова послышался могучий голос, звонкий и шипящий одновременно, словно ударили сразу в несколько десятков цимбал.

Рядом с Лебанненом стоял, крепко упершись в землю, Бранд, Мастер Заклинатель. Он сперва повторил слова дракона на Языке Созидания, а потом перевел сказанное им на ардический язык:

— То, что некогда было разделено, таким и останется.

Мастер Путеводитель стоял рядом с Брандом. Его светлые волосы светились в лучах разгоравшегося солнца. Он тихо сказал:

— То, что было построено, теперь разрушено. То, что было разрушено, теперь вновь стало целым.

И с тоской посмотрел в небо на двух драконов — золо-

тистого и красновато-бронзового, — которые уже почти скрылись вдали, широкими кругами уходя за бесконечный горизонт, где в ярких солнечных лучах опустевшие города-тени таяли, превращаясь в ничто.

— Скажи, о Старейший, — обратился Мастер Путеводитель к дракону, и огромная голова медленно качнулась в его сторону, — сможет ли она хоть иногда возвращаться обратно — через лес? — Азвер говорил на языке драконов, и узкий желтый глаз Калессина внимательно следил за каждым его движением. Гигантская пасть дракона, очень похожая на пасть любой мелкой ящерки, была закрыта так, что казалось, будто Калессин улыбается. Но в ответ он не произнес ни слова.

А затем, с силой ударив всем своим длинным телом по стене, так, что те камни, что еще стояли, с грохотом посыпались вниз по склону под тяжестью его закованного в железную броню брюха, Калессин резко дернулся, с шумом и грохотом раскрыл крылья, оттолкнулся и полетел низко над землей к тем горам, вершины которых теперь сверкали в облаках светлого дыма и пара, просвеченных солнцем.

— Идемте, друзья, — сказал Сеппель своим тихим, ласковым голосом. — Наше время быть свободными еще не наступило.

Солнечный свет лился с небес. Солнце поднялось уже выше макушек самых высоких деревьев, но поляна все еще хранила следы холодной серой утренней росы. Тенар по-прежнему сидела, положив свою руку на руку Олдера и низко склонив к нему голову. Она смотрела, как холодная росинка ползет по узкому длинному листку, как она повисает крошечной капелькой на самом конце и в этой капельке отражается весь окружающий ее, Тенар, мир.

Кто-то окликнул ее по имени, но она даже головы не подняла.

— Он ушел, — сказала она.

Мастер Путеводитель опустился рядом с ней на колени и нежно погладил Олдера по лицу.

Он еще некоторое время постоял на коленях, помолчал, а потом сказал Тенар по-каргадски:

— Госпожа моя, я видел Текану. Она летела, прекрасная и вся золотая, на крыльях иного ветра!

Тенар быстро и остро глянула на него: он был очень бледен, лицо измученное, но в глазах все же сиял огонь победы.

Она не сразу сумела заставить губы произносить слова, но, справившись с собой, хриплым, почти неслышным голосом спросила:

— А она... исцелилась?

Азвер кивнул.

Тенар погладила Олдера по руке; это были прекрасные руки, которые умели все так хорошо чинить и латать! Слезы выступили у нее на глазах.

— Позволь мне побыть с ним еще немного, — сказала она Азверу и заплакала, закрывая руками лицо. Плакала она горько, тяжело, но почти неслышно.

Азвер оставил ее и подошел к маленькой группке людей у входа в дом. Оникс, Гэмбл и Заклинатель, грузный и чем-то встревоженный, собрались возле каргадской принцессы. А принцесса лежала на земле, обхватив Лебаннена руками, защищая его ото всех на свете и не позволяя никому из волшебников даже прикоснуться к нему. Глаза ее так и сверкали, а в руке она отчаянно сжимала короткий стальной кинжал Лебаннена.

— Я вернулся с ним вместе, — сказал Бранд Азверу, — и хотел остаться с ним, ибо не был уверен, что мы шли правильным путем. Но теперь она меня к нему не подпускает!

— Ганаи! — громко окликнул девушку Азвер. По-каргадски это означало «принцесса».

Глаза Сесеракх снова свирепо сверкнули, и она наконец посмотрела на него.

— А, это ты! Да услышат мою благодарность Атва и Вулуа! Да восславится наша Мать-земля! — воскликнула она. — Господин мой Азвер! Пусть все эти проклятые колдуны немедленно убираются прочь! Убей их! Это они убили моего короля! — И она направила на Азвера свой короткий острый кинжал.

— Нет, принцесса. Лебаннен улетел с драконом Ириан, но вот этот волшебник привел его обратно в наш мир. Дай-ка я его осмотрю. — И Азвер опустился возле короля на колени и немного повернул его к себе. Приложив руку ему к сердцу, он сказал: — Ему просто холодно, принцесса. Путь назад очень труден, и он устал. Обними его. Согрей.

— Я уже пробовала! — в отчаянии воскликнула Сесеракх, кусая губы. Она отшвырнула кинжал и склонилась над бесчувственным телом Лебаннена. — О мой бедный король! — Это она сказала на ардическом, хотя и очень тихо. — Мой дорогой, мой бедный король!

Азвер поднялся и сказал Заклинателю:

— Я думаю, что с ним все будет в порядке, Бранд. Теперь от нее куда больше пользы, чем от нас.

Заклинатель крепко взял его за плечо своей огромной рукой и сказал:

— А теперь спокойно.

— Что? Привратник? — спросил Азвер, бледнея и оглядывая поляну.

— Нет, он вернулся вместе с пальнийцем, — сказал Бранд. — Сядь, Азвер.

Путеводитель подчинился и сел на деревянный чурбачок, который старый Метаморфоз поставил здесь еще вчера, когда они все сидели кружком и спорили. Теперь ему казалось, что это было тысячу лет назад! Старики вечером вернулись в Школу, а потом... началась эта долгая ночь! Ночь, которая приблизила к ним ту каменную стену настолько, что уснуть означало попросту оказаться по ту ее сторону, и поэтому практически никто не спал. Никто, может быть, на всем острове Рок, а может быть, и на всех островах Земноморья... И только Олдер, который вел их... Азвер почувствовал, что его бьет дрожь и страшно кружится голова.

Гэмбл все пытался заставить его пойти в зимний домик и отдохнуть, но он отказывался. Говорил, что должен быть рядом с принцессой, чтобы служить ей переводчиком. И рядом с Тенар, чтобы защитить ее, подумал он, но вслух этого не сказал. Чтобы дать ей возможность выплакать свое горе. А вот Олдер со своим горем покончил. Он передал им и свое горе, и свою радость...

Из Школы явился Травник и засуетился вокруг Азвера, накинул ему на плечи зимний плащ. Азвер сидел, нахохлившись, на своем чурбачке, пребывая словно в каком-то лихорадочном полусне — никого не замечая, но чувствуя неясное раздражение от присутствия столь большого количества людей на его милой тихой поляне, — и смотрел, как солнечный свет, крадучись, прячется в листве деревьев. Его бодрствование, впрочем, было вознаграждено, когда сама принцесса подошла к нему, опустилась возле него на колени, заглянула в лицо с беспокойством и уважением и сказала по-каргадски:

— Лорд Азвер, король желает поговорить с тобой.

Она заботливо помогла ему встать, словно он вдруг превратился в глубокого старика. Он против ее помощи не возражал.

— Спасибо тебе, гаинба, — сказал он.

— Я еще не королева! — возразила она со смехом.

— Ты будешь ею, — заверил ее Путеводитель.

Прилив был высокий, как всегда в полнолуние, и «Дельфину» пришлось подождать, пока сойдет вода, чтобы пройти между Сторожевыми утесами. Тенар смогла высадиться в порту Гонт лишь ближе к полудню, а потом еще долго пришлось подниматься в гору, так что уже близился закат, когда она прошла по улице Ре Альби и свернула на знакомую тропинку, ведущую по краю утеса к дому.

Гед поливал капусту, которая, надо сказать, здорово подросла.

Заметив ее, он выпрямился и смотрел, как она идет к нему, как всегда, взглядом ястреба, чуть насупившись.

— Ага! — только и сказал он.

— Ах, мой дорогой! — воскликнула Тенар и пробежала последние несколько шагов, пока он, шагнув ей навстречу, не подхватил ее.

Ох как она устала! И была страшно рада просто посидеть с Гедом на крыльце, попивая отличное вино, сделанное Спарком, глядя, как заря ранней осени из красноватой становится золотистой, разливаясь над всем западным краем неба.

— Как же мне все сразу тебе рассказать? — озадаченно спросила она.

— А ты рассказывай задом наперед, — предложил он.

— Хорошо. Я попробую. Они хотели, чтобы я осталась еще, но я заявила им, что мне пора домой. Там еще состоялось заседание Совета, знаешь, Королевского. По поводу помолвки. Будет великолепная свадьба, и нас приглашали, но вряд ли я туда поеду. Ведь по-настоящему-то они уже поженились. Когда были обручены Кольцом Эльфарран. Нашим с тобой кольцом!

Гед посмотрел на нее и улыбнулся — своей широкой и очень доброй улыбкой, которой, как считала Тенар (хотя, может быть, она была и не права), никто, кроме нее, никогда больше на его лице не видел.

— Да? — подбодрил он ее. — А дальше?

— Лебаннен пришел и встал вот так, смотри: слева от меня, а Сесеракх — справа. И все мы стояли перед троном Морреда. И я высоко подняла Кольцо. В точности как когда мы привезли его в Хавнор, помнишь? Еще солнце тогда так ярко светило... Лебаннен взял Кольцо и поцеловал его и снова отдал мне. И я надела его на руку принцессы, и оно легко так наделось, а ведь Сесеракх — женщина довольно крупная! Ох, тебе бы посмотреть на нее, Гед! Какая она красавица, настоящая львица! Лебаннен встретил наконец достойную подругу... Ну и тут все закричали. А потом начались всякие праздники и тому подобное. И я смогла наконец уехать.

— Продолжай.

— Задом наперед?

— Да.

— Хорошо. А перед этим был Рок.

— Рок — это всегда непросто.

— Да уж.

Они помолчали, попивая красное вино.

— Расскажи мне о Путеводителе.

Она улыбнулась.

— Сесеракх называет его Воином. Она говорит, что только настоящий воин может влюбиться в дракона.

— Кто пошел за ним в сухую страну — в ту ночь?

— Он, как и все мы, последовал за Олдером.

— Ага? — сказал Гед с удивлением и явным удовлетворением.

— За Олдером пошли не только Мастера. И Лебаннен, и Ириан...

— И Техану.

Она промолчала.

— Она вышла из дома первой, — снова заговорила Тенар. — А когда вышла я, ее уж не видно было... — Она снова долго молчала. — А потом Азвер видел ее. На заре. Она парила на крыльях иного ветра!

Воцарилось молчание.

— И они все улетели. Больше не осталось драконов ни на Хавноре, ни на западных островах. Оникс сказал: раз темная страна и все, кто там находились, вновь воссоединились с миром света, то и драконы получили обратно свое царство.

— Итак, мы разрушили наш мир, чтобы сделать его целым, — *промолвил* Гед.

Она кивнула. Они снова долго молчали, потом Тенар сказала очень тихо:

— Путеводитель верит, что Ириан вернется в Рощу, если он позовет ее.

Гед ничего не сказал; они снова помолчали, и вдруг он воскликнул:

— Смотри-ка вон туда, Тенар!

Она посмотрела, куда он показывал, — в затянутую дымкой западную сторону морского простора.

— Если она прилетит, то только оттуда, — сказал Гед. — А если и не прилетит, то мы будем знать, что она там.

Тенар кивнула.

— Я знаю. — Глаза ее были полны слез. — Лебаннен спел мне одну песенку, когда мы плыли на корабле, возвращаясь в Хавнор. — Петь она не могла, она лишь прошептала слова: «О радость моя! Лети, будь свободна!..»

Гед отвернулся и долго смотрел на темный, поросший лесом склон горы.

— Скажи, — спросила Тенар, — а что ты делал, пока меня не было?

— За домом присматривал.

— А в лес ходил?

— Пока еще нет, но собираюсь, — сказал Гед.

СОДЕРЖАНИЕ

СКАЗАНИЯ ЗЕМНОМОРЬЯ. *Роман*

Предисловие 7

Искатель 16

Темная Роза и Диамант 149

Кости земли 190

На Верхних Болотах 215

Стрекоза 256

Краткое описание Земноморья 341

НА ИНЫХ ВЕТРАХ. *Роман*

Глава I. ТРЕСНУВШИЙ ЗЕЛЕНЫЙ КУВШИН 385

Глава II. ДВОРЦЫ 442

Глава III. СОВЕТ ДРАКОНОВ 498

Глава IV. «ДЕЛЬФИН» 543

Глава V. ВОССОЕДИНЕНИЕ 592

Литературно-художественное издание

Урсула Ле Гуин

СКАЗАНИЯ ЗЕМНОМОРЬЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *Н. Сгибнева*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Л. Эдвардса*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** *E-mail:* **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 28.02.2007.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 30,9.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7397.

ISBN 978-5-699-07249-1

9 785699 072491 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Урсулы

ЛЕ ГУИН

Ursula K. Le Guin

ISBN 978-5-699-07249-1

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН